
LADY
FANTASY
ДЕРЖАВА
БОГОВ
Н. К. Джемисин
Долгожданный невероятный финал
прославленной фэнтезийной трилогии!
АЗБУКА

Держава богов
Н. К. Джемисин

Аннотация
Н. К. Джемисин. Держава богов
Книга первая. Четыре ноги поутру
1
2
3
4
5
6
7
8
Книга вторая. Две ноги в полдень
9
10
11
12
Книга третья. Три ноги пополудни
13
14
15
16
17

18
Книга четвертая. Совсем без ног в полночь
19
20
21
22
23
Кода
Глоссарий
Еще не конец
Благодарности

Аннотация

Поработив богов – создателей царства смертных, Арамери правили две тысячи лет. Но недавно их жестокая власть ослабла, и невольники обрели свободу.

Наследница великого рода деспотов должна служить его интересам – и ради этого не щадить даже тех, кто ей дорог. Невозможно избежать этой участи, поскольку одни лишь Арамери стоят сейчас между миром и всепожирающей войной.

Смертная девушка и юный бог, влюбленные и враги. Смогут ли эти двое дать отпор силам тьмы? Ведь не только копившийся веками божественный гнев и таинственная новая магия угрожают вселенной. Еще есть Вихрь, чудовищная сущность, которой боятся даже боги.

Долгожданный невероятный финал прославленной фэнтезийной трилогии!

Н. К. Джемисин
Держава богов

N. K. Jemisin
THE KINGDOM OF GODS
Copyright © 2011 by N. K. Jemisin
All rights reserved

© М. Семёнова, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Книга первая
Четыре ноги поутру

«Ну вылитая Энефа», — подумал я, когда впервые увидел ее.

Нет, не сейчас, когда она стоит и дрожит в нише подъемника и отчаянный стук ее сердца барабанами отдается у меня в ушах. Ведь это не первая наша встреча. Последние несколько лет в безлунные ночи я время от времени выскальзывал из дворца, чтобы проверить, как там поживает наше «вложение», — благо в часы тьмы хозяева боятся Нахадота, а не меня. В общем, первый раз я ее увидел сущим младенцем. Я просочился сквозь окно в детскую, устроился на краю колыбельки и стал за ней наблюдать. Она смотрела на меня и тоже, кажется, наблюдала. Она уже тогда была необычайно тихой и серьезной. Другие дети беспечно исследуют окружающий мир, ее же постоянно заботит вторая душа, приникшая к ее собственной. Помнится, я все ждал, когда она сойдет с ума, и заранее чувствовал жалость — но ничего более.

Второй раз я посетил ее, когда ей было годика

два. Она очень сосредоточенно топала следом за матерью и сходить с ума совершенно не собиралась. Следующий раз я навестил ее в пять лет. Она сидела на коленях у отца и завороженно слушала его рассказы о богах, пребывая все еще в здравом рассудке. Когда ей было девять, она оплакивала отца, и я это видел. К тому времени стало полностью ясно, что с головой у нее все было — и дальше будет — в полном порядке. В то же время не оставалось сомнений, что душа Энефы влияла на нее. И дело не только во внешности. Достаточно посмотреть на то, как она убивала. Я видел, как она выкарабкалась из-под трупа своего первого противника, задыхаясь, вся в грязи и крови, сжимая окровавленный каменный нож. Ей было всего тринадцать лет, но я не ощутил никаких токов ужаса от нее — а я бы их непременно учуял, ведь ее сдвоенная душа усиливала голос сердца. На лице девочки читалось лишь удовлетворение, а сущность ее дышала очень знакомым холодом. Женщины из совета воительниц, ожидавшие, что она будет страдать, смущенно и обеспокоенно переглядывались. Ее мать наблюдала из-за круга старух, из темного уголка. Она улыбалась…

Тогда-то я и полюбил ее. Совсем чуточку.

И вот я тащу ее по моим мертвым простран-

ствам, которые никогда не являл другому смертному; со временем я покажу ей ту часть моей души, которую позволяет открыть эта смертная оболочка. (Я бы взял ее в мое царство, показал свою истинную душу, будь это возможно.) Мне нравится то изумление, с каким она ходит среди моих игрушечных мирков. Она говорит, что они прекрасны. Я буду плакать, когда она умрет ради нас.

А потом ее обнаруживает Наха. Смех и грех! Мы с ним, два бога, самые древние и могущественные существа в этом мире — и оба рассиропились из-за потной и сердитой смертной девчушки! И дело, говорю вам, не в ее внешности. Точнее, не только в ней. И даже не в ее свирепости, не в тотчас вспыхнувшей материнской привязанности, даже не в ее мгновенной готовности нанести разящий удар. Она больше чем Энефа, потому что Энефа никогда меня так не любила. Потому что Энефа никогда не выказывала такой страсти ни в жизни, ни в смерти. Удивительно, но юная душа каким-то образом повлияла на древнюю, облагородив ее.

Она выбрала Нахадота. Я не так уж и расстроился. Она ведь и меня тоже любит — по-своему. И я ей благодарен.

А когда все завершилось, и произошло чудо, и она стала богиней (снова)… Я плачу. Я счастлив.

Но как же мне одиноко…

1

Плутишка, плутишка
С неба стибрил солнце.
Может, покататься?
Где ж ты его спрятал?
Там, внизу, у речки!

В этой истории никакого плутовства не будет. Это я вам заранее говорю, чтобы вы не волновались, ожидая подвоха. Если вы не будете поминутно шарахаться, опасаясь сесть в лужу, то станете внимательней слушать. И в конце вам не придется неожиданно выяснить, что я все время обращался к своей другой душе или делал из своей жизни нечто вроде колыбельной для чьего-то еще не рожденного отродья. Мне такие приемы кажутся неискренними, поэтому я просто расскажу эту историю — так, как я ее прожил…

Хотя погодите-ка! Это ведь не настоящее начало. Время всех раздражает, но оно же членит сущее и задает ему ритм… Ну что, мне рассказывать так, как принято у смертных? Ладно, пусть все будет последовательно. И ме-е-едленно. Для вас ведь так важны обстоятельства.

Так вот, начала… Они не всегда то, чем кажутся. Природа состоит из циклов, законов, повторений, но нам удобнее верить — это, в смысле, начала всех начал, — что некогда существовал только Вихрь, непознаваемый и неисповедимый. Шли никем не сосчитанные эпохи (ведь никого из нас там еще не было, чтобы их сосчитать), и все это время Вихрь извергал субстанции, замыслы, существ. Иные из них, вероятно, были великолепны — не зря же Вихрь в Своем вращении по сей день с закономерной случайностью производит новую жизнь? И многие Его творения воистину чудесны. Но большинство из них существуют всего одно-два мгновения, после чего либо Вихрь снова рвет их на части, либо они умирают от моментально наступившей старости, а некоторые проваливаются внутрь себя и сами становятся крохотными вихрями, постепенно втягиваясь обратно в Его хаос.

Но однажды Вихрь сотворил нечто, не изведавшее смерти. Это создание примечательным образом походило на сам Вихрь — необузданное, клубящееся, вечное и непрерывно изменчивое. Тем не менее новое создание было достаточно упорядоченным для того, чтобы мыслить, чувствовать и сосредотачиваться на своем выжи-

вании. Последнее и привело к тому, что создание первым делом постаралось убраться как можно дальше от Вихря.

Однако там перед новой сущностью встал ужасающий выбор, поскольку вдали от Вихря во вселенной не было вообще ничего. Ни людей, ни пространств, ни места, ни измерений, ни тьмы. Ничто не существовало!

Подобного не мог выдержать даже бог. И тогда Нахадот — так мы будем его называть, потому что это красивое имя; и еще мы будем для удобства считать его мужчиной, хотя это сразу лишает его завершенности и полноты, — так вот, Нахадот без промедления взялся творить сущее. Как? А он просто сошел с ума и сам себя растерзал.

И это сработало просто замечательно. Отныне Нахадота окружала бесформенная безграничность изначальной материи, существовавшей отдельно от него. Постепенно она начала обретать структуру и цель, просто как побочный эффект наличия массы, но лишь малая часть этого процесса могла идти сама по себе. Подобно Вихрю, первоматерия клубилась, выла и грохотала, но в отличие от Вихря она никоим образом не была живой.

Однако это была самая ранняя форма вселен-

ной и окутывающего ее царства богов. Если вдуматься, это было превеликое чудо, чего Нахадот, скорее всего, не замечал, потому что был бормочущим всякую чушь безумцем. Поэтому оставим его и вернемся к Вихрю.

Я склонен считать, что Он разумен. Я думаю, со временем Вихрь заметил горе и одиночество Своего порождения. И тогда Он изверг еще одну сущность, наделенную разумом и также сумевшую покинуть породивший Его хаос. Этот второй — а вот он-то уж изначально и навеки был токмо и единственно мужчиной — назвал себя Блистательным Итемпасом, ибо он тогда уже был заносчивым и высокомерным паршивцем. А поскольку Итемпас еще и порядочный недоумок, он тут же напал на Нахадота, который… Короче, Наха в те времена вряд ли был хорошим собеседником. Да какое там, они вообще говорить не умели, ведь происходило это до того, как была изобретена речь.

Так вот, они схватились и стали драться. И длительность их битвы просто посрамляет самые громадные цифры, доступные пониманию человечества. Наконец кто-то первым устал от бесконечного сражения и предложил перемирие. Каждый из них теперь утверждает, что сделал это

именно он, и не мне судить, кто говорит правду.

Но, прекратив бой, чем-то они должны были заниматься? Тем более что, кроме них, других живых существ во вселенной не наблюдалось. И они стали любовниками. Нам важнее всего то, что по ходу дела — сперва война, потом любовь, которая от войны не слишком-то отличалась, — они очень мощно воздействовали на бесформенное скопище вещества, порожденного Нахадотом. Вселенная сделалась куда упорядоченней и целесообразней. И все было хорошо еще одно Очень Долгое Время.

А потом появилась Третья — женское существо по имени Энефа, и следовало ожидать, что вот теперь-то воцарятся спокойствие и порядок, ведь, куда ни глянь, три гораздо основательней и устойчивей двух. И в течение некоторого времени так оно и было. Теперь сущее могло по праву называться вселенной, а Трое стали семьей, потому что в характере Энефы было придавать значимость всему, к чему она прикасалась.

И я был первым из превеликого множества их детей.

Итак, была вселенная, а в ней — отец, мать и еще Наха и несколько сот детей. А также, полагаю, наш, так сказать, дедушка, прародитель Вихрь,

если можно считать Его таковым, имея в виду, что Он всех нас уничтожит, если мы не остережемся. Еще появились смертные, созданные Энефой. Думаю, они были у нее чем-то вроде домашних любимцев: как члены семьи, но не совсем. Их балуют, строго воспитывают, любят и оберегают от неприятностей, держа в самой удобной клетке, на необременительном поводке. Мы их убивали, только когда другого выхода не было.

Ну так вот… Со временем все пошло наперекосяк, но к тому моменту, когда все это началось, кое-что удалось исправить. Моя мать умерла, но ей стало лучше. Нас с отцом заточили в неволю, но мы отвоевали свободу. Мой другой отец так и остался убийцей и вероломным поганцем, и этого ничто и никогда не изменит, какое бы наказание он ни понес… В общем, Трое никогда больше не смогут вновь стать едины; хотя все они живы и даже большей частью пребывают в здравом уме. То есть в нашей семье возникла больная, незаживающая пустота. Мы бы ее, пожалуй, не выдержали, да только уже приходилось выдерживать нечто и похуже.

Вот тогда-то моя мать и решила взять дело в свои руки.

Однажды я последовал за Йейнэ, когда она ре-

шила отправиться в смертный мир, облачилась в плоть и появилась в заплесневелой гостиничной комнате, снятой Итемпасом. Они переговорили, обменявшись глупостями и предупреждениями, в то время как я бестелесно таился в нише тишины и шпионил за ними. Хотя Йейнэ могла и заметить меня — с ней мои штучки редко проходили. Но если и заметила, ей было все равно. Хотел бы я знать, что это означало.

Ибо тогда-то и настал момент, которого я с ужасом ждал. Она посмотрела на него, то есть по-настоящему вгляделась.

— Ты изменился, — сказала она.

— Еще недостаточно, — возразил он.

— Чего ты боишься?

И на это он, конечно, не ответил, ибо не в его природе признавать такое.

— Ты стал сильнее, — заметила Йейнэ. — Похоже, она пошла тебе на пользу.

Он не переменился в лице, но его гнев заполнил всю комнату.

— Да, — сказал он. — Именно так.

Повисла очень напряженная тишина, а меня охватила надежда. Понимаете, Йейнэ — лучшая среди нас, у нее бездна здравого смысла, унаследованного от смертных, и собственная

несравненная гордость. Уж она-то не должна была уступить! Но мгновение минуло, она вздохнула, и вид у нее стал пристыженный. И вот что она сказала:

— Мы… мы поступили неправильно, забрав ее у тебя.

Вот и все. Вот такое признание. Последовало молчание, тянувшееся целую вечность, и, пока оно длилось, он ее простил. Я почувствовал это так же верно, как всякое смертное существо узнает, что солнце взошло. И тогда он простил сам себя — за что, точно не знаю, а угадывать не смею. Но и это почувствовалось с полной определенностью. Он вдруг словно стал выше и как-то спокойней и сбросил маску высокомерия, за которой прятался с момента появления Йейнэ. Она смотрела, как рушилась его броня и как возникал перед ней прежний Итемпас. Тот, что некогда склонил на свою сторону ее возмущенную предшественницу, приручил неукротимого Нахадота, дисциплинировал неимоверный выводок своенравных боженят, изваял из ткани вселенной и время, и тяготение, и еще массу дивных вещей, делающих жизнь не просто возможной, но и исключительно интересной. Его — такого — совсем нетрудно любить. Я-то знаю.

В общем, я ее не виню, правда. За то, что она меня предала.

Но насколько мучительно было наблюдать, как она подошла к нему и коснулась его губ. Если судить по лицу, ее изумил блеск его истинной сущности. (Как легко она подпала под его очарование! И когда только стала такой слабой? Чтоб ей провалиться в ее же туманные преисподние!)

— Не знаю даже, зачем вообще сюда пришла, — сказала она, слегка нахмурившись.

— Никто из нас еще не мог удовольствоваться лишь одним возлюбленным, — с грустной улыбкой проговорил Итемпас, словно понимал, насколько недостоин быть для нее желанным. Тем не менее он взял ее за плечи и притянул к себе, и их губы соприкоснулись, а их сути смешались… И я их возненавидел. Ненавидел и презирал. Как он посмел забрать ее у меня? Как смеет она любить Итемпаса, когда я его еще не забыл? Как они посмели бросить Наху одного, когда он так страдал? Я ненавидел и любил их, и одним богам ведомо, как я хотел быть сейчас с этой парой, ну почему я не могу быть одним из них, это неспра…

Нет-нет. Нытье — дело бессмысленное. Вот распустил нюни и ни капельки не почувствовал

себя лучше. Потому что Троим нипочем не стать Четырьмя. И даже когда вместо Троих осталось лишь Двое, богорожденный не мог занять место бога. Да, сердце у меня в тот момент разрывалось, но по моей же вине. Я желал того, чего не мог получить.

Когда я больше не мог выносить их счастья, я сбежал. В то место, которое в моем сердце не уступало Вихрю. В единственное место царства смертных, которое я когда-либо называл домом.

Я сбежал в свою личную преисподнюю… под названием Небо.

Воплотившись, я сидел и дулся на самом верху Лестницы в никуда. Там-то меня и нашли дети. Смертным свойственно думать, будто у нас, богов, все предусмотрено, так вот, отвечаю: это был чистой воды случай.

Это была занятная парочка. Шести лет — я здорово угадываю возраст смертных, — ясноглазые и умненькие, как и положено детям, у которых в достатке еды, полно места, чтобы носиться, и хватает всяких забав, развивающих душу. Мальчишка, темноглазый, темнокожий и темноволосый, был рослым для своего возраста и молчаливо-серьезным. Девочка — светловолосая, зеленоглазая, бледнокожая, очень внимательная.

В общем, прехорошенькие. Богато одетые. И оба — маленькие тираны. Есть подобная склонность у Арамери в этом возрасте.

— Ты нам поможешь, — довольно-таки высокомерно заявила девчонка.

Я невольно посмотрел на их лбы, у меня в животе аж все сжалось — вот сейчас цепи рванут! Вот сейчас больно хлестнет магия, с помощью которой они когда-то нами управляли! Лишь с запозданием я вспомнил, что цепи давно исчезли — осталась лишь привычка противостоять им до последнего. Тьфу, пропасть!.. А знаки на их лобиках были кругами, означающими чистокровное родство, но кругами незаполненными, всего лишь контурами. Просто окружности из нескольких пересекающихся витков заклятия, нацеленного не на нас, а в целом на окружающий мир. Защита, отслеживание… Короче, обычный набор чар для обеспечения безопасности. Ничего, что силой принуждало бы к повиновению — ни мной, ни ими.

Я смотрел на девочку, разрываясь между смехом и изумлением. Ясное дело, она не имела ни малейшего представления о том, кем — или чем — я был. Мальчик выглядел не так уверенно. Он смотрел то на нее, то на меня и помалкивал.

— Мелочь Арамери сбежала от взрослых, — протянул я. Кажется, моя улыбка ободрила мальчика, но привела в ярость девочку. — Кому-то здорово влетит за то, что позволил вам наткнуться на меня.

Тут они испугались, и я все понял: детки-то заблудились. Мы были в самой нижней части дворца, на тех уровнях под основной громадой Неба, куда никогда не дотягивается солнце. Прежде здесь обитали ничтожнейшие из дворцовых слуг, но теперь их не было. Полы и декоративную лепнину вокруг покрывала толстая пыль, и, если не считать этой парочки, смертных нигде поблизости не наблюдалось. Сколько времени ребята бродят тут в одиночку? Усталые, напуганные, чуть ли не отчаявшиеся…

Свое несчастное состояние они попытались скрыть под маской воинственности.

— Ты объяснишь нам, как выбраться на верхние этажи, — заявила девчонка. — Или отведешь нас туда. — Подумала, вздернула подбородок и добавила: — Сделай это немедленно, или тебе не поздоровится!

Я не выдержал и расхохотался. Просто все идеально совпало: и ее жалкая попытка явить надменную властность, и чрезвычайное неве-

зение, выведшее их прямо на меня… все сразу. Некогда пигалицы вроде нее превращали мою жизнь в ад, гоняя меня приказами туда и сюда и гадко хихикая, а я буквально корчился, но вынужден был повиноваться. Сколько лет я с ужасом ожидал очередной истерики очередного капризного Арамери! Теперь же я был свободен и видел ее такой, какой она была на самом деле, — напуганным маленьким существом, пытающимся подражать манерам родителей. Мысль о том, чтобы попросить желаемое, была ей так же чужда, как и умение летать.

И разумеется, когда я рассмеялся, она надулась, уперла руки в бока и выпятила нижнюю губу именно так, как мне всегда нравилось в детях. (Когда так поступают взрослые, это меня бесит, и я их за это убиваю.) Ее братец, поначалу казавшийся добрее и мягче характером, тоже начал злиться. Нет, что за прелесть! Недаром я всегда так любил мелюзгу.

— Ты должен делать то, что мы велим! — топнула ножкой девочка. — Ты нам поможешь!

Я смахнул невольную слезинку и удобнее прислонился к лестничной стенке, силясь отдышаться от смеха.

— Вы сами отыщете путь в свой долбаный

дом, — сказал я, продолжая улыбаться. — И считайте, что вам повезло: вы слишком славные, чтобы вас убивать.

Тут они быстренько захлопнули рты и уставились на меня скорее с любопытством, чем со страхом. Потом мальчик (я уже начал подозревать, что он если и не сильней сестры, то умнее) прищурился.

— На тебе нет метки, — указал он на мой лоб.

Девочка тоже это заметила и удивленно вздрогнула.

— Ага, нет, — согласился я. — Подумать только!

— Так ты не… Значит, ты не Арамери?

Он так сморщился, словно только что произнес несусветную бессмыслицу. «Глокая куздра штеко будланула бокра…»

— Нет. Я не Арамери.

— Так ты новый слуга? — спросила девочка, от удивления забывшая сердиться. — Только что пришел в Небо снаружи?

Я заложил руки за голову и вытянул ноги.

— Вообще-то, я совсем даже не слуга.

— А одет как слуга, — указал пальцем мальчик.

Я удивленно взглянул на себя и понял, что на мне одежда, какую я обычно носил в плену:

свободные штаны (в таких бегать удобно), прохудившиеся башмаки и обычная просторная рубашка. Все белого цвета. Ах да, вы, быть может, не знаете: в Небе только слуги каждый день облачаются в белое. Высокорожденные так поступают лишь по особым случаям, а в обычные дни предпочитают яркие цветные наряды. Вот и стоявшая передо мной малолетняя парочка была одета в изумрудно-темно-зеленое. Девчонке — как раз к глазам, да и мальчику весьма шло.

— А-а, вот вы о чем, — сказал я, недовольный, что угодил в ловушку старой привычки. — Ну так вот, я все равно не слуга. Уж поверьте на слово.

— И ты не из теманской делегации, — продолжил мальчик. Он говорил медленно, а в глазах отражалась стремительная работа мысли. — У них единственным ребенком был Датеннэй, и вообще они уже три дня как уехали. И одеты были по-темански. Везде металлические нашивки, а волосы вьющиеся…

— Верно, я и не теманец, — снова заулыбался я, ожидая дальнейших предположений.

— Но ты похож на теманца, — вставила девочка. Она мне явно не верила и показала на мою голову. — Волосы у тебя почти не вьются, глаза пристальные и не раскосые, а кожа темней, чем

у Деки…

Я покосился на мальчика, которому явно не понравилось такое сравнение. И я понимал почему. Хотя у него на лбу и красовалась окружность, свидетельство чистокровного родства, было совершенно очевидно: кто-то, скажем так, протащил неамнийские сласти на пир его происхождения. Я, пожалуй, счел бы его выходцем с Дальнего Севера — хоть и знал, что такое решительно невозможно. Черты лица у него в целом были вытянутые, амнийские, но вот волосы — черней тьмы Нахадота и прямые, как раздуваемая ветром трава. А глубокая смуглость кожи не имела никакого отношения к загару. Я видел, как младенцев с подобной внешностью топили, обезглавливали, сбрасывали с Пирса… Или помечали как низкородных и отдавали на воспитание слугам. И ни один из таких не был удостоен метки чистокровного.

Зато у девочки какие-либо чужеземные черты отсутствовали начисто. Хотя погодите-ка. Есть, хотя и еле заметные. Полнота губ, угол скул, да и волосы отливают скорей желтой медью, а не солнечным золотом. В глазах амнийцев подобные черты составили бы, скорее, «интересную» особенность, щепотку экзотики без неприятного

политического багажа. Не будь при ней братца, никому бы и в голову не пришло, что кровь у нее тоже с подмесом.

Я снова перевел взгляд на мальчика и увидел в его глазах настороженность и тревогу. Ну конечно. Его жизнь, вероятно, уже начали превращать в ад.

Пока я над этим размышлял, дети шепотом заспорили, на какую из смертных рас я больше похож. Я, конечно, слышал каждое слово, но из вежливости притворялся глухим. Наконец мальчик этаким «страшным» голосом произнес:

— По-моему, он вообще не теманец…

И по его тону я понял: паренек начал подозревать, кто я на самом деле такой.

Они совершенно одинаковым движением подняли головы и вновь уставились на меня.

— Неважно, слуга ты или нет, теманец или еще кто, — заявила девочка. — Только мы все равно чистокровные, а это значит, ты должен делать, что мы велим.

— Не должен, — сказал я.

— А вот и должен!

— А ты меня заставь, — зевнул я и закрыл глаза.

Они снова замолчали, и я ощущал их испуг. Я

мог бы над ними сжалиться, но уж больно происходящее меня забавляло. Через какое-то время я почувствовал движение воздуха и тепло. Открыл глаза и увидел, что мальчик присел рядом со мной.

— Почему ты не хочешь нам помочь? — спросил он с искренним непониманием в голосе, и я чуть не размяк под взглядом больших темных глаз. — Мы целый день тут, внизу, бродим, уже все бутерброды съели. А как вернуться, не знаем.

Вот проклятье! Никогда не мог устоять перед милыми и сообразительными детьми.

— Ну ладно, — сказал я, смягчаясь. — Куда вы пытаетесь попасть?

Мальчик прямо просветлел:

— К сердцу Мирового Древа! — Однако радость тут же угасла. — Ну, по крайней мере, мы туда хотели добраться. А сейчас нам бы просто домой…

— Бесславный конец великого приключения, — кивнул я. — Только, знаешь, вы все равно бы ничего не нашли. Мировое Древо было создано Йейнэ, Матерью Жизни: его сердце — ее сердце. Даже если бы вы увидели кусок древесины из самой сердцевины Древа, это не имело бы никакого значения.

— А-а, — протянул мальчик, и его плечи поник-

ли. — Ее-то мы не знаем, как и искать…

— А вот я знаю, — сказал я, и тут настал мой черед сгорбиться, ибо я вспомнил, что загнало меня в Небо. Может, они до сих пор были там вместе — она и Итемпас? Ну да, он теперь смертный, и силы у него тоже почти как у смертного, но она могла восстанавливать их по своему желанию — снова и снова, пока ей хотелось. Как же я ее ненавидел! (Нет, не по-настоящему. Да, по-настоящему! Нет, не по-настоящему…) — А вот я знаю, — повторил я. — Правда, толку вам с этого будет немного. Нынче у нее других забот хватает. Совсем нет времени ни на меня, ни на прочих ее детей.

— Так она твоя мать? — Мальчик выглядел удивленным. — Тогда она вроде нашей матери. Ей тоже вечно не до нас. А твоя родительница тоже глава семьи?

— Ну да. В некотором роде. Она, правда, совсем недавно в семье, отчего и возникают всякие неловкости. — Я снова вздохнул, и по Лестнице в никуда, уходящей в тень у нас под ногами, покатилось эхо. Во времена, когда мы с другими Энефадэ создавали эту версию Неба, мы устроили винтовую лестницу, ведущую в никуда: двадцатью футами ниже она кончалась тупиком, упираясь в стену. Тот день выдался особенно

долгим: архитекторы препирались между собой, и нам стало скучно. — Немного смахивает на жизнь с мачехой, — пояснил я. — Представляешь, каково это?

Мальчик задумался. Девочка присела на ступеньку подле него.

— Ну, мачеха — это как госпожа Мьёлл из Агру, — сказала она брату. — Помнишь, нам на уроках генеалогии объясняли? Теперь она замужем за герцогом, но дети у него от первой жены. Та первая жена — это мать, а госпожа Мьёлл — мачеха. — Она посмотрела на меня, ожидая подтверждения. — Как-то так, правильно?

— Ага, как-то так, — сказал я, хотя не знал и знать не хотел, кто такая эта госпожа Мьёлл. — Йейнэ у нас вроде королевы, но и наша мать тоже.

— И она тебе не нравится? — спросили дети хором, а в глазах светилось куда больше понимания, чем следовало бы.

Обычная схема у Арамери: родители воспитывают детей, которые, взрослея, устраивают заговоры с целью их убийства. И тут, похоже, все шло к тому же.

— Нет, — тихо проговорил я. — Я ее очень люблю. — Ибо я действительно ее любил, даже когда

ненавидел. — Больше, чем свет, тьму и жизнь. Она — мать моей души.

— Но тогда… — Девочка нахмурилась. — Почему ты такой грустный?

— Потому что любви недостаточно. — Сказав так, я замолчал, оглушенный справедливостью вырвавшихся слов. Да, вот она, истина, которую они помогли мне осознать. Смертные дети иногда бывают очень мудры, хотя, чтобы понять это, нужен очень внимательный слушатель. Или бог. — Мать любит меня. И по крайней мере один из моих отцов меня любит, и я их тоже. Но этого недостаточно. Этого уже недостаточно. Мне нужно нечто большее. — Я застонал и обхватил руками колени, уткнувшись в них подбородком. Я любил ощущение костей и плоти, знакомое, как укрывающее от бед одеяло. — Вот только что? Что мне нужно? Сам не пойму, только чувствую — все не так. Во мне что-то меняется.

Наверное, я показался им сумасшедшим. Может, я и был сумасшедшим. Все дети немного безумны. Я почувствовал, как они переглянулись.

— Э-э-э… — протянула девочка. — Ты сказал… один из твоих отцов?

— Да, — вздохнул я. — У меня их двое. Один все-

гда был рядом, когда я в нем нуждался. Я плакал из-за него и убивал ради него.

Вот бы знать, где он сейчас, когда его родственники обратились друг к дружке? Он ведь не Итемпас, он приемлет перемены, вот только от боли это его не ограждает. Может, он несчастен? Если явиться к нему, раскроет ли он мне свое сердце? Нужен ли я отцу?..

Меня встревожило, что я об этом гадал.

— Ну а другой отец… — Я глубоко вздохнул и поднял голову, положив сложенные руки на колени. — Честно говоря, мы с ним никогда особо не ладили. Слишком разные были. Он такой из себя весь правильный и прямой, а я разгильдяй. — Я искоса взглянул на них и улыбнулся. — Вроде вас.

Они заулыбались в ответ, приняв это за почетный титул.

— А у нас совсем отцов нету, — сказала девочка.

— Ну, кто-то же вас сделал? — Я удивленно приподнял брови, ибо смертные еще не освоили искусство производить маленьких смертных самостоятельно.

— Неважно кто, — сказал мальчик и небрежно отмахнулся.

Я решил, что этот жест он подсмотрел у своей родительницы.

— Матери нужны были наследники, — пояснил он, — а замуж она не хотела, вот и выбрала кого-то, кто показался ей подходящим, и родила нас.

— Понятно. — Я не особенно удивился: практичности у Арамери всегда хватало. — Ладно, если хотите, забирайте моего второго папашу. Мне он без надобности!

— Но он же твой родитель! — хихикнула девочка. — Он не может быть нашим!

Возможно, этому самому родителю она ежевечерне молилась.

— Еще как может, — сказал я. — Правда, не знаю, полюбите ли вы его больше, чем я. Он, вообще-то, немного мерзавец. Не так давно мы с ним здорово разругались, и он от меня отказался, хотя сам был не прав. Ну и пусть проваливает!

— И ты совсем-совсем по нему не скучаешь? — нахмурилась девочка.

Я уже открыл рот, чтобы сказать: «Конечно нет», но тут же сообразил, что скучаю, да еще как.

— Дерьмо демонское, — пробормотал я.

Они дружно ахнули и захихикали, обрадованные таким переулочным красноречием.

— Может, тебе стоило бы с ним повидаться? — спросил мальчик.

— Вот еще!

Смуглое личико обиженно сморщилось.

— Ну и глупо. Конечно стоило бы! Он по тебе, может, скучает!

Я сдвинул брови: мысль была слишком дикая, чтобы просто так отмахнуться.

— Чего-чего?..

— Ну, разве отцы не такие? — Он понятия не имел, на что способны отцы. — Они тебя любят, даже если ты их и не любишь. Скучают по тебе, когда ты уходишь.

Я сидел молча, испытывая совершенно ненужное смятение чувств. Видя это, мальчишка потянулся ко мне, помедлил… и тронул мою руку. Я изумленно уставился на него.

— Может, тебе нужно радоваться, — сказал он. — Когда все плохо, а что-то начинает меняться, это же хорошо? Это значит, что все станет лучше.

Я смотрел на этого малыша Арамери, который выглядел совсем не как Арамери и, не исключено, раньше срока из-за этого умрет. Смотрел и чувствовал, как глубоко внутри меня ослабевает тугой узел отчаяния.

— Оптимист Арамери, — пробормотал я. — Откуда ты такой взялся?

К моему изумлению, оба ощетинились. Я тотчас понял, что задел нерв, и даже сообразил, какой именно, когда девчушка вздернула подбородок:

— Он отсюда, из Неба, как и я!

Мальчик опустил глаза, и я услышал вокруг него отголоски оскорбительных шепотков: иные произносились детскими голосами, другие отягощала взрослая злоба. «Откуда ты такой взялся, какой-то варвар по ошибке забыл или демон обронил по пути в преисподнюю, потому что боги знают, что тебе тут не место!»

Я увидел шрамы, оставленные на его душе подобными разговорами. Мне даже полегчало; он заслуживал чего-нибудь в качестве возмещения. Я тоже коснулся его плеча и наделил своим благословением: пусть отныне слова будут всего лишь словами, пусть у него хватит сил противостоять им, а на языке найдется несколько замечательных ответов — на будущее.

Он удивленно моргнул и застенчиво улыбнулся. Я улыбнулся в ответ.

Девочка, поняв, что я не хотел причинить ничего плохого ее братику, тоже успокоилась. Силой желания я благословил и ее — хотя она в этом

вряд ли нуждалась.

— Меня зовут Шахар, — сказала она, потом вздохнула и пустила в ход свое главнейшее оружие — вежливость. — Объясни нам, пожалуйста, как добраться домой.

Ого, вот это имечко! Бедная девочка. Хотя, надо признать, оно ей шло.

— Легко. Вот смотри… — Я заглянул ей в глаза и сообщил знание дворца, которое сам копил на протяжении множества людских поколений. (Только о закоулках лишних пространств не стал ей ничего сообщать. Это было мое!)

Девочка вздрогнула и уставилась в мои глаза. Не знаю, может, я на время приблизился к своему кошачьему обличью. Смертные обычно замечали, как менялись глаза, хотя менялись не только они. Ну ладно, я восстановил круглые человеческие зрачки, и она успокоилась. И тотчас ахнула, обнаружив, что отлично представляет дорогу домой.

— Ух ты, какой фокус! — сказала она. — Только писцы красивее делают!

Я чуть не возразил ей: «Да писец бы тебе голову расколол, попытайся он сделать то же, что я сейчас совершил!» Но смолчал, потому что она была смертная, а смертным свойственно предпочитать

сути показной блеск. И еще потому, что это было не важно. А девочка удивила меня еще больше: она выпрямилась и поклонилась мне в пояс.

— Благодарю тебя, господин, — сказала она. И, пока я таращился на нее, поражаясь новшеству благодарности от Арамери, она вновь напустила на себя прежний надменный вид. Вообще-то, он ей не очень шел. Будем надеяться, скоро она и сама это поймет. — Не соблаговолишь ли назвать свое имя?

— Сиэй, — представился я, но на их лицах не отразилось и тени узнавания.

Я подавил вздох.

— А это Декарта, — кивнула она и указала на брата.

Да уж, только этого не хватало. Я покачал головой и встал.

— Ладно, я потратил на вас достаточно времени. Да и вам пора уже домой.

Я чувствовал, как во внешнем мире, за пределами дворца, садилось солнце. На миг я даже прикрыл глаза, ожидая знакомого восхитительного сотрясения, отмечавшего ежевечерний возврат моего отца в земной мир, но, конечно же, не дождался. Я даже ощутил мимолетное разочарование.

Зато дети так и подпрыгнули.

— Ты часто приходишь сюда поиграть? — с большой надеждой поинтересовался мальчик.

— Ах вы, одинокие щеночки, — проговорил я со смехом. — Неужели вам никто не объяснял, что нельзя разговаривать с незнакомцами?

Ясное дело — никто. Они переглянулись с тем особым полным взаимопониманием, которое безо всякой магии имеется у двойняшек, и мальчик, сглотнув, обратился ко мне:

— Ты возвращайся, ладно? Если придешь, мы с тобой поиграем…

— Правда? — Я подумал, что действительно очень давно не играл.

Слишком давно. Посреди нынешних треволнений я даже стал забывать, кто я такой. Что ж, пора отбросить волнения, больше не переживать из-за ужасно важных дел и заниматься тем, что нравится. Меня, как и всех детей на свете, так легко соблазнить.

— Значит, договорились, — сказал я им. — Конечно, если ваша матушка не запретит… — Это однозначно гарантировало, что они ей ничего не скажут. — Тогда я вернусь на это место в этот же день — через год.

— Через год? — воскликнули они одновремен-

но и с совершенно одинаковым ужасом.

— Время пролетит так быстро, что вы и не заметите, — пообещал я, вставая и потягиваясь. — Точно ветерок над весенним лугом в солнечный день.

А интересно будет их снова увидеть, решил я. Хотя бы потому, что они совсем маленькие. Есть еще время, прежде чем они пропитаются той же дрянью, что и прочие Арамери. Я уже успел немножко их полюбить и поэтому отчасти расстроился: ведь тот день, когда они станут истинными Арамери, скорее всего, станет днем, когда я их убью. Но до тех пор я могу наслаждаться общением с невинными существами.

И я шагнул прочь — из этого мира.

Через год я, потягиваясь, выбрался из своего гнезда и вновь шагнул сквозь пространство, чтобы возникнуть наверху Лестницы в никуда. Было еще рановато, и я стал забавляться: создал несколько маленьких лун и принялся гоняться за ними по ступенькам. Так что, когда пришли дети и заметили меня, я уже запыхался и взмок.

— А мы знаем, что ты такое, — тут же выпалил Дека, подросший, как я заметил, на добрый дюйм.

— Что, правда? Ой!

Луна, с которой я играл, попыталась удрать, метнувшись как раз к детям, поскольку они стояли у выхода в коридор. Я быстренько отправил ее восвояси, не позволив сделать в ком-нибудь из них дырку. Потом я улыбнулся, шлепнулся на пол, раскинув ноги пошире, — надо было перевести дух.

Дека присел на корточки подле меня:

— Почему ты так тяжело дышишь?

— Смертное царство — живем по правилам смертных, — пояснил я, очерчивая рукой круг. — У меня внутри легкие, я дышу, вселенная довольна, всем хорошо…

— Но ты хотя бы не спишь… или как? Я слышал, богорожденные не спят. И есть им не надо.

— Я все это могу, если мне хочется. Другое дело, есть и спать не больно-то интересно, так что этим я редко занимаюсь. Но когда пренебрегаешь дыханием, это выглядит довольно странно, и смертные начинают беспокоиться. Поэтому я дышу.

Он вдруг ткнул меня в плечо. Я с удивлением посмотрел на него.

— Я просто проверял, всамделишный ли ты, — сказал Дека. — В книге сказано, ты можешь выглядеть как угодно.

— Вообще-то, могу, — согласился я, — но любой облик будет реальным.

— Там написано, что ты можешь превратиться в огонь…

Я рассмеялся:

— И он тоже будет вполне реальным.

Он снова толкнул меня, и его мордочка начала расплываться в застенчивой улыбке. Мне нравилось, как он улыбался.

— Но вот с огнем я такое не смог бы проделать, — сказал он. И ткнул меня в третий раз.

— Эй, полегче, — возразил я и сделал ему страшные глаза, но не вполне серьезно. Он это понял и снова пихнул меня.

Тут я накинулся на него и принялся щекотать — ну не могу я устоять, когда меня вот так приглашают в игру. Мы стали возиться и бороться, он вырывался и верещал, грозился прямо сейчас описаться, если я не перестану, а потом высвободил руку и тоже взялся меня щекотать, и получилось у него так здорово, что я свернулся в клубок, чтобы спастись. Ощущения были как под хмельком. Или, еще лучше, как в одном из только что созданных райских царств Йейнэ — так славно и здорово, сплошная радость и развлечение. Как же мне нравится быть богом!

Но бочку меда испортила ложечка дегтя. Подняв голову, я увидел, что сестра Деки стоит на прежнем месте, переминаясь с ноги на ногу и усердно делая вид, будто совсем не желает к нам присоединиться. Ну конечно, кто-то уже озаботился внушить ей, что девочкам следует хранить чопорное достоинство и избегать шумных мальчишеских игр, и она имела глупость последовать этому совету. (Вот вам одна из многих причин, почему я выбрал для себя облик именно мальчика. Смертные внушают мальчишкам куда меньше глупостей, чем девчонкам.)

— Что-то мы про твою сестренку забыли, Декарта, — сказал я. (Она покраснела и принялась переминаться пуще прежнего.) — Идеи есть?

— Есть! Пощекочем ее! — тотчас отозвался Декарта.

Шахар метнула в него яростный взгляд, но брат лишь хихикнул, слишком возбужденный игрой, чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Меня же посетило мимолетное желание лизнуть его волосы, но оно тотчас рассеялось.

— И вовсе меня никто не забыл, — заявила девочка.

Я погладил Декарту по голове, чтобы успокоить его и унять свое нечаянное желание, обдумывая

между тем, как быть с Шахар.

— Нет, ей щекотка не подойдет, — решил я. — Давай придумаем игру, в которую мы сможем играть вместе. Как насчет того, чтобы… ну… попрыгать по облакам?

— Что? — У Шахар округлились глаза.

— Попрыгать по облакам. Это как прыгать на кровати, только лучше. Я вам покажу. Это правда здорово. Главное, в дырку не провалиться. А если и провалитесь, я вас поймаю, так что не о чем волноваться.

Дека приподнялся и сел.

— Ты не можешь этого сделать. Я книжки читал про магию и богов. Там написано, что ты бог детства. Так что ты можешь делать только то, что делают дети.

Я рассмеялся и поймал его, пустив в ход особый захват, и он с визгом принялся вырываться. Правда, боролся явно не в полную силу.

— В игре можно делать почти все, — пояснил я. — А если это игра, стало быть, она в моей власти.

Он удивленно посмотрел на меня и даже замер, перестав вырываться. Тогда я понял, что он, должно быть, читал семейные хроники, ибо за века нашего рабства я ни разу не объяснял Арамери,

что именно следовало из такой моей природы. Вот они и видели во мне слабейшего из Энефадэ. Между тем — учитывая, что Наха ежеутренне засыпал в смертной плоти, — я был, наоборот, самым могущественным. И то, что Арамери так об этом и не догадались, оказалось едва ли не самым удачным моим плутовством.

— Тогда пошли прыгать по облакам! — решил Дека.

Шахар тоже с охотой подалась ко мне, когда я протянул ей руку. Но потом все-таки призадумалась, и в ее глазах возникла привычная настороженность.

— Г-господь Сиэй, — сказала она и скорчила рожицу.

Я ответил тем же. Терпеть не могу титулов. Какие-то они выспренные.

— Та книжка про тебя…

— Ух ты! — в восторге перебил я. — Про меня книжку написали?

— Ну да. И там говорится… — Она опустила взгляд, но потом вспомнила, что она Арамери, и вскинула голову, явно собирая в кулак все свое мужество. — Там говорится, что в прежние времена, когда ты жил здесь, тебе нравилось убивать людей. Ты с ними всякие шутки шутил, иногда

очень смешные, только люди иногда от этого умирали…

«И все равно было смешно», — подумал я, но вслух произносить такое было, кажется, не ко времени.

— Это верно, — согласился я, угадав смысл вопроса. — За все годы я убил, должно быть, несколько десятков Арамери.

Ой, совсем забыл: еще то происшествие со щенками. Значит, несколько не десятков, а сотен.

Она замерла, и Дека тоже, хотя я его и выпустил. Кстати, тот захват, если выполнить его как следует, то еще удовольствие.

— Почему? — спросила Шахар.

Я передернул плечами:

— Иногда они мне просто мешали. Иногда — чтобы доказать что-нибудь. А иногда просто потому, что мне так хотелось.

Шахар нахмурилась. Я видел это выражение на тысячах лиц ее предков, и оно всегда меня раздражало.

— Это не очень веские причины, чтобы людей убивать, — сказала она.

Я рассмеялся, но смех получился несколько вымученным.

— Конечно не очень, — сказал я. — Но как еще

напомнить смертным, что держать бога в рабстве нехорошо?

Она призадумалась, лобик вроде разгладился, но она тотчас нахмурилась еще сильнее.

— В книге написано, что ты убивал маленьких детей. Но дети-то не могли причинить тебе ничего плохого!

М-да, про детей-то я и забыл… Хорошее настроение безнадежно испортилось. Я сел и зло посмотрел на нее. Дека попятился, беспокойно поглядывая то на нее, то на меня.

— Не могли, — отрезал я, обращаясь к Шахар. — Но учти, девочка, я бог всех детей. И если я решаю забрать жизни некоторых своих избранных, то кто ты, демон тебя побери, такая, чтобы это оспаривать?

— Я тоже ребенок, — ответила она, выставив подбородок. — Но ты не мой бог. Я молюсь Блистательному Итемпасу!

Я закатил глаза:

— Твой Блистательный Итемпас — трус и придурок.

Она набрала полную грудь воздуха, кровь бросилась ей в лицо.

— И совсем это не так! Это…

— А вот и так! Он убил мою мать, отдал на пору-

гание отца, а собственных детей знаешь сколько поубивал? Тут не десятками надо считать! У кого, по-твоему, на руках больше крови? А если уж на то пошло, у тебя самой с этим как?

Она съежилась и покосилась на брата.

— Я никого ни разу не убивала.

— Пока не убивала. Но это не важно, потому что все ваши поступки и деяния запятнаны кровью! — Я привстал, оказавшись на корточках, и подался вперед, пока наши лица не разделило несколько дюймов. Надо отдать ей должное: она не отшатнулась, а, наоборот, зло смотрела мне в глаза. Она хмурилась, готовая слушать меня. И я сказал ей: — Вся власть вашей семьи, все ваши богатства — они, по-твоему, из воздуха взялись? И ты, наверное, полагаешь, что они достались вам заслуженно? Потому что вы умней, или обладаете святостью, или что там сейчас внушают отпрыскам правящего семейства? Да, я убивал маленьких детей. Потому что их матери и отцы не испытывали никаких угрызений совести, убивая детей других смертных. Тех, кого они считали еретиками или кто дерзал оспаривать глупые законы или просто отваживался дышать не так, как нравилось вам, Арамери!

Тут у меня весьма кстати кончился в груди

воздух. Волей-неволей пришлось остановиться и перевести дух. Легкие незаменимы, чтобы успокаивать смертных, но неудобств от них все-таки больше. Ну и ладно, шут с ними. Дети между тем примолкли, взирая на меня с чем-то вроде благоговейного ужаса, и до меня с запозданием дошло, что я, похоже, слишком раскричался. Я плюхнулся на ступеньку и повернулся к ним спиной, надеясь, что охвативший меня гнев скоро пройдет. Они мне, вообще-то, нравились. Даже Шахар, хоть она и раздражала. Во всяком случае, желания убивать их пока не было.

— Ты… ты думаешь, мы плохие, — после довольно долгой паузы заговорила она, и в ее голосе звучали слезы. — Ты и меня считаешь плохой!

Я вздохнул:

— Я считаю плохой всю вашу семью. И считаю, что родители хотят вырастить тебя такой же, как они сами.

Потому что в ином случае они бы ее убили. Или изгнали. Сколько раз я видел подобное.

— Я не хочу становиться плохой! — Она шмыгала носом у меня за спиной.

Дека, которого я по-прежнему видел краем глаза, посмотрел на Шахар и набрал в грудь воздуха, и я догадался, что его сестренка вовсю

льет слезы.

— Ты ничего не сможешь с этим поделать, — сказал я, опуская подбородок на поднятые колени. — Такова уж твоя природа.

— А вот и нет! — Она топнула ножкой. — Наставники говорят: мы, смертные, не как боги! У нас нет неизменимой природы! Мы можем быть разными, какими только захотим!

— Ладно-ладно, — примирительно сказал я.

Хотя с такой же вероятностью я сам мог оказаться одним из Троих.

И тут меня пронзила неожиданная и острая боль, взвившаяся из копчика. Взвыв, я подскочил и скатился вниз по ступенькам на добрых полпролета, прежде чем сумел остановиться. Усевшись, я потер поясницу, приказывая боли прекратиться. К моему глубокому изумлению, отступила она весьма неохотно.

— Ты меня пнула, — удивленно проговорил я, глядя вверх.

Дека зажимал ладошками рот, глаза у него округлились. Из них двоих он один, кажется, понимал, что они оказались на краю гибели. Шахар, растрепанная, с горящими глазами, ни о чем таком не задумывалась — напружинилась, кулаки сжаты. Похоже, она была готова спуститься по

ступенькам и пнуть меня еще раз!

— А я буду такой, какой сама захочу! — объявила она. — Настанет день, когда я возглавлю семью! Как я сказала, так все и будет! Сказала, что стану хорошей, и стану!

Я поднялся. Если честно, я не слишком рассердился. Дети, они такие, им лишь бы задираться. Мне даже понравилось, что сквозь шелка и напускные манеры проглядывала прежняя Шахар. Такой она мне нравилась: яростная, полубезумная и поэтому прекрасная. В тот миг я понял, что именно разглядел в ее праматери Итемпас.

Только мне не верилось в ее слова, и это приводило меня в самое мрачное расположение духа. Я поднялся по ступеням, угрюмо стиснув зубы.

— Давайте тогда сыграем, — предложил я.

И улыбнулся.

Дека встал, разрываясь между страхом и желанием защитить сестру. Он топтался на месте, не зная, на что решиться. В глазах Шахар страха не было, хотя ее гнев до некоторой степени сменился настороженностью. Умом она точно обижена не была. Смертным всегда хватало соображения тревожиться, когда я улыбался примерно так, как сейчас.

Остановившись перед девочкой, я протянул

руку. В ладони сам собой возник нож. Я был сыном Йейнэ, поэтому сделал этот нож даррским — такие они вручали дочерям, когда те впервые учились забирать жизнь на охоте. Шесть дюймов прямого серебристого лезвия и костяная рукоять, украшенная филигранью.

— Это еще что? — хмурясь, спросила Шахар.

— А на что это похоже, по-твоему? Возьми!

Помедлив, девочка взяла нож. Она держала его неумело и с видимым отвращением. Слишком варварская вещь для утонченной амнийки. Я одобрительно кивнул и поманил к себе Декарту. Тот изучающее смотрел чудесными темными глазенками, наверняка припоминая одно из моих многочисленных имен: Плутишка. И даже не подумал ко мне приближаться.

— Да не бойся ты, — сказал я ему, делая улыбку чуть более невинной, а вид менее пугающим. — Меня ведь сестра твоя пнула, не ты.

Разум сделал дело там, где не сработало обаяние. Дека подошел ко мне, и я взял его за плечи. Он уступал мне ростом, и я наклонился, вглядываясь в его лицо.

— А ты действительно хорошенький, — сказал я, и он удивленно заморгал.

Напряжение оставило его — обычная похвала

полностью обезоружила мальчика: наверное, она нечасто перепадала ему, бедняжке.

— Знаешь, — продолжил я, — на севере ты был бы идеален. Матери Дарра с руками оторвали бы тебя как будущего жениха для своих дочек. Вот только тут, среди амнийцев, твоей внешности приходится временами стыдиться. Знали бы они, каким ты вырастешь! То-то прибавится разбитых сердец!

— О чем это ты? — спросила Шахар, но я пропустил ее слова мимо ушей.

Дека не сводил с меня глаз, зачарованный, точно дичь перед охотником. Хоть живьем его ешь!

Я обхватил ладонями его лицо и поцеловал. Он задрожал, хотя прикосновение губ было мимолетным. Я сдержал свою силу, ведь он всего лишь ребенок. Тем не менее, отстраняясь, я заметил, как остекленели его глаза, а на щеках жаркими пятнами загорелся румянец. Он не пошевелился даже тогда, когда мои ладони скользнули ниже и обхватили его горло.

Шахар так и замерла. Глаза у нее были круглые, ей наконец-то стало реально страшно. Я посмотрел на нее и вновь улыбнулся.

— Думаю, ты ничем не отличаешься от остальных Арамери, — проговорил я негромко. — Пола-

гаю, ты предпочла бы убить меня, чтобы не дать расправиться с братом. Просто потому, что так будет правильно и хорошо. Но я бог, и тебе отлично известно, что ножом меня не остановить. Это скорее обидит меня, и тогда я убью брата, а потом и тебя.

Она вздрогнула, ее взгляд метнулся к моим рукам на горле Деки, потом обратно. Я улыбнулся и обнаружил, что зубы у меня стали острее; произошло это, кстати, без моего сознательного усилия.

— Поэтому я уверен, что ты позволишь ему умереть, лишь бы не подвергать себя риску. Ну? Как ты думаешь?

Мне даже стало ее жалко. Она тяжело дышала, недавние слезы еще не просохли. Горло Деки судорожно дернулось под моими ладонями: он наконец-то осознал грозящую ему опасность. Другое дело, у него хватило ума стоять смирно. Что ж, некоторых хищников очень даже привлекает движение.

— Не тронь его, — в конце концов выговорила девочка. — Пожалуйста. Пожалуйста. Я не…

Я на нее зашипел, и она, бледнея, смолкла на полуслове.

— Не смей умолять! — рявкнул я. — Не унижайся! Арамери ты или нет?

Она икнула и замолчала. А потом — очень медленно — в ней произошла перемена. В глазах появилась твердость окрепшей воли. Она опустила руку с ножом, но я увидел, как пальцы стиснули рукоять.

— Что ты мне дашь? — спросила она. — Что ты дашь, если я сделаю выбор?

Я уставился на нее, не веря своим глазам. Потом расхохотался:

— Умница, девочка! Торгуешься за жизнь братца! Великолепно! Но ты кое о чем забыла, Шахар: такой возможности я тебе не предлагал. Твой выбор проще: или твоя жизнь, или его…

— Нет, — перебила она. — Ты ведь не этот выбор мне предлагаешь. Ты заставляешь меня выбирать между «быть плохой» или «быть собою». И пытаешься заставить меня быть плохой. Это несправедливо!

Я так и замер, пальцы на горле Декарты ослабели. Во имя неисповедимого Вихря! Теперь я и сам это ощутил: еле уловимый отток моего могущества, тухлое шевеление дурноты в самом низу живота. Мое проявление во всех известных мне гранях бытия начало уменьшаться. И мне стало явственно хуже, как только она указала на несправедливость. Ибо сам факт, что она замети-

ла сделанное мной, усугублял нанесенный вред. Знание, как ни крути, — сила!

— Дерьмо демонское… — пробормотал я, вымучивая кривую улыбку. — Ты права. Принуждать ребенка к выбору между убийством и смертью… Невинность не в состоянии такое пережить. — Я немного подумал, потом нахмурился и мотнул головой. — Впрочем, век у невинности недолгий, особенно у детей Арамери. Может, я даже тебе благодеяние оказываю, принуждая к этому выбору так рано.

Она решительно покачала головой:

— И никакого благодеяния ты мне не оказываешь, а только хочешь надуть. Значит, либо я даю Деке умереть, либо пытаюсь спасти его и погибаю? Ты жульничаешь, потому что выиграть я все равно не могу, что бы ни выбрала! Так что давай делай что-нибудь, чтобы уравнять счет!

Она не смотрела на брата. Тот был вроде приза в этой игре, и она это понимала. Значит, моя оценка ее сообразительности требовала пересмотра. А она продолжила:

— Вот я и говорю: ты мне должен что-нибудь дать!

— Да пусть он просто убьет меня, Шар, — высказался Дека. — Тогда ты останешься жить и…

— Заткнись! — рявкнула она, опередив даже меня (а я собирался поступить так же). Другое дело, что она при этом зажмурилась. Не могла, видимо, смотреть на него и сохранять хладнокровие. Когда, однако, она вновь перевела на меня взгляд, на ее лице читалась твердость. — А еще тебе не обязательно убивать Деку, если я возьму этот нож и попробую ударить тебя. Убей только меня. Так, кстати, будет справедливо. Он или я, как ты и говорил. Либо он будет жить, либо я.

Я обдумал услышанное, соображая, нет ли какого подвоха. Не нашел ничего неподобающего и кивнул:

— Очень хорошо. Но ты должна сделать выбор, Шахар. Либо ты стоишь в сторонке, пока я его убиваю, либо бросаешься на меня, спасаешь его и гибнешь сама. И кстати, чего бы ты от меня хотела в качестве возмещения за невинность?

Она замялась, не зная, что ответить.

— Желание, — подсказал Декарта. — Загадай желание.

Я моргнул и повернулся к нему, забыв от изумления выговорить ему за вмешательство.

— Что-что?

Он сглотнул — его горло дернулось у меня под руками.

— Ты должен обещать исполнение одного желания — всего, что в твоей власти, — тому из нас, кто останется жив. — Он прерывисто вздохнул. — Как возмещение за нашу с ней невинность.

Я наклонился к нему, зло уставившись прямо в глаза:

— Если ты осмелишься пожелать, чтобы я опять стал рабом вашей семьи…

— Нет, этого мы не сделаем, — протараторила Шахар. — И потом, ты все равно сможешь убить меня… или Деку, если наше желание тебе не понравится. Так ведь?

Что ж, звучало здраво.

— Договорились, — сказал я. — В смысле, у нас уговор. А теперь, демон тебя побери, выбирай уже наконец! Я не намерен с вами тут…

Она метнулась вперед и до того быстро всадила нож мне в спину, что движение ее руки почти смазалось. Я ощутил боль — как и всегда, когда причиняется вред материальному телу, ибо Энефа в премудрости своей некогда установила неразрывную связь между плотью и болью. Я ахнул и замер. Шахар же, воспользовавшись мгновением, выпустила нож и вцепилась в Декарту, выдергивая его из моей хватки.

— Беги! — крикнула она, отпихивая его от Лест-

ницы в сторону коридоров.

Дека неуверенно шагнул прочь, а потом, как последний болван, повернулся к сестре. Его лицо обмякло от изумления.

— Я думал, что ты… Что ты выберешь…

У нее вырвался звук, примерно означавший «Сил моих нет!». Я же, опустившись на колени, пытался дышать, невзирая на дыру в легком.

— Я же сказала, что буду хорошей! — рявкнула она. (Если бы я мог, я расхохотался бы просто от восхищения.) — Ты же мой брат! А теперь беги! Спасайся, пока он не…

— Погодите, — прохрипел я.

В горле и во рту было полно крови. Я закашлялся, шаря рукой у себя за спиной в попытке нащупать торчащую рукоять. Она всадила нож достаточно высоко, зацепив сердце. Вот это девчонка!

— Шахар! Бежим со мной! — Дека схватил сестру за руки. — Мы пойдем к писцам…

— Не глупи! Куда им против бога! Ты должен…

— Да погодите же, — повторил я, выплюнув наконец достаточно крови, чтобы прочистить горло. Я сплюнул еще в багровую лужицу, натекшую между моими руками, но до рукояти дотянуться так и не смог. Зато мог говорить — медленно и с

усилием. — Я никого из вас не обижу…

— Врешь, — заявила Шахар. — Ты же Плутишка. Ты всегда обманываешь.

— Сейчас я не плутую. — Я очень осторожно набрал воздуху в грудь: он был необходим, чтобы говорить. — Я передумал. Я не собираюсь… никого из вас… убивать.

Наступила тишина. Мое легкое пыталось срастись, но лезвие мешало. Дотянусь я до него или нет, через несколько минут нож вывалится сам по себе. Правда, эти минуты будут очень неприятными и грязными.

— Почему? — спросил наконец Дека. — Почему ты передумал?

— Вытащи из меня этот… проклятый нож, и расскажу.

— Это ловушка… — начала было Шахар, но Декарта уже шагнул ко мне.

Уперся рукой мне в плечо, другой взялся за рукоять и вытащил нож. Я облегченно выдохнул, хотя это чуть не довело меня до нового приступа кашля.

— Спасибо, — поблагодарил я, подчеркнуто обращаясь к Декарте.

Когда я довольно-таки неласково обернулся к Шахар, она напряглась и отпрянула, потом оста-

новилась, вдохнула поглубже и плотно сжала губы. Она была готова к тому, что сейчас ее будут убивать.

— Да ладно, хватит мученицу изображать, — проговорил я устало. — Очень здорово, что вы настолько готовы жизнь положить друг за дружку, но меня от этого уже тошнит. Сейчас начну не только кровью блевать.

Декарта между тем так и не убрал ладонь с моего плеча, и я понял почему, когда он наклонился и заглянул мне в лицо. Глаза у него округлились.

— Да ты же ослабил себя, — пробормотал он. — Заставив Шахар выбирать… Это и тебе повредило!

Да, повредило, и дело было вовсе не в паршивом ноже, хотя докладывать об этом я ему не собирался. Будь при мне моя полная сила, я бы одной волей убрал нож из тела. Или сам от него убрался. Я стряхнул руку Декарты и поднялся. Правда, мне пришлось кашлянуть еще раз или два, прежде чем самочувствие восстановилось. Спохватившись, я убрал кровь с одежды и пола.

— Я уничтожил некоторую часть ее детства, — сказал я, со вздохом оборачиваясь к Шахар. — Если честно, это была глупость. С детьми во взрослые игры играть вообще глупо. Правда, ты

сама меня довела…

Шахар не ответила. Судя по лицу, она отходила от шока, и у меня внутри опять екнуло: вот и еще одно подтверждение вреда, который я ей причинил. Но когда Декарта подошел к сестре и его рука нашла ее руку, мне полегчало. Они посмотрели друг на дружку. Вот она, безусловная, нерассуждающая любовь — величайшая магия детства.

Почерпнув в этом прикосновении новые силы, Шахар вновь повернулась ко мне:

— Так почему ты передумал?

Мне нечего было ответить: внятной причины не было. Такой уж я есть — весь внезапный. Действую по первому побуждению.

— Думаю, потому, что ты готова была за него умереть, — сказал я. — Много раз видел, как Арамери приносили себя в жертву, но очень редко это был осознанный выбор. Вот я и заинтересовался.

Брат и сестра нахмурились, не вполне поняв мои слова. Я передернул плечами. Я тоже их не особенно понял.

— Короче, я вам должен одно желание.

Они снова переглянулись. Их лица были зеркалами, отражавшими полную растерянность. Я даже застонал.

— Значит, понятия не имеете, чего бы вам хо-

телось?

— Нет, — ответила Шахар, опуская взгляд.

— Приходи сюда еще через год, — быстро нашелся Декарта. — Этого времени нам хватит с избытком, уж что-нибудь придумаем. Ты ведь сможешь прийти? Мы… — Он помедлил. — Мы тогда даже поиграем с тобой. Только не в такую игру, как сегодня.

Я засмеялся и помотал головой:

— Да уж, от этих игр удовольствие небольшое. Что ж, договорились. Вернусь через год. И чтобы вы были готовы!

Они дружно кивнули, и я быстренько убрался прочь — зализывать раны, восстанавливать силы. И с растущим изумлением гадать, во что же я вляпался.

2

Беги прочь, беги прочь,
Не то поймаю прежде, чем минет ночь,
Будем с визгом мы носиться,
Пока отец не удалится.
(Который? Который?
А вот он! А вот он!)
Ты просто беги, беги, беги.

Как всегда, когда на душе было смутно, я разыскал своего отца, Нахадота.

Найти его было нетрудно. В необозримом пространстве державы богов он был точно громадная, вечно путешествующая буря, наводящая ужас на тех, кто оказывался на пути, и дарующая духовное возвышение тем, кого она миновала. Можно было посмотреть в любую сторону и, в посрамление всякой логики, узреть его вдалеке. Почти столь же заметными были и меньшие сущности, дрейфующие неподалеку: их неудержимо притягивало его грозное, мрачное величие, вполне способное, кстати, любого из них уничтожить.

Приблизившись, я увидел множество своих родственников, представавших во всей своей искрящейся и разнообразной красе: там были элонтиды, мнасаты и даже несколько ниввахов вроде меня. Одни простерлись ниц перед нашим темным отцом, другие тянулись к черному не-свету, составлявшему его сущность, настежь распахивая души навстречу мимолетнейшей толике его одобрения. Однако у него имелись свои любимцы, а среди них многие прежде служили Итемпасу. Долго же им придется ждать.

Что до меня, то, едва коснувшись окраинных ветров этой бури, я ощутил, насколько мне здесь рады. Многослойные стены его присутствия раздвинулись, пропуская меня, причем каждый слой ушел в свою сторону. Я ощутил на себе полные зависти взгляды своей менее везучей родни и ответил им взором, полным презрения. Кое с кем из сильнейших мне пришлось поиграть в гляделки, но в итоге все они опустили глаза. Вот же трусливые и бесполезные существа! Спрашивается — где они были, когда Наха так в них нуждался? Ну и пусть теперь просят прощения еще две тысячи лет!

Минуя последнюю завесу, я обнаружил, что принимаю телесную форму. Это был добрый знак.

Когда отец пребывал в дурном настроении, он отбрасывал любой облик и принуждал к этому всех посетителей. А еще — совсем здорово! — тут присутствовал свет: ночное небо, расцвеченное дюжиной бледных лун, бежавших по разным орбитам. Каждая проходила все свои фазы, меняя цвет с красного на золотой и далее на голубой. Под небом расстилался суровый пейзаж, обманчиво плоский и безжизненный, там и сям нарушаемый едва намеченными деревьями и горбатыми тенями, могущими сойти за холмы. Мои ноги коснулись земли, выстланной мелкой галькой, отполированной до зеркального блеска: камушки запрыгали, зарокотали и отозвались, точно крохотные неистовые существа. Из пяток пошла вверх упоительная вибрация. Деревья и холмы состояли из той же сверкающей гальки. И если бы только они: насколько мне было известно, она же была веществом неба и лун. Нахадоту очень нравилось играть с нашими ожиданиями.

Так вот, под чудесным калейдоскопом блистающих небес я увидел отца, бесцельно забавлявшегося со своим видимым обликом. Я приблизился и некоторое время наблюдал, как он меняет облик, как все его члены претерпевают далеко не изящные метаморфозы, хотя временами он

случайно становился исключительно грациозным. Он никак не давал понять, что заметил мое появление, хотя, конечно же, знал, что я рядом. Спустя какое-то время он прекратил это занятие и целенаправленно опустился на трон, подобный мягкому дивану, — тот сформировался из ниоткуда у меня на глазах. Тогда я поднялся и встал рядом с ним. Он не посмотрел на меня. Его лицо было обращено к лунам, и теперь оно почти не менялось, на нем лишь играли отсветы небесного света. Он не открывал глаз. Плоть менялась, неизменными оставались лишь ресницы, длинные и темные.

— Верный мой, — произнес он наконец, и отполированная галька задрожала от низких обертонов его голоса. — Ты пришел утешить меня?

Я открыл было рот, чтобы сказать «да», но удивленно замер, поняв, что это неправда. Нахадот взглянул на меня, рассмеялся негромко и не без жестокости и расширил свой диванный трон. Он слишком хорошо меня знал. Пристыженный, я присоединился к нему, устраиваясь в переменчивом изгибе его тела, под локтем. Он погладил меня по волосам, по спине, и, хотя в тот момент я был и не в кошачьей форме, ласка порадовала

меня.

— Ненавижу их, — сказал я. — И одновременно люблю.

— Это потому, что ты, как и я, знаешь, что есть вещи, которых не избежать.

Я застонал и театральным жестом заслонил ладонью глаза, добившись, правда, только того, что картинка резче впечаталась в мои мысли: Йейнэ и Итемпас действуют совместно, смотрят друг на друга с изумлением и восторгом. И что дальше? Наха и Итемпас? Все Трое вместе? Такого этот мир не видал со времен демонов. Я опустил руку, посмотрел на Нахадота и увидел на его лице такую же трезвую сосредоточенность. Неизбежное. Я оскалил зубы и позволил им вырасти и стать по-кошачьи острыми. Потом сел и уставился на него.

— Так ты хочешь этого самовлюбленного, тупоголового мерзавца? Хочешь?

— Я всегда хотел его, Сиэй. Ненависть не отменяет желания.

Он имел в виду эпоху до рождения Энефы, когда они с Итемпасом, побыв врагами, стали возлюбленными. Я, однако, предпочел истолковать его слова в настоящем времени: вырастил когти и запустил их в текучее пространство, составляв-

шее его плоть.

— Подумай о том, что он с тобой сделал, — сказал я, то выпуская когти, то убирая. Я не мог причинить ему боль. И не стал бы причинять, даже если бы мог. Есть множество иных способов передать разочарование и обиду. — С нами сделал! Наха, я знаю, ты изменишься, ты должен меняться, но не в этом же отношении! Зачем возвращаться к былому?

— К какому именно былому?

Это заставило меня в замешательстве умолкнуть, он же вздохнул и перекатился на спину, принимая облик, распространяющий собственное бессловесное послание: белая кожа, черные глаза и никаких чувств. Как маска. Та самая, что он носил перед Арамери во времена нашего рабства.

— Минувшее — минуло, — сказал он. — Смертный облик побудил меня цепляться за него, хотя это против моей природы и это мне повредило. Чтобы вернуться к себе самому, я должен отринуть минувшее. Когда-то Итемпас был моим врагом, и я не слишком тоскую по тем временам. И вот еще в чем правда, Сиэй, правда, которую нельзя отрицать: у нас никого нет, кроме друг друга. Он, я и Йейнэ.

Выслушав это, я съежился и с несчастным видом уставился на него. Конечно же, он был прав. Я не имел никакого права просить его заново пережить невыносимые муки одиночества, которые он перенес во времена до появления Итемпаса. Да и не пойдет он на это, ведь у него была Йейнэ, и их любовь сама по себе могущественная сущность, но и их с Итемпасом любовь была когда-то могущественной. А уж когда все Трое были вместе… Какие, спрашивается, претензии могли быть у меня, никогда даже не знавшего подобной полноты чувств?

«Он никогда не будет один, — свирепо нашептывал голосок в самых потаенных глубинах моего сердца. — У него всегда буду я!»

Но я слишком хорошо знал, как немного младший бог мог предложить старшему…

Холодные белые пальцы коснулись моей щеки, подбородка, потом груди.

— Тебе не полагалось бы из-за этого так волноваться, — сказал Нахадот. — Что произошло?

Я неудержимо расплакался от бессилия:

— Если бы я знал…

— Тихо, маленький, тихо. — Нахадот принял женский облик, зная, что в некоторых случаях я предпочитал общение с женщинами. Приподняв-

шись, она села, устроила меня у себя на коленях и прижимала к плечу, пока я всхлипывал и судорожно икал. Я почти немедленно ощутил прилив сил — и она, конечно же, знала, что так оно и будет, — а потом приступ миновал, и, отдав должное природе, я глубоко перевел дух.

— Не знаю, — повторил я, уже успокоившись. — Теперь вообще все как-то неправильно. Не понимаю, что это за чувство, но оно уже некоторое время беспокоит меня. Не разберусь, что к чему…

— Итемпас тут ни при чем, — нахмурилась она.

— Ни при чем. — Я неохотно оторвал голову от мягкой груди и потянулся дотронуться до ее лица, приобретшего более округлые черты. — Что-то меняется во мне самом, Наха. Моя душа как будто в тисках, и они медленно сжимаются, но я не понимаю, кто ими управляет и как мне из них вывернуться. Я могу скоро сломаться…

Наха свел брови и начал постепенное возвращение к мужскому облику. Это было своего рода предупреждение: она была не так скора на гнев, как он. Также следовало помнить, что последнее время Нахадот чаще всего представал в облике мужчины.

— Раз так, значит должна быть и причина. — В его глазах блеснуло внезапное подозрение. — Ты возвращался в царство смертных. Ты посещал Небо.

Проклятье. Все мы, Энефадэ, оставались чувствительны к запаху этого места. Несомненно, у меня на пороге вот-вот объявится Чжаккарн и потребует объяснить, какое безумие меня обуяло!

— И это здесь тоже ни при чем, — сказал я, хмурясь при мысли о его родительских чувствах. — Я всего лишь ходил поиграть кое с кем из детей смертных.

— С детьми Арамери!

О боги! Луны меркли одна за другой, а блестящая галька начала угрожающе рокотать. В воздухе разлился запах льда, приправленный острой ноткой темной материи. И где, спрашивается, Йейнэ, когда она мне так нужна? Она всегда так здорово умела смирить его гнев…

— Да, Наха, — признал я. — И они были бессильны причинить мне вред или приказать, как прежде. И я ощутил неправильность еще до того, как отправился туда. — Кстати, именно по этой причине я последовал за Йейнэ: я был обеспокоен и зол и искал, чем бы оправдать то и другое. — Это были всего лишь дети!

Его глаза превратились в две черные дыры, и я вдруг по-настоящему испугался.

— Ты их любишь!

Я замер, гадая, что было худшим богохульством: любовь Йейнэ к Итемпасу или моя любовь к нашим рабовладельцам?

Я напомнил себе, что за всю мою соизмеримую с вечностью жизнь он ни разу не причинил мне боли. По крайней мере, намеренно.

— Они всего лишь дети, Наха, — тихо повторил я, тем не менее не в силах отречься от его слов: «Ты их любишь». Не потому ли я раздумал убивать Шахар, нарушив тем самым правила собственной игры? Я пристыженно опустил голову. — Мне так жаль…

Настало очень долгое и очень пугающее мгновение, однако потом он вздохнул:

— Есть вещи неизбежные…

В его голосе прозвучало такое разочарование, что у меня сердце оборвалось.

— Я…

Я снова икнул и на мгновение возненавидел себя за то, что был богом детей.

— Тихо, тихо. Довольно слез. — Негромко вздохнув, он поднялся, без усилия держа меня на руке, у плеча. — Я хотел бы кое-что знать.

Диван рассыпался дрожащими зеркальными осколками, а вместе с ним исчез весь пейзаж. Нас окутала холодная, подвижная тьма. Когда же она рассеялась, я ахнул и ухватился за него, ибо его воля перенесла нас к воспаленной бездне на краю державы богов, где помещался Вихрь — в той мере, в какой вообще можно «поместить» неисповедимое.

Сама эта чудовищная сущность простиралась где-то внизу — клубящаяся, бурлящая мешанина света, звука, материи, замысла, чувства, мгновения. Я слышал рев Вихря, отражавшийся от звездных стен — эти стены более-менее защищали остальное мироздание от бессвязности Вихря, растворявшей течение мыслей. Я ощутил, как дрогнула моя форма, неспособная сохранять четкость под напором образов, мыслей, мелодий. Я не стал цепляться за вещественный облик. В этом месте плоть была слишком тягостным обязательством.

— Наха… — Он по-прежнему прижимал меня, но мне приходилось кричать, чтобы быть услышанным. — Что мы здесь делаем?

Нахадот и сам успел уподобиться Вихрю, став бесформенным ревущим клубком, где блуждало певучее эхо Его лишенных гармонии мелодий.

Он ответил не сразу, но в этом состоянии у него не было никакого понятия о времени. Пришлось мне напомнить себе о терпении; рано или поздно он обо мне обязательно вспомнит.

И действительно, он наконец проговорил:

— Я и здесь почувствовал кое-что иное.

Я нахмурился, не в силах ничего понять:

— Где? У Вихря?

Неужели он был способен что-то уловить в расстилавшейся под нами, прямо скажем, вселенской прорве? Когда я был мал и совсем еще несмышлен, я отваживался резвиться в этом провале, рискуя буквально всем ради того, чтобы узнать, насколько глубоко я смогу туда нырнуть, насколько смогу приблизиться к источнику всех вещей. Я мог погружаться дальше кого-либо из моей родни, но Трое были способны заглянуть еще глубже.

— Да, — после долгого молчания ответил Нахадот. — И теперь я гадаю…

И он двинулся вниз, приближаясь к провалу. Сперва я был слишком ошарашен, чтобы возражать. Потом до меня дошло, что он увлекал с собой и меня.

— Наха! — воспротивился было я, но в его хватке были сталь и сила притяжения. — Наха,

проклятье, ты что, уморить меня хочешь? Взял бы уж да прихлопнул меня сам, коли так!

Он остановился. Я продолжал орать на него, надеясь, что голос разума рано или поздно пробьется сквозь течение его странных мыслей. В итоге так оно и произошло, и, к моему бесконечному облегчению, спуск сменился подъемом.

— Я мог бы уберечь тебя от опасности, — произнес он с некоторым упреком.

«Ага, пока окончательно не погрузился бы в безумие, напрочь забыв обо мне!» Но я был не таким уж беспросветным глупцом и потому сказал:

— А зачем вообще ты меня туда тащил?

— Существует созвучие…

— Что?..

Ревущая бездна куда-то исчезла. Я заморгал: мы с ним стояли в царстве смертных, на ветке Мирового Древа, и смотрели на потусторонне-белое свечение Неба. Была, конечно же, ночь, причем ночь полнолуния, и звезды успели сместиться. Миновал год; это была ночь как раз перед тем, как я должен был третий раз встретиться с двойняшками.

— Есть созвучие, — повторил Нахадот. Он был черной тенью на фоне темной коры Древа. — Ты

и Вихрь… только в будущем или в прошлом — сказать не могу.

Я нахмурился:

— Что это значит?

— Не знаю.

— Такого прежде не случалось?

— Нет.

— Наха… — Я чувствовал себя полностью сбитым с толку. Он думал совсем не так, как разные там низшие существа. Чтобы уследить за его мыслью, нужно было взвиваться и прыгать выше головы. — Это мне повредит? Собственно, только это и важно!

Он передернул плечами, словно ему было все равно. Лишь брови сдвинулись. У него снова было то лицо, с которым он жил в Небе. Это мне не очень понравилось, ведь мы находились рядом с местом, где довелось претерпеть столько мук.

— Я переговорю с Йейнэ, — пообещал он.

Я сунул руки в карманы, нахохлился и стал ногой сбивать с ветки пятнышко мха.

— А как же Итемпас?

К моему немалому облегчению, у Нахадота вырвался сухой и недобрый смешок.

— Неизбежное, Сиэй, не то же самое, что непосредственное. А любовь не подразумевает

прощения. — С этими словами он отвернулся. Его тень уже сливалась с потемками Древа и дальнего горизонта. — Помни об этом, когда будешь играть со своими любимчиками Арамери.

На этом он оставил меня. Облака чуть дрогнули в небе, отмечая его путь. Потом реальность успокоилась.

Встревоженный так, что не выразить никакими словами, я превратился в кота и двинулся вперед по ветке, пока не дошел до разросшегося узла величиной с дом. Из него росло несколько сучьев поменьше, сплошь унизанных треугольными листьями и серебристыми цветками. Тут я свернулся клубочком, вдыхая утешительный запах Йейнэ, и стал ждать наступления дня. По ходу дела я гадал — причем беспрерывно, ведь я больше не нуждался во сне, — с какой это стати у меня кишки сводит от страха…

Перед встречей у меня еще оставалось время, и я позабавился — если кто-то готов назвать это забавой — прогулкой по дворцу в предрассветные часы. Я начал с нижних уровней, так часто бывших моим прибежищем в былые деньки, и выяснил, что эта часть Неба действительно совершенно покинута. И речь шла не только о самом «дне», которое всегда пустовало (не считая

покоев, что занимали мы, Энефадэ). Пребывали в запустении кухни и трапезные для слуг, детские и комнаты для учебы, швейные мастерские и парикмахерские. В общем, все части Неба, предназначенные для людей низкого происхождения — то есть большинства его населения. Судя по всему, сюда заглядывали только ради того, чтобы вытереть пыль. Неудивительно, что в тот первый раз Шахар и Декарта выглядели такими испуганными!

На верхних уровнях дворца мне, по крайней мере, стали попадаться слуги. Они бежали по своим делам, и никто не видел меня, хотя я не озаботился натянуть на себя амнийскую внешность или укрыться в закоулке тишины. Это потому, что слуги хотя и попадались, но далеко не в таких количествах, как в дни моего рабства. Легче легкого было, заслышав торопливые шаги, спрятаться за поворотом коридора или, если с разных сторон приближались сразу двое, взлететь и прилипнуть к потолку. (Полезное, кстати, наблюдение: смертные очень редко смотрят вверх.) Я всего раз был вынужден прибегнуть к магии, да и то не к своей: угодив прямо в место сбора слуг, которые неизбежно должны были заметить меня, я шагнул в нишу подъемника,

позволив заклинанию какого-то давным-давно умершего писца вознести меня на следующий этаж. Прямо-таки преступная легкость!

Я продолжал незамеченным разгуливать по дворцу, думая о том, насколько подозрительно легко мне это удается. К тому моменту я уже добрался до уровней, где обитали высокорожденные; здесь уже приходилось действовать с оглядкой. Слуг тут попадалось меньше, зато прибавилось стражников. Они щеголяли в белых ливреях самого противного вида, какие я только видел, и были вооружены мечами, арбалетами и потайными кинжалами, если только плотское зрение меня не обманывало. В Небе всегда имелась небольшая армия стражи, но в дни моего постоянного проживания здесь они хотя бы глаза не мозолили. Одевались так же, как слуги, и не носили оружие на виду. Арамери предпочитали думать, что стража не очень-то и нужна, и в те времена, пожалуй, так оно и было. Любая сколько-нибудь значимая угроза высокорожденным Арамери заставила бы нас, Энефадэ, мгновенно переместиться к месту опасности. На этом неприятности и кончались.

Я прошел сквозь стену, избегая внимания чрезмерно бдительного охранника, и подумал, что

теперь Арамери, похоже, приходится защищаться подручными средствами. Это вполне понятно, но вот что и каким образом вызвало уменьшение количества слуг?

Я оказался перед лицом тайны и положил себе ее разгадать, если получится.

Пройдя сквозь еще одну стену, я очутился в комнате, где витал запах, показавшийся мне знакомым. Принюхавшись, я на цыпочках обошел няню, прикорнувшую на диване в гостиной, и вскоре обнаружил Шахар, сладко спавшую в большой кровати с четырьмя столбиками по углам. Безупречные светлые кудри разметались по полудюжине подушек, но я присмотрелся к ее лицу и еле сдержал смешок: рот девочки был открыт, щека расплющилась о сгиб руки, а слюна изо рта струйкой стекала по руке и собиралась лужицей на подушке. Шахар довольно громко похрапывала и даже не пошевелилась, когда я подошел осмотреть ее полки с игрушками.

О ребенке очень многое можно узнать, выяснив, во что и как тот играет. Я не стал особо приглядываться к игрушкам на самых верхних полках; ясное дело, свои любимые она держит там, где их легко достать. На нижних полках кто-то наводил порядок и чистоту, так что трудно

было определить самые потертые. Пришлось снова ориентироваться по запаху, и тут мое внимание привлекли три вещицы. Первой было чучело какой-то большой птицы. Коснувшись ее языком, я ощутил привязанность маленького ребенка, уже начинавшую угасать. Второй оказалась подзорная труба, легкая, но прочная: должна же она была выдерживать постоянные падения из неуклюжих ручонок. Наверное, Шахар разглядывала через нее город внизу. Или звезды в небе. Трубу окутывала аура восхищенного изумления, и я улыбнулся.

Третьим предметом — и над ним-то я замер — был скипетр.

По-настоящему красивый, замысловатой и тонкой работы. Изящный витой жезл, сверху донизу в самоцветах. Истинное произведение искусства! Скипетр выглядел стеклянным, но был сделан не из стекла, ибо кто же делает детские игрушки из такого хрупкого материала? Нет, это был окрашенный день-камень — вещество, из которого состояли стены дворца. Он обладал многими чудесными свойствами, и, помимо прочего, разбить его исключительно трудно (уж я-то знаю, ведь это я со своими родственниками и создал его). По этой-то причине много столетий назад

тогдашний глава семейства потребовал от своего первого писца несколько таких скипетров, и они стали игрушками наследников Арамери. «Чтобы привыкали ощущать власть» — так он выразился. С тех-то пор многие мальчики и девочки Арамери получали такой скипетр на свой третий день рождения. Некоторые из них использовали древние жезлы, чтобы лупить четвероногих питомцев, других детей и слуг, принуждая их к покорности через боль.

Когда я видел подобный скипетр в последний раз, это была более взрослая версия игрушки с полки Шахар. К ней был прикреплен острый ножичек, которым так удобно было резать мою кожу на полоски. Помнится, от такого надругательства над детской игрушкой мои раны горели, словно их солью посыпали…

Я вновь посмотрел на Шахар. Белокурая Шахар, наследница Шахар, будущая правительница Шахар Арамери. Среди детей Арамери все-таки находились такие, кто нипочем не воспользовался бы скипетром, но я был уверен, что Шахар такой душевной мягкостью не обладала. Хотя бы раз она этим жезлом наверняка воспользовалась, причем с превеликим удовольствием. И скорее всего, ее первой жертвой стал Дека. Исцелил

ли ее болезненный крик брата от стремления причинять боль? У Арамери, скорее, было в обычае терзать своих самых любимых и с упоением вспоминать об их муках.

Я призадумался: а не убить ли ее?

Я долго взвешивал все за и против.

Потом повернулся и шагнул сквозь стену в соседнюю комнату.

Как я и ожидал, покои у них были смежные. Так обычно размещали близнецов Арамери. Их комнаты располагались рядом, и спальни соединялись дверью: чтобы дети, по желанию, могли спать врозь или вместе. Благодаря таким дверям многие двойняшки Арамери переставали быть двойняшками — оставался только один. Сильнейшему из двоих было так легко прокрасться в спальню более слабого брата или сестры в ночной темноте, пока спали все мамки и няньки…

В комнате у Деки было темнее, чем у Шахар: она располагалась с той стороны дворца, куда не попадал лунный свет. Я посмотрел в окно и сообразил, что солнечного света этой комнате тоже доставалось меньше: снаружи виднелись гигантские сучья Мирового Древа, тянущиеся в ночную даль. Ветви и несчетные листья частично заслоняли вид, и солнце проникало сюда разве

что размытыми пятнами. По итемпанским меркам такой свет полноценным уже не считался.

Я заметил и другие признаки несколько приниженного положения мальчика: на полках меньше игрушек, на постели меньше подушек. Я подошел к кровати и стал задумчиво смотреть на него. Он лежал на боку, свернувшись калачиком, и даже во сне выглядел спокойным и аккуратным. Нянька заплела его длинные черные волосы в несколько кос — наверное, в неуклюжей попытке заставить их виться хотя бы немножко. Я нагнулся и провел пальцем по тугим прядям одной из косичек…

— Может, мне тебя наследником сделать? — прошептал я.

Он не проснулся, так что ответа я не получил.

Отойдя от него, я с удивлением обнаружил, что ни одна из игрушек на полках не несла на себе послевкусия любви. Я понял, что к чему, лишь приблизившись к небольшому шкафчику с книгами: вот где любовью все так и дышало! Не менее дюжины свитков и книг носили явственный отпечаток детских восторгов. Я провел пальцами по корешкам, вбирая магию смертных. Здесь были карты далеких стран, истории открытий и приключений, тайны смертного царства… В жиз-

ни Дека вряд ли много со всем этим сталкивался, будучи с рождения заперт здесь, во дворце. Так что для него содержимое этих книг наверняка мало отличалось от мифов и сказок.

Я закрыл глаза и поднес пальцы к губам. Втянул запах — и вздохнул. Нет уж, ребенка с подобной душой я не мог сделать наследником. Это все равно что своей рукой его уничтожить…

Я двинулся дальше.

Сквозь стены, под полом кладовки, через торчащий сук Древа, практически заполнивший собой одно из сокровенных замкнутых пространств, и вот я в покоях нынешнего главы семьи Арамери.

Здесь одна спальня превосходила размерами всю совокупность комнат, выделенных ребятишкам. Посредине располагалась большая квадратная кровать, установленная на просторном круглом ковре, скроенном из пушистой белой шкуры какого-то существа: я даже не смог припомнить, доводилось ли мне охотиться на таких. Вообще-то, если сравнивать с привычками иных известных мне глав семьи, обстановка тут едва ли не аскетичная. Ни тебе расшитых жемчугом покрывал, ни черного дерева из лесов Дарра, ни кентийской резьбы, ни «облачной» ткани из Шати-Нарехи. Кроме кровати, здесь было очень

немного мебели, да и та распихана по углам, чтобы не мешала. Эта женщина не терпела помех на своем пути — во всех смыслах.

Она вполне соответствовала обстановке своей опочивальни. Правительница лежала на боку, свернувшись почти как ее сын, но на том сходство и кончалось. Светлые волосы, остриженные на удивление коротко, обрамляли угловатое лицо, и я нашел, что одно вполне сочетается с другим, вот только у амнийцев такое не было принято. Она была хороша своеобразной льдисто-бледной красотой и даже во сне выглядела суровой. А еще она оказалась моложе, чем я ожидал: навскидку под сорок, вряд ли больше. То есть Шахар достигнет совершеннолетия, когда ее мать будет еще относительно молода. Быть может, она прочила в истинные наследники своих внуков от Шахар?

Стало быть, исход состязания не был настолько предрешен, как мне сперва показалось.

Я задумчиво огляделся. Дети говорили, у них нет отца. Это означает, что у правительницы нет законного мужа. Интересно, она и в любовниках себе отказывала? Я наклонился, вбирая ее запах, даже рот приоткрыл, чтобы не упустить ни малейших оттенков вкуса. И… Да, конечно, вот он. Запах другого человека глубоко пропитал ее кожу

и волосы, проник даже в тюфяк. Это был запах единственного возлюбленного, посещавшего ее достаточно долго — месяцы, если не годы. Стало быть, у нас тут любовь?.. Что ж, ничего особо неслыханного. Я пообещал себе перерыть сверху донизу весь дворец, но всенепременно выяснить, кому принадлежит запах.

Я обошел и другие комнаты правительницы, но они так ничего мне о ней и не поведали. Я увидел основательную библиотеку (не содержащую, впрочем, ничего особенно интересного), домашнюю молельню с алтарем Итемпаса, крохотный садик (ухоженный просто до отвращения — наверняка заботами обученного садовника), общедоступную гостиную и личную гостиную. Лишь ванная продемонстрировала некоторые признаки экстравагантности: вместо обычной ванны здесь имелся целый бассейн, достаточно обширный и глубокий для плавания, с отдельными примыкающими помещениями для переодевания и мытья. Отхожее место размещалось в отдельном уголке, за хрустальной панелью, и, присмотревшись, я рассмеялся. На сиденье были начертаны сигилы, призывающие мягкость и тепло. Я не устоял перед искушением и немедленно заменил их сигилами жесткости

и кусачего холода. Надеюсь, я смогу оказаться поблизости и насладиться ее воплем, когда она это обнаружит.

Я как раз завершал свои исследования, когда небо на востоке начало понемногу светлеть: приближался рассвет. Со вздохом оставил я покои правительницы Арамери и вернулся к Лестнице в никуда, где и улегся в самом низу — ждать.

Мне показалось, что минула целая вечность, прежде чем наконец-то появились дети. Их ножки выбивали целеустремленный ритм по полам дремлющих коридоров. Сперва они меня не заметили и разочарованно вскрикнули. Но потом, как и следовало ожидать, спустились по ступеням и отыскали меня.

— Ты прятался! — сразу накинулась на меня Шахар.

Я лежал на полу, задрав ноги на стену, и улыбнулся ей снизу вверх:

— Опять разговариваешь с незнакомцами. Ну ничему не хочешь учиться!

Декарта подошел ко мне и опустился на корточки:

— Разве ты незнакомец для нас, Сиэй? Даже теперь?

Протянул руку и толкнул меня в плечо, совсем

как прежде, когда он еще не знал, что я могу быть опасен. А еще он застенчиво улыбнулся и покраснел. Уж не простил ли он меня? До чего эти смертные все-таки переменчивы! Я пихнул его в ответ, и он захихикал.

— Я-то так не думаю, — сказал я. — Но вы, ребята, по своему рождению обязаны чтить пристойность. Это для меня все просто: чужак ощущается как чужак, а друг — как друг.

К моему удивлению, Шахар тоже присела на корточки. Ее личико было очень серьезно.

— То есть ты не возражаешь? — спросила она с каким-то странным нажимом, и это заставило меня нахмуриться. — В смысле, быть нашим другом?

Тут я сразу все понял. Все дело было в желании, которое они у меня выторговали. Я, вообще-то, ждал, что они пожелают чего-нибудь простого. Ну там, игрушек, которые никогда не сломаются, безделушек из далекой страны, крыльев, чтобы летать. Однако эти маленькие Арамери были детками умненькими. Их не соблазнишь ни грошовыми бирюльками, ни потаканием мимолетному капризу. Они захотели чего-то по-настоящему ценного.

Жадные, бесцеремонные, наглые, высокомер-

ные маленькие поганцы…

Я кувыркнулся прочь от стены нарочито неуклюжим, некрасивым движением, которое далеко не всякий смертный сумел бы повторить. Дети не ожидали такого, они шарахнулись прочь, глаза у обоих были круглые: они ощутили мой гнев. Я зло смотрел на них, стоя на четвереньках.

— Так вы этого хотите?

— Ну, в общем, да. Твоей дружбы, — сказал Дека. Голос его звучал твердо, но в глазах проглядывала неуверенность. Он то и дело косился на сестру. — Мы хотим, чтобы ты был нашим другом. А мы будем твоими…

— И надолго?

Они, кажется, удивились.

— Доколе будет длиться наша дружба, — сказала Шахар. — До конца жизни, я думаю. Или пока кто-то не сделает чего-то, что разрушит ее. Мы можем поклясться на крови, чтобы все было как положено!

— Покля… — Мой голос перешел в звериный рык, я аж почувствовал, как чернеют мои волосы, а пальцы на ногах когтисто подгибаются. — Да как вы смеете?

Шахар — чтоб пусто было и ей, и всем ее праотцам — глядела на меня с искренним непо-

ниманием. А я ей горло готов был порвать за это непонимание.

— Что такого-то? — спросила она. — Это же просто дружба!

— Дружба с богом! — Будь у меня хвост, он сейчас хлестал бы по бокам. — Если я соглашусь, я буду обязан играть с вами и радоваться вашему обществу! А когда вырастете, буду обязан время от времени заглядывать: мол, как поживаете? Мне придется заботиться о каждом пустом обстоятельстве ваших бессмысленных жизней! И хотя бы пытаться помочь всякий раз, когда вы попадете в беду! Боги благие! Да вы хоть понимаете, что я даже своим верным подобного не предлагаю? А вас за такое поубивать мало!

Но тут, к моему удивлению, не успел я сделать какое-либо движение, как Дека придвинулся ко мне и накрыл мою руку своей. Делая это, он невольно съежился, потому что моя рука была уже не вполне человеческой: пальцы стали заметно короче, а ногти начали превращаться в кошачьи когти, способные втягиваться. И лишь усилием воли я пока не допускал появления шерсти. Дека, однако, не убирал ладошку и смотрел на меня с такой жалостью, какой я вообще не чаял увидеть на лице Арамери.

Вся магия, клубившаяся у меня внутри, разом замерла.

— Прости, — сказал он. — Сиэй, мы просим прощения.

С ума сойти, сразу двое Арамери извинялись передо мной! Случалось ли подобное хоть раз, пока я был рабом? Не припоминаю, чтобы даже Йейнэ произносила подобное. А ведь ей доводилось причинять мне нешуточную боль, пока она сама была смертной. А чудо еще и длилось, потому что Дека продолжил:

— Я сказал не подумав. Ты же когда-то был здесь в рабстве. Мы об этом читали. И тебя принуждали изображать дружелюбие. Так ведь? — Он покосился на Шахар, до которой, судя по выражению ее лица, тоже постепенно доходило. Дека сказал ей: — Кто-то из прежних Арамери наказывал его, если он не был достаточно почтителен с ними. Мы не должны вести себя, как они!

Моя решимость немедленно расправиться с ним тотчас угасла, как задутая ветром свеча.

— Ты… ты не знал, — медленно и неохотно выговорил я. Мне пришлось постараться, чтобы перестать рычать и снова загнать голос в высокий мальчишеский регистр. — Конечно же, ты не хотел… того, о чем я было подумал.

Вот вам и привет из прошлого. С незаслуженными благословениями. Я вернул ногтям подобающий вид и уселся на пол, приглаживая волосы.

— Мы, вообще-то, думали, тебе понравится… — проговорил Дека таким убитым голосом, что меня окатило мимолетным стыдом за недавний гнев. — Я думал… то есть мы думали…

Идея насчет дружбы, конечно, принадлежала ему. Из них двоих мечтателем был именно он.

— Нам показалось, что мы и так уже почти подружились. Верно ведь? Ты вроде не возражал к нам сюда заглядывать. Мы и решили, что, если мы станем друзьями, ты поймешь: мы совсем не как те скверные Арамери, за которых ты нас принимаешь. Ты увидишь, что мы не какие-то злые и подлые, и тогда… — Он замялся, опустив взгляд. — Может, тогда бы ты к нам чаще заглядывал.

Дети никогда не могли мне врать. Это было одной из граней моей природы: соврать-то они могли, но я неизменно распознавал ложь. Так вот, ни Дека, ни его сестра не обманывали. Я, конечно, все равно им не верил. То есть не хотел верить. Я не доверял той части собственной души, которая была готова к ним потянуться. Слишком опас-

ное это дело — доверять Арамери. Даже самым маленьким.

Тем не менее они имели в виду именно то, о чем говорили. Они действительно желали моей дружбы. И не из жадности, а просто от одиночества. Как же давно мне не предлагали подобного. Даже собственные родители…

Короче говоря, прельстить меня не трудней, чем любого ребенка.

Я опустил голову, меня трясло. Я скрестил на груди руки, чтобы они не заметили их дрожи.

— Ну… Ладно, короче. Если вы на самом деле хотите… в смысле, дружить… в общем… я, пожалуй, согласен.

Они прямо засияли и приблизились, ерзая на коленках.

— В самом деле? — спросил Дека.

Я передернул плечами, усиленно изображая беспечность, и сверкнул своей знаменитой улыбкой.

— Мне это не повредит. Вы всего лишь смертные… — Докатился до побратимства со смертными. Я тряхнул головой и рассмеялся, спрашивая себя, почему меня так напугала подобная безделица. — Нож кто-нибудь захватил?

Шахар закатила глаза с царственным раздра-

жением:

— Ты же можешь создать его.

— Боги благие, я лишь спросил…

Я воздел руку и сотворил нож. Точно такой же, как тот, которым она пырнула меня в прошлом году. Ее улыбка погасла, она слегка отпрянула при виде ножа, и я понял, что сделал не лучший выбор. Сомкнув ладонь на рукояти, я изменил нож. Когда я распрямил пальцы, в моей руке оказалось изящное изогнутое лезвие с рукояткой из лакированной стали. Шахар неоткуда было знать, но я сотворил точную копию ножа, который Чжаккарн сделала для Йейнэ, когда та жила в Небе.

Увидев изменившийся нож, Шахар успокоилась, и от благодарности на ее лице я сразу почувствовал себя лучше. Я был несправедлив к ней. В будущем я сильнее постараюсь, чтобы это исправить.

— Дружба может продлиться дольше, чем детство, — тихо сказал я, когда Шахар взяла нож. Она помедлила, с удивлением глядя на меня. — Так бывает. Если друзья продолжают доверять друг другу, взрослея и меняясь.

— Это же просто, — хихикнул Дека.

— Нет, — возразил я. — Непросто.

Он перестал улыбаться. Что касается Шахар… Было в ней какое-то врожденное понимание жизни. Пожалуй, начала уже соображать, что это вообще значит — быть Арамери. Ей недолго осталось быть моим другом.

Я протянул руку, коснулся ее щеки, и она моргнула. Но потом я улыбнулся, и она заулыбалась в ответ, на миг став застенчивой, словно Дека.

Вздохнув, я протянул им руки ладонями вверх:

— Что ж, валяйте.

Шахар взяла мою ближнюю руку и подняла было нож, но потом нахмурилась:

— Мне палец резать? Или ладонь?

— Палец, — сказал Дека. — Датеннэй говорил, так скрепляются клятвы на крови.

— Твой Датеннэй идиот, — отрезала Шахар с категоричностью старого спора.

— Ладонь, — сказал я. Не потому, что так было правильно, а просто чтобы прекратить перепалку.

— Так ведь кровь, наверное, вовсю потечет? И больно будет.

— В том и смысл. Что толку в клятве, если она тебе ничего не стоит?

Шахар поморщилась, но потом кивнула и приложила лезвие к моей коже. Ранка, которую она

мне нанесла, была до того неглубокой, что скорее щипала, чем болела, а кровь и вовсе не потекла. Я рассмеялся:

— Режь как следует! Забыла? Я же не смертный!

Она недовольно посмотрела на меня, но потом резанула поперек ладони — быстро и действительно как следует. Я не обратил внимания на вспышку боли. Она больше позабавила меня. Рана порывалась тотчас закрыться, но я слегка сосредоточился, и кровь продолжила течь.

— Я тебя, а ты меня, — сказала Шахар, передавая нож брату.

Он принял нож, взял ее за руку и не стал ни медлить, ни сомневаться — весьма деловито порезал сестре ладонь. Она сжала зубы, но не вскрикнула. И он тоже промолчал, пока она пускала ему кровь.

Я вдохнул запах их крови. Он все еще был знаком мне, хотя от последнего Арамери, с которым я был знаком, этих детей отделяло три поколения.

— Друзья, — сказал я.

Шахар посмотрела на брата, тот — на нее, и оба уставились на меня.

— Друзья, — произнесли они хором.

И взялись за руки, а потом взяли и мои руки.

И тогда…

Погодите-ка. Что?..

Они держали меня за руки. Крепко держали. Было больно. Только почему дети кричали, а их волосы развевал ветер? Откуда взялся этот ве…

Я не слышу тебя. Говори громче.

Что за бессмыслица, наши руки спеклись, спаялись вместе, я не мог выпустить их ладо…

Да, я Плутишка. А кто спрашивает?

Они кричали, дети отчаянно кричали, оба вскочили с пола, а я не давал им встать. И почему мое лицо расплывалось в ухмылке? Поче…

Тишина.

3

Я спал, и мне снился сон. Долгое время я не запоминал сны полностью. В памяти оставалось немногое, кроме того что

что-то
было
не так
и, может, несколько…
погодите,
я
тут подумал…

Иными словами, некое смутное понимание. Очень противное состояние, если ты бог. Никто из нас не всеведущ и не всевидящ — это чепуха, которую придумали смертные, — но мы знаем очень много и видим уйму всего. Мы привычны к почти непрерывному потоку сведений, сообщаемых чувствами, которые смертным и не снились, но для меня этот поток на время прервался. Я спал.

И вдруг в глубине этой тишины и пустоты зазвучал голос. Он называл меня по имени, он взывал к моей душе, он обладал силой и полнозвучностью, каких я не встречал несколько

человеческих жизней. Меня тянуло куда-то. Знакомое ощущение. И весьма неприятное. Мне было так хорошо и удобно! Я перевернулся на другой бок и попытался не обращать на голос внимания. Но голос, вернее, его обладатель не отставал. Он пихал, тащил и толкал, он хлопал меня по спине, и в итоге я скользнул в разрыв ткани бытия: это было нечто вроде рождения, то есть возвращения в смертное царство (по сути, это одно и то же). Я появился голым и скользким от волшебства, моя внешняя форма рефлекторно уплотнилась для защиты от поглощающих души эфиров, некогда (во времена до начала времен) бывших пищеварительными соками Нахадота. После этого вышел из ступора и мой разум.

Кто-то звал меня по имени.

— Чего тебе? — сказал я, вернее, попытался сказать, потому что слова сорвались с губ нечленораздельным рыком. Задолго до того, как смертные обзавелись внешностью, стоившей подражания, я повадился принимать облик существа, в равной степени наделенного игривостью и жестокостью, ибо оно соответствовало моей сути в той же мере, что и образ ребенка. Сейчас я большей частью предпочитаю этот облик, но стоит утратить бдительность, и возвращается

изначальная форма. Вот и теперь: детский облик обеспечивал более тонкую передачу чувств и давал больше возможностей влиять на других, но, еще не придя окончательно в себя в царстве смертных, я безотчетно принял образ кота.

Тем не менее что-то с этой формой было не так. Я попробовал встать и почувствовал себя неловким и неуклюжим. Я не стал тратить время, разбираясь, что тут к чему, предпочтя снова превратиться в мальчишку. Вернее сказать, попробовал превратиться. Однако и превращение пошло не так, как ему следовало бы: против обыкновения, потребовалось значительное усилие. И даже тогда перевоплощение совершалось так медленно, словно я застрял в густой патоке. Облекшись наконец смертной плотью, я готов был свалиться без сил. Я и свалился — там же, где материализовался. Меня трясло, я не мог отдышаться и только гадал, что, во имя всех преисподних, могло со мной случиться.

— Сиэй?..

Тот же голос, что звал меня в пустоте. Женский голос. Одновременно знакомый и незнакомый. Озадаченный, я попытался приподнять голову и повернуться к его обладательнице. И с изумлением обнаружил, что не могу. Нет сил!

— Это действительно ты… Боги благие, я и представить не мог…

Мягкие руки коснулись моих плеч и потянули. Я негромко застонал. Она помогла мне повернуться на бок. Тут что-то начало происходить с моей головой. Стало больно. И холодно. Вот это было уже нечто совсем новенькое! Я никогда раньше не мерз.

— Во имя беспредельности Светозарного! Так это же…

Она тронула мое лицо. Я инстинктивно потянулся к этой ладони, потерся об нее. Она ахнула и отдернула руку. Но потом вновь погладила меня и уже не отстранилась, когда я к ней прижался.

— Ш-Шахар… — кое-как выговорил я. Голос прозвучал слишком громко и как-то неправильно. Я распахнул глаза и уставился на нее. — Шахар?

Это была Шахар. Несомненно. Только и с ней что-то успело произойти. Лицо стало длинней, кости — тоньше и изысканней, переносица — выше. А волосы, которые при нашей последней встрече (когда, кстати, это было? только что? накануне?) она носила примерно до плеч, отросли и спутанной гривой спадали едва ли не ниже пояса, растрепанные, словно она только встала с постели.

Так быстро у смертных волосы не растут. И даже Арамери не стали бы тратить магию на подобные пустяки. Ну, может, когда-то и стали бы, но не теперь. Кстати, о времени. Я попытался отыскать ближние звезды, чтобы понять, сколько минуло времени, но ответом мне стал лишь далекий нечленораздельный рокот, чем-то напоминавший бормотание червей памяти.

— Холодно, — пробормотал я.

Шахар поднялась и куда-то ушла. Очень скоро меня что-то укрыло, нечто толстое, теплое, пахнущее ее телом и птичьими перьями. Оно не должно было бы меня согреть — начнем с того, что моему телу вовсе не полагалось бы мерзнуть, — но мне стало лучше. К тому моменту я обрел способность кое-как двигаться и использовал ее, чтобы благодарно свернуться под одеялом.

— Сиэй… — Голос прозвучал так, словно к ней после изрядного потрясения еще не вполне вернулось самообладание. Ее рука вновь легла на мое плечо и успокаивающе погладила. — Не то что я не рада тебя видеть, просто… — Голос у нее был какой угодно, только не довольный. — Просто, если уж ты надумал вернуться, почему именно теперь? И почему именно сюда, да еще вот так? Это же… Боги благие, поверить не могу!

Почему теперь? Я понятия не имел. Я ведь не знал даже, что́ это за «теперь». Что касается былого, я припоминал не столько мысли, сколько ощущения. Я держал ее за руку.

Ее и Деку. А потом свет, ветер, что-то неуправляемое. Лицо Шахар, ее круглые от ужаса глаза, раскрытый рот и…

Крик. Она кричала.

Силы тем временем понемногу возвращались. Я употребил их на то, чтобы дотянуться до ее колена, пребывавшего в нескольких дюймах от моего лица. Пальцы скользнули по гладкой горячей коже и коснулись тонкой, легкой ткани ночной сорочки. Шахар ахнула и отпрянула:

— Да ты замерзаешь!

— Холодно… — прохрипел я.

Мне было настолько холодно, что я чувствовал, как влага из воздуха собирается на коже в тех местах, где ее не прикрывало одеяло. Я укрылся с головой. Точнее, попытался. Меня опять потянуло за голову, удерживая ее на месте, хотя мне и удавалось ее немного сдвинуть.

— Срань демонская! Это еще что?

— Твои волосы, — сказала Шахар.

Я замер, глядя на нее снизу вверх.

Она подвинула мое плечо, затем подняла прядь

и показала ее мне. Что это была за прядь! Густая, волнистая, темно-каштановая и длиннее ее руки. В ней было несколько футов! Я потому и не мог сдвинуться с места, что запутался в собственных волосах!

— Я не приказывал волосам настолько отрастать, — прошептал я.

— Так прикажи им опять стать короткими. Или перестань вертеться, чтобы я смогла их распутать.

Она стащила с меня одеяло и принялась разбирать мои космы, высвобождая их и расчесывая пальцами. Когда она снова помогла мне улечься на бок, голова освободилась. Оказывается, я придавил разросшиеся патлы своим телом.

Мои волосы не должны были настолько вырасти. И ее волосы тоже.

— Скажи — что случилось? — спросил я, пока она возилась, ворочая меня, как большую куклу. — Сколько времени прошло с тех пор, как мы дали клятву?

— Клятву? — Шахар уставилась на меня так, словно впервые увидела. — Ты что, ничего больше не помнишь? Боги мои, Сиэй, да ведь ты нарушил ее едва ли не в тот же миг, как принес!

Я громко выругался на трех земных языках,

чтобы прервать ее.

— Просто скажи, сколько времени прошло!

Гнев разрумянил ей щеки, хотя в бледном сиянии, отбрасываемом светящимися стенами Неба, определенно сказать было непросто.

— Восемь лет, — ответила она.

Не может быть!

— Восемь лет я бы запомнил.

Мне следовало бы понять, почему она так сердито ответила.

— Короче, прошло восемь лет. И если ты их не помнишь, то я тут ни при чем. Полагаю, у тебя было множество важных дел. И вообще, для вас, богов, годы смертных пролетают как один вздох…

Это так, но для нас ни один вздох не проходит незамеченным. Я хотел знать больше. Например, почему голос у нее такой обиженный и сердитый. Это взывало ко мне, точно укол порушенной невинности, и казалось очень важным. Но еще мне казалось, что подобные вещи необходимо смягчать молчанием и лишь потом тщательно в них разбираться. Поэтому я все отложил и спросил:

— А почему я так ослабел?

— Мне-то почем знать?

— И где я был все это время? Пока отсутствовал?

— Сиэй… — Она с усилием выдохнула. — Не знаю. Я ни разу не видела тебя с того дня, восемь лет назад, когда мы с тобой и Декой решили стать друзьями. Ты попытался убить нас, а потом исчез.

— Убить? Я вовсе не пытался…

Ее лицо стало жестким, она смотрела на меня с ненавистью, и это означало, что я действительно попытался ее убить, — или, по крайней мере, она так думала.

— Я не хотел, Шахар…

Я вновь к ней потянулся, теперь уже невольно. Я мог забирать силу у детей смертных, если приходила нужда. Я опять коснулся ее колена, но ощутил лишь тоненький ручеек того, в чем нуждался. Ну конечно: как-никак восемь лет. Теперь ей шестнадцать. Еще не совсем взрослая женщина, но близко к тому. Я всхлипнул от отчаяния и отстранился.

— Я ничего не помню с того самого момента и до сих пор, — сказал я, изо всех сил не подпуская к себе страх. — Я взял вас за руки, а потом сразу оказался здесь. Что-то пошло не так…

— Да уж, похоже на то. — Она стиснула пере-

носицу и тяжело вздохнула. — Хорошо хоть твое появление не потревожило охранные письмена на стенах, иначе стража уже вынесла бы двери. На всякий случай надо придумать какое-то объяснение твоего присутствия. — Она помолчала, хмуря брови и с надеждой поглядывая на меня. — Или, может быть, ты куда-нибудь испаришься? Так стало бы проще всего!

Верно, проще. И для меня, и для нее. Конечно, она не хотела, чтобы я здесь находился. И я тоже не хотел здесь находиться — ослабевший, отяжелевший, беспомощный. Я хотел быть с… Погодите-ка… О нет, нет!

— Нет, — прошептал я.

Она снова вздохнула, на сей раз раздраженно, и я понял, что она восприняла мое «нет» как ответ на ее недавний вопрос. Я сделал героическое усилие и схватил ее за руку, отчего Шахар вздрогнула.

— Нет, я не о том. Шахар, как ты меня сюда вызвала? Ты использовала науку писцов или… Или ты каким-то образом повелела?

— Я тебя не вызывала. Ты сам вдруг появился.

— Нет, это ты заставила меня появиться. Я ведь почувствовал, это ты вытащила меня из него…

И, во имя всех демонов, я уже чувствовал его

приближение. Его ярость заставляла весь мир смертных пульсировать животрепещущей раной. Почему она этого не ощущает? Мне бы заорать на нее, но вместо этого я тряхнул ее руку.

— Ты вытащила меня из него, и он убьет тебя, если ты немедленно не расскажешь, что ты сделала!

— Кто… — начала она и смолкла, а глаза у нее распахнулись, потому что теперь и она это почувствовала. Еще бы, ведь сейчас он находился с нами в комнате, принимая зримый облик. Светящиеся стены разом померкли, самый воздух дрогнул и благоговейно застыл.

— Сиэй, — произнес Ночной Хозяин.

Я закрыл глаза и помолился о том, чтобы Шахар молчала.

— Я здесь, — отозвался я, и в следующее мгновение он опустился на колени подле меня, а его темный плащ разостлался вокруг него по полу. Леденящие пальцы коснулись моего лица, и я подавил желание рассмеяться над собственной тупостью. Я сразу должен был понять, отчего мне так холодно!

Он повернул мое лицо из стороны в сторону, изучая меня с помощью зрения, и не только. Я без звука позволил ему это, потому что он был моим

отцом и имел полное право тревожиться обо мне, но потом перехватил его руку. Мое прикосновение придало ей материальности, и я ощутил приток силы, льющейся из неисчерпаемого кладезя его души. Я с облегчением перевел дух.

— Наха. Расскажи.

— Мы обнаружили тебя плавающим в пространстве. Ты был как душа, утратившая пристанище. Йейнэ пыталась исцелить тебя, но не смогла. И тогда я принял тебя, чтобы уберечь.

А в утробе Нахадота, куда он меня принял, царили холод и тьма.

— Что-то я не чувствую себя исцеленным…

— А ты и не исцелен. Я не мог найти средства, чтобы вывести тебя из того состояния. Не мог даже сохранить.

В его голосе, обычно не слишком богатом оттенками, зазвучала горечь. Дар останавливать процессы, развитие которых зависело от времени, достался Итемпасу; Нахадот такой способностью не обладал совершенно.

— Самое большее, что я мог сделать, — продолжил он, — это оберегать тебя, пока Йейнэ искала лекарство. Но тебя у меня забрали. Я не мог понять, куда ты вдруг делся. Сперва не мог…

И темная бездна его глаз обратилась в сторону

Шахар. Она вздрогнула и съежилась — и было из-за чего.

У меня не имелось причин желать ее спасения, если не считать ребяческого чувства чести. Ведь это я когда-то покончил с ее детской невинностью, а значит, был перед нею в долгу. А еще я дал клятву, что буду ей другом. Поэтому я осторожно сел — не прямо у него перед глазами, потому что это было небезопасно, но так, чтобы привлечь его внимание.

— Наха, — сказал я. — Что бы она ни сделала, она сделала это непреднамеренно.

— Ее намерения не имеют значения, — ответил он очень тихо. Он не сводил с нее взгляда. — Когда тебя у меня вырвали, ощущения были очень похожи на те, что я помню со времен нашего плена. Зов, от которого не отмахнешься и которого невозможно ослушаться.

Шахар издала некий звук, вроде едва слышного всхлипа, и на лице Нахадота отразилось голодное пристальное внимание. Я не мог винить его за этот гнев, но Шахар ничем не напоминала Арамери прежних веков. Она вообще выросла, понятия не имея о повадках богов. Откуда ей было знать, что ее страх мог подтолкнуть его к нападению, потому что ночь была временем хищников, а она

вела себя подобно беспомощной жертве…

Но не успел я придумать хоть какой-нибудь способ отвлечь его, как случилось наихудшее: она заговорила.

— Г-господь Нахадот… — выдавила она дрожащим голосом.

Нахадот приблизился, его дыхание участилось, и в комнате сразу стало темней. Срань демонская. Но, к моему изумлению, она глубоко вдохнула, и ее страх вроде как отступил.

— Господь Нахадот, — заново начала она. — Уверяю тебя, я не сделала ничего, чтобы вызвать сюда господа Сиэя. Да, я подумала о нем. — Она покосилась на меня. Ее лицо неожиданно стало суровым, что совершенно меня смутило. — И произнесла его имя. Но не потому, что хотела, чтобы он здесь появился. Как раз наоборот. Я разозлилась. И прокляла его.

Я вытаращил на нее глаза. Прокляла? Но перемена в ее настроении сделала то, что не удалось мне: Наха выдохнул и снова уселся.

— Проклятие сродни молитве, — проговорил он задумчиво. — Если ты достаточно хорошо постигла его природу…

— Молитва не выдернула бы меня из твоей пустоты, — заметил я, рассматривая свое тело. Руки

и ноги выглядели длинными до непристойности. Даже ладони сделались в полтора раза шире прежнего! Мне полагалось иметь маленькие ловкие пальчики, а не эти здоровенные клешни! — И не могла бы сотворить со мной такое. Ничто не смогло бы такое сделать.

Теперь, когда Наха пополнил мою силу, я мог исправить ошибку. Я приказал себе стать прежним.

— Остановись. — Воля Нахадота перехватила мою и неодолимо стиснула ее, не дав начать обратное превращение. Я испуганно замер. И он тотчас подтвердил мои страхи, сказав: — Тебе более небезопасно менять облик.

— Небезопасно?

— Ты еще не понял, — вздохнул он.

И, заглянув мне в глаза, он передал знание, которое они с Йейнэ обрели за восемь лет с той поры, когда все пошло наперекосяк.

Есть граница между богами и смертными, не имеющая ничего общего с бессмертием. Это материальность: способность быть вещественным, обладать изменчивой плотью. Фундаментальная причина, по которой демоны были слабее нас, хотя некоторые из них по могуществу равнялись богам. Они могли пересекать эту черту и

становиться богами, но это требовало чудовищных усилий, и божественность, не будучи их естественным состоянием, получалась лишь временной. Другим смертным преодолевать границу вовсе не удавалось. Они были заперты в своей плоти, они старились вместе с ней, обретали с ней силу или слабость. Они не могли придавать произвольную форму ни ей, ни миру вокруг себя — разве что пуская в ход убогие возможности своих рук и ума.

Так вот, Нахадот сообщил мне, что я как бы перестал в полной мере быть богом. Я завис между божественностью и смертностью, но с течением времени мало-помалу становился все более смертным. Я еще мог произвольно изменять облик и уже сделал это, появившись у Шахар изначально в облике кота. Но теперь это давалось мне немалым трудом. Дальше меня ждут боль, раны, а там недолго и навсегда покалечиться. И наконец придет день — когда-нибудь, но придет, — когда я вообще не смогу измениться. А если попытаюсь, то погибну.

Я смотрел на него, и мне было по-настоящему страшно.

— Что ты такое говоришь? — прошептал я, хотя он не произнес вслух ни единого слова. — Наха,

что ты такое говоришь?

— Что ты становишься смертным.

Мне стало тяжелее дышать. А ведь я не приказывал себе тяжело дышать. А также дрожать, потеть, расти, мужать, становиться из мальчишки мужчиной. Мое тело проделывало это само. Мое… Нет, не мое! Чужое, осквернённое, вышедшее из повиновения тело.

— Значит, я умру, — сказал я. Во рту было сухо. — Наха, взросление противно моей природе. Если так дело пойдет, если я буду взрослеть и стареть, если я споткнусь и сильно ударюсь, я умру, как умирают смертные.

— Мы найдем способ вылечить тебя.

Я сжал кулаки:

— Не лги мне!

Бесстрастная маска Нахи рассыпалась, и я увидел глубокую скорбь. Я вспомнил несчетные ночи, проведенные у него на коленях, и как я просил его рассказать еще одну сказку. Я называл его сказки «чудесным враньем». Он укачивал меня на руках, повествуя о чудесах, то реальных, то вымышленных, и как же я радовался тому, что не вырасту никогда! Тому, что всегда буду с восторгом слушать его «вранье».

— Ты будешь делаться старше, — сказал он. —

Ты перерастешь детство, и сила начнет тебя покидать. Ты начнешь нуждаться в пище и сне, как прочие смертные, а недоступные смертным восприятие и чувства будут постепенно оставлять тебя. Ты станешь уязвимым и хрупким. А потом… Да, если мы ничего не сумеем предпринять, ты умрешь.

Я не смог перенести мягкости его голоса, не соответствующую жестокости сказанного. Он всегда был так мягок, так уступчив, так терпим к переменам. А я не хотел, чтобы он был терпим к такому.

Отшвырнув одеяло, я встал. Движение получилось неловким из-за непривычно изменившегося телосложения и уймы волос. Кое-как доковыляв до окна, я уперся ладонями в стекло и налег на него всем весом. За столетия, проведенные во дворце по имени Небо, я уяснил, что смертные очень редко так поступали. Они хоть и знали, что стекла во дворце усилены магией, а окна изготовлены со сверхчеловеческой точностью, им было не избавиться от страха, что, не ровен час, или стекло треснет, или рама расшатается. Я уперся ногами и толкнул что было сил. Мне отчаянно требовалось ощутить хоть что-то неподвижное и прочное.

Ощутив прикосновение к плечу, я резко обернулся, подсознательно ожидая встретить взгляд непреклонных глаз цвета заката, еще более непреклонную силу смуглых рук и эту неуязвимую мягкость. Но передо мной была всего лишь смертная, Шахар. Я зло уставился на нее, гневаясь, что не увидел того, что желал, и едва не отшвырнул ее, чтобы не мешалась. Ее ошибка каким-то образом стала причиной всего, что со мной случилось. Может, убив ее, я обрету свободу?

Посмей она взглянуть на меня с жалостью или состраданием, я, наверное, именно так бы и поступил. Но ничего подобного на ее лице я не прочитал, лишь негодование и отвращение. Она была Арамери. Сочувствие — это не для них.

Итемпас некогда предал меня, но избранники Итемпаса вот уже две тысячи лет были восхитительно предсказуемы. Я рывком притянул ее к себе и заключил в кольцо рук, такое тесное, что вряд ли ей в нем было хорошо и удобно. Она отвернулась, и ее щека оказалась прижата к моему плечу. Впрочем, никаких уступок я не дождался: она не заговорила и не ответила на объятие. Я просто держал ее, дрожа и скрипя зубами, чтобы не начать вопить. И еще я смотрел на Нахадота сквозь облако ее светлых кудрей.

Тот ответил мне неподвижным взглядом, полным печали. Он отлично знал, почему я от него отвернулся, и прощал меня за это. А я ненавидел его за это, точно так же, как ненавидел Йейнэ за их любовь с Итемпасом, как ненавидел Итемпаса за то, что он спятил и не пришел ко мне, когда был так мне нужен. Я ненавидел всю их троицу за то, что они разбрасывались взаимной любовью, в то время как я отдал бы все — все! — лишь за то, чтобы эта любовь была обращена на меня…

— Уходи, — прошептал я сквозь волосы Шахар. — Прошу тебя, уходи.

— Тебе небезопасно здесь оставаться.

Я горько рассмеялся, угадав его намерение:

— Может, мне и осталось лишь несколько десятилетий жизни, Наха, но если и так, я не хочу провести их внутри тебя, в спячке. Так что спасибо.

Его лицо посуровело. Я знал о его восприимчивости к боли и понимал, что мои слова ранили его, как ножи.

— У тебя есть враги, — сказал он.

Я вздохнул:

— Я могу за себя постоять.

— Я не хочу потерять тебя, Сиэй. Я не отдам тебя ни отчаянию, ни смерти.

— Уходи! — Я сгреб Шахар, как мягкую игрушку, зажмурился и заорал: — Убирайся, демоны тебя задери, и оставь меня, во имя всех преисподних, в покое!

Мгновение тишины. Потом я ощутил его уход. Стены вновь обрели способность сиять, а в комнате словно прибавилось воздуху. Шахар чуть расслабилась и прильнула ко мне. Но это была лишь минутная слабость, да и то малозаметная.

Я по-прежнему удерживал ее, потому что сейчас мне хотелось потакать только своим желаниям, а никак не ее. Но я недаром стал старше. У меня, помимо воли, прибавилось зрелости, так что я быстренько перестал думать лишь о себе. Я разжал руки, и она шагнула назад, глядя на меня с пробудившимся подозрением.

— И что ты теперь станешь делать? — спросила она.

Я рассмеялся, прислонившись к стеклу:

— Не знаю пока.

— Ты хотел бы остаться здесь?

Я застонал и поднял руки к голове, путаясь пальцами в некстати разросшихся волосах.

— Не знаю, Шахар. Что-то мне сейчас плохо думается. Как-то сразу все навалилось…

Она вздохнула. Я ощутил, как она приблизи-

лась и встала рядом возле окна. От нее так и веяло напряженной работой мысли.

— Сегодня можешь переночевать в комнате Деки, — сказала она наконец. — Утром я поговорю с мамой.

Я пребывал в таком ошарашенном состоянии, что ее слова обеспокоили меня гораздо меньше, чем следовало бы.

— Отлично, — сказал я. — Как скажешь. Постараюсь не разбудить его, пока буду шататься из угла в угол и сопли размазывать.

Она некоторое время молчала. Я и внимания на это не обратил, но, когда она заговорила, в голосе прозвучала обида.

— Деки здесь нет. Ты там будешь один.

Я повернулся к ней, хмуря брови:

— А где же он? — И до меня тотчас дошло: это же Арамери. — Он умер?

— Нет. — Она не посмотрела на меня и даже не переменилась в лице, но в голосе зазвенело презрение, вызванное моим предположением. — Он в «Литарии». Учится на писца.

Мои брови поползли вверх.

— Я и не знал, что он хотел стать писцом.

— А он и не хотел.

Я наконец-то понял. Да уж, действительно:

Арамери. Когда возможных наследников оказывалось более одного, их вовсе незачем было стравливать в битве насмерть. Правительница вполне могла оставить в живых обоих, всего-навсего поставив одного в заведомо подчиненное положение.

— Стало быть, его прочат стать при тебе первым писцом.

Она пожала плечами:

— Если он преуспеет, а за это никто поручиться не может. Пусть сперва подтвердит свои умения, когда вернется. Если вернется.

Я начал понимать, что здесь все совсем непросто. Во мне шевельнулось любопытство, заставившее на некоторое время забыть о собственных бедах. Я повернулся к ней.

— Обучение искусству писцов длится годы, — сказал я. — Обычно от десяти до пятнадцати лет.

Она подняла взгляд, и выражение ее глаз заставило меня поежиться.

— Именно. Вот Дека и учился последние восемь лет.

О нет.

— Восемь лет назад…

— Восемь лет назад, — все так же сухо и резковато продолжила она, — ты, я и Дека приняли

обет дружбы. Сразу после этого ты выдал магическую вспышку такой мощи, что она разнесла Лестницу в никуда и порядочный кусок нижней части дворца. Сделав это, ты исчез неизвестно куда, оставив нас с Декой погребенными среди завалов, и сломанных костей у нас было больше, чем целых.

Я в ужасе уставился на нее. Она прищурилась, вглядываясь в мое лицо, и толика замешательства чуть пригасила ее гнев.

— Так ты ничего не знал?

— Не знал.

— Но как же вышло, что ты не знал?

Я тряхнул головой:

— Я ничего не помню с того момента, как мы втроем взялись за руки, Шахар. Но вы с Декой все же мудро поступили, попросив моей дружбы. Это раз и навсегда обезопасило вас от меня. А что там случилось, я действительно не понимаю.

Она медленно кивнула:

— Нас вытащили из-под обломков и подлатали. Стали как новенькие. Только мне пришлось рассказать о тебе маме. Она была вне себя из-за того, что мы скрыли от нее нечто столь важное. Опять же опасности подверглась жизнь наследника, и за это нужно было обязательно с кого-то

спросить. — Она сложила на груди руки, ее плечи едва заметно напряглись. — Дека пострадал меньше, чем я. Наши чистокровные родственники принялись намекать, будто Дека — только Дека, не я! — верно, сделал нечто такое, что тебя разозлило. В заговоре с использованием божества в качестве орудия убийства его никто напрямую не обвинял, но…

Я прикрыл глаза, начиная в конце концов понимать, почему она проклинала мое имя. Сперва я похитил ее детскую невинность, а потом и ее брата. Она никогда больше не будет мне доверять…

— Мне очень жаль, — сказал я, чувствуя полную несостоятельность этих слов.

Она вновь пожала плечами:

— Ты ни в чем не виноват. Теперь я вижу: произошедшее было несчастной случайностью.

С этими словами она отвернулась и прошла к двери в смежную комнату, где когда-то помещался Декарта. Открыла ее и оглянулась, ожидая, пока я подойду.

Я, однако, задержался возле окна, читая знаки, ставшие гораздо более внятными. Ее лицо было холодным и бесстрастным, но мастерства в управлении его выражением она еще не достигла. В ней тлела ярость — пока еще скрытая,

но отнюдь не погашенная. Она была терпелива. И сосредоточенна. Я мог бы подумать, что это хорошо, если бы уже не видел такое раньше.

— Ты не винишь меня, — проговорил я. — Хотя готов поспорить, что винила. До сегодняшней ночи. Но все еще винишь кого-то. Кто это?

Я полагал, что она отмолчится.

— Моя мать, — ответила она.

— Ты вроде говорила, что она была вынуждена отослать Деку?

Шахар покачала головой:

— Это не имеет значения. — Помолчав, она опустила взгляд. — Дека… С тех пор как он уехал, я ничего о нем не знаю. Он возвращает мои письма нераспечатанными.

Я говорил уже, что чувствовал себя ошарашенным? Так вот, мои чувства были изрядно притуплены, но даже в таком состоянии я ощущал живую болезненную рану в ее душе, в той части, что была посвящена брату-близнецу. Такие раны нуждаются в лечении и перевязках.

— Иди уже, — вздохнула она.

Я шагнул к ней, но тут же остановился, кое-что осознав. Главы семейства и их наследники люто презирали друг друга с самого начала эры Светозарного. Если учитывать все обстоятель-

ства, это выглядело неизбежным: две личности, достаточно сильные, чтобы повелевать миром, редко становятся не то что наперсниками, а даже добрыми соседями. Именно поэтому главы семейства Арамери контролировали наследников столь же безжалостно, что и весь остальной мир.

Мой взгляд переместился к старой, незавершенной сигиле на лбу Шахар. Там не было ни одного слова, означавшего сдерживание и управление. Она была свободна в действиях против своей матери. Вплоть до заговора с целью низложения и убийства. Стоило лишь захотеть.

Шахар перехватила мой взгляд и улыбнулась.

— Мой старый друг, — сказала она. — А знаешь, тогда, много лет назад, ты не ошибся на мой счет. Есть кое-что в моей природе, и мне от этого некуда деться.

Я пересек комнату и встал подле нее у входа. Я раздумывал о ней и с удивлением чувствовал неуверенность. По идее, я должен был выслушать ее планы страшной мести и почувствовать себя оправданным. Мне следовало бы прочувствованно сказать ей: «Еще не кончив, ты поймешь, что не стоило и начинать…»

Но я успел близко познакомиться с ее детской душой, и было в ней нечто такое, что мало со-

ответствовало образу холодного мстителя, в которого она вроде бы превратилась. Она любила брата, даже была готова пожертвовать собой ради него. Она действительно всеми силами хотела стать хорошим человеком.

— Нет, — сказал я, и она заморгала. — Ты действительно от всех отличаешься. Не знаю, правда, почему. Тебе не полагалось бы, но так оно и есть.

У нее взбугрились на скулах желваки.

— Может, это ты повлиял? Вы, боги, такие. Знай, что ты повлиял на мою жизнь больше, чем удалось самому Блистательному Итемпасу…

— Наоборот, мое влияние должно было сделать тебя хуже. — Я даже чуть улыбнулся, правда, улыбка получилась кривая. — Я себялюбив, капризен, жесток. Шахар, я никогда не был пай-мальчиком!

Она приподняла бровь и бросила короткий взгляд вниз. Я и забыл, что совсем голый, если не считать одеждой безобразно длинные волосы: сейчас, когда я стоял, они достигали лодыжек. (В отличие от ногтей, которые сохранили ту длину, которую я обычно предпочитал. Частичная смертность и частичный рост? Придется жить, с ужасом ожидая первую стрижку ногтей.)

Я сперва подумал, что Шахар разглядывает

что-то у меня на груди, потом запоздало сделал поправку на изменившийся рост и сообразил, что ее взгляд устремлен… несколько ниже.

— Да уж, — сказала она наконец. — Теперь ты точно не мальчик.

Кровь бросилась мне в лицо, хотя я не очень понял почему. Ведь тела — это всего лишь тела, а пенисы — всего лишь пенисы. Тем не менее она каким-то образом вынудила меня смутиться из-за моего. Во всяком случае, я так и не придумал, что ей на это ответить.

Шахар помолчала еще немного, вздохнула:

— Ты, может, поесть хочешь?

— Нет… — начал я, но тут в животе у меня заурчало и возникло то странное посасывание, которого я не знал уже несколько человеческих поколений. Я даже успел подзабыть, что оно означает. Я вывернулся, сказав: — Но к утру, наверное, захочу.

— Значит, я распоряжусь, чтобы доставили двойной поднос. Спать-то будешь?

Я покачал головой:

— Слишком много всего надо обдумать. Не уснул бы, даже вымотавшись. А я не слишком устал…

Ну да. Пока еще не устал.

Она вздохнула:

— Понятно…

Тут до меня вдруг дошло, что она совершенно вымотана. Лицо бледнее обычного, даже морщинки наметились. Ко мне постепенно возвращалось чувство времени — смутное, неповоротливое, но тем не менее действенное, — и я сообразил, что, когда она меня вызвала, было уже хорошо за полночь. Ну, не вызвала, а прокляла. Может, она в тот момент без сна расхаживала по комнате и голова пухла от раздумий о всяческих бедах? Что заставило ее вспомнить меня, пусть даже и с ненавистью, — после стольких-то лет? А хочу ли я это знать?..

— Наша клятва все еще в силе, Шахар? — тихо спросил я. — Я не хотел причинять тебе никакого вреда.

Она нахмурилась:

— А тебе хочется, чтобы она была в силе? Помнится, поначалу тебя не слишком привлекала идея обзавестись двумя смертными друзьями…

Я облизнул губы, силясь осознать, почему мне настолько не по себе. Она определенно заставляла меня нервничать.

— Думаю, учитывая обстоятельства, друзья бы мне пригодились.

Она моргнула. Потом улыбнулась — уголком рта. В отличие от ее прежних улыбок, эта была настоящей. В ней не чувствовалось горечи. Тут я понял, насколько ей было одиноко без брата. Насколько она вообще юная. И как недалеко ушла от того ребенка, каким я ее знал.

Потом она шагнула вперед, ее ладони коснулись моей груди, и я ощутил поцелуй. Легкий и дружеский. Простое и краткое прикосновение теплых губ, но оно зазвенело во мне хрустальным колокольчиком. Она отступила на шаг, а я все стоял столбом и смотрел на нее. И ничего не мог с собой поделать.

— Значит, друзья, — сказала она. — Доброй ночи.

Я просто кивнул, не найдя слов. И ушел в комнату Деки. Она затворила за мной дверь, и я обессиленно прижался к ней спиной, испытывая одиночество и еще что-то очень странное…

4

Спи, мой малыш,
Вот мир, что достался люду:
Ненависть землями правит,
И горе повсюду.
Мечтая о лучшей жизни
В краю, далеком отсюда,
Ты сказок моих не слушай,
Просто иди за чудом.

В ту ночь я не спал, хотя и мог бы. Спать-то хотелось, и еще как! Я вообразил отчаянное желание сна в виде паразита, высасывающего мои силы и только ждущего, когда я достаточно ослабею и дам ему возможность завладеть уже всем телом. Когда-то мне нравилось спать. Когда-то. Прежде, чем это стало угрозой.

Но скуку я тоже не любил, а ее было предостаточно в те часы, которые я провел, расставшись с Шахар. На размышления о моем прискорбном положении могло уйти лишь какое-то время. Единственным способом как-то выплеснуть мои «растрепанные чувства» было действовать. Делать что угодно, лишь бы немедленно. Я слез

с кресла и принялся бродить по комнате Деки, заглядывая то в выдвижные ящики, то под кровать. Его книги были слишком просты, чтобы возбудить мой интерес, за исключением сборника загадок, где нашлось несколько ранее мне неизвестных. Но и эту книгу я одолел за полчаса, а потом скука навалилась вновь.

Трудно придумать существо опаснее скучающего ребенка. И, хотя меня было бы правильнее назвать скучающим подростком, это изречение смертных по-прежнему оставалось в силе. Часы текли, постепенно становясь все длиннее и тягостнее. В конце концов я встал и растворил стену. Хотя бы это я мог проделать, не растрачивая еще остававшиеся у меня силы: для этого потребовалось лишь произнести слово. Когда день-камень отодвинулся в сторону, уступая мне путь, я шагнул сквозь открывшееся отверстие, оказавшись в мертвых пространствах за стеной.

Прогулка по моим былым угодьям до некоторой степени подняла настроение. Хотя, конечно же, и здесь не все было в точности как когда-то. Мировое Древо разрослось и вокруг Неба, и непосредственно внутри. Некоторые заброшенные коридоры и замкнутые пространства оказались заполнены его живой древесиной, и это застав-

ляло меня время от времени пускаться в обход. Я понимал, что таков и был замысел Йейнэ: в отсутствие Энефадэ и, что важнее, лишившись подпитки от Камня Земли, Небо испытывало необходимость в поддержке Древа. Уж слишком много законов Итемпаса, установленных для смертного царства, нарушала его архитектура, и лишь магия удерживала громадный дворец в небесах, не давая ему обрушиться и, соответственно, вдребезги разбиться.

Я спустился на семнадцать этажей, прошел изгибами коридора, который человеку мог только присниться, ибо представлял собой вереницу соединенных сфер, и там, под гигантской выгнутой веткой, я нашел то, куда стремился, — свой планетарий. Я аккуратно обогнул все ловушки, которые сам когда-то расставил, по привычке избегая наступать на фрагменты лунного камня, вделанные в пол. На вид они были очень похожи на обычные куски день-камня (смертные их и не различали), но облачными ночами в новолуние эти вставки преображались, становясь провалами прямо в одну из любимых преисподних Нахадота.

Эти капканы я некогда насторожил против наших тогдашних хозяев, просто чтоб они помнили:

за все надо платить. В том числе и за порабощение своих богов. Мы рассеяли такие милые ловушечки по всему дворцу. В их устройстве обвинили Нахадота. Его подвергли жестокому наказанию, но впоследствии он даже поблагодарил меня, заверив, что перенесенная боль того стоила.

Но когда наконец я произнес: «Атадиэ!» — и стена планетария раскрылась передо мной, я замер у входа, а челюсть у меня так и отвисла.

По идее, вокруг центрального ярко-желтого шара должно было плавать более сорока сфер поменьше, но я увидел всего четыре. Только четыре! И это считая сферу-солнце в центре! Остальные валялись на полу и около стен — останки после погрома. «Семь сестер», золотые планетки-близняшки, которые я собрал, обшарив миллиарды звезд, валялись по углам. Остальные тоже: Зиспе, Лакруам, Аманайясенре, Весы, Мать Вращения с ее шестью детками-лунами, соединенными тонкой сетью колец, и — вот горе-то! — мой любимец, великолепный гигант Ваз. Белоснежный шар, который я некогда с трудом обхватывал руками, сильно ударился об пол и раскололся. Я подошел к ближней половинке и со стоном опустился на колени, чтобы взять ее в руки. Было отчетливо видно ядро, мертвое и остывшее. Планеты — шту-

ки крепкие, куда крепче большинства смертных, но эту мне починить не удастся. Даже окажись у меня для этого лишняя магия.

— Не-е-ет… — прошептал я, раскачиваясь взад-вперед с полушарием в руках.

Я даже плакать не мог. Я ощущал себя таким же мертвым, как внутренность расколотого Ваза. Слова Нахадота не заставили меня как следует прочувствовать весь ужас моего положения, но такое… От этого так просто не отмахнешься.

На мое плечо опустилась рука, но я был до такой степени погружен в горе, что мне было все равно, чья она.

— Мне так жаль, Сиэй…

Йейнэ. Ее голос, мягкое контральто, из-за печали прозвучал еще ниже. Я ощутил, как она опустилась на колени подле меня. Кожу обдало мягким теплом, но ее присутствие не принесло мне утешения, как в былые времена.

— Сам виноват, — прошептал я.

Я всегда собирался распустить свой планетарий — когда-нибудь, когда он мне надоест. Хотел вернуть каждый мир туда, откуда я его забрал. Вот только сделать это я так и не собрался, потому что был себялюбивым поганцем. Когда я был заключен в смертную форму и изо всех сил тщился

почувствовать себя богом, потому что хозяева Арамери обращались со мной точно с вещью, я перенес планетарий сюда, опасаясь, что они его обнаружат. Я пускал в ход не принадлежавшую мне силу, я много раз убивал свое смертное тело, чтобы поддержать планетарий. И после всего этого сам не заметил, как погубил эти миры…

Йейнэ вздохнула и обняла меня за плечи, на миг зарывшись лицом в мои волосы.

— Смерть со временем приходит за всеми… — сказала она.

Однако в этом случае смерть явно поторопилась. Моему планетарию полагалось жить не меньше, чем звезде. Я глубоко вздохнул, опустил на пол половинку планеты и посмотрел на Йейнэ снизу вверх. На ее лице не было даже следа того потрясения, которое испытал я, увидав себя повзрослевшим, и за это я был ей благодарен. Не в ее природе было шарахаться от зрелища утраченной прелести. И она любила меня и продолжит любить, даже если я более не смогу быть ее маленьким мальчиком. Я снова потупился. Мне стало стыдно за ту ревность, которую возбудило во мне ее влечение к Итемпасу.

— Некоторые все-таки уцелели, — тихо проговорил я. — Они…

Я снова перевел дух. Что я стану без них делать? Тогда я буду воистину одиноким. Но все-таки я поступлю так, как будет правильно. Мои самые преданные друзья заслуживали свободы.

— Ты поможешь им, Йейнэ? Пожалуйста…

— Конечно, — ответила она и прикрыла глаза.

Планетки вокруг светила исчезли одна за другой, а потом и парочка из валявшихся на полу. Я следовал за Йейнэ, насколько мне удавалось, наблюдая, как она бережно размещала каждую в точности там, где я когда-то ее нашел. Вот одна снова поплыла вокруг яркого золотого солнца, и оно несказанно обрадовалось, получив ее обратно. Другая вернулась к двойной звезде, и сияющие близняшки встретили ее согласной торжествующей песнью. Третья оказалась в звездной детской, в окружении громко верещащих новорожденных планет и своенравных шипящих магнетаров…[1] Планета лишь вздохнула, смиряясь с оглушительным гвалтом.

Но вот Йейнэ потянулась к солнечной сфере. Ее имя было Эн, и она принялась сопротивляться. Изумившись, мы открыли глаза и увидели, что Эн сбросила личину ярко-желтого шарика и разгоре-

---

[1] Сноски: 1

Магнетар — нейтронная звезда, чье магнитное поле далеко превосходит обычные значения. *(Прим. перев.)*

лась настоящим огнем. Вращаясь, она принялась расширяться, что выглядело опасным, учитывая, что я не мог ее больше подпитывать. Так она выгорит и умрет в течение каких-то минут.

— Какого хрена ты делаешь? — обратился я к ней. — Хватит грубить!

Эн ответила тем, что сорвалась с места и прыгнула в нашу сторону, боднув меня прямо в живот. Я ахнул от удивления и схватился руками за ушибленное место. Я ощутил гнев маленькой звезды. Да как я посмел ее отсылать? Она старше большинства моих родственников! И она всегда была здесь, со мной, когда я в ней нуждался! А теперь ее собрались выгнать, как провинившуюся служанку? Не пойдет!

Я коснулся горячей бледно-желтой поверхности и едва не расплакался.

— Я больше не могу заботиться о тебе, — проговорил я. — Неужели не ясно? Если останешься со мной, тут тебе и конец…

«Ну, значит, так тому и быть, — гласил безмолвный ответ. — Конец — значит конец, значит конец…»

— Ах ты, шарик упрямый! — разорался было я, но Йейнэ коснулась моей руки, лежавшей на крутом боку Эн. После ее прикосновения Эн тотчас

засветилась ярче. Она ощутила нечто такое, чего я почувствовать больше не мог.

— Верный друг… — тихо и с еле уловимым неодобрением проговорила Йейнэ. — Такими друзьями надо дорожить.

— Но не до смерти же! — вскинулся я. — Йейнэ, прошу тебя! Она не соображает, что делает. Отошли ее!

— Ты хочешь, чтобы я не посчиталась с ее желаниями, Сиэй? Принудила ее сделать то, чего хочешь ты? Я что тебе — Итемпас?

Тут я прикусил язык, сообразив, что она, конечно же, знала о том, как я тогда рассердился. Может, она даже видела, как я торчал там, подглядывая за ней с Итемпасом, а потом сбежал. Я повесил голову. Сперва мне стало стыдно за свое поведение. Потом — стыдно за этот стыд.

— Ты применяешь силу, когда считаешь нужным, — буркнул я, по детской привычке надуваясь, чтобы замаскировать свой стыд.

— Когда необходимо — да. Но сейчас не тот случай.

— А я не хочу, чтобы мою совесть отягощала еще одна смерть, — сказал я, обращаясь и к Йейнэ, и к Эн. — Ну, пожалуйста, звездочка. Если я потеряю тебя, я этого не перенесу! Очень тебя

прошу: ступай!

Мерзавка Эн, паршивый газовый шарик, ответила тем, что сделалась красной и принялась на глазах раздуваться. Она собиралась взорваться, словно такой конец лучше медленной смерти от голода. Я застонал.

Йейнэ закатила глаза.

— Истерику закатывает, — сказала она. — Хотя чему удивляться. С кем поведешься, от того и наберешься.

Она покачала головой и присела на корточки, задумчиво озираясь. На мгновение ее серовато-зеленые глаза потемнели, наполнившись непроглядными тенями густого влажного леса, и чертог планетария внезапно опустел. Пропали все мои сломанные игрушки, а с ними и Эн. Я ощутил укол внезапного сожаления.

— Я приберегу их для тебя, — сказала она, проводя ладонью по моим вихрам, как делала всегда. Я закрыл глаза и расслабился, отдавшись знакомым ощущениям и ненадолго притворившись, что все хорошо, а я по-прежнему маленький. — До тех пор, — продолжила Йейнэ, — пока ты не сможешь вернуться к ним и лично препроводить по домам.

Я благодарно вздохнул, несмотря на горечь,

которую вызвали у меня эти слова. Она очень болезненно воспринимала возвращение мертвых вещей к жизни: это насиловало ее природу, ибо было надругательством над циклом бытия, который при самом начале жизни установила Энефа. Йейнэ исключительно редко что-либо возрождала, и мы никогда ее не просили об этом. Но… Я облизнул губы.

— Йейнэ… То, что со мной происходит…

Она вздохнула, вид у нее стал грустный и встревоженный, и я запоздало сообразил, что спрашивать не было нужды. Будь в ее власти обратить вспять мое превращение в смертного, она уже сделала бы меня прежним, невзирая на цену, которую ей пришлось бы заплатить… Однако возникал вопрос: если уж богиня, обладающая высшей властью над всем смертным, не могла остановить мое сползание в смертность, то… Что вообще творится?

— Будь я постарше… — проговорила она, и я почувствовал себя виноватым в том, что она в себе сомневалась. Она потупилась и стала казаться маленькой и ранимой, как та смертная девушка, сходство с которой сохраняла. — Знай я получше собственные силы… Может, я и сумела бы отыскать какое-то решение.

Вздохнув, я повернулся на бок и устроил голову у нее на коленях, не без труда выпутавшись из вездесущих волос.

— Может, это вовсе за пределами нашего совокупного понимания? — предположил я. — Раньше ничего подобного никогда не случалось. Ну и что толку сетовать на такое, с чем все равно ничего поделать нельзя? — Я нахмурился и добавил: — Вот это уж точно уподобило бы тебя Итемпасу!

— Нахадот очень переживает, — сказала она.

Я решил, что она надумала переменить тему, и вздохнул:

— Нахадот чрезмерно заботлив.

Она снова погладила меня по голове, потом взяла спутанные лохмы и начала их перебирать. Я закрыл глаза, убаюканный ритмичными движениями.

— Нахадот любит тебя. Когда мы только нашли тебя в нынешнем состоянии, он отдал столько сил, пытаясь изменить тебя, что сам пострадал. И все равно…

Она замолчала, лишь воздух между нами едва не потрескивал от напряжения.

Я нахмурился, обеспокоенный и ее описанием поведения Нахадота, и незаконченной фразой.

— Что — все равно?

Она вздохнула:

— Я не уверена, что ты готов рассуждать об этом более здраво, чем Наха.

— Ты о чем, Йейнэ? — Конечно же, я ее понял и, как она и предсказывала, рассердился безо всякой причины. — Боги и демоны, ну конечно! Ты хочешь все обсудить с Итемпасом!

— В его природе — сопротивляться переменам, Сиэй. Не исключено, что он может сделать то, что не вышло у Нахадота, — удержать тебя от дальнейшего превращения, пока я не найду лекарства. А если мы воссоединимся и вновь станем Тремя…

— Нет! Для этого вам придется освободить его!

— Да, придется. Ради тебя.

Я нахмурился, сел и раздельно выговорил:

— Мне. На это. Плевать!

— Знаю. И Нахадоту, как ни удивительно, тоже.

— Наха… — Я заморгал. — Что?

— Он готов пойти на что угодно, лишь бы спасти тебя. На что угодно, кроме одного-единственного средства, которое как раз и может сработать. — В ее голосе неожиданно тоже зазвучал гнев. — Когда я обратилась к нему, он сказал, что скорее

даст тебе умереть!

— Ну и правильно! Он знает, что я лучше сдохну, чем попрошу этого гада о помощи! Йейнэ… — Я затряс головой, но заставил себя договорить. — Я понимаю, почему тебя к нему тянет. Хотя мне это и не нравится. Люби его, если тебе так хочется, но не проси об этом меня!

Она ответила грозным взглядом, но я не опустил глаз, и спустя некоторое время она, вздохнув, отвернулась. Ибо правда была на моей стороне, и она знала об этом. Она еще была так молода, в ней столько еще сохранилось от смертной… Она знала историю, но не видела сама того, что Итемпас некогда сотворил с Нахадотом. Да, она расхлебывала последствия — как все мы, как всякая живая тварь во вселенной до скончания века, — но могло ли это сравниться с личным присутствием!

— Ты такой же вредный, как Нахадот, — сказала она наконец. Она была больше встревожена, чем разгневана. — Я ведь не призываю тебя к прощению. Мы все отлично знаем, что ему за содеянное никакого прощения нет и быть не может. Да и прошлого не перепишешь. Однако настает день, когда нужно оставить прошлое и двигаться дальше. Делать то, что необходимо и

этому миру, и нам самим.

— Мне вот необходимо позлиться, — капризно проговорил я, но все-таки заставил себя глубоко вдохнуть и выдохнуть. На Йейнэ я злиться совсем не хотел. — Ладно, уговорила. Когда-нибудь я, может, и захочу жить дальше. Но не сегодня.

Она покачала головой, но потом взяла меня за плечи и потянула вниз, вновь уложив мою голову себе на колени. Это не оставило мне особого выбора, кроме как блаженно расслабиться, что я с удовольствием и сделал. Я вздохнул, закрывая глаза.

— В любом случае это пустые разговоры, — сказала Йейнэ. В ее голосе чуть слышно проскальзывали ворчливые нотки. — Мы не можем его найти.

Говорить про Итемпаса мне не хотелось, но во мне зашевелилось любопытство.

— Это еще почему?

— Не знаю. Вот уже несколько лет, как он пропал без вести. Когда мы пытаемся нащупать его присутствие в мире смертных, нам ничего не удается уловить. Вообще-то, мы не очень беспокоимся… пока.

Я поразмыслил над услышанным, но ничего дельного не придумал. Даже пребывая в един-

стве, Трое никогда не были всеведущи, а Йейнэ с Нахадотом — это далеко не Трое. Если Итемпас подыскал писца и тот сотворил для него, скажем так, ширму… Но зачем ему могло такое потребоваться?

«А затем же, зачем он все остальное творит, — решил я наконец. — Задница он, вот и весь резон!»

— Я — нет, — помолчав, негромко произнесла Йейнэ. Я непонимающе нахмурился. Она вздохнула и снова погладила меня по голове. — В смысле, я его не люблю.

Я подумал о том, сколько недоговоренного таилось в ее словах. «Пока» было среди них самым очевидным. Еще пробивалось «ни в коем случае, потому что я не Энефа», хотя я в это не особенно верил. Ее уже к нему определенно тянуло. Я услышал еще кое-что важное: «…пока ты тоже его не полюбишь». А вот с этим я точно не смогу жить.

— Ну и правильно, — вздохнул я, вновь ощущая навалившуюся усталость. — Потому что я тоже его не люблю.

Потом мы долго молчали. Она начала трогать мои волосы то тут, то там, отделяя прикосновениями слишком длинные пряди. Я закрыл глаза, благодарно принимая ее заботу и одновременно

спрашивая себя, сколько еще раз мне доведется так наслаждаться прежде, чем я умру.

— Ты помнишь? — спросил я. — Помнишь последний день своей человеческой жизни? Ты еще спрашивала, что будет, когда ты умрешь.

Ее руки на мгновение замерли.

— Ты тогда ответил, что не знаешь. И что смерть как-то не особенно занимала твои мысли.

Я опустил веки, в горле почему-то застрял комок.

— Я соврал…

— А я знаю, — очень тихо сказала она.

Йейнэ разделалась с моими волосами и собрала обрезанное в горсть. Я на мгновение ощутил напряжение ее воли. Потом она поднесла ладонь к моему лицу, показывая, что сделала. Мои волосы превратились в плетеный шнурок как раз подходящей длины, чтобы повязать на шею, и на него была нанизана небольшая светло-желтая бусина. Невзирая на разницу в размерах и материале, я узнал вложенную в нее душу: это была Эн.

Я сел, обрадованный и удивленный. Поднял украшение на уровень глаз и ухмыльнулся старой подружке. (То, что ее так уменьшили, ей не понравилось. Она привыкла быть мячиком, упругим и славным. Теперь же ей приходилось

мириться с этим ничтожным и неподвижным обликом из-за того, что я перестал быть ребенком. А что, взрослые не любят пинать забавные мячики? Я погладил Эн, чтобы она перестала ныть.)

Потом провел рукой по остриженной голове и обнаружил, что Йейнэ изменила прическу, приспособив ее к чертам моего повзрослевшего лица.

Я посмотрел на нее:

— Ты меня таким хорошеньким сделала, спасибо. Наверное, в куклы играла, когда была смертной девочкой?

— Я принадлежала к народу дарре. У нас мальчишки в куклы играли. — Она встала, без нужды отряхнула одежду и обвела глазами опустевший чертог. — Мне не хотелось бы оставлять тебя здесь, Сиэй. Здесь, в Небе.

Я пожал плечами:

— Какая разница, здесь или где-то еще?

А сам подумал, что Нахадот был прав. В моем нынешнем состоянии я не мог покинуть смертное царство; земной плоти почти невозможно попасть в чертоги богов. Один раз Наха меня уберег, приняв внутрь себя, но больше я на такое не соглашусь.

— Здесь водятся Арамери, — сказала она.

Подавив желание раскрутить бусину на шнурке и куда-нибудь ее запустить, я надел ее через голову и устроил на груди. (Эн там сразу понравилось, ведь мое сердце билось рядом.)

— Я больше не раб, Йейнэ, — сказал я. — Больше мне здесь ничто не грозит.

Она взглянула на меня с таким раздражением и недовольством, что я даже отшатнулся:

— В чем дело?

— Арамери — всегда угроза!

У меня брови поползли вверх.

— В самом деле, о дочь Киннет?[2]

Вот тут она рассердилась по-настоящему, даже глаза приняли яркую желтизну оливина.

— Их власть повисла на ниточке, Сиэй. За ними теперь лишь войско и писцы. Сила смертных, магия смертных: и то и другое можно ниспровергнуть, и власти Арамери над миром настанет конец. Как по-твоему, что они сделают, снова получив возможность наложить лапу на божество?

— Чтоб я понимал, какая им польза от ослабевшего, умирающего божества, — хмыкнул я. — Я даже перевоплотиться толком не могу: мне это, видите ли, опасно! Да я просто жалок! — Она

---

[2] Сноски: 2

О Киннет Арамери рассказывается в первой книге серии. *(Прим. перев.)*

опять захотела возразить, но я опередил ее: — Я буду осторожен. Обещаю. Но, Йейнэ, честное слово, у меня сейчас есть заботы поважнее.

К ней вернулось самообладание.

— Да. — Она помолчала немного, тяжело вздохнула и отвернулась. — Ты только будь осторожен, Сиэй. Век смертного может промелькнуть для тебя как единый миг… — Она моргнула и чему-то улыбнулась. — Кажется, со мной так и было. Не помню, впрочем. Смотри не растрачивай время попусту. Я не упущу ни одного оставшегося тебе мгновения — буду искать способ тебя исцелить…

Я кивнул. Как мне повезло, что у меня такие преданные и решительные родители. Во всяком случае, двое из Трех.

— Я тебя навещу, как только разузнаю что-нибудь, — сказала она.

И потянулась ко мне, чтобы заключить в объятия. Я все еще сидел на корточках. Я не стал подниматься навстречу, иначе оказался бы выше ее ростом. А такое показалось мне ужасно неправильным.

Потом она исчезла, а я еще долго сидел в опустевшем планетарии, совсем один.

Судя по положению солнца, в комнату Декарты я вернулся уже после полудня. Впрочем, долго

размышлять на эту тему мне не пришлось: выйдя из отверстия в стене, я обнаружил в комнате посетителей. Они встали, приветствуя меня, и я удивленно остановился.

Шахар стояла возле двери в свою комнату, и такой тихой и скромной я еще ни разу ее не видел. Она была одета в то, что у чистокровных Арамери считалось повседневным нарядом: длинное платье с кружевным узором в форме пчелиных сот, ярко-синие атласные туфельки и плащ. Волосы уложены на затылке замысловатым узлом. Возле Шахар стояла женщина с явными манерами дворцовой управляющей. Она оказалась самой рослой из трех присутствовавших дам — широкоплечая, красивая, с удивительно прямым взором и густейшей лавиной вьющихся черных волос, спадавших на плечи и спину. Тем не менее при всей властности облика она была одета далеко не так изысканно, как две другие, а метка на лбу изобличала в ней всего лишь квартеронку. Она помалкивала и смотрела куда-то сквозь меня, заложив руки за спину: поза беспристрастного внимания, бесподобно освоенная ее успешными предшественниками.

Между двумя вышеописанными дамами стояла третья: собственной персоной высочайшая

правительница Арамери, глава семейства, повелительница Ста Тысяч Королевств. Она смотрелось поистине великолепно в темно-алом платье с мягким отложным воротником.

Мое удивление сменилось истинным потрясением, когда вся троица преклонила передо мной колени. Управляющая — привычным плавным движением, государыня и наследница — чуть менее ловко.

При виде склоненных затылков я не выдержал и рассмеялся.

— Однако! — сказал я, подбоченясь. — Вот это приветствие! А я и понятия не имел, насколько я важная персона! Вы что, весь день тут торчали, дожидаясь меня?

— Такие почести положены всякому богу, — сказала госпожа.

Голос у нее оказался негромкий и до изумления похожий на голос Йейнэ. Бодрствующей она выглядела старше, чем спящей: бесчисленные заботы правления и особенности личности отметили ее лицо морщинами, но она все еще была прекрасна холодной красотой власти.

И совершенно не боялась меня.

— Да-да, знаю, — сказал я, останавливаясь против нее. Я не озаботился сотворить или стибрить

себе какую-нибудь одежку, а посему, вздумай правительница поднять взгляд, прямо у нее перед носом оказались бы некоторые части моего тела. Может, стоило бы ее спровоцировать именно на это. — Вы очень дипломатичны, госпожа Арамери, особенно если учесть, что половина моих родственников хочет вас убить, а вторую половину намерения первой абсолютно не волнуют. Полагаю, Шахар вам все рассказала?

Она не повелась на приманку, так и не подняв голову.

— Да. Искренне соболезную об утрате бессмертия, господь Сиэй.

Вот же сука! Я нахмурился и сложил руки.

— Оно не утрачено, а лишь на время утеряно. И я по-прежнему бог, вне зависимости от того, умру ли я завтра или буду жить вечно.

Вывалив это, я с неудовольствием услышал собственный голос. Вот, значит, как: ее достать не сумел, зато сам заговорил капризно и зло. Получалось, она вертела мной как хотела, а я, дурак, ей позволил. Я отошел к окну и повернулся к ним спиной, скрывая раздражение.

— Да ладно вам, вставайте, — бросил я. — Терпеть не могу пустые церемонии, а также показную покорность. Как вас зовут и чего вы

хотите?

Зашуршала ткань: дамы поднялись.

— Я Ремат Арамери, — представилась правительница. — И я лишь хотела приветствовать ваше возвращение в Небо. Разумеется, в качестве почетного гостя. Мы собираемся оказать вам любое мыслимое гостеприимство. Я уже дала задание писцам, наказав всему их корпусу провести исследование вашего нынешнего… состояния. Вероятно, мы, смертные, можем предложить очень немногое, до чего раньше нас не додумались бы боги. Но если нам удастся хоть что-то выяснить, мы, конечно, тотчас же вам сообщим.

— Конечно. Ведь если вы поймете, как это случилось со мной, то сможете проделать такое же с любым богом, который станет вам угрожать.

К моему удовольствию, она не стала этого отрицать.

— Я проявила бы беспечность как правительница, если бы не попыталась, господь Сиэй.

— Да-да, — согласился я и нахмурился: кое-что из сказанного привлекло мое внимание. — Вы сказали, всему корпусу писцов? В смысле, первому писцу с помощниками?

— Смертный мир успел измениться с тех пор, как вы последний раз проводили среди нас

время, господь Сиэй. — Изящное выражение, превращавшее столетия моего рабства в подобие каникул. — Полагаю, вы понимаете, что отсутствие Энефадэ и вашей магии в немалой степени подорвало наши усилия по поддержанию порядка и благосостояния этого мира. Соответственно, возникла необходимость собрать под одной рукой всех писцов, выпускаемых «Литарией».

— Другими словами, у вас теперь целое войско писцов. Наряду с обычными вооруженными силами?

Я не очень-то обращал внимание на дела смертных со времени кончины Теврила, но помнил, что уже он начинал над этим работать.

— Сто тысяч легионов, — ответила она без улыбки. У меня успело создаться впечатление, что она вообще редко улыбалась. Однако в голосе прозвучал некий намек на иронию. — То есть о реальных ста тысячах речь, как вы понимаете, не идет. Просто так звучит убедительней.

— Да, конечно. — Я, оказывается, успел подзабыть, какой геморрой иметь дело с главами семьи Арамери. — Хорошо, так чего вы реально хотите? Что-то я немного сомневаюсь, что вы так уж рады моему появлению.

Она вновь не стала притворяться, и мне это

понравилось.

— Я ни обрадована, ни огорчена, господь Сиэй. Однако не стану отрицать, что ваше присутствие действительно могло бы принести немалую пользу семье. — Тут она сделала паузу: наверное, хотела посмотреть, как я это приму. Я начал было гадать, что за пользу я мог бы принести Арамери, но почти сразу решил, что скоро и так это узнаю. — Имея это в виду, я уведомила Морад, управляющую нашим дворцом, что вы ни в чем не должны испытывать недостатка, пока вы здесь.

— Это будет для меня честью и удовольствием, господь Сиэй, — тотчас отозвалась черноволосая женщина. — Мы могли бы начать с подбора вашего гардероба.

Я фыркнул: это меня позабавило. Она уже начала мне нравиться.

— Несомненно, — согласился я.

— Я также уведомила свою дочь Шахар, — продолжала Ремат, — что отныне вы составляете ее первейшую ответственность и заботу. Все время, что вам угодно будет провести в Небе, она обязана повиноваться вам, как повиновалась бы мне, и любой ценой обеспечивать вам покой и удобство.

Погодите-ка… Я нахмурился и уставился на Ремат. Выражение ее лица — вернее, нарочитое отсутствие оного — ясно свидетельствовало: она прекрасно понимала, что только что сделала. Ошарашенный взгляд стоявшей позади нее дочери лишь подтвердил это.

— Давайте-ка выясним, правильно ли я вас понял, — медленно проговорил я. — Вы, стало быть, отдаете мне свою дочь, чтобы я поступал с нею, как мне будет угодно? — Я покосился на Шахар, которой явно хотелось кое-кого задушить. — А если мне вдруг захочется убить ее?

— Я бы, естественно, предпочла, чтобы вы этого не делали, — с незыблемым спокойствием ответила Ремат. — Толковый наследник — это существенное вложение времени и сил. Однако она Арамери, господь Сиэй, а наше главнейшее предназначение нисколько не изменилось со времен Основательницы. Мы правим милостью богов и, соответственно, служим богам, чем только можем.

Шахар метнула в мою сторону такой беззащитный взгляд, какого я у нее и в детстве не видел. В нем читались и горечь предательства, и беспомощная ярость. Последнее напомнило мне ту Шахар, которую я знал когда-то. Вообще-то, все

обстояло совсем не так ужасно, как она, похоже, думала: принесенная когда-то клятва означала, что ей не следует меня опасаться. Рассказывала ли она об этом Ремат? Если да, то рассчитывала ли Ремат, что детское обещание убережет ее дочь и наследницу?

Вряд ли. Зря ли я сто человеческих поколений жил среди Арамери? Я видел, как они растили детей, держа их в точно отмеренном небрежении; вот вам и причина, почему маленьким Шахар и Декарте было позволено безнадзорно бродить по дворцу. Взрослые считали, что Арамери, у которого хватило глупости погибнуть в детстве от несчастного случая, в правители не годился. И я множество раз видел, как главы семьи изыскивали способы испытать силу наследников — даже если в ходе испытания те утрачивали душу.

Но такое…

Кулаки сжались сами собой, и мне потребовалось серьезное усилие, чтобы не превратиться в кота. Это было бы слишком опасно, да и магию зря тратить не годится.

— Как ты смеешь! — Я это все-таки не проговорил, а скорее прорычал. — Ты меня держишь за смертного простака, обрадованного возможностью отыграться? Думаешь, мне нужно чье-то

унижение, чтобы подтвердить свою значимость? Думаешь, я вроде тебя?

Ремат приподняла бровь:

— Если учесть, что смертные были созданы по образу и подобию богов, я считаю, что скорее уж мы вроде вас.

Это обозлило меня так, что я не сразу нашелся с ответом.

— Что ж, если тебя не радует общение с Шахар, — продолжила она, — ты волен с ней не общаться. Скажи ей, что́ может порадовать тебя, и она проследит, чтобы это было исполнено.

— Полагаю, матушка, заботы о господе Сиэ важнее моих прочих обязанностей? — спросила Шахар.

Голос ее прозвучал столь же бесстрастно, как и у Ремат, только тоном повыше. У них вообще были очень похожие голоса. Вот только в глазах ее полыхала ярость, способная расплавить стекло.

Ремат глянула через плечо, и ей, кажется, понравилось зрелище разгневанной дочери. Она кивнула, как бы в задумчивости:

— Да, вплоть до получения иных указаний. Морад, проследи, пожалуйста, чтобы личный помощник Шахар был в курсе. — Морад пробормотала нечто вежливо-утвердительное, а Ремат

все наблюдала за Шахар. — У тебя, дочь моя, есть вопросы?

— Нет, матушка, — тихо ответила Шахар. — Ты очень ясно выразила свою волю.

— Отлично. — Ремат повернулась к дочери спиной (на мой взгляд, это был смелый поступок) и вновь обратилась ко мне: — И вот еще что, господь Сиэй. Слухи неминуемо поползут, но я осмелюсь посоветовать вам не обнародовать свое присутствие — точнее, вашу природу, — пока вы будете здесь находиться. Не сомневаюсь, вы способны представить, какого рода внимание это может привлечь!

Тут она была, несомненно, права. Писцы, да и просто набожные обитатели дворца попросту замучили бы меня вопросами, поклонением и попытками снискать благословение. А если учесть, что дворец называется Небо, здесь обязательно найдутся высокорожденные, которым потребуется небольшая божественная помощь в разных интригах. Кто-нибудь попытался бы причинить мне вред или сесть мне на шею, чтобы добиться мелких привилегий для себя лично. А еще… Я скрипнул зубами.

— Согласен, с моей стороны разумнее всего будет не высовываться.

— Вот именно. — С этими словами она наклонила голову. То был не поклон смертного божеству, а скорее жест вежливости между равными. Я сразу и не понял, что она таким поклоном подразумевала. Хотела оскорбить меня, не потрудившись выразить должное почтение? Или, наоборот, оказала почтение, проявив честность? Проклятье. Я никак не мог раскусить эту женщину. — На этом позвольте откланяться, господь Сиэй.

— Погоди, — сказал я и шагнул вперед, чтобы посмотреть ей в глаза.

Она была выше ростом, и это мне понравилось: так я худо-бедно чувствовал себя прежним. А еще, подойдя вплотную, я понял, что она, по крайней мере, опасалась меня. И это мне тоже понравилось.

— Ты желаешь мне зла, Ремат? — спросил я. — Скажи, что не желаешь. Пообещай!

На ее лице отразилось удивление.

— Ни в коей мере. Я принесу в этом любую клятву, какую вы пожелаете.

Я улыбнулся, показав разом все зубы, и на краткий миг ощутил запах ее страха. Ну, хоть что-то. Даже Арамери суть люди, а люди по-прежнему суть животные. Ну а животное способно опознать хищника, когда тот подходит вплотную.

— Пойди против своего сердца, Ремат. Понадейся умереть. Воткни себе иголку в глаз.

У нее поползла вверх бровь, ведь я городил чепуху. Однако слова бога обладают силой, на каком бы языке они ни произносились, а я еще не до конца стал смертным. Слова были глупыми, но мое намерение она уловила вполне.

— Пойти против своего сердца, — без улыбки повторила она и наклонила голову.

Затем повернулась и довольно-таки поспешно вышла — возможно, чтобы не показать еще большего страха, и уж точно, чтобы я не успел наговорить еще чего похлеще.

Я показал язык ей вслед.

— Итак… — Морад глубоко вздохнула и обратилась ко мне. — Полагаю, я смогу подобрать одежду, которая придется вам впору, а портной подгонит все в точности. Вы позволите снять с вас мерку, господь Сиэй?

Я сложил руки на груди и создал себе одежду. Глупый и мелочный жест, да еще и трата магии. Однако я был вознагражден изумлением в ее взгляде.

— Хороший портной тоже не повредит, — сказал я с наигранной беспечностью. — А то за вашей модой не уследишь.

«И магию растрачивать не придется», — добавил я про себя.

Она поклонилась — низко, почтительно, доставив мне удовольствие.

— Что до ваших покоев, господь Сиэй, я…

— Оставь нас, — резко бросила Шахар, немало меня удивив.

Морад тоже удивилась, но смолкла на полуслове.

— Слушаюсь, госпожа.

И вышла, держась очень прямо.

Мы с Шахар молча глядели друг на друга, пока не услышали, как затворилась дверь в покои Декарты. Тогда Шахар закрыла глаза и глубоко вздохнула, точно собираясь с силами.

— Мне жаль, — сказал я.

Я полагал, что она опечалена. Но когда она открыла глаза, я увидел, что холодная ярость еще не угасла.

— Ты мне поможешь ее убить?

Я от удивления перекатился с пяток на носки и сунул руки в карманы. (Я всегда творил себе одежду с карманами.) Поразмыслив какое-то время, я ответил:

— Если хочешь, могу убить ее прямо сейчас. Лучше сделать это, пока моя магия еще не ис-

сякла. — Я помолчал, считывая знаки, которые подавала ее слегка изменившаяся осанка. — Ты точно этого хочешь?

Она чуть не ответила «да». Я это тоже увидел. И, если бы она попросила, я бы все выполнил, причем с удовольствием. До Войны богов я не считал возможным убивать смертных, но жизнь в рабстве все изменила. И Арамери точно не были обычными смертными. Убивать их было чистым наслаждением.

— Нет, — ответила она наконец. Не скажу, что неохотно. В ней совсем не было брезгливости, но ведь это я когда-то давно научил ее убивать. Она вздохнула, полная отчаяния. — Я пока недостаточно сильна, чтобы занять ее место. У меня слишком мало союзников среди знати и чистокровной родни. — Она поморщилась. — Нет. Я еще не готова.

Я медленно кивнул:

— По-твоему, она это знает?

— И гораздо лучше меня. — Шахар со вздохом плюхнулась в ближайшее кресло и обхватила голову руками. — С ней всегда так, что бы я ни сделала и как бы хорошо себя ни проявила. Она считает, что я недостаточно сильна, чтобы наследовать ей.

Я уселся на край деревянного письменного стола прекрасной работы. При этом мое мягкое место соприкоснулось с деревом тяжелее, чем я рассчитывал. То ли задница стала больше, то ли я просто устал. Почему, кстати? И я припомнил одежду, которую только что сотворил.

— Так уж водится у Арамери, — заметил я, чтобы отвлечься. — Сосчитать не могу, сколько раз я видел, как главы семьи устраивали деткам очень веселую жизнь, просто чтобы убедиться, что детки у них стоящие.

Тут я на миг задумался: какого рода церемонию передачи власти устраивают теперь Арамери? Камня Земли больше не существовало, а с ним и нужды в отнятии жизни. Еще я заметил, что сигила главенства на лбу Ремат была прежнего образца, составленная на древнем языке власти, хотя он был теперь бесполезен.

— Что ж, есть достаточно простой способ доказать, что ты не слабачка. Прикажи уничтожить какую-нибудь страну или еще что-то в таком духе.

Шахар буквально ошпарила меня взглядом:

— По-твоему, убийство ни в чем не повинных смертных — это смешно?

— Нет, не смешно. Это ужасно. И я до конца

времен буду слышать их вопли, — произнес я ледяным тоном. Она отшатнулась. — Но если ты так боишься, что тебя сочтут слабой, возможностей у тебя действительно не много. Надо либо сделать что-нибудь, чтобы доказать свою силу — а у Арамери сила означает безжалостность, — либо послать все подальше и заявить матери, чтобы подыскивала другого наследника. По мне, ей так и следует поступить, если она права и в тебе недостаточно силы. Да и весь мир, кстати, вздохнет с облегчением, если ты не унаследуешь власть.

Некоторое время Шахар просто смотрела на меня. Я сообразил, что она обиделась: я ведь проявил намеренную жестокость. Но ведь, по сути, я сказал ей правду, пусть даже и весьма неприятную. Я видел, какими кровавыми ужасами все кончалось, когда во главе семейства оказывался глупый или неспособный Арамери. Если она откажется наследовать, станет лучше и для всего мира, и для самой Шахар. Иначе родственнички ее живьем слопают.

Она поднялась с кресла и заходила по комнате, сложив на груди руки и покусывая нижнюю губу. В другое время и при других обстоятельствах я бы ею залюбовался.

— Одного не понимаю: на что твоей матери

мое присутствие здесь? — Я вытянул ноги, ставшие безобразно длинными, и зло уставился на них. — Если она считает меня сильной шахматной фигурой, так ведь это не так. Моя магия на исходе; любой с первого взгляда поймет, что со мной что-то неладно. А она при этом хочет, чтобы мою божественность сохранили в секрете! Какой смысл?

Шахар вздохнула, перестала расхаживать и тереть глаза.

— Она хочет улучшить отношения между богами и Арамери. Она продолжает дело, которое начал ее отец, а он начал его в основном из-за того, что ты перестал посещать Небо после того, как умер ее дедушка, Теврил Арамери. Она рассылает подарки городским божествам, повсюду их приглашает и всякое такое. Иногда, кстати, они действительно являются. — Шахар пожала плечами. — Говорят, за одним из богов она даже ухаживала на предмет возможного супружества. Правда, он не принял ее предложение. По слухам, из-за этого она так и не взяла себе мужа. Раз уж ее отверг бог, на меньшее она не могла согласиться, ведь это приняли бы за слабость…

— В самом деле?

Я попробовал вообразить, как холодная краса-

вица Ремат пытается обольстить одного из моих братьев, и мне стало смешно. Такое ухаживание кое-кого из них могло соблазнить на соитие. Вот бы узнать, к кому она силилась подкатить? Может, к Дайме? Этот готов покрывать все, что шевелится. Или к Эллере? Он высокомерен почище Арамери и предпочитает чопорных вроде Ремат.

— В самом деле, — подтвердила Шахар. — И еще я подозреваю, что именно поэтому она попыталась отдать меня тебе. — Я заморгал, и Шахар тонко улыбнулась. — На ее вкус, ты слишком молод. А вот мне бы как раз.

Я вскочил и торопливо отошел на несколько шагов.

— Что за бред!

Она уставилась на меня, удивленная такой вспышкой:

— Бред? — Шахар поджала губы. — Понятно. А я и не знала, что ты находишь меня отвратительной.

Я застонал:

— Шахар, я же бог детства! Тебе это никаких мыслей не навевает?

Она непонимающе нахмурилась:

— Детей, вообще-то, направо и налево женят.

— Верно. И некоторые из них обзаводятся собственными детьми. Но на этом детству быстренько приходит конец.

Я непроизвольно содрогнулся и сложил руки на груди, копируя ее позу. Такая вот жалкая попытка защиты. Я не мог отделаться от воспоминаний о жадных шарящих руках, в ушах у меня отдавалось тяжелое прерывистое дыхание. Скольким прародителям Шахар нравилась неограниченная власть над смазливым, неубиваемым, никогда не стареющим мальчишкой…

Боги благие, меня едва не стошнило. Я оперся о стол. Меня трясло, я задыхался.

— Сиэй?.. — Шахар подоспела ко мне, и я ощутил ее теплую ладошку у себя на спине. — Сиэй, что с тобой?

— Как ты развлекаешься? — спросил я, хватая ртом воздух.

— Что?

— Как ты развлекаешься, демоны тебя побери? Какая-то своя жизнь и веселье у тебя вообще есть? Или ты в свободное время только планы всякие строишь?

Она гневно уставилась на меня, и от вида ее надутых губ мне несколько полегчало. Повернувшись, я схватил ее за руку и потащил через

комнату, на скромную кровать Деки. Шахар ахнула и попыталась вырваться.

— Ты что задумал?

— На кровати попрыгать!

Я даже разуваться не стал. В обуви оно как-то лучше получалось. Я довольно неуклюже вспрыгнул на мягкую середину матраса и затащил ее к себе.

— Что?..

— Тебе вроде велено меня всячески радовать, так? — Я ухватил ее за плечи. — Давай, Шахар! Всего-то восемь лет минуло! Помнишь, как тебе нравилось пробовать все новое? Помнишь, как я разок предложил попрыгать по облакам и ты вся загорелась, пока не припомнила, что я, вообще-то, монстр, убивающий малышей. — Я ухмыльнулся, а она заморгала, припоминая тот день. — А еще ты спихнула меня с лестницы, да так, что я набил себе синяков!

Она неуверенно засмеялась:

— Я и забыла… как дала тебе пинка.

Я кивнул:

— Здорово было, правда? И тебе было плевать, что, вообще-то, я бог и что угодно с тобой сотворить могу, если рассержусь. Ты делала что хотела и меньше всего думала о последствиях.

Наконец-то в ее глазах появился прежний огонек. Да, теперь она была старше и мудрей и сегодня бы подобной глупости нипочем себе не позволила, но это вовсе не значило, что ей такого не хотелось. Желание еще жило — глубоко похороненное, но не убитое. И этого было достаточно.

— Так попытайся, — сказал я. — Сделай что-нибудь для забавы!

И я подпрыгнул на упругой мягкости постели. Шахар взвизгнула и покачнулась, потеряв равновесие, но рассмеялась. Я тоже заулыбался, наконец-то избавившись от дурноты.

— Хватит думать! Просто делай что нравится!

Я еще раз подпрыгнул, теперь уже как следует. Шахар чуть не свалилась с кровати. Она завизжала от ужаса и восторга, от шального чувства свободы и тоже подпрыгнула — иначе ей было не устоять. Подпрыгнула очень неловко, потому что едва не упала после моего прыжка. Я расхохотался, обхватил ее, и мы запрыгали вместе — настолько высоко, насколько у меня получалось без применения магии. Она вновь завопила, когда мы едва не дотянулись руками до купольного потолка. Приземлились мы с такой силой, что внутри кровати что-то возмущенно застонало, но мы снова унеслись ввысь, и Шахар

смеялась, смеялась, ее лицо прямо светилось. Поддавшись капризу, я дернул ее к себе, и мы завалились набок. Пришлось воззвать к магии, чтобы мягко упасть навзничь, но с этим оказалось все в порядке — магия вдруг снова начала легко мне даваться, и вообще все получилось так здорово, что я расхохотался и чмокнул ее.

Честно, я ничего «такого» в это не вкладывал. Прыгать было славно, смеяться и веселиться было славно, и поцелуй тоже стал исключительно славным. Ее губы были теплыми и мягкими, дыхание щекотало мне верхнюю губу. Улыбаясь, я оставил игру и сел.

То есть хотел сесть, но не успел. Ее руки сгребли ткань рубашки у меня на спине и снова потянули меня вниз. Я даже вздрогнул, когда ее губы снова прильнули к моим. Они были слаще всякого цветочного нектара. А уж когда она пустила в ход язычок… Какой там нектар — то был сущий мед, густой, золотой и душистый. Он лился мне в горло, растекаясь по телу жарким блаженством. Она передвинулась, прижимаясь ко мне нежной девичьей грудью. (У девочек ведь не бывает грудей или как?) Боги благие, до чего же здорово было ощущать ее руки на спине: меня целую вечность так не радовал ни один смертный. Или,

может, это вспыхнула любовь, которую поспешила включить в свои планы Ремат? Нет, я и раньше любил Шахар, любил с самого ее детства, о, да, да, да, да… «О, совершенная смертная, вот моя душа, познай же ее, ибо я так хочу…»

Тут мы отстранились друг от друга. Она, ахнув, отпрянула, я же испустил долгий судорожный вздох.

— Что… что… — Она прижала руку ко рту. Послеполуденный свет преломлялся в зеленых глазах, как бы подсвечивая их изнутри, — я мог бы пересчитать все прожилки ее радужек. — Сиэй, что…

Я потянулся, накрыл ладонью ее щеку и медленно, блаженно выдохнул:

— Это был я. — И прикрыл глаза, наслаждаясь моментом. — Спасибо тебе.

— За что?

Объяснять не хотелось, и я не стал. Просто перекатился на спину и отдался на волю незримых волн бытия. К счастью, Шахар надолго замолчала и просто тихо лежала рядом.

Такие мгновения мира и тишины редко затягиваются, и я, в общем, не возражал, когда наконец она заговорила.

— Значит, это твоя противоположность? — ска-

зала она. — Женитьба и всякое такое? Все, что называется взрослостью?

Я зевнул:

— Ага…

— Ты от одних разговоров об этом чуть не заболел.

— Нет. Я выяснил, что умираю, потом разволновался из-за своего планетария, а тут еще разговоры о свадьбе. Вот все вместе меня и доконало. Сейчас же я вполне силен, и такая чепуха не может мне повредить.

— Планетарий? — удивилась она. Матрас заколыхался: она приподнялась на локтях, и я ощутил на лице ее дыхание.

— А, ничего важного. Все равно его теперь нет.

— Вот как. — Она помолчала. — А как ты отгоняешь мысли о плохом, о той же смерти например?

Я открыл глаза. Она лежала на боку, подперев голову рукой. Тщательно уложенная прическа пришла в беспорядок, а глаза смотрели совсем мягко — такого взгляда я у нее еще не видел. Нормальная, в общем, девчонка в изрядно помятом платьишке, в меру шкодливая и непослушная. Ничего общего с чопорной и накрахмаленной наследницей семьи.

— А ты сама как отгоняешь мысли о смерти? — Я

коснулся кончика ее носа. — Ведь вам, смертным, все время приходится жить с этим страхом. Если вы с ним как-то справляетесь, значит получится и у меня.

А сам подумал: «Ничего не попишешь, придется справляться. Не то, чего доброго, еще раньше помру». Вслух, правда, я этого не сказал, чтобы не портить настроение ни ей, ни себе.

— Ясно…

Она подняла руку, помедлила, но все-таки поддалась мимолетному порыву и положила ладошку мне на грудь. Будучи в человеческом облике, я не мог замурлыкать. А вот с наслаждением вздохнуть и слегка выгнуться под ее рукой — это запросто. Так я и сделал.

— Ой, а это что было? — спросила она.

— Ну, как же, госпожа Шахар, полагаю, на сенмитском это называется «поцелуй». По-темански будет «умишдэй», а на убийском…

Она довольно сильно шлепнула меня по груди — даже кожу защипало. Побледнела, сообразив, что натворила, но тут же прогнала страх. Ее щеки покрылись пятнистым румянцем, означающим у амнийцев либо нездоровье, либо сильное чувство. Полагаю, она смутилась.

— Я имела в виду… почему ты это сделал?

— А почему ты меня прошлой ночью поцеловала?

— Ну… не знаю, — нахмурилась она. — Просто мне показалось, что так будет правильно.

— Ну вот, а теперь мне так показалось. — Я снова зевнул. — Проклятье. Похоже, мне надо поспать…

Она села, но с кровати слезать не торопилась. Она сидела ко мне спиной, и я видел, как напряжены ее плечи. Я ждал, что она задаст еще вопрос, и, должно быть, она собиралась кое о чем спросить. Однако вместо этого она сказала:

— Я рада, что ты вернулся, Сиэй. Правда-правда. И я рада, что случившееся в тот день не было… — Она глубоко вдохнула. — Я так долго тебя ненавидела!

Я сложил руки за головой и вздохнул:

— Думаю, ты все еще чуточку меня ненавидишь, Шахар. Я же тебя брата лишил.

— Нет, — сказала она. — Это сделала мать.

Однако полной убежденности в ее голосе не было, а я знал, что сердце смертного не всегда подчиняется логике.

— Ранам нужно время, чтобы зажить, — сказал я, думая о своем.

— Может, и так, — согласилась она. Еще немно-

го помедлив, она со вздохом поднялась. — Я буду у себя в комнате.

И она вышла. Мне очень хотелось еще поваляться в постели, сопротивляясь наползающему сну, однако иногда преобладает не ребячество, а нажитая мудрость. Вздохнув, я перекатился на бок, свернулся клубочком и сдался дремоте.

5

Превыше смертных стоят боги, а превыше нас — непознаваемая сущность, которую мы называем Вихрем. И Ему по какой-то причине нравится число три. Это число Его детей, великих богов, создавших остальных нас. Они сами дали себе имена, они объемлют все сущее. Мы, младшие боги, делимся на три чина; впрочем, это потому, что мы сами истребили четвертый.

Первыми появились ниввахи, выравниватели; к ним и я имею честь принадлежать. Мы родились от первых попыток общения Троих между собой; пути их любви далеко не исчерпывались обычными понятиями о размножении. Они и сами были еще юны и не знали, как это — быть родителями, отчего и наломали немало дров, однако все это было давно и неправда, и большинство из нас успело их благополучно простить.

Выравнивателями же нас именуют, заметьте, не потому, что мы что-то уравновешиваем, просто у каждого из нас в родителях — двое из Троих, что и приводит к равновесному сочетанию. Я, например, произошел от Нахадота и Энефы, а для других это были Энефа и Итемпас. Нам, детям

Нахадота, не очень-то нравятся наши единоутробные родственнички от Итемпаса, но мы все равно любим их. Так уж оно водится в семьях.

Следующие — элонтиды, или расхожденцы. Они так называются опять же не потому, что куда-то разбредаются или активно пытаются расшатать мироздание — просто они родились от расхождений. Откуда нам было знать, что некоторые взаимные сочетания между нами могут оказаться опасными? И в первую очередь это касалось Нахадота с Итемпасом, ибо Энефа наделила их способностью сообща давать жизнь детям. Увы, эти двое были слишком похожи и в то же время слишком различны, так что продолжение рода давалось им с трудом. (Прошу заметить, что дело тут вовсе не в половой принадлежности. Эта принадлежность для нас — скорее, игра, личная склонность, такая же как имена или материальный облик. Мы принимаем его, потому что это необходимо вам, а не нам.) Так вот, в тех редких случаях, когда Наха и Темпа вместе производили ребенка, их детище получалось очень могущественным и неизменно очень пугающим. До зрелых лет дожили немногие: Рал Дракон, Иа Отрицание и Лил Алчь. Элонтидами считаются и рожденные от союзов старших богов с млад-

шими — в знак неравенства, от которого они произошли. Они стали богами вещей, которые прибывают и убывают, таких как приливы, мода, похоть, приязнь.

Повторюсь, но скажу: ничего «неправильного» в них нет, хотя некоторые мои родственники-ниввахи относятся к ним как к существам убогим и жалким. Это, несомненно, ошибка. Элонтиды ничем не хуже нас, они просто другие.

Ну а третий чин — это мнасаты. Дети, которых мы, богорожденные, породили между собой. Тут вкрадывается некоторый момент слабости, относительной конечно, ибо даже мнасат способен уничтожить целый мир, оказавшись в безвыходной ситуации. За минувшие эпохи их, понятно, народилось превеликое множество, но большинство было, так сказать, «выбраковано» в первые же века. Кто-то угодил, скажем так, под перекрестный огонь бесконечных разборок между Троими, которые то насмерть дрались, то занимались любовью. Иных случайно затянуло в Вихрь, прочие сгинули от неисчислимых опасностей, подстерегающих юного бога. Особенно много их погибло во время знаменитой Войны, и должен сознаться, что немалое число их жизней забрал я. Собственно, а почему бы и нет, если

у них хватало глупости путаться под ногами у вышестоящих?

Тем не менее нашлись среди них некоторые, которых я не смог убить и которые в дальнейшем оправдали свое существование, достойно пройдя испытание концом света. В общем, мнасаты явили собой жестокий пример, показав своими смертями, что в нашем случае все зависит не столько от чистого могущества, сколько от умения «жить по правде», то есть в согласии со своей природой. Те из них, кто жил в соответствии со своей сущностью, набирали силу, почти уравнивающую их с величайшими из нас, ниввахов. Те же, кто себя забывал, погибал, несмотря ни на какую прирожденную мощь.

Из этого можно извлечь и другой урок: жизни без смерти не существует. И даже среди богов есть победители и проигравшие. Те, кто ест, и те, кого едят. Лично я без зазрения совести убивал собратьев-бессмертных, но необходимость этого иногда повергала меня в грусть.

А четвертым божественным чином, если вы еще гадаете, были демоны. Но о них говорить бессмысленно.

Я громко всхрапнул, застонал и проснулся. Мне что-то снилось. Я успел подзабыть о снах, этом

проклятии смертной плоти. Сны подарила людям Энефа, чтобы они еще и таким способом познавали себя и свою вселенную. Можно подумать, мало им было того, что они и так проводили изрядную часть жизней, лежа в бессознательном состоянии. К тому же очень немногие из них вообще усваивали уроки, а остальные, на мой взгляд, были напрасной тратой благодати творения. Для меня же это означало, что теперь всякий раз мне предстояло наслаждаться во сне такой вот «отрыжкой» разума. Всю жизнь мечтал.

Стояла глухая ночь, до рассвета было еще далеко. Хотя спал я лишь три-четыре часа, большей потребности в отдыхе я не испытывал, возможно, потому, что еще не до конца стал смертным. Я задумался о том, как убить несколько часов, пока не проснется Шахар и не придет меня снова развлекать.

Я встал и опять отправился бродить по дворцу, на сей раз не скрываясь. Слуги и стражники, которых я миновал, не произносили ни слова, но я спиной чувствовал их взгляды. А ведь одежда у меня была самая простецкая и лоб чистый. Вот бы знать, что им сказала обо мне Морад — или кто там сейчас ведал дворцовой охраной? В людских взглядах не ощущалось ни обожания, ни отвра-

щения. Только любопытство и некоторая опаска.

Для начала я отправился на нижние уровни дворца, проведать Лестницу в никуда. Я был потрясен, обнаружив, что от нее действительно ничего не осталось.

Теперь здесь был открытый дворик. Три этажа широких полукруглых балконов обрамляли площадку, украшенную статуями и растениями в больших горшках. Зелень была подобрана такая, что не нуждалась в особом уходе. (По крайней мере, здесь больше не было пыли. Арамери наконец-то поняли, что не стоило держать нижнюю часть дворца в запустении, ибо тут могут таиться секреты.) Дворику недоставало намеренной беззаботности, сквозившей в окружающей архитектуре Неба. Осматривая края балконов, я видел, в какой спешке писцы их запечатывали: они были далеки от совершенства и не такие гладкие, какими следовало бы. Слуги разобрали завалы и мусор, но знаки беды оставались ясно видимыми — для знающего, как смотреть.

Я присел на корточки у края одного из балконов, держась за тонкое ограждение, и коснулся грубо обработанного день-камня, выстилавшего пол. В камне еще трепетали остатки эха… Нет, не звуки — те отголоски давно унеслись прочь, — а

отзвуки события. Я прикрыл глаза и увидел то, чему когда-то стал свидетелем камень.

Лестница в никуда. И трое детей у ее подножия, взявшихся за руки… (Я мельком удивился, какой маленькой была тогда Шахар. Оказывается, я успел привыкнуть к ее более взрослому облику.) Я увидел, как улыбки на лицах смертных сменились тревогой, как их волосы и одежда взметнулись с такой силой, как будто на них налетел смерч. Они отчаянно завизжали, когда их ноги оторвались от пола, а потом их взметнуло в воздух, перевернув вверх тормашками. Лишь я не шелохнулся и стоял как вкопанный. А детей удерживали вблизи от пола лишь их сплетенные руки и то, что они вцепились в меня.

У меня же на лице было то еще выражение. Вялый полуоткрытый рот, рассеянный взгляд куда-то вдаль, слегка нахмуренный лоб и чуть склоненная набок голова. Я словно слышал нечто такое, чего остальным слышать было не дано, и это что-то полностью вынесло мне мозги.

А потом очертания моего тела расплылись, его прочертили белые линии. Рот открылся, камень под пальцами еле ощутимо дрогнул под взрывным напором силы, вырвавшейся из моего горла. Лестница в никуда разлетелась, подобно

хрупкому стеклу, а за ней и весь день-камень вокруг, вверху и внизу. Детей спасло то, что освобожденная энергия ударила расширяющейся сферической волной. Они свалились на обломки, окровавленные и неподвижные. Однако сверху их засыпало не сильно.

А когда пыль улеглась, меня там больше не было. Я исчез.

Я отнял пальцы от каменной плиты и нахмурился. Потом обратился к смертному, который последние минут десять тихо стоял у меня за спиной.

— Что тебе?

Он подошел, распространяя волну знакомых запахов: книг, благовоний, флакончиков с разными веществами. Я догадался, кто он, еще до того, как он заговорил.

— Прошу меня простить, господь Сиэй. Я ни в коей мере не хотел побеспокоить тебя.

Я поднялся, отряхивая ладони, и смерил его взглядом. Передо мной стоял островитянин средних лет, седовато-рыжий, с угрюмым, морщинистым и плохо выбритым лицом. На лбу виднелась сигила чистокровного родства, но он не походил не только на Арамери, но и вообще на амнийца. К тому же от высокородных редко

пахло усердным трудом. Значит, приемыш.

— Ты первый писец?

Он кивнул, явно разрываясь между восхищением и смущением. Наконец он отвесил мне неуклюжий поклон: недостаточно глубокий для истинного почтения, но и не тот пренебрежительный кивок, который подобал бы правоверному итемпану. Я рассмеялся, вспомнив невозмутимую и полную нюансов манеру поведения Вирейна. Потом посерьезнел, вспомнив, отчего Вирейн настолько в этом хорош.

— Прости меня, — повторил человек. — Однако слуги пустили новость, что ты вышел погулять по дворцу, и я подумал… словом, логично предположить, что ты придешь, так сказать, на место преступления.

— Хммм… — Я сунул руки в карманы, изо всех сил отгоняя смутное беспокойство, одолевающее меня рядом с этим человеком. Приходилось все время напоминать себе, что сейчас не старые времена и у него нет надо мной никакой власти. — Час уже поздний, первый писец. Или слишком ранний. Разве у вас, итемпанов, не принято хорошо высыпаться перед рассветными молитвами?

Он моргнул, и его удивление сменилось весе-

льем.

— Принято, но я не итемпан, господь Сиэй. А я хотел повидаться с тобой, что подразумевает бодрствование допоздна. Так, по крайней мере, рекомендуют мои научные исследования. Ведь известно, кто вел ночной образ жизни, когда… — его уверенность в себе вновь дрогнула, — жил здесь.

Я хмуро смотрел на него.

— И как вышло, что ты не итемпан?

Все писцы были жрецами Итемпаса. Всякому, у кого имелся талант к магии, орден предлагал очень простой выбор: присоединяйся к ним или умри.

— Около… э-э-э… пятидесяти лет назад «Литария» подала в Благородное Собрание петицию о независимости от ордена Итемпаса. Так что теперь «Литария» — светская организация. Каждый писец имеет право чтить любого бога, или богов, по своему выбору. — Он помолчал и вновь улыбнулся. — Естественно, пока мы служим Арамери.

Я вновь смерил его взглядом и чуть приоткрыл рот, чтобы лучше ощутить его запах, но безуспешно.

— И какого же бога чтишь ты?

Уж точно не меня.

— Я чту всех богов. Но в том, что касается духовности, я предпочитаю молиться у алтарей наук и искусств.

И он сделал легкий извиняющийся жест, словно боялся задеть мои чувства, но я уже расплывался в улыбке.

— Так ты безбожник! — Я даже подбоченился от восторга. — Последнего из вас я встретил еще до Войны. Я думал, Арамери всех вас под корень вывели!

— Увы, равно как и верных всем прочим богам, господь Сиэй. — Я расхохотался, и это придало ему уверенности. — Сейчас среди простонародья всякие ереси прямо-таки в моде, хотя здесь, во дворце, конечно, приходится быть по-прежнему осмотрительным. Здесь имеет хождение даже особое вежливое слово, обозначающее таких, как я, — «приморталист».

— Язык сломаешь.

— Да, слово не самое удачное. Оно еще и обозначает что-то вроде «смертные превыше всего», то есть неточно и даже вовсе неправильно отражает нашу философию, но, как я уже сказал, бывают термины похуже. Мы, конечно, веруем в богов… — Он кивнул мне. — Но, как показало Отлучение, наша вера или неверие никак не

влияет на благополучие богов, что влечет закономерный вопрос: а надо ли тратить столько сил на бесцельное служение? Не лучше ли свято уверовать в человечество и его удивительные способности? Уж нам-то точно не повредило бы немного преданности и дисциплины.

— Всем сердцем согласен! — сказал я. Если не ошибаюсь, в движение человекопочитания вовлечено и несколько моих родственников. Я, однако, на всякий случай решил не заострять на этом внимание. — А зовут тебя как?

Он вновь поклонился, на сей раз без неловкости:

— Шевир, господь Сиэй.

— Это Арамери я заставляю звать меня господом, — отмахнулся я. — Для тебя — просто Сиэй.

Он опять смутился:

— Ну, я…

— Арамери — это образ мышления. Я знал иных приемышей, которые прекрасно вписывались в семейство. Ты же, господин мой, совсем не того поля ягода. — Я улыбнулся, давая ему понять, что это, скорее, комплимент, и он успокоился. — Это Ремат рассказала тебе про меня?

— Госпожа Арамери сообщила мне о твоем… состоянии. Я и все мои люди, включая тех, что

трудятся внизу, в городе, уже вникают в проблему, силясь отыскать причину, которая смогла вызвать такие перемены. Если мы что-то найдем, тотчас доложим правительнице Ремат.

— Спасибо, — поблагодарил я. Я не стал упоминать, что тем самым он отдавал на усмотрение Ремат, сообщать ли о причине мне. Возможно, он и сам об этом догадывался и просто намекал мне, кому принадлежит его верность. Смертным в первую очередь. — Восемь лет назад ты уже был здесь, в Небе?

— Да. — Он подошел и встал рядом, жадно разглядывая мой профиль, осанку, вообще все. Изучал меня. Я не возражал, зная о его религиозных воззрениях. — Я в то время был главой целителей. Так что ухаживать за ранеными господином Декартой и госпожой Шахар выпало именно мне с подчиненными. Впоследствии меня повысили до первого писца за спасение их жизней. — Он помедлил и договорил: — Моего предшественника на этом посту сместили с должности за то, что он не заметил божественного присутствия в Небе.

Я закатил глаза:

— Если бог не хочет быть замеченным, его не сможет засечь никакая магия писцов. И кстати, я

никогда не желал быть обнаруженным.

— Госпоже сообщили и об этом.

Он наконец-то улыбался по-настоящему, без горечи. Я решил, что предъявлять обвинения бессмысленно.

— Раз ты был здесь тогда, значит либо ты, либо тогдашний первый писец должен был начать расследование.

— Да. — Он выпрямился так, словно собирался докладывать по всей форме. — Происшествие случилось вскоре после полудня. Весь дворец содрогнулся, и все охранные заклинания подали тревогу, оповещая о неразрешенной магии в стенах дворца. Охрана и слуги сразу помчались на место и обнаружили… вот это. — Он обвел рукой дворик. Мусор здесь давно убрали, но от этого мало что изменилось. Всякому, кто бывал здесь раньше и заглянул бы теперь, стало бы совершенно ясно, что дворик с балконами превратился в здоровенный провал. — Никто не мог понять, что случилось, пока через три дня дети не очнулись — сперва Декарта, а затем и Шахар.

То есть прошло более чем достаточно времени для того, чтобы поползли слухи. Поползли и разрушили жизнь Деки. Бедный мальчик. И сестренка его…

— Какого же рода магию здесь определили?

Писцы очень любили все раскладывать по полочкам. Они классифицировали магию, делили ее на всякие категории: это как-то помогало их смертным умам, не настроенным на магию, ее постигать. Может, их изощренная логика позволит разобраться и мне?

— Неведомую, гос… — Он спохватился. — Неведомую.

— Неведомую?

— Да, потому что в царстве смертных никогда не наблюдали подобного. По крайней мере, на протяжении письменной истории. Это подтверждают лучшие ученые «Литарии». Мы даже советовались с некоторыми из наиболее дружелюбных богорожденных, обитающих в городе; увы, они тоже не смогли ничего объяснить. Так что если уж и ты ничего не знаешь…

Он не просто замолчал, он в полном смысле захлопнул рот, причем откровенно разочарованный. Он явно надеялся, что уж у меня-то отыщет ответы.

Поняв это, я выпрямился и вздохнул:

— Я не хотел навредить им. То, что случилось… просто бессмыслица какая-то.

— Руки у детей были в крови, — ровным голосом

заметил Шевир. — Обе у каждого. Одинаковые порезы, судя по глубине и углу — нанесенные взаимно. Некоторые мои сотрудники предположили, что дети пытались совершить некоторый ритуал…

Я нахмурился:

— Единственным ритуалом там был тот, которым испокон веку пользуются дети всего мира, когда хотят скрепить обещание. — Я повернул руки и посмотрел на собственные ладони — конечно же гладкие, без каких-либо шрамов. — Если предположить, что он и стал причиной всему, мы бы шагу ступить не могли, не натыкаясь на погибших детей!

Он вновь извиняющимся жестом развел руки:

— Ты должен понять, что мы отчаянно пытались найти хоть какое-то объяснение.

Раздумывая об этом, я уселся на перила, радуясь возможности наконец-то поболтать ногами. Почему-то это очень обеспокоило Шевира, возможно из-за того, что лететь вниз было не близко — достаточно, чтобы убить смертного. Тут я вспомнил, что сам постепенно становлюсь смертным, и с тяжелым вздохом спрыгнул обратно на пол.

— Короче, вы решили, что один из детей, а

именно Дека, вызвал меня и чем-то обидел, а я, так сказать, дал сдачи и все тут к демонам разнес?

— Лично я никогда в такое не верил, — очень серьезно ответил Шевир. — Но нашлись силы, с которыми нельзя было не считаться, и в итоге Декарту отослали в «Литарию». Как объявила его матушка, учиться как следует управлять врожденными способностями.

— То есть отправили в ссылку, — тихо проговорил я. — В наказание за то, что пострадала Шахар.

— Да.

— Каким он стал теперь? Дека?

Шевир покачал головой:

— Никто здесь не видел его со дня отъезда, господь Сиэй. Он не приезжает домой ни по праздникам, ни на каникулы. Мне говорили, в «Литарии» он делает успехи: по иронии судьбы у него обнаружился настоящий талант к этому искусству. Но… как бы сказать… по слухам, они с госпожой Шахар теперь ненавидят друг дружку. — Я нахмурился, и Шевир пожал плечами. — Если честно, не могу его винить. Дети ведь все видят иначе, чем мы.

Я покосился на писца. Он явно пребывал в

глубокой задумчивости и, произнося «мы», умудрился забыть, что говорит с богом детства. Тем не менее он был прав. Мягкосердечный, кроткий Дека, которого я когда-то знал, уж точно не понял бы, что его отсылают по причинам, имеющим очень мало общего с ранениями Шахар. Он, наверное, сделал собственные умозаключения по поводу того, каким образом простая клятва дружбы возымела неожиданные последствия и почему его разлучили с горячо любимой сестрой. И наверное, самообвинение оказалось лишь началом…

Но почему Ремат вообще сочла необходимым отослать сына? В прежние времена это семейство, нимало не задумываясь, просто убивало любого из своих, так или иначе нарушившего устои. Они глазом не моргнув расправились бы и с Декой. Особенно с Декой, так явно выбивавшимся из их среды, причем во многих отношениях.

Я тяжело вздохнул, выпрямился и отвернулся от балконных перил.

— Происходящее в Небе никогда не имело смысла. Я вообще не понимаю, почему снова и снова возвращаюсь сюда. Неужели мне недостаточно было многих столетий подневольного пребывания в здешнем аду?

Шевир пожал плечами:

— Не берусь судить о богах, но любой смертный, который проведет достаточно долгое время в этом дворце, как бы подстраивается. Понятие о том, что правильно и неправильно, начинает смещаться. Пусть даже во дворце полно всего скверного, но когда приходит время с ним расставаться, этого очень не хочется.

Услышав это, я нахмурился. От Шевира не укрылось выражение моего лица, и он улыбнулся:

— Я, к примеру, женат уже семнадцать лет. И притом счастливо.

— Вот как. — Эти слова каким-то извращенным образом напомнили мне о давешнем разговоре с Шахар. — Расскажи о ней поподробнее.

Говоря «о ней», я не стал уточнять, о ком именно, но Шевир, будучи писцом, блестяще умел разбирать языковые конструкции.

— Госпожа Шахар исключительно умна, ее считают очень взрослой для ее лет, и она необычайно ответственно относится к своим обязанностям. Как я слышал, большинство чистокровных родственников выражает уверенность, что она станет способной правительницей после того, как ее матушка…

— Нет-нет, — хмуро перебил я. — Этого мне не

требуется. Я хочу знать… — И тут я замолчал, ощутив внезапную неуверенность. Зачем я вообще его об этом спрашивал? Но я должен был знать. — Я хочу больше знать о ней самой. С кем она дружит? Как она перенесла ссылку Деки? Что лично ты о ней думаешь?

Такой град вопросов заставил Шевира приподнять брови. Я же вдруг осознал две вещи, повергшие меня в ужас. Первое: что-то сильно я привязался к Шахар, и как бы эта привязанность не стала опасной. И второе: эту самую привязанность я прямо сейчас выдал Шевиру.

— Ну, как сказать… ее частная жизнь весьма сокровенна… — начал он неловко.

Я отмахнулся, пытаясь все сгладить, хотя и поздновато.

— Забудь, — проговорил я, морщась. — Это все дела смертных, то есть не особенно важные. Тем более что сейчас мне следует сосредоточиться на том, как найти лекарство от… происходящего со мной.

— Верно. — Шевир явно обрадовался возможности переменить тему. — В этом смысле причина, подвигнувшая меня искать встречи с тобой, такова: не согласился бы ты предоставить нам какие-либо… образцы? Мои сотрудники-писцы

— из тех, что работают во дворце, — подумали, что мы могли бы поделиться сведениями с превитами в Тени и в «Литарии»…

Эти слова заставили меня нахмуриться. Я сразу вспомнил других первых писцов, другие образцы и всякие исследования, имевшие место на протяжении столетий.

— Чтобы попытаться вычислить, какие изменения во мне происходят?

— Да. У нас сохранились сведения, происходящие из времен твоего… э-э-э… заключения, господин. — Он тряхнул головой и наконец-то решил отбросить излишнюю тактичность. — В смысле, когда ты был здесь рабом. Бессмертным, запертым в смертной плоти. Твое нынешнее состояние кажется мне весьма отличающимся от тогдашнего. Вот я и хотел бы сравнить одно и другое.

Я еще круче сдвинул брови.

— Зачем? Чтобы сообщить мне, что я умираю? Так это мне и так известно.

— Если мы определим, как идет процесс твоего превращения в смертного, это может подсказать, с чего все началось. — Он говорил уверенно и деловито, сразу видно — человек в своей стихии. — Поняв причину, мы, не исключено, сумеем

догадаться и как обратить процесс. Я никогда не дерзнул бы утверждать, будто искусства смертных способны превзойти божественную власть, но любые крохи знания могут оказаться бесценными.

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Вам, полагаю, понадобится моя кровь?

Смертные вечно охотились за божественной кровью.

— И все прочее, что ты пожелаешь нам предоставить, — ответил Шевир. — Волосы, обрезки ногтей, слюну, кусочек плоти. И еще я хотел бы обмерить тебя и записать результаты на сегодня. Рост, вес и так далее.

Я ощутил укол любопытства.

— А это каким боком может пригодиться?

— Ну, во-первых, внешне тебе не дашь более шестнадцати лет. То есть тот же возраст, в котором пребывают ныне госпожа Шахар и господин Декарта. Однако изначально, как я понимаю, ты выглядел значительно старше их. Лет на десять, тогда как им было по восемь. Если бы за истекшее время ты просто повзрослел на восемь лет…

Я затаил дыхание: до меня наконец-то дошло. Я и прежде «вырастал», причем многие сотни раз. И знал, каким способом мое тело это проде-

лывало. Сейчас я должен был быть куда выше, тяжелее, мужественней и разговаривать более низким голосом. Восемнадцать лет — это вам не шестнадцать.

— Шахар и Декарта! — выдохнул я. — Мое взросление замедлилось, чтобы я смог подгадать к их возрасту!

Шевир кивнул, обрадованный моей догадливостью:

— Еще ты выглядишь весьма худощавым. Возможно, тебе недоставало питания, пока ты… отсутствовал, и это замедлило твой рост. Хотя более вероятно, что…

Я коротко, рассеянно кивнул, потому что он был прав.

И как такая важная деталь от меня ускользнула?

«Потому что такое заметил бы только смертный».

Я и прежде подозревал, что мое состояние некоторым образом связано с клятвой дружбы, которую мы заключили с Шахар и Декартой. Теперь я точно знал: это на меня повлияла их смертность. Прилипла, точно заразная хворь. Но какая болезнь замедлила бы свое течение, подстраиваясь под состояние других своих жертв?

Тут, простите, уже попахивало умыслом…

Но чей это был умысел? И чего этот кто-то добивался?

— Что ж, писец Шевир, идем в твою лабораторию, — негромко проговорил я, пока мой разум лихорадочно делал выводы и тут же менял их в соответствии с новыми идеями. — Чего тянуть, дам-ка я тебе эти образцы прямо сейчас…

К тому времени, когда я покинул лабораторию Шевира — а дело было как раз на рассвете, — я почувствовал, что проголодался. Сосущее ощущение в животе еще не успело стать сильным, превратиться в мерзкую боль, которая запомнилась мне со времен рабства: тогда хозяева иной раз принимались морить меня голодом. Тем не менее я почувствовал нарастающее раздражение: ведь желание пищи было очередным свидетельством моего неотвратимого превращения в смертного. Я невольно задумался: умру ли я голодной смертью, если не стану обращать внимания на сигналы желудка? Поддержат ли мое существование игры и непослушание, как это было всегда? Меня даже взяло искушение проверить, что будет. Потом, однако, я потрогал руку возле плеча, где одежда скрывала повязку и исцеляющую надпись: оттуда Шевир взял толику

плоти для своих опытов. Потерев больное место, я подумал, что в бессмысленных страданиях не было нужды. Будучи смертным, я и так натерплюсь в жизни достаточно боли. Еще и намеренно на нее нарываться?..

Впрочем, суета и громкие голоса довольно быстро отвлекли меня от мрачных раздумий. Мне пришлось проворно отскочить к стене коридора: мимо, сжимая оружие, промчались шестеро стражников. Один из них нес шар для сообщений, и, прислушавшись, я разобрал, как кто-то — вероятно, их капитан — негромко отдавал стремительные приказы. Что-то насчет необходимости «очистить северные коридоры на седьмом». Потом раздалось «передний двор» и — очень четко: «Скажите людям Морад, пусть принесут что-нибудь от вони!»

Противостоять такому искушению было не проще, чем требованиям Шахар. А может, и трудней. Я принялся напевать веселую песенку, сунул руки в карманы и вприпрыжку направился в другой коридор. Когда стража скрылась из виду, я отворил стену и помчался бегом.

Меня чуть не заставило сбиться с верного пути Древо, заполнившее, оказывается, один из наиболее полезных проходов в мертвых пространствах.

Еще мне здорово мешало мое нынешнее тело, глупо-долговязое и неуклюжее. Я больше не мог, как прежде, протискиваться в узкие лазы. Я знал множество обходных путей, но все равно прибыл на передний двор позже, чем собирался, и притом здорово запыхавшись. (И это, кстати, тоже бесило. Надо будет поработать над этим смертным телом, чтобы оно стало сильней. А то как бы не подвело…)

Тем не менее представшее моим глазам зрелище определенно стоило всех неприятностей.

Передний двор здания по имени Небо был обязан своим существованием моей погибшей сестре Курруэ, которая поняла два главных элемента души смертных: они терпеть не могут, когда им напоминают об их незначительности, и в то же время инстинктивно желают, чтобы их предводители демонстрировали подавляющее величие. Поэтому посетители, оказавшиеся здесь посредством Вертикальных Врат, со всех сторон лицезрели немыслимое великолепие. К северу они видели сводчатый вход в Небо, похожий на вход в гигантскую пещеру: по высоте он превышал многие здания в городе внизу. К западу и востоку простирались двойные лепестки Сада Ста Тысяч: великолепная мозаика из клумб, каж-

дую из которых венчало дерево редкой породы. Теперь в тылу одной из половинок сада красовалась ветвь Мирового Древа — многие мили диких зарослей, разбросавших в небесной синеве мириады листьев. Ясное дело, Курруэ не планировала появления Древа, но эта ветвь была лишним подтверждением ее мастерства — смотрелась она, словно так и было задумано. Ну а тех, кто отваживался повернуть голову к югу, ожидало величие особого рода. Там не было вообще ничего — лишь одинокий Пирс, тянущийся в пустоту, а за ним — ничем не нарушенный вид, простирающийся до очень-очень далекого горизонта…

Так вот, сейчас передний двор Неба был осквернен чем-то непотребным. Когда я выскочил из сада, воспользовавшись калиткой для слуг, никто на меня и внимания не обратил. Повсюду метались напуганные солдаты, и в их действиях не было никакого видимого порядка. У края мозаики Врат я увидел капитана стражи. Он кричал на кучера, приказывая ему убрать, убрать, убрать отсюда карету, убрать во имя Отца Небесного, доставить ее к наземной станции у грузовых ворот и никому не позволять к ней притрагиваться.

Не обращая на все это никакого внимания, я прошел вперед сквозь толчею, не сводя взгляда

с двух куч на земле. У кого-то хватило ума разместить их на квадратном куске ткани, но они на нем едва помещались. Отдельные куски так и порывались раскатиться в стороны, и солдаты, топтавшиеся кругом, неудержимо блевали, пытаясь соскрести расползающиеся кучи обратно на ткань. Подобравшись достаточно близко, я сумел присмотреться. Это была плоть, некогда живая, а теперь полужидкая от разложения. Самым твердым в ней были кости, да и те источенные тлением.

В это время капитан повернулся и заметил меня. Он был воином, поэтому первым делом опустил руку к мечу, но у него хватило здравого смысла его не выхватывать, когда он сообразил, кто перед ним. Он кратко ругнулся, бросил быстрый взгляд на своих людей — не смотрит ли кто? — и отвесил поспешный поклон. Не самый утонченный мужик.

— Господин… — осторожно проговорил он, хотя я видел, что он предпочел бы сказать «господь». Он, кстати, не был итемпаном, хотя метка Арамери и украшала его лоб. Капитан вскинул руку, и я остановился в нескольких футах от края расплывавшейся дряни. — Прошу тебя, господин. Здесь опасно.

— А что, червяки и личинки могут наброситься?

Шутка не удалась, потому что личинок не было. Теперь я видел: то, что лежало на одеялах, было останками двух очень-очень мертвых смертных, но отсутствие трупоедов меня озадачило. А еще — от них неправильно пахло. Я подошел еще ближе и приоткрыл рот, чтобы разобраться, хотя запах и витавший в воздухе вкус вовсе не радовали. Мне никогда не нравилась падаль. Однако в этом запахе были только аммиак, сера и обычный вкус смерти. Что же не так?

Я опустился на корточки, чтобы как следует присмотреться, и спросил:

— Арамери, полагаю?

Я никак не мог опознать метки у них на лбах, да там, в общем-то, уже и лиц как таковых не было. Странно почерневшие головы были почти лишены черт. Они выглядели почти плоскими.

— Кто они были? Умерли они, похоже, достаточно давно, чтобы оказаться, хм, моими знакомцами.

Капитан напряженным тоном ответил:

— Это, как мы полагаем, господин Невра и госпожа Крисцина, троюродные брат и сестра правительницы Ремат. Оба чистокровные. И

они умерли, как нам представляется… прошлой ночью.

— Что?!

Он не стал повторять, лишь дернул ногой, закидывая обратно на ткань бесформенный кусок Невры. А может, Крисцины. Солдаты как раз закончили собирать раскатившиеся куски и старательно обертывали их полотном, чтобы увезти. Я увидел пятна слизи, тянувшиеся от самых Вертикальных Врат к тому месту, где лежали кучи. Значит, тела переправили во дворец в карете, но до этого не потрудились как следует обернуть? Бессмыслица какая-то…

Остается только предположить: никто не догадывался о том, что чета внутри кареты мертва… пока не распахнули дверцы.

Я вернулся к капитану, который вновь вытянулся и замер при моем приближении. Я с некоторым удивлением отметил, что на лбу у него был простой прямоугольник низкого родства, правда с пустой серединой, по образцу всех сигил родства, доселе мною виденных, — кроме той, что носила Ремат. Люди низкого родства редко удостаивались высоких постов в Небе. Капитанство этого человека означало, что у него либо имелся могущественный покровитель —

причем не отец и не мать, ведь они тоже были бы низкородными, — либо он успел проявить на службе отменные качества. Я понадеялся, что это как раз тот случай.

— Честно признаться, я весьма мало интересуюсь смертными после их кончины, — негромко проговорил я. — Трупы, знаешь ли, не забавны. Но мне всегда казалось, что обычно мертвецу требуется несколько месяцев, если не лет, чтобы дойти до подобного состояния.

— Обычно так оно и есть, — ответил он коротко.

— Тогда что вызвало подобное разложение?

У него на скулах выступили желваки.

— Прости, господин, но у меня приказ не разглашать подробности. Это дело семейное.

Стало быть, Ремат велела поменьше болтать, и капитан заговорит, только если я схвачу его за пятку и подвешу над пустотой с Пирса. А может, не заговорит и тогда: капитан выглядел на редкость упрямым.

Я закатил глаза:

— Ты не хуже моего знаешь, что учинить такую жуть способна только магия. Может, что-то не так пошло у писца. Или они чем-то обидели одного из моих родственников…

Хотя в последнем я сомневался. То есть сотворить подобное мог любой из нас, боженят, даже самый незлобивый. Но я не мог вообразить ни одного, кто вправду бы сделал такое. Мы убивали, да. Но мы не глумились. Мы с уважением относились к смерти. Иное обращение с мертвыми стало бы святотатством перед Энефой. А может быть, и перед Йейнэ.

— Ничего не могу сказать, господин.

Вот ведь упрямец!

— А почему ты сказал, что здесь опасно?

К моему удивлению, ответом мне был твердый взгляд. Он даже не рассердился, хотя я докучал ему и сам понимал это. А еще у него были глаза весьма примечательного цвета — серые. Такие были редкостью во дворце и почти не встречались у мароне, хотя цвет кожи у него был достаточно темный для принадлежности к этому племени. Если он действительно являлся Арамери, то амнийского в нем было всего чуть-чуть.

— Ты сам это объяснил, господин. — Он говорил негромко, но веско. — Это могла сделать лишь магия. А такая магия работает лишь при непосредственном соприкосновении.

И он ткнул подбородком в сторону лиц умерших — те были еще видны в завязываемых солдатами

узлах. Я всмотрелся как следует, и тут до меня дошло: то, что я принял за каприз разложения, было кое-чем иным. Чернота их лиц объяснялась не тлением, а древесным углем. Это вообще были не лица; черты обоих мертвецов скрывали своего рода маски. И эти маски прогорели до такой степени, что слились с кожей, оставив от первоначального облика только глазницы да линию челюсти.

Солдаты наконец справились с упаковкой. Шестеро сразу медленным шагом двинулись прочь, унося тела. Как только они миновали вход во дворец, оттуда вывалилась целая толпа слуг со всем необходимым для уборки и ароматическими курильницами в придачу. Они быстро и тщательно уберут с парадного двора все следы загрязнения; ни один высокородный даже не догадается, что здесь случилось нечто ужасное.

— Я должен доложить правительнице Арамери, — поворачиваясь, сказал капитан.

— Как твое имя?

Капитан помедлил, явно встревожившись, и я понял: он кое-чего наслушался о моих прежних повадках. Я ухмыльнулся.

— Дразниться не буду, обещаю, — сказал я. — И каверзы подстраивать тоже. Ты ничем меня не

обидел, так что и бояться тебе нечего.

Он ненадолго оттаял и представился:

— Меня зовут Гнев Арамери.

Действительно мароне, с таким-то именем.

— Что ж, капитан Гнев, раз уж ты собираешься доложить правительнице, что я тут побывал, можешь добавить, что я буду рад помочь с выяснением причины… всего этого.

И я показал на место, где недавно лежали тела.

Он опять свел брови:

— Зачем тебе?

Я пожал плечами:

— А просто со скуки. И еще потому, что, говорят, любопытство кота сгубило. Ну а я теперь слишком взрослый, чтобы в игрушки играть.

На его лице мелькнула тень растерянности, но потом он кивнул:

— Непременно передам твое послание, господин.

Он развернулся и ушел во дворец, лишь на миг задержавшись на ступенях, чтобы поклониться при виде стройной фигурки в белом, появившейся из-под арки. Это была Шахар.

Я пошел следом за капитаном, только медленнее и по дороге привычно кивал слугам (что, кажется, слегка их пугало). Я остановился

у подножия широкой лестницы. Шахар была в простом утреннем одеянии из пушистого белого меха. И с довольно грозным выражением лица — что, опять же по привычке, заставило меня съежиться, изображая робость.

— Я проснулась, а тебя нигде нет, — сказала она. — А поскольку меня теперь судят по тому, насколько я удовлетворяю все твои нужды… — Умница, она подпустила в эти слова точно отмеренную порцию яда. — Я сочла своим первейшим долгом прежде разыскать тебя, нежели тратить время на прочие свои многочисленные обязанности. Я, однако, пребывала в полной растерянности, пока мне не сообщили о происшествии в переднем дворе. И поспешила сюда, понимая: если где-то что-то случилось, там наверняка и ты…

Я призвал на помощь свою самую чарующую улыбку, но она лишь добавила льда во взгляд. Наверное, всему виной мой возраст, и улыбка уже не срабатывает.

— Могла бы просто позвать меня. Так же, как двое суток назад.

Она моргнула, забыв рассердиться, и я понял, что не так уж она на меня и гневалась.

— А ты полагаешь, сработало бы?

Я пожал плечами, хотя не испытывал той беззаботности, какую изображал.

— Надо будет как-нибудь попробовать. Тогда и посмотрим.

— Да.

Она глубоко вздохнула. Потом ее взгляд обратился на слуг, которые усердно атаковали пятно скверны возле Вертикальных Врат. Один из них чистил даже сами Врата. Он действовал очень осторожно, используя прозрачный раствор и прилагая все усилия, чтобы не наступить ни на одну из черных плиток.

— Ты знала их? — спросил я. Негромко, на тот случай, если погибшие ей нравились.

— Конечно знала. Ни один из них мне не угрожал. — С учетом повадок ее семейства это было почти заявлением о дружбе. — Они представляли наши торговые интересы на Дальнем Севере и на островах. Они обладали большим здравым смыслом и толково вели дела. Брат и сестра, как… — «Мы с Декой», чуть не добавила Шахар. — Большая потеря для семьи. Снова.

По мрачности ее лица я внезапно догадался, что характер их смерти ее не удивил. Вот и еще зацепочка, следом за предупреждением Гнева.

— Есть хочу, — сказал я. — Отведи меня куда-

нибудь, где кормят, и поешь вместе со мной.

Ее глаза снова вспыхнули.

— Это приказ?

Я закатил глаза:

— Поскольку я не принуждаю тебя к повиновению, стало быть, не приказ.

— Есть много способов принуждения, — сказала она, и глаза у нее стали как два камешка. — Например, пожаловаться моей матушке.

Я застонал:

— Нашла ябеду! Я просто проголодался! — Я шагнул к ней. — А еще я хотел бы поговорить об этом где-нибудь без посторонних ушей.

Шахар моргнула, затем покраснела. Оно и понятно: ей следовало бы уловить мои намеки. Она бы и уловила, не вмешайся ее гордость.

— Ну… — Она помедлила, оглядывая двор с таким видом, словно он был набит пялящимися на нас любопытными. В некотором роде так оно и было. — Встретимся у купола библиотеки через полчаса. Я распоряжусь, чтобы принесли поесть.

С этими словами она повернулась, взвихрив облако белоснежного меха, и ее башмачки дробно зацокали по день-камню.

Я провожал ее глазами — пока до меня не дошло, что мой взгляд задерживается на изящных

изгибах ее бедер и подмечает, как их раскачивает ее надменная, чопорная походка. Это так подкосило меня, что я даже споткнулся, пятясь с лестницы. Хотя смотреть на меня здесь было некому, кроме слуг — а они старательно отводили глаза, вероятно по распоряжению Морад, — я быстренько выпрямился и юркнул в сад, притворившись, что завороженно разглядываю давно надоевшие мне цветы и деревья. Честно говоря, меня просто трясло.

И поделать с этим ничего было нельзя. Шевир оценил мой возраст примерно в шестнадцать лет, а я отлично знал, каковы в этом возрасте смертные мальчишки. Как скоро я буду лежать потным комком, исступленно занимаясь самоудовлетворением? К тому же теперь я знал, чье имя со стоном вырвется у меня, когда наслаждение достигнет предела.

Боги благие! Как же я ненавидел подростковый возраст!

«Ничего не поделаешь», — мысленно повторил я и отворил дырку в земле.

До библиотеки путь был недолог. Я появился в давно никем не посещавшемся углу, между двумя тяжеловесными старыми стеллажами. Потом долго шел между книжными шкафами, пока не

увидел винтовую лестницу, неплохо укрытую от праздного взора. Курруэ выстроила библиотечный купол таким образом, что он становился наградой для тех жителей дворца, которые вправду отличались любовью к письменному слову. Такие люди подолгу рылись в шкафах, просматривали стеллажи и порой теряли счет времени, увлекшись книгой, свитком или табличкой. Я неизвестно почему даже возгордился тем, что Шахар его отыскала. Потом сам на себя рассердился за эту гордость. И наконец, рассердился за то, что рассердился.

Однако, одолев лестницу, я удивленно остановился. Местечко под куполом уже было занято, и заняла его вовсе не Шахар.

На одной из длинных, заваленных подушками скамей сидел мужчина. Крупный, светловолосый, одетый в полувоенного покроя камзол, который выглядел бы почти форменным, не будь он пошит из жемчужно-переливчатого шелка. Верх купола был сплошь застеклен, а стены изобиловали открытыми окнами, магически защищенными (как и весь дворец) от ветров, дождей и разреженного воздуха снаружи. Удачно падавший луч света превращал вьющиеся волосы мужчины в поток жидкого золота, зажи-

гал самоцветы в пуговицах камзола и придавал скульптурную четкость чертам его лица. Мне даже не понадобилось присматриваться к сигиле у него на лбу: я и так с первого взгляда понял, что он происходил из Главной Семьи Арамери. Уж очень этот малый был красив и слишком уж по-хозяйски расположился.

Но когда он повернулся ко мне, я все-таки глянул на сигилу и невольно задержал взгляд, потому что она была заполнена до конца. Она содержала все письмена и надписи, которые я помнил. Тут было и заклятие, обязывавшее Энефадэ защищать прямых потомков той, первой Шахар и служить им, и повеление всем Арамери сохранять верность главе семейства, и так далее. Короче, все! Вот бы знать, почему из всей Главной Семьи лишь этот мужчина носит знак родства в его изначальной форме?

— Так-так… — выговорил он, окидывая меня внимательным взглядом и подвергая такому же быстрому анализу.

— Прошу прощения, — смущенно пробормотал я. — Я не знал, что тут кто-то есть. Пойду другое место поищу.

— Ты тот младший бог, — сказал он, и я удивленно остановился. Он тонко улыбнулся и

продолжил: — Думаю, ты должен помнить, насколько трудно сохранять здесь тайну.

— Я в свое время как-то умудрялся.

— О да. И это было хорошо, иначе вы бы никогда не освободились от нас.

Я вскинул подбородок. Я рассердился и был настроен воинственно.

— Хорошо? И это говорит чистокровный?

— Да. — Он переменил позу, откладывая большую и красиво переплетенную книгу, которую держал на коленях. — Я как раз читал о тебе и твоих собратьях Энефадэ в честь твоего появления во дворце. Мои предки ухватили за хвост чудовище, согласен? Я считаю, мне необыкновенно повезло, что вас освободили до того, как мне пришлось иметь дело с тобой.

Я прищурился, силясь понять причину собственной настороженности:

— Почему ты мне не нравишься?

Мужчина удивленно моргнул, потом не без иронии улыбнулся:

— Наверное, потому, что, если бы ты все еще был рабом, а я хозяином, именно тебя я держал бы на самом коротком поводке.

Я не был уверен, что причина заключалась именно в этом, но легче не стало. Я никогда не

доверял смертным, которые догадывались, насколько я опасен. Обычно это означало, что они и сами были ой как опасны.

— Кто ты такой?

— Рамина Арамери.

Я кивнул, приглядываясь к чертам его лица, к общему рисунку костей в теле.

— Брат Ремат?

Впрочем, я уже видел, что это не совсем верно.

— Сводный, — ответил Рамина. — Ее отец был прежним главой семьи, а мой — нет. — Он пренебрежительно пожал плечами. — А как ты понял?

— Ты выглядишь как один из Главной Семьи. И пахнешь, как Ремат. А веет от тебя… — я покосился на его лоб, — силой, посаженной на цепь.

— А, ты об этом. — Он коснулся лба и слегка самоуничижительно улыбнулся. — Все вполне очевидно. Как я понял, истинные сигилы в твои времена были нормой?

— Истинные сигилы? — нахмурился я. — Как же в таком случае вы называете урезанные?

— Они называются полусигилами. Не считая Ремат, на сегодня я единственный член семьи с истинной сигилой. — Рамина отвел взгляд, следя за далекой стаей птиц, что кружила возле одной из ветвей Древа. Вот они заскользили прочь, и

он проводил глазами их равномерное, неторопливое движение. — Мне ее нанесли, когда сестра заняла место главы.

Вот теперь все стало понятно. Истинная сигила подавляет волю носителя, навязывая ему верность главе семьи. Теперь для Рамины пытаться действовать против сестры — все равно что приказывать солнцу садиться.

— О, демоны, — ругнулся я, неожиданно испытав жалость к нему. — А почему она тебя попросту не убила?

— Наверное, потому, что ненавидит. — Рамина все следил за птицами, и я не мог истолковать выражение его лица. — А может, наоборот, любит. Какая разница? Результат-то один…

Ответить я не успел: со стороны винтовой лестницы послышались шаги. Мы замолчали. Появились двое слуг; они приблизились к Рамине и, неуверенно поглядывая на меня, поставили деревянный поднос, а на него — большое блюдо с закусками, которые берут руками. Сделав это, они быстро ушли. Я тут же подошел к подносу и набил рот всякими вкусностями. Рамина приподнял бровь; я оскалился. Он фыркнул и отвернулся. Хорош, паршивец!

Я досыта наелся, набив рот всего раз, и очень

этому обрадовался: лишнее доказательство, что я еще не до конца стал смертным. Поэтому я рыгнул и принялся облизывать пальцы, надеясь, что Рамина исполнится отвращения. Увы, он на меня даже не смотрел. Но через секунду вновь повернулся в сторону лестницы, по которой как раз поднималась Шахар. Она кивнула мне, потом заметила Рамину и прямо просияла:

— Дядя! Что ты тут делаешь?

— Заговоры плету с целью захватить мир, что же еще, — ответил он, широкой улыбнувшись. Шахар подошла и с неподдельной симпатией обняла его. Он ответил на ласку с такой же искренностью. — А еще веду приятнейшую беседу со своим новым другом, этим юношей. Ты пришла к нему?

Шахар присела рядом с ним, глядя то на него, то на меня.

— Да, — сказала она, — но твое присутствие очень кстати. Ты ведь знаешь, что произошло?

— Произошло?

Она стала очень серьезна.

— Невра и Крисцина. Они… Солдаты доставили тела сегодня утром.

Рамина поморщился и закрыл глаза.

— Как?

Она тряхнула головой:

— Снова маски. На сей раз… — Она скривилась. — Результат я не видела, но вот запах…

Я сел на скамью напротив них, куда падала тень купола, и стал наблюдать за обоими. Свет обволакивал их кудрявые головы золотыми ореолами. Их лица совершенно одинаково отображали горе. Да, все было настолько очевидно, что я удивился: с какой стати Ремат попыталась держать это в секрете?

Рамина встал и принялся расхаживать. Теперь его лицо дышало яростью.

— Тьма демонская! — вырвалось у него. — Все чистокровные с ума сойдут, и я их вполне понимаю. Станут винить Ремат за то, что она еще не поймала этих мерзавцев. — Он резко остановился и повернулся к Шахар, прищуриваясь. — Что же касается тебя, племянница… Раз нападающие до такой степени осмелели, тебе грозит нешуточная опасность. Я посоветовал бы тебе повременить с путешествиями.

Она слегка нахмурилась, но не удивилась. Со времени нашей встречи в переднем дворе она явно думала о том же.

— Сегодня вечером я должна отправиться в Серое, — сказала она. — У меня встреча с госпо-

жой Хинно.

«Серое?» — мысленно удивился я.

— Перенеси, — велел Рамина.

— Не могу. Это я просила о встрече. Если я перенесу ее, она поймет, что у нас что-то не так, а матушка приказала, чтобы весть об этом убийстве никоим образом не распространились.

Рамина вновь перестал расхаживать и многозначительно посмотрел на меня. Я очаровательно улыбнулся в ответ.

Шахар раздраженно хмыкнула:

— Еще она распорядилась, чтобы я дала ему все, что он пожелает. — Она бросила на меня сердитый взгляд. — Он так и так видел тела.

— Видел, — подтвердил я. — Только я не отказался бы от кое-каких объяснений по поводу этих тел. Я так понял, случай уже не первый?

Такая прямота заставила Рамину слегка нахмуриться, но Шахар лишь ссутулилась, даже не пытаясь скрыть отчаяния.

— На чистокровных до сих пор не покушались. А вот другие действительно гибли.

— В смысле, другие Арамери?

— Да. И иногда еще те, кто нас поддерживает. Каждый раз используются маски, и каждый раз они убивают. А мы даже не можем понять, ка-

ким образом преступник заставляет жертвы их надеть! Последствия всякий раз разные, а маски сгорают, как ты сам видел.

Ну и дела. Прежде никто не осмелился бы убивать Арамери, ведь на убийцу тотчас напустили бы Энефадэ. Разыскать и наказать. Всего-то несколько поколений, и мир уже до такой степени перестал испытывать страх перед Арамери? Приспосабливаемость смертных, равно как их мстительность, никогда не переставала меня изумлять…

— Так кто, по-вашему, это проделывает? — спросил я. Оба с раздражением уставились на меня, и я приподнял брови. — Ясно, что не знаете, а то давно бы уже их поубивали. Но должны же вы кого-то подозревать?

— Нет, — ответил Рамина. Он сел, положил ногу на ногу и закинул длинную гриву волос за спинку сиденья. Он смотрел на меня довольно-таки презрительно. — Если бы мы кого-то лишь заподозрили, мы бы и с ними расправились.

Все это начало мне надоедать.

— Но маски-то у вас есть, пускай и здорово поврежденные. Неужели писцы напрочь забыли, как составляются отслеживающие заклятья?

— Не все так просто, — сказала Шахар. Она

подалась вперед, взгляд сделался пристальным. — Маски сделаны не писцами, и те не могут взять в толк, как работает эта… поддельная магия. И вообще… — Она помедлила, покосилась на Рамину и вздохнула. — Они не могут ее остановить. Мы беззащитны против таких нападений.

Тут я зевнул. Я не подгадывал зевок и не собирался им демонстрировать, насколько мало меня трогают их дела, но они нахмурились. Я закрыл рот и ответил им таким же злым взглядом:

— И что вы хотите от меня услышать? Что мне очень жаль? Ну, так мне нисколько не жаль, и вы это прекрасно знаете. Всему миру приходилось жить с этим ужасом: бессмысленные убийства безо всякой связи или причины, магия, бьющая без предупреждения, и всякое такое. И это — столетиями! Причем благодаря конкретно вам, Арамери. — Я пожал плечами. — Если какой-то смертный вычислил способ подпустить вам такого же страха, я лично не берусь его за это судить. Во имя всех преисподних, скажите спасибо уже за то, что я ему не аплодирую!

Рамина смотрел на меня безо всякого выражения. Арамери любят напускать на себя такой вид, который они считают непроницаемым, хотя на самом деле он лишь означает, что их уделали,

но они пытаются это не показать. А вот у Шахар хватило честности разозлиться на меня по-настоящему.

— Если ты настолько нас ненавидишь, что тебя останавливает? — резко спросила она. — Тебе же всех нас поубивать — раз плюнуть! Или… — Тут она выпятила губу и добавила в голос яда: — Если сил не хватает, попроси Нахадота или Йейнэ, они наверняка справятся!

— Ну-ка, повтори!

Я вскочил, ощущая в себе достаточно могущества, чтобы истребить всю семью Арамери лишь из-за того, что Шахар оказалась такой врединой. Будь она мальчишкой, я бы так ей врезал! Мальчишки могут драться и пускать в ход кулаки и при этом оставаться друзьями. Между мальчишками и девчонками все почему-то сложнее.

— Дети, — произнес Рамина.

Он сказал это очень мягким тоном, но устремленный на меня взгляд был пристальным, а за безмятежностью на лице угадывалось нешуточное напряжение. Он догадался воззвать к моей природе, и я это оценил. Во всяком случае, сразу успокоился. Возможно, на это он и рассчитывал.

Шахар еще дулась, но, кажется, не собиралась упорствовать в обиде. Я чуть помедлил и сел

на скамью, хотя внутри по-прежнему все так и кипело.

— К твоему сведению, — бросил я, кладя ногу на ногу и не дуясь, если вы вдруг так подумали. — То, что ты описала, — это не поддельная магия. Это просто лучшая магия!

— Лишь божественная магия превосходит магию писцов, — сказала Шахар.

Я видел, как она силилась напустить на себя этакое ледяное достоинство, и мне тотчас захотелось вывести ее из себя какими-нибудь подначками.

— Нет, — возразил я.

Чтобы как-то справиться с порывом немедленно наговорить ей гадостей, я улегся на скамью и задрал ноги, уперев их в одну из хрупких с виду колонн, поддерживающих свод. Какая жалость, что ноги у меня не грязные! Впрочем, это лишь добавило бы слугам работы.

— Искусство писцов, — продолжил я, — это всего-навсего высшее достижение, которому вы, смертные — прости, вы, амнийцы, — сподобились за время вашего существования. Так что, если вы ни до чего лучшего не додумались, это вовсе не значит, что ничего лучшего и быть не может!

— Верно, — с тяжелым вздохом подтвердил Рамина. — Шевир это нам уже объяснил. Искусство писцов лишь следует за божественным могуществом, пытаясь ему подражать и приближаться к нему, показывая достаточно жалкие успехи. Оно выхватывает идеи, передаваемые начертанными словами. Изустная магия работает лучше. Если работает.

— Единственная причина, по которой она не работает, — смертные не в состоянии правильно выговорить нужные слова, — пояснил я.

Скамья, на которой я растянулся, оказалась на удивление удобной. Надо будет как-нибудь устроиться здесь на ночь — на свежем воздухе, под убывающей луной. Наверное, спать будет столь же приятно, как у Нахадота на руках.

— Бывает, вы добиваетесь верного выговора и без ошибки приставляете одно слово к другому, но упорно не учитываете обстоятельства, — продолжил я. — То, что должно произноситься исключительно днем, вы произносите среди ночи. Вы даже не соображаете, по какую сторону солнца находитесь, хотя, казалось бы, что может быть проще, чем учитывать времена года! Вы говорите «геввирх», хотя подразумеваете «дас-анкалаэ», и выдираете «бревиранаэнокет» из… — Я

покосился на своих слушателей и понял, что они не улавливали сути. — Короче, вы все неправильно говорите.

— Нет способа говорить лучше, — сказала Шахар. — Смертный ум не может постигнуть все… обстоятельства. И ты сам это знаешь.

— Правильно, вы не можете говорить так, как говорим мы. Но есть способы передать все, что хочешь, и помимо речи, устной и письменной. Знаки рукой, язык тела. — Они переглянулись, и я наставил на них палец. — Многозначительные взгляды, наконец! Магия — она что такое, по-вашему? Связь! Передача смыслов! Мы, боги, взываем к реальности, и она нам отвечает. Отчасти потому, что мы ее создали, она нам все равно что руки и ноги, вещественное излияние наших душ. Мы едины со всем сущим, но прочие…

Тут я окончательно понял, что не могу достучаться до них. До чего же тупые, ограниченные создания! С мозгами, запертыми на замок! То есть ума у них хватало, чтобы понимать: Энефа в свое время позаботилась об этом. Они просто невероятно упрямы. Уж такими рождались. Я сдался и вздохнул. Попытки пробиться к ним утомили меня. Вот бы кто-нибудь из родичей заглянул меня навестить… Нет, нельзя. Нечего

кому попало знать о моем состоянии. Как верно заметил Нахадот, врагов у меня хватает.

— Не согласишься ли ты поработать с Шевиром, господь Сиэй? — спросил Рамина. — Помочь ему вычислить, что это за новая магия?

— Нет.

Шахар хмыкнула — резко, раздраженно.

— Ну, конечно же нет. Мы всего лишь даем тебе крышу над головой, пищу и…

— Вообще-то, ничего ты мне не давала, — перебил я и зло уставился на нее. — Если ты забыла, напомню: эту крышу выстроил я. И если уж подсчитывать, кто кому должен и сколько, то как насчет того, чтобы твоя матушка выплатила мне жалованье за две тысячи лет? Кстати, согласен на возмещение долга приношениями, если ей так удобнее, но в любом случае до конца этой смертной жизни голодная смерть мне точно не грозит. — Она обиженно приоткрыла рот, но возразить было нечего. — Нет? Ну так и заткнись!

Шахар вскочила так стремительно, что, окажись этот мир немного меньше, она взвилась бы в небеса.

— Я не обязана это выслушивать!

И она сбежала по винтовой лестнице гневным маленьким вихрем белого меха. Ее башмачки

процокали внизу по полу библиотеки, и все стало тихо.

Мне понравилось, как я ее достал. Я сложил руки под головой, устраиваясь поудобнее.

— А ты получил удовольствие, — заметил Рамина.

Я рассмеялся:

— Откуда такое впечатление?

Он вздохнул — без раздражения, скорее, со скукой:

— Может, перепалки с ней и забавляют тебя. Точнее, не может, а явно забавляют, но ты понятия не имеешь, под каким давлением она живет, господь Сиэй. С того времени, как ты едва не убил ее и стал причиной ссылки ее брата, моя сестра была к ней не слишком добра.

Я мысленно сжался. Он напомнил, что за мной должок перед Шахар. И наверняка сделал это намеренно. Скамья сразу перестала быть удобной. Я опустил ноги с колонны и перевернулся на живот, опершись на локти.

— Могу понять, почему Ремат отослала мальчишку. Удивляюсь только, что она поступила именно так. В прежние времена, когда возможных наследников было более одного, семья их попросту стравливала.

— В данном случае это было невозможно, — пояснил Рамина. Он вновь смотрел вдаль, туда, где открытое пространство расстилалось до горизонта. Я множество раз созерцал этот вид, но все-таки посмотрел туда же. Лоскутное одеяло крестьянских полей и сверкающая клякса местного озера, называвшегося Светлокно. — У Декарты нет шансов унаследовать власть. Если честно, то чем дальше от Неба, тем для него безопасней.

— Это из-за того, что он не вполне амниец? — Я откровенно уставился на него. — И как же так вышло, скажи на милость, дядюшка Рамина?

Он резко повернулся ко мне, сузив глаза, но лишь вздохнул:

— Срань демонская…

Я усмехнулся:

— Ты действительно переспал с сестрой или писцу пришлось повозиться с флакончиками и спринцовками?

Взгляд Рамины стал злым.

— Ты бестактен от природы или намеренно хочешь меня оскорбить?

— Намеренно. Позволь лишь напомнить, что и боги не всегда чураются кровосмешения.

Он положил ногу на ногу. Не то защитная поза, не то безразличие.

— Решение было политическим. Ей требовался тот, кому она могла доверять. И потом, мы с ней лишь сводные брат и сестра, отцы у нас разные, не забывай. — Он пожал плечами и посмотрел на меня. — Шахар и Декарта ничего не знают.

— Да, Шахар твоя дочь. А кто отец Декарты?

— Я. — Когда я расхохотался, он стиснул челюсти. — Писцы все проверили самым тщательным образом, господь Сиэй. Так что можешь поверить на слово. Шахар и Декарта — родные брат и сестра. И такие же амнийцы, как и я сам.

— Невозможно. Или ты сам не настолько амниец, как привык думать.

Он ощетинился, этак изящно:

— Я могу проследить свою родословную, без каких-либо перерывов, до первой Шахар, и нигде, господь Сиэй, не замечено ни малейших следов низших народов. Так что если уж кто и провинился, так это Ремат. Ее дед наполовину происходил из племени кен. — Рамина демонстративно содрогнулся: дескать, вот ужас-то. — Полагаю, нам еще повезло, что дети не родились рыжеволосыми или какими-то еще. Но это было не единственной проблемой.

— Его душа, — тихо проговорил я, вспоминая улыбку Деки. Она так и осталась застенчивой,

даже после того, как я пригрозил убить его. — Он дитя земли и пятнистых теней, резкий свет дня — не для него.

Рамина странновато посмотрел на меня, но я уже устал приспосабливаться к ограниченности смертных.

— Если ты имеешь в виду, что Дека слишком кроток… Так и Шахар, по сути, такая же. Но она хотя бы научилась блюсти лицо.

— Когда ему позволят вернуться?

— Теоретически — по завершении обучения, то есть еще через два года. На деле же… — Рамина пожал плечами. — Возможно, вообще никогда.

Эти слова заставили меня нахмуриться. Я сплел пальцы и положил на них подбородок. Рамина тяжело вздохнул и поднялся. Я обрадовался, решив, что он надумал уйти. Мне жутко надоело подстраиваться под смертных, под их убогие мозги и запутанные расчеты родства. Он, однако, помедлил возле лестницы, оглянулся и наградил меня долгим взглядом.

— Раз уж ты не желаешь помочь писцам отыскать нападающих, — сказал он, — быть может, ты хотя бы согласишься защитить Шахар? Я совершенно уверен, что скоро она станет мишенью для наших врагов. Или тех из числа нашей родни,

кто под прикрытием этих нападений надумает достичь собственных целей.

Я вздохнул, закрывая глаза:

— Она мой друг, глупец.

Он вроде обиделся на меня — возможно, за то, что я обозвал его глупцом.

— Но разве это… — Он умолк, не договорив, и снова вздохнул. — Нет, я должен поблагодарить тебя. Нам, Арамери, всегда недоставало одной важной вещи — дружбы богов. Если Шахар умудрилась завоевать твою дружбу… Что ж, быть может, у нее больше шансов выжить и унаследовать трон, чем мне казалось вначале.

С этими словами Рамина удалился.

Он мне по-прежнему не нравился.

6

Письмо любимой я послал,
Но по дороге потерял.
Письмо щеночек подобрал
И в свой карман его убрал.
Это не ты.
Это не ты.
Но это – ты.

Дворец по имени Небо — это скука. Вот что я больше всего в нем ненавидел, пока был здесь рабом. Реально дворец очень велик: каждая из его башен вместила бы население целой деревни. В его помещениях огромное количество развлечений. Да только за две тысячи лет все они мне обрыдли до тошноты, превратившись чуть ли не в пытку. Да какое там, за две тысячи — хватило и двадцати!

Довольно скоро стало очевидно, что сколько-нибудь долго я Небо выдерживать не смогу. Пожалуй, оно к лучшему. Я хотел отправиться во внешний мир, поискать себе лекарство для исцеления — если, конечно, оно в этом мире существует. Дворец, однако, был для меня идеальной

промежуточной площадкой в попытках начать жить как смертный. Здесь было удобно и относительно безопасно, здесь я мог спокойно обдумать земные аспекты моих следующих шагов. Где, к примеру, я стану жить, когда отсюда уйду? И как вообще я собираюсь жить, если магия вскорости оставит меня? У меня не имелось ни состояния, ни каких-либо особых умений. И никаких связей в смертном обществе. А ведь оно, это общество, могло оказаться куда как опасно, особенно если учесть мою нынешнюю уязвимость. Чтобы со всем справиться, требовался продуманный план.

(От меня не укрылась горькая ирония моего положения. Смертным подросткам свойственно примерно так же беспокоиться и переживать в момент расставания с домом детства, на пороге безжалостной взрослой жизни. Вот только мне почему-то от этого было не легче.)

До вечера я так и не пришел к внятному выводу. Решив, что Шахар, должно быть, успела к этому времени поостыть от вспышки ярости, я отправился ее искать.

Выйдя в покои наследницы, я увидел ее в обществе трех служанок, занятых одеванием юной госпожи. Когда я появился в дверях гостиной, она обернулась так стремительно, что не до конца

уложенные волосы вновь растрепались. Я успел заметить возмущение, мелькнувшее на лице одной из служанок, прежде чем женщина успела его спрятать.

— По каким преисподним тебя носило? — требовательно вопросила Шахар. — Слуги сказали, что ты ушел из библиотеки давным-давно! Много часов назад!

Я прислонился к косяку и медлительно протянул:

— И я рад тебя видеть. Чего это ради тебя так принаряжают?

Она вздохнула, вновь отдаваясь в руки прислуги:

— Ужинать иду. Я сегодня встречаюсь с госпожой Хинно из правящей триады теманского протектората и с ее пимексе.

Она безукоризненно выговорила последнее слово, как, собственно, и подобало, ведь ее, наверное, с детства обучали теманскому. Слово означало наследника, причем имело мужской суффикс, стало быть, переводилось на амнийский как «принц». А впрочем, кто их знает, этих теманцев, они могли и снова переписать свою хартию привилегий за те века, что я не обращал на них внимания. В прежние времена правление

у них не наследовалось. Тогда теманцы выбирали себе вождей из числа самых умных и доблестных среди своей молодежи и натаскивали лет по десять, если не больше, прежде чем доверить им действительное управление. Такая разумность в поведении и стала причиной, по которой я остановился на теманской внешности, когда впервые выбирал себе человеческий облик.

Потом я обратил внимание на платье, в которое как раз заворачивали Шахар. Именно так — заворачивали. Платье, похоже, состояло только из лент приглушенно-золотого цвета в ладонь шириной. Их наматывали крест-накрест, так, что в итоге получался красивый узор елочкой. Все вместе получалось изящно, наряд искусно подчеркивал всю прелесть еще не до конца расцветшего тела Шахар. Я даже присвистнул, и она встревоженно на меня покосилась.

— Если бы я не знал, что к чему, то подумал бы, что ты охмуряешь этого принца. Но ты слишком молода. И потом, с каких это пор Арамери вступают в брак с чужеземцами? Так что здесь, вероятно, кроется нечто иное.

Она пожала плечами, переводя взгляд на свое отражение в большом зеркале. Платье было почти завершено. Оставалось лишь наложить

несколько последних слоев на ногах. Вот интересно, как она потом собиралась выпутываться из этих лент? Может, их с нее срежут?

— Триадессе нравится красота, — сказала Шахар. — И она устанавливает тарифы на все поставки с Дальнего Севера, так что имеет смысл произвести на нее должное впечатление. Она — одна из немногих благородных дам, способных реально отравить нам жизнь. — Шахар повернулась к зеркалу боком, изучая свой силуэт. Теперь, когда служанка заново уложила ей волосы, смотрелась она безукоризненно и понимала это. — А принц Канру — старый друг моего детства, так что я не возражаю принарядиться и для него.

Я удивленно вскинул брови. Арамери, вообще-то, не позволяли своим детям заводить друзей. Что до меня, я полагал друзей необходимыми, особенно теперь, когда они остались без богов. Я подошел к дивану в гостиной и плюхнулся на него, нимало не смущаясь взглядов служанок.

— Значит, за ужином тебя ждут не только дела, но и удовольствие.

— В основном дела.

Служанки что-то пробормотали, и некоторое время царила тишина: Шахар придирчиво рассматривала себя в зеркале. Наконец она удо-

влетворенно кивнула, и женщины удалились одна за другой. Когда они вышли, Шахар натянула пару длинных бледно-желтых перчаток.

— Вообще-то, я собираюсь спросить ее, что сталось с моими кузенами, — пояснила она.

Я улегся на бок, чтобы наблюдать за ней.

— А ей-то почем знать?

— Причина в том, что теманцы входят в нейтральную фракцию Благородного Собрания. Они поддерживают нас, но также стоят за прогрессивные перемены, такие как пересмотр системы десятин и введение светских школ. Понимаешь, ордену Итемпаса более не по карману обучать детей старше девяти лет, так что…

— Да-да, — перебил я, протирая глаза. — Забудь о подробностях, Шахар. Давай ближе к делу.

Она обреченно вздохнула, подошла ко мне и надменно уставилась сверху вниз.

— Полагаю, у Хинно есть союзники среди той части вельмож Дальнего Севера, что последовательно голосовали в Собрании против Арамери. А я полагаю, что они-то и стоят за нападениями на мою семью.

— Раз ты так думаешь, почему ты их до сих пор не поубивала? — поинтересовался я.

Я-то знал, что буквально считаные поколения

назад ее предки давно бы уже поступили именно так.

— Потому что нам неизвестно, какие народы в этом замешаны. Мы можем с уверенностью утверждать лишь, что корень зла — где-то на Дальнем Севере, но там обитает не менее двух дюжин разных народов. К тому же я подозреваю, что дело не обошлось без сенмитов, а может, и островитян. — Шахар вздохнула, подбоченилась и свела брови в напряженном раздумье. — Я хочу отсечь змее голову, Сиэй, а не просто выбить ей клыки или сорвать несколько чешуек. Поэтому я хочу последовать твоему совету и бросить нашим врагам вызов. Я хочу предложить им расправиться со мной прежде, чем ко мне перейдет главенство в семье. Или я весь Дальний Север разнесу, чтобы покончить с угрозой!

Я откинулся на спинку дивана. Нельзя сказать, чтобы ее порыв вовсе не впечатлил меня, однако где-то в животе зародился и холодный комок злости.

— Ясно. Полагаю, ты собираешься блефовать, чтобы выманить их из укрытия?

— Конечно! Я не вполне уверена, что мы по-прежнему способны истребить целый континент, а вот то, что подобная попытка оставила бы без

сил всех наших писцов, это уж точно. Допускать подобную слабость в нынешние времена стало бы верхом глупости.

И Шахар с самодовольным видом уселась подле меня. Ее облегающее «платье» приятно шуршало, приспосабливаясь к положению ее тела. Шуршание явно создавалось намеренно и было продуманной частью общего впечатления. Я подумал, что стоимость этого наряда, вероятно, опустошила бы сокровищницу небольшой страны.

— Тем не менее, — продолжила Шахар, — я уже переговорила с капитаном Гневом, и мы решили, что следует подумать о небольшой операции запугивания…

— Значит, — перебил я, — методами предков ты действовать не желаешь, потому что по-прежнему хочешь быть хорошей Арамери. Но ты не гнушаешься использовать для достижения своих целей их репутацию. Я правильно тебя понял?

Она уставилась на меня, в первое мгновение не найдя слов:

— Что?..

Я сел и выпрямился.

— Ты грозишь людям истреблением, а потом еще удивляешься, почему они плетут против

тебя заговоры. Эх, Шахар, а я-то поверил, что ты вправду хочешь многое изменить…

Ее лицо тотчас потемнело.

— Я бы ни за что на самом деле так не поступила, Сиэй! Боги, я же не чудовище!

— А грозить уничтожить все, что эти люди знают и любят? Кем, по-твоему, это тебя делает? — Она замолчала, смущаясь и начиная сердиться, и я наклонился так, чтобы мое дыхание обласкало ей щеку. — Чудовищем, причем слишком трусливым, чтобы принять собственную чудовищность!

Шахар мгновенно побледнела, лишь на щеках горели два ярких пятна, а во взгляде боролись ярость и потрясение. Надо, впрочем, отдать ей должное: она не бросилась немедленно давать сдачи и не отодвинулась от меня. Ее ноздри трепетали, пальцы сжались в кулак, но тут же распрямились. Она вскинула подбородок.

— Судя по всему, ты вовсе не предлагаешь мне действительно причинить им какие-то беды, — негромко проговорила она. — И что же тогда ты предлагаешь, Плутишка? Позволить им и дальше устраивать на нас покушения, пока в живых не останется ни одного чистокровного? — Она поджала губы. — Ладно, забудь. Я сама не знаю,

зачем вообще спрашиваю. Тебя же не волнует, будет кто-нибудь из нас жить или умрет…

— А с какой стати? — Я сделал жест, как бы охватывая дворец. — Можно подумать, здесь мало Арамери.

— Да, мало!

Ее самообладанию пришел конец. Она встала на диване на четвереньки, глаза вспыхнули.

— Ты успел погулять по дворцу, Сиэй! Говорят, в твои времена нижние уровни так и кишели народом, а теперь там пусто. Еще говорят, что раньше за пределами дворца проживало множество Арамери и мы могли выбирать лучших, которые и становились нашими слугами. А теперь мы во множестве берем приемышей, которые по крови не имеют к нам ни малейшего отношения! Это ни о чем не говорит тебе, о старейший из боженят?

Я нахмурился. Она несла какую-то околесицу. Смертные плодились как кролики. Когда я был рабом, Арамери исчислялись многими тысячами. Тем не менее Шахар была права. То, что нижняя часть дворца опустела, было неправильно. И то, что человек «подлого» происхождения, в основном маронейских кровей, выслужился до капитана дворцовой стражи, тоже было неправильно. А уж то, что Ремат возлегла с соб-

ственным братом… Такое в прежние дни и вовсе было бы немыслимо. То есть родственники постоянно заводили кровосмесительные интрижки, но чтобы ради деторождения? Но, коли уж Ремат, чье собственное происхождение было некоторым образом разбавлено, решила таким образом укрепить силы Главной Семьи…

А ведь все эти знаки были передо мной с момента первоначального возвращения в Небо, только я их не видел. Я настолько привык к тому, что Арамери бесчисленны и всесильны, что едва не проглядел истину: на самом деле они вымирали.

— Объясни, — потребовал я, испытывая непонятное волнение.

Гнев Шахар иссяк. Она вновь села, ее плечи поникли.

— Охота на высокородных началась относительно недавно. Однако покушения случались и прежде. Мы просто не замечали их, а потом вдруг оказалось, что пора бить тревогу.

На ее лице была горечь.

— Сперва гибли отдаленные родственники, — угадал я.

Арамери, не связанные непосредственно с Главной Семьей, недостаточно богатые и властные, чтобы представлять особую ценность для

верхушки семьи. Стражники, слуги. Расходный человеческий материал.

— Да, — вздохнула она. — Но реально все началось очень давно. Всего через несколько десятилетий после того, как ты и другие Энефадэ вырвались на свободу. Начали страдать боковые ветви семьи, те, кому мы предоставили возможность заниматься во внешнем мире делами и вступать в браки на стороне, привнося новую кровь. Все происходило исподволь. То дети умирали от каких-то странных болезней, то молодые жены и мужья оказывались бесплодными, то происходили несчастные случаи и всякие природные бедствия. В общем, эти ветви умирали одна за другой. Мы передавали их владения нашим союзникам или ставили туда кого-то из наших.

Еще не дослушав, я уже качал головой.

— Все не так, — возразил я. — Несчастный случай можно подстроить. Детей, боги свидетели, уморить вообще легче легкого. Но вот природные бедствия, Шахар? Это значит…

Я уже прикидывал про себя, мог ли писец такое устроить. Писцы знали, как составить надпись для вызывания дождя или вёдра, но управлять бурей невероятно сложно. Захочешь устроить

небольшое наводнение, и можно дождаться цунами. Но если не писцы, то… то… Нет!

Она улыбнулась, как бы подтверждая мои худшие опасения.

— Да, — сказала она. — Да. Это вполне может означать, что некий бог вот уже пятьдесят лет трудится над тем, как бы всех нас истребить.

Я вскочил и принялся расхаживать по комнате. Мне вдруг сделалось тесно и душно в оболочке смертного тела и захотелось сбросить его.

— Если бы я желал поубивать Арамери, я бы уже это сделал! — рявкнул я. — Я бы заполонил весь дворец мыльными пузырями и завалил его игрушками для ванны. Устроил бы во всех полах ловчие ямы с острыми шипами на дне и спрятал их под коврами. И возжелал бы, чтобы все Арамери младше двенадцати лет свалились в них и погибли! Знаешь, я и сейчас вполне могу это устроить!

И я резко обернулся к ней, предлагая усомниться в услышанном.

Но Шахар лишь кивнула — устало, без улыбки:

— Знаю, Сиэй.

Такая покорность обеспокоила меня. Я не привык видеть ее в подобном отчаянии. И не привык воспринимать Арамери — одного из них или всех

— как беспомощных и беззащитных.

— Йейнэ запретила нам мстить Арамери, — тихо проговорил я. — Не из сочувствия: она вас ненавидит точно так же, как и мы все. Она просто не хотела, чтобы повсюду разразилась война и…

Ибо Арамери, при всем их непотребстве, оставались единственной силой, способной удержать мир от сползания в хаос междоусобиц. И даже Нахадот был в этом с ней согласен. А мои братья и сестры не дерзали перечить ей. Или как?

Я поспешно отвернулся и отошел к окошку, чтобы не показать Шахар своего страха.

Она вздохнула и поднялась:

— Мне пора. Мы отбываем заранее, чтобы обмануть возможных убийц. — Тут она помедлила, наконец-то заметив мое молчание. — Что такое, Сиэй?

— Ступай, — негромко проговорил я.

За окном, окрашивая небо алым, клонилось к закату солнце. Ощущал ли Итемпас — где бы он сейчас ни был — окончание очередного дня примерно так же, как Нахадот, некогда умиравший с каждым рассветом? Испытывал ли он ужас перед наползающей темнотой? Угасал ли постепенно, как эти краски в небе, пока душа не погружалась во мрак?..

Между тем Шахар, не дождавшись ответа, направилась к выходу, и я встрепенулся, снова начав думать.

— Шахар, — сказал я, и она остановилась. — Если что-то случится, если тебе будет грозить опасность… просто позови меня, хорошо?

— Мы ни разу не проверяли, сработает ли…

— Сработает. — Я чувствовал это нутром. Я не знал, откуда такая уверенность, но она у меня была. — Мне действительно плевать, будет жить или умрет бóльшая часть других Арамери, но ты же мой друг!

Она очень тихо стояла у меня за спиной. Удивилась? Растрогалась? Некогда я определил бы ее настроение по вкусу воздуха в комнате. Нынче мне оставалось только гадать.

— Отдохни пока, — сказала она наконец. — Я распоряжусь насчет еды. А когда вернусь, мы поговорим.

И с этими словами она вышла из комнаты.

Я прислонился к окну. Теперь мне больше не нужно было скрывать колотившую меня дрожь. Оставшись в одиночестве, я мог поразмыслить о самой жуткой из вероятностей.

Неужели какой-то младший бог пошел против старших богов? Это казалось невозможным. Мы,

боженята, просто ничтожны по сравнению со своими родителями: они могли уничтожить нас одним мановением. Тем не менее могущества у нас хватало. Иные из нас — да что там, когда-то и я — могли противостоять им один на один хотя бы несколько секунд. И даже самый распоследний из нас был способен хранить секреты и устраивать безобразия.

Меня не очень волновали проделки какого-нибудь отдельно взятого младшего божества. Но если сговорились многие… Если они устроили заговор, тянущийся сквозь поколения смертных, и воплощают какой-то очень сложный план… Это уже не проделки. Это восстание. И куда более опасное, чем все замыслы северян против Арамери.

Ибо, если младшие боги восстанут против старших, те нанесут ответный удар. Так уже было, когда им начали угрожать демоны. Вот только боженята не так хрупки и уязвимы, как демоны. К тому же далеко не все мы были заинтересованы в том, чтобы сохранить царство смертных в целости. А это значит, что грядет новая Война богов. И обещает оказаться еще хуже той, первой.

Причем все это зрело у меня прямо под носом целых пятьдесят лет. А я до сих пор даже понятия

не имел, кто тут мог быть замешан.

У меня за спиной, точно молчаливый укор, кровавое небо стало постепенно чернеть…

7

Сколько миль до Вавилона?
Трижды двадцать и десяток.
А со свечкой добреду ли?
И еще дойдешь обратно.
Коль проворны будут ноги,
Хватит свечки для дороги.

Мне требовалась помощь. Но ни к Нахадоту, ни к Йейнэ я не пойду; эти двое, чего доброго, могут сорваться и наворотить дел. Нет уж, я их потревожу только тогда, когда буду знать больше!

Кому же из моих братьев и сестер я мог бы довериться? Перво-наперво я подумал о Чжаккарн. Увы, эта воительница была начисто лишена хитрости и коварства, а значит, помощи в деле разоблачения заговора от нее будет немного. Что же касается остальных… Демоны! С подавляющим большинством я не общался целых две тысячи лет. А еще раньше пытался кое-кого из них убить. В общем, мосты сожжены, пепел развеян, и земля посыпана солью. Такие вот семейные отношения.

Это не говоря еще о маленьком затруднении: в

моем нынешнем состоянии я не мог вернуться в царство богов. Вообще-то, проблема не так страшна, какой казалась, поскольку город у подножия Неба кишел моей младшей родней. Там было полно боженят, для которых жизнь среди смертных была еще внове. Если удастся уговорить кого-нибудь из них помогать мне… Но вот кого?

Я в расстроенных чувствах отвернулся от окна и снова заходил по комнате. Стены дворца вновь засветились, и я с ненавистью следил за тем, как они разгорались: для меня это было еще одним свидетельством моего нынешнего бессилия, ибо некогда они слегка померкли бы в моем присутствии. Я, конечно, не Нахадот, но его тьмы во мне было более чем достаточно. А теперь, словно в насмешку, стены ярко светились, изгоняя каждую тень.

Тень?

Я остановился. Подумал об одной из своих родственниц. И решил: не исключено. Есть надежда, что она станет мне помогать. И не потому, что она так уж любит меня, — скорее, наоборот. Но ее природу составляли разного рода тайны, а значит, у нас имелось кое-что общее. Всегда проще обращаться к тому, с кем у тебя есть некоторое сходство. Послушает ли она, если воззвать к это-

му? Или воспользуется случаем и пристукнет меня?

— Риск — благородное дело, — проворчал я себе под нос и направился к выходу из покоев.

Чтобы добраться до предпоследнего уровня нижней части дворца, я воспользовался подъемником. Коридоры там оказались по-прежнему безлюдными, а освещение — приглушенным, если сравнивать с ярким сиянием наверху. Я был на месте.

Ощутив нечто похожее на ностальгию, я по очереди касался дверей, мимо которых лежал мой путь. Сколько воспоминаний! Вот комната Чжаккарн с пушечным ядром, вделанным в пол. Еще у нее был гамак, сплетенный из пращей и кнутов, вымоченных в крови. (Я из опыта знал, что гамак был очень удобен, хотя и немного царапался.) А вот жилище Курруэ, нашей милой предательницы; внутри разбросаны монетки и жемчуга, а у стен громоздятся книги, похищенные из библиотеки. Монетки теперь, наверное, уже потускнели…

В свои бывшие покои я заглядывать не стал, убоявшись чувств, которые могли на меня нахлынуть. Чего доброго, мне еще придется доживать там свои дни…

Я волевым порядком направил мысли в иное русло.

И пошел к четвертой комнате, расположенной как раз посередине этажа. В прежние времена здесь обитал Нахадот.

Внутри царила непроглядная тьма, но ночное зрение еще не совсем покинуло меня, не пришлось прибегать и к кошачьим глазам. В комнате было совершенно пусто. Ни мебели, ни украшений — вообще никакого свидетельства, что помещением пользовались. Тем не менее каждая пядь его стен так и дышала непокорством: назло нашим тогдашним тюремщикам и мучителям отсюда был навсегда изгнан свет. Потолок к центру комнаты провисал, а пол был, наоборот, вздыблен, как если бы некая чудовищная всасывающая сила заставила выгнуться камень. Еще в комнате были четкие углы, несвойственные другим помещениям дворца. Пристально вглядываясь во тьму, я почти видел силуэт Нахадота, черный на черном, и почти слышал его низкий, глубокий голос, негромко произносивший: «Что, за новой сказкой пришел? Вот дитя ненасытное…»

Я жестоко поступил, оттолкнув его. Помолюсь ему о прощении.

Сунув руку под рубашку, я вытащил шнурок,

свитый из моих волос. Сняв с него бусину Эн, я мысленно велел маленькой звезде зависнуть под вогнутым потолком. К моему немалому облегчению, все сработало. Эн взвилась в воздух и принялась обрадованно вращаться. Я даже вспомнил о своем планетарии, хотя звезде недоставало планет.

— Ты уж прости, — сказал я и кончиком пальца погладил маленькую звезду. — Я тебе со временем новые планеты достану. Ты мне посвети пока, хорошо?

Вместо ответа Эн охотно вспыхнула ярким желтовато-белым светом, словно свеча. Комната Нахадота тотчас как будто уменьшилась в размерах и наполнилась тенями. Моя тень вытянулась за спиной — большеголовая и мучительно похожая на того ребенка, которым мне полагалось бы быть. Я решительно отвернулся от нее и занялся делом.

— Владычица тайн, — сказал я, протягивая руку, и тень повторила мое движение. Я определенным образом сложил пальцы и обратился к лицу, силуэтом возникшему на стене: — Тень во мраке, Неммер Йру Им, сестра моя, слышишь ли ты?

Несколько мгновений ничего не происходило.

Потом, хотя я не шевелился, тень моей руки на стене чуть наклонила голову.

— Какая неожиданность, — женским голосом сказала она. — Старший братец Сиэй! Сколько лет, сколько зим…

Я пустил в ход вторую руку, и на стене возникла тень ослиной головы. «Я вел себя как осел».

— Занятные вести доходят о тебе, Неммер. Не откажешься поговорить со мной?

— Я ведь отозвалась, не так ли? — Тень задвигалась, невозможным образом отрастив руки и ноги, и подбоченилась. — По правде сказать, в основном потому, что и до меня дошли о тебе кое-какие необычные слухи. Я прямо помираю от любопытства: неужели не врут?

Демоны, я должен был это предугадать…

— Я тебе в самых сокровенных деталях все расскажу, но и в обмен кое-что попрошу.

— В самом деле? — Настороженность в ее голосе заставила меня напрячься. То, что она не доверяла мне, не имело значения: она вообще никому не доверяла. А вот то, что я ей не нравился… — Что-то я не уверена, хочется ли мне заключать с тобой какие-то сделки… Плутишка.

Я кивнул. Примерно такого ответа я и ждал от нее.

— Я ничего скверного не замышляю против тебя, Неммер. Пойди против своего сердца и понадейся умереть. — Я расслышал горечь в собственном голосе и по-иному сложил пальцы. Их тень превратилась в голову старика. — Ты не пошла против нас в той Войне. У меня нет причины держать на тебя зло.

— Что-то плохо верится, — сказала она, складывая на груди руки. — Всем известно, что тех, кто держался в сторонке, ты ненавидишь не меньше, чем сторонников Итемпаса!

— Ненавижу — сильно сказано…

Тень на стене тряхнула головой — так делают, когда закатывают глаза.

— Ну хорошо. Терпеть не можешь. С радостью поубивал бы. Так правильней?

Вздохнув, я опустил руки. Говорящие тени остались на своих местах на стене.

— Ты же знаешь мою природу, сестра. Чего ты ждешь от меня? Неужели зрелости? — Я хотел было рассмеяться, но душу тяготила усталость. — Ну хорошо, будь по-твоему: я тебя ненавижу и ни за что не стал бы вызывать на разговор, будь у меня выбор. А теперь, может, поговорим? Или просто пошлем друг дружку подальше и на этом покончим?

Она некоторое время молчала. Я успел забеспокоиться и стал гадать, к кому еще обратиться, если она откажется иметь со мной дело. Все прочие возможности выглядели еще незавиднее. Если…

— Ну ладно, — проговорила она наконец, и глубоко у меня в животе начал распускаться стянувшийся было узел. — Мне нужно время, чтобы все тут устроить. Приходи через неделю, считая от сегодняшнего дня. В полдень. — Что касается места встречи, оно просто возникло в моем сознании — так, как если бы я всегда о нем знал. Это был домик где-то в городе под Небом, в той его части, что называлась Южным Корнем. А Неммер добавила: — Приходи один!

Я сложил на груди руки:

— Сама-то ты тоже будешь одна?

И, сложив пальцы, я сотворил на стене тень разъяренного кота: уши прижаты, клыки наголо.

— Можешь верить или нет, мне все равно, — рассмеялась она. — Это ты просишь о встрече, не я. Приходи через неделю — или не являйся совсем.

С этими словами женская тень наклонилась и с силой дунула. Эн от изумления выдала яркую вспышку, после чего погасла и упала на пол. А

Неммер исчезла.

Пошарив в потемках, я подобрал Эн и сразу почувствовал, насколько она потрясена и расстроена. Я успокоил ее ласковыми словами, надел на шнурок и спрятал под рубашкой, не переставая напряженно размышлять.

Если Неммер знала, что со мной случилось… Знала, скорее всего. В ее природе проникать в чужие секреты, и даже Трое не могли что-либо от нее скрыть. Другое дело, что у нее хватало ума не болтать налево-направо. Так вот, вполне могло случиться, что, прибыв через неделю к месту встречи, я увижу ее во главе отряда моих наименее любимых родственников, иные из которых вот уже две тысячи лет только и ждали шанса поквитаться со мной за Войну богов.

В то же время Неммер никогда не ввязывалась во внутренние дрязги нашей семьи. И во время Войны она держалась в сторонке, не знаю уж почему. Может, она, как и многие среди нас, разрывалась между двумя нашими отцами? Была ли она среди тех, кто трудился во спасение царства смертных, едва не разрушенного нашими битвами? Я безнадежно вздохнул. Вот чем я, старший, должен был заниматься вместо участия в мелких разборках наших родителей. Если бы я

озаботился примирением со своей родней, попытался понять, что толкнуло их на предательство Нахадота…

— Поступи я так, не дошел бы до жизни такой… — вздохнул я в темноту.

Собственно, вот и причина, по которой я собирался рискнуть, доверившись Неммер. Она тоже лишь то, чем ее сделала ее природа. Она держалась сама по себе, собирала всяческие секреты и потихоньку их выдавала в подходящий момент. И вступала лишь в те союзы, которые ее устраивали, — в основном весьма ненадолго. Все это в принципе означало, что она не была мне врагом. А станет ли другом, зависело теперь от меня.

Вернувшись в комнату Деки, я с удивлением обнаружил, что у меня опять посетители: пышноволосая дворцовая управляющая Морад и слуга, занятый приборкой и заправкой постели. Они тотчас склонились передо мной, словно я был высокородным Арамери. Потом слуга вернулся к уборке, Морад же смерила меня взглядом, полным откровенной неприязни.

Ее взгляд заставил меня нахмуриться и тоже себя осмотреть. И только тут я с большим опозданием понял, отчего на меня так глазели слуги, пока я добирался в нижнюю часть дворца. Я все

еще носил одежду, которую наколдовал себе два дня назад. Тогда она была всего лишь простенькой, но лазанье по пыльным коридорам и замкнутым пространствам, ставшим тесными из-за разрастания Древа, довели ее до непотребного состояния. А еще я принюхался к запаху собственных подмышек и невольно сморщил нос. Фу! А я-то и не замечал! Со времени возвращения в этот мир я еще ни разу не мылся, а между тем мое теперь уже юношеское тело явно производило куда больше запаха, чем детское.

— Понял, — сказал я и застенчиво улыбнулся Морад.

Она вздохнула, хотя, кажется, я успел заметить тень улыбки у нее на лице.

— Я приготовлю тебе ванну, — сказала она и присмотрелась к моей голове. — А еще велю позвать цирюльника. И портного. И мастерицу ухаживать за ногтями.

Я потрогал свои пропыленные, свалявшиеся волосы и выдал слабый смешок:

— Похоже, я это заслужил…

— Как скажешь, господин мой.

Морад тронула за плечо слугу, почти закончившего возиться с постелью, и что-то тихо сказала ему. Он кивнул и сразу вышел. К моему

удивлению, Морад закатала рукава и самолично подоткнула простыни. Когда постель приобрела безупречный вид, она перешла в ванную, и я услышал, как там побежала вода.

Снедаемый любопытством, я вошел следом за нею в ванную комнату. Присев на край ванны, Морад пальцами проверяла температуру воды. Она сидела ко мне спиной, открывая взгляду все великолепие своих волос. Было совершенно ясно, что в ее жилах текла не только амнийская кровь. Во всяком случае, волосы у нее сами собой курчавились мелкими плотными кольцами, которых знатные амнийские дамы добивались ценой долготерпения и мученических усилий. А цвет! Волосы у Морад были черны, точно душа моего отца. Кожа достаточно светлая, но чужие крови просматривались в ее чертах, стоило лишь приглядеться. И еще было ясно, что она и не думала стыдиться своего смешанного происхождения: сидела она в изящной позе и с прямой спиной, точно королева. Выросла она явно не в Небе или каких-нибудь амнийских владениях. Там ей давным-давно бы сломали душу насмешками.

— Среди твоих предков были мароне? — предположил я. — Волосы тебе, по крайней мере, точно достались от них. А остальные… теманцы?

Или, может, узры? Кентийцы?

Морад повернулась ко мне, поднимая бровь:

— Из моих бабушек-дедушек двое несли в себе маронийскую кровь, тут ты угадал. Один был теманцем, другой мин. И, если верить слухам, мой отец был в действительности наполовину ток, хотя и притворялся сенмитом, чтобы попасть в легионы Ханту. А вот мать у меня была амнийкой.

Вот и очередное доказательство отчаяния Арамери. В прежние времена они не удостоили бы вниманием женщину такого пестрого происхождения. А о том, чтобы доверить ей должность управляющей, и речи не шло бы.

— Но тогда каким образом?..

Она кривовато улыбнулась — словно бесцеремонные вопросы были ей не впервой.

— Я выросла в южной части Сенма. Повзрослев, я подала прошение о приезде сюда на основании того, что мой четвероюродный дед был высокородным Арамери. — Я скривился, и она кивнула. Дела давно минувших лет. — Бабушка Атри даже не знала, как звали моего деда. Он просто ехал куда-то через их город. Она была хорошенькой девчонкой, а у семьи не нашлось влиятельных покровителей…

Морад пожала плечами, ее улыбка померкла.

— И ты решила отыскать дедулю-насильника и сказать ему «привет»?

— Он умер много лет назад. — Морад в последний раз проверила воду и закрыла краны. — Это бабушка мне посоветовала поехать сюда. В той части Сенма не так-то просто найти приличную работу. Вот бабушка и решила: пусть ее тогдашние страдания хоть мне обеспечат лучшую жизнь.

Поднявшись, она встала подле скамьи для мытья и взяла бутылочку средства для мытья головы.

Я тоже встал и разделся, довольный, что моя нагота ее не смущала. Усевшись на скамью, я не успел предупредить Морад, и она сняла шнурок с Эн с моей шеи и положила его на столик. Я с облегчением увидел, что Эн перенесла это, не возмутившись. Наверное, устала после наших приключений в комнате Нахадота. А еще у нее было свое отношение к смертным: некоторые ей нравились.

— В поисках лучшей жизни тебе не обязательно было приезжать именно сюда, — сказал я, зевая. Морад смочила мне волосы и принялась их мыть. Переговоры с тенью Неммер меня, оказывается,

утомили, а умелые пальцы Морад так приятно скользили по коже. — В мире наверняка найдутся тысячи мест, где ты смогла бы заработать себе на жизнь, не имея дела с этой ненормальной семейкой.

— Других мест, где столько платят, на свете нет, — сказала она.

Я развернулся и уставился на нее:

— Так они тебе… платят?

Она кивнула. Мое удивление ее позабавило. Она бережно повернула мне голову в прежнее положение, чтобы удобнее было мыть.

— Да, платят. Точнее, платит старый господин Теврил. Будучи квартеронкой, я смогу уволиться еще через пять лет, а денег у меня будет столько, что я смогу обеспечивать всю нашу семью до конца своих дней. На мой взгляд, это стоит общения с ненормальными. Ты не согласен?

Я нахмурился, силясь понять ее доводы:

— Значит, твоя семья — это те, кого ты оставила на юге. Арамери же для тебя только наниматели. Так, что ли?

Ее руки замерли.

— Ну… Я здесь уже пятнадцать лет, это место теперь мой дом. И в некоторых отношениях жизнь в Небе не так уж и ужасна, господь Сиэй.

Полагаю, ты и сам это знаешь. И… ну… здесь тоже есть люди, которых я люблю.

Тогда я понял. Она замолчала и вновь приступила к работе, то поливая меня теплой водой, то снова намыливая. Когда она потянулась мимо меня за бутылочкой с жидким мылом, я набрал полный рот ее запаха. День-камень, бумага и терпение — запахи деятельного чиновничества — и еще кое-что. Сложный такой запах, многослойный, знакомый, в котором каждый элемент поддерживал и обогащал другой. Сны. Практичность. Прозорливость. Любовь. Ремат.

Частью моей природы было при малейшей возможности подбирать ключики к человеческим душам. Будь я прежним — ребенком или котом, — я уж придумал бы способ помучить Морад своими знаниями. Может, я бы даже песенку сочинил и повсюду распевал ее, пока даже ее друзья не начали бы рассеянно мурлыкать мотив. Я даже знал, каким был бы припев: «Честное слово, глупая корова, где была твоя голова?»

Я навсегда останусь ребенком. То есть порядочным хулиганом. Но я знал и то, что никогда не смог бы сыграть с ней такую злую шутку. Кажется, я размяк. А может, повзрослел. В общем, дальше я помалкивал.

Закончив с моей головой, Морад вручила мне мыльную губку и отступила прочь, явно не намереваясь мыть прочие части моего тела. Она только обернула мою голову влажным полотенцем, свернутым наподобие пчелиного улья. Вымывшись, я встал, и отражение в зеркале заставило меня хихикнуть. Потом я опустил взгляд, увидел все остальное и замолчал.

Это было то самое тело, которое я создавал для себя бессчетное множество раз. Иногда по своей воле, а иногда от беспомощности, в моменты слабости и отчаяния. Я был невелик ростом для своего, с позволения сказать, возраста; я вырасту еще на два-три дюйма, но с рослыми амнийцами мне не сравняться. Еще я был худее обычного, должно быть, отощал за годы поста, пока медленно превращался в смертного внутри Нахадота. Руки и ноги длинные, под коричневой кожей все кости просматриваются. Мышцы на костях слишком тонкие и слабые.

Я придвинулся к зеркалу, пристально изучая черты своего лица. Не слишком-то привлекательная внешность, хотя я знал, что это дело поправимое. Я как раз пребывал в той стадии, когда нарушаются пропорции черт. Что же касается слишком усталых глаз…

Шахар была куда красивее. И все-таки она поцеловала меня. Я провел пальцем по губам, силясь вызвать в памяти ощущение того прикосновения. Какими, интересно знать, ей запомнились мои губы?

Морад деликатно кашлянула.

Вот бы знать, задумывалась ли Шахар о…

— Вода остынет, — негромко заметила Морад.

Я моргнул, покраснел и мимолетно порадовался, что не стал высмеивать ее. Потом забрался в ванну, а Морад вышла переговорить с портным, который только что явился и представился.

Когда я вышел в пушистом халате (дурацкий вид был, наверное), портной обмерил меня, бормоча себе под нос, что одежду надо будет сделать попросторней: пусть прячет мою худобу. Затем настал черед мастерицы по ногтям, башмачника и еще кого-то, кого непонятным образом вызвала Морад, хотя я не приметил, чтобы она пользовалась магией. К тому времени, когда каждый из них сделал свое дело, я валился с ног от усталости, и Морад, спасибо ей, это заметила. Она сразу отпустила мастеровых и тоже направилась к двери.

Я слишком поздно сообразил, что она была невероятно предупредительна. Кто знал, сколько у нее обязанностей во дворце? И сколькими она

сегодня пренебрегла ради моего удобства?

— Спасибо, — выпалил я, когда она уже открывала дверь.

Она помедлила и оглянулась с удивлением на лице. А потом улыбнулась такой искренней и щедрой улыбкой, что я сразу понял, что́ нашла в ней Ремат.

Когда она удалилась, я принялся за еду, принесенную слугами. Насытившись, нагишом растянулся на Декиной кровати. Я впервые с удовольствием ждал сна, быть может сулившего мне сны о любви и…

Забвение.

…Я стоял на равнине, напоминавшей беспредельное стеклянное зеркало. Опять зеркала! Я и в царстве Нахадота их видел. Может, за этим крылся какой-то смысл? Надо будет поразмыслить. Как-нибудь позже.

Надо мной выгнулся небесный свод: непрерывно вращающийся цилиндр синевы и облаков, вроде бы нескончаемо просторный и в то же время некоторым образом замкнутый. Слева направо по нему текли облака, хотя свет — источник которого, впрочем, я определить не мог — смещался в противоположном направлении, так что свет и тьма медленно, но неудержимо

сменяли друг друга.

Держава богов. Или ее сновидческое проявление. Вернее сказать, приближение. Подобие, которое только и мог родить мой смертный рассудок.

Передо мной, вздымаясь над равниной, высился дворец. Правда, он не стоял, а невозможным образом лежал на боку. Он был весь серебряный и черный, он не вписывался ни в один стиль зодчества смертных, но тем не менее содержал намек на каждый из них. Детали фасада порождали трудноописуемые, бесформенные тени. Не реальность, а сущая кажимость. Внизу же, в зеркале, вместо отражения блистала противоположность этого дворца: белизна и золото, непохожее подобие, куда больше реальности, но меньше воображения. И во всем этом тоже был смысл, впрочем вполне очевидный: господствующий черный дворец, а белый — всего лишь образ. Серебристая поверхность зеркала отражала, уравновешивала и разделяла их. Я раздраженно вздохнул. Неужели я уже стал утомительным приверженцем буквальных смыслов, подобно большинству смертных? Какое унижение.

— Ты боишься? — спросил голос у меня за спиной.

Я вздрогнул и начал поворачиваться.

— Нет! — рявкнул говоривший, и в его голосе звучала такая власть — над реальностью, над моей плотью, — что я немедленно замер. Вот теперь мне и впрямь стало страшно.

— Кто ты? — спросил я.

Голос казался мне незнакомым, но это ничего не значило. У меня насчитывались многие дюжины братьев, и все они могли принимать любой облик по своему выбору. Особенно здесь.

— А почему это так важно?

— Потому что хочу знать, понятное дело!

— Зачем?

Я нахмурился:

— Что вообще за вопросы? Мы же родня! И я хочу знать, кто из моих братьев вознамерился меня до смерти напугать!

И не только вознамерился, но и преуспел. Другое дело, я нипочем бы в этом не сознался.

— Я — не один из твоих братьев.

Я снова нахмурился, не в силах ничего понять. Лишь боги могли посещать державу богов. Он что, лжет? Или я слишком приблизился к смертным и уже не могу сообразить, что он имел в виду?

— Может, мне тебя убить? — осведомился незнакомец.

Я пришел к выводу, что он молод, хотя по большому счету мои суждения никакого значения не имели. А еще он говорил удивительно мягким голосом. Даже когда изрекал свои странные недоугрозы. Рассержен ли он? Похоже на то, хотя уверен я не был. Его голос не нес в себе никакого чувства — как острое холодное лезвие.

— Не знаю. А что, меня нужно убить?

— Я бóльшую часть жизни прикидывал, как бы это проделать.

— Вот даже как. Похоже, мы с тобой с самого начала крепко рассорились.

Такое иногда случалось. Я долго старался быть правильным старшим братом, навещал после рождения младших родственников, помогая им пережить их первые, самые трудные столетия. С некоторыми я дружил до сих пор. К иным с первого взгляда испытывал лютое отвращение. Бывало и наоборот: кое-кто сразу начинал ненавидеть меня.

— Да, — подтвердил он. — С самого начала.

Я со вздохом сунул руки в карманы.

— Должно быть, это непростое решение, иначе ты уже перешел бы к делу. Не знаю, чем я так тебя рассердил, но одно из двух: либо все не слишком серьезно, либо это было нечто воистину непро-

стительное!

— Вот как?

Я пожал плечами:

— Если все действительно обстояло настолько ужасно, ты бы не трепал языком, рассуждая, убить меня или нет. Если бы я причинил тебе нечто непоправимое, то никакая месть уже не утолила бы твой гнев. В этом случае убивать меня было бы просто бессмысленно. Итак, что из двух?

— Есть и третий вариант. Твои дела непростительны, однако твое убийство все же имеет смысл.

— Интересно! — Хотя речь шла обо мне, я улыбнулся этой головоломке. — И что же это за вариант?

Он ответил:

— Я не просто хочу возмездия. Я его требую, воплощаю, живу им и дышу!

Я моргнул. Шутки в сторону. Если месть являлась его природой, дело приобретало совсем другой оборот. Но я не припоминал родича, числившегося богом мщения.

— Так что я все-таки сделал, чтобы заработать твой гнев? — спросил я, начиная по-настоящему беспокоиться. — И почему ты вообще сомневаешься и спрашиваешь о чем-то? Ты должен лишь

следовать своей природе.

— Что, предлагаешь умереть ради меня?

— Нет, демоны тебя забери! Если попытаешься меня убить, я в отместку сделаю то же, потому что в моей природе нет самоубийства. Но я хотя бы понять хочу!

Он вздохнул и переступил с ноги на ногу, и это движение заставило меня посмотреть в зеркало у нас под ногами. Впрочем, без особого толку. Угол отражения был таков, что я видел лишь его ноги и локоть. Только-то и узнал, что он тоже стоял, сунув руки в карманы.

— То, что ты сделал, прощению не подлежит, — сказал он. — И тем не менее я должен это простить, потому что ты действовал по незнанию.

Я нахмурился, окончательно перестав что-либо понимать:

— Каким боком тут мои знания? Вред, нанесенный по незнанию, все равно остается вредом!

— Верно. Но если бы ты знал, что к чему, Сиэй, я сомневаюсь, что ты бы это сделал.

Он назвал меня по имени, и я окончательно смешался, потому что его тон изменился. Холодная броня на миг треснула, и под ней мне померещилось нечто весьма странное. Печаль? Сожаление? Некий намек на приязнь? Но этот

бог был мне незнаком. Вот единственное, в чем я был уверен.

— Не имеет значения, — сказал я наконец, поворачивая голову, насколько это было возможно. В какой-то момент шея просто отказалась мне повиноваться; это было все равно что поворачивать голову с двумя подушками по сторонам. Подушками же была чья-то вещественно-плотная, непреклонная воля. Я попробовал успокоиться. — Решения нельзя принимать, исходя лишь из предположений. Не имеет значения, что мне захотелось бы сделать. Тебе известно лишь то, что я реально совершил. — Я многозначительно помолчал. — Может, подскажешь, что именно?

Сейчас я был совершенно не настроен в игры играть. А вот мой собеседник, к сожалению, был.

— Ты предпочел служить своей природе, — сказал он, пропустив мой намек мимо ушей. — Почему?

Как я хотел хоть одним глазком на него посмотреть! Вот уж действительно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Почему? Ты еще спрашиваешь почему? Ты что, шутишь?

— Ты — старейший из нас. А должен притворяться самым младшим.

— Я никем не притворяюсь. Я таков, каким должен быть, и у меня это отлично получается.

— Значит, мы слабей смертных. — Он проговорил это тихо и почти грустно. — Мы — рабы предначертанного, и нет нам освобождения.

— Заткнись! — рявкнул я. — Ты понятия не имеешь о рабстве, если так о нем судишь!

— А что? Не иметь выбора…

— У тебя есть выбор!

Я поднял взгляд к изменчивой тверди над нашими головами. День и ночь сменялись далеко не в равномерном ритме. Это лишь смертным кажется, будто небо — надежная и предсказуемая стихия. Мы, боги, знаем лучше; нам приходилось жить с Нахадотом и Итемпасом.

— Ты можешь принять себя самое, овладеть своей природой и преобразовать ее так, как тебе захочется, — продолжил я. — То обстоятельство, что ты родился богом возмездия, совершенно не означает, что ты обязан вечно пребывать в угрюмой задумчивости и бурчать себе под нос, подсчитывая, с кого и что тебе причитается! Ты волен выбирать, каким образом твоя природа станет формировать тебя! Слейся с ней и обрети в ней силу! Или начинай бороться с собой, чтобы так и остаться… недоделком.

Невидимый собеседник умолк, возможно, переваривая мой совет. И это было хорошо, ибо я очевидным образом оказал ему скверную услугу, помимо того злодейства, которое я, по его мнению, совершил. После его рождения я не озаботился найти его, направлять, помогать. А в таком руководстве он нуждался, потому что было совершенно ясно, что ему отчаянно не нравились те, скажем так, карты, которые сдала ему судьба — или Вихрь. Я не мог его за это винить. Я и сам не захотел бы оказаться богом возмездия. А он оказался и теперь искал способ с этим жить.

Я увидел в зеркале, как стоявший позади приблизился и занес руку. Я напрягся, готовясь драться — больше из принципа, ведь заранее было ясно, что сделать я ничего не смогу. Его могущество определенно превышало те крохи божественной магии, что еще оставались при мне. Будь это не так, я давно бы уже сбросил оковы его воли и сумел обернуться к нему.

Я ждал удара, но, к моему полному изумлению, его рука лишь коснулась моих волос и чуть-чуть задержалась, словно запоминая, каковы они на ощупь. Потом его пальцы царапнули шею, и я вздрогнул. Что это, угроза? Но он не попытался ударить или ранить меня. Его пальцы пробежа-

лись по выпуклостям позвонков и остановились, лишь коснувшись одежды. Тогда он убрал руку, и, по-моему, сделал это неохотно.

— Спасибо, — проговорил он наконец. — Мне нужно было это услышать.

— Прости, что не нашел случая сказать раньше, — ответил я. — Ну что, убьешь меня прямо сейчас?

— Скоро.

— Ага. Говорят, что месть — это блюдо, которое надо подавать холодным.

— Верно.

Его голос вновь наполнился холодом, и теперь я понял, что́ это. Не гнев, а решимость.

— А жаль, — сказал я, вздохнув. — Думаю, ты мог бы мне понравиться.

— Да. И ты мне.

Это уже кое-что.

— Ладно, смотри только не очень медли с отмщением. У меня, знаешь ли, всего несколько десятилетий осталось.

По-моему, он улыбнулся, и я расценил это как победу.

— А я уже начал.

— Вот и молодец, — сказал я, надеясь, что он не воспримет мои слова как насмешку. Мне всегда

нравилось наблюдать за успехами молодых, даже если это означало, что в будущем они неизбежно станут для меня угрозой. Что ж, таков порядок вещей. Дети должны вырастать. И при этом они далеко не всегда становятся такими, какими их хотят видеть другие. — Сделай мне одно благодеяние, хорошо?

Он не ответил, и молчание вполне согласовывалось с его новообретенной решимостью. И такая его позиция была правильной. Я мог быть его врагом, если ему требовалось от меня именно это. Я просто не видел смысла из-за этого вредничать.

— Я теперь здесь чужой, — сообщил я, обводя жестом зеркальную равнину, дворцы и небеса. — Я не принадлежу даже этому сну, этому бледному подобию реальности. Разбуди меня, хорошо?

— Как скажешь.

И его рука неожиданно рассекла меня сзади. Я заорал от неожиданности и боли, посмотрел вниз и увидел свое смертное сердце, зажатое в пятерне с острыми, как когти, ногтями…

Я вздрогнул и проснулся от собственного крика, эхом отдавшегося от сводчатого потолка.

От светящегося сводчатого потолка. Стояла ночь. И надо мной стояла Шахар. Ее ладонь лежала на моей груди, лицо было очень встрево-

женным. Спросонок я ничего не мог понять, лишь посмотрел себе на грудь, убеждаясь, что сердце по-прежнему на месте. Затем невольно посмотрел на грудь Шахар, бестолково предположив, что моя боль из сновидения могла как-то затронуть и ее. Полоски, из которых было сплетено ее платье, были разрезаны и, наполовину расплетенные, свисали до пояса. Свободной рукой Шахар прижимала к телу просторную ночную рубашку, пряча наготу. Похоже, она впопыхах схватила ее, бросившись в мою комнату. Смятая рубашка ничуть не мешала любоваться иными чертами ее прекрасного тела. Нежный изгиб шеи, тонкие плечи, линия талии. Я даже различил ее грудь округлой тенью у локтя.

Я потянулся отвести ее руку, чтобы та не мешала любоваться, но пальцы замерли в двух дюймах от ее локтя. Ей понадобилось мгновение, чтобы понять. Она уставилась на мою руку, ее глаза округлились, и она отпрянула.

— Извини, — пробормотал я, опуская руку.

Она обожгла меня взглядом:

— Ты так закричал, что я сквозь дверь услыхала! Подумала, с тобой произошло что-то ужасное…

— Это был сон.

— И похоже, не слишком приятный.

— Не такой уж и плохой, если не считать конца.

Пережитый страх быстро меркнул. Приснившийся собеседник обошелся со мной не очень-то ласково, но способ, выбранный им, чтобы отправить меня обратно в царство смертных, подействовал великолепно. Я совершенно не чувствовал рвущей сердце скорби из-за того, что мне больше не было хода в державу богов. Это вызывало у меня лишь раздражение.

— Встретил одного… смертотраха, — продолжил я. — Если когда-нибудь верну свою магию, то разыщу его и переломаю все кости в любом теле, в котором он будет разгуливать! И пусть попробует отомстить мне за это.

Тут я замолчал, потому что Шахар как-то странно на меня смотрела.

— О чем, во имя всех богов, ты говоришь?

— Да ни о чем. Просто языком чешу. — Я зевнул так, что в челюсти что-то хрустнуло. — Глупею, знаешь, от сна. Никогда спать не любил.

— Смертотрах, — задумчиво повторила Шахар мое бранное слово. — Ты имеешь в виду… — Она поморщилась, потому что была слишком хорошо воспитана, чтобы расшифровать ругательство вслух. — Ты имеешь в виду, что быть со смерт-

ным — такое непотребство в глазах богов, что вы используете его как проклятие?

Я покраснел. Почувствовал это и ощутил укол недовольства. Да чего мне стыдиться? Я приподнялся на локтях.

— Нет, это далеко не проклятие!

— Тогда что?

Я изобразил безразличие:

— Просто имеется в виду, что любить смертных слишком опасно. Они так легко ломаются. А со временем вообще умирают. И это больно. — Я пожал плечами. — Проще и безопасней использовать смертных просто для удовольствия. Но даже и это бывает слишком тяжко, потому что для нас невозможно лишь получать наслаждение, ничего не отдавая взамен. Мы не… — Я мучительно подбирал сенмитские слова, чтобы выразить свою мысль. — Мы не делаем… Короче, мы просто другие. Для нас противоестественно быть просто телом и оставаться внутри его. Так что, когда мы с кем-то, мы тянемся к этому кому-то, а смертный проникает к нам, и мы ничего не можем с этим поделать, а потом их приходится выпихивать обратно, и это тоже больно.

Я умолк, не находя слов, потому что Шахар пристально смотрела на меня. Кажется, я говорил

все быстрее и быстрее, глотая слова: слишком старался донести до нее, как мы это ощущаем. Вздохнув, я принудил себя замедлить речь до уровня смертного восприятия.

— Быть со смертным — никакое не непотребство. Но это и не хорошо, потому что никогда добром не кончается. Всякий бог, у которого есть хоть капля здравого смысла, избегает такого соития.

— Понятно, — сказала Шахар. Не скажу точно, но мне показалось, что она вздохнула. — Погоди, я сейчас.

Она ушла в свою комнату, не закрыв за собой дверь, и я слышал, как некоторое время она сражалась с остатками плетеного платья. Потом Шахар вернулась, облаченная в ту самую ночную сорочку, которую прежде прижимала к груди. К тому времени я уже сидел на постели и тер лицо, разгоняя остатки сна, а с ним и воспоминание об окровавленном и выдранном из груди сердце. Когда Шахар подсела ко мне, я обратил внимание, как осторожно она это проделала: присела на краешек, чтобы я не смог легко до нее дотянуться. Я не винил ее ни за это, ни за то, что ее явно успокоила моя речь о нежелательности плотских отношений со смертными.

И все-таки она вела себя странновато, и я не понимал, в чем тут дело. Какая-то она была дерганая и пугливая. Я даже задумался, почему она не осталась у себя и не легла спать, раз уж убедилась, что помирать я не собираюсь.

— Как прошла встреча с этой… как там ее? — спросил я, сделав рукой неопределенный жест. Имелась в виду знатная дама, ради которой Шахар наряжалась в плетеное платье.

Она хихикнула:

— Все прошло хорошо. Правда, смотря что понимать под словом «хорошо». — Тут она посерьезнела, глаза потемнели, одарив меня намеком на ее былой гнев. — Тебя, вероятно, порадует, что я послушала твоего совета и не воплотила свой план бросить вызов противникам. Вместо этого я передала им послание — надеюсь, если я не ошиблась насчет госпожи Хинно, — что не отказалась бы от переговоров. Нужно больше узнать об их требованиях и выяснить, не можем ли мы их каким-нибудь образом удовлетворить, желательно не ввергая при этом весь мир в хаос.

И она покосилась на меня, желая узнать, как я отнесусь к сказанному.

— Весьма впечатлен, — ответил я вполне правдиво. — И удивлен. Переговоры, компромиссы…

Итемпаны обычно подобного не приемлют. Неужели ты переменила свои взгляды из-за меня?

Я негромко рассмеялся. Все же и во взрослении есть что-то хорошее. Люди начинают больше прислушиваться ко мне.

Шахар вздохнула, глядя в сторону:

— Посмотрим еще, что будет, когда об этом узнает мать. Она и так считает меня слишком слабой, а после такого может и из наследниц сместить.

Она тяжело вздохнула и откинулась на постели, вытянув руки за головой. Я ничего не мог с собою поделать — глаза сами уставились туда, где тонкую ночнушку подпирали два остреньких холмика. И не только подпирали, но и просвечивали: я отчетливо видел два коричневых кружочка, удивительно темных при ее-то светлой коже и волосах. И эти крохотные выпуклости посередине…

Глупое, бесполезное, животное смертное тело! Мое естество восстало прежде, чем я успел его усмирить, и, чтобы окончательно не выдать себя, я вынужден был поспешно сесть, оставив обычную свою ленивую позу. Было больно, меня обдало жаром, словно я заболел. (А ведь действительно заболел, и хворь звалась юностью. Мучительный и страшный, скажу вам, недуг!) И

влекла меня не просто ее плоть. Тонкие чувства почти оставили меня, я уже плохо видел ее душу, но все-таки ощущал, что она переливается и шепчет, как струящийся шелк. Мы, боги, никогда не могли противиться зову истинной красоты…

Я с трудом оторвал взгляд от ее грудей и заметил, что она наблюдает за мной. Смотрела, как я смотрю на нее? Не знаю, но охвативший меня телесный голод лишь обострился из-за ее спокойного и созерцательного взгляда. Я все же совладал с собой, хотя пришлось мне нелегко. Еще один симптом болезни.

— Не глупи, — сказал я, вновь сосредотачиваясь на скучных делах повседневности. — Для компромиссов как раз и нужна великая сила, Шахар. Куда большая, чем для угроз и расправ, ведь приходится бороться и с врагом, и с собственной гордостью. Вы, Арамери, никогда не могли этого понять, да вам и не требовалось, потому что все и так было в вашей власти, только прикажи. Теперь, может быть, вы научитесь быть истинными правителями, а не просто тиранами.

Она перекатилась на живот, опираясь на локти, и оказалась между моими раскинутыми пятками. Я нахмурился, исполнившись подозрений, после чего удивился собственному беспокойству.

Она была всего лишь девчонкой, старавшейся постигать взрослую женскую жизнь. Несколько подросшая разновидность «покажи мне свое, и тогда я покажу свое». Ей хотелось знать, привлекательна ли она для меня. И я понял, что обязан дать ей честный ответ. Я разогнул колени и откинулся на локтях, чтобы она смогла увидеть свидетельства моего восхищения: жаркий взгляд и рубашку, натянувшуюся на определенной части тела. Шахар тотчас вспыхнула и поспешно отвела глаза. Потом вновь посмотрела на меня и опять потупилась. И наконец уставилась на свои руки, перебирающие складки покрывала.

— Думаю, мать хочет, чтобы я вышла за Канру, — с усилием выговорила она. — Ну, за того теманского наследника, помнишь, я говорила? Полагаю, ради этого она и позволила мне с ним подружиться. Больше она никого и никогда ко мне не подпускала.

Я пожал плечами:

— Ну и женитесь с ним, раз так.

Она уставилась на меня, забыв всю свою чопорность:

— А я не хочу!

— Ну так не женитесь. Шахар, во имя всех богов, ты же наследница Арамери! Делай, что тебе

хочется, демоны тебя побери!

— Не могу. Если мать этого хочет… — Она прикусила нижнюю губу и отвернулась. — Мы никогда прежде не продавали своих дочерей и сынов, не устраивали браков по расчету, Сиэй. Нам просто не было нужды, ведь мы ничего не могли от этого выиграть. Нам не нужны были ни союзники, ни деньги, ни земли, у нас и так все было! Но теперь… думаю… Думаю, мать понимает: учитывая растущее беспокойство Дальнего Севера, теманцы могут оказаться ключевой силой. Полагаю, именно поэтому она и доверила мне вести дела с госпожой Хинно. Она выставляет меня на продажу.

Сказав так, она вскинула взгляд и уставилась на меня с такой свирепостью, что я отшатнулся, как от удара. В чем дело?

— Я хочу стать преемницей матери, Сиэй. Хочу сменить ее в качестве главы семьи. И не просто потому, что жажду добраться до власти. Я знаю, какое зло моя семья причинила и тебе, и всему миру. Но мы и добро творили, великое добро, и я хочу, чтобы именно это стало нашим наследием! И я во что бы то ни стало этого добьюсь!

Я смотрел на нее, и к немому изумлению постепенно примешивалась скорбь. Ибо то, чего она

желала, было невыполнимо. Ее детское обещание быть хорошей и при этом остаться Арамери, использовать могущество семьи, чтобы сделать мир лучше, было продиктовано наивностью самой высокой пробы. Я видел таких, как она. В семье, избранной Итемпасом, подобные люди рождались каждые несколько поколений. Этакие лучи света в темном царстве, прекраснейшие души среди безобразного скопища. Я не мог их ненавидеть — они были людьми особого сорта.

Но стоило лишь им оказаться у власти, как все начинало очень быстро меняться. Они проносились по жизни, как звезды, сорвавшиеся с небес, ослепительные и недолговечные. Власть гасила их внутренний огонь, убивала особость, и все сменялось отчаянием. Как больно бывало наблюдать за гибелью всех их надежд!

И я молчал, не в силах найти подходящие слова. Если она увидит охватившую меня грусть, это только ускорит неизбежное. Поэтому я лишь вздохнул и повернулся на бок, изображая скуку, хотя в действительности с трудом удерживался от слез.

Ее отчаяние вылилось в эмоциональную вспышку. Она встала на четвереньки и перебралась ближе ко мне, упираясь в постель по бокам

от меня, чтобы вперить сердитый взгляд мне в лицо.

— Проклятье, помоги же мне! Ты ведь вроде как мой друг!..

Я прикинулся, будто подавляю зевок:

— Ну, и какой помощи ты от меня ждешь? Совета выйти за человека, которого ты не любишь? Или наоборот? Мы тут с тобой, Шахар, не сказки на ночь рассказываем. Люди сплошь и рядом женятся без любви, и это далеко не всегда ужас кромешный. Вы ведь с ним хотя бы дружите, а могло быть и хуже. А если именно этого хочет твоя мать, так у тебя и выбора особого нет.

Ее рука, упиравшаяся в покрывало близ моего лица, задрожала. Все мои чувства гудели колоколами под напором исходивших от нее противоречивых стремлений. Дитя, еще сидевшее в ней, рвалось поступать по своему хотению и цеплялось за несбыточные надежды. Женщина в ней стремилась принимать обоснованные решения и преуспевать, даже если ради этого пришлось бы идти на жертвы. Женщина в итоге победит; это представлялось неизбежным. Но и дитя без боя не сдастся.

Та же дрожащая рука коснулась моего плеча и толкала, пока я не повернулся к ней лицом. Тогда

Шахар наклонилась и поцеловала меня.

Я позволил ей это — больше из любопытства, чем по какой-либо иной причине. Поцелуй оказался неуклюжим и не продлился долго. Она поцеловала меня в угол рта, попав в основном в нижнюю губу. Я не ответил ей и не разделил с ней поцелуя, и она, сев, выпрямилась и нахмурилась.

— Ну как, полегчало? — поинтересовался я. Мне действительно хотелось это знать, но в лице Шахар что-то сломалось. Она легла подле меня и отвернулась. Я почувствовал, что она едва сдерживает слезы.

Забеспокоившись, не причинил ли я ей какой вред, я повернулся к ней и сел.

— Чего же ты хочешь?

— Хочу, чтобы мать любила меня. Чтобы брат вернулся. Чтобы мир перестал нас ненавидеть. Много чего хочу.

Я обдумал услышанное.

— Мне доставить его к тебе? Деку?

Она напряглась и повернулась ко мне:

— А ты можешь?

— Не знаю.

Я больше не мог изменять свой облик. Путешествие сквозь пространство было действием

того же порядка, только подразумевало, наоборот, изменение облика реальности: я оставался прежним, а мир делался меньше. Если я утратил способность делать одно, значит, вполне вероятно, не смогу и другого.

Наблюдая за Шахар, я заметил, как пылкое желание, вспыхнувшее было в ее глазах, постепенно погасло.

— Нет, — проговорила она наконец. — Может, Дека меня больше не любит.

Я удивленно моргнул:

— Да наверняка любит!

— Не надо меня опекать, Сиэй.

— А я и не опекаю, — резко ответил я. — Я чувствую связь между вами, Шахар, так же отчетливо, как вот это!

И, захватив локон ее волос, я потянул за него — осторожно, но с отчетливой силой. Она удивленно пискнула, и я выпустил завиток. Он лег на место, изящно свившись пружиной.

— Вы с Декой, — продолжил я, — точно так же тянете меня и друг друга. Ни один из вас меня сейчас особо не любит, но между вами ничто не переменилось с тех самых дней у Лестницы в никуда, годы назад. Ты его по-прежнему любишь, и он тебя любит нисколько не меньше. Я же бог,

верно? Кому знать, как не мне?

Строго говоря, это была не совсем правда. Верно, прежние чувства Шахар по отношению ко мне с тех пор изрядно угасли, но с каждым проведенным вместе часом они все разгорались. А вот чувства Деки, наоборот, делались все сильнее, хотя мы не виделись добрую половину его жизни. Я не совсем понимал, чем это объяснялось, и на всякий случай не стал упоминать.

От моих слов глаза у Шахар округлились, а потом наполнились слезами. Она издала краткий, незавершенный всхлип и прижала руку ко рту. Ее кисть дрожала.

Я вздохнул, притянул ее, и она спрятала лицо у меня на груди. И только после того, как я это сделал, только ощутив себя в безопасности от посторонних глаз, способных увидеть ее человеческую природу и посчитать ее слабостью, она позволила себе разразиться такими глубокими, громкими, судорожными рыданиями, что между стен комнаты заметалось эхо. Горячие слезы остывали на моей коже и впитывались в простыни. Ее плечи содрогались под моими руками. Она неудержимо рыдала, заключив меня в такие крепкие объятия, словно я был опорой, от которой зависела ее жизнь.

И я стал ей такой опорой: гладил ее волосы, шепча утешительные слова на языке творения, чтобы она знала — я тоже ее люблю. Ибо я, дурак этакий, действительно любил ее.

Когда слезы Шахар наконец-то иссякли, я так и не убирал ладони с ее волос, продолжая бездумно гладить их — просто потому, что мне нравилось ощущать, как завитки распрямлялись под ладонью, а потом возвращали прежнюю форму. Я не сразу заметил, как ее руки разжали отчаянную хватку и пустились в путь по моим бокам и спине, спускаясь до бедер. Я все еще думал ни о чем, когда она потихоньку завернула мою рубашку и легонько-легонько поцеловала меня в живот. Стало щекотно, и я улыбнулся. Потом она села и стала смотреть на меня. Глаза у нее были красные, но уже сухие, и в них светилась некая особенная решимость.

Когда она вновь поцеловала меня в губы, это была совсем другая история, чем прошлый раз. Она постепенно разомкнула мои губы и нашла мой язык своим — сладостным, влажным и кисловатым. Когда я не ответил, она запустила руки мне под рубашку, изучая странно-плоское тело, так отличающееся от ее. Я с удовольствием принимал ее ласки, пока рука Шахар не скользнула

ниже, к пояску моих штанов. Я перехватил ее руку:

— Нет.

Она закрыла глаза, и я ощутил в ней зудящую пустоту.

И это не было похотью. Она страшно тосковала по брату и чувствовала себя совсем одинокой.

— Я люблю тебя, — сказала она. Это было не признание, а скорее утверждение очевидного, вроде «луна прекрасна» или «ты непременно умрешь». — Я всегда любила тебя. Еще с тех пор, когда мы были детьми. Я пыталась не любить, но…

Я погладил ее руку и кивнул:

— Знаю.

— Я хочу выбрать. Если уж мне придется продать себя ради власти, я хочу в первый раз отдаться сама. По любви. Другу.

Я вздохнул, закрывая глаза:

— Шахар, я уже говорил, что это нехорошо…

Она нахмурилась и, стремительно наклонившись, вновь поцеловала меня. Я потерял дар речи, так что все возражения умерли у меня на языке. Ибо теперь это было все равно что целоваться с богиней. Самая сущность Шахар проникла между полуоткрытых губ и прямиком

влилась в мою душу. Я просто не успел этому помешать. Я ахнул и вдохнул трепетное белое солнце. Оно билось, то вспыхивая, то бледнея, но не погасало совсем и не выгорало в безудержной вспышке. Каменная целеустремленность, еще угловатая, но несущая обещание превратиться в непоколебимую скалу…

Когда я открыл глаза, то лежал плашмя. Шахар была сверху, и поцелуй еще длился, а ее руки, несмотря на мое сопротивление, извлекали из моей груди вздохи наслаждения. Я не останавливал ее, потому что по сути должен был быть ребенком, да только мое тело оказалось слишком взрослым, и детские способы защиты от действительности были уже не для меня. Дети не задумываются о том, насколько величественно и прекрасно слиться с другим человеком в одно существо. Они не мечтают забыться и задохнуться, отдавшись на волю сил, чувств, ощущений. Дети думают о последствиях — хотя бы в плане того, как их избежать. Полностью отрешиться от таких мыслей может лишь взрослый.

Так что, когда ее рука снова занялась моими штанами, я не стал ее удерживать. И не возражал, пока она исследовала мою плоть, сперва пальцами, а потом — о боги благие, о да — губами.

Пусть все остальное достанется ее смертному мужу, но я женился на ее пальцах, на ее губах. Я безо всякой мысли пробормотал несколько слов, и стены померкли, ибо то, чем мы занимались, было шалостью, а значит, придавало мне сил. Тем не менее я обессиленно лежал в темноте, а Шахар училась, как заставлять меня всхлипывать. И она всласть помучила меня, попробовав на вкус каждую часть моего тела. Она даже облизала лежавшую у меня на груди Эн. Жадная звездочка перевернулась, подставляя другой бок, но Шахар этого не заметила.

И я тоже касался ее. И ей безумно нравились мои прикосновения.

И вот наконец она оседлала меня. В какой-то миг трезвомыслия я ухватил ее за бедра и быстро поднял взгляд.

— Ты уве?..

Но не договорил, потому что она стала опускаться, и я вскрикнул, испытав наслаждение сродни боли. Ведь плоть не так уж и ужасна, просто я позабыл, насколько это может быть прекрасно и вовсе не противоестественно, когда это не насилие, а обоюдная страсть. Шахар и в соитии ощущалась точно богиня. Я шепнул ей об этом, и она улыбнулась, поднимаясь и опускаясь.

Ее рот приоткрылся, зубы отражали луну, волосы метались бледной тенью в потемках. Потом мы перекатились, и я оказался сверху — не из мелкого желания господствовать, присущего смертным, а просто потому, что мне нравилось, как она ахала и сладко постанывала, когда я проникал в ее тело. А еще потому, что я был по-прежнему богом, а бог, даже ослабевший, опасен для смертных. Материя — такая уязвимая вещь… И я сдерживал себя, сосредоточившись на ее плоти, на руках, гладивших мою спину (я невольно мурлыкал), на своем растущем и бьющемся возбуждении, на том, чтобы вознести ее к лучшим областям сущего и миновать все плохие.

И только когда она больше не могла такое выносить, а я уверился, что смогу безопасно вернуть Шахар в ее самое, а сам — остаться вещественным, только тогда я отпустил ее, а заодно и себя.

Она потеряла сознание. Так обычно и происходит, когда мы сочетаемся со смертными. Лишь очень необычные люди способны причаститься божественного и совладать с потрясением. Я принес из ванной мокрое полотенце, чтобы вытереть пот, слюну и все прочее, после чего уютно устроил Шахар подле себя под покрывалами, чтобы лежать и вдыхать запах ее волос.

Я не чувствовал раскаяния, только печаль. Она отдалилась от меня, и я сам ее отдалил…

8

Расскажи мне сказку,
Расскажи скорее.
Сделай мир, разбей его
И поймай в ладони.

И снова я спал. Только на этот раз, благодаря тому что Шахар обновила мое божественное могущество — все наши вольности и исследования были достаточно близки к детской вседозволенности, чтобы пойти мне на пользу, — мне удалось поспать в буквальном смысле по-божески, и сновидения не посмели меня тревожить.

Когда я проснулся, Шахар рядом не было и стоял уже полдень. Я сел на постели и увидел ее возле окна. Она стояла, завернувшись в простыню, ее изящный силуэт был неподвижной тенью на фоне ярко-синего неба.

Я проворно вскочил, мимолетно задался вопросом, не нужно ли мне в ванную по большой или малой нужде, — нет, не нужно, хотя зубы почистить определенно не помешало бы, — и подошел к ней. (Мне вновь было холодно, вот проклятье!) Она так погрузилась в свои мысли, что даже не

пошевелилась, когда я приблизился. Ухмыляясь, я наклонился и лизнул открытое место сзади у нее на шее, где не до конца расплелись за ночь уложенные в прическу волосы.

Она вздрогнула, развернулась и нахмурилась, увидев меня. Я запоздало сообразил, что она может и не пребывать в игривом настроении.

— Привет, — сказал я, внезапно смутившись.

Шахар вздохнула, успокаиваясь:

— Привет.

Она опустила взгляд и отвернулась к окошку.

Я почувствовал себя очень глупо.

— Ох, демоны… Я тебе больно сделал? Это же первый раз был… Я старался поберечь тебя, но…

Она мотнула головой:

— И нисколечко мне не было больно. Кстати, я поняла, что ты был со мной очень осторожен.

Но если ей не было больно, почему от нее веяло довольно-таки неприятным и беспорядочным смешением чувств? Я напряг память, силясь подробнее припомнить свой немногочисленный опыт со смертными женщинами из времен еще до Войны. Может, им и свойственно так себя вести? Или нет? И что следует в такой момент говорить возлюбленному? Боги, все было куда проще, пока я оставался рабом. Меня просто на-

силовали, а насильников потом совершенно не волновали мои чувства.

Я вздохнул, переступил с ноги на ногу и обхватил себя руками, чтобы не мерзнуть.

— Ну что? Похоже, ты сожалеешь о том, что мы сделали.

Она тоже вздохнула, и клубок в ее душе потемнел еще больше.

— То, что мы сделали, было прекрасно, Сиэй.

На меня стала наваливаться усталость, не имеющая ничего общего с моими страданиями смертного. Было ясно: что-то пошло неправильно. Может, она предпочла бы, чтобы я ради нее обернулся женщиной? Я не был уверен, что сумел бы, но это было столь незначительное изменение облика, что я готов был попробовать, лишь бы утешить ее.

— Тогда что не так? Почему у тебя такой вид, будто ты лучшего друга потеряла?

— Может, и потеряла, — прошептала она.

Я заморгал. Шахар повернулась ко мне. Простыня сползла с плеча, волосы разлохматились. Она выглядела совершенно выбитой из колеи. Она не управляла событиями, пребывала не в своей стихии. Как тут не растеряться? Я вспомнил, какой дикаркой она была ночью. Она ведь отбросила

все понятия о приличиях и достоинстве, о своем высоком положении и очертя голову отдалась мгновению. И это было великолепно. Однако такая уступка страсти явно обошлась ей недешево.

Одной рукой Шахар придерживала на груди смятую простыню, но тут я обратил внимание на ее свободную руку. Она лежала на животе, и пальцы теребили на нем кожу, словно испытывая ее прочность. Я видел такой жест у десятков тысяч смертных женщин, но до сих пор не понимал его смысл. Подобные тонкости обычно лежат вне моей сферы.

Довольный, что наконец-то понял, в чем дело, я улыбнулся и подошел ближе. Заставил Шахар сперва отнять руку от живота, а потом и распахнуть простыню, чтобы завернуться в нее вместе с ней. Шахар послушалась, неловко накинула простыню на себя и на меня, и я благодарно вздохнул, наслаждаясь ее близостью и теплом. После чего занялся беспокойством в ее взгляде, причину которого, как мне казалось, я понимал. Но надо учесть, что я — это я, а моей природе не всегда сопутствует мудрость. Поэтому мне бывает трудно удержаться и не пошутить.

— Ну что, собираешься убить меня?

Она непонимающе нахмурилась. А я впервые

осознал, что она нисколько не уступает мне ростом. Она была настоящей амнийской девушкой, высокой и тоненькой. Я обнял ее за талию и притянул, отметив, что Шахар все еще напряжена.

— Ребенок, — сказал я. Положил руку ей на живот, как она только что делала сама, и стал пальцем рисовать на нем круги, чтобы ее подразнить. — Знаешь, это убило бы меня. — Тут я припомнил свое нынешнее состояние, и мое веселье несколько померкло. — В смысле, убило бы меня еще быстрее.

Она вздрогнула и уставилась на меня:

— Что?

— Что слышала.

Мне нравилось ощущение ее кожи под ладонями. Наклонившись, я поцеловал ее шелковистое плечо прямо над косточкой и задумался: не прикусить ли ее прямо здесь и овладеть, как кот кошкой. Может, она замяукает?

— Кое-чего детство не в состоянии пережить, — продолжил я. — Занятия любовью к этому не относятся, особенно между друзьями. — Я спрятал улыбку, прижавшись лицом к ее коже. — И пока обходятся без последствий. А вот последствия вроде появления ребенка как раз все и меняют.

— О боги! Это же твой антитезис, полная про-

тивоположность!

Терпеть не могу это слово. Его придумали писцы, и оно похоже на них: холодное, точное, бесстрастное, слишком логичное. И неспособное охватить ничего из того, что делает нас такими, какие мы есть.

— Да, такое разъедает мою сущность, — сказал я. — Мне и моим собратьям вообще многое может повредить, мы ведь всего лишь богорожденные, а не великие боги, но это — одно из самых верных средств меня уморить.

Я снова лизнул ее шею, теперь уже с намерением преуспеть, хотя и без особой надежды. Нахадот так и не сумел как следует обучить меня искусству обольщения.

— Сиэй! — Она оттолкнула меня, и я, вскинув голову, увидел в ее глазах ужас. — Я не использовала ничего… никакого средства для предотвращения, когда мы с тобой прошлой ночью… были вместе. Я…

Она отвела взгляд, вся дрожа, а я пожалел, что взялся дразнить ее: она испугалась по-настоящему. Тем не менее я обрадовался, что ей было не все равно.

Я негромко рассмеялся, смягчаясь:

— Все в порядке, Шахар. Моя мать Энефа дав-

ным-давно предвидела такую опасность. И она меня слегка изменила. Понимаешь? Чтобы никаких детей не было.

Шахар не выглядела успокоенной и не чувствовала облегчения, потому что ее страдание наполняло самый воздух вокруг нас. У меня есть братья и сестры, которые не в силах выносить эмоции смертных. Это грустные создания, не смеющие покинуть державу богов. Они жадно слушают истории о жизни смертных и усиленно прикидываются, будто нисколько не завидуют остальным. Половина из них, окажись они вблизи Шахар, сейчас бы уже умерли.

— Энефы больше нет, — сказала она наконец.

Этого с избытком хватило, чтобы вернуть меня на грешную землю.

— Да. Но не все ее дела умерли вместе с нею, Шахар. Иначе ни ты, ни я здесь не стояли бы.

Она вскинула на меня глаза — испуганная, напряженная.

— Ты теперь не тот, что прежде, Сиэй. Ты реально уже не вполне бог, а смертные… — Ее лицо смягчилось и стало настолько прекрасным, что я улыбнулся, несмотря на невеселый смысл разговора. — А смертные взрослеют, Сиэй! Я хочу, чтобы ты точно узнал, что никаких детей у нас

не будет. Ты мог бы это как-то проверить? Потому что… потому что…

Она потупилась, и вдруг в мешанине ее чувств преобладающим стал стыд. Я ощутил его горечь и кислоту у корня языка. Стыд и еще страх.

— Потому что — что?

Шахар глубоко вдохнула и выдохнула:

— Я не пыталась предохраняться. Более того… — она проглотила комок, — более того, я ходила к писцам. Они сделали надпись… — Шахар залилась краской, но решительно продолжила: — Надпись, чтобы облегчить зачатие, его вероятность… В ближайшие три или четыре дня. А после того как я… как мы с тобой… я должна снова к ним сходить. Они приготовили еще надписи, которые… Они… они сказали, что даже с богом магия зачатия срабатывает обычным порядком…

От смущения она так заикалась и перескакивала с одного на другое, что я немного запутался. Поначалу я вообще не мог понять, что она пытается мне втолковать. А потом осознание хлестнуло меня, точно ледяной хвост кометы.

— Так ты хотела ребенка?

Она горько усмехнулась, а когда вновь отвернулась к окошку, взгляд у нее был жесткий и такой, какому не полагалось быть у девочки ее

лет. Взгляд настоящей Арамери.

И тогда я окончательно понял все.

— Твоя мать…

Шахар кивнула, по-прежнему избегая смотреть мне в глаза.

— Она сказала: «Если мы не можем обладать богами, то, может быть, сможем *стать* богами». Демоны далекого прошлого были смертными, но обладали величайшим могуществом. Мы могли бы, как минимум, обрести величайшую демонскую магию — способность убивать богов.

Я смотрел на нее, ощущая подступающую тошноту. Мне сразу же следовало догадаться. Арамери уже много десятилетий пытались заполучить демона. Я должен был раскусить, что крылось за упорным стремлением Ремат сойтись с божественным любовником. Должен был сообразить, отчего ее так обрадовало мое появление в Небе. И зачем она пыталась подсунуть мне свою дочь.

Я сбросил простыню и отошел от Шахар, на ходу творя себе одежду. На этот раз черную, как тот мех, что я носил, оборачиваясь котом. Черную, точно гнев моего отца.

— Сиэй! — торопливо заговорила Шахар. Ругнулась, отшвырнула простыню и торопливо потянулась за платьем. — Сиэй, ты…

Я остановился, поворачиваясь к ней, и мой взгляд приморозил ее к месту. Даже не взгляд, а самый вид моих глаз: даже в нынешнем ослабленном, наполовину смертном состоянии я не мог настолько разъяриться без того, чтобы не проявилось нечто кошачье.

Я не дал лишь вылезти когтям. Их я приберегу для Ремат.

— Зачем ты мне рассказала? — Она побледнела. — И почему ждала до этого момента? Причина была?

Гнев вернул некую часть моей магии, я коснулся реальности и нашел в ней Ремат. Она находилась в своем покое для приемов, окруженная просителями и придворными.

— Ты надеялась, что я убью ее при свидетелях, а другие высокородные решат, что ты здесь ни при чем? Так, что ли? Ты это внушала себе, чтобы дело не выглядело как матереубийство?

Она так сжала губы, что они побелели.

— Да как ты смеешь…

— Но в этом просто не было необходимости, — продолжил я, и сила моего горя тотчас стерла гнев с ее лица. — Я же сказал, что убью ее ради тебя, если попросишь. Я всегда хотел только одного — возможности доверять тебе. Если бы ты мне

это дала, то ради тебя я что угодно бы сделал.

Она съежилась, точно я ударил ее. Глаза наполнились слезами, но совсем не так, как тогда вечером. Она стояла в косом предвечернем свете Итемпасова солнца, гордая, невзирая на наготу, так и не пролив слез, потому что Арамери не плачут. Даже когда разбивают сердце богу.

— Дека, — выговорила она наконец.

Я молча покачал головой, слишком поглощенный собственными переживаниями, чтобы еще и следить за невменяемой логикой смертных.

Шахар снова перевела дух.

— Я согласилась пойти на это из-за Деки. Мы с матерью заключили сделку: одна ночь с тобой в обмен на его возвращение. Об остальном, мол, позаботятся писцы. Но когда ты сказал, что рождение ребенка убило бы тебя…

Ее голос прервался.

Мне очень хотелось верить, что она предала мать ради меня. Но если это было правдой, это означало, что она также согласилась пожертвовать моей любовью ради брата.

Я вспомнил ее взгляд, когда она говорила, что любит меня. Вспомнил ее тело под руками, ее сладостные, страстные вздохи. Я вкусил ее душу и нашел ее слаще всего, что могло нарисовать

мне воображение. И ни в чем из того, что она проделывала со мной, не было и тени фальши. Но пошла бы она до конца в своей страсти, причем так скоро, если бы не уговор с матерью? Стала бы вообще меня обнимать, если бы не желала другого больше, чем меня?..

Я отвернулся.

— Ремат извратила нечто такое, что должно было остаться нетронутым, — сказал я.

Впервые с тех пор, как я соединил руки с двумя ясноглазыми смертными ребятишками, некая часть моей истинной сущности проскользнула между мирами и наполнила меня. Мой голос стал ниже, сделавшись мужским тенором, до которого я физически еще не дорос. В этот миг я был способен принять любой облик, какой пожелал бы; это больше не лежало за пределами моих возможностей. Но та часть меня, которая жестоко страдала, принадлежала мужчине, а вовсе не ребенку или коту. Именно боль мужчины следовало облегчить. Он составлял слабейшую мою часть, но для моих целей и это должно было сойти.

— Сиэй… — прошептала она и умолкла.

Ну и пускай. Я все равно был не в настроении слушать.

— Я не могу защищать детей от всех зол этого

мира. Тем более что страдание — тоже часть детства. Но это… — Последние слова прозвучали почти кошачьим шипением, и я зарычал, отменяя начавшуюся перемену. — Это, Шахар, мой грех. Я должен был тебя оградить, хотя бы от твоей же природы, если не от чего другого. А я предал себя самого, и кое-кто поплатится за это жизнью.

Сказав так, я вышел. Дверь ее покоев рассыпалась передо мной в прах. Когда я ступил в коридор, день-камень стонал и трескался у меня под ногами, а вверх по стенам бежали ветвистые трещины. Немногочисленные стражники и слуги, скромно присутствовавшие в коридоре, встревоженно напружинились при моем появлении. Четверо замерли на месте, уловив остатками восприимчивости, присущими смертным, что шутки со мной сейчас были бы плохи. Пятый, стражник, попытался заступить мне путь. Я понятия не имею, желал ли он остановить меня или просто перейти на другую сторону коридора, где места было побольше. В такие мгновения я вообще не думаю, а просто делаю то, что мне кажется наилучшим. Я, скажем так, хлестнул его когтями своей воли, и он рухнул на пол, рассеченный на шесть или семь кровоточащих кусков. Кто-то в ужасе закричал, еще кто-то поскользнулся в

крови. Никто больше не станет путаться у меня под ногами. Я шел вперед.

Полы вокруг вскрывались и гнулись, формируя ступени и пандусы — целый новый проход через дворец. Я вступил в полуденное сияние коридора, что вел к приемному чертогу Ремат. Подошел к узорчатым двойным дверям в конце этого коридора; перед ними стояли две женщины из народа дарре. Воины из Дарра славятся боевым искусством и сообразительностью, которой они восполняют недостаток мускульной силы. Со времени нашего освобождения именно им поручалась охрана главы семьи Арамери — особенно от других Арамери. Когда я двинулся к ним через зал, с каждым шагом покрывая окошки паутинами трещин, они переглянулись. Конечно, в них говорила гордость, но в культуре дарре недоумки долго не жили; а они отлично понимали, что сражаться со мной им не по плечу. Они могли лишь попытаться умиротворить меня — что они и сделали, встав на колени возле двери и опустив головы, моля о милосердии. И я его проявил — их просто разметало по сторонам. Может, они нахватали синяков, ударившись о стены, но остались живы. Потом я разметал двери и вошел в чертог.

Там было полно придворных, еще стражников,

слуг, чиновников и писцов. И присутствовала Ремат. Сидя на холодном каменном троне, она ждала со сложенными руками. Так, словно ожидала моего появления. Все прочие уставились на меня, ошеломленные и испуганные.

Я снял Эн со шнурка.

— Убей для меня, маленькая, — прошептал я и уронил ее на пол.

Она подпрыгнула, как мячик, и заметалась по комнате, рикошетя от окон, стен и каменного трона Ремат. Но от смертной плоти она не отскакивала. Когда Эн наделала достаточно дырок, а вопли смолкли, звездочка вернулась ко мне. Вспыхнув, она выжгла облепившую ее кровь, после чего упала ко мне в ладонь, уже прохладная и удовлетворенная. Я сунул ее в карман.

Ремат она не задела: Эн отлично умела читать в моем сердце. Пока длилось смертоубийство, правительница даже не пошевелилась. Казалось, ее вовсе не волновало, что я только что уложил человек тридцать ее родственников.

— Я так понимаю, ты чем-то не вполне доволен, — только и сказала она.

Я улыбнулся. И заметил искорку в ее глазах, когда она обратила внимание на мои по-кошачьи острые зубы.

— Да, — сказал я и воздел руку. В ней лежало десять толстых серебряных вязальных спиц, каждая длиннее моей руки: я их только что наколдовал. — Но сейчас мне станет лучше. Честно говорю, Ремат. Вот мои иголки для твоих глаз…

Надо отдать ей должное: голос у нее остался ровным.

— Я сдержала обещание. Я не причинила тебе никакого вреда.

Я покачал головой:

— Шахар была моим другом. А ты забрала ее у меня.

— Невелика потеря, — сказала она, после чего изумила меня, слегка улыбнувшись. — Впрочем, ты же Плутишка, и я даже пытаться не буду спорить с тобой.

— Верно, — согласился я.

И шагнул вперед, беря первую иглу и с предвкушением катая ее в пальцах. Все уже было сделано и сказано — пора начинать.

Я услышал крик Шахар еще до того, как она вбежала в покой. Я просто не обратил на него внимания. Она ахнула, ворвавшись внутрь и обнаружив повсюду кровь и тела, но потом вновь устремилась вперед, чуть не упала, поскользнувшись на чьих-то внутренностях, и схватила меня

за руку. Это меня ничуть не замедлило, поскольку в эти мгновения я был неизмеримо сильней любого смертного. Когда я протащил ее шаг или два, она оставила попытки остановить меня силой. Обогнав меня, она загородила мне дорогу, когда я уже ставил ногу на первую ступеньку возвышения, на котором стоял трон Ремат.

— Сиэй, не делай этого.

Я вздохнул и отпихнул ее в сторону — бережно, как только мог. Она скатилась со ступеней и рухнула в лужу крови какого-то своего кузена: я нюхом почувствовал в нем Арамери. Ну, не совсем в нем, если буквально. Я даже рассмеялся собственной шутке.

Когда я остановился напротив Ремат, которая так и сидела на троне, храня полное спокойствие перед лицом надвигающейся смерти, Шахар вновь преградила мне путь, теперь уже заслоняя собой мать. Бок ее платья из золотого атласа был сплошь измазан кровью, каким-то образом попавшей ей даже на лицо. Половина волос свисала сосульками, роняя алую влагу. Я вновь рассмеялся и начал прикидывать рифмы, сочиняя издевательский стишок про нее. Слово «ужас» ни с чем путным что-то не рифмовалось. Ничего, потом что-нибудь придумаю.

Мне все-таки пришлось остановиться, потому что Шахар мне мешала.

— Отойди, — велел я.

— Нет.

— Ты же хотела, чтобы она умерла.

— Но не так же, будь ты проклят!

— Бедная Шахар, — пропел я. — «Бедной маленькой принцессе ничего не разглядеть! Щупай пальчиками, детка, раз уж глазок больше нет». — И я показал ей иголку. — Ты предала меня, милая Шахар. Мне и тебя убить — пара пустяков.

Она сглотнула.

— Я думала, ты меня любишь.

— А я думал, ты любишь меня!

— Ты поклялся не причинять мне вреда!

Тут она была права. То, что она не сдержала слова, еще не значило, что я должен опускаться до ее уровня.

— А я и не собираюсь. Я не убью тебя. Только ее.

— Она — моя мать, — отрезала Шахар. — По-твоему, ты не причинишь мне вреда, вот так расправившись с ней у меня на глазах?

Конечно же причиню. Примерно такой же, какой причинила она, предав мое доверие. Может, чуть больше.

— Я сейчас не расположен торговаться, Шахар. Отойди, или я тебя отодвину. И церемониться на сей раз не буду!

— Пожалуйста.

При обычных обстоятельствах это лишь раззадорило бы во мне задиру и грубияна, но не теперь. Я с удивлением ощутил, как бушующий водоворот моей ярости начинает успокаиваться. Посреди бури вдруг наступило затишье. Я посмотрел на нее и неожиданно осознал еще одну правду, которую она все это время прятала от меня. А может, и не только от меня. Я покосился на Ремат. Она тоже пристально смотрела на Шахар, и бесстрастная маска на ее лице уступила место полному изумлению. О да!

— Ты любишь ее, — сказал я.

Поскольку Шахар была Арамери, она вздрогнула, как от удара, и пристыженно отвернулась. Однако с моего пути так и не убралась.

Я испустил долгий тяжелый вздох, и вместе с ним кратковременное могущество начало меня оставлять. Впрочем, я и так не смог бы его долго удерживать. Я был теперь слишком взрослым для детских истерик.

Покачав головой, я уронил спицы на пол. Они запрыгали по ступеням с металлическим звя-

каньем, показавшимся в тишине чертога очень громким. Прислушавшись к ближайшей части мира, я услышал крики и приближающийся топот. Это капитан Гнев и его воины мчались на выручку Ремат — и на верную смерть, потому что ума у них было меньше, чем у воительниц дарре. Готовились к бою даже писцы. Они собирали самые могущественные надписи, но организовать их для битвы оказалось некому, потому что тело Шевира остывало среди прочих возле трона Ремат. Я нашел его взглядом. На лице у него застыло удивление, а во лбу зияла дыра. Я ощутил укол сожаления. Для первого писца он был очень неплохим человеком. А я проявил себя вполне гадким мальчишкой.

Воспользовавшись силой, которую придало мне сожаление, я унесся за пределы Неба. Я не очень задумывался, куда направляюсь, мне хотелось лишь тишины и покоя, какого-нибудь укромного места, где я мог бы погоревать всласть.

Шахар я увижу только через два года.

Книга вторая
Две ноги в полдень

Я — муха на стене. Или паук на кусте. Разница в том, что паук — хищник, то есть куда лучше отвечает моей природе.

Я сижу в паутине, которая немедленно выдаст меня, если он ее увидит, потому что я сплел из унизанных росой нитей улыбающееся личико. Впрочем, ему никогда не было присуще свойство замечать мелкие подробности в окружающем, да и паутина наполовину скрыта в листве. Своими многочисленными глазами я наблюдаю за тем, как Итемпас, Свет Небесный, Носитель Дня, сидит на крыше из белой терракотовой черепицы, ожидая восхода. Меня удивляет, что он сидит там и наблюдает, но чему только я не удивлялся сегодня. Взять хоть то обстоятельство, что крыша — часть человеческого жилища, а внутри — женщина, которую он любит. И дитя. Смертное, но наполовину божественное, которое эта женщина ему родила.

А еще я знаю, что здесь что-то неправильно. Не так давно в царстве богов случился день больших

перемен. Ураган по имени Нахадот встретился с землетрясением по имени Энефа, и они обрели затишье друг в друге. Оно было прекрасно и свято, это затишье: я знаю, я видел. Но в отдалении замерцала и пропала из виду увенчанная снегами гора по имени Итемпас. И с тех пор его не было с нами.

Десять лет по счету времени, принятому у смертных. Для нас — мгновение ока, и ему по-прежнему все внове. Он не хандрит. В основном он занимается тем, что отыскивает источники вселенского возмущения, нападает на них и уничтожает, если получается. А если не получается, то приводит в состояние относительного равновесия. Только на этот раз он не сделал ни того ни другого. Он предпочел бежать в это царство с его хрупкими обитателями и попытался среди них затеряться. Примерно так солнце могло бы прятаться среди огоньков спичек. Он, правда, не скрывается в полном смысле этого слова. Он просто… живет. Обычной жизнью. И не очень-то стремится домой.

Вот распахивается дверь на крышу, и появляется дитя. Странное такое создание, не слишком пропорциональное, большеголовое, с длинными ногами. (Неужели и я так выгляжу в своем

смертном облике? Надо будет хоть голову, что ли, уменьшить.) Мальчик темнокожий и светловолосый, лицо у него в веснушках. Отсюда я хорошо вижу его глаза: они зеленые, как листва, в которой я прячусь. Ему сейчас лет восемь или девять. Хороший возраст, мой любимый. Ты уже достаточно повзрослел, чтобы начать постигать мир, но еще вполне юн, чтобы продолжать им наслаждаться. Я знаю, как зовут мальчика. «Шинда», — шептали другие дети, обитавшие в этой пыльной деревушке. Они побаивались его. Они-то успели понять то, что я увидел с первого взгляда: он, может, и смертный, но одним из них ему не стать никогда.

Он подходит к Итемпасу, обнимает его за плечи и прижимается щекой к туго вьющимся отцовским волосам. Итемпас не поворачивается к нему, но я вижу, как он поднимает руку и касается руки мальчика. Они вместе смотрят, как поднимается солнце, и оба молчат.

Когда день вступает в свои права, дверь на крышу открывается снова. Появляется женщина. По возрасту она как Ремат, волосы у нее такие же светлые, и она тоже очень красива. Через две тысячи лет я соединю руки с ее далекой праправнучкой и тезкой и сделаюсь смертным. Они

очень похожи — та Шахар и эта Шахар, различаются только глаза. Эта Шахар смотрит на Итемпаса ровным немигающим взглядом. Я счел бы такой взгляд пугающим, если бы не видел его в глазах собственных верных. Сын расплетает объятия и идет приветствовать мать, но она на него не смотрит, лишь рассеянно касается его плеча и что-то ему говорит. Он уходит в дом, она же остается на крыше. Она взирает на своего возлюбленного с исступлением верховной жрицы. Но он не поворачивается к ней.

На этом я покидаю их и спешу, как было велено, к Нахадоту с Энефой. Когда родители в ссоре, они часто используют детей в роли соглядатаев и миротворцев. Я рассказываю им, что Итемпас не гневается. Он выглядит опечаленным и несколько одиноким. И да, им следовало бы отправиться за ним и вернуть домой, потому что он отсутствует слишком уж долго. И если я не нахожу нужным рассказывать им о его смертной женщине и смертном сыне, то что с того? Кому какое дело, если эта женщина его любит, нуждается в нем, с ума сойдет без него? Почему нас должно волновать, что его возвращение домой будет означать гибель этой семьи и того успокоения, которое он вроде бы с нею нашел? Мы

— боги, а они — ничто. Пыль на ветру. Я, например, куда лучший сын, чем какой-то полукровка, мальчишка-демон. И я это ему покажу, пусть только вернется домой...

9

Я падал.

Такое временами случается, когда путешествуешь по жизни без руля и ветрил. В данном случае я путешествовал сквозь пространство, движение, формирование понятий. Смертному подобное не пережить. И мне, наполовину смертному, не полагалось бы выжить. Но я выжил. Возможно, потому, что мне было все равно.

Вот так и вышло, что я сочился сквозь белые этажи Неба, временами пронзая древесную плоть Древа: вниз, вниз, вниз. А потом и сквозь последний слой облаков, холодный и влажный. Будучи бестелесным, я видел город одновременно глазами смертного и глазами бога: горбатые силуэты зданий и улицы, унизанные искрами света. Там и сям виднелись куда более насыщенные и яркие световые плюмажи моих братьев и сестер. Меня они видеть не могли, потому что я утратил всякое понятие о самосохранении; к тому же, даже когда я ни на кого не дуюсь, цвета́ моей души выглядят приглушенно, словно покрытые тенью. Это я прихватил от отца, ну, и от матери немножко. Поэтому у меня здорово получается незаметно

подкрадываться. И еще прятаться, когда я не хочу, чтобы меня нашли.

Вниз… Мимо кольца зданий, прикрепленных непосредственно к стволу Мирового Древа. Такие вот разорительно дорогущие домики на дереве. Интересные даже без лесенок или таблички на дверях: «Дивчонкам вход васприщон». Ниже располагался еще один вертикальный слой города, тоже сплошь новостройки: дома, мастерские, конторы, выстроенные прямо на корнях Древа. Иные поддерживались платформами, опасно нависающими над крутыми извилистыми улочками. Все правильно: высокопоставленные хозяева особняков наверху не могли обходиться без слуг, поваров, нянек, портных и так далее. Я наблюдал хитроумные механизмы, источающие дым, пар и металлические стоны и предназначенные для сообщения с великолепными жилищами, прилепившимися к стволу. Люди ездили вверх и вниз, доверяя жизни этим ненадежным с виду машинам. На какой-то миг я едва не забыл о своем горе, залюбовавшись этими порождениями человеческой изобретательности. Однако я продолжал двигаться, потому что это место мне не подходило. Я слышал, как о нем упоминала Шахар, и теперь понял смысл его названия: Серое. На

полпути между светом Неба и потемками внизу.

Вниз, вниз… И вот я затерялся в тенях, благо их здесь было в изобилии между могучими корнями Древа, под густым пологом его зеленой листвы. Да, здесь мне гораздо удобней. Город носил имя Тень, а прежде он назывался Небо — до тех пор, пока в одночасье не выросло Древо и былое название города не превратилось в насмешку. Здесь я наконец ощутил некое чувство принадлежности, впрочем не особенно сильное. Реально же меня не притягивало ни одно место во всем царстве смертных.

«Надо было помнить об этом, — с горечью подумал я, останавливаясь и заново облекаясь плотью. — Надо было помнить и даже не пытаться жить в Небе».

Что ж, основное занятие юности — делать ошибки.

Я стоял в вонючем замусоренном переулке, в той части города, которая, как мне скоро предстояло узнать, называлась Южным Корнем и пользовалась очень плохой славой. Здесь царили насилие и разврат, сюда предпочитали не соваться, и поэтому никто не беспокоил меня почти три дня, что я провел среди мусора. Это было хорошо, ибо у меня не нашлось бы сил защищаться.

Приступ ярости, пережитый в Небе, и последующий магический спуск совершенно ослабили меня, и я мало на что был способен, кроме как просто лежать. Поскольку я успел проголодаться еще к моменту отбытия из дворца, я ел все, что подворачивалось: сперва заплесневелые фрукты из ближайшего мусорного бачка, а потом появилась крыса и предложила мне свою плоть. Тварь была старая и слепая, ее жизнь и так подходила к концу, а мясо отдавало тухлятиной, но отвергнуть священное самопожертвование было бы непотребством.

Шел дождь, и я пил его капли, часами запрокидывая голову ради нескольких глотков. И наконец, добавляя ко всем моим ранам последнее унижение, мой кишечник собрался опорожниться. В первый раз за столетие. У меня еще хватило сил спустить штаны, но убраться от кучки я уже не смог. Так я и остался подле нее и просто сидел там и плакал, остро ненавидя все сущее.

Но на третий день, видимо из-за того, что три — это число силы, положение наконец-то изменилось.

— Вставай! — сказала девочка, вышедшая в переулок. Чтобы завладеть моим вниманием, ей пришлось меня пнуть. — Расселся тут на дороге!

Я моргнул и поднял взгляд. Она сердито смотрела на меня. На ней была безобразная и бесформенная одежда и вполне дурацкая шляпа. Хотя нет, шляпа была потрясающей. Она походила на подвыпивший конус с длинными ушами по бокам, снабженными пуговками для застегивания под подбородком. Сейчас уши болтались свободно, вероятно, потому, что весенний день был жарким, точно гнев Дневного Отца, и это притом, что здесь и в полдень царит вечная тень.

Я вздохнул, с большим трудом поднялся и отошел в сторону. Девочка изобразила короткий кивок, никак не тянувший на изъявление благодарности, протиснулась мимо меня и принялась рыться в куче отходов, возле которой я и сидел. Я хотел было предупредить ее о собственном недавнем «добавлении», но девочка, не глядя, переступила его. Ловко вытащив из кучи мусора две половинки разбитой тарелки, она что-то довольно пробормотала и убрала их в наплечную сумку. Когда она направилась прочь, я заметил, что она подволакивает ногу, хотя и старается отрывать ее от земли. Эта нога была крупнее другой и выглядела уродливой, а намотанные вокруг лодыжки тряпки делали ее еще толще.

Я последовал за девочкой по переулку, наблю-

дая, как она роется в мусоре, вылавливая из него страннейшие вещи: глиняный горшок с отбитой ручкой, ржавую железную банку, кусок стекла из разбитого окна. Этот последний, кажется, доставил девочке наибольшее удовольствие: ее лицо так и осветилось восторгом.

— Что ты с этим собираешься делать? — поинтересовался я, заглянув ей через плечо.

Она стремительно обернулась, а я застыл на месте, потому что прямо в горло мне смотрел конец длинного и опасно острого стеклянного кинжала.

— Вот что! — сказала она. — А ну, брысь от меня!

Я поспешно ретировался, воздев руки, чтобы показать свою полную безобидность, и она убрала оружие, чтобы продолжить работу.

— Стекло! — сказала она. — Его можно обточить и сделать нож, а остатки размолоть и использовать для обтачивания других вещей. Ну, въехал?

Ее манера говорить завораживала. Сенмитский язык обитателей Тени звучал грубей, чем у жителей Неба, да и говорили они быстрее. Им не хватало терпения для изысканных и цветистых словесных построений; тем не менее их новые и куцые выражения передавали все богатство

оттенков чувств. Я начал соответственно менять свою речь.

— Въехал. А дальше?

Она пожала плечами:

— Я их продаю на Солнечном рынке. Или даром отдаю, если у людей денег нет. — Она окинула меня взглядом и фыркнула. — Ты вот, к примеру, мог бы заплатить.

Я оглядел себя. Черная одежда, в которой я разгуливал по Небу, была вся перемазана и воняла, но богатая ткань не изменилась, к тому же штаны, рубашка и башмаки подходили одни к другим, в отличие от ее одежонок. Кажется, я смотрелся опустившимся богатеем.

— Не могу — денег нет. Совсем.

— Так найди работу, — посоветовала она и склонилась над очередной кучей.

Я вздохнул и уселся на крышку мусорного бачка. Под моим весом внутри бачка хлюпнуло.

— Придется. Ты, часом, не знаешь, может, кому-то нужен… — Я призадумался, соображая, какие из моих умений могут представлять ценность для смертных. — Ну, там, вор, жонглер или наемный убийца?

Девочка вновь бросила свое занятие, вгляделась в меня пристальнее и скрестила на груди

руки.

— Ты что, из богорожденных?

Я удивленно моргнул:

— В общем-то, да. А как ты догадалась?

— Только богорожденные задают такие дурацкие вопросы.

— Вот как. А ты много богорожденных встречала?

Она пожала плечами:

— Было дело. И что теперь? Ты съешь меня?

Я заморгал и нахмурился:

— Ни в коем случае.

— Будешь со мной драться? Что-нибудь украдешь? Превратишь меня во что-нибудь? Замучаешь до смерти?

— Боги благие, да зачем мне… — начал я, и тут мне пришло в голову, что иные из моих родственников были очень даже способны на все перечисленное и даже хуже. Наша многочисленная семейка особой кротостью не отличалась. — Не волнуйся, в моей природе ничего такого нет.

— Ну, тогда ладно. — Она уже рассматривала очередную находку, показавшуюся мне старой кровельной черепицей. Девочка раздраженно хмыкнула и отбросила ее. — Кстати, ты не наберешь много верующих, если будешь просто так

штаны просиживать. Займись чем-нибудь более интересным!

Я вздохнул, задрал ноги на крышку и обхватил руками колени:

— Меня уже мало что интересует.

— Хмм!

Девочка выпрямилась и, сняв остроконечную шляпу, промокнула вспотевшее лицо. Теперь я видел, что она амнийка: очень светлые вьющиеся волосы коротко острижены и сколоты дешевыми заколками. Выглядела она лет на десять-одиннадцать, только взгляд был более взрослым. Лет на четырнадцать. Должно быть, ей перепадало маловато еды, и это сказывалось. Однако я еще чувствовал в ней детство.

— Гимн, — представилась она. Ничего себе имечко. Наверное, на моем лице отразилось насмешливое сомнение, потому что она закатила глаза и пояснила: — Это сокращенное от «Гимнесамина».

— Длинное имя мне как-то больше по вкусу…

— А мне — нет. — Она окинула меня безразличным взглядом. — Кстати, знаешь, ты довольно-таки симпатичный. Костляв немного, но это можно исправить.

Я вновь заморгал, прикидывая, не заигрывает

ли она со мной.

— Да, знаю.

— Значит, у тебя есть еще умение, помимо воровства, жонглирования и убийств.

Я вздохнул, ощущая себя бесконечно усталым:

— Продаваться не собираюсь.

— Точно? Этим ты заработал бы больше, чем всем остальным. Пожалуй, кроме убийства, но такое ты вряд ли потянешь. Вид у тебя не слишком крутой.

— Внешность для бога ничего не значит.

— А для смертных — еще как значит. Если хочешь зарабатывать наемным убийцей, должен выглядеть соответственно. — Она скрестила руки. — Я знаю одно местечко, где такой, как ты, имеет право сам выбирать клиентов. Если закосишь под амнийца, заработок сразу вырастет. — Она склонила голову набок, обдумывая сказанное. — Впрочем, иноземная внешность может оказаться даже к лучшему. Точно не скажу, не знаю. Не мое это.

— Мне, вообще-то, не много нужно, только еды купить, — сказал я, понимая, что в будущем это изменится. Я буду взрослеть, и мне понадобится все больше вещей из обихода смертных. Настанет время, причем достаточно скоро, когда я больше

не смогу наколдовывать себе одежду и всякие необходимые мелочи, а крыша над головой станет чем-то большим, чем приятное дополнение к быту. Зимы в центре Сенма бывают убийственными для смертных. Я в очередной раз вздохнул и опустил голову на колени.

Гимн тоже вздохнула:

— Как скажешь. Ну ладно, бывай.

Повернувшись, она зашагала к выходу из переулка, но вдруг замерла, а взгляд сделался острым и настороженным. Потом она попятилась, стараясь укрыться в густой тени, а воздух в переулке словно загустел.

Этого хватило, чтобы вывести меня из мрачной задумчивости. Я расплел руки-ноги и стал за ней наблюдать.

— Грабители? Обидчики? Родители?..

— Мусорщики, — ответила она так тихо, что ни один смертный не расслышал бы. Однако она знала, что я услышу.

Она так произнесла это слово, что я понял — предполагалось, что я знаю, кто такие мусорщики. Я в точности не знал, но догадывался. На отходах любого города можно делать деньги: от взимания платы за вывоз мусора до торговли всем мало-мальски полезным, что в нем можно

найти. Движимый любопытством, я спрыгнул с бачка и подошел к ней. Она стояла в таком месте, куда не доставал косой свет уличных светильников. Заглянув за угол, я увидел в дальнем конце изрытой улицы старую телегу, запряженную мулом, и при ней несколько человек. Двое со смехом подхватывали бачки и опорожняли их в телегу, еще двое болтали, стоя без дела. Пятый, с повязкой на лице, стоял в телеге и шуровал вилами, переворачивая нечто, источающее пар.

Я покосился на сумку Гимн, набитую всякой всячиной.

— Неужели они напустятся на тебя из-за такой ерунды?

Она бросила на меня злой взгляд:

— Мусорщикам нет дела, ерунда это или нет: все принадлежит им! Они платят ордену за право вывозить мусор и очень не любят, когда еще кто-нибудь запускает в него руку. Они уже предупреждали меня…

Гимн говорила нарочито сердито, но я обонял ее страх. Она смотрела мимо меня, обшаривая глазами переулок, но он кончался тупиком. С трех сторон нас окружали здания, и самое нижнее окно виднелось в двадцати футах над нашими головами. Гимн могла рискнуть и прокрасть-

ся мимо мужчин: был шанс, что ее не заметят. Мусорщики были слишком заняты работой и болтовней. Но если ее засекут, удрать с больной ногой у нее не получится.

От приближающихся мужиков явственно воняло грубостью, и миазмы отходов были тут ни при чем. А еще у них был безошибочно узнаваемый вид людей, способных без зазрения совести обидеть ребенка. Я оскалил на них зубы. Я мало кого не любил больше, чем таких, как они.

Тут во мне шевельнулся прежний я. И расплылся в улыбке.

— Эй! — заорал я.

Гимн, стоявшая рядом со мной, подскочила, ахнула и крутанулась бежать. Я поймал ее за руку и удержал, чтобы они увидели девочку. Как и следовало ожидать, мусорщики оглянулись, заметили меня. Но рожи у них помрачнели именно при виде Гимн.

— Какого хрена ты делаешь? — крикнула она, пытаясь вырваться.

— Все в порядке. Я не дам им тронуть тебя.

Мужики тем временем оставили телегу и двинулись к нам. Решительным шагом и явно с недобрыми намерениями. Правда, не все, а лишь трое. Двое оставшихся бросили работу и смотре-

ли, что будет. Я ухмыльнулся и снова возвысил голос:

— Эй, любители дерьма! Вот вам еще немножко!

С этими словами я повернулся к ним спиной и спустил штаны, демонстрируя задницу. Гимн застонала.

Мусорщики разразились криком. Двое наблюдателей обежали телегу, и вся орава устремилась в наш тупичок. Я со смехом напялил штаны и вновь схватил Гимн за руку.

— За мной, — велел я и потащил ее в конец переулка.

— Какого… — начала она, но не договорила, споткнувшись о кучку заплесневелых дров, брошенных кем-то между бачками.

Я удержал девочку на ногах и продолжал тянуть ее вперед, пока мы не прижались спинами к дальней стене. В следующий момент в темноватом тупичке стало совсем мрачно: силуэты мусорщиков заслонили свет уличных факелов.

— Что за хрень? — обратился к Гимн один из мужиков. — Мы предупреждали тебя, чтобы не крала нашу поживу, а ты снова тут, да не просто так, а с дружком! Ну-ка…

И он перешагнул через гнилые дрова, стиски-

вая кулаки. Остальные последовали за ним.

— Я не…

Гимн хотела что-то сказать, но голосок задрожал.

— Девочка под моей защитой, — заявил я и шагнул вперед, заслоняя ее. Я улыбался как ненормальный, а сила клубилась вокруг меня, словно раздуваемый ветром плащ. Возможность попроказничать пьянит, как хмельное вино, только она куда слаще. — Никто ее больше не тронет.

Передний мусорщик остановился, словно не веря своим ушам:

— Во имя демонов, ты-то кто, недоносок?

Я зажмурился и с восторгом втянул воздух. Как же давно никто не обзывал меня недоноском. Рассмеявшись, я выпустил Гимн и распростер руки, и от прикосновения моей воли со всех бачков и ящиков в переулке сорвались крышки. Мусорщики завопили, но было поздно. Теперь они были мои; я мог делать с ними, что захочу.

— Я сын смерти и хаоса, — представился я.

И они прекрасно слышали меня даже сквозь свои крики испуга и грохот падающих крышек: мой голос звучал так, как будто я говорил каждому прямо в ухо. В переулке поднялся ветер. Он

подхватывал обрывки мусора и швырял их прямо в глаза. Я сощурился и оскалился в улыбке:

— Я знаю все правила в играх боли. Однако сейчас я буду милосерден, потому что так мне хочется. Считайте это предупреждением!

Я согнул пальцы, как когти. Бачки взорвались. Их содержимое взлетело в воздух и завилось смерчем. Вонючий мусорный вихрь окружил пятерых мужиков, сгоняя их вместе. Когда я свел руки, хлопнув в ладоши, смерч распался, а мусор устремился в середину, облепив всю пятерку с головы до пят всяческой дрянью, произведенной местными представителями человеческого рода. И конечно, я позаботился, чтобы среди прочего туда попали и мои собственные отходы.

Я мог бы поступить с ними по-настоящему жестоко. Они ведь как-никак собирались поглумиться над Гимн. Я мог бы расщепить заросшие плесенью деревяшки и утыкать их щепками, облепленными спорами. Мог порвать их тела на кусочки и запихнуть в те же бачки. Но я просто забавлялся. Пусть живут.

Мусорщики вопили, но у некоторых хватило ума не открывать рот, поскольку туда могло влететь все, что угодно. А как они отряхивались! Просто на удивление энергично, особенно если

учесть, чем они зарабатывали на жизнь. Правда, одно дело — шуровать в дерьме вилами и лопатами, и совсем другое — купаться в нем с головой. Я ведь позаботился, чтобы мерзкая жижа впиталась в их одежду и затекла в потаенные складочки тел. Если хочешь отмочить удачную шутку, главное — позаботиться о деталях!

— Запомните это, — сказал я, выходя вперед.

Те из мусорщиков, кто уже протер глаза, завопили и шарахнулись прочь, волоча еще не проморгавшихся приятелей. Я отпустил их, ухмыляясь. Потом заставил обломок дерева завертеться над кончиком пальца. Напрасная трата магии, конечно, но мне уж очень хотелось понаслаждаться силой, пока она не иссякла.

— Больше никогда не трогайте ее, или я вас найду. А теперь брысь!

И я с шутовской угрозой топнул. Ужас и остатки здравого смысла заставили их с криком броситься вон из тупичка. Кто-то споткнулся и заново растянулся в грязи. Удирая, они бросили и телегу, и мула. Я слушал, как затихали в отдалении их вопли. После чего свалился наземь — мы с Гимн все еще находились в глубине тупичка, где земля была относительно чистой, — и корчился от смеха, пока не заболели бока.

Что до Гимн, то она, к моему удивлению, начала пробираться к выходу из переулка, выискивая места, где не пришлось бы ступать непосредственно в жижу.

Я перестал смеяться и приподнялся на локте:

— Ты куда?

— Подальше от тебя.

И только теперь я заметил, что она в ярости.

Недоуменно моргнув, я поднялся и последовал за ней. При той силе, которую я в себе ощущал после шутки над мусорщиками, мне не составило труда обхватить Гимн за талию и перепрыгнуть вместе с ней половину переулка, коснувшись земли на хорошо освещенной улице, где воздух был свежим. Там стояли несколько человек, судачивших о поспешном бегстве мусорщиков. Они дружно ахнули, когда я спрыгнул на мостовую, и сразу заспешили куда-то и разошлись. Некоторые испуганно оглядывались, видимо боясь, что мне вздумается за ними последовать.

Озадаченно проводив их глазами, я поставил Гимн на мостовую. Она тотчас устремилась прочь.

— Эй! — окликнул я.

Она остановилась и бросила на меня такой опасливый взгляд, что я даже поежился.

— Что?

Я подбоченился:

— Я же тебя типа спас. Неужели даже спасибо не скажешь?

— Спасибо, — натянуто поблагодарила она. — Хотя реально мне ничего не грозило бы, если бы ты их не окликнул!

Верно, хотя…

— Они больше не тронут тебя. Разве не этого ты хотела?

Гимн покраснела:

— Я хотела тихо и спокойно заниматься своим делом. Надо было сразу уйти, как только я поняла, кто ты такой! Потому что ты с тех пор… ну… стал хуже. Ты был такой печальный, я уж решила, что в тебе есть… — она глотала слова от злости и напряжения, — что-то человеческое! А ты, оказывается, такой же, как все богорожденные! Комкаешь жизни смертных и воображаешь при этом, что делаешь нам благодеяние!

Она отвернулась и захромала прочь так быстро, что хромота сделала ее походку уродливым подобием веселой припрыжки. Я присмотрелся и понял, что ошибался. Изуродованная ступня ничуть ее не задерживала.

Я смотрел ей вслед, пока не сделалось ясно

— она не остановится. Тогда я вздохнул и трусцой побежал следом.

Я почти догнал ее, когда Гимн услышала за спиной мои шаги. Она остановилась и повернулась:

— Чего еще?

Я тоже остановился. Сунул руки в карманы и попытался не сутулиться.

— Я должен тебе это возместить, — сказал я, жалея, что не могу просто уйти. — Может, ты что-нибудь хочешь? Ногу я тебе вылечить не могу, но… Не знаю. Скажи, и я сделаю.

Я почти услышал, как она заскрипела зубами. Некоторое время она молчала. Наверное, ей требовалось совладать со злостью, пока она не наорала на бога.

— Не надо мне ногу поправлять, — на удивление спокойно проговорила она затем. — Мне вообще ничего от тебя не надо. Но если услужение настолько в твоей природе и ты нипочем меня не отпустишь, пока что-нибудь не сделаешь, так вот: мне кое-что нужно. Денег!

Я моргнул:

— Денег? Но…

— Ты же бог. Тебе положено уметь их делать.

Я задумался о какой-нибудь игре или игрушке, которая дала бы мне возможность добыть денег.

Азартные игры были уделом взрослых и в мою природу не вписывались. Может, я сумел бы материализовать какую-нибудь детскую сказку или колыбельную вроде той, где пелось о золотых веревках и жемчужных фонариках. Я спросил:

— Может, драгоценными камнями возьмешь?

Она с отвращением фыркнула, развернулась и пошла.

Я застонал и потрусил следом.

— Слушай, я лишь сказал, что могу сотворить довольно ценные вещи, а ты их продашь. Что не так?

— Не могу я их продавать, — буркнула она на ходу, и мне пришлось поторапливаться, чтобы не отстать. — Попробуй я продать что-нибудь дорогостоящее, меня сразу убьют! Если отправлюсь к ростовщику, то еще из лавки выйти не успею, как весь Южный Корень будет знать, что у меня завелись деньги! То есть у меня сразу или ограбят дом, или похитят родственников, или еще что-нибудь произойдет. Я не знаю никого в торговых картелях, кто стал бы у меня что-нибудь покупать, а если и стал бы, так они больше половины сдерут в качестве «вознаграждения». А поскольку я недостаточно высокопоставленна, чтобы впечатлить орден Итемпаса, остальное

заберет священство в качестве десятины. Я могла бы пойти к кому-нибудь из городских богорожденных, но это значит опять иметь дело с кем-то из ваших! — Она бросила на меня испепеляющий взгляд. — Мои родители уже немолоды, а я их единственный ребенок. Мне нужны деньги на еду и чтобы платить за жилье, и крышу починить, и, может, отцу бутылочку вина изредка прикупить, чтобы он не так изводился, думая, как мы дальше жить будем. Можешь ты мне что-нибудь из этого дать?

Выслушав такую отповедь, я даже начал спотыкаться. Меня словно по голове треснули.

— Я… Нет.

Гимн долго смотрела на меня, а потом вздохнула и остановилась. Потерла лоб, как будто у нее голова разболелась.

— Слушай, а ты кто из них?

— Сиэй.

Она удивилась. Приятная перемена: все лучше, чем разочарование и презрение.

— Не припоминаю такого имени.

— Когда-то я жил здесь… — Я замялся. — Давным-давно. Я вернулся в царство смертных всего несколько дней назад.

— Боги благие! Ну, тогда ясно, почему ты такое

ходячее бедствие. Новенький в городе! — Казалось, ее гнев стал утихать. Она смерила меня взглядом. — Ладно, а ты бог чего?

— Всяких штучек, шуток, проказ… — Так мне всегда было легче объяснять смертным. Слово «детство» почему-то всегда ставило их в тупик. Гимн кивнула, и я наудачу добавил: — И еще невинности.

Она задумалась.

— Значит, ты из старшего поколения. Младшие, они как-то попроще.

— Не то чтобы попроще. Их природа больше настроена на земную жизнь, ведь они родились уже после создания смертных, и…

— Да знаю я, — с вернувшимся раздражением перебила она. — Слушай, люди в этом городе давно уже живут с твоими собратьями бок о бок. Мы знаем, что у вас к чему, так что не надо меня просвещать. — Она опять вздохнула и покачала головой. — Я знаю, ты должен действовать, как велит твоя природа. Верно? Но мне-то проказы и шуточки не нужны, мне денег надо. Если хочешь сотворить что-нибудь ценное, продавай это сам, потом мне деньги отдашь, всего-то делов. Главное, постарайся не высовываться, хорошо? И отвяжись от меня до тех пор. Пожалуйста!

С этими словами Гимн повернулась и зашагала прочь. Не так быстро, как прежде, — успела поуспокоиться. Я провожал ее взглядом, чувствуя себя несколько не в своей тарелке и пытаясь сообразить, каким способом, во имя всех преисподних, я собирался добыть для нее деньги. Ибо она была права: честная игра есть такая же основа моей природы, как и бытие ребенком. И если я ничего не сделаю с тем, что невольно ей причинил, это сотрет еще толику того детства, что ей еще осталась. Если бы я поступил нечестно до своего преображения, я бы заболел. А если поступлю теперь? Я понятия не имел, чем такое кончится, и выяснять не собирался.

Стало быть, деньги придется добывать какими-то способами, принятыми у смертных. Но будь здесь так просто найти работу, стала бы та же Гимн рыться в мусорных кучах и вытачивать ножи из осколков стекла и битых тарелок? Что хуже, я совершенно не знал города в его, так сказать, нынешнем воплощении. И не имел никакого понятия, где начать поиски заработка.

Поэтому я снова потащился следом за Гимн.

Утренние улицы были тихими и пустыми. Я шел вперед, приняв смутный, сумеречный облик. Пока я баловался с мусорщиками, миновал

рассвет, и я чувствовал, как вокруг меня просыпается город: начало дня ускоряло биение его жизни. Призрачно-белые здания, давно не видевшие свежей краски, но выстроенные добротно и прочно и по-прежнему красивые даже в запущенном состоянии, проступали из темноты по сторонам улицы. Я видел лица в окнах — люди выглядывали из-за занавесок. В промежутках между строениями черным силуэтом просматривалось нечто вроде горного хребта: это был один из чудовищных корней Древа. Корни окружали эту часть города, тогда как само Древо высилось севернее. Каким бы ярким ни был погожий день, сюда солнечный свет не проникал ни при каких обстоятельствах.

Потом я завернул за очередной угол и остановился, натолкнувшись на сердитый взгляд Гимн.

Я вздохнул:

— Прости, пожалуйста. Мне очень жаль, честно! Но мне нужна твоя помощь…

Мы сидели в небольшой общей комнате дома, где жила ее семья. Гимн объяснила, что когда-то этот дом был гостиницей. Теперь путешественники здесь не останавливались, и заведение кое-как выживало, время от времени принимая квартирантов на длительный постой. В настоя-

щее время таковых не имелось.

— Это единственный способ, — сказал я, придя к этому выводу за второй чашкой чая. Подавала его мать Гимн, и ее рука с чайником отчаянно дрожала, хотя я изо всех сил старался расположить и успокоить ее. Когда Гимн ей что-то шепнула, она удалилась в другую комнату, но я слышал, как она топчется возле двери и подслушивает. Ее сердце билось очень громко.

Гимн пожала плечами, вертя тарелочку с засохшим сыром и черствым хлебом, которую ее мать, настояв, поставила перед нами. Гимн съела очень немного, а я и вовсе не притронулся к угощению, поняв, что эта еда в доме была почти последней. По счастью, такое поведение укладывалось в понятия о вежливости богорожденных, ведь большинство из нас не нуждается в пище.

— Выбор в любом случае за тобой, — сказала она.

Вообще-то, мне не понравился тот выбор, который она мне предоставила. Гимн подтвердила мою догадку о том, что нынче на работу наняться непросто. Деловая жизнь города последнее время совсем увяла в свете нововведений, благодарить за которые следовало Север. (В былые времена Арамери соорудили бы парочку эпидемий, чтобы

повыморить простонародье и создать нужду в работниках. Что ж, безработица, конечно, скверная штука, но в данном случае ее следовало считать признаком прогресса.) Деньги по-прежнему можно было заработать, прислуживая смертным, прибывавшим в город ради паломничества и молитв о благословении от любого из дюжины богов. Вот только немногим захотелось бы нанимать на работу богорожденного.

— Дела могут пошатнуться, — объяснила Гимн. — Твое существование того и гляди кого-нибудь оскорбит.

— Ну да, конечно, — вздохнул я.

Итак, в законную деятельность дорога мне была заказана. Значит, оставалась только незаконная. И туда я, пожалуй, мог проникнуть. Неммер… Согласно нашей договоренности, я должен был встретиться с ней через три дня. Мне больше не было дела до выяснений, кто из наших нацелился вредить Арамери. Да пускай они все сдохнут, ну, может быть, за исключением Деки. Этого я бы кастрировал и держал на коротком поводке, чтобы оставался милым и ласковым. Однако наличие заговора против наших родителей означало, что мне все-таки следует переговорить с Неммер. Вот заодно и попрошу ее подыскать мне работу.

Если смогу вынести стыд. А такого я вынести не смогу. Поэтому решил воспользоваться иными путями проникновения в теневые области города. А именно способом, предложенным Гимн: поработать в «Гербе ночи». Это было веселое заведение, в которое она уже уговаривала меня поступить.

— Пару лет назад туда устроилась моя подружка, — рассказала она. — Нет, не шлюхой! Она совсем не такая! Просто им там нужны не только шлюхи, но и слуги и всякое такое, а платят очень неплохо. — Она пожала плечами. — Если какое-то занятие тебе не подойдет, всегда найдется другое. Особенно если умеешь прибираться и вкусно готовить.

Я был далеко не в восторге. Годы моей смертной жизни в Небе прошли в услужении самого различного свойства.

— Полагаю, их посетителям вряд ли захочется в пятнашки играть? — хмуро осведомился я. Гимн посмотрела на меня, и я вздохнул. — Понял…

— Если думаешь поговорить с ними, то пора выходить, — сказала она. — А то поздно вечером к ним народ набежит.

В ее голосе звучало сочувствие, тем более удивительное, что я понимал, насколько успел ей

надоесть. Оставалось предположить, что вид у меня был настолько несчастный, что пробился даже сквозь броню цинизма, которую она себе выковала. Наверное, по этой же причине она попробовала меня отговорить:

— Знаешь, мне на самом деле все равно, расплатишься ли ты за то, что благодаря тебе меня едва не убили. Помнишь, я говорила?

Я угрюмо кивнул:

— Да, знаю. Дело, вообще-то, не в тебе.

Она вздохнула:

— Верно-верно. Ты должен следовать своей природе и быть таким, каков ты есть. — Я удивленно взглянул на нее, и она улыбнулась. — Я же говорила. В этом городе все понимают богов.

Покинув гостиницу, мы пошли вверх по улице. Поскольку я на некоторое время скрылся из виду, здесь успело сделаться людно. Возчики погоняли коней, с рокотом колес тащивших расшатанные старые телеги, мелкие торговцы катили передвижные прилавки, предлагая кто жареное мясо, кто фрукты. На углу, подстелив одеяло, сидел старик, выкликавший: «А кому башмаки починить?» Вот к нему подошел средних лет мужик в грязной рабочей одежде, присел на корточки, они принялись торговаться…

Гимн уверенно хромала сквозь всю эту суматоху, весело помахивая то одному прохожему, то другому. Ей явно было удобней и проще в компании собратьев-смертных, чем в моем обществе. Я завороженно наблюдал за ней. Под наружной оболочкой циничной практичности в ней угадывался несокрушимый стержень невинности, приправленный крохотной толикой изумления, ибо даже самый толстокожий и пресыщенный смертный не способен проводить время рядом с богом, не почувствовав кое-чего. И при всем внешнем раздражении я, безусловно, забавлял ее. Это вызвало у меня ухмылку, которую она и заметила, когда повернула голову и случайно взглянула на мое лицо.

— Что? — спросила она.

— Ты, — улыбнулся я.

— И что со мной не так?

— С тобой все так, просто ты одна из моих. Или могла бы стать, если бы захотела. — Тут я задумчиво наклонил голову. — Или ты уже принесла обеты другому богу?

Она мотнула головой, но ничего не сказала, и я ощутил в ней некое напряжение. Не страх, нет. Что-то другое. Смущение?

Я припомнил слово, услышанное от Шевира.

— Может, ты приморталистка? Человекопочитательница?

Гимн закатила глаза:

— Ты когда-нибудь замолкаешь или обязан непрерывно трепаться?

— Просто мне очень трудно вести себя тихо и смирно, — честно ответил я, и она фыркнула.

Дорога некоторое время шла в гору. Я заподозрил, что где-то здесь, у самой поверхности, залегал один из корней Древа. Чем выше мы поднимались, тем светлее делалось вокруг. Наверное, раз в день, когда солнце заглядывало под полог Древа, сюда дотягивались его прямые лучи. Здания делались выше, смотрелись они более ухоженными, да и народу на улице прибавлялось — возможно, из-за того, что мы направлялись к сердцу города. Нам с Гимн даже пришлось отступить на боковую дорожку, чтобы не мешаться под колесами повозок и не угодить под ноги потным носильщикам, несшим изящные паланкины.

Наконец мы увидели огромный дом, занимающий бóльшую часть треугольного квартала, образованного пересечением двух оживленных улиц. Дом тоже был треугольный — этакий величавый шестиэтажный клин, — но даже не это резко выделяло его среди прочих. У кого-то

хватило отваги выкрасить его черной краской. Если не считать деревянных притолок и еще кое-каких деталей, все здание от фундамента до крыши заливала полнейшая, безжалостная, бесстыдная чернота.

Гимн заметила, что я застыл разинув рот, и, усмехаясь, потащила меня вперед, пока меня не переехала повозка, толкаемая людьми.

— Офигеть, верно? — сказала она. — Понятия не имею, как их не затаскали за нарушение «Белого закона». Папа говорит, орденским Блюстителям доводилось объявлять домовладельцев еретиками и убивать их за то, что те отказывались красить свои дома в белый цвет. Некоторых до сих пор штрафуют, но никто не связывается с «Гербом ночи». — И Гимн ткнула меня в плечо кулаком, отчего я удивленно на нее покосился. — Короче, если тебе действительно охота рассчитаться со мной, веди себя вежливо. Там люди заправляют кое-чем посерьезней веселых домов. Никто с ними не связывается!

Я выдавил хилую улыбку, хотя в животе уже рос холодный ком беспокойства. Неужели я удрал из Неба только для того, чтобы отдать себя в руки других смертных, обладающих властью? Но на мне висел долг перед Гимн, поэтому я лишь

вздохнул и сказал:

— Буду паинькой…

Кивнув, она провела меня в ворота дома, а затем через ничем не украшенные двойные двери.

Она постучала. Нам отворила служанка, достаточно строго одетая.

— Привет, — сказала Гимн и вежливо кивнула ей. (При этом она метнула в меня свирепый взгляд, и я поспешно последовал ее примеру.) — Тут у моего приятеля к хозяину деловой разговор…

Служанка, коренастая амнийка, метнула на меня быстрый оценивающий взгляд и, кажется, решила, что я заслуживаю некоторого внимания. Учитывая, что моя одежда хранила следы трехдневного лежания в грязном переулке, мне следовало возгордиться достоинствами своей внешности.

— Как звать? — коротко спросила она.

Я тотчас придумал не менее дюжины подставных имен, но в итоге решил, что хитрить бессмысленно, и ответил:

— Сиэй.

Она кивнула и перевела взгляд на Гимн. Та тоже представилась.

— Я скажу ему, что вы здесь, — пообещала слу-

жанка. — Пожалуйста, обождите в гостиной.

Она провела нас в небольшую душноватую комнату с обшитыми деревом стенами и узорчатым менчейским ковром на полу. Стульев здесь не было, и мы остались стоять. Женщина затворила за нами дверь и удалилась.

— Не очень-то это место смахивает на дом со шлюхами, — сказал я и подошел к окошку, чтобы посмотреть на уличную сутолоку. Попробовав воздух, я не обнаружил того, чего вроде бы следовало ждать, — похоти. Может, это объяснялось ранним часом и отсутствием клиентов. А еще я не почувствовал ни страдания, ни боли, ни горечи. Женщинами — да, пахло. И мужчинами, и плотским соитием, а еще ладаном, бумагой, чернилами и изысканной пищей. Кажется, тут не мерзостями занимались, а делали дело.

— Им не нравится, когда их так называют, — пробормотала Гимн, подходя ближе, чтобы мы могли разговаривать негромко. — И я уже объясняла, что здесь не шлюхи работают. В смысле, они не такие, кто за деньги станет что угодно делать. Некоторые из здешних девиц вообще не ради платы работают.

— Что?

— Ну, так говорят. А кроме того, здешние хозяе-

ва постепенно прибирают к рукам все городские бордели и переделывают их на тот же лад. И вроде как именно поэтому Блюстители дают им такие поблажки. Если уж на то пошло, десятина, которую выплачивают мракоходцы, такая же полновесная, как и прочие денежки.

У меня отвисла челюсть.

— Мракоходцы? Даже не верится! Выходит, эти хозяева, или кто там еще, поклоняются Нахадоту?..

Я невольно вспомнил Нахиных верных, какими те были когда-то, до Войны богов. Весельчаки, мечтатели, бунтари, они относились к идее какого-либо упорядочения, как коты к послушанию. Но времена изменились, и две тысячи лет влияния Итемпаса не прошли бесследно. Теперь последователи Нахадота занимались делами и платили налоги.

— Да, они чтут Нахадота, — сказала Гимн, глядя на меня с таким вызовом, что я сразу все понял. — Это тебя беспокоит?

Я положил руку на ее костлявое плечико. Если бы я мог, то благословил бы ее, ведь теперь я знал, кому она принадлежала.

— С чего бы? — ответил я. — Он мой отец.

Она моргнула, но продолжала смотреть насто-

роженно. Напряжение словно перекатывалось в ней от одного плеча к другому.

— Он породил большинство младших богов. Только, похоже, не все его любят.

Я пожал плечами:

— Временами его непросто любить. В этом смысле я пошел в него. — Я заулыбался, и Гимн улыбнулась в ответ. — Но всякий, кто воздает ему честь, — мой друг.

— Приятно слышать, — прозвучал голос у меня за спиной, и я замер, ибо не рассчитывал когда-либо снова услышать этот голос. Густой мужской баритон, жестокий и безразличный. Жестокость сейчас была различима более всего, а еще ему было смешно, потому что я находился в его гостиной, беспомощный и смертный, и это делало его пауком, а меня — мухой.

Я медленно повернулся, невольно стискивая кулаки. Его почти безупречные губы раздвинулись в улыбке, на меня смотрели темные глаза, которым лишь чуть-чуть недоставало черноты.

— Ты! — выдохнул я.

Живой застенок моего отца. Мой мучитель. Моя жертва.

— Привет, Сиэй, — ответил он. — Какая приятная встреча!

10

Этого не должно было произойти.

Безумие Итемпаса, гибель Энефы, поражение Нахадота.

Война богов. Размежевание нашей семьи.

Однако произошло, и я оказался заточен в мешок с кишками, который чавкал, протекал и громко топал, неуклюжий, точно дубина, и куда более беспомощный, чем я был даже новорожденным. Ибо новорожденные боги свободны, а я? Я был ничем. Нет, даже хуже. Я был рабом.

Мы с самого начала поклялись стоять друг за дружку, как и подобает рабам. Первые несколько недель были наихудшими. Наши новые господа гоняли нас на износ, заставляя чинить разнесенный едва ли не вдребезги мир; по совести говоря, мы тоже участвовали в его разнесении. Чжаккарн носилась туда и сюда, спасая всех выживших, даже безнадежно заваленных обломками или наполовину сожженных лавой и молниями. Я, известный своей способностью разгребать бардак, отстроил по деревне в каждой стране, чтобы приютить уцелевших. Курруэ между тем возобновляла жизнь в морях и восстанавливала

плодородие почв.

(У нее оторвали крылья, чтобы вынудить этим заниматься. Задание было слишком сложным, чтобы выполнять его под командованием, а у нее хватало мудрости, чтобы найти в нем массу лазеек. Крылья отросли вновь, и их сорвали опять, но она терпела боль в холодном молчании. Она сдалась, лишь когда ей вогнали в череп раскаленные шипы, грозя разрушить ставший уязвимым мозг. Она не могла позволить, чтобы у нее отняли мысли, ведь это было последнее, что у нее еще оставалось.)

В тот жуткий первый год Нахадота не трогали. Отчасти из необходимости, потому что предательство Итемпаса превратило его в сломленного молчальника. До него невозможно было достучаться ни словами, ни истязаниями. Когда Арамери что-либо приказывали, он шел и делал, что велено, ни больше ни меньше. Потом усаживался и застывал. Как вы понимаете, такая неподвижность противоречила его природе. В ней сквозила такая кошмарная неправильность, что даже Арамери сочли за лучшее не лезть к нему.

Еще одним затруднением была Нахина ненадежность. По ночам он обретал могущество, но

отправь его на другую сторону мира, за линию, где стоял день, — и он начинал пускать слюни, превращаясь в бессмысленный кусок мяса. В этом облике он не обладал никакой силой, не мог даже проявлять свою личность. Рассудок этого куска мяса был пуст, как у только что родившегося младенца. И при этом он оставался опасным, особенно когда дело шло к ночи.

Ибо это существо действительно было своего рода младенцем. За которым мне и поручили присматривать.

Я возненавидел эту обязанность буквально сразу же. Существо каждый день марало себя, иногда по несколько раз. (Одна смертная женщина пыталась объяснить мне, как соорудить подгузник, но я не стал ее слушать. Просто выводил его на травку и оставлял делать свое дело.) А еще оно постоянно ворчало, стонало, вопило. Я пытался его кормить, а оно меня укусило. До крови. Новорожденное или нет, оно обладало сильным мужским телом, а также полным набором крепких острых зубов. Несколько штук я после того первого укуса ему вышиб. В течение ночи они отросли заново. Больше оно меня не кусало.

Со временем, однако, я начал терпимее воспринимать ненавистное поручение. Я стал

относиться к «мясу» теплее, и оно в ответ прониклось ко мне какой-то зачаточной приязнью. Выучившись ходить, оно хвостом следовало за мной. Когда мы с Чжаккой и Руэ строили самый первый Белый Зал (Арамери в те времена еще притворялись жрецами), в сверкающих коридорах звучало бессвязное бормотание: существо училось говорить. И первым словом, которое оно сумело произнести, стало мое имя. Когда я слабел и погружался в то ужасающее состояние, которое у смертных называется сном, «мясо» сворачивалось калачиком рядом со мной. И я это терпел, потому что иногда, когда наступали сумерки и эта тварь опять становилась моим отцом, я мог прижаться к нему, закрыть глаза и представить, что Войны богов никогда не было. И все идет так, как тому и следовало быть.

Вот только сны никогда не задерживались надолго. Наступал серый безжизненный рассвет, и я вновь оказывался в обществе своего безмозглого подопечного.

Я бы предпочел, чтобы он таким и оставался, так нет же: существо начало думать. Когда я и мои товарищи по несчастью потянулись к его убогому разуму, мы обнаружили, что внутри, как у любого думающего и чувствующего существа,

завелась душа. И самое скверное, что оно — он — уже полюбило меня.

Тогда я сотворил несусветную глупость: я тоже его полюбил. А делать это было нельзя, ни за что и никогда.

Мы с Гимн стояли в просторном, прекрасно обставленном кабинете бывшего «мяса». Кругом нас клубился противный дым.

— Я бы предложил тебе сесть, — сказал хозяин кабинета и сделал паузу, чтобы вновь затянуться той штуковиной, что тлела у него между губ, и с блаженным видом выдохнуть очередной клуб дыма. — Если бы не сомневался, что ты примешь приглашение.

И он указал на нарядные кожаные кресла, стоявшие напротив его стола. Сам он восседал в отличном кресле по ту сторону.

Гимн, тревожно поглядывавшая на меня с тех пор, как мы покинули гостиную и поднялись наверх, села. Я остался стоять.

— Господин… — начала она.

— Господин? — перебил я, скрещивая на груди руки.

Он весело глядел на меня:

— Видишь ли, в наши дни знатность мало зависит от кровного происхождения или дружбы с

Арамери. Теперь все решают деньги, а их у меня хватает, вот меня и зовут господином. — Он помолчал и добавил: — А еще я теперь отзываюсь на имя Ахад. Как оно тебе?

Я хмыкнул:

— Ты даже не потрудился придумать что-нибудь поинтереснее.

— У меня есть лишь то имя, каким ты нарек меня, милый Сиэй.

Он совершенно не изменился. Все тот же бархатный язык, а под бархатом — острые бритвы. Я скрипнул зубами, готовясь к тому, что сейчас эти бритвы пройдутся по мне.

— Между прочим, — продолжил он, — сейчас ты как-то не особенно любезен. Неужели снова разругался с Чжаккарн? Как она, кстати? Она всегда нравилась мне.

— Во имя всех преисподних, почему ты никак не сдохнешь? — поинтересовался я.

Гимн тихо ахнула, но я и ухом не повел.

Ахад продолжал улыбаться все так же лучезарно.

— Ты отлично знаешь, почему я живу, Сиэй. Ты ведь был здесь, припоминаешь? В момент, когда я родился?

Я внутренне напрягся. Слишком понимающие

были у него глаза. И он видел мой страх.

— Живи, сказала она. Она сама тогда только что родилась и, должно быть, не знала, что слово богини есть закон. Хотя подозреваю, что все-таки знала…

Я чуть успокоился, поняв, что он говорил о своем втором рождении в качестве полноценного самостоятельного существа. Сколько же лет с тех пор минуло? Ахаду полагалось бы давным-давно состариться и умереть, а он все такой же крепкий и здоровый, как в тот самый день. Если не лучше. Вид самодовольный, роскошно одет, пальцы унизаны серебряными перстнями, длинные прямые волосы заплетены в косу на варварский лад. Я моргнул. Нет, не на варварский. Так убирали волосы дарре. Он и выглядел как смертный мужчина из народа дарре: Йейнэ, давая Ахаду новую жизнь, подарила ему внешность, отвечавшую ее тогдашним предпочтениям.

— Кто ты теперь? — подозрительно спросил я.

Он пожал плечами, всколыхнув спадающие на плечи блестящие черные волосы. (Движение показалось таким знакомым, что меня даже кольнуло.) Потом он небрежно поднял руку и обратил ее в черный туман. Я невольно разинул рот, а его улыбка сделалась чуть шире. Рука тотчас верну-

лась, по-прежнему держа сигару, которую он не замедлил вновь поднести ко рту для очередной долгой затяжки.

Я устремился вперед так решительно и быстро, что он вскочил мне навстречу. Мгновением позже я уткнулся в лучистую подушку его силы. Нет, это не был выставленный против меня щит. Ничего такого. Простое истечение его воли. Он не хотел, чтобы я приблизился к нему вплотную, и это воплотилось в реальность. Если добавить к этому особый запах, для изучения которого я и стремился к нему подобраться…

Мои худшие предположения сбылись.

— Ты богорожденный, — прошептал я. — Она сделала тебя божеством!

Ахад промолчал и перестал улыбаться, и тогда я заметил, что все-таки подобрался к нему ближе, чем ему хотелось бы. Его неприязнь билась в меня кислыми маленькими волнами. Я отступил, и он заметно успокоился.

А знаете, я ведь не понимал. Не понимал, что это такое — быть смертным бесповоротно, постоянно и неотвратимо, без живительных посещений эфирных планов и тонких измерений, составляющих истинный дом моего племени. Прошли годы, прежде чем до меня дошло: заключение

в смертном теле — нечто большее, чем просто магическая или телесная слабость. Это самое настоящее разрушение ума и души. И я не очень-то здорово со всем этим справлялся. По крайней мере, первые несколько веков.

Как это, оказывается, легко — принимать боль и, в свою очередь, передавать ее тем, кто еще слабей. Как просто смотреть в глаза тому, кто доверял мне и ждал от меня защиты, и ненавидеть его, потому что я не мог этого доверия оправдать.

Это я виноват в том, что он стал таким. Я согрешил против себя самого, и моему проступку нет искупления.

— Итак, похоже на то, — сказал Ахад, — что я обзавелся кое-какими интересными свойствами. И, как ты наверняка заметил, я не старею. — Он сделал паузу, оглядывая меня с головы до пят и обратно. — О тебе, кстати, такого не скажешь. От тебя пахнет Небом, Сиэй, и вид у тебя такой, словно какой-то Арамери снова тебя пытал. Но… — тут он прищурился, — случилось что-то еще? Я прав? Чем-то от тебя веет… неправильным.

Даже если бы он не стал божеством, ему про свое состояние я стал бы рассказывать в последнюю очередь. Однако после того, как он увидел меня, что-либо прятать или отрицать стало

бесполезно. В этом царстве никто не знал меня лучше, чем он. Если я начну темнить, он только злей отыграется.

Я вздохнул и помахал рукой, отгоняя завитки дыма, но они немедленно вернулись.

— Кое-что стряслось. Верно, я провел несколько дней в Небе. Наследница Арамери… — Нет. Об этом я говорить решительно не собирался. Лучше уж сразу перейти к самому скверному. — Я, кажется… — Я помялся с ноги на ногу, сунул руки в карманы и напустил на себя беззаботный вид. — Я, кажется, умираю.

У Гимн округлились глаза. Ахад — я успел возненавидеть это глупое имя — уставился на меня с сомнением.

— Никто не может убить богорожденного, кроме демонов и богов, — сказал он. — Демонов, насколько мне известно, в этом мире с недавних пор больше нет. Так неужто Нахе надоел его маленький любимчик?

Я сжал кулаки:

— Он до скончания времен будет любить меня!

— Тогда остается Йейнэ. — К моему удивлению, с лица Ахада пропал скепсис. — Что верно, то верно, она мудра и добросердечна, но не имела возможности узнать тебя в те времена, а невин-

ного мальчика ты разыгрывал на удивление хорошо. Она ведь могла сделать тебя смертным, не правда ли? Если так, воздаю ей должное — она обрекла тебя на медленную и жестокую смерть.

Я обозлился бы на него еще больше, но тут и во мне взыграла жестокая струнка.

— Что я слышу? Да никак ты по-детски втрескался в Йейнэ? Если так, должен предупредить: дело безнадежное! Она любит Нахадота, ты же — всего лишь неиспользованные остатки.

Ахад продолжал улыбаться, только глаза у него стали черными и холодными. Ему все же кое-что перепало от моего отца. Теперь я в этом окончательно убедился.

— А ты бесишься из-за того, что оказался не нужен им обоим, — сказал он.

Комната перед моими глазами окрасилась в серое и багровое. Я издал невнятный вопль ярости и бросился на него, намереваясь разорвать и выпотрошить его когтями, забыв на мгновение, что их у меня нет. А еще я забыл по глупости, что он был богом, я же с некоторых пор — нет.

Он мог бы меня убить. Причем даже непреднамеренно: новорожденные боги не всегда осознают пределы своей силы. Вместо этого он схватил меня за горло, оторвал от пола и так

швырнул на стол, что дерево затрещало.

Пока я охал и стонал, оглушенный ударом и жестокой болью (подо мной оказались два пресс-папье), Ахад вздохнул и свободной рукой поднес ко рту сигару, чтобы всосать еще порцию дыма. Другой рукой он удерживал меня на столе. Причем с легкостью.

— Что ему нужно? — обратился он к Гимн.

Перед глазами у меня прояснилось, и я увидел, как она вскочила и попыталась спрятаться за креслом. Услышав вопрос, она опасливо выпрямилась.

— Денег, — пробормотала она. — Сегодня утром он втравил меня в неприятности. Потом сказал, что хочет все возместить, но его каверзы и проделки мне не нужны.

Ахад рассмеялся тем лишенным веселья смехом, который у него выработался за последние двенадцать столетий. Я даже припомнить не мог, когда он последний раз по-настоящему веселился.

— Узнаю старину Сиэя, — сказал он.

Улыбнулся, глядя на меня сверху вниз, потом воздел руку, и в ней возник кошелек. Я услышал, как внутри звякали крупные монеты. Ахад бросил кошелек, даже не глянув на Гимн, и та, глазом

не моргнув, подхватила его.

— Этого хватит? — осведомился он, когда она распутала завязки кошелька и заглянула в него. Глаза у Гимн округлились, она кивнула. — Можешь идти.

Девочка сглотнула.

— Мне за это влетит? — спросила она, поглядывая на меня. Я силился вздохнуть, насколько позволяла рука Ахада.

— Ни в коем случае. Тебе неоткуда было знать, что мы с ним знакомы. — И он бросил на нее многозначительный взгляд. — И ты по-прежнему ничегошеньки не знаешь, ну, не мне тебе объяснять. Про то, кем являюсь я, про то, кем является он. Ты его вообще не встречала и тем более не приводила сюда. И смотри, расходуй денежки постепенно, не то им быстренько ноги приделают.

— Знаю. — Гимн нахмурилась и неуловимым движением спрятала кошелек. Потом, к моему удивлению, вновь посмотрела на меня. — А с ним ты что собираешься сделать?

Я уже начал задаваться тем же вопросом. Он держал меня так крепко, что я слышал биение собственной крови. Я дотянулся и стал царапать его запястье, силясь ослабить хватку. С таким же успехом я мог бы расшатывать корни Древа.

Ахад с ленивой жестокостью наблюдал за моими усилиями.

— Еще не решил, — сказал он. — А что, тебя это волнует?

Гимн облизнула губы.

— Мне кровавые деньги без надобности.

Он поднял на нее глаза и молчал, пока тишина не стала тяжелой и невыносимой. Его слова оказались доброжелательней взгляда.

— Не беспокойся, — проговорил он. — Он в любимчиках у двух из Троих. Я не настолько глуп, чтобы его убивать.

Гимн торопливо втянула воздух — наверное, в надежде почерпнуть силы.

— Слушай, не знаю, что там между вами было, и знать не хочу. Я бы никогда не… Я не собиралась… — Она замолкла и снова перевела дух. — Давай я верну деньги, а ты просто дашь ему уйти вместе со мной.

Ахад еще крепче стиснул мне горло, и у меня по краю зрения замерцали звездочки.

— Не вздумай, — произнес он голосом, жутковато напомнившим голос моего отца, — не вздумай даже пытаться приказывать мне.

Гимн выглядела сбитой с толку. Еще бы, ведь смертные не осознают, насколько часто они выда-

ют фразы в повелительном наклонении. Я имею в виду простых смертных. Арамери этот урок усвоили давным-давно — когда кое-кому из них пришлось жизнями заплатить за забывчивость.

Я давил в себе страх, пытаясь сосредоточиться. «Проклятье, оставь ее в покое! Играй в свои игры со мной, а не с ней!»

Ахад даже вздрогнул и метнул на меня пристальный взгляд. Я не мог понять почему, пока не сообразил, насколько он был юн по нашим-то меркам. И это напомнило мне о преимуществе, которое у меня было.

Я закрыл глаза и мысленно сосредоточился на Гимн. Она была яркой горячей точкой на горизонте моего меркнувшего восприятия. Когда явились мусорщики, я нашел источник силы, чтобы ее защитить. Сумею ли я отстоять ее у одного из наших?

По ямам и провалам моей невезучей души словно просвистел холодный заряженный ветер. Я собрал совсем немного, гораздо меньше, чем следовало бы, однако этого должно было хватить.

Я улыбнулся и крепко взял Ахада за руку.

— Брат, — произнес я на нашем языке, и он заморгал, изумленный: оказывается, я еще мог говорить. — Раздели себя со мной.

А потом втянул его в свое божественное естество. Бело-зелено-золотая вспышка понеслась сквозь твердь из чистейшей слоновой кости все вниз, вниз и вниз. Это ни в коем случае не являлось сердцевиной моей души, ибо я никогда не допустил бы его в это место сладости и остроты, но находилось от нее достаточно близко. Я чувствовал, как он испуганно бился, ибо мое существо — течение, поток — грозило совсем его поглотить. Но у меня не было такого намерения. Мы неслись вниз, и я притягивал его все ближе. Здесь, вне царства плоти, я был гораздо старше и сильней. Он просто еще не постиг себя, и я легко взял над ним верх. Ухватил за грудки и усмехнулся ему прямо в широко распахнутые, полные ужаса глаза.

— Давай-ка теперь поглядим на тебя, — предложил я и запустил руку ему в рот.

Он испуганно завопил — весьма глупый поступок, учитывая данные обстоятельства. Этим он только облегчил мне работу. Я весь перелился в единый изогнутый коготь и скользнул в самое его нутро. Был миг сопротивления и взаимной боли — просто потому, что все боги в какой-то мере противоположны один другому. Затем последовала вспышка странности: я вкусил его

природу, темную и в то же время не темную, полную воспоминаний и саднящую в своей новизне, жаждущую, отчаянно жаждущую чего-то, чего он не хотел и даже не осознавал, что жаждет. А потом он потянулся ко мне с яростью, которой я никак не ждал. Юные боги редко бывают настолько свирепы. И вот пожираемым сделался уже я…

Я с придушенным криком вырвался из него и откатился прочь, сворачиваясь от боли клубком. Ахад же шарахнулся в сторону и упал поперек кресла. Я слышал, как у него вырвалось что-то вроде всхлипа. Потом он овладел собой и лишь глубоко, с трудом дышал.

Ах да… Я же совсем забыл. На самом деле он не очень-то юн. И даже не молод, как Йейнэ. До своего божественного возрождения он тысячи лет прожил в качестве смертного. И выдержал за это время адские муки, которые сломали бы большинство смертных. Его они тоже сломали, но он сумел воссоздать себя, сделавшись в итоге только сильнее. Боль, происходившая из-за того, что я едва не стал кем-то другим, наконец-то начала отпускать, и я мысленно засмеялся.

— А ты совсем не меняешься, — прохрипел я. Его пальцы оставили синяки на плоти, составлявшей мою шею. — С тобой всегда было непросто.

Он ответил проклятием на давно умершем языке, но я с удовлетворением расслышал в его голосе изнеможение.

Я медленно приподнялся и сел. В моем теле болела каждая мышца, и это не считая удара, доставшегося моему затылку. Краем глаза я подметил движение. Это вернулась Гимн, весьма разумно выбежавшая из комнаты, в которой схватились двое богорожденных. Я удивился: она ведь кое-что знала про нас. Я бы понял, если бы она удрала без оглядки, покинув и сам дом, и его окрестности.

Ахад зло смотрел на меня, сидя в кресле. Он уже почти оправился, лишь волосы стояли дыбом да куда-то закатилась сигара. Еще несколько мгновений я остро ненавидел его, после чего вздохнул и мысленно махнул рукой. Ненависть того не стоила. Вообще очень немногое ее стоило, ведь смертная жизнь так коротка…

— Мы больше не рабы, — тихо проговорил я. — И враждовать нам уже незачем.

— Мы враждовали не из-за Арамери, — отрезал он.

— Да неужели? — улыбнулся я в ответ, и он заморгал от неожиданности. — Если бы не они, ты бы вовсе не существовал. А я…

Если я позволю себе сделать это признание, то не смогу избавиться от стыда. Никогда прежде я не позволял такого, но с тех времен столько всего изменилось. Да не просто изменилось, а перевернулось с ног на голову: теперь божеством был он, а я — нет. И я в нем нуждался, а он во мне — нет. И я сказал:

— А я бы, по крайней мере… мог попытаться стать лучше…

И вот тогда он меня удивил. Впрочем, ему всегда это здорово удавалось.

— Заткнись, балда, — сказал он и со вздохом поднялся на ноги. — Не пытайся быть большей задницей, чем обычно.

Я заморгал:

— Чего?

Ахад подошел ко мне, чем удивил еще больше. Он веками избегал находиться подле меня. Упершись руками в столешницу по сторонам от моих бедер, он наклонился и уставился мне в лицо.

— Ты действительно полагаешь, будто я настолько мелочен, что через столько лет продолжаю на тебя злиться? Нет, все совершено не так.

На его лице мелькнула улыбка, а зубы на мгновение заострились. Впрочем, не исключено, что это шутило шутки мое воображение. Я очень на

это надеялся, ибо только звериной природы ему еще не хватало.

— Нет, — продолжил он. — Думаю, ты просто настолько по-божески уверен в своей хреновой значимости, что так ничего и не понял. Поэтому позволь прояснить: мне нет до тебя никакого дела. Ты для меня вообще не имеешь значения. Даже ненавидеть тебя — пустая трата энергии!

Я смотрел на него, пораженный его горячностью и, что греха таить, обиженный. И тем не менее…

— Не верю, — пробормотал я.

Он моргнул.

А потом оттолкнулся от стола с такой силой, что тот дернулся и я едва не слетел на пол. Я лишь смотрел, как он подошел к Гимн, взял ее за шкирку и почти отволок к двери.

— Я не собираюсь его убивать! — повторил он, выталкивая ее за порог. Девочка едва не упала, когда он разжал хватку. — Я и пальцем не пошевелю, только буду злорадно наблюдать за его долгой и унизительной смертью, ускорять которую у меня нет ни малейшего намерения! Твои деньги чисты: можешь со спокойной совестью умыть руки. И порадуйся, что избавилась от него раньше, чем он разрушил твою жизнь! А теперь

— брысь отсюда!

И он захлопнул дверь у нее перед носом.

Потом Ахад повернулся ко мне и тяжело перевел дух, успокаиваясь. Я успел постичь его душу и понял, что именно в тот момент он принял решение. И быть может, угадал мое.

— Выпить хочешь? — вполне вежливо спросил он наконец.

— Детям пить не положено, — привычно ответил я.

— Значит, нам повезло, потому что больше ты не ребенок.

Я поморщился:

— Я… в общем, не пробовал спиртного уже несколько столетий. — Я тщательно подбирал слова, ступая по тонкому льду вроде бы достигнутого нами хрупкого мира. Да какой там лед, я скользил, точно водомерка по поверхности лужи. Однако, если мы оба не напортачим, у нас может и получиться. — Не найдется ли у тебя что-нибудь… ну…

— Для жалких? — фыркнул он и подошел к деревянному шкафчику прекрасной работы. Внутри обнаружилось не менее дюжины бутылок, полных явно крепких жидкостей с насыщенным цветом. Это были напитки для мужчин, а не для

мальчишек. — Нет уж. Барахтайся или тони, другого пути нет!

Ну ладно, тонуть так тонуть. Я посмотрел на бутылки и с тяжелым вздохом решил и дальше следовать по пути примирения.

— Тогда наливай, — сказал я.

Некоторое время спустя, уже после того, как мне пришлось вспомнить, что рвота — куда менее приятный телесный акт, чем опорожнение кишечника, я сидел на полу, куда меня усадил Ахад, и долго и пристально его разглядывал.

— А тебе что-то от меня нужно, — сказал я. Надеюсь, получилось внятно, хотя внятно думать уже не получалось.

Он аристократически приподнял бровь. Сам он, кажется, даже не захмелел. Слуга уже вынес поганое ведро с плодами моей неосмотрительности. Окна были настежь распахнуты, но, несмотря на это, в воздухе витал густой запах Ахадовой сигары. Он мне не нравился, но все лучше, чем запах блевотины, поэтому я не возражал.

— И тебе от меня, — заметил он.

— Ага. Однако мои желания всегда были простыми. В данном случае мне нужны деньги, но не для себя, а для Гимн. Но раз ты их ей уже дал, значит проблема решена. А вот что касается тебя,

простыми запросами ты никогда не довольствовался…

— Хммм… — Полагаю, последнее утверждение ему вряд ли понравилось. — Тем не менее ты все еще здесь, значит хочешь чего-то еще.

— Я скоро состарюсь и одряхлею, и мне понадобится забота. Помру я лет через пятьдесят или шестьдесят, и чем дальше, тем мне все больше будут требоваться пища, кров и… — я задумчиво посмотрел на бутылку на столе между нами, — и всякая всячина. Чтобы все это добывать, смертные пользуются деньгами. Я превращаюсь в смертного; стало быть, мне необходим постоянный источник дохода.

— То есть работа, — хохотнул Ахад. — Моя домоправительница полагает, что из тебя получится неплохой куртизан. Ну, то есть если тебя отмыть и привести в надлежащий вид…

Обида пробилась сквозь алкогольные испарения.

— Я — бог!

Ахад ничуть не смутился:

— А у нас почти треть куртизанов обоего пола — богорожденные, Сиэй. Неужели ты с порога не ощутил присутствия членов нашей семьи?

Он обвел помещение жестом, после чего его

рука остановилась на себе, и я даже покраснел, потому что он был прав: я не учуял ни его, ни кого-либо другого. Я слабел и только что получил еще одно тому подтверждение. Ахад же продолжил:

— Да и среди посетителей у нас немало божеств, которых любопытство толкает познать смертных, но признать это им мешают гордость или страх. А некоторые просто побаловаться хотят, не придавая этому значения и не впутываясь в особые обязательства. Знаешь, Сиэй, когда доходит до этой стороны жизни, мы, оказывается, не так уж от них отличаемся.

Я простер свои угасающие и ненадежные чувства к ближайшей части реальности и напряг их, как мог… Да, теперь я ощущал присутствие нескольких братьев и сестер. В основном наиболее юных. Я невольно вспомнил те дни, когда и сам был заворожен смертными, особенно их детьми, с которыми мне так нравилось играть. Однако некоторых из наших больше влекло к взрослым, и это способствовало пробуждению вполне взрослых желаний.

Вот мне, например, мучительно захотелось ощутить губами кожу Шахар…

Я тряхнул головой. Лучше бы я этого не делал. Дурнота, оказывается, еще не прошла. И я сказал,

просто чтобы отвлечься:

— У нас никогда не было необходимости в подобном, Ахад. Если мы желаем смертного, нам достаточно появиться в любом месте и указать пальцем, и смертный даст нам все, чего мы желаем.

— Знаешь, Сиэй, ну не следил ты за делами этого мира, и ладно. Но не стоило бы тебе говорить так, будто ты все обо всем знаешь…

— Чего?

— Настали новые времена, — сказал Ахад.

Он отпил из квадратного стакана, полного алой огненной жидкости. Этот напиток я слегка пригубил и больше не стал его пить, потому что смертному недолго было и дух испустить от алкогольного отравления. Ахад погонял жидкость во рту, наслаждаясь ее жгучестью, после чего проглотил ее и продолжил:

— Человечество, за вычетом еретиков, много столетий веровало исключительно в Итемпаса. Они до сих пор понятия не имеют, что с ним сталось, потому что Арамери позаботились о неразглашении. Да и мы, боги, как-то потеряли его из виду. Однако все чувствуют: что-то переменилось. Смертные, конечно, не боги, но то, что сущее расцветилось новыми красками, по-

нятно даже им. И еще они понимают, что наше племя могущественно, достойно восхищения, но… временами совершает ошибки. — Он пожал плечами. — То есть желающий поклонения богорожденный по-прежнему наберет себе верных. Но не особенно много. И право, Сиэй, большинство из нас вовсе не жаждет божеских почестей. Вот у тебя с этим как?

Я удивленно моргнул, потом задумался.

— Даже не знаю…

— А знаешь, у тебя бы получилось. Уличная ребятня клянется твоим именем, а других богов даже по именам не знает. Некоторые даже тебе молятся.

Это я и сам знал. Я слышал их обращения, хотя никогда и ничего не делал, чтобы привлечь их внимание. Когда-то у меня были тысячи верных, но даже в те дни я всегда удивлялся, что они меня помнили. Я подтянул колени и обхватил их руками, начиная наконец понимать, что имел в виду Ахад.

Он кивнул, словно я высказал свои мысли вслух, и продолжил:

— Прочие наши посетители — вельможи, богатые купцы и очень удачливые простолюдины. Словом, те, кто жаждет посетить небеса преж-

де кончины. Что же до нас, то наши смертные куртизаны столько терлись с богами, что и сами овладели… некоторыми эфирными техниками.

И он улыбнулся дежурной улыбкой торговца, в которой не участвовали глаза.

— Так вот что ты продаешь, — нахмурился я. — Не разврат. Ты торгуешь божественностью. Боги благие, Ахад, поклонение, по крайней мере, бесплатно!

— Ошибаешься. Бесплатным оно никогда не было. — Его улыбка пропала, да и настоящей она не была. — Всякий смертный, отдававший свою преданность кому-нибудь из богов, рассчитывал получить что-нибудь взамен: благословение, местечко на небесах, некое положение в обществе. А бог, требовавший поклонения, рассчитывал вместе с ним получить верность, и не только. Так почему бы нам не быть честными относительно того, что мы делаем? По крайней мере, здесь ни один бог не лжет.

Я съежился, чего он наверняка и ждал от меня. Вот они, бритвы под бархатным языком…

— Что касается обитателей нашего дома и их деятельности, то ни насилия, ни принуждения у нас не бывает. Здесь не причиняют боли, ну, разве что по обоюдному согласию сторон. И никаких

осуждений. — Он помолчал, смерив меня взглядом. — У моей домоправительницы острый глаз на новые дарования. Жаль было бы сообщить ей, что в твоем случае она так жестоко ошиблась.

Уязвленная гордость заставила меня выпрямиться, и не только опьянение было тому виной.

— Я мог бы стать несравненным развратником…

Боги свидетели, практики мне более чем хватало.

— Верно, только думается мне, ты вряд ли удержишься от помыслов об особо жестоком убиении всякого посетителя, который положит на тебя глаз. Каковые помыслы, если учесть твою природу и непредсказуемость магии, вполне могут реально вызвать подобную смерть. А это, знаешь ли, плохо отразится на моем деле. — Он помолчал, а его улыбка отдавала явственным холодком. — Знаешь, я совершенно случайно обнаружил, что у меня та же проблема.

После этих слов мы оба долго молчали. Мы вовсе не сыпали взаимными обвинениями. Но раз уж мы, так сказать, взболтали отстоявшийся ил прошлого, ему следовало дать улечься и лишь потом двигаться дальше.

Я решил, что пора сменить тему.

— Характер моей работы мы могли бы обсудить позже, — сказал я, почти не сомневаясь, что он наймет меня. Наверное, потому, что беспочвенный оптимизм есть одна из коренных составляющих детства. — Ну ладно, так чего тебе надо-то?

Ахад оперся на изящные кожаные подлокотники кресла и сложил пальцы домиком. Я молча задался вопросом, уж не нервничал ли он.

— А я думал, ты уже догадался. Особенно если учесть, как легко ты меня победил в…

Он не договорил и нахмурился, и только тут до меня наконец дошло.

— Ни в одном языке смертных для этого нет слов, — тихо произнес я. Приходилось разводить дипломатию, а это мне никогда легко не давалось. — В нашем царстве нужды в словах нет. Понятно, за века ты в какой-то мере выучился нашему языку…

Я оставил незавершенную фразу висеть в воздухе. Он поморщился:

— Не особенно. Я не умел слышать, чувствовать… — Ахад пытался подобрать нужное сенмитское понятие. Не иначе как из упрямства. — Прежде чем Йейнэ проделала это со мной, я мало чем отличался от простых смертных. Я пытался

произносить ваши слова, умирал несколько раз и бросил эти попытки.

— «Ваши слова», — повторил я, и лицо Ахада тотчас сделалось абсолютно непроницаемым. — Если хочешь, я научу тебя языку.

— В Тени обитают еще несколько дюжин богорожденных, — чопорно ответил он. — Если я захочу — и когда захочу, — то могу выучиться у них.

«Ну и дурак», — подумал я, но удержал язык за зубами и лишь кивнул, словно признавая его святое право намеренно сохранять невежество.

— У тебя в любом случае имеется более крупная проблема, — заметил я.

Он помолчал, наблюдая за мной. Я знал, что этим он мог заниматься часами. Выучился за бесконечные годы, проведенные в Небе. Но не знал, догадывался ли он, что я собираюсь сказать.

— Ты не знаешь собственной природы.

Догадавшись об этом, я понял, как могу его победить. Ну, не победить, но хотя бы сбросить с себя, когда у нас случилось состязание воли. Он выдал себя реакцией на прикосновение моих мыслей: я видел, как новорожденные смертные проделывали то же, если легонько тронуть их пальцем. Они испуганно вздрагивали и начина-

ли барахтаться, силясь понять «кто, что, почему» и «не будет ли мне какого вреда?». Лишь тот, кто успел постичь себя и свое место в мире, выносил чужое прикосновение как самое обычное дело.

Ахад чуть помедлил и кивнул. И я признал этот кивок как жест установившегося между ними доверия. В былые времена он нипочем не открыл бы мне подобную слабость.

Я вздохнул и встал, лишь чуть-чуть покачиваясь, и подошел к его креслу. На сей раз он не вскочил, но ощутимо напрягся по мере моего приближения. Я остановился.

— Я не обижу тебя, — сказал я, хмурясь при виде подобной пугливости. Ну почему бы ему не быть все время просто бессердечным сукиным сыном? Я никогда не мог по-настоящему возненавидеть его: жалость мешала. — Я ведь ни разу не обижал тебя так, как Арамери.

— Ты позволял им, — еле слышно ответил он.

На это мне возразить было нечего, потому что он сказал правду. И я просто стоял и молчал. Ничего у нас не получится, если мы так и продолжим бередить старые раны. Он тоже это понимал. В конце концов он выдохнул, и я подошел еще ближе.

— Каждый бог должен постичь, кто он такой и

что он такое, — сказал я. А потом как мог осторожнее — руки у меня были огрубевшие и грязные после трехдневного пребывания в переулке — взял в ладони его лицо. — Смысл и пределы своего существования можешь определить только ты сам. Но иногда те из нас, кто уже обрел себя, могут дать новичкам кое-какие подсказки.

Такую подсказку я уже почерпнул во время нашей недолгой духовной борьбы. Эта его яростная, отчаянная жажда… чего-то. Чего же? Я заглянул в его глаза, странно отдававшие смертностью. Странно, потому что смертным, по сути, он не был никогда. Тем не менее смертная жизнь была единственной, какую он знал. Я заглянул ему в глаза и попытался понять его. Я полагал, что сумею, ибо присутствовал при его рождении. Я видел его первые шаги, слышал его первые слова. И любил его, несмотря даже на то, что…

Дурнота накатила еще стремительней, оттого что винные пары еще не выветрились из меня. Я едва успел резко отвернуться и рухнуть на пол, и меня стало выворачивать — страшно, с криком между позывами. А как меня колбасило! Ноги дергались, спина порывалась выгнуться, а желудок стремился извергнуть проглоченный яд. Плоть не знала, что тот яд был вовсе не плотского

свойства.

— А ты по-прежнему дитя, — дохнул мне в ухо Ахад, и его шепот легко пробился сквозь мои придушенные вопли. — Мне тебя как звать? Старшим братом? Или, может быть, младшим? Полагаю, это не важно. Ты никогда не вырастешь, каким бы взрослым ты ни казался… братец.

Братец. Братец. Не дитя, не

забыть

Ахад не был мне сыном, даже метафорически выражаясь, потому что

забыть

Потому что бог детства не мог быть отцом, если он вообще желал быть, и

забытьзабытьзабыть

Братец. Ахад был моим братом. Моим новорожденным братиком, первым сыном Йейнэ. Нахадот бы… Ну, вряд ли гордился бы, наверное. Но повеселился бы наверняка.

Тело перестало судорожно содрогаться. Мука отступила в достаточной мере, чтобы я перестал корчиться и орать. Желудок опустел. И я просто лежал, отходя от пережитого ужаса. Потом осторожно попытался вздохнуть. И еще раз.

— Спасибо тебе, — прошептал я.

Ахад, сидевший возле меня на корточках, толь-

ко вздохнул. Он не сказал «добро пожаловать», потому что я не был желанным гостем, и мы это знали. Однако он оказал мне благодеяние, не имея к тому нужды, и я должен был хотя бы поблагодарить.

— От тебя воняет, — сказал он. — Ты грязен, а выглядишь как навозная куча. Поскольку ты слишком бесполезен, чтобы убраться отсюда, как подобало бы, делать нечего. Придется приютить тебя на ночь. Только смотри, не привыкни: потом будешь жить где-нибудь в другом месте.

Он поднялся и ушел. Вероятно, поручить кому-нибудь из слуг устроить меня на ночлег.

К тому времени, когда он вернулся, я кое-как сумел приподняться и сесть на пятки. Меня все еще трясло, а вконец свихнувшийся желудок настоятельно требовал наполнения пищей. «Либо внутрь, либо наружу!» — строго сказал я ему, но он и не думал меня слушать.

Ахад снова опустился передо мною на корточки:

— Интересно…

Я не без труда поднял на него взгляд. По его лицу было трудно что-либо прочесть, но он воздел руку и сотворил зеркальце. Я слишком вымотался и не смог даже позавидовать. Ахад повернул

зеркальце, и я увидел собственное лицо.

Я сделался старше. Лицо, смотревшее на меня из зеркала, было длиннее и худощавее, подбородок стал крепче. И волосы на нем уже не были едва заметным юношеским пушком. Они огрубели и потемнели, теперь это были зачатки самой настоящей бородки. То есть не середина подросткового возраста, как прежде, а уже просто молодость. Сколько лет жизни я потерял? Два? Три? Проскочили и не вернутся…

— Я прямо-таки польщен. Тем, что ты сохранил столько милых воспоминаний о прежних деньках.

В его голосе прозвучали опасные нотки, но предельная усталость помешала мне как следует испугаться. Он мог в любой момент убить меня, если бы захотел. И уже убил бы, если бы действительно хотел. Он просто любил потешиться властью.

Я вдруг усмотрел в этом вселенскую несправедливость.

— Дерьмово, — прошептал я, не заботясь, слышит он меня или нет. — Дерьмово, что я теперь никто и ничто.

Ахад тряхнул головой. Он не удивился и не испытал раздражения. Он взял меня за шиворот

и поставил на ноги.

— Ты не ничто, — проговорил он с некоторым раздражением. — Ты смертный, а это далеко не ничто. И чем скорее ты это примешь, тем проще жить будет. — Он взял меня за руку выше локтя и негодующе фыркнул, ощутив ее худобу. — Тебе нужно как следует есть, Сиэй! Нужно заботиться о теле, если хочешь, чтобы оно прослужило те несколько лет, что у тебя еще остались. Или ты вознамерился скончаться прямо сейчас?

Я прикрыл глаза, позволив себе обмякнуть в его хватке.

— Я не хочу быть смертным. — Теперь я попросту ныл. Как здорово! Оказывается, даже повзрослев, я еще способен ныть. — Смертные говорят, что любят тебя, но это все враки. Они только и ждут, чтобы ты им поверил, а потом ножик в спину воткнут. Да еще и повернут для верности, чтобы вправду убить.

Я умолк и зажмурился, честно обдумывая, а не разреветься ли по полной программе. Однако тут дверь кабинета открылась, впустив двоих слуг. Ахад же огрел меня по щеке, и я бы не назвал его оплеуху такой уж ласково-отрезвляющей.

— Боги тоже так умеют, — резко сказал он. — Мало не покажется! Давай-ка заткнись и начинай

справляться!

С этими словами он толкнул меня в руки слугам, и те сразу же повлекли меня за собой…

11

Я Л-Ю-Б-Л-Ю, люблю тебя,
ПО-ЦЕ-ЛУ-Ю, поцелую.
Я его толкнула в лужу,
Там он вдруг гадюку скушал,
Так что брюху стало хуже.

Слуги отвели меня в роскошную ванную. Скамейки там были устланы свежевыстиранными подушками, но все равно плотской страстью так и разило. Меня раздели и всю старую одежду свалили в кучу, чтобы потом сжечь. Тело мыли и терли — безлично и очень по-деловому, после чего ополаскивали ароматизированной водой. Наконец меня завернули в халат, отвели в комнату, уложили. Там я проспал весь остаток дня и часть ночи. И мне ничего не приснилось.

Проснулся я с ощущением, что моя воинственная сестрица Чжаккарн использовала мою голову как мишень для упражнений с пикой, чего на самом деле она, конечно, никогда бы не сделала. Когда я умудрился сесть, на что понадобилось определенное время, дурнота едва не вернулась. Но на буфете в комнате обнаружился поднос с

давно остывшей едой и кувшин воды комнатной температуры, и я решил: хватит извергать из себя, пора перейти к насыщению. И перешел к делу. Еда оказалась вкусной, и я без труда ее проглотил.

Помимо прочего, на подносе стояло блюдце какого-то густого белого клейстера, снабженного бумажной карточкой, на которой элегантными печатными буквами значилось: «СЪЕШЬ ЭТО». Почерк показался знакомым, и я со вздохом отведал белую массу. Вкус оказался тошнотворным. Та крыса из переулка была гаже, но не намного. Я напомнил себе, что являюсь гостем в доме Ахада, а посему задержал дыхание и проглотил все одним махом, после чего быстро заел, чтобы избавиться от горечи во рту. Это не очень-то помогло. Тем не менее я сразу почувствовал себя лучше и с облегчением понял: это все-таки было лекарство, а не отрава.

А еще для меня была выложена свежая смена одежды. Я с удовлетворением отметил ее неприметность: серые мешковатые штаны, рубашка цвета некрашеной шерсти, коричневая куртка и такие же башмаки. Скорее всего, комплект был позаимствован у слуг, поскольку я заподозрил, что такое соответствовало бы струнке жестоко-

сти Ахада.

Принарядившись, я открыл дверь комнаты.

И остановился на пороге: с нижнего этажа наплывали звуки музыки и смех. Сейчас ночь. В голове у меня пронеслась вереница из не менее дюжины непристойных и злых каверз, которые я мог бы немедленно отмочить. Позыв немедленно приступить к делу был невероятно силен, я даже ощутил приток могущества. Я с легкостью мог бы обратить все масла, которые в этом доме держали для чувственных удовольствий, в вытяжку из злющего перца, а постели заставить пахнуть не духами и страстью, а плесенью. Вот было бы славно! Однако я теперь был взрослее и руководствовался более зрелыми побуждениями. Порыв миновал, и, справившись с ним, я ощутил лишь мимолетную печаль: не сбылось…

Я хотел вновь прикрыть дверь, но не успел. По ступеням поднималась пара; эти двое смеялись, точно старые друзья или новоиспеченные любовники. Женщина повернула голову в мою сторону, наши глаза встретились… и я замер. Я увидел одну из моих сестер — Эган. И ее рука обвивала талию какого-то смертного. На него мне хватило единственного беглого взгляда: богато одетый, средних лет, пьяный. Я вновь повернулся к Эган

и натолкнулся на ее хмурый взгляд.

— Сиэй? — Она изобразила улыбку и оглядела меня с ног до головы. — Значит, слухи были правдивы: ты вернулся. Похоже, тебе мало показалось двух тысяч лет в смертной плоти?

В давно прошедшие времена ей поклонялось одно пустынное племя, обитавшее в восточной части материка Сенм. Она обучила их музыке, способной вызывать дождь, и благодарные люди врезали ее образ в целый горный склон. С тех пор то племя успело исчезнуть: его поглотили амнийцы, ведшие завоевательные битвы еще до Войны. А после Войны я лично уничтожил изваяние Эган: Арамери приказывали искоренять все, что казалось им богохульством против Итемпаса, и не щадили даже самого прекрасного. И вот передо мной стоял оригинал во плоти, а какой-то амниец лапал ее грудь…

— Меня привел сюда случай. А ты чем будешь оправдываться?

Она изящно подняла бровь — безупречную, как и прочие черты ее амнийского лица. Это, конечно, была обновленная внешность. До Войны Эган выглядела как представительницы того пустынного племени. Мы не обращали внимания на смертного, пытающегося нежно покусывать

ее шею.

— Скукой. Опытом. Все как обычно. Во время Войны лучше всего выживали те, кто больше держался среди смертных, оттачивая свою природу. — Она прищурилась. — А ты не очень-то помогал…

— Я сражался с сумасшедшим, загубившим нашу семью, — устало проговорил я. — И — да, я дрался со всяким, кто ему помогал. С какой стати все ведут себя так, будто я сотворил что-то ужасное?

— Потому что ты и все вы, кто бился на стороне Нахи, по ходу дела потеряли себя, — рявкнула Эган, и ее тело так напружинилось от гнева, что любовник слегка отшатнулся и удивленно заморгал. — Он заразил вас своей яростью! Вы не просто убивали тех, кто вам противостоял, вы уничтожали всех, кто пытался вас остановить. Даже тех, кто взывал к примирению, если вам казалось, что им следовало бы сражаться. Убивали смертных, если у них хватало отваги просить у вас помощи. Во имя Вихря! Ты ведешь себя так, будто в тот день спятил один только Темпа!

Я слушал ее, постепенно вскипая негодованием, пока оно внезапно не улеглось. Я просто не мог поддерживать ярость, присущую божеству.

Голова еще болела от выпитого накануне и от принятого тогда же Ахадова битья, и я физически чувствовал, как с кожи облетают отмирающие чешуйки: одни замещались, другие терялись навсегда, и кожа мало-помалу становилась все грубее и суше, чтобы однажды покрыться морщинами и пятнами старческой «гречки». Кавалер Эган тронул ее за плечо в попытке утешить. Попытка жалкая, но, как ни странно, довольно успешная: Эган немного смягчилась и криво улыбнулась ему, как бы извиняясь за сбитое настроение. Это заставило меня поневоле вспомнить Шахар и свое одиночество, грозившее растянуться на весь остаток моей несусветно короткой жизни.

Я к тому, что обстоятельства как-то не способствовали поддержанию двухтысячелетней свары.

Я тряхнул головой и хотел было скрыться за дверью, но, уже закрывая ее, услышал голос Эган:

— Сиэй! Погоди.

Я опасливо приоткрыл дверь. Она хмурилась, разглядывая меня.

— Ты вроде как-то изменился… В чем дело?

Я снова помотал головой:

— Да ничего особенного. Слушай…

Я вдруг сообразил, что у меня больше может не

оказаться возможности сказать это ей или еще кому-то из родственников. Не годилось умирать, оставив незавершенными столько дел: это было бы несправедливо.

— Мне очень жаль, Эган. Я знаю, после всего случившегося это ровно ничего не значит. Я бы хотел… — Я даже хохотнул: ишь ты, сколько желаний. — Ладно, проехали.

— Ты что, работать здесь собираешься? — Эган между делом провела ладонью по спине своего смертного; тот со счастливым вздохом прильнул к ней.

— Нет, — вырвалось у меня, но тут я вспомнил планы Ахада. — В смысле, не таким образом. — Я ткнул в ее сторону подбородком. — Не обижайся, но меня сейчас к смертным как-то не тянет.

— Это очень даже понятно, учитывая, через что ты прошел, — сказала она. Я удивленно моргнул, и она тонко улыбнулась. — Никому из нас не нравилось содеянное Итемпасом, Сиэй. Но на тот момент ваше заточение казалось единственным здравым решением, на которое он согласился… после всего остального безумия. — Она вздохнула. — У нас было предостаточно времени подумать, так ли верен оказался тот выбор. Ну, а потом… Да ты сам знаешь, каков он, когда надо

пересматривать свое мнение.

Что в переводе означало: «он и не подумал».

— Знаю.

Эган задумчиво посмотрела на своего смертного. Потом на меня. Потом опять на него.

— Ну? Что скажешь?

Мужик выглядел удивленным, но и обрадованным. Он тоже уставился на меня, и внезапно я понял, что затевалось. Я неудержимо залился краской, и мужчина заулыбался.

— Думаю, будет славно, — сказал он.

— Нет, — быстро отказался я. — Я… ну… в общем, спасибо. Знаю, вы хотите как лучше, но — нет.

Тут Эган улыбнулась, несказанно меня удивив, потому что в ее улыбке оказалось больше сочувствия, чем я когда-либо рассчитывал увидеть.

— Давно ли ты последний раз был с кем-нибудь из своих? — спросила она, окончательно поставив меня в тупик.

Отвечать было нечего: я действительно не мог припомнить, когда последний раз занимался любовью с божеством. Нахадот… Нет, тут все было по-другому. Он был низложен, втиснут в смертную плоть, загнан в бездну отчаяния и одиночества. То, что произошло между нами, соитием назвать было невозможно, скорее — про-

стой жалостью. А до того это могла быть…

забыть

Чжакка? Сельфорина? Элишад? Нет, это было столетия назад, когда он еще любил меня. Может, Гвон?

А что, вдруг это не такая уж плохая идея — забыться с кем-нибудь хотя бы на время. Дать одной из своего племени унести мою душу туда, куда она пожелает, познать утешение…

Сделать то, что я делал для Шахар…

— Нет, — повторил я уже мягче. — Не теперь. Я еще не готов. Но все равно спасибо.

Она всмотрелась в меня долгим взглядом, быть может видя больше того, что я хотел бы ей показать. Поняла ли она, что я постепенно становлюсь смертным? Это, кстати, было одной из причин отказаться от ее предложения: уж тогда-то она точно все поняла бы. Но мне подумалось, что ее взгляд нес в себе нечто иное. Я даже заподозрил — всего лишь заподозрил, — что ей было не совсем на меня наплевать.

— Если вдруг передумаешь, предложение остается в силе, — сказала она и вдруг одарила меня улыбкой. — Смотри, придется делиться!

Она обратила сияющую улыбку уже на смертного, и они двинулись дальше, поднимаясь на

следующий этаж.

Тем временем мое пробуждение не осталось незамеченным. Когда, проводив Эган взглядом, я отвернулся, передо мной предстал слуга, тихо поднявшийся по лестнице.

— Господь Сиэй, — произнес он с поклоном. — Господин Ахад просит пожаловать к нему в кабинет, когда тебе будет угодно.

Я подбоченился:

— Я уж точно знаю, что просьбами тут и не пахнет…

Слуга помолчал, но в глазах у него читалось веселье.

— Полагаю, — сообщил он, — ты не захочешь услышать и то слово, которое он употребил вместо твоего имени.

Я последовал за слугой вниз. Пока мы шли, он негромко пояснил, что в эти вечерние часы на глаза показываются лишь куртизаны: это требовалось для поддержания иллюзии, будто в этом здании обитают лишь прелестные существа, дарующие невинное удовольствие. Вид же слуг напоминал посетителям, что «Герб ночи» — заведение деловое. А вот зрелище личностей вроде меня (тоже вроде как слуг, но иного рода — этого он не сказал, но я догадался) внушало мысль, что

дарование удовольствий — лишь одно из различных дел, которые здесь проворачиваются.

Поэтому он сразу завел меня в помещение, показавшееся мне кладовкой. На деле это оказался вход на скудно освещенную винтовую лестницу. По ней туда-сюда сновали слуги, а время от времени — смертные куртизаны. Все они улыбались и на ходу обменивались дружескими приветствиями. (Не в пример слугам, работавшим в Небе.) Когда мы достигли нижнего этажа, слуга провел меня коротким извилистым коридором, живо напомнившим мои собственные замкнутые пространства, и наконец открыл дверь, прорезанную в голой деревянной стене:

— Входи, господь Сиэй.

Я шагнул вперед и без особого удивления увидел знакомую обстановку Ахадова кабинета. Зато удивительным стало то, что хозяин был не один.

Молодая женщина, сидевшая в кресле напротив него, притянула бы любой взгляд, даже не будь она красавицей. Отчасти из-за того, что она была из народа мароне, а отчасти из-за своего роста. Она была очень высокой для женщины, даже когда сидела. Ее голова заметно возвышалась над высокой спинкой кресла, а мягкий нимб черных волос зрительно делал ее еще выше. У нее была

изысканная фигура, и держалась эта женщина с огромным достоинством, чему способствовал тонкий аромат духов из цветов хираса. Одета она была самым простонародным образом: неприметного цвета длинная юбка, жакет, старые башмаки, но все рано выглядела как королева.

Она как раз улыбалась чему-то, сказанному Ахадом перед моим появлением. Когда я вошел, она обратила на меня такой пристальный взгляд, что сделалось чуточку не по себе, а широкая улыбка сразу стала прохладнее и сдержаннее. У меня возникло четкое ощущение: меня измерили, взвесили и признали неполноценным.

Слуга с поклоном прикрыл за мной дверь. Я скрестил на груди руки и принялся ждать, глядя на женщину. Я еще не настолько утратил божественность, чтобы не почувствовать могущество, запах которого буквально висел в воздухе.

— Кто ты? — спросил я. — Незаконнорожденная Арамери? Писец? Знатная дама, переодевшаяся для тайного посещения дома разврата?

Она не снизошла до ответа. Ахад вздохнул и сжал пальцами переносицу.

— Ликуя — одна из владелиц «Герба ночи», Сиэй, — пояснил он. — И она пришла взглянуть на тебя. Ее интересует, не поставишь ли ты под

удар средства, вложенные в него ею и другими совладельцами. Если ты, жопа позорная, ей не понравишься, тут же вылетишь вон.

Я нахмурился:

— Не понял… С каких это пор богорожденные поступают по указке смертных? В смысле, добровольно?

Мне ответила женщина:

— С тех пор, как у смертных и богорожденных появились общие цели.

Голос у нее оказался низкий и полнозвучный, словно рокот океанских волн, но она потрясающе четко выговаривала каждое слово — хоть бумагу режь! Я повернулся к ней и увидел то же качество в ее улыбке.

— Я также полагаю, — продолжила она, — что подобные соглашения были в порядке вещей и до Войны богов. В данном же случае нас связывают отношения не начальника и подчиненного, а скорее… партнерские. — Она покосилась на Ахада. — Партнерам же следует принимать важные решения по обоюдному согласию.

Ахад кивнул в ответ, почти стерев с лица свою обычную язвительную улыбку. Я задался вопросом: знает ли она, что он ей своими руками кишки выпустит, если увидит в этом чуть боль-

ше выгоды, чем в партнерском сотрудничестве? Оставалось надеяться, что знает. Я опустил руки, чтобы дать ей возможность рассмотреть меня во всей красе, и спросил:

— Ну и как? Я тебе нравлюсь?

— Если бы речь шла о внешности, ответ гласил бы: «Нет». — Я раздраженным жестом уронил руки, и она улыбнулась, хотя предыдущая фраза, по-моему, не была шуткой. — Ты определенно не в моем вкусе. По счастью, внешность не входит в перечень достоинств, по которым я определяю чью-либо ценность.

— У нее есть для тебя работа, — сказал Ахад. Он повернулся в кресле, чтобы оказаться ко мне лицом, и откинулся на спинку, упершись ногой в стол. — Это своего рода испытание. Ликуя хочет посмотреть, удастся ли использовать твои неповторимые возможности в благих целях.

Я почувствовал себя оскорбленным в самых святых чувствах.

— Что еще за хреново испытание?

Женщина… Ликуя — странно жизнерадостное имя для маронейки! — приподняла идеально очерченную бровь, и это движение показалось мне необъяснимо знакомым.

— Я хотела бы послать тебя на встречу с Узейн

Дарр, наследницей нынешнего баронства. Ты, случайно, не следил за последними политическими событиями на Севере?

Я попытался вспомнить и собрать воедино все, что случайно подслушал или почерпнул из разговоров, пока пребывал в Небе. В памяти сами собой всплыли образы Невры и Крисцины Арамери, вернее, их мертвых тел.

— Ты хочешь, чтобы я выяснил, что там за новая магия? Маски и все такое.

— Нет. Про маски мы все уже знаем.

— В самом деле?

Ликуя сложила руки на коленях, и я вновь испытал странное чувство узнавания. А ведь я совершенно точно не встречал ее прежде. Вот странно-то…

— Маски порождены искусством, — сказала она. — Оно происходит от менчейско-даррского способа молитвы, зародившегося задолго до эры Светозарного, и тамошний народ хранил его в строгой тайне, дабы избежать преследований. Некогда их способом взывать к богам и возносить им хвалу были танцы, причем каждый танцор играл особую роль, для чего и надевал специальную маску. Каждый танец был своего рода представлением, а молящиеся — актеры — олицетворяли

определенные архетипы. Например, «мать» была символом любви, но также и справедливости, то есть ее лик был одним из ликов смерти. Другого персонажа, «скорбящего», считали человеком гордым и гневным, который в итоге натворит великих несправедливостей и горько пожалеет о них. Понимаешь?

— Ага, в общих чертах, — сказал я, не без труда подавив зевок. — То есть кто-то берет архетип, смешивает с бытовым символизмом, вырезает все это из древесины, взятой от Мирового Древа, кропит кровью убиенного младенца или еще чем-нибудь…

— Вообще-то, кровью богорожденного.

Я так удивился, что не нашелся, что и сказать. Ликуя улыбнулась:

— Чьей именно, нам доподлинно неизвестно. Может, просто божественной кровью, купленной с уличного лотка. Дело не в том, у кого ее взяли, а в ее природном могуществе. Мы как раз сейчас в этом разбираемся. Что касается древесины Древа, на сей счет мне ничего не известно, но, право, не удивлюсь… — Она вновь стала серьезной. — Однако целью твоего пребывания в Дарре должно стать вовсе не выяснение принципа работы масок. Нас больше интересует не орудие, а тот, кто

пускает его в ход. Я хотела бы, чтобы ты вошел к Узейн Дарр с предложением от нашего имени.

Я невольно насторожил уши. Любые переговоры — благодатная почва для разного рода проделок!

— Вам нужна эта их магия?

— Нет. Нам нужен мир.

— Мир? — изумился я.

И посмотрел на Ахада — видит ли он сумасшествие этой женщины.

— Мир наилучшим образом отвечает интересам и смертных, и богов, — подтвердил Ахад.

Я нахмурился:

— Вынужден согласиться. А вот насчет тебя… Не уверен, согласен ли ты с этим!

— Я всегда выбирал то, что могло облегчить мне жизнь, Сиэй. — И он преспокойно сложил руки. — Я ведь, как ты любишь повторять, не Нахадот. Мне как-то больше по сердцу предсказуемость и размеренность жизненного уклада.

— Что ж, отлично! — Я со вздохом покачал головой. — Однако что касается смертных, то им немало досталось от Нахадота. И если слухи правдивы, то, по крайней мере, северяне предпочтут жить в хаосе, чем и дальше терпеть мироустройство Арамери. И вообще, не наше дело указывать

этой женщине, права она или нет, раз она тут распоряжается.

— Узейн Дарр — не единственная сила, стоящая за северными повстанцами, — сказала Ликуя. — А мы на данный момент имеем дело именно с восстанием. Дарре — один из пяти народов Дальнего Севера, что прекратили платить десятину Белым Залам в пределах своих границ, а вместо этого обучают детей, заботятся о пожилых и так далее. То есть помогают своим жителям напрямую. Поэтому Благородное Собрание и воздерживается от объявления тамошних правителей неспособными. Правда, ни один вельможа с Дальнего Севера вот уже больше года ни единого заседания Собрания не посещал. По сути, весь этот материк просто перестал с ним считаться. Она вздохнула. — Зато они там собрали войско, не иначе как надеясь, что это обрушит на них гнев Арамери. Вооруженного противостояния пока нет, но и только. И Дарр если не стоит во главе, то уж сердцем сопротивления является точно.

— Ну, и что я должен предложить этой дарре, которая спит и видит, как бы освободить мир от тирании Арамери? Кстати, вполне достойная цель, я очень даже ее поддерживаю. — Я призадумался и добавил: — Полагаю, я мог бы убить ее.

— Ни в коем случае. — Ликуя ни на йоту не повысила голоса, но нужды в этом и не было. Слова, которыми можно было резать бумагу, превратились в ножи, способные сдирать шкуру. — Как я уже сказала, Узейн Дарр не единственная закоперщица восстания. Убийство только сделает из нее мученицу, а остальных вдохновит на новые подвиги.

— А кроме того, — добавил Ахад, — те из богорожденных, что обитают в земном царстве, делают это благодаря долготерпению госпожи Йейнэ. Она со всей ясностью указала, насколько ей дорога независимость смертных, и теперь пристально наблюдает, не окажется ли наше присутствие пагубным для оной. Опять же, пожалуйста, не забывай, что она и сама когда-то была дарре. Насколько нам известно, Узейн в какой-то мере ей родственница.

Я покачал головой:

— Она больше не смертная. Эти соображения теперь не имеют для нее смысла.

— Ты настолько уверен?

Я промолчал, внезапно ощутив, что нет.

— Отлично. — Ахад сложил пальцы домиком. — Давайте убьем Узейн и посмотрим, что будет. Истинное наслаждение — натянуть нос

той, что славилась дурным нравом еще до того, как сделаться богиней смерти.

Я закатил глаза, но возражать не стал.

— Ну хорошо. Так какую цель я буду преследовать в Дарре?

Ликуя пожала плечами, что несколько удивило меня, потому что она выглядела какой угодно, но только не легкомысленной.

— Выясни, чего хочет Узейн. И, если это в нашей власти, предложи ей это.

— А откуда, во имя всех преисподних, мне знать, что вам с друзьями по силам, а что нет?

Ахад раздраженно хмыкнул:

— Крутись как угодно, но обещаний никаких не давай. Ври, если придется. Уж это-то у тебя должно получиться.

Вот поганое демонское отродье!

— Заметано, — сказал я и сунул руки в карманы. — Когда отправляться?

Надо было мне лучше подумать, прежде чем говорить такое. Ахад выпрямился в кресле, глаза у него сделались совсем черными. Потом он улыбнулся, добавив в улыбку изрядную толику своей обычной жестокости, и сказал:

— Ты же понимаешь, я никогда раньше такого не делал.

Я сразу встревожился, но постарался этого не показать.

— Такая магия почти ничем не отличается от обычной. Все дело в воле, — пояснил я.

Однако если его воля дрогнет…

— Знаешь, Сиэй… Я стал бы очень счастлив, если бы смог усилием воли лишить тебя бытия!

Нет уж, ни в коем случае нельзя показывать ему страх, решил я. Это свойство развилось в нем давным-давно: ему нравилось чувствовать себя могущественным и властным. Так что я облизнулся и посмотрел ему в глаза.

— А мне-то казалось, что тебе просто не было до меня дела, — заметил я. — Ты меня не любил, но и ненависти не питал.

— Это лишь усугубляет проблему. Быть может, мне слишком наплевать: а вдруг я из-за этого сделаю что-то не так?

Я глубоко вздохнул и покосился на Ликую: «Видишь теперь, с кем дела ведешь?..» Она, впрочем, не проявила никаких чувств, и ее прекрасное лицо осталось безмятежным. Вот из кого получилась бы отличная Арамери!

— Может, и нет. Но если тебе не совсем наплевать на… чистоту, так сказать, искусства, не будешь ли ты так любезен просто взять и единым

махом лишить меня бытия? В смысле, вместо того, чтобы растереть мои кишки тонким слоем по всей поверхности бытия? Я, видишь ли, прежде уже видел подобное. Уж очень неопрятно это выглядело.

Ахад рассмеялся. Однако некое ощущение тягостной опасности, сгущавшееся в комнате, до определенной степени рассеялось.

— Ну ладно, — сказал он. — Постараюсь. Знаешь, во всех делах я предпочитаю опрятность.

Реальность вокруг меня словно моргнула. Ощущение было такое, словно меня рассеяли на мелкие части и вытолкнули за пределы этого мира. Невзирая на угрозы, Ахад очень бережно обошелся со мной. Потом все вновь собралось воедино, и внутри меня, и вовне. Реальность словно сплавилась.

Арребайя была самым большим городом этого края, населенного испокон века враждовавшими племенами, которые тем не менее развивались все вместе, пока однажды не решили сообща держать оборону против всего остального мира. Я хорошо помнил времена, когда они еще не звались народом дарре, а существовали каждое само по себе: сомем, лапри и зторик. Я помнил и еще более ранние эпохи, когда эти племена были

всего лишь семьями, и совсем уже додревние, когда они представляли собой бродячие кучки людей без какого-либо названия. Теперь все было иначе. Я стоял на высокой стене близ центра города и, оглядываясь, втайне дивился достижениям былых дикарей. Густые, труднопроходимые джунгли, господствовавшие в этой части Дальнего Севера, зеленели далеко на горизонте. Их зелень напомнила мне чешую драконов, паривших над землями иных царств, равно как и глаза моей матери, когда ей случалось сердиться. Ветер доносил до меня запах влажного леса, полного жизни, яростной и недолговечной. А между мною и джунглями расстилался целый лабиринт улиц, храмов, статуй, садов — все они ярус за ярусом поднимались к городскому центру. Повсюду виднелась бледноватая зелень декоративной травы, выращиванием которой славился Дарр. В косом послеполуденном свете весь город переливался оттенками изумруда.

Прямо передо мной, совсем рядом, громоздилась массивная квадратная пирамида Сар-эн-на-нема. Я понял, что это и была моя цель, ибо коварство, как мне представлялось, никогда не было определяющим свойством Ахада.

Между тем мое прибытие не прошло незаме-

ченным. Я бросил взгляд со стены, на которой стоял, и заметил, что на меня смотрит старая женщина с мальчиком лет четырех или пяти. Улица была буквально запружена народом, но остановились только они. У них была ветхая тачка, на которой лежало несколько подвядших фруктов и овощей. Ну конечно: рынок, конец дня, неудачная торговля… Я уселся на край стены, свесил ноги и стал гадать, как, во имя демонов, мне с нее спускаться. Стена была добрых футов десять высотой, а мне с некоторых пор приходилось беспокоиться, как бы не переломать кости. Поганец Ахад!..

— Эй, внизу! — окликнул я по-сенмитски. — Не знаете, эта стена тянется до самого Сар-энна-нема?

Мальчишка нахмурился, но старуха лишь призадумалась.

— Все в Арребайе ведет к Сар-энна-нему, — ответила она, поразмыслив. — Только может статься, что тебе будет нелегко попасть внутрь. Чужестранцев в этом городе теперь привечают более прежнего, но в храм не пускают — таков приказ нашего энну…

— В храм?

— Сар-энна-нем, — неожиданно процедил

мальчишка презрительным тоном. — Да ты ничего, похоже, не знаешь!

Такого ужасающего акцента я не слыхал уже несколько веков. Он говорил вроде бы на сенмитском, но его густо разбавлял бурлящий поток даррской речи. Женщина говорила не в пример чище. Она явно очень рано выучила сенмитский, возможно что даже раньше даррского. У мальчишки все было ровно наоборот. Я проследил взглядом стайку его примерных ровесников, пробежавших мимо с визгом и криками. Они верещали исключительно на даррском.

— Вообще-то, я много чего знаю, — сказал я мальчишке. — Хотя, конечно, не все. Например, мне известно, что Сар-энна-нем некогда был храмом. Очень давно, еще прежде, чем Арамери взялись переделывать мир. Стало быть, его снова сделали храмом? — Я улыбнулся, потому что это известие искренне порадовало меня. — Чьим же?

— Всех богов, конечно! — Пацан подбоченился, явно решив, что наткнулся на круглого олуха. — Если не нравится, скатертью дорожка!

Бабка вздохнула:

— Потише, малыш. Я тебя не учила грубить гостям.

— Бабуля, но он же теманец! Вигви из школы говорит, что у них у всех плутовские глаза, им нельзя доверять!

Не успел я что-либо ответить, как бабка с неожиданным проворством влепила внучку подзатыльник. Тот взвизгнул, и я невольно съежился, сопереживая ему. Хотя, право же, сообразительный малый должен был думать, прежде чем распускать язык.

— Мы еще обсудим твое поведение, молодой человек, когда доберемся домой, — добавила старуха, и мальчишка, наконец виновато потупился. Бабка же снова подняла на меня взгляд. — Если ты не знаешь, что храм снова стал храмом, то и мне позволительно усомниться, что ты прибыл помолиться. Что тебе на самом деле нужно здесь, чужестранец?

— Ну, я, вообще-то, хочу повидаться с вашим энну, вернее, с его дочерью Узейн, — сказал я, смутно припоминая, как кто-то упоминал при мне барона Дарра. — Не подскажешь, где я могу его найти?

Старуха прищурилась и долго смотрела на меня, не торопясь отвечать. Вся ее поза излучала напряженное внимание, и от меня не укрылось, что она подалась немного назад — совсем чуточ-

ку, но я заметил. Ее правая рука переместилась к бедру, вроде бы повторяя движение внука, но, скорее всего, поближе к ножу, наверняка спрятанному в поясных ножнах. Не все даррские женщины воительницы, но насчет этой бабки никаких сомнений у меня не было.

Я продемонстрировал ей самую широкую, невинную и очаровательную улыбку, надеясь убедить старую женщину в своей полной безвредности. Руку от ножа она, увы, не убрала — похоже, моя улыбка уже не срабатывала так безотказно, как когда я был ребенком, — но губы все-таки дрогнули в подобии ответной улыбки.

— Тогда тебе надо в раринг, — сказала она и кивнула в западном направлении.

Слово показалось мне знакомым. На одном из старых торговых языков Дальнего Севера оно означало «место сбора воинов» или что-то вроде того. Там собирался воинский совет, наставлявший юную будущую энну в ее многотрудном и опасном восхождении к власти. Оглядевшись, я остановил взгляд на невысоком купольном здании неподалеку от Сар-энна-нема. Величием с храмом он ни в коей мере не равнялся, но дарре — это вам не амнийцы. Они своих предводителей не по внешности судили.

— Может, тебе еще о чем-нибудь рассказать? — поинтересовалась старуха. — Скажем, о том, сколько у нее стражников и как они вооружены?

Услышав это, я едва не закатил глаза, но тут меня посетила новая мысль.

— Да. Скажи мне что-нибудь на даррском!

Она так вскинула брови, что те едва не спрятались под волосами, но все же произнесла на родном языке:

— Какая жалость, что ты безумен, смазливый чужеплеменный мальчишка. Если бы не это, ты мог бы породить неплохих дочерей. Хотя, возможно, ты всего лишь наемный убийца-недоумок; в этом случае будет к лучшему, если кто-нибудь грохнет тебя прежде, нежели ты станешь отцом!

Я ухмыльнулся, поднимаясь на ноги и стряхивая со штанов травинки.

— Спасибо, тетушка, — сказал я на даррском.

У бабки и внука разом отвисли челюсти. С тех пор, когда я последний раз пользовался этим языком, он успел несколько измениться и звучал теперь отчасти похоже на менчейский — появилась манера тянуть гласные и шипящие. Надо думать, мой выговор показался им странноватым, и в дальнейшем мне определенно придется последить за жаргоном, который, конечно, тоже

изменился, однако за туземца я вполне сошел бы и теперь. Я отвесил обоим замысловатый поклон, наверняка давным-давно вышедший из моды, после чего подмигнул им и прогулочным шагом направился в сторону раринги.

Выбравшись на широкую мощеную площадь перед входом в здание раринги, я окончательно убедился, что я здесь далеко не единственный иноземец. Повсюду толкались группки людей. Местных, конечно, хватало, но очень многие были одеты в наряды чужедальних земель. Я предположил, что здесь собралось множество дипломатов: еще бы им не стремиться «поухаживать» за новой силой в этой части света, не составить мнение о женщине, к которой достаточно скоро перейдут бразды власти! Может, некоторые из них даже задумывались о возможности союза — тайно, конечно. Дарр по-прежнему был всего лишь маленьким Дарром, Арамери же оставались великими и ужасными Арамери. Однако не заметить того, что мир стоит накануне разительных перемен, мог только слепой. И один из центров, где зарождались грядущие перемены, находился именно здесь.

Удача продолжала мне сопутствовать: приблизившись к воротам, я обнаружил, что на страже

стоят мужчины. Несомненно, по той веской причине, что иноземцы во множестве прибывали из стран, где при власти были мужчины, и даррцы проявляли дипломатию, стараясь, чтобы те чувствовали себя как дома. Знать бы им, что в Дарре мужчины становились охранниками, только если не обладали телесными достоинствами для хорошей женитьбы. Или умом, позволяющим найти более достойное занятие, например, лесника или охотника. В общем, те двое, что стояли в воротах раринги, в упор не заметили того, на что непременно обратили бы внимание более смышленые люди: например, что при теманской внешности мои волосы не заплетены по-темански и что на мне простонародное одеяние. Они всего лишь окинули меня взглядами, убеждаясь, что я не увешан оружием в открытую, и кивнули, дозволяя войти.

Смертные склонны подмечать лишь то, что выбивается из общего фона, а я не выбивался. Походка и осанка вполне позволяли мне слиться с толпой чужеземцев, спешивших на какие-то встречи, и оравой слуг, сновавших то внутрь, то наружу сквозь высокие арочные двери раринги. Здание, кстати, было не особенно велико. Его явно строили в те времена, когда общественное

устройство Дарра было попроще нынешнего и народ запросто приходил поговорить со своими вождями.

Короче говоря, я легко нашел главный зал совета, всего лишь войдя в самые массивные двери. А там столь же легко вычислил, кто из восседающих на возвышении женщин Узейн Дарр. Это действительно оказалось нетрудно, ибо ее присутствие без преувеличения заполняло ранингу.

Ее никак нельзя было назвать крупной женщиной, даже по даррским меркам. Скрестив ноги, она сидела на ничем не украшенном низком диване в самой дальней стороне круга совета. Ее голова несколько возвышалась над прочими, поскольку остальные в основном лежали на подушках: кто на боку, опираясь на локоть, кто на спине. Не будь диванчика, ее стало бы трудно разглядеть среди более рослых и обильных телом соратниц. Плечи Узейн окутывали длинные — в несколько футов! — вызывающе прямые, полночно-черные волосы, частично собранные на макушке в замысловатую сеть узлов и косичек; остальные падали свободно. Черты смуглого лица были прекрасны вне зависимости от вкусов, хотя, конечно, ни один амниец в том не признался бы. А еще ее лицо так и дышало силой, то есть было

прекрасно и на даррский взгляд.

Возвышение совета было окружено рядами изогнутых скамей для удобства зрителей, могущих прийти сюда и наблюдать за процессом. Зрители и в самом деле присутствовали, не очень многочисленные и в основном даррцы. Я нашел пустую скамейку, устроился на ней и стал наблюдать. Узейн говорила мало — больше кивала, когда брала слово та или иная советница. Ее руки лежали на коленях таким образом, что локти торчали в стороны. Такая поза казалась мне излишне угрожающей, пока я запоздало не обратил внимание на ее чрево, выпиравшее над скрещенными ногами. Она ждала ребенка, и срок был порядочный.

Послушав, я вскоре разобрался, какой вопрос с таким жаром обсуждали на возвышении, и на меня напала тоска. Узейн с советницами решали, вырубать ли некоторую часть леса под посадки кофе. Невероятно захватывающая проблема! Наверное, я сглупил, понадеявшись, что они станут публично обсуждать действительно важные планы. Военные, например. Усталость и не до конца изжитое похмелье постепенно одолели меня, и я задремал…

Не знаю, сколько прошло времени, но кто-то

тряхнул меня за плечо, выдернув из довольно мутного сна, в котором господствовал живот беременной женщины. Открыв глаза, я увидел у себя перед носом точно такое же пузо и, ясное дело, решил, что еще сплю. Столь же естественным движением я потянулся к этому животу — погладить. Меня всегда завораживала беременность. Если смертные женщины не возражают, я люблю держаться поблизости, с восторгом ожидая мгновения, когда из ничего внезапно зарождается, вспыхивает детская душа — и начинает отзываться в моей. Ибо сотворение душ есть тайна, которую мы, боги, не устаем в своем кругу обсуждать. Когда в этот мир пришел Нахадот, его душа уже была полностью сформирована, невзирая на то что никакая мать не носила его в чреве. Кто же дал ему душу? Вихрь? Однако даровать душу может лишь одушевленное существо. По крайней мере, к такому выводу привели нас целые эпохи раздумий. Означает ли это, что Он тоже одушевлен? А если это верно, то откуда же взялась Его душа?..

Но все эти вопросы оказались неуместными, ибо, едва моя рука коснулась живота Узейн Дарр, как ее нож кольнул кожу у меня под глазом, и тут я проснулся сразу и полностью.

— Приношу извинения, Узейн-энну, — проговорил я, самым осторожным образом отводя руку.

Еще я хотел посмотреть на нее, но не смог: все мое внимание поглотил нож. Она управлялась с ним куда проворнее Гимн, и, пожалуй, этому не стоило удивляться. Похоже, я притягивал женщин, ловких в обращении с клинком.

— Просто Узейн, — ответила она на даррском. Это было грубовато по отношению к заведомому иноземцу и к тому же излишне, поскольку за нее очень внятно говорил нож. — Мой отец нынче слаб здоровьем, но он может прожить еще долгие годы, посрамляя недобрые пожелания наших врагов. — Она прищурилась. — Полагаю, теманским женщинам тоже не очень-то нравится, когда их лапают незнакомцы. Поэтому твоему поведению не может быть оправданий!

Я сглотнул и, оторвав взгляд от блестящего лезвия, наконец-то поднял взгляд.

— Приношу извинения, — повторил я, также переходя на даррский. Она чуть приподняла бровь. — Сможешь ли ты простить меня, если я скажу, что мне как раз снилась женщина, подобная тебе?

Ее губы дрогнули, почти готовые улыбнуться.

— Ты сам еще мальчик, — сказала она. — Не-

ужели ты уже стал отцом? А если так, почему ты не сидишь дома и не вяжешь своим малышам теплые одеяльца?

— Я не отец и никогда им не буду. И ни одна женщина не пожелала бы детей, которые могут пойти в меня. — Моя улыбка начала меркнуть, когда я вспомнил Шахар, и я решительно прогнал ее образ. — Поздравляю тебя с благополучным зачатием. Да будут твои роды быстрыми, а дочь — сильной!

Она пожала плечами и, чуть помедлив, убрала нож от моего глаза. Однако в ножны убирать не поторопилась, что следовало расценивать как предупреждение.

— Ребенок будет таким, каким его сделает судьба. Может, это еще один сын, поскольку мой муж, кажется, на большее не способен. — Она вздохнула и уперла свободную руку в бедро. — Я приметила тебя во время заседания совета, красавчик, и решила поподробнее разузнать, кто ты такой. Ты интересен мне еще и потому, что теманцы больше не утруждают себя поездками к нам: они встали на сторону Арамери и не скрывают этого. Итак, кто ты? Подсыл?

Я опасливо покосился на все еще обнаженный клинок, прикидывая, как ловчее соврать. После

чего решил вывалить правду — благо та была настолько невероятна, что Узейн вполне могла и поверить.

— Я — богорожденный. Меня прислало общество младших богов, основанное в Тени. Нам там, знаешь ли, кажется, что ты собираешься разнести этот мир. Так вот, не могла бы ты остановиться?

Она отреагировала совсем не так, как я ждал. Я думал, она уставится на меня, открыв рот, или расхохочется. Вместо этого она долго рассматривала меня очень серьезным и внимательным взглядом, и я ничего не мог прочесть по ее лицу.

После чего убрала нож в ножны.

— Идем, — сказала она.

Мы отправились в Сар-энна-нем.

Пока я дремал на скамье, настала ночь и над ветвящимися каменными улицами взошла полная луна. У меня было лишь несколько мгновений, чтобы полюбоваться этим зрелищем, и вот уже я и Узейн Дарр в сопровождении двух женщин с колючими взглядами и некоего молодого красавца (он приветствовал Узейн поцелуем, а меня — угрожающим взглядом) вошли внутрь храма. Я обратил внимание, что одна из охранниц тоже беременна. Это было почти незаметно из-за плотного и коренастого сложения, но душа

ребенка уже расцвела, и я ощутил ее.

Как только мы переступили порог святилища, я понял, зачем Узейн привела меня сюда. Здесь отовсюду веяло верой и магией — они плясали по моей коже, точно дождевые капельки по воде пруда. Я блаженно закрыл глаза, впитывая эти дивные прикосновения. Я шел по сверкающей мозаике пола, и вновь пробудившееся восприятие мира направляло мои шаги. Как же давно я не ощущал мир настолько полно! Прислушавшись, я расслышал бродившее под арками Сар-эннанема эхо песен, что звучали здесь еще до Войны богов. Я облизывал губы и чувствовал на них вкус пряного вина, некогда использовавшегося для приношений; к вину была подмешана кровь. Я простер руки, погладил намоленный воздух храма и задрожал, когда воздух ответил лаской на ласку.

Иллюзии и воспоминания… Только они у меня и остались. И я наслаждался ими, пока еще мог.

Когда мы вошли, народу в храме было совсем немного. Мужчина в одеянии жреца, дородная женщина с двумя хнычущими младенцами на руках, несколько верующих в чертоге молений. И ненавязчиво присутствующая охрана. Я миновал сперва их, потом небольшие мраморные статуи,

что стояли повсюду на постаментах. Меня вело созвучие душ. Когда я наконец-то открыл глаза, статуя, перед которой я остановился, смотрела на меня с очень нехарактерной серьезностью на тонко вырезанном лице. Подняв руку, я коснулся круглощекой и все-таки нахальной мордашки, сожалея о своей утраченной прелести.

В голосе Узейн Дарр не прозвучало ни малейшего удивления.

— Так я и подумала. Добро пожаловать в Дарр, господь Сиэй. Право, я слышала, будто со времени кончины Теврила Арамери ты напрочь перестал вмешиваться в дела смертных.

— Да, так и было. — Я отвернулся от собственного изваяния и упер руку в бедро, приняв такую же позу. — Однако обстоятельства воззвали ко мне, и вот я здесь.

— И ты взялся помогать Арамери, которые некогда поработили тебя?

Надо отдать ей должное, смеяться она не стала.

— Нет. Я это делаю не ради них.

— Значит, для Ночного Хозяина? Или ради моей обожествленной предшественницы, Йейнэ-энну?

Я покачал головой и вздохнул:

— Нет. Я делаю это для себя. И еще нескольких других богорожденных и смертных, которые не желают возобновления хаоса, предшествовавшего Войне богов.

— Иные склонны называть то время «свободой». Думается, и ты мог бы употребить это слово, особенно если учесть, что было потом.

Я медленно кивнул и снова вздохнул. Произошла большая-пребольшая ошибка. Не надо было Ликуе посылать меня с таким поручением. Не выйдет у меня успешных переговоров с Узейн, потому что ее цели совсем мне не противны. И меня не слишком заботило, окажется ли смертное царство вновь ввергнуто в череду жестоких усобиц. Все, о чем я на самом деле мог думать, — это…

…Шахар, ее глаза, полные такой нежности, какую я не рассчитывал узреть, пока учил ее всему, что мне известно об удовольствиях плоти. Дека-ребенок, каким я его помнил, его застенчивая улыбка, его стремление при любой возможности придвинуться вплотную ко мне…

Отвлечение. Напоминание. Я выругался.

— Припоминаю, как в те времена выглядел ваш мир, — негромко проговорил я. — Я помню, как младенцы Дарра умирали от голода в колыбельках, потому что чужеземцы сжигали ваши леса.

Я помню, как вода в реках багровела от крови, а поля зарастали жирной зеленью, плодоносившей на крови. Неужели тебе хочется, чтобы такое повторилось?

Узейн подошла ближе, глядя не столько на меня, сколько на мою статую.

— Это не ты, часом, создал Ходячую Смерть? — спросила она.

Я дернулся от удивления и внезапного предчувствия беды.

— Именно от тебя следовало бы ожидать создания такого рода болезни, — беспощадно мягким голосом продолжила она. — Такой… плутовской. Со времен Йейнэ-энну у нас больше не было вспышек, но я читала старые хроники. Болезнь таится неделями, не подавая никаких признаков и распространяясь все шире. А когда она наконец проявляется, больные кажутся даже более оживленными, чем обычно, но лихорадка уже выжгла в них разум. Они ходят, но лишь продолжают заражать все новые жертвы…

Я не мог поднять на нее глаз. Мне было стыдно. Но, когда она заговорила вновь, меня поразило звучавшее в ее голосе сострадание.

— Никто из смертных не должен обладать такой властью, как Арамери в те времена, когда

ты был у них в рабстве. И ни у кого из смертных не должно быть такой власти, как у них сейчас. Законы, писцы, войско, прикормленные вельможи. Богатство, награбленное у вырезанных или порабощенных народов. Даже история, какой ее преподают нашим детям в Белых Залах, превозносит их до небес, смешивая с грязью всех остальных. Вся цивилизация до последнего колесика работает на сохранение могущества Арамери. Так они и выживали с тех времен, как утратили вас, Энефадэ.

По этой же причине единственным решением оказывается уничтожение всего, что было ими построено. И плохого, и хорошего, потому что хорошее тоже заражено. Только новое и чистое начало позволит нам обрести истинную свободу!

Однако эти слова вызвали у меня только улыбку.

— Новое и чистое начало? — повторил я и посмотрел на свое изваяние. Представил его пустые глаза зелеными, как мои. Как глаза Шинды, давно умершего сына-демона Итемпаса. — Ради этого начала вам следовало бы обратиться к временам до эры Светозарного. И припомнить, что, собственно, вызвало ее, Войну богов, которая и отдала меня и других Энефадэ под власть Араме-

ри. Причиной войны стали наши свары. Наши любовные притязания, обернувшиеся вселенским кошмаром…

Узейн помалкивала у меня за спиной — вероятно, от удивления.

— Если вы действительно хотите начать с чистого листа, вам следует избавиться не только от Арамери, но и от нас, богов. Сжечь все книги, где есть хоть полсловечка о нас. Разбить все статуи, в том числе и это прелестное изваяние. Вырастить детей, понятия не имеющих о сотворении мира и о нашем существовании: пусть сами придумывают, как все объяснить. Да, еще не забывайте убивать всех ребятишек, которые хотя бы задумаются о магии. Вот до какой степени мы отравили и заразили человечество, Узейн Дарр.

Я повернулся к ней и протянул руку. На сей раз, когда я приложил ладонь к ее пухлому чреву, она не схватилась за нож, лишь вздрогнула и сжалась. Я улыбнулся:

— Мы — в вашей крови. Благодаря нам вы постигли все чудеса и ужасы свободного выбора. И в один прекрасный день, если вы не поубиваете друг друга, а мы не поубиваем вас, вы сможете стать нами. Так какого же незамутненного начала вы реально хотите?

Она с трудом сглотнула. Я чувствовал, как она что-то искала в себе. Мужество? Решимость? Дитя под ладонью толкнулось, потянувшись к моей руке. Я на мгновение ощутил, как сияющая новенькая душа забилась в согласии с моей. Душа мальчика. Увы бедолаге-мужу Узейн…

Через какое-то время Узейн глубоко вздохнула.

— Ты хочешь узнать наши планы, — сказала она.

— Помимо прочего — да.

— Тогда идем. — Она кивнула. — Я тебе все покажу.

Сар-энна-нем — пирамида. Статуи богов и место для молений занимают лишь верхний зал. На нижних уровнях можно найти кое-что намного более интересное.

Например, маски.

Мы стояли в своеобразной галерее. Сопровождающие оставили нас по незаметному сигналу Узейн, лишь злобно косящийся муж притащил непривычного вида скамеечку, чтобы она могла сесть. Теперь она наблюдала за тем, как я расхаживал, по очереди рассматривая каждую маску. Они занимали все полки, были вмурованы между ними в стены, искусно расставлены на обширных столах. Я даже заметил несколько

штук, прилаженных на потолке. Их тут было, наверное, сотни: всех цветов, размеров и внешнего вида. Но имелось и кое-что общее. Все были овальной формы. Все с отверстиями для глаз, но с сомкнутыми губами. И еще: все были прекрасны. И могущественны. Но это могущество не имело никакого отношения к магии.

Остановившись у какого-то стола, я стал внимательно рассматривать одну маску, от вида которой у меня внутри что-то запело. Передо мной лежало само детство: округлые гладкие щеки, проказливо улыбающийся рот, огромные распахнутые глаза и широкий лоб, готовый наполниться знаниями. Вокруг рта вилась затейливая инкрустация и раскраска, присутствовал и реалистичный, и абстрактный рисунок. Ямочки от смеха, геометрические узоры… Маска намекала, что улыбка этих губ могла означать как простую радость, так и упоение жестокостью. Глаза же могли светиться как блаженством новых открытий, так и ужасом при виде всех зол, что творят смертные над своими детьми. Я коснулся недвижного рта. Всего лишь дерево и краска. И все же…

— Этот искусник был мастером, — произнес я.

— Искусники. Искусство изготовления масок

— не исключительная принадлежность культуры Дарра. Их и менчейцы делали, и токийцы. А изначально все наши племена научились этому у народа, называвшегося гинджи. Ты их, наверное, помнишь.

О да, помнил. Это было обычное истребление в духе Арамери. Чжаккарн, используя свои бесчисленные личины, выследила и затравила всех смертных, принадлежавших к этому племени. Курруэ вымарала все упоминания о них из книг, свитков, сказаний и песен, а свершения гинджи приписала другим. А я? Что сделал я? Я запустил всю эту кухню, обманом вынудив короля гинджи оскорбить Арамери и дать им повод для нападения.

Узейн кивнула:

— Они называли это искусство «тускьи». Не знаю, что это слово означало на их языке. У нас оно стало называться «туск».

Она перешла на сенмитский, чтобы я оценил каламбур. Корень слова как бы намекал на изначальное предназначение масок: в определенном смысле затенить, уменьшить носителя, сведя его личность к архетипу, которому соответствовала маска.

Я подумал о том, что могло получиться, если

этим архетипом была Смерть. Вспомнил Невру и Крисцину Арамери — и понял.

— Все началось с шутки, но со временем название закрепилось. После истребления гинджи мы утратили многие их изобретения, но, полагаю, наши мастера туска восполнили все утраты.

Я кивнул, по-прежнему глядя на Детство:

— И много у вас подобных умельцев?

Она пожала плечами:

— Хватает…

Я понял, что она не собиралась быть до конца откровенной.

— Этих искусников стоило бы переименовать в убийц, — произнес я и, сказав это, повернулся к Узейн.

Она смотрела на меня спокойно и ровно.

— Если бы я собралась убивать Арамери, — медленно и размеренно проговорила она, — я бы не стала губить их по одному или мелкими кучками. И тянуть с этим я тоже не стала бы.

Она не лгала. Я опустил руки и нахмурился, силясь уразуметь. Как могло оказаться, что она говорила правду?

— Но с их помощью можно творить магию, — сказал я, кивая в сторону маски детства. — Каким-то образом, но можно…

Она подняла бровь:

— Я не знаю тех, на кого ты работаешь, господь Сиэй. И целей ваших не представляю. Так с чего мне делиться с тобой секретами?

— Мы могли бы тебя очень даже заинтересовать.

Взгляд, который она на меня бросила, иначе как презрительным назвать было нельзя. Я был вынужден признать: я пытался действовать избитыми приемами, а они тут не действовали.

— Нет ничего такого, что ты мог бы мне предложить, — сказала она и встала с некоторой неловкостью, присущей беременным. — Ничто из того, в чем бы я нуждалась или желала от кого-либо, будь он бог или смертный.

— Узейн, — окликнул мужской голос.

Я вздрогнул от неожиданности и обернулся. В проеме открытой двери галереи стоял мужчина, озаренный мерцающим факельным светом. Сколько он уже стоял там? Оказывается, мое восприятие мира снова угасало. Мне показалось, что его силуэт колебался, и сперва я приписал это неверному освещению, но потом до меня дошло, кого я вижу: это был богорожденный, довершавший творение своего тела для пребывания в царстве смертных. Но когда его лицо окончатель-

но обрело черты…

Я моргнул. Нахмурился…

Вот он шагнул вперед, выходя на свет. Черты лица, которые он для себя выбрал, уж точно не предназначались для слияния с окружающим фоном. Он был невысок, примерно моего роста. Смуглая кожа, карие глаза, темно-коричневые губы — вот и все, что роднило его с какой-либо внятной человеческой внешностью. Все прочее оказалось жутким смешением: теманские косички на апельсиново-рыжих волосах островитянина при высоких угловатых скулах уроженца Дальнего Севера. У него что, не все дома, раз он вздумал перемешать в себе настолько несочетаемое? То, что мы могли придать себе какой угодно облик, вовсе не означало, что так и следует поступать.

Но это оказалось еще не самой главной проблемой.

— Привет, братец, — неуверенно выговорил я.

— Ты меня узнаешь? — отозвался он, останавливаясь и засовывая руки в карманы.

— Не совсем…

Я облизнулся, мучаясь от сбивающего с толку ощущения, что я его действительно некоторым образом знал. Его лицо было мне незнакомо, но

это ничего не значило: никто из нас в царстве смертных не сохранял истинную внешность. Но вот что касается осанки и голоса…

И вдруг я вспомнил. Тот сон, что посетил меня несколькими днями раньше! Я и забыл его — благодаря предательству Шахар. «Ты боишься?» — спрашивал он меня…

— Да, — поправился я, и он наклонил голову.

Узейн скрестила на груди руки.

— Зачем ты явился сюда, Каль? — спросила она.

Каль… Это имя было мне незнакомо.

— Я ненадолго, Узейн. Я лишь заглянул предложить тебе показать Сиэю самые интересные из твоих масок — раз уж он настолько любопытен.

Он обращался к ней, но продолжал смотреть мне в глаза.

Уголком глаза я заметил, как дернулась мелкая мышца у подбородка Узейн.

— Та маска еще не завершена, — возразила она.

— Он спрашивал, насколько далеко ты готова зайти. Вот и пускай смотрит.

Она резко мотнула головой:

— Хочешь сказать, как далеко готов зайти ты, Каль. Мы никак не замешаны в твоих планах.

— О, я бы не спешил такое утверждать, Узейн. Твои люди очень даже обрадовались помощи, когда я предложил ее, хотя кое-кто догадывался, какова будет цена. Я ведь вас не обманывал. Это ты решила отступиться от нашей договоренности.

Воздух странным образом задрожал, и что-то в облике Каля снова изменилось, причем дело было не во внешности. Некий аспект его природы? Ну да, конечно же: если Узейн действительно нарушила какую-то сделку, он видит в ней мишень для своей мести. Я посмотрел на нее, гадая, понимает ли она, насколько опасно обзавестись божественным врагом. Ее губы оставались плотно сжатыми, но лицо блестело от пота. Она внимательно наблюдала за Калем, а правая рука чуть заметно подергивалась, готовая схватиться за нож. О да! Она знала.

— Ты использовал нас, — проговорила она.

— А ты — меня. — Он вскинул подбородок, по-прежнему не сводя с меня взгляда. — Но сейчас я хочу сказать о другом. Разве ты не хочешь, чтобы твои боги увидели, насколько могущественной ты стала, Узейн? Так покажи ему!

Узейн издала какой-то безнадежный звук, в котором я услышал смесь страха и раздраже-

ния. Подойдя к одной из стенных полок, она отодвинула стоявшую там книгу. Открылось замаскированное отверстие. Она запустила туда руку и что-то потянула. Откуда-то из недр стены раздался глухой лязг, словно там отодвинулся невидимый снаружи засов, и вся стена начала поворачиваться вовнутрь.

Наружу тотчас устремился такой поток силы, что меня даже качнуло. Я ахнул и хотел было отпрянуть, но при этом забыл о нынешней длине своих ног. Споткнувшись, я еле успел ухватиться за какой-то столик и только поэтому устоял. Волны, накатывавшие изнутри, ощущались… как Нахадот в самом гадостном расположении духа. Нет, еще хуже! На меня словно навалились разом все царства этого мира, грозя раздавить… нет, не тело, а разум.

Пока я там задыхался, а пот капал со лба на дрожащие руки, вцепившиеся в столик, до меня вдруг дошло: а ведь нынешний ужас мне знаком.

«Есть отклик», — как говорил Нахадот.

Сделав отчаянное усилие, я заставил себя поднять голову. Моя плоть попросту отказывалась держаться. Приходилось бороться за то, чтобы оставаться материальным: я не был уверен, что, утратив вещественность, сумею собраться воеди-

но. Я увидел, как Каль в дальнем конце комнаты тоже подался назад, упираясь ладонью в дверной косяк. Впрочем, на его лице не было удивления, он просто терпел, молча и мрачно. Однако к этой мрачности примешивался и своеобразный восторг.

— Что… — прохрипел я. Я пытался сосредоточиться на Узейн, но зрение подводило. — Что… это… такое?

Она ступила в потайную нишу, что обнаружилась за стеной. Там, на постаменте из темного дерева, покоилась еще одна маска. Она имела очень мало общего с остальными. Казалось, она была сделана из матового стекла, да и форма выглядела более замысловатой, нежели простой овал: гофрированные края имели сложный геометрический рисунок. Я сразу подумал, что она должна причинять боль тому, кто приложит ее к лицу. А еще эта маска была заметно крупнее обычной. На лбу и по линии нижней челюсти у нее имелись выступы, некоторым образом напомнившие мне крылья. Они заставляли думать о полетах. О падении вниз, вниз, сквозь крутящуюся воронку, чьи ревущие стены грозили разнести все смертное царство…

Узейн взяла ее, явно не замечая источаемую

ею мощь. Неужели она ничего не чувствует? Как она может приближать дитя к предмету с таким ужасающим могуществом? Между тем в нише никаких факелов не было — маска испускала свое собственное неяркое сияние. Когда ее коснулась Узейн, мне на миг померещилось какое-то движение. Стекло вроде как обернулось смуглой человеческой плотью наподобие прикоснувшейся к ней руки, но потом вновь стало стеклом.

— Эта маска, по словам Каля, обладает особой силой, — сказала Узейн, обернувшись ко мне. Потом, прищурившись, взглянула на Каля, и тот кивнул в ответ, хотя ему было явно не по себе. Впрочем, его стоическое выражение могло скрыть что угодно. — Когда она будет завершена, то, согласно предсказанию, одарит божественностью того, кто ее наденет.

Я так и замер. Потом глянул на Каля. Тот лишь улыбнулся.

— Это невозможно, — сказал я.

— Еще как возможно, — возразил он. — И живое тому доказательство — Йейнэ.

Я затряс головой:

— Она особая. Она — не как все. Ее душа…

— Да знаю я.

Его взгляд дышал холодом ледников, и я вспом-

нил мгновение, когда он решил стать моим врагом. Может, у него и тогда было на лице такое же выражение? Если так, мне следовало лучше стараться, чтобы заслужить его прощение.

— Сочетание множества элементов, явленных в точно отмеренных пропорциях и силе, причем в строго определенное время. Вот и весь рецепт божественности. — Он указал рукой на маску, и его рука задрожала и расплылась, прежде чем он ее опустил. — Божественная кровь, смертная жизнь, магия, искусство и причуды случайности. И это еще не все, что сошлось в этой маске, а ради чего? Чтобы внушить всем, кто на нее смотрит, некую *мысль*.

Узейн водворила маску на резной деревянный лик, служивший подставкой.

— Верно, — подтвердила она. — И первая же смертная, что попробовала ее надеть, сгорела насмерть в огне, вспыхнувшем изнутри. Горела она целых три дня и все это время страшно кричала. Огонь же был до того жарким, что мы были не в состоянии приблизиться к ней и прекратить ее муки. — Она сурово посмотрела на Каля. — Эта вещь — зло!

— Лишь в незавершенном состоянии, — парировал он. — Первозданная энергия творения не

несет в себе ни зла, ни добра. Но когда маска будет готова, она взобьет их, смешает и породит нечто небывалое… и чудесное.

Он ненадолго умолк, его взгляд обратился как бы внутрь, и даже голос зазвучал тише, словно он говорил сам с собой. Но я-то понимал, что слова были обращены ко мне.

— Я не намерен оставаться рабом судьбы. Я приму и подчиню ее и стану тем, кем желаю быть.

Узейн покачала головой:

— Ты безумен. Предполагается, что мы вложим всю эту мощь в твои руки, и только демоны знают, как ты употребишь ее. Ну уж нет. Покинь это место, Каль. Хватит уже с нас твоей помощи.

Мне было больно. Незавершенная маска… Она напомнила мне Вихрь: сошедшая с ума мощь, творение, пожирающее самое себя. Я не был еще смертным в достаточной степени, чтобы не чувствовать ее власти. Однако плохо мне было не только от этого. Что-то еще наваливалось на меня подобно надвигающемуся приливу, норовя свалить на колени. Присутствие маски обострило мое божественное восприятие, позволив это почувствовать, но плоть была слишком человеческой и не могла выносить такое могущество, сжатое в тесном объеме.

— Ты кто? — спросил я Каля на нашем языке, выталкивая слова между судорожными вздохами. — Элонтид? Расхожденец?..

Только этим и можно было объяснить исходящие от него мятущиеся токи. Решимость и скорбь, ненависть и влечение, честолюбие и одиночество. Вот только откуда взяться на свете еще одному элонтиду? Родиться во время моего заточения он просто не мог, ибо Энефа была мертва и боги на тот период утратили способность плодиться. И кто мог родить его? Единственным из Троих, кто мог создать его, был Итемпас, но Итемпас не путался с богорожденными.

Каль улыбнулся. К моему удивлению, в улыбке не читалась жестокость, была лишь та необычная скорбная решимость, которую я отметил в его голосе еще во сне.

— Энефа мертва, Сиэй, — тихо ответил он. — Не все ее труды с нею исчезли, но некоторые все же пропали. Я вот помню. И ты вспомнишь — со временем.

Вспомню — что?

забыть

Забыть — что?..

Каль вдруг зашатался, кое-как устоял, схватившись за дверь, и вздохнул.

— Хватит, — сказал он. — Покончим с этим позже. Пока же прими совет, Сиэй: разыщи Итемпаса. Только его сила может спасти тебя, да ты и сам это знаешь. Разыщи его и живи так долго, как сможешь. — Когда он выпрямился, стало видно, что у него зубы хищника, острые, точно иголки. — И когда придет время умирать, умри богом. От моей руки. В битве.

И он исчез. Я остался один, беспомощный, разрываемый буквально на части могуществом маски. Моя плоть снова пыталась распасться, и больно было так, словно ей это уже удалось. Я закричал и потянулся к кому-то — все равно к кому, — ища избавления. Нахадот… Нет, только не он. И не Йейнэ. Я не хотел, чтобы они приближались к этой маске: почем знать, что она могла с ними сделать? Но мне было так страшно… Я не хотел умирать. Не сейчас.

Мир вокруг меня вдруг свернулся. Я проскользнул сквозь него, хватая ртом воздух…

Грубые руки ухватили меня, перевернули на спину. Надо мной возникло лицо Ахада. Не Нахадот, конечно, но до чего же похож. Он хмурился, осматривая и ощупывая меня, пуская в ход иные чувства. Вид у него был озабоченный.

— А тебе не плевать, — сказал я, уже уплывая

куда-то.

После чего на некоторое время перестал думать.

12

Проснувшись, я рассказал Ахаду обо всем, что видел в Дарре, и у него на лице появилось довольно странное выражение.

— Совсем не то, что мы подозревали, — пробормотал он вполголоса. Потом посмотрел на Ликую — та стояла у окна, сцепив за спиной руки, и смотрела на тихую в этот час улицу. В этой части мира близился рассвет. В «Гербе ночи» подходил к завершению рабочий день.

— Созови остальных, — велела она. — Встретимся завтра вечером.

В общем, Ахад отпустил меня на весь день, для начала приказав слугам снабдить меня едой, деньгами и новой одеждой, поскольку прежняя мне уже не годилась: я опять повзрослел, на этот раз уже лет на пять, одним махом проскочив последний этап телесного роста. Я сделался на два дюйма выше и отощал еще больше, превратившись едва ли не в скелет. Мое тело преобразовало имеющуюся плоть, перелив ее в новую форму, и ее едва хватило, не говоря уже об излишках. Теперь мне было прилично за двадцать, и детство безнадежно осталось в прошлом. Божественное

ушло, осталось лишь человеческое.

Выйдя на улицу, я отправился в дом Гимн. В конце концов, ее семья вроде как содержала гостиницу, а поскольку теперь у меня имелись деньги, поход туда имел смысл. Гимн испытала явное облегчение, увидев меня. Изменения в моей внешности немало озадачили ее, и она даже притворилась, будто встревожена. Ее родители мне не слишком обрадовались, но я пообещал не пускаться на подвиги в непосредственной близости от их дома. Это было просто, поскольку теперь я ничего не мог.

Они поселили меня в комнате на чердаке.

Там я слопал всю еду из корзинки, что упаковали для меня Ахадовы слуги. Корзинка была немаленькая, но и дожевывав последний кусок, я все еще чувствовал голод. Тем не менее насытился я достаточно, чтобы уделить внимание другим нуждам. Я свернулся калачиком на постели (жесткой, но чистой) и стал смотреть, как в единственном окне встает солнце. Мои мысли занимала одна тема — смерть.

Вероятно, теперь я могу убить себя. Обычно богу бывает не так-то просто наложить на себя руки — уж очень мы существа жизнерадостные. Даже если мы усилием воли отказываемся от

существования, насовсем это не срабатывает: рано или поздно мы забываем, что вроде как умерли, и снова принимаемся мыслить. Йейнэ может меня убить, но ее я никогда об этом не попрошу. Некоторые мои родственники, а также Наха могли бы и сделали бы это, ибо понимали, насколько невыносимой может сделаться жизнь. Однако в них я более не нуждался. События двух последних вечеров подтвердили то, о чем я и раньше подозревал: то, что в прошлом лишь ослабило бы меня, теперь могло прикончить. Так что, если у меня хватит решимости вытерпеть боль, я смогу умереть, когда пожелаю: достаточно лишь предаваться мыслям, идущим против моей природы, пока я не превращусь в старика, а затем и в бездыханное тело.

А может, все даже проще. Теперь я волей-неволей должен есть, пить и испражняться. Это означало, что я мог страдать от голода и жажды, а кишки и прочие органы стали не только данью традиции — я в них в самом деле нуждался. И, если их повредить, они заново не отрастут.

Так каков же он, самый захватывающий способ самоубийства?

Кончина от старости меня точно не привлекала. В этом Каль был совершенно прав. Если

уж помирать, я предпочел бы умереть в своем естестве, будучи если не ребенком, то, во всяком случае, Сиэем Плутишкой. Я всю жизнь ярко сиял. Так почему бы не просиять и в смерти?

Я решил, что дождусь наступления пожилого возраста. Уж к тому времени я точно успею изобрести что-нибудь интересное.

С этой жизнеутверждающей мыслью я и заснул.

Я стоял на утесе за пределами города, упоенно созерцая чудо: Небо-в-Тени и зеленую громаду Мирового Древа.

— Привет, братец.

Я обернулся, моргая, хотя не очень-то и удивился. Когда самые первые смертные отрастили мозги, способные на нечто большее, чем поддерживать биение сердец и думать о пище, мой брат Нсана нашел удовлетворение в случайных хитросплетениях их сновидческой жизни. До того он был странником и моим любимым товарищем по играм, таким же необузданным и свободным, как и я. Только в нем всегда сквозила некая грусть. Опустошенность. До тех пор, пока смертные не начали видеть сны. Это и наполнило его душу.

Я улыбнулся ему, наконец-то поняв ту печаль, которая снедала его в те бесконечные пустые

годы, пока он не осознал собственную природу.

— Вот, значит, и доказательство, — проговорил я.

У меня были карманы, и я сунул в них руки. Мой голос звучал тонко: я опять стал мальчишкой. Хотя бы во сне я все еще был собой.

Нсана улыбнулся, идя ко мне по окаймленной цветами дорожке, и те колыхались без всякого ветра. На краткий миг моему взору предстала его истинная сущность: безликая, цвета стекла, преломляющая окружающее через искажающие линзы тела, конечностей и лишенного черт лица. Потом Нсана вновь обзавелся деталями и цветами, но не теми, которые можно видеть у смертных. Он вообще ничего не делал как смертные, если мог без этого обойтись. В этот раз он выбрал себе кожу, похожую на небеленое камчатное полотно с завитками рельефного узора, а волосы напоминали темнокрасное вино, расплескавшееся и замороженное на лету. Радужные оболочки его глаз были янтарного цвета, словно отполированное окаменевшее дерево, — прекрасные, но несколько пугающие, словно у змеи.

— Доказательство чего? — спросил он, останавливаясь передо мной. Он говорил легко, немного поддразнивая, словно мы с ним виделись только

вчера, а не эпоху назад.

— Моей смертности. Иначе бы я тебя не увидел.

Я улыбался, но знал, что он распознает в моем голосе правду. Он, в конце-то концов, покинул меня ради смертного человечества. Я сумел это пережить, будучи уже достаточно большим мальчиком. Но и притворяться, будто этого не было, не собирался.

Нсана слегка вздохнул, миновал меня и остановился у края скалы.

— Боги тоже могут видеть сны, Сиэй. Ты всегда мог найти меня здесь.

Я принялся ковырять землю ногой.

— Терпеть не могу сны…

— Знаю. — Он уперся руками в бедра, с явным восхищением разглядывая созданный мною сновидческий пейзаж. В отличие от недавно приснившегося мне царства богов, этот пейзаж не являлся простым воспоминанием. — И это очень плохо, потому что у тебя так здорово получается.

— Ничего у меня не получается. Я ничего не делаю. Это все сон.

— Делаешь, и еще как. Сон — это ведь твое творение. Все это… — он широким жестом обвел все, что нас окружало, и по ходу движения его руки

пейзаж волновался, — все это — ты. И даже тот факт, что ты позволил мне явиться сюда, есть твое деяние, потому что прежде ты никогда этого не позволял. — Он опустил руки и посмотрел на меня. — Даже в те годы, когда был рабом Арамери…

Я вздохнул, ощущая усталость даже во сне.

— Что-то мне сейчас совсем не хочется думать, Нса. Пожалуйста…

— А тебе никогда не хочется думать, глупый ты мальчишка.

Нсана подошел ближе, обнял меня за плечи и притянул к себе. Я для вида посопротивлялся, но он знал, что это только для вида, и мгновение спустя я вздохнул и опустил голову ему на грудь. Только это оказалась не грудь, а плечо, потому что я вдруг сделался выше ростом и перестал быть ребенком. Когда я удивленно вскинул голову, Нсана испустил долгий вздох и взял мое лицо в ладони для поцелуя. Этим он не имел в виду разделить себя со мной; я и так стоял объятый им, а он — мной. Но я припомнил иные поцелуи, иные пласты бытия, когда невинность и сны были двумя сторонами одной монетки. В те времена я полагал, что мы весь остаток вечности проведем вместе.

Сновидческий пейзаж стал меняться. Когда мы

отстранились, Нсана вздохнул, и тканые черты его лица сложились по-новому. Они на что-то намекали, но ничего не значили.

— Ты больше не дитя, Сиэй, — сказал он. — Пора взрослеть.

Мы стояли на улице Первого Города. Все, чего достигнут или могли бы достичь смертные, уже существует в царстве богов, где время не данность, а скорее принадлежность, а сути Троих смешиваются то так, то этак в зависимости от их капризов и настроений. Теперь, когда Итемпас был низложен и изгнан, от его порядка остались только смутные воспоминания. Город, вполне узнаваемый еще несколько лет назад, стал теперь едва знакомым. Он к тому же менялся каждые несколько мгновений, повинуясь некоему циклу, постичь который мы не могли. А может, все из-за того, что дело происходило во сне? Если рядом Нсана, поди разбери.

Так что мы с ним пошли мощеными улицами, которые превращались в гладкие тротуары и сменялись движущимися металлическими дорожками, а потом, словно утомившись, вновь делались мостовой. За нами на тропинках вырастали грибы и тотчас обращались в прах. Каждый квартал — а некоторые из них были круглыми —

являл глазу то приземистые здания из крашеного дерева, то высеченные из мрамора величавые купола, а временами и домики под тростниковыми крышами. Из любопытства я заглянул в одно из этих зданий сквозь окошко. Внутри было темновато, лишь громоздились какие-то тени, слишком расплывчатые и неясные, чтобы посчитать их за мебель, а стены украшали какие-то пустые картины. Что-то придвинулось к окошку изнутри, и я поспешно отскочил. Я ведь больше не был богом. Осторожность не помешает.

Мы то и дело оказывались в тени гигантских башен из стали и стекла, что плыли, подобно облакам, в нескольких метрах над землей. Одна из них два квартала следовала за нами, точно потерявшийся щенок, но потом, глухо простонав, свернула и поплыла по другой улице. Других пешеходов не было видно, хотя мы ощущали присутствие наших братьев: одни наблюдали за нами, другим не было дела. Город притягивал их, потому что был прекрасен, но как они его выдерживали, понятия не имею. Что это вообще за город, если в нем нет жителей? Это как жизнь без дыхания. Или дружба без любви. Какой в них смысл?

Потом вдалеке забрезжило нечто, привлекшее

наше внимание. Глубоко в сердце города, выше и медленнее плывущих над землей небоскребов — гладкая, сверкающая белая башня без окон и дверей. И даже при всей архитектурной мешанине этого места некоторым образом угадывалось, что эта башня не отсюда.

Я остановился и стал, хмурясь, разглядывать это чудо. Тем временем рядом вырос гриб повыше Нсаны, раскинув шляпку над нашими головами.

— Это еще что такое? — спросил я.

Нсана напряг волю, притягивая башню поближе, и город стал собираться в складки, пока мы не оказались у ее подножия. Убедившись, что дверей действительно нет, я вдруг скривил губы: башня, оказывается, была сложена из день-камня. Такой вот кусочек Неба посреди божественных снов — мерзость.

— Это ты ее сюда притащил, — сказал Нсана.

— И не думал, во имя всех преисподних!

— А кто, если не ты, Сиэй? Я соприкасаюсь со смертным царством только посредством снов, и оно меня не затрагивает. Оно никогда не оставляло на мне следа.

Я пристально посмотрел на него:

— Оставило след? Вот, значит, как ты обо мне думаешь?

— Именно так, Сиэй. Ты им помечен.

Я уставился на него, соображая, обидеться мне, рассердиться или испытать какие-то иные чувства, и Нсана вздохнул.

— Точно так же, как я отмечен нашей разлукой, — продолжил он. — А все мы — Войной. А ты думал, что ужасы, которые тебе довелось пережить, просто рассеются, едва ты обретешь волю? Ничего подобного: они стали частью тебя. — И, пока я подыскивал слова для испепеляющего ответа, Нсана вновь нахмурился, разглядывая башню, и добавил: — Это ведь не просто скверные воспоминания.

— Что?

Нсана вытянул руку и коснулся белой поверхности башни. День-камень засиял, точно в Небе по ночам, сделался полупрозрачным… и я вдруг разглядел внутри громадную извивающуюся тень. Она заполняла всю башню, бурая и невнятная, как отходы в кишке. Или как раковая опухоль.

— А тут все непросто, — заметил Нсана.

— Где, в моих снах?

— В твоей душе. — Он задумчиво глядел на меня. — Должно быть, это старая тайна, раз уж она так разрослась и стала такой могущественной и важной.

Я затряс головой, но уже не смог отделаться от сомнений.

— У меня не тайны, а секреты, маленькие и глупые, — возразил я, давя червячка неуверенности. — Ну, хранил я косточки убиенных мной Арамери в глухом закоулке прямо под спальней главы семьи. А еще пи́сал в чашу для пунша, когда они свадьбы играли. И менял направления на картах, чтобы они путались. Потом я как-то украл волосок Нахадота, просто чтобы проверить, получится ли, и этот волосок чуть меня живьем не сожрал.

Его взгляд стал жестким.

— У тебя есть и детские секреты, и взрослые, Сиэй, потому что ты никогда не был тем простачком, каким притворяешься и хочешь быть. А уж этот… — Он хлопнул ладонью по поверхности башни, пустив эхо гулять по пустым улицам, — этот ты умудрился сохранить даже от себя самого.

Я рассмеялся, но получилось как-то натянуто.

— Я не могу таить секрет от себя самого. Это бессмысленно.

— А тебя когда-то волновал смысл? Ты, по-моему, уже забыл, что это такое.

— Но я…

забыть

Я запнулся и замолчал. Мне вдруг сделалось холодно. Я начал дрожать, хотя Нсана, единственной одеждой которого были волосы, чувствовал себя прекрасно. Но его глаза внезапно сузились, и я вдруг понял, что он расслышал в моих мыслях тот странный негромкий отзвук.

— Это был голос Энефы, — сказал он.

— Но я не…

Тут я покривил душой. Ведь это мама время от времени нашептывала во мне, бережно отводя мои мысли в сторонку, когда они подбирались слишком близко к запретному. Это ее голос подсказывал мне «забыть».

— Ты, похоже, кое-что забыл, — тихо проговорил Нсана. — Хотя, возможно, и не по своей воле.

Я нахмурился, разом испытывая растерянность, тревогу и страх. А высоко над нами, внутри башни, та темная хреновина заворочалась, издав низкий рокочущий стон. Послышался едва различимый звук сдвигаемых камней, и когда я вновь поднял голову, то увидел на поверхности день-камня целую паутину тончайших трещин.

Итак, я что-то забыл. Вернее, Энефа заставила меня что-то забыть. Однако теперь ее больше не было, и то, что она со мной некогда сделала,

постепенно сходило на нет.

— Боги, смертные и демоны между ними… — Я потер ладонями лицо. — Неохота мне с этим связываться, Нса! Мне и так последнее время не очень просто живется.

Нсана вздохнул, и его вздох преобразил город, сделав его игровой площадкой, полной ужасов и восторгов. Я увидел крутой, высокий и скользкий склон над большой ямой, полной жующих, лязгающих зубов, просто зубов без тел. Рядом возвышались качели с цепями, густо смазанными жиром и кровью. Качели наверняка были ловушкой, только я пока не видел ее. Уж очень невинно они выглядели. Ну, прямо как я, когда затеваю очередную пакость.

— Пора взрослеть, — повторил Нсана. — Прежде ты убегал от меня, лишь бы этого избежать. Теперь выбора у тебя нет.

— А раньше что, был? — возмутился я. — Я стану взрослым и старым, и это меня убьет!

— Дурачок, я же сказал не «стареть», а «пора взрослеть»! — Нсана наклонился ближе, его дыхание отдавало медом и ароматами ядовитых цветов. — Во имя Вихря, то, что ты дитя, еще не означает, что ты обязан оставаться незрелым! Я давно и неплохо знаю тебя, братишка, и вот тебе

еще один секрет, который ты усиленно прячешь от себя, но зато столь же усиленно оповещаешь о нем всех и каждого: ты одинок. Ты вечно один, пусть даже любовников на твоем пути не сосчитать! Ты никогда не желаешь того, чем обладаешь, и хочешь только того, что тебе не дано.

— Но это не… — начал я, но он безжалостно перебил:

— Ты любил меня еще до того, как я постиг собственную природу. Любил, пока я нуждался в тебе. А потом, когда я обрел силу и вместе с ней целостность, когда перестал нуждаться в тебе, но продолжал желать твоего общества…

Он вдруг умолк, стиснув зубы и словно удерживая слова, которые ему было бы слишком больно выговорить. Я смотрел на него, утратив дар речи. Он что, именно так себя и чувствовал все это время? Именно так видел все, что с нами случилось? Мне-то всегда казалось, что это он бросил меня. Я затряс головой, не в силах ни понять этого, ни принять.

— Ты не можешь быть одним из Троих, — прошептал он, и я невольно сжался. — С этим ты давным-давно согласился. А еще тебе нужен кто-то, кого ты никогда не смог бы оставить в прошлом. Но подумай, Сиэй! Даже сами Трое не

таковы. Итемпас предал нас всех и даже себя. Энефа стала себялюбивой, а Нахадот с самого начала был непостоянен. И эта новая богиня, Йейнэ, тоже разобьет тебе сердце. Потому что ты хочешь такого, чего она никогда не сможет дать. Ты требуешь совершенства.

— Не надо мне никакого совершенства, — выпалил я, и тут мне стало паршиво: я понял, что согласился и подтвердил все остальное, что он тут мне наговорил. — Нет, дело не в совершенстве. Просто… — Я облизнулся и запустил пятерню в волосы. — Я хочу кого-то, кто был бы… моим. Я… я даже не знаю… — Я вздохнул. — Трое, Нсана, они и есть Трое. Три грани одного бриллианта, и каждая совершенна даже по отдельности. Как бы они ни отстранялись одна от другой, они всегда со временем воссоединяются, всегда. Эта близость…

Я вдруг понял, что именно такая близость была у Шахар с Декой. Никто посторонний не мог ни постичь ее, ни стать ее частью. И дело было даже не в родстве крови, а в родстве душ. Она половину жизни не виделась с ним и все-таки предала меня ради него…

Что бы я испытал, если бы меня кто-нибудь вот так же любил?

О да, мне этого хотелось. Боги, как же мне хо-

телось! Но только не от Йейнэ, Нахадота или Итемпаса, потому что у каждого из них были двое других, и я не имел права встревать. Но как же мне хотелось чего-то подобного для себя…

Нсана вздохнул. Здесь, в моем сне, он был неподражаем: ему были открыты каждая моя мысль, каждый каприз. Бери и любуйся, даже усилий прилагать не надо, чтобы проникнуть. Так что он, конечно же, знал, что мне всегда было его мало.

— Мне очень жаль, — тихо-тихо проговорил я.

— Да уж… — Нсана с кислым видом отвернулся, предаваясь собственным раздумьям. Потом вздохнул и повернулся ко мне. — Отлично. Тебе нужна помощь, и я не унижусь до того, чтобы отвернуться от тебя в час нужды. Так что попытаюсь разузнать больше об этой твоей тайне. Нынешними темпами ты от старости помрешь быстрее, чем сам ее разгадаешь.

Я потупился:

— Спасибо тебе…

— Не благодари меня, Сиэй.

Он сделал жест, я проследил его движение и увидел по одну сторону игровой площадки небольшое пятнышко цветов. Среди черных маргариток, покачивавших головками на про-

хладном ветру, выделялся единственный цветок с белыми лепестками, остававшийся к тому же совершенно неподвижным. И это не была маргаритка. Я уже видел такие: редкий сорт розы, выращиваемый на Дальнем Севере. Та же белая башня моей тайны, повторившая себя в иной форме.

— Когда эта тайна наконец-то вскроется, тебя ждет немалая боль, — предупредил Нсана.

Я медленно кивнул, не сводя глаз с одинокого и пугающего цветка:

— Да. Это я уже понял.

Рука, опустившаяся на плечо, застала меня врасплох. Я повернулся и увидел, что настроение Нсаны вновь изменилось: вместо усталого раздражения он теперь испытывал ко мне едва ли не жалость.

— Сколько всего на тебя навалилось, — проговорил он. — И смерть надвигается, и родители с ума посходили. И, как вижу, совсем недавно тебе кто-то сердце разбил…

— Никто, — буркнул я, отводя глаза. — Всего лишь смертная.

— Любовь стирает все границы между ними и нами. Когда они разбивают нам сердца, больно ничуть не меньше, чем когда это делает кто-то

из наших.

Его ладонь переместилась мне на затылок, взъерошила волосы. Я слабо улыбнулся, стараясь не показать, насколько предпочтительнее для меня стал бы поцелуй.

— Ах, братишка… Прекращай уже глупить, хорошо?

— Нсана, я…

Он приложил палец к моим губам, и я замолчал.

— Тише, — пробормотал он и наклонился.

Я закрыл глаза, ожидая прикосновения губ, и оно состоялось, но совсем не там, где я ждал: он поцеловал меня в лоб. Я вскинул веки и заморгал, и он улыбнулся мне — грустно-грустно.

— Я бог, а не камень, — сказал он, и мое лицо залила краска стыда. Он погладил меня по щеке. — Но я всегда буду любить тебя, Сиэй…

Я проснулся в темноте и плакал, пока вновь не уснул. Может, до утра мне успело присниться что-то еще, но я не помню — благодаря доброте Нсаны.

Волосы у меня опять отросли, хотя и не так сильно, как прежде. Всего на пару футов. В этот раз отросли и ногти: самый большой вымахал

на четыре дюйма и уже начинал закручиваться. Я выпросил у Гимн ножницы и, как сумел, обкорнал и ногти, и шевелюру. Еще мне пришлось обратиться к отцу Гимн с просьбой научить меня бриться. Это так развеселило его, что на несколько минут он совсем забыл меня бояться. Когда я порезался и, вскрикнув, выдал соленое словцо, мы даже вместе расхохотались. Потом, однако, он забеспокоился, не взорву ли я после очередного пореза весь дом. Хотя мы и не умеем читать мысли смертных, некоторые вещи легко угадываются и без этого. Я извинился и отправился на работу.

Там я немедленно оскорбил домоправительницу «Герба ночи», войдя в заведение через парадную дверь. Она тут же вывела меня за порог и показала вход для слуг — неприметную боковую дверь, что вела в подвальный этаж. Честно говоря, этот вход мне понравился больше. Я всегда любил черные лестницы: удобно прокрадываться. Однако моя гордость была ощутимо уязвлена, и я пожаловался:

— Я что, недостаточно хорош для парадной двери?

— Недостаточно, если не платишь, — отрезала она.

Внутри со мной поздоровался еще один слуга.

Он сообщил, что Ахад оставил указания на случай, если я появлюсь. Так что я последовал за этим слугой через разные подвальные помещения, пока мы не очутились в ничем не примечательной приемной. Там стояли стулья с жесткими спинками, казалось впитавшие многие годы беспросветной скуки, и большой квадратный стол, на котором покоилось непочатое блюдо закусок и фруктов. Все это, честно говоря, я заметил лишь мимолетно, ибо я замер прямо на пороге, а кровь у меня в жилах похолодела, когда я разглядел, кто сидел с Ахадом за широким столом.

Неммер.

И Китр.

И Эйем-сута.

И Ликуя, единственная смертная.

И, в довершение всех безумств, Лил.

Словом, пятеро моих родственников сидели за общим столом с таким видом, словно никогда не проносились сквозь вихри дальнего космоса смеющимися искрами. Трое из этих пятерых терпеть меня не могли. Что касается четвертого — возможно. С Эйем-сутой никогда заранее не скажешь. Пятая неоднократно порывалась мной пообедать. Наверняка опять попытается, тем более что я теперь смертный…

«То есть если останется хоть что-нибудь съедобное после того, как со мной разделаются остальные». Я выставил челюсть, пытаясь скрыть страх. Чем, подозреваю, выдал себя с головой.

— Итак, все в сборе, — проговорил Ахад и кивнул слуге. Тот прикрыл двери, оставив нас одних. — Присаживайся, Сиэй.

Я не пошевелился. Я испытывал к нему острую ненависть. И как только мне в голову взбрело ему доверять?

Ахад испустил вздох легкого раздражения:

— Здесь дурных нет, Сиэй. Тронуть тебя — значит вызвать недовольство Йейнэ и Нахадота. Неужели ты полагаешь, будто мы на это пойдем?

— Ну, не знаю, Ахад, — заметила Китр. Она ядовито улыбалась мне. — За меня не стоило бы так уверенно говорить.

Ахад закатил глаза:

— Ничего ты ему не сделаешь, так что помолчи лучше. Сиэй, сядь уже наконец! Надо о деле поговорить!

То, как Ахад окоротил Китр, так меня изумило, что я даже бояться забыл. Китр тоже выглядела не столько возмущенной, сколько ошарашенной. То, что Ахад являлся среди нас младшим, было ясно с первого взгляда, а в нашем племени

неопытность означает слабость. Он и был слаб, ибо не располагал важнейшими средствами для взращивания своей силы. Тем не менее, когда их взгляды встретились, в его глазах не было и намека на страх. И к всеобщему, не только моему, изумлению, Китр ничего не сказала в ответ.

Такие удивительные события внушили мне смутное ощущение собственной незначительности. Я подошел к столу и уселся.

— Так какого хрена здесь происходит? — осведомился я, опустившись на стул, справа и слева от которого были пустые сиденья. — Еженедельное собрание Вспомогательного ордена боженят Нижней Тени?

Все злобно уставились на меня. Кроме Лил — та расхохоталась. Добрая старая Лил… Она мне всегда нравилась — пока не собралась перекусить моей рукой или ногой.

— У нас тут заговор! — поведала она, подавшись ко мне.

В ее скрежещущем голосе было столько детского ликования, что я невольно улыбнулся в ответ.

— Значит, Дарр обсуждаем? — уточнил я, обращаясь к Ахаду и гадая, рассказал ли он им про маску.

— Всякую всячину, — ответил он. Он, кстати,

единственный восседал на удобном сиденье: кто-то приволок сюда кожаное кресло из его кабинета. — Все, что может стать частью еще большей картины.

— И не только те фрагменты, которые ты обнаружил, — мило улыбнулась Неммер. — Разве не поэтому ты вышел на меня, братишка? Ты превращаешься в смертного, и это заставляет тебя для разнообразия обращать внимание не только на себя, любимого. Однако я думала, что ты по-прежнему в Небе. Тебе что, Арамери под зад пинка дали?

Китр испустила смешок, от которого у меня поднялись дыбом волоски сзади на шее.

— Боги благие, Ахад! Ты предупреждал, что он лишился могущества, но я не представляла, что все зашло настолько далеко! Ты в самом деле смертный, Сиэй! И на что ты теперь годишься, позволь спросить? Разве что убежать к маме с папой. А их, кстати, нет поблизости, чтобы за тебя заступиться…

Она пристально смотрела на меня, ее улыбка таяла, и я знал — она вспоминала Войну. Я тоже ее вспоминал. Пальцы под столом сжались в кулаки, и я остро пожалел, что лишился когтей.

Эйем-сута — он тогда не сражался, потому что

любил смертную и едва не погиб, встав на ее защиту, — испустил долгий усталый вздох.

— Пожалуйста, — произнес он. — Прошу вас. Так мы ничего не достигнем.

— Вот именно, — поддержал Ахад, обводя всех презрительным взглядом. — Итак, если мы согласны, что ни один из нас не является ребенком, даже тот, кому полагается им быть, то не соблаговолите ли сосредоточить внимание на событиях нынешнего тысячелетия?

— Не нравится мне твой тон… — начала было Китр, но, к моему вящему изумлению, ее осадила Ликуя.

— Я ограничена во времени, — проговорила она.

Ликуя настолько свободно чувствовала себя в комнате, битком набитой богорожденными, что я снова принялся гадать, не принадлежит ли она к Арамери. Если да, то ее родство было давним и отдаленным, ибо выглядела она чистокровной маронейкой.

К моему изумлению, моя родня дружно замолчала при этих словах. Все смотрели на нее со смесью беспокойства и едва ли не боязни. Это еще больше возбудило мое любопытство: неужели Ахад у нее в подчинении не единственный? Но я

понимал, что сейчас утолить его не получится.

— Ну хорошо, — сказал я, обращаясь к Ахаду, поскольку он, похоже, был здесь единственным, кто пытался сосредоточиться на деле. — Так кто собирается забрать маску и уничтожить ее?

Ахад сложил пальцы домиком.

— Никто, — ответил он.

Я уже открыл рот, но Китр опередила меня.

— Не поняла, — сказала она. — Исходя из твоих же слов, Ахад, такой могущественный предмет нельзя оставлять в руках смертных.

— А чьи руки станут для него лучшими? — Он обвел взглядом стол, и я поежился, осознав, что он подразумевал. Неммер, кажется, тоже это поняла: вздохнув, она откинулась на спинку стула. — Кого-то из нас? Нахадот? Йейнэ?

— Было бы благоразумней… — начала Китр.

— Нет, — перебила Неммер. — Нет. Вспомни, что случилось в прошлый раз, когда бог завладел могущественным оружием смертных!

При этих словах Эйем-сута, выбравший для себя внешность амнийца, резко побледнел.

Лицо Китр одеревенело.

— Ты даже не знаешь, действительно ли эта маска опасна для нас. Это ведь его скрючило! — И она ткнула пальцем в мою сторону, оттопыривая

губу. — А при нем теперь слова лишнего не скажи, а то он замертво хлопнется!

— Там был еще Каль, и ему тоже скверно пришлось, — нахмурился я. — Эта штука неисправна, в смысле, не завершена. Какое бы у нее ни было предназначение, она делает это неправильно. Но в любом случае мощь в ней такая, что, по-моему, не стоит ждать, пока смертные ее доделают. Надо переходить к действиям. — Я уперся взглядом в Ахада и Ликую. — Вы же знаете, на что способны смертные.

— Да, примерно на то же, что и боги, только масштабы поменьше, — ласковым тоном ответил Ахад.

Ликуя покосилась на него, но я не смог понять выражение ее лица. Она повернулась ко мне:

— Тебе известно не все.

— Так расскажи! — вырвалось у меня.

К Ахаду я успел попривыкнуть. Он берег тайны примерно так, как я — игрушки, и делал это в основном назло. Ликуя, по-моему, обладала иным складом характера.

— Ты уже не ребенок, Сиэй, — нарочито медленно выговорил Ахад. — Пора бы уже научиться терпению. — Потом его самодовольная улыбка поблекла. — Впрочем, пожалуй, ты прав, требуя

объяснений: ты новичок как в нашей организации, так и в Тени. Так вот, изначальной целью этой группы был надзор за нашим поведением и предотвращение нового Отлучения. Эту цель мы не отменили, она лишь перестала быть главной. Все изменилось с тех пор, как некоторые смертные решились использовать демонскую кровь, дабы выразить свое неудовольствие нашим прибытием. — Он вздохнул, закинул ногу на ногу и откинулся в кресле. — Это случилось несколько лет назад. Ты, вероятно, помнишь те времена.

Еще бы я не помнил! В Тени начали погибать мои братья и сестры, и Нахадот едва не обратил город в большой дымящийся кратер.

— Такое забудешь… — пробормотал я.

Ахад кивнул:

— Словом, наша группа изначально создавалась, чтобы оградить их от нас. После того случая стало ясно: требуется поработать и над тем, чтобы защитить нас от них.

— Как-то это глупо, — сказал я, хмуро оглядывая присутствующих. Ликуя подняла бровь, но я лишь поморщился. — О демоне позаботились, угрозу искоренили. Чего бояться-то? Любой из вас мог бы растоптать этот город, расплавить ближние горы, заставить воду Светлокна вспых-

нуть огнем…

— Нет, — возразил Эйем-сута. — Не можем. Если мы учиним что-то подобное, Йейнэ тотчас отзовет наше право здесь находиться. Ты не понимаешь, Сиэй, ведь ты не хотел сюда возвращаться после того, как кончилось твое заточение. При данных обстоятельствах я тебя винить не могу. Но ты действительно предпочел бы никогда в будущем не посещать смертное царство?

— Это к делу не относится.

Эйем-сута покачал головой и подался вперед, отметая мои доводы:

— Может, скажешь еще, будто никогда не прижимался к груди смертной женщины, ища ее объятий, Сиэй? Ее безусловной любви? Не замирал от восторга, когда какой-нибудь смертный мужчина ерошил тебе волосы? Будешь утверждать, что они для тебя ничего не значат? Скажи это, глядя мне в глаза, и тогда я поверю тебе.

Я мог это сделать. Ведь я Плутишка. Я могу смотреть кому-нибудь в глаза и при этом говорить все, что сочту необходимым, и мне поверят. Поймать меня на вранье, когда я хочу соврать, удавалось лишь Нахадоту, который знает меня лучше всех, и еще Итемпасу, мгновенно распознающему неправду.

Но даже завзятые обманщики не лишены чести, и Эйем-сута знал это как никто. Он был прав, и я взял бы грех на душу, не признав этого. Поэтому я просто опустил глаза, и он с облегчением откинулся назад.

— Вот из таких споров и родилась эта организация, — с едва заметной сухостью в голосе заметил Ахад. — Не все богорожденные избрали наш путь, но большинство все же придерживается установленных нами правил, потому что это всем нам во благо. — Он пожал плечами. — А кто придерживаться не хочет, с теми мы разбираемся.

Я подпер кулаком подбородок, изобразив скуку, чтобы скрыть тревогу, поселившуюся во мне после вопросов Эйем-суты, и сказал:

— Это все замечательно. Но каким образом ты оказался за главного? Ты же младенец!

Ахад в ответ улыбнулся, вернее, скривил верхнюю губу:

— После гибели Сумасброда ни у кого не было желания вставать во главе. За последнее время, однако, наш внутренний порядок претерпел изменения. Теперь я просто организатор, по крайней мере до тех пор, пока наш истинный предводитель не сочтет, что настало время проявить себя более активно.

— А ваш предводитель — это кто? — осведомился я, не особенно, впрочем, надеясь на ответ.

— А это важно?

Я обдумал услышанное.

— Полагаю, не очень. Но все это ужасно… полюдски, вы не находите?

Я обвел рукой комнату, стол, стулья, поднос, полный таких милых маленьких порционных закусок. (Мне ужасно хотелось сунуть в рот кусочек сыра, но я из гордости сдерживался.)

— Раз уж вы решились зайти так далеко, — продолжил я, — почему бы не придумать какое-нибудь достаточно грозное название? К примеру, «Организация», или еще что-нибудь столь же нетривиальное. Коли мы намерены действовать, точно шайка смертных, так почему бы и нет?

— Нам нет нужды в названии. — Ахад пожал плечами, затем с явным намеком покосился на Ликую. — И наша группа состоит не только из богов. Значит, следует учитывать удобства и потребности смертных. — Ликуя слегка поклонилась в его сторону, выражая молчаливую благодарность. — Так или иначе, но мы обитаем в людском царстве. Не следует ли нам, по крайней мере, время от времени стараться думать как смертные? Хотя бы для того, чтобы успешнее

предвосхищать действия наших противников?

Рука Китр на столе сжалась в кулак.

— А потом, обнаружив реальную угрозу, ничего не предпринимать?

Выражение лица Ахада сделало бы честь непроницаемому Арамери.

— А что конкретно ты хотела бы, чтобы мы сделали, Китр? Пошли и забрали эту маску? Так мы не знаем, кто ее сделал и каким образом. Если отнимем одну, они просто сотворят другую. И что именно эта маска делает, нам доподлинно неизвестно. Сиэй говорит, что Каль вроде как использует даррцев для ее изготовления. Разве это не подразумевает, что перед нами нечто, чего могут касаться смертные, но что является смертоносным для богов?

Я нахмурился. Уступать как-то не хотелось.

— Но хоть что-то мы должны предпринять! Эта штука опасна!

— Хорошо. Следует ли нам схватить Узейн Дарр и пытать, пока не вырвем все ее тайны? Может, пригрозим, что скормим ее нерожденное дитя Лил?

Та, пристально созерцавшая блюдо с едой, с улыбкой протянула: «Мммм…» — даже не отводя глаз от съестного.

— А может, забьем на тонкие интриги и просто сметем Дарр огнем и моровыми поветриями, пока его города не превратятся в руины, а имя жителей не будет забыто? Как-то очень знакомо это звучит. Я прав, Энефадэ?

Все подконтрольные разуму мышцы моего тела свело судорогой от ярости. Эн вопросительно толкнулась мне в грудь: может, еще кого-нибудь убить ради меня? Звездочка еще не оправилась от усталости после вспышки моего гнева против Ремат, но была готова попробовать.

Это — и только это — заставило меня успокоиться. Я накрыл Эн ладонью, погладив ее сквозь ткань рубашки. Сейчас мы воздержимся от смертоубийств, но спасибо тебе, милая звездочка, за готовность помочь. Эн толкнулась еще разок, теперь уже ласково, и, остывая, вновь задремала.

— Мы — не Арамери, — негромко произнес Ахад, пристально глядя на меня. Он хотел, чтобы я услышал его слова и признал их правоту. — И мы не Итемпас. Мы не собираемся повторять ошибки прошлого. Наше племя снова и снова пыталось управлять смертными и набивало на этом шишки. Отныне, раз уж мы решили жить среди смертных, нам следует разделять и опасности смертной жизни. Мы должны не просто посещать

этот мир, мы должны жить его жизнью! Это ты понимаешь?

Еще бы я не понимал! Смертные — такие же творения Энефы, как и мы. Сто лет назад, когда мы подумывали оплатить свою свободу жизнью смертной девушки, я спорил об этом с товарищами по заточению. Мы все-таки это сделали, и наш план удался — скорее, вопреки нашим усилиям, нежели благодаря им, — но в то время я очень остро чувствовал свою вину. И страх: если мы в своих деяниях уподобимся Итемпасу и его выкормышам Арамери, не станем ли мы точно такими же, как они?..

— Понимаю, — очень тихо произнес я.

Ахад еще секунду-другую смотрел на меня, потом кивнул.

Ликуя вздохнула:

— А вот меня заботит не столько магия смертных, сколько этот Каль. Ни в каких городских записях нет богорожденного с таким именем. Что нам вообще известно о нем?

И она обвела взглядом собравшихся.

Никто не торопился с ответом. Китр и Неммер сперва переглянулись, потом взглянули на Эйемсуту. Тот пожал плечами. Наконец все взгляды обратились на меня, и у меня даже челюсть от-

висла.

— Вы что? Никто из вас его не знает?

— А мы подумали: кому его знать, как не тебе, — ответил Эйем-сута. — Ты единственный, кто уже существовал, когда мы рождались.

Я пожевал губу, соображая, как быть.

— Нет. Могу поклясться, что уже слышал когда-то это имя, но…

Воспоминание дразняще плясало на самой грани сознания, ближе, чем когда-либо ранее.

«Забудь», — шепнул голос Энефы. Я обреченно вздохнул.

— Он элонтид, — сказал я, глядя на свой сжатый кулак. — Я в этом уверен. И еще он молод… я так думаю. Может, родился непосредственно перед Войной.

Сказав это, я вспомнил, что последним из богорожденных, родившихся до Войны, был Сумасброд. Но за целую эпоху перед этим Энефа породила очень немного детей. И уж точно — ни одного элонтида. Она утратила интерес к деторождению после того, как увидела гибель множества своих детей во время битв с демонами.

«Вот бы ты оказался вечным ребенком, — бывало, говорила она, гладя меня по голове, и это были

лучшие мгновения моей жизни; Энефа нечасто проявляла приязнь. — Вот бы ты навсегда остался со мной…»

«Но я могу! — неизменно отвечал я, и ее взгляд словно обращался внутрь, наполняясь непонятной мне грустью. — Я нипочем не стану расти, не стану! Я смогу навсегда остаться твоим маленьким мальчиком!»

«Вот бы так оно и оказалось», — отвечала она.

Я заморгал и нахмурился. Я успел забыть об этом разговоре. Что она имела в виду, говоря о?..

— Элонтиды, — негромко проговорил Ахад, словно бормоча себе под нос. — Совместные порождения старших и младших богов. Или Нахадота с Итемпасом.

Его задумчивый взгляд устремился на Лил. Та как раз принялась гладить кончиком пальца клубничную ягоду на подносе. Костлявый палец с обломанным ногтем так отслеживал изгиб красного бока, что, будь на месте Лил кто угодно другой, прикосновение показалось бы чувственным.

Та в конце концов подняла взгляд, но пальца от ягодки не убрала.

— Не знаю я никакого Каля, — сказала она и улыбнулась. — Впрочем, мы далеко не всегда

стремимся к известности.

Ликуя нахмурилась:

— Это ты к чему?

Лил пожала плечами:

— К тому, что нас, элонтидов, боятся и боги, и смертные. Не без причины, конечно. — Она метнула в меня взгляд, полный неприкрытого желания. — До чего же ты стал аппетитно пахнуть, Сиэй…

Я вспыхнул и нарочито медленным движением взял что-то с подноса. Это оказался огурец, густо сдобренный пастой из мааша и яиц комри. Я устроил целое представление, заталкивая огурец в рот и глотая его почти непрожеванным. Лил надула губы. Я отвернулся от нее и обратился к Ликуе:

— Лил хочет сказать, что элонтиды — случай особый. Они не старшие боги, но и не богорожденные. Они… — Я на мгновение задумался. — Они больше похожи на Вихрь, чем все мы, прочие. Они испытывают подъемы и спады, они созидают и пожирают, но каждый по-своему. Из-за этого их труднее понять. — Я покосился на Лил, и она, дождавшись моего взгляда, схватила такой же ломтик огурца и отправила в рот невероятно быстрым, неуловимым для глаза движением.

После чего показала мне язык, и я невольно рассмеялся. — Я к тому, что если какой-нибудь бог и способен скрыть свое пребывание в мире, то это, скорее всего, элонтид.

Ликуя задумчиво постукивала по столешнице пальцем.

— Неужели они способны прятаться даже от Троих?

— Нет. То есть не могли бы, пребывай Трое в единстве. Однако сейчас у Троих своих проблем полон рот, и им еще долго будет не до того. К тому же они утратили полноту. — Тут я снова моргнул, осененный новой идеей. — И кстати, именно Трое могут быть причиной, из-за которой никто из нас не помнит этого Каля. Точнее, причина в Энефе. Она могла заставить всех нас…

забыть

«Помолчи чуть-чуть, мама!» — раздраженно подумал я.

— …заставить нас забыть.

— Зачем ей это нужно? — Эйем-сута недоуменно огляделся, его глаза округлились. — Бессмыслица какая-то.

— Нет, — тихо проговорила Неммер.

Наши глаза встретились, и я кивнул. Среди нас она была одной из старших. То есть до меня ей

было весьма далеко, но войну с демонами она помнила. И знала, насколько странные сочетания качеств иногда наследовали дети Троих.

— Смысл очень даже есть. Энефа… — Неммер поморщилась. — Она убивала нас без зазрения совести. Убивала среди своих детей всякого, кто мог представлять угрозу для остальных. И после эпопеи с демонами она просто не желала рисковать. Но ее дитя могло выжить, если никому не причиняло вреда и если его выживание некоторым образом зависело от неведения остальных о самом его существовании… — Она покачала головой. — Да, такое возможно. Не исключаю, что она создала целое новое царство, чтобы оно сделалось ему домом, чтобы он жил там, не соприкасаясь с нами. А потом она умерла и унесла это знание с собой.

Я вспомнил об одном откровении Каля. «Энефа мертва, — сказал он. — А я вот помню». Умозаключения Неммер вроде бы все объясняли. За исключением одного.

— Хорошо, но тогда кто второй родитель этого элонтида? — спросил я. — Не каждый из нас просто бросил бы ребенка вечно прозябать в каком-то отдельном раю или аду. В нашем племени любая новая жизнь драгоценна!

— Полагаю, это был кто-то из богорожденных, — задумчиво произнес Ахад. — Окажись отцом Нахадот или Итемпас, этот Каль был бы просто… — Его губы уже сложились произнести слово «нормальный», но тут Лил зыркнула на него так, что сам Итемпас обзавидовался бы, и Ахад торопливо поправился: — Ниввахом, как прочие среди вас.

— Я, к примеру, мнасат, — отрезала Китр и тоже испепелила его взглядом.

— Ну, вы меня поняли, — ответил Ахад, и я внезапно порадовался, что лежащий на подносе маленький фруктовый нож был вне досягаемости Китр. И еще мне хотелось надеяться, что Ахад в скором будущем обретет свою природу. Иначе среди нас он не заживется.

— Немало боженят погибло в Войну, — заметила Ликуя, и мы оставили перепалку, поняв, что она имела в виду.

— Боги благие, — пробормотала Китр с ужасом на лице. — Вырасти сиротой, в ссылке, забытым, заброшенным… Этот Каль хотя бы знал, как нас найти? Долго он там пробыл один? Представить не могу…

А вот я — мог. Некогда вселенная была довольно пустым местом. Во времена моего настоящего

детства слова «одиночество» еще не существовало, но все трое моих родителей, и особенно Нахадот, изо всех сил старались меня от него оградить. А если Калю подобного не досталось, то мне невольно стало его жаль.

— Это все усложняет. Самым неприятным образом, — сказал Ахад и со вздохом потер глаза. Я себя чувствовал примерно так же. — Согласно твоему донесению, Сиэй, получается, что Каль и жители Дальнего Севера работают в противоположных направлениях. Он использует их мастеров туска для создания маски, способной давать божественность смертным. А они пользуются тем же искусством и делают маски, чтобы так или иначе убивать Арамери.

— Другая вероятность — это Каль убивает Арамери с помощью масок, а заодно бросает подозрение на северян, — сказал я, припоминая наш с ним разговор во сне.

«Я уже начал», — сказал он тогда. А это старейший вид обмана — сеять раздоры между группами, имеющими общие интересы. Хорошо, кстати, отвлекает внимание от вашего главного замысла. Я подумал об этом еще и нахмурился.

— И вот еще что. Арамери уничтожают любую страну, которая причиняет им хоть какой-нибудь

ущерб. Это значит, что их враги нанесут удар со всей решительностью — когда и если надумают. — Я подумал об Узейн Дарр, гордо заявившей, что она нипочем не стала бы убивать «всего лишь нескольких» Арамери. — Люди Дальнего Севера не станут мелочиться, подсылая убийц и убирая то низкородного, то высокородного Арамери. Они скорее явятся с войском и попытаются раздавить всю семейку!

— Пока нет свидетельств, что они собирают войско, — заметила Неммер.

Вообще-то, свидетельство есть. Но, так сказать, тонкое и косвенное. Я подумал о беременности самой Узейн Дарр, ее охранницы и той женщины из Сар-энна-нема, возившейся сразу с двумя малышами. Они были совсем младенцами, еще неспособными есть твердую пищу. Я подумал о других детях, которых там видел. Они были воинственны, нетерпимы к инородцам, почти не владели чужими языками. Самым старшим из них было не более четырех-пяти лет. Дарр, вообще-то, славился искусством предотвращать зачатие. Задолго до появления писцов с их искусством женщины Дарра знали, как подгадывать рождение детей к своим постоянным грабительским набегам и межплеменным войнам. Военную

добычу они называли «боевым урожаем» и вышучивали другие племена, полагавшиеся на успехи земледелия. Так вот, в годы перед очередной войной каждая женщина до тридцати лет делала все от нее зависящее, чтобы родить одного-двух детей. Воительницы несколько дней нянчились с новорожденным, после чего передавали его женщинам своей семьи, которые не воевали; а те, обычно также недавно родившие, просто вместо одного ребенка выкармливали двоих или троих. Потом всех отлучали от груди и передавали на попечение бабушек или мужчин. Таким образом воительницы уходили сражаться и погибать в битвах, зная, что дома в безопасности подрастает новая смена.

Словом, то, что в Дарре оказалась такая уйма детей, было, по сути, плохим знаком. Что еще хуже, детки ненавидели чужестранцев и даже не пытались подражать сенмитским обычаям. Этих деток явно готовили не для мирной жизни.

— Даже если бы они собирали войско, — сказал Ахад, — это не давало бы нам повода вмешиваться. Чем бы смертные ни занимались между собой, это их дела. Нас должен заботить только этот богорожденный, Каль, и странная маска, которую видел Сиэй.

При этих словах и без того хмурое лицо Ликуи окончательно помрачнело.

— Значит, вы ничего не предпримете, если начнется война?

— Смертные воевали между собой с момента своего создания, — сказал Эйем-сута и тихо вздохнул. — Такова их природа. Наибольшее, что мы можем сделать, — предотвратить войну. А если не получится — защитить тех, кого любим.

— Не их природа, а наша, — резко перебила Неммер. — Именно мы — причина тому, что теперь у них есть магия и они используют ее как оружие во время своих войн. Воины с мечами, которые были у них до Войны богов, существуют по-прежнему, но добавились писцы, эти маски, и одним демонам известно, что еще. Вы хоть понимаете, сколько народа может погибнуть?

Я знал, что все может оказаться именно так и даже хуже. Человечество успело крепко забыть, что такое война. Люди и вообразить не могли, какие будут голод, насилие и моровые поветрия и в каких масштабах. Да, когда-то в прошлом они очень боялись, а уж память о войне всех войн — нашей Войне — рдела огненным клеймом в душе каждого людского племени. Но разве это их остановит? Помешает вновь выпустить в мир

этот ужас и слишком поздно сообразить, что натворили?

— И не просто погибнуть, — пробормотал я. — Нынешние люди успели забыть, до чего способно докатиться человечество, а теперь они заново это откроют. Это их потрясет, ранит их души. Я видел, как такое происходило — и здесь, и в иных мирах. — Я встретился глазами с Ахадом, и выражение моего лица заставило его слегка нахмуриться. — Они сожгут свидетельства своей истории и перебьют искусников и мастеров. Поработят женщин и сожрут собственное потомство, и все это будет сделано во имя богов. Шахар была права — конец Арамери будет означать конец эры Светозарного.

— Если мы вмешаемся, станет только хуже, — тихо и жестко возразил Ахад.

Он был прав, и я возненавидел его еще и за это.

Воцарилась тишина, и все услышали, как вздохнула Ликуя.

— Я слишком задержалась, — сказала она и поднялась, собираясь уйти. — Сообщайте мне обо всем, что еще вы обнаружите или решите.

Я ожидал, что кто-то из собравшихся за столом богов пристыдит ее за то, что она вздумала говорить в таком приказном тоне. Но понял,

что никто не собирался этого делать. Лил уже потихоньку кренилась в сторону подноса с едой, голодно поблескивая глазами. Китр все же дотянулась до фруктового ножичка и вертела его на кончике пальца: старая привычка, означавшая глубокую задумчивость. Неммер тоже поднялась, небрежно кивнув на прощание Ахаду. И я вдруг почувствовал, что не могу больше этого выносить.

Отпихнув стул, я обошел стол и оказался возле двери как раз в тот момент, когда Ликуя хотела открыть ее. Я перехватил дверь и захлопнул ее.

— Во имя воспаленных преисподних Светозарного, кто ты такая?

— Во имя всех богов, Сиэй… — простонал Ахад.

— Нет, я хочу знать. Я должен. Я поклялся, что ни один смертный больше не станет мне приказывать! — Я смотрел на Ликую снизу вверх. Вспышка моего гнева обеспокоила ее гораздо меньше, чем мне того хотелось бы. Это ли не позор? Я больше не могу даже как следует перепугать смертного. — Чушь какая-то! С какой стати вы все ее слушаетесь?

Женщина подняла бровь, потом испустила долгий тяжелый вздох.

— Мое полное имя — Ликуя Шот, — сказала

она. — Я помогаю Итемпасу и говорю от его имени.

Ее слова поразили меня так, словно мне влепили пощечину. Как и ее имя, и ее манеры, показавшиеся мне странно знакомыми, и ее явная маронейская кровь, и то обстоятельство, что в ее присутствии моим родичам было явно не по себе. Я должен был сразу все распознать. Китр была права: я определенно утратил нюх.

— Так ты его дочь, — прошептал я. Губы едва повиновались мне. Ликуя Шот! Дочь Орри Шот, первой и, насколько мне известно, единственной подруги среди смертных, которой Итемпас когда-либо обзавелся. Стало быть, дружбой у них дело не ограничилось. — Его… Боги благие, ты его дочь-демоница!

Ликуя не улыбнулась, хотя в ее глазах мелькнуло подобие веселья. Теперь, когда я это узнал, все мелочи, казавшиеся так странно знакомыми, стали такими же очевидными, как удары в лицо. Она совсем не походила на него; черты лица ей достались больше от матери. Но вот ее изысканные манеры и некая неподвижность, окутывающая ее, точно плащ… Все было на месте и прямо-таки бросалось в глаза, как рассветное солнце.

Потом я стал прикидывать, что означает сам

факт ее существования. Демоница. Демоница, созданная Итемпасом — тем самым Итемпасом, который некогда провозгласил демонов вне закона и возглавил охоту, длившуюся до их полного уничтожения. И вот теперь у него есть дочь, причем связанная с ним и помогающая ему.

Я задумался о том, что означает его любовь к ней.

Принял во внимание его примирение с Йейнэ.

Учел условия его заточения среди смертных.

— Так это он, — прошептал я.

Меня по-настоящему зашатало, и в поисках опоры я прислонился к двери, иначе, вероятно, не устоял бы на ногах. Я сосредоточился на Ахаде, силясь привести в порядок судорожно метавшиеся мысли.

— Так вот кто возглавляет ваше безумное общество! Итемпас!

Ахад открыл рот. Потом закрыл.

— «Ты исправишь все зло, причиненное твоим именем», — проговорил он наконец, и я вздрогнул, припомнив эти слова.

Я ведь там был. Я присутствовал, когда они прозвучали в первый раз. Голос Ахада был достаточно низким да и тембр имел подходящий для подражания тому, кто тогда говорил. Мой взгляд

заставил его пожать плечами и выдать обычную улыбку, в которой не участвовали глаза.

— Я бы так сказал: Арамери и все, что они сделали с миром, могут считаться одним колоссальным злом, ты согласен?

— И это в его природе, — добавила Ликуя. Бросила игривый взгляд на Ахада и снова повернулась ко мне. — Даже без магии он будет всеми способами бороться с усугублением непорядка. Чему же тут удивляться?

Я продолжал упорствовать из чистого упрямства.

— А Йейнэ говорила, что в последнее время она не может его найти!

Ответом мне была тончайшая улыбка Ликуи.

— Мне жаль, что пришлось укрывать его от Йейнэ, но это было необходимо, чтобы защитить его.

Я затряс головой:

— Защитить? От… Боги благие, это же чепуха! Смертный не способен прятаться от бога!

— А демон может, — сказала она.

Я удивленно моргнул, но реально удивляться было нечему. Я ведь знал, что некоторые демоны все-таки пережили всеобщее уничтожение. И теперь я понимал, каким образом им это удалось.

— К счастью, — продолжила Ликуя, — иные из нас могут прятать других, когда это требуется. А теперь прошу меня извинить…

Она подчеркнуто уставилась на мою руку, перекрывавшую дверь, и я освободил ей проход.

Ахад вытащил очередную сигару и теперь рассеянно шарил по карманам. Он лениво покосился на Ликую, и я увидел в его глазах прежнюю зловредность.

— Скажи старику, что я передавал ему привет.

— Не скажу, — тотчас ответила она. — Он терпеть тебя не может.

Ахад рассмеялся, вспомнил наконец-то, что является богом, и зажег сигару, на мгновение сосредоточившись. Откинулся в кресле и стал сладострастно пялиться на Ликую, открывавшую дверь.

— Но к тебе-то, по крайней мере, это не относится?

Ликуя помедлила на пороге, и выражение ее глаз вдруг стало таким же знакомым, как и натянутая улыбка мгновением раньше. Еще бы ей не быть! Можно подумать, что я всю жизнь не наблюдал эту привычную, собственническую наглость! В ней тоже сквозила абсолютная уверенность в том, что вселенная устроена именно

так, как следует, просто потому, что принадлежит ей целиком. Ну, или будет принадлежать.

— Пока еще нет, — ответила она, вновь изобразила подобие улыбки и покинула комнату.

Как только за ней закрылась дверь, Ахад выпрямился в кресле, а его прикипевший к двери взгляд был полон столь явного интереса, что Лил даже отвлеклась от еды и уставилась на него. Китр что-то недовольно буркнула и потянулась к подносу, движимая скорее раздражением, чем голодом.

— Посмотрим, смогу ли я заслать в Дарр кого-нибудь из своих, — произнесла Неммер, вставая. — Они там, правда, косо смотрят на чужаков. Как бы не пришлось отправляться самой. Дела, дела, дела!

— Надо будет внимательней прислушиваться к болтовне моряков и купцов, — сказал Эйемсута. Он был богом торговли, и жители страны Кен некогда посвящали ему свои великолепные парусники. — Война означает поставки стали, кожи и походного хлеба. Возят и возят, возят и возят… — Его веки затрепетали и опустились, он негромко вздохнул. — У всего, что происходит, своя музыка.

Ахад кивнул:

— Итак, увидимся на следующей неделе.

После этих слов Неммер, Китр и Эйем-сута просто исчезли. Лил поднялась, склонилась над столом, и вся еда с него куда-то вмиг подевалась. Вместе с подносом. Хорошо, что хоть стол остался нетронутым. Ахад вздохнул.

— Ты сделался интересным, Сиэй, — сказала мне Лил. Ниже ее пестрых мерцающих глаз расплылась улыбка. — Тебе столько всего хочется, и так сильно! Обычно ты отдаешь только одним желанием, нескончаемым и невозможным…

Я тоже вздохнул, страстно желая, чтобы она поскорей убралась, хотя толку от моих желаний не было. Лил приходила и уходила, когда сама хотела. А если уж что-либо вызывало ее интерес, то сдвинуть ее с места могла разве что война.

— Ты-то что здесь делаешь? — осведомился я. — Разве тебя волнует что-нибудь, кроме еды, Лил?

Она дернула костлявым, как смерть, плечом, и всклокоченные волосы мотнулись по ткани платья, прошуршав, как сухая трава.

— Это царство переменилось, пока нас не было. Его вкус стал богаче, оттенки — сложнее. И я, похоже, меняюсь, чтобы соответствовать. — Потом, к моему удивлению, она обогнула стол и накрыла мою руку своей. — Ты всегда был добр

ко мне, Сиэй. Пусть у тебя все будет хорошо… Если получится.

И она тоже исчезла, еще больше сбив меня с толку. Я тряхнул головой, даже не замечая, что остался наедине с Ахадом, пока тот не заговорил.

— Есть вопросы? — поинтересовался он. Сигара торчала у него в пальцах, готовая уронить на ковер столбик пепла.

Я подумал о круговороте ветров, внутри которого оказался, и покачал головой.

— Ну и хорошо, — сказал он и махнул рукой, отчего пепел с сигары разлетелся повсюду.

На столе возник еще один кошелек. Хмурясь, я поднял его и почувствовал полновесную тяжесть монет.

— Ты вчера уже дал мне денег.

Он пожал плечами:

— Наемная служба — смешное занятие. Продолжай служить, и тебе продолжат платить.

Я зло посмотрел на него:

— Похоже, я прошел испытание Ликуи.

— Да. Так что заплати семье этой смертной девчушки за кров и еду, купи себе приличную одежду и, во имя всех демонов, ешь и спи как следует, а то выглядишь, точно из преисподней удрал! Мне нужно, чтобы ты не выделялся среди слуг. Ну,

чтобы от тебя хотя бы люди не шарахались.

Он помолчал, вновь откинулся в кресле и как следует затянулся сигарой.

— Судя по твоим сегодняшним трудам, полагаю, ты и в будущем окажешься полезен. Кстати, такой кошелек — обычная плата, которую мы в «Гербе ночи» предлагаем нашим лучшим исполнителям.

И он слегка, с умыслом, улыбнулся.

Денек нынче выдался более чем странный, а то я всласть поизумлялся бы его похвале, густо замешанной на оскорблениях. Вместо этого я лишь кивнул и сунул кошелек за пазуху, чтобы не облегчать работу местным карманникам.

— А теперь убирайся, — велел он, и я вышел.

Я стал на пять лет старше, натерпелся всякого на несколько столетий вперед, а уж родственники ненавидели меня сильней, чем когда-либо, — в том числе и те, о существовании которых я успешно забыл. Такие вот первые дни на новой службе. Что ж, по крайней мере, я до сих пор жив. К добру ли это? Посмотрим…

Книга третья
Три ноги пополудни

Я бесцельно плыву сквозь сновидения. Поскольку я не смертный, мне нет нужды опасаться кошмаров. Мне не приснится, будто я оказался нагишом посреди толпы, потому что такое меня никогда бы не обеспокоило. (Я еще и помахал бы перед ними своими причиндалами, просто чтобы увидеть потрясение на их лицах.) То, что мне снится, в основном имеет отношение к воспоминаниям. Потому, наверное, что воспоминаний у меня много.

Образы родителей и детей. Нахадот, принявший облик громадного зверя в крапинках звезд, лежит, свернувшись, в гнезде угольно-черных искр. Это воспоминание из тех дней, когда еще не были созданы смертные. Я тогда был крошкой, почти скрытой в тусклых отблесках гнезда. Я младенец, и я жмусь к мохнатому боку, ища тепла и защиты, мяукая, точно котенок, и он, то есть она, гладит меня, шепотом называя по имени…

И снова Шахар. Нет, не девочка, которую я

знаю теперь, а та древняя мать-основательница. Сейчас она моложе, чем в том моем сне, ей лет двадцать с чем-то, она сидит у окна и кормит грудью младенца. Она подпирает кулаком подбородок, ребенок сосет, но она почти не обращает на него внимания. Это дитя — смертное, человек не только по матери. Другое такое же дитя сидит в плетеной корзине позади матери, им занимается девушка в одеянии жрицы. Шахар одета почти так же, но ее ризы тоньше, изысканней. Она — жрица более высокого ранга. Она родила детей, как того требует ее вера, но скоро она их оставит, ибо ее господь ее призовет. Ее взгляд устремлен к горизонту, она ожидает рассвета…

А вот и Энефа — на вершине своего могущества. Все ее опыты, с их ошибками и удачами, наконец-то увенчались величественным успехом. Она смешала жизнь и смерть, свет и тьму, порядок и хаос, и во вселенную пришла смертная жизнь, чтобы навеки изменить ее. Целый миллиард лет Энефа порождала жизнь. Ее чрево — целая земля, беспредельная в своей плодовитости, готовая рожать и рожать без конца. Мы, уже изведавшие рождение, с почтением и восторгом созерцаем это непрерывное чудо. Я подхожу к ней с подношением своей любви, потому что жизнь без этого

невозможна. Она с жадностью поглощает мой дар и вновь выгибается, вскрикивая от муки и торжества, и на свет появляется живое существо еще одного вида. Как это прекрасно!.. Она нашаривает мою руку, потому что ее братья как раз куда-то ушли (возможно, вместе), но это не страшно. Я самый старший из ее богорожденных детей, и я уже взрослый мужчина. Я всегда рядом, когда бываю ей нужен. Даже если происходит это редко…

Теперь я вижу себя самого. Как странно… Я сижу на кровати в самом первом Небе, облаченный в смертную плоть, заточенный в нее волей спятившего Итемпаса и могуществом погибшей матери. Это самые ранние годы, когда я то и дело пытался разорвать свои цепи. Мое тело исполосовано багровыми следами кнута, и я выгляжу старше, чем мне нравится быть, потому что наказание ослабило меня. У меня тело юноши. А еще я сижу подле более крупного тела, обращенного ко мне спиной. Это обнаженный взрослый мужчина. Он смертный: черные волосы сбились в ком, кожа тошнотворно-белого цвета. Это Ахад, в то время еще безымянный. Он плачет. Я вижу, как вздрагивают его плечи. Ну а я… Я толком не помню, что именно я в тот раз ему сделал,

вот только в моих глазах, помимо отчаяния, еще и вина...

Йейнэ. Она никогда не вынашивала ребенка, ни в смертной жизни, ни как богиня, и все-таки стала моей матерью в тот самый миг, когда мы первый раз встретились. У нее инстинкты могучей хищницы: выбирай сильнейшего жениха, убивай всякого, кто будет грозить малышам, и воспитывай их удачливыми убийцами. И все же, если сравнивать ее с Энефой, она сама нежность и доброта. Я так жадно впитываю ее любовь, что даже боюсь, как бы она не иссякла. (На этот счет я зря волновался.) В смертной плоти мы сворачиваемся на полу чертога Арфы Ветров и смеемся, страшась наступления рассвета и участи, которая кажется неотвратимой, но которая, по сути, есть только начало...

И снова Энефа. Великое зачатие давно миновало. Теперь она редко рожает новых детей, предпочитая, словно садовница, наблюдать, подрезать, пересаживать уже имеющихся в каждом из неисчислимых миров. Вот она поворачивается ко мне, и я содрогаюсь, по ее воле превращаясь в мужчину, хотя на тот момент я уже понял, что именно ребенок есть главнейшее проявление моей природы.

«Не бойся», — говорит она, когда я дерзаю возражать. Она подходит и легонько касается меня. Тело с готовностью уступает, а сердце готово вылететь из груди и взмыть в небеса. Как же долго я об этом мечтал! Вот только…

Вот только я умираю, эта любовь убьет меня, убери ее. О, боги благие, так страшно мне никогда еще не было…

Забыть.

13

Один – это печаль
Два – это радость
Три – девочка
Четыре – мальчик
Пять – серебро
Шесть – золото
Семь – секрет
Навеки хранимый.

Смертная жизнь происходит циклами. День и ночь. Времена года. Бодрствование и сон. Этой цикличностью всех смертных тварей снабдила Энефа, и люди довели ее до совершенства, выстроив соответствующим образом свои культуры. Работа и дом. Месяцы складываются в годы, текущие из прошлого в будущее. Эти существа только и делают, что считают. Я даже думаю, что это главная черта, отличающая их от нас. Даже магия и смерть не столь важны.

Два года, три месяца и шесть дней я вел жизнь настолько непримечательную, насколько было возможно. Я ел. Спал. Подправил здоровье, приложив немало усилий, чтобы стать сильным и

гладким. Начал лучше одеваться. Я даже подумывал попросить Ликую Шот организовать мне встречу с Итемпасом. Однако потом оставил это намерение: я слишком ненавидел его. Лучше уж так и помереть, оставаясь обычным и неприметным.

Работа тоже была своего рода рутиной. Каждую неделю я отправлялся туда, куда посылал меня Ахад. Наблюдал, насколько получалось, и вмешивался, если приказывали. Если сравнивать такое с жизнью бога… Да что там говорить. Спасибо и на том, что скучно мне не было. Я был все время занят. А когда постоянно работаешь, думаешь меньше. Именно то, что надо.

Мир между тем был полон разнообразия. Месяцев через шесть после нашей встречи и примерно через три месяца после рождения младшего сына (вскоре умершего) Узейн Дарр похоронила отца, скончавшегося от болезни, что уже некоторое время не давала ему заниматься делами. Вскоре после этого Узейн добилась своего избрания на должность одного из представителей Дальнего Севера. Она прибыла в Тень как раз к выборам, происходившим в Благородном Собрании. И первым ее деянием стала пламенная речь, открыто ниспровергавшая право на существование

отдельного представителя Тени. Ибо ни один другой город своего представителя в Общности не имел. «И все знают причину!» — заявила Узейн, после чего не без театральности (во всяком случае, так утверждалось в свитках новостей) повернулась и уставилась в глаза Ремат Арамери, которая сидела в фамильной ложе высоко над залом Собрания. И Ремат ничего ей не ответила. Возможно, потому, что все действительно знали причину и она не видела нужды пересказывать очевидное. Представитель Тени реально был представителем Неба, то есть, по сути, еще одним рупором, с помощью которого Арамери могли высказывать свои пожелания. Невелика новость.

Новым же стало то, что протест Узейн не был немедленно отклонен председателем Собрания. И еще то, что сразу несколько других вельмож — причем далеко не все были северянами! — поднялись с мест, выражая согласие со словами Узейн, а по итогам вскоре последовавшего тайного голосования почти треть Собрания высказалась за отмену должности представителя Тени. Проигрыш, но одновременно и победа. В былые времена до голосования дело бы вообще не дошло.

Все это выглядело, скорее, как пробный вы-

стрел. И ведь Арамери не ответили так, как азартно предполагали (шепотом!) по вечерам в гостиной «Герба ночи», на задах пекарни и даже за ужином в семье Гимн. Никто не попытался убить Узейн Дарр. Каменную путаницу улиц Арребайи не накрыло таинственным мором. Черное дерево и редкие травы из Дарра по-прежнему продавались по очень высокой цене — и открыто, и из-под полы.

Я, конечно, понимал, что это все значило. Ремат провела некую черту, и Узейн ее еще попросту не пересекла. Когда же это произойдет, Ремат обрушит на Дарр такие ужасы, каких эта земля еще не знала. При условии, что еще раньше не принесет плодов тайный план самой Узейн.

Однако политика никогда не была настолько интересной, чтобы занимать мое внимание целиком. Дни складывались в месяцы, затем и в годы, и я все явственней ощущал груз незавершенного дела, которого так по-детски избегал. Это начало всерьез угнетать мою душу.

Со временем одно стремление окончательно стало нестерпимым. И однажды, выбрав достаточно свободный день, я попросил Ахада об одолжении. Как ни странно, он пошел мне навстречу…

Дека все еще находился в «Литарии». Этого я, в общем, не ожидал. После предательства Шахар я скрепя сердце ждал, что он объявится где-нибудь в Небе. Она ведь все это затеяла, чтобы вернуть его, разве не так? Но когда сработала Ахадова магия, я обнаружил, что нахожусь в комнате для занятий. Помещение оказалось круглым — напоминание о том, что «Литария» некогда являлась частью ордена Итемпаса. Его стены были покрыты аспидным сланцем, а на них я увидел очень искусно исполненные мелом фрагменты божественных сигил. Все их части были тщательно пронумерованы, а в готовых сигилах недоставало одной-двух черточек. Рядом виднелись числовые формулы, явно имевшие отношение к способу, каким писцы постигали наш язык.

Я обернулся и заморгал, обнаружив, что меня окружают дети в белых одеждах. Большинство составляли амнийцы десяти-одиннадцати лет. Ученики сидели на полу, скрестив ноги и держа на коленях аспидные доски или листки тростниковой бумаги. Все они таращили на меня глаза.

Я упер руки в бока и широко улыбнулся в ответ:

— Что? Неужели учитель не сказал, что на урок заглянет богорожденный?

Взрослый голос заставил меня оглянуться, и тут-то челюсть у меня отвалилась, совсем как у детей.

— Нет, не сказал, — медленно проговорил Декарта, стоявший за кафедрой. — Это у нас запланировано на следующую неделю. Здравствуй, Сиэй.

Дека теперь ходил в черных одеждах.

Это удивило меня, но оказалось не единственным потрясением. Пока мы шли по хорошо освещенному и выстланному ковром коридору, уставленному бюстами покойных писцов, я все поглядывал на него снизу вверх, ибо он намного перерос меня. Походка у него была легкая, неторопливая, уверенная. Он на меня не смотрел, хотя от него наверняка не укрылось, как я его рассматривал. Я силился понять выражение его лица — и не мог. Пусть его и сослали из дворца, он все же вполне овладел классической отрешенностью Арамери. Вот он, голос крови!

Да уж, голос. Ко всему прочему, он здорово смахивал на Ахада. На это проклятое порождение преисподних, этого влюбленного в Йейнэ выродка.

Сколько всего разом нашло объяснение. И сколько всего стало лишь загадочней! Сходство

между ними никаких сомнений не оставляло. Отрицать его было невозможно. Дека был на дюйм или два ниже Ахада, худощавее его и выглядел, скажем так, незавершенным — как и полагается юноше его возраста. Он коротко стриг волосы и ничего с ними не делал, тогда как Ахад был длинноволосым и носил замысловатую прическу. Еще в Деке было, пожалуй, больше амнийского, Ахад же тяготел к образцам Дальнего Севера. Но, если от этого отрешиться и принять во внимание его новообретенную ауру опасной и уверенной силы, Дека выглядел созданным примерно так же, как когда-то был создан Ахад: тот обрел жизнь сразу взрослым, причем непосредственно от предтечи, без матери.

Тем не менее это казалось невозможным. Ибо, окажись Ахад отдаленным предком Деки, это означало бы, что Дека и Шахар, равно как и тот из их родителей, кто унаследовал кровь Ахада, были демонами. А демонская кровь убила бы меня в тот день, когда мы с ними принесли клятву дружбы.

Причем убила бы не так, как я умирал теперь, медленно и мучительно. Я-то видел, что демонская кровь творила с богами. Она задула бы свет моей души, словно ветер свечу. Так почему я до сих пор жив, пусть и в таком «стреноженном»

виде?

Я негромко простонал, и Дека наконец-то повернулся ко мне.

— Пустое, — сказал я, потирая лоб, потому что у меня возникло ощущение, что голове самое время заболеть. — Не обращай внимания…

Он негромко и чуть насмешливо хмыкнул. Милый маленький Дека теперь разговаривал баритоном. Маленьким он уже точно не был, а что касается милого… Что ж, время покажет.

— Куда идем? — спросил я.

— В мою лабораторию.

— Ого! Так тебе разрешили завести свою?

Он не перестал улыбаться, даже принял самодовольный вид.

— Конечно. У каждого учителя есть своя лаборатория.

Я замедлил шаг и нахмурился, задирая голову, чтобы посмотреть на него.

— Хочешь сказать, что ты теперь полноправный писец? Уже?

— А почему бы и нет? Курс обучения не такой уж и сложный. Я его завершил уже несколько лет назад.

Я опять вспомнил прежнего Деку, тоскующего и застенчивого ребенка. Он был так неуверен в

себе, так легко соглашался с главенством сестры. Возможно ли, что здесь, выйдя из тени неодобрения семьи, он дал природному уму полностью расцвести?

Я улыбнулся:

— А ты, вопреки всему, все тот же нахальный Арамери…

Дека покосился на меня, его улыбка чуть померкла.

— Я не Арамери, Сиэй. Они же выкинули меня, ты не забыл?

Я покачал головой:

— Единственный способ покинуть лоно семьи Арамери — это смерть. Иначе они все равно за тобой вернутся. А если не за тобой, так за твоими детьми.

— Ммм… Пожалуй, ты прав.

Тем временем мы свернули за угол и двинулись очередным коридором, после чего Дека повел меня наверх по широкой лестнице с каменными перилами и балясинами. Три попавшиеся навстречу девочки, несшие свитки и тростниковые перья, присели в вежливом поклоне. Все залились румянцем и захлопали на Деку глазами. Он царственно кивнул им в ответ. Стоило им скрыться за углом, как моего слуха достиг настоящий

взрыв восторженного хихиканья, и моя прежняя природа встрепенулась в ответ. Точно крылья бабочки забились где-то в душе.

Когда мы поднялись по лестнице, Дека отомкнул и распахнул красивые двойные деревянные двери. Комната оказалась совсем не такой, как я ожидал. Я помнил лабораторию первого писца в Небе: голое и по-своему угрюмое место, сплошные белые поблескивающие поверхности с едва уловимыми оттенками цвета вроде черных чернил или красной крови. Лаборатория Деки была оформлена даррским деревом глубокого коричневого тона и золотистым мрамором из Челлина. По форме она была восьмиугольной, и четыре стены отданы книгам — полки занимали все пространство от пола до потолка, причем свитки и фолианты стояли в два-три ряда. Имелось даже несколько каменных и деревянных табличек. В центре комнаты располагались белые рабочие столы, а в углу, у стыка двух стен, виднелось нечто странное — своеобразный застекленный кабинетик. Меня удивило, что я не увидел никаких инструментов и приборов, если не считать принадлежностей для письма. И никаких клеток вдоль стен с живыми объектами для опытов. Даже не ощущалось застарелого

запаха боли.

Я оглядел комнату, испытывая удивление и растерянность.

— Во имя преисподних, что ж ты за писец такой?

Дека закрыл за мной дверь.

— Я сосредоточил усилия на изучении богорожденных. И мое завершающее исследование было посвящено тебе.

Я повернулся к нему. Он стоял у закрытых дверей и наблюдал за мной. В этот миг неподвижности он напомнил мне не только Ахада, но и Нахадота. У всех троих имелась привычка вот так смотреть — пристально, не мигая. У Ахада она скрывала вселенское неприятие, у Нахадота — безумие. У Деки… Я понятия не имел, что должен скрывать такой взгляд. Пока не имел.

— Надеюсь, ты не подумал, что я тогда пытался вас убить.

— Нет. Было очевидно, что с клятвой что-то пошло не так.

Внутри меня распустился напряженный узел. Но их еще осталось более чем достаточно.

— Ты, кажется, не особенно удивлен моим появлением.

Он пожал плечами, потупился, и мне на миг

померещился в нем тот мальчик, которого я помнил.

— У меня сохранились в Небе кое-какие друзья. Они сообщают обо всем важном, что там происходит.

Как бы он ни отрекался, он очень во многом так и остался Арамери.

— Значит, ты понял, что однажды я тебя навещу.

— Ну да, догадался. Особенно когда два года назад прослышал о том, что ты покинул дворец. Вообще-то, я тебя тогда ждал. — Он вновь поднял взгляд, и его лицо внезапно стало непроницаемым. — Ты убил первого писца Шевира…

Я переступил с ноги на ногу и сунул руки в карманы.

— Я не хотел. Он просто оказался… где не следовало.

— Да, — кивнул Дека. — Такое у тебя часто случается. Я это понял, пока изучал твою историю. Чисто по-детски: сперва действовать, а потом разбираться с последствиями. Ты старательно поддерживаешь такое поведение — действовать без размышлений, — хотя жизненного опыта у тебя хоть отбавляй. Пора бы вроде и поумнеть. Вот что это такое — жить в согласии со своей

природой.

Я смотрел на него, пребывая в полном замешательстве.

— Мои доверенные лица сообщили, что ты здорово обозлился на Шахар. Почему?

Я выпятил челюсть:

— Не хочу об этом говорить…

— Так или иначе, ты все же не убил ее.

Я нахмурился:

— Тебе-то что? Ты с ней годами не разговаривал.

Дека покачал головой:

— Я еще люблю ее. Но меня уже однажды использовали как оружие против нее. И я не допущу, чтобы такое повторилось.

Резко оттолкнувшись от двери, он двинулся ко мне. Его поведение меня так встревожило, что я даже отступил на шаг и лишь потом спохватился.

— Вместо этого я стану ее оружием, — сказал он.

Учитывая все обстоятельства, мне понадобилось постыдно долгое время, чтобы осознать: он обратился ко мне на изначальном языке.

— Какого хрена ты творишь? — напрягся я, стиснув кулаки, чтобы удержаться и не захлопнуть

ему рот. — Заткнись, пока ты нас не прикончил!

Тут он окончательно потряс меня тем, что лишь улыбнулся и принялся расстегивать свой балахон.

— Я много лет произношу магические слова, Сиэй. Я научился слышать этот мир и звезды над ним — так, как слышат их боги. Я чувствую, когда реальность начинает вслушиваться в меня, и знаю, когда самое тихое слово может пробудить ее гнев или привести к покорности. Не могу объяснить, каким образом я это понимаю, однако понимаю.

«Потому что ты — один из нас», — чуть не выпалил я.

Но мог ли я быть в этом уверен? Ведь его кровь меня не убила. Я пытался что-то сообразить, а он тем временем раздевался.

Когда он расстегнул балахон, я все понял еще прежде, чем он расшнуровал белую нательную рубашку: буквы испускали темное свечение, видимое сквозь ткань. Черные отметины многими дюжинами шагали по его груди и плечам, постепенно спускаясь по плоским квадратикам живота.

Я в недоумении рассматривал их. Писцы наносили себе подобные метки всякий раз, когда

осваивали новое вызывание: этого требовало их искусство. Они наносили на непрочную смертную плоть могущественные слова, и лишь искусство и воля не давали магии их пожрать. Однако они пользовались обычными чернилами и смывали их по завершении ритуала. Так вот, я сразу увидел, что пометки Деки были вроде сигил кровного родства, какими пользовались Арамери. Они были постоянными. И смертоносными.

И кстати, они совсем не выглядели работой писца. Стиль был совершенно другим. Их линиям не была присуща этакая паучья угловатость, которую я привык видеть в произведениях писцов: уродливо, зато действенно. Письмена Деки были текучи и обладали почти геометрической красотой. Я ничего подобного еще не видел. И тем не менее в них была сила: я легко читал ее в их вихрящихся очертаниях. А еще надписи обладали смыслом — многослойным, точно поэзия, и ясным, словно метафора. Ведь магия, в конце концов, всего лишь общение.

Общение — и канал передачи.

Об этом мы смертным никогда не рассказывали. Бумага и чернила — слишком слабые сущности, чтобы строить на них здания волшебства. Дыхание и звук уже лучше, но ненамного.

Другое дело, что мы, боги, прибегаем к ним по собственному выбору, ведь смертное царство так хрупко. И еще потому, что смертные опасно быстро все схватывают.

А вот плоть создает отменный канал передачи. Арамери это выяснили путем проб и ошибок, но в полной мере так и не поняли. Наши с ними соглашения они записывали на собственных лбах ради защиты и называли эти метки сигилами родства, словно они действительно его означали, и мы действительно не могли их убить, пусть даже надписи и были составлены из рук вон плохо. Теперь же Дека врезал воззвания к могуществу в собственную кожу, и тело придало словам значимость. Он даже создал для этого свой шрифт, куда более гибкий и красивый в написании, нежели грубые попытки его собратьев-писцов, и я уже знал, что вселенная не откажет ему.

Он еще не достиг воистину божественного могущества — его плоть оставалась смертной, и надписи имели лишь ограниченный смысл, — но уже явно превосходил всех когда-либо живших писцов. Меня посетило смутное подозрение, что его метки окажутся даже могущественней, чем маски северян: как ни крути, те состояли всего лишь из дерева и божественной крови. Дека до-

стиг куда большего.

Как оказалось, я стоял с открытым ртом, и он улыбнулся. Потом запахнул рубашку.

— К-каким образом? — выдавил я. Впрочем, я уже догадался. Демон в качестве писца! Сочетание, которого мы уже выучились страшиться. И вот оно, это сочетание, стоит передо мной и устремлено к новой цели. И я изменил вопрос: — Почему?

— Все дело в тебе, — ответил он очень тихо. — Я собирался тебя разыскивать.

На мое счастье, в комнате имелся небольшой диванчик. Я и опустился на него, потому что ноги меня не очень держали.

Потом мы рассказали друг другу о себе. И вот что поведал мне Дека.

Отправить его в ссылку предложила Шахар. В те напряженные дни после нашего ритуала и полученных детьми увечий в залах Неба только и было разговоров, что о неминуемой казни Деки. Набралось около дюжины чистокровных и человек двадцать или тридцать высокородных, требовавших этого. В прежние времена их мнение мало что значило бы, поскольку власть главы семейства была абсолютной. Однако нынче высокородные сами обрели власть. Иные из

них держали собственных писцов и убийц, а у некоторых имелись даже свои войска. Если они объединятся в достаточном количестве и выступят против Ремат, то могут ее свергнуть. За две тысячи лет истории Арамери ничего подобного не случалось, но теперь…

Но когда раздались голоса, требовавшие смертной казни для Деки, за него заступилась Шахар: она встала на сторону брата, как только достаточно окрепла и смогла говорить. Она не побоялась открытого спора с Ремат, который Дека назвал легендарным. И он воистину был таковым, если учесть, что одной из спорщиц было всего восемь, и эта девочка сумела не только понять, что изгнание будет для него предпочтительней смерти, но и отстоять свою точку зрения. Дека теперь ни за что не получил бы достаточной поддержки, чтобы его признали наследником, — даже если не принимать во внимание его внешность. Теперь ему в наилучшем случае светило пожизненное клеймо неудачника. А Шахар доказывала, что брат ей нужен живым: ей не обойтись без советника, который сам настолько ни на что не сможет претендовать, что волей-неволей будет служить ей верой и правдой — просто чтобы остаться в живых.

И Ремат согласилась с ней.

— Полагаю, дорогая сестрица дополнит это, когда я вернусь, — сказал Дека, с негромким вздохом касаясь незавершенной сигилы на лбу.

Я медленно кивнул. Возможно, он был прав.

Итак, он покинул Небо и уехал в «Литарию». Первые несколько месяцев ссылки были для него сплошным горем, ибо детское восприятие запечатлело лишь отречение матери и предательство сестры. Он не мог предвидеть лишь одного основополагающего обстоятельства.

— Я счастлив здесь, — просто сказал он. — Конечно, в мире нет совершенства, и здесь полно враждующих компаний, идет своя политика, кое-кто нечестен. Все как везде. Но если сравнивать с Небом, то здесь прямо рай безоблачный.

Я снова кивнул. Счастье — великая целительная сила. Помноженное на мудрость, обретенную при взрослении, оно помогло ему осознать, что реально совершила для него Шахар и почему она поступила именно так. К тому времени успело миновать несколько лет, в течение которых он, не читая, возвращал все ее письма, пока она не перестала их посылать. Сейчас же возобновлять переписку было бы смертельно опасно, потому что любой соперник Шахар — а они уж точно

следили за ее почтой — непременно узнает, что у нее опять появилось слабое место по имени Дека. Она была неуязвима, пока притворялась, будто больше не любит его, и в качестве доказательства могла предъявить свое участие в решении о его ссылке. А если и Дека будет притворяться, что перестал ее любить, в безопасности окажутся оба.

Тут я медленно покачал головой. План Деки вызывал у меня смутное беспокойство. Любовь не может зависеть от каких-то условий. Я слишком часто видел, чем такое кончалось. Применительно к любви условия создавали щелку в непроницаемой броне, становились скрытым дефектом в идеальном оружии. И броня рассыпалась прахом, причем в самый неподходящий момент. А оружие обращалось против владельца. Игра, которую вели Дека и Шахар, очень легко могла обернуться реальностью.

Но не мне было о том рассуждать, потому что они во многом еще оставались детьми, а дети лучше всего учатся на собственном опыте. Я мог лишь молиться Нахадоту и Йейнэ, прося, чтобы этот урок не оказался для близнецов слишком болезненным.

Когда мы кончили разговор, Дека встал. Мы с ним просидели около часа, и за окнами лабора-

тории солнце успело перевалить за полдень. Я успел проголодаться, но никто не спешил подавать нам еду. Может, в этом месте, где иерархия определяется ученостью, вообще нет слуг?

Словно угадав мои мысли (а может, расслышав сердитое урчание у меня в желудке), Дека подошел к шкафу, выдвинул ящик и достал несколько плоских хлебцев и кружок сухой колбасы. Отнес все это на стол и стал резать.

— Так зачем ты здесь? — спросил он. — Не затем же, чтобы просто повидать старого друга?

Он все еще считал меня другом. Я постарался не показать ему, насколько сильно это на меня подействовало.

— Хочешь, верь, хочешь, не верь, но я действительно просто хотел тебя повидать. Любопытство, знаешь ли, разобрало — каким ты стал?

— Не очень-то сильно оно тебя разбирало. Ты целых два года сюда добирался.

Я вздрогнул, как от боли.

— Ты знаешь, после Шахар… В смысле, после того, что случилось… Я уже не хотел видеть тебя, потому что боялся: а вдруг ты окажешься… таким же, как она. — Дека ничего не ответил, продолжая возиться с едой. — А еще я думал, что теперь ты, наверное, уже вернулся во дворец.

— Почему?

— Из-за Шахар. Она заключила сделку с вашей матерью, чтобы вернуть тебя домой.

— И ты решил, что я помчусь туда, как только сестра пальчиками щелкнет?

Я растерянно замолчал. Пока я сидел, соображая, что говорить дальше, Дека принес хлеб и колбасу и поставил их передо мной, точно он был не Арамери, а простой слуга. Взяв кусочек, я сразу понял, что колбаса не какая-нибудь бедняцкая, из хрящей и всяких ошметков. Она была очень вкусная, хорошо сдобрена корицей, и ярко-желтая, как велели местные вкусы. Может, «Литария» и заставила сына Ремат Арамери самому накрывать себе на стол, но еда, по крайней мере, соответствовала его высокому положению. Он выставил еще и бутылочку вина — легкого, хмельного и опять-таки очень качественного.

— Вскоре после того, как ты покинул Небо, мать прислала письмо, намекая, что я мог бы вернуться, — сказал Дека, усаживаясь напротив меня и тоже отправляя в рот кусочек. Проглотив, он печально усмехнулся. — Я объяснил в ответ, что предпочел бы остаться здесь, пока не завершу некоторые исследования.

Такая дерзость заставила меня от души расхо-

хотаться.

— Ты выдал ей, что вернешься, только когда сам того захочешь и будешь готов? И она не попыталась принудить тебя?..

— Нет. — Дека помрачнел еще больше. — Но заставила Шахар написать мне и задать тот же вопрос.

— И что ты ответил?

— Ничего.

— Ничего?

Он откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу, поигрывая стаканом вина. Мне не понравилась его поза — уж очень она напоминала Ахада.

— Нужды не было. Письмо Шахар было скорее предупреждением. Оно гласило: «Говорят, обычный курс обучения в „Литарии“ составляет десять лет. Полагаю, ты наверняка закончишь свои исследования за этот срок?»

— Звучит так, словно тебе назначили крайний срок.

Он кивнул:

— Два года, чтобы закруглиться здесь и вернуться в Небо, или, несомненно, согласие матери на мое возвращение иссякнет. — Он развел руками. — Сейчас я как раз на десятом году.

Я подумал обо всем, что он мне показал и рассказал. Новая и странная магия, которую он сам разработал. Его обет стать личным оружием Шахар…

— Значит, ты возвращаешься.

Он пожал плечами:

— Я покидаю «Литарию» через месяц. Скорее всего, приеду домой в середине лета.

Я нахмурился:

— Два месяца на поездку? — «Литария» была независимой территорией среди сонных пахотных угодий провинции Виру, что на юге Сенма. (Ее независимость объяснялась просто: если магия когда-нибудь разнесет школу в клочья, погибнут лишь несколько фермеров.) До Неба отсюда было не так уж и далеко. — Ты же писец. Начерти сигилу врат.

— Мне нет нужды что-то рисовать. У «Литарии» есть постоянно действующие врата, которые можно нацелить на Небо. Но прибыть туда через врата — значит дать повод думать, будто я опасаюсь покушения. Семейная гордость, знаешь ли… Ее тоже надо учитывать. И, что еще важнее, я не хотел бы просочиться в Небо тайком, точно нашкодивший пес, которого пустили обратно в дом…

Он сделал глоток из стакана. Его глаза над стеклянным ободком были темными и смотрели холодно. Я и не думал, что когда-нибудь увижу у него такой взгляд.

— Пусть мать и все остальные увидят, что им угодно было создать, отправив меня сюда. А если они не пожелали любить меня… Что же, страх — вполне приемлемая замена любви.

Я на некоторое время утратил дар речи. Передо мной сидел совсем не тот Дека, какого я помнил. Но ведь он уже не дитя, а ума у него хватало всегда. Он не хуже меня знал, что его ждет в Небе. И я не мог винить его за то, что он ожесточился, готовясь к возвращению. И лишь в глубине души скорбел о том милом мальчике, с которым познакомился когда-то.

По крайней мере, он не стал таким, каким я боялся его увидеть: чудовищем, достойным лишь смерти.

Пока не стал…

Я молчал, и Дека посмотрел на меня. Его взгляд длился чуть дольше, чем следовало. Ощутил ли он мою тревогу? Желал ли он, чтобы я встревожился?

— Так… что ты собираешься делать? — спросил я, приложив все усилия, чтобы не запинаться.

Он пожал плечами:

— Я сообщил матери, что поеду сухим путем, и набросал примерный маршрут. Потом отослал письмо с простым курьером, снабдив печать лишь обычными сигилами конфиденциальности.

Я присвистнул с показным легкомыслием.

— Этак с ним во дворце ознакомится всякий высокородный, — сказал я и нахмурился. — А ведь есть еще и те убийцы с масками. Боги благие, Дека, если кто-либо из родни желает твоей смерти, ты сам дал им в руки карту лучших мест для засады!

— Именно так и случится, особенно если мать выделит мне для сопровождения урезанную охрану. — Дека снова пожал плечами. — Ей, как главе семьи, положено хотя бы делать вид, будто она всячески оберегает Главную Семью, прямых наследников Основательницы. Если она не будет этого делать, то грош ей цена как правительнице. Так что, скорее всего, она пришлет для моей охраны целый легион. Вот и получается, что быстрее чем за два месяца мне не добраться.

— Ты сам вырыл себе яму. Бедный Дека!

Он улыбнулся, и я расплылся в ответ. Тем не менее внутренне мне было не до веселья.

— Но что, если нападение все-таки произойдет? Наемные убийцы, неважно, кто их подошлет? Или легион вражеских солдат?

— Справлюсь.

Самоуверенность. Глупая самоуверенность.

— Ты должен бояться, Дека. И неважно, каким могущественным ты стал. Я видел последствия магии тех масок. К такому никакая «Литария» не сможет подготовить.

— Я видел записи Шевира, да и «Литария» очень плотно занималась расследованием этих магических нападений. Маски близки и к искусству писцов, и к божественному языку: они всего лишь символическое отображение понятия. Стоит с этим разобраться, и разработка защитного средства не составит труда. — Он пожал плечами. — Кстати, изготовители масок понятия не имеют о новой форме магии, которую я разработал. И никто не имеет, кроме меня. Только ты теперь о ней знаешь.

— Ну… словом…

Я не знал, что еще сказать, и умолк.

Дека вдруг улыбнулся.

— А мне это нравится, — сказал он, кивая в мою сторону. — Ты теперь другой, и не только физически. Перестал быть этаким мелким паршивцем.

Ты теперь…

Он помолчал, подыскивая слово.

— Бессердечный ублюдок? — с улыбкой подсказал я. — Мерзкая задница?

— Усталый, — проговорил он, и я перестал улыбаться. — Неуверенный в себе. Тот прежний мальчишка в тебе никуда не делся, но почти погребен под всякой всячиной. И заметнее всего — страх.

Каким-то образом эти слова жалили, и пребольно. Я смотрел на него и пытался угадать почему.

Его лицо смягчилось, как бы прося прощения за сказанное.

— Тебе, наверно, туго пришлось. Ты — само воплощение жизни, а тут впереди смерть.

Я отвернулся:

— Если смертные это выдерживают, значит и я выдержу.

— Не все смертные выдерживают, Сиэй. Ты никогда еще в хлам не напивался, не впутывался в опасные ситуации, не подставлял голову еще сотней разных способов. Если учесть, что смерть для тебя — совсем новое переживание, ты держишься на удивление хорошо.

Он подался вперед, уперся локтями в колени и пристально заглянул мне в глаза.

— Но важнейшая перемена в тебе — ты перестал быть счастливым. Одиноким ты был всегда: я и ребенком это понимал. Но в те времена одиночество не могло тебя разрушить. А как с этим сейчас?

Я отшатнулся, а мои мысли сперва потрясенно замерли, потом оскорбленно взвились, но силенок не хватило, и они так и остались болтаться где-то посередине. Я уже собрался что-то соврать, но передумал. Оставалось только молчать.

На лице Деки возникла тень былого самоуничижения; он грустно улыбнулся:

— Я все еще хочу помочь тебе, но не уверен, смогу ли. Начнем с того, что ты не знаешь точно, нравлюсь ли я тебе, как когда-то.

— Я… — вырвалось у меня, но договорить я не смог.

Поднявшись, я отошел и уставился в окно. Я не знал, что теперь говорить и как себя вести. И я не хотел, чтобы он еще что-нибудь говорил. Если бы я не утратил былое могущество, то сейчас попросту убрался бы из «Литарии». А то и вовсе покинул бы царство смертных. В моем нынешнем состоянии я мог сбежать лишь на другой конец комнаты. Что я и сделал.

Стоя там, я расслышал его вздох, но слов не

последовало — он надолго замолчал. Пока длилось это молчание, я начал успокаиваться. И что я вообще так разволновался? Я снова ощущал себя ребенком, мальчиком из старой теманской сказки, у которого от страха дрожали пуговицы. К тому времени, когда Дека снова заговорил, я почти пришел в себя. Ну, в себя — это сильно сказано. Скажем так: в себя смертного.

— Тогда, много лет назад, ты пришел к нам, потому что тебе что-то было нужно, Сиэй.

— Да уж не двое смертных сопляков, — сердито буркнул я.

— Наверное, нет. Но мы дали тебе что-то, в чем ты нуждался, и ты еще дважды возвращался за этим. И в итоге я оказался прав: тебе действительно требовалась наша дружба. Я так и не забыл сказанного тобой в тот день: «Дружба может длиться дольше, чем детство, если друзья продолжают доверять и тогда, когда вырастают и меняются».

Я услышал, как он переместился на стуле и уставился мне в спину.

— Это было предупреждение.

Я вздохнул и потер глаза. Хлеб и колбаса как-то неохотно устраивались у меня в желудке.

— Это была сентиментальная трепотня, — воз-

разил я.

— Сиэй… — Откуда он столько знает при его-то молодости? — Ты ведь собирался убить нас. Стань мы Арамери вроде тех, кто когда-то превращал твою жизнь в ад, — то есть если бы предали твое доверие, — ты знал, что в таком случае тебе пришлось бы убить нас. Та клятва и сама твоя природа потребовали бы этого. И ты сказал нам об этом, потому что тебе не хотелось в будущем нас убивать. Ты хотел завести настоящих друзей. Друзей на всю жизнь.

Неужели все так и было? Я безнадежно рассмеялся:

— А теперь меня ненадолго хватит.

— Сиэй…

— Будь все так, как ты говоришь, Дека, я убил бы Шахар. Она ведь меня предала. Она знала, что я любил ее, и все равно использовала меня. Она…

Я помолчал, глядя на свое отражение в оконном стекле. Изможденное, страдающее лицо, слишком крупное для меня настоящего, не той формы. И старое. Я не мог понять, с какой стати множество смертных находило меня привлекательным — в таком-то облике. На заднем плане отражения просматривался Дека. Наши глаза встретились.

— Я с ней переспал, — сказал я, желая сделать

ему больно и вынудить заткнуться. — Я был у нее первым, как выяснилось. Маленькая госпожа Шахар, наша умница, само совершенство… Слышал бы ты, Дека, ее страстные стоны! Это было как песню самого Вихря услышать.

Дека лишь улыбнулся, хотя его улыбка показалась мне вымученной.

— Я слышал о том замысле матери. — Он помолчал. — Так ты поэтому Шахар не убил? Потому что это была затея матери, а не ее?

Я покачал головой:

— Да не знаю я, почему ее не убил. Не было никакой внятной причины. Я просто делаю то, что кажется правильным.

И я стал тереть виски, где зарождалась головная боль.

— И тебе показалось неправильным убить девушку, которую ты любил…

— Боги благие, Дека! — Я обернулся к нему, стискивая кулаки. — Да что нам, обсудить больше нечего?

— Так это была просто похоть? Бог детства полез на первую встречную женщину, да еще толком не выросшую, которая не возражала?

— Нет! Конечно же нет!

Вздохнув, он встал.

— Или она стала лишь еще одной Арамери, что силком затащила тебя в постель? — Впрочем, выражение его лица явно свидетельствовало, что он даже отдаленно в такое не верил. — Ты желал ее. Ты любил ее. Она разбила тебе сердце. А ты не убил ее, потому что все еще любишь. Почему это тебя настолько беспокоит?

— И вовсе не беспокоит.

Однако это была неправда. Беспокоило, и еще как, хотя не должно было. Какое, спрашивается, мне дело, если тот или иной смертный сделал именно то, чего от него следовало ожидать? Богу не подобает из-за такого волноваться. Бог…

…не должен нуждаться в смертных, чтобы быть счастливым.

Боги, боги благие, что же со мной происходит? Что не так? Боги…

Дека вздохнул и подошел ко мне. Как много всего читалось в его глазах. Печаль. Сострадание. Гнев, правда направленный не на меня. Беспомощность. И что-то еще. Он остановился против меня, и я удивился гораздо меньше, чем следовало бы, когда его ладонь коснулась моей щеки и задержалась на ней. И я не стал отстраняться, хотя следовало бы.

– *Я* тебя не предам, — как-то слишком тихо

проговорил он.

Так с другом не разговаривают. Кончики его пальцев прошлись по краю моей челюсти. И это тоже не было прикосновением друга. Но — я и не думал — неужели он…

— И я никуда не денусь. Я так долго тебя ждал, Сиэй.

Я растерянно вздрогнул и кое-что вспомнил.

— Погоди, откуда ты мог узнать…

Потом он поцеловал меня, и я рухнул.

В него.

А может, это он объял меня.

Такие вещи неизъяснимы словами. По крайней мере, словами любого языка смертных. Я могу лишь попытаться, наверняка ужасно коряво, потому что голова моя тоже работает не так, как когда-то, и я хочу понять. Вспомнить. Хочу вновь ощутить вкус его рта: пряности, мясо, некая сладость. Он всегда был таким милым, особенно в нашу первую встречу, когда заглянул мне в глаза и попросил выручить их. Как меня притягивала его кротость! Его рот приоткрылся, и я бросился внутрь, чтобы встретиться с ним на полпути. В тот день я благословил его. Вот, наверное, почему сегодня чистейшая магия изошла из него, наполнила горло, влилась в меня и наполнила,

переполнила все мое существо, и я ахнул и хотел закричать, но он все не отпускал моих губ. Я хотел податься назад, но там было окно. Мы не могли безопасно перенестись в иные царства. Мне оставалось только высвободить магию или погибнуть. Поэтому я открыл глаза.

Каждый светильник в комнате пылал костром, взрываясь вихрями искр. Стены тряслись, пол вздымался. Книги сыпались с полок. Я слышал, как за спиной зловеще дребезжит оконная рама. Этажом выше раздался чей-то встревоженный крик. Потом Дека прервал поцелуй, и мир замер, как прежде.

Тьма, проклятие и демоны Арамери, не осознающие осьмушку собственной крови…

Дека дважды моргнул, облизнулся и расплылся в той самой восторженной ухмылке — мол, смотрите-ка, что я натворил! — которой некогда славился я сам.

— Даже лучше, чем я ожидал, — сказал он.

Я кивнул ему за спину, на разгромленный интерьер.

— А этого ты ожидал?

Он оглянулся, и глаза у него округлились при виде рухнувших полок и светильников, от которых валил дым. Один валялся на полу с разбитым

стеклом. Пока Дека его разглядывал, на пол сиротливо упал свиток, опоздавший свалиться вместе с остальными.

Я коснулся его плеча:

— Ты должен отослать меня обратно в Тень.

Мои слова заставили его оглянуться, он хотел возразить, но я крепко стиснул его плечо и заставил слушать.

— Нет. Я не стану больше этого делать, Дека. Я не могу. Ты был прав в том, что касалось Шахар. Но именно поэтому я… с тобой… я… — Я вздохнул, и на меня навалилась необъяснимая усталость. Ну почему переживания смертных всегда случаются в самое неподходящее время? — Боги благие, я не могу прямо сейчас…

Я видел, как Дека отчаянно изобретал какой-нибудь «взрослый» ответ, и это меня порадовало, ибо означало, что в свои восемнадцать он не очень-то меня перерос. Он набрал полную грудь воздуха и отодвинулся. Запустил руку в волосы. Отвернулся, подошел к столу и достал лист толстой отбеленной бумаги, какая была в ходу у писцов. Взял кисточку, чернильный камень, палочку и сосуд с другого стола.

— Способ, которым ты прибыл сюда, говорил о магии богов, — сказал он, не оборачиваясь.

— Родственник помог, — пояснил я и мысленно добавил: «…твой прадедушка». Ахаду, наверное, понравится.

— А-а… — Он готовил чернила, медленно и задумчиво перетирая пальцами испещренный сигилами камень. — Как думаешь, я смогу в другой раз вызвать тебя так, как это тогда сделала Шахар?

Он был так напряжен, что даже не пытался задавать наводящие вопросы. Я вздохнул и сказал ему то, что он хотел услышать:

— Полагаю, есть только один способ это проверить.

— А можно будет попробовать? В подходящий момент, конечно.

Я снова прислонился к окну.

— Да.

— Хорошо.

Напряжение, чувствовавшееся в его широких плечах, немного отпустило. Он быстрыми и решительными движениями стал набрасывать сигилу врат, поразительно быстро по сравнению с писцами, которых мне доводилось видеть. Линии, которые он творил, были безупречны. Я ощутил могущество сигилы в тот миг, когда Дека нанес завершающий штрих.

— Возможно, я сумею тебе помочь. — Он произнес это отрывисто, с присущей писцам сухой отрешенностью. — Ничего обещать, естественно, не могу, но магия, которую я разрабатывал, — все эти пометки на моем теле — имеет целью пробуждать сокрытое в душе. Что бы ни происходило с тобой, ты по-прежнему являешься богом. А значит, у меня есть с чем работать.

— Отлично.

Дека положил сигилу на пол и отступил. Когда я подошел, его лицо старательно хранило непроницаемое выражение, словно он стоял перед Ремат. Я почувствовал, что не могу просто уйти и оставить наши отношения вот так, как есть.

Поэтому я взял его руку. Ту самую, которую держал много лет назад, когда его демонская кровь смешалась с моей и все-таки не убила меня. На его ладони не осталось следа, но я прекрасно помнил, где находился порез. Я провел по этому месту кончиком пальца, и ладонь дрогнула, отвечая.

— Я рад, что все-таки заглянул повидаться.

Он не улыбнулся. Но его рука ненадолго сжала мою.

— Я не Шахар, Сиэй. Не наказывай меня за то, что она сделала.

Я устало кивнул. Потом отпустил его руку, всту-

пил на сигилу и подумал о Южном Корне. Мир вокруг размазался, повинуясь приказу Деки и моей воле, и я насладился мимолетной иллюзией власти. А потом, когда вокруг сомкнулись стены моей комнаты в доме Гимн, я улегся на кровать, прикрыл рукой глаза и остаток ночи не думал ни о чем, кроме поцелуя Деки.

14

До чего же здорово было бежать вверх по склону песчаной дюны! Опустив голову, я глядел под ноги и старательно взбивал за собой песок, нарушая совершенство ряби, которой ветер окружил пучки редкой травы. Добравшись до вершины, я уже запыхался, и сердце громко билось в клетке из ребер и мышц. Я остановился, уперев руки в бедра, и улыбнулся, глядя на берег и беспредельную ширь моря Раскаяния. Я чувствовал себя сильным и непобедимым, хотя это было совсем не так. Но мне было все равно. Мне было хорошо, и это было здорово само по себе.

— Привет, Сиэй! — крикнула моя сестра Паучок. Она играла с прибоем, танцуя у края воды. Соленый океанский бриз доносил ее голос так отчетливо, словно она стояла рядом.

— Привет! — с улыбкой ответил я, широко раскидывая руки. — Из всех океанов на свете тебе понадобилось выбрать кипяченый?

Одна из моих сестер, Огневка, во время Войны богов вела здесь легендарную битву. И победила — но перед этим море Раскаяния превратилось в кипящую уху из бесчисленных морских существ.

— А мне нравится, какой здесь у волн ритм! — отозвалась Паучок.

Танцуя, она вытворяла нечто странное: низко приседала, прыгала с ноги на ногу, и при этом никакого особого ритма в ее движениях не наблюдалось. Но надо знать Паучка: когда ей надо, она создает собственную музыку. Это свойство множества детей Нахадота — они слегка безумны, но и прекрасны в своем сумасшествии. Такое вот гордое наследство досталось нам от отца.

— Все умершие здесь существа кричат так согласованно. Разве ты их не слышишь?

— Нет, к сожалению.

Мне уже было почти не больно сознаваться, что мое детство минуло и никогда не вернется. Смертные не очень склонны к унынию.

— Какая жалость! Но танцевать ты хотя бы не разучился?

Вместо ответа я сбежал по склону, ступая боком и съезжая, чтобы не потерять равновесия. Достигнув ровного места, я сменил шаг на подскакивания из стороны в сторону, популярные в Верхнем Ру за столетия до Войны богов. Паучок захихикала и тут же выскочила из воды, чтобы присоединиться к моему танцу. Она меняла шаг, зеркально дополняя мои движения. Мы сошлись

у кромки прилива, где сухой песок сменялся плотным и влажным. Здесь она схватила меня за руки и затеяла новый танец, состоявший из медлительных симметричных вращений. Нечто амнийское? Или изобретенное уже здесь и сейчас? Паучок не видела разницы.

Я улыбнулся и повел ее, закрутил, увлекая то к воде, то прочь от нее.

— Ради тебя я всегда готов танцевать.

— А все же ты разучился. Никакого чувства ритма!

Мы находились в Северном Теме, за жителями которого мы так давно наблюдали. Паучок приняла облик местной девочки, невысокой и гибкой. Правда, волосы она уложила в кичку на затылке, которую не стала бы носить ни одна уважающая себя теманка.

— Так ты что, совсем музыку не слышишь?

— Ни единой ноты. — Я поднес к губам ее руку и поцеловал тыльную сторону кисти. — Однако я слышу и биение своего сердца, и шум катящихся волн, и пение ветра. Может, я не совсем попадаю в такт, но, знаешь, чтобы любить танцевать, не обязательно быть хорошим танцором.

Она просияла от восторга и закрутила нас, переняв у меня ведущую роль так искусно, что я это

невольно отметил.

— Я ужасно соскучилась по тебе, Сиэй. Никто из наших никогда так не любил двигаться, как ты!

Я запустил ее волчком — так, чтобы затем поймать и обнять сзади. От нее пахло потом, солью и радостью. Я зарылся лицом в ее мягкие волосы и услышал шепот древней магии. Она была уже не дитя, но отнюдь не забыла, как играть.

— Ой!

Она вдруг остановилась и застыла в напряженном внимании. Я тоже поднял взгляд, желая рассмотреть, что так ее привлекло. И увидел, что всего в дюжине футов от нас возле дюны топчется юноша — гибкий и смуглый молодой красавец. Он застенчиво разглядывал нас, готовый в любой момент убежать. Ни башмаков, ни рубашки на нем не было, штаны закатаны до колен, в руке ведерко с выкопанными из песка моллюсками.

— Он из твоих верных? — шепнул я на ушко Паучку и поцеловал это ушко.

Она хихикнула, хотя на лице у нее была написана жадность.

— Быть может, тебе лучше отодвинуться, братец? Он и так ужасно смущен, а ты больше не мальчик.

— Как они хороши, когда любят нас, — прошеп-

тал я, жадно прижался к ней и в бесчисленный раз вспомнил Деку.

— Да, — сказала она и, завернув руку назад, погладила меня по щеке. — Но я не стану делиться, Сиэй, и к тому же я все равно не та, кого ты желаешь. Ну-ка, пусти!

Я неохотно повиновался и отошел, отвесив юноше замысловатый поклон: пусть знает, что ему здесь рады. Он облизнулся и поклонился в ответ, так опустив голову, что длинные заплетенные пряди упали ему на лицо. Он явно был беден и потому уснастил свои косички не металлическими обручами с яркими камешками, как было в обычае у теманцев, а длинными волокнистыми водорослями с нанизанными кусочками ракушек и разноцветных кораллов. И он уже шел к нам, верно истолковав наше молчаливое приглашение и поднимая перед собой ведерко с ракушками: он хотел принести их в дар. А ведь это, скорее всего, была вся его дневная добыча. Вот он, знак искренней преданности!

Пока он несмело приближался, Паучок оглянулась на меня. Ее глаза блестели.

— Ты ведь хочешь разузнать насчет Каля?

— Откуда ты знаешь? — удивленно моргнул я.

Она улыбнулась:

— Я-то, братец, по-прежнему ясно слышу этот мир. Ветер говорит, что ты сейчас на побегушках у Ахада, этого новенького. И все знают, на кого он, в свою очередь, работает.

— Я вот не знал, — поведал я и не сумел полностью согнать с лица кислое выражение.

— Это потому, что ты взбалмошный и капризный. И потом, разве не для этого ты сюда заявился? Больше в Теме тебя ничто привлечь не могло!

— Может, я просто хотел с тобой повидаться…

Она рассмеялась так весело и звонко, что я поневоле заулыбался. Мы с ней всегда понимали друг дружку.

— Ну ладно, ради прошлого. Ради тебя, Сиэй.

Паучок сделала быстрый пируэт, оставивший на песке странный и могущественный узор, встала на носок и наклонилась ко мне, причем ее вторая нога изящно взвилась к небу. Ее глаза, до этого момента обыкновенные карие, внезапно засияли и изменились. Откуда-то взялись еще шесть крохотных радужек со зрачками, заняв место вокруг прежних, а те немного ужались, давая им место. Ловец ракушек остановился в нескольких футах от нас, его глаза округлились при виде этого зрелища. Я его не винил: Паучок

была великолепна.

— Время никогда не было таким прямолинейным, как того хотелось бы Итемпасу, — проговорила она, гладя меня по щеке. — Оно больше похоже на паутину, и мы танцуем на ее нитях. Ты это знаешь.

Я кивнул и уселся напротив нее, скрестив ноги.

— Никто не умеет танцевать так, как ты, сестрица. Расскажи, что можешь.

Она тоже кивнула и некоторое время молчала.

— На равнинах был зажжен огонь… — начала она.

Пока она говорила, я на мгновение увидел позади ряда ее зубов шевелящиеся щупальца, похожие на пальцы. Когда она пребывала в таком состоянии, то разговаривала при помощи магии, иначе она не говорила бы, а шепелявила, а тщеславие этого не допускало.

— Огонь? — подсказал я, когда молчание затянулось.

Ее глаза стрельнули по сторонам, обшаривая миры, которых мне даже во времена божественности никогда не удавалось достичь. За этим я, собственно, сюда и явился. Паучка непросто было уговорить обозреть прошлое или будущее, уж

очень она не любила танцевать на этих тропинках. А когда приходилось, она делалась странной и опасной и желала лишь прясть, спариваться и есть. Собственно, в этом мы с ней были похожи: мы оба некогда носили иной облик и своеобычными способами исследовали собственную природу. Новые способы понравились нам больше прежних, но от прошлого так просто не отречешься.

— Кажется, факел держит новая энну даррцев. Но огонь распространится далеко-далеко за пределы этого царства.

Я невольно нахмурился:

— Как могут деяния смертных повлиять на что-либо, кроме дел смертного мира?

Вопрос прозвучал глупо. Как будто мне не пришлось страдать две тысячи лет из-за злобы одного-единственного человека!

Паучок задрожала, ее глаза остекленели, однако равновесия она не теряла, продолжая хранить танцевальную позу на одном пальце. Юноша с ракушками недоуменно хмурился, не поднимаясь с колен, ведерко стояло перед ним. Я знал: отделавшись от меня, Паучок потребует с него танец. Если танец ей понравится и если парню повезет, она несколько часов будет заниматься с ним любовью, после чего отошлет. Если же

удача от него отвернется… Что ж, ракушки станут отличной закуской, а в остальном — просьба не обижаться. Смертные, решившие нас любить, хорошо знают, на какой риск идут…

— Морская раковина. — Голос Паучка упал до шепота, невнятного и невыразительного. — Она плывет на зеленом дереве, сияя, как белая кость. Внутри — предательство, любовь, годы и снова предательство. Ах, Сиэй! Все твои прежние ошибки возвращаются, чтобы не давать тебе житья…

Я вздохнул, для начала подумав о Шахар, Деке и Итемпасе.

— Знаю.

— Нет. Ничего ты не знаешь. Или, точнее, знаешь, но это знание погребено очень уж глубоко. То есть было погребено…

Она наклонила голову, и все двенадцать зрачков одновременно расширились. Ее взгляд, устремленный на меня, затягивал. Я заглянул в эти дыры и увидел бездонные провалы, затянутые тонкими паутинками. Я тотчас подался назад и быстро отвел взгляд. Всякий, кого Паучок увлечет в свой мир, с этого момента принадлежит ей, и отпускает она далеко не всегда. Даже тех, кого любит.

— Песнь ветра все громче, — прошептала

она. — «Сиэй, Сиэй, Сиэй!» — разносится по залам неисповедимого его шепот. И что-то начинает двигаться в этих залах, впервые после рождения Энефы. Это нечто живое. Оно думает. Оно взвешивает тебя…

Я ждал чего угодно, только не такой чепухи. Не такие слова я хотел бы услышать. Я нахмурился и облизнулся, гадая, как бы направить ее к тем знаниям, в которых я нуждался.

— Так что там насчет Каля, сестра? Это враг Арамери.

Она вдруг с силой мотнула головой и закрыла глаза:

— Он — твой враг, Сиэй, а вовсе не их. Они сейчас неважны. Они лишь невинные, ха-ха, свидетели происходящего…

Она содрогнулась всем телом и, к моему изумлению, даже покачнулась на носке, едва не потеряв равновесия. Юный сборщик ракушек поднял взгляд, на его лице читался религиозный экстаз. Я услышал, как он вполголоса пробормотал горячую молитву. Мы, боги, никогда не нуждались в молитвах, но никто не отрицал, что слышать их очень даже приятно. Они ощущаются почти как… ну… как толчки, что ли. Или как прикосновение дружеской ладони к спине, ведь даже богам вре-

менами нужно ободрение и поддержка.

Мгновение минуло, и Паучок выправила позу.

— Итемпас, — как-то устало проговорила она наконец. — Он — ключ ко всему. Оставь упрямство, Сиэй. Просто поговори с ним.

— Но… — Я вовремя прикусил язык и не произнес то, что собирался. Ибо она наконец дала мне то, в чем я нуждался. И мне ли жаловаться, что она сказала вовсе не то, что я желал бы услышать. И я лишь добавил: — Отлично.

Она со вздохом открыла глаза, и я увидел, что они снова сделались человеческими. Когда она выпрямилась и сошла с узора, начертанного на песке, аккуратно убрав пальчик ноги из его центра и не потревожив рисунка, я заметил остаточный налет магии вдоль его линий.

— А теперь уходи, братец. Приходи через миллион лет. Или когда вздумается.

— Не смогу, — тихо ответил я.

Через миллион лет от меня не останется даже праха.

Она взглянула на меня, и на краткий миг ее глаза вновь странно блеснули.

— Верно. Не сможешь. Ты просто не забывай меня, братец, за всеми этими новыми тайнами, которые тебя ждут.

Я по тебе буду скучать!

С этими словами она повернулась к юному ловцу и протянула ему руку. Он вскочил с колен и схватил эту руку, а его лицо озарилось восторгом, но тут у нее выросли еще четыре дополнительные руки и разом крепко обняли паренька. Я подумал о том, что он ей вроде как помог, поэтому не исключено, что она оставит его в живых. Может быть…

Я повернулся и зашагал через дюны, оставив сестру танцевать.

Месяц, последовавший за моей вылазкой к Деке, выдался до крайности напряженным. Через неделю пришла вполне ожидаемая весть: Ремат Арамери объявила, что наконец-то возвращает любимого сына домой. Как и предполагалось, Декарта выехал по направлению к Небу с большой помпой и с целыми тремя легионами воинской охраны. Его возвращение домой должно было превратиться в настоящий тур по дюжине королевств Южного Сенма, а прибытие в Небо-в-Тени ожидалось в благоприятный день летнего солнцестояния. Услышав о предполагаемых визитах, я расхохотался. Три легиона? Это намного превышало все необходимые меры по обеспечению безопасности Деки. Ремат, что называется, вы-

пендривалась, давая всему свету понять: если уж она смогла выделить целых три легиона лишь ради того, чтобы оградить от опасностей менее привилегированного из своих детей, то вообразите, какую силу она способна собрать для решения действительно важных вопросов!

Поэтому Ахад не давал мне засиживаться. Я посещал то вельмож, то купцов, проводил ночи на улицах разных городов, слушая пересуды простолюдинов, запуская в народ слухи и ожидая, не всплывет ли в итоге какая-нибудь правда. Проходили и встречи богочеловеческой организации, хотя на эти сходки Ахад приглашал меня лишь по необходимости. Неммер и Китр нажаловались ему после того, как я расшатал ножки их стульев. Я так и не понял, с чего они так разобиделись, ведь ни одна из них по-настоящему не упала. Упади они, это стоило бы ключицы, которую Китр сломала мне в отместку. (Ахад отправил меня к костоправу лечиться, а потом велел целый месяц ни за чем к нему не обращаться.)

Предоставленный себе, я провел последние несколько дней, прохлаждаясь в Теме. За прибрежными дюнами лежал город, колебавшийся в жарком мареве: это была Антема, столица протектората. До Войны богов это был величайший

город мира, а потом — один из немногих, переживших этот ужас без большого урона. Теперь он не производил того впечатления, что Небо: Мировое Древо и заоблачный дворец переплюнуть не так легко. Но то, чего Антеме недоставало в плане величия, она легко брала колоритом.

Хорошенько полюбовавшись видом, я вздохнул и, порывшись в кармане, достал переговорную сферу, что вручил мне Ахад.

— Что еще? — откликнулся он, когда негромкое гудение сферы наконец-то привлекло его внимание. Он отлично знал, что бывает, если долго заставлять меня дожидаться. Еще мгновение, и я прекратил бы вызов.

Я к тому времени успел решить, что не стану рассказывать ему о посещении Паучка, и соображал, не потребовать ли встречи с Итемпасом. В итоге я сказал:

— Уже неделя миновала, я начинаю скучать. Пошли меня куда-нибудь!

— Хорошо. Отправляйся в Небо и поговори с Арамери.

Я задохнулся от ярости. Он отлично знал, что я не хотел туда, и знал почему.

— Во имя демонов, о чем мне с ними говорить?

— О свадебных подарках. Шахар Арамери за-

муж выходит.

Когда я добрался до Антемы и разыскал там таверну (с намерением назюзюкаться в хлам), оказалось, что в городе только об этом и говорят.

Теманские таверны не предназначены для того, чтобы напиваться по-черному, то бишь в одиночестве. Теманцы — одна из древнейших ветвей человечества, и они имели дело с разобщенностью городской жизни задолго до того, как амнийцы начали строить себе постоянные жилища. Стены таверны, в которую я ввалился, покрывали фрески с изображениями людей, и все эти нарисованные люди внимательно на меня смотрели. Это впечатление достигалось тем, что каждая фигура была обращена лицом к наиболее посещаемым уголкам зала. Они сидели, подавшись вперед и напряженно вслушиваясь в каждое слово, которое я мог бы произнести. К этому со временем привыкаешь.

Точно так же привыкаешь и к нарочито грубой меблировке питейного зала, словно предназначенной знакомить незнакомцев. Едва я успел усесться на длинный диван и взять похожую на рог кружку медового пива, как сразу двое подсели ко мне — просто потому, что сидеть было особо не на чем, а мне воспитание не позволяло в

одиночку занимать целый диван. И конечно же, они заговорили со мной, поскольку местный музыкант, игравший на двойном оджо, по старости лет то и дело принимался надолго дремать. У нас завязалась беседа, а потом к нам присоединились две женщины, поскольку я был молод и хорош собой, да и те двое были довольно-таки привлекательны. Вскоре у нас пошел дым коромыслом, мы хохотали и веселились, и совершенно незнакомые люди обращались со мной так, словно мы дружили домами.

— Она не любит его, — сказал один из мужчин. Он уже не раз заглядывал в свою кружку, и его речь мало-помалу становилась все менее внятной. Теманцы что-то подмешивали в пиво — по-моему, ароматное семя морской травы, — отчего напиток становился пугающе крепким. — Он ей, может, даже не нравится. Чтобы амнийка, да притом Арамери, да пошла за теманского парня? Да она настолько на всех нас сверху вниз смотрит…

— А я слышала, они еще в детстве дружили, — сказала женщина. Ее звали… Рек? Рук? Или вовсе Рок?.. — Датеннэй Канру сдал все экзамены на высшие оценки. Триадесса нипочем не утвердила бы его в качестве пимексе, не обладай он блистательным умом. Если наследница Арамери

пожелала его в мужья, это великая честь для всего протектората!

Она высоко подняла стакан — он был в амнийском стиле и наполнен чем-то ярко-зеленым, — и мы по обычаю ответили тем же, поддерживая ее тост.

Но, едва мы опустили руки, ее подружка нахмурилась и подалась вперед.

— Это не честь, а оскорбление, — заявила она, и ее локоны энергично качнулись туда-сюда. — Если бы поганые Арамери уважали нашу Триадессу, они бы давным-давно с ней породнились. А им только-то и нужно, что наши морские силы — защищаться от этих чокнутых с Дальнего Севера…

— Это будет оскорблением, только если вы решите считать его таковым, — заговорил другой мужчина. Он несколько горячился, потому что за столом присутствовало трое мужчин и всего две женщины и он был самым неказистым. Это означало, что если он как следует не проявит себя, то, скорее всего, отправится домой в одиночестве. — Они там по-прежнему Арамери. Они не нуждаются в нас. И он ей, право же, по-настоящему нравится!

В ответ на эти слова разразился целый хор голосов. Кто-то соглашался, кто-то яростно спорил.

Я смотрел то на одного, то на другого, то на занятные маски, висевшие в ряд на одной из стен таверны. Они чем-то напомнили мне виденные тогда в Дарре, только эти были иначе отделаны и более замысловато украшены по теманской моде. Все они были снабжены волосами, но их веселые лица почему-то притягивали взгляд даже больше, чем напряженно-внимательные на фресках. А может, я попросту успел напиться?

Когда спор начал ходить по кругу, одна из женщин обратила внимание, что я сидел тихо и не встревал.

— А ты что думаешь? — спросила она, улыбаясь. Она была старшей из двоих и, кажется, полагала, что меня необходимо подбодрить.

Я прикончил пиво в своем роге, незаметно кивнул подавальщику, чтобы тот налил еще, и откинулся на спинку дивана, с ухмылкой глядя на женщину. Она была хорошенькая: невысокая, темноволосая и жилистая, как большинство теманок, и с чудесными темными глазами. Я праздно задумался, достаточно ли я еще хорош, чтобы устроить ей обморок.

— Я? — переспросил я и облизнул с губ мед. — Я думаю, что Шахар Арамери — шлюха.

Народ дружно ахнул. И не только на моем

диване, потому что мой голос разнесся по всей таверне. Я огляделся: на меня со всех сторон были устремлены потрясенные взгляды. Я рассмеялся в ответ, потом повернулся к своим собеседникам.

— Не стоило тебе этого говорить, — сказал один из мужчин. До этого он, кажется, с интересом поглядывал на меня, но теперь резко передумал. — Орден больше не обращает внимания на то, что мы болтаем о богах, за исключением Итемпаса, но вот Арамери… — Он украдкой огляделся, словно опасаясь, что вот сейчас из ниоткуда появятся Блюстители Порядка и вышибут из меня дух. В прежние времена, вероятно, так бы и произошло. Теперь все обленились. — Нет, парень, не стоило тебе этого говорить!

Я пожал плечами:

— Так всего лишь правду сказал. И потом, она в этом не виновата. Все дело в ее мамаше, понимаете? Она когда-то подложила дочку богу, словно племенную кобылку, в надежде получить ребенка-демона. Не удивлюсь, если она и вашего пимексе к ней подпустила задаром, чтобы сделку скрепить. Говорите, он парень неглупый? Уверен, он не будет возражать, что ему выпало следовать по стопам бога.

Подавальщик, который уже направлялся ко

мне со свежим рогом пива, остановился, не дойдя до дивана. В его округлившихся глазах стоял ужас. Мужчина, что подумывал обо мне, торопливо поднялся, но все-таки недостаточно быстро — его опередил второй, до этого момента вовсе на меня внимания не обращавший.

— Канру мне родичи, так что послушай-ка, ты, зеленоглазый подзаборный полукровка…

— Это кто полукровка? — Я выпрямился, не вставая, и наши лица оказались почти на одном уровне. — Во мне нет ни капли смертной крови, и видимый возраст тут ни при чем!

Мужчина, уже открывавший рот для возмущенного рева, поперхнулся и смолк, растерянно глядя на меня. Одна из женщин отшатнулась, другая, наоборот, подалась ближе. Обе смотрели круглыми недоумевающими глазами.

— Как, как ты сказал? — спросила наконец более смелая. — Так ты богорожденный?

— Да, — сказал я и рыгнул. — Прошу прощения.

— Божественного в тебе — как в моем левом яичке! — рявкнул родственник Канру.

— Так оно у тебя от богов? — снова расхохотался я.

Меня распирало яростное веселье и жажда

набедокурить. Ярость была сильнее всего, так что не успел мужик шевельнуться, как моя рука метнулась вперед и сгребла его за мошонку, причем именно за левую ее часть. Это было просто, как детская игра. Скажем так: игра в исполнении хитрого и злого ребенка. Короче, я схватил эту штуковину и вывернул — резко и очень умело. Он взвыл и сложился пополам, лицо стало багровым от боли и потрясения. Он перехватил мою руку, но, попробуй он ее оторвать, его причиндалам неминуемо грозил новый рывок. Наши лица оказались на расстоянии нескольких дюймов. Я ощерил зубы и зашипел на него, чуть сжав пальцы — достаточно для предупреждения. Его глаза полезли из орбит, в них возник ужас, и я знал, что этот ужас вовсе не объяснялся угрозой потери мужественности. Не знаю, изменились ли мои глаза, ведь магии во мне почти не осталось. Наверное, тут сработало что-то иное.

— Как по мне, боги тут даже мимо не проходили, — заметил я, продолжая играть его сокровенным местечком. — Ну? Что скажешь?

Он молча разевал рот, точно рыба на суше. Я опять рассмеялся, наслаждаясь ароматом его ужаса, этим мгновением мелкой и никому не нужной власти…

— Отпусти его.

Голос был знакомым и принадлежал женщине. Я вывернул шею и удивленно моргнул, обнаружив, что позади нашего диванчика стоит Ликуя Шот. Она стояла подбоченившись — высокая и властная маронейка в таверне, полной теманцев. Выражение ее лица было одновременно неодобрительным и безмятежным. Если бы я не провел несколько миллиардов лет, пытаясь вызвать на другом лице именно это выражение, мне стало бы здорово не по себе.

Я посмотрел на нее снизу вверх, сияя улыбкой, и выпустил жертву.

— Ты настолько его дитя, — сказал я Ликуе.

Она приподняла бровь, подтверждая тем самым только что сказанное.

— Не присоединишься ли ко мне на улице? — спросила она.

И, не дожидаясь моего согласия, повернулась и вышла.

Надувшись, я встал и обнаружил, что немного шатаюсь. Мои собутыльники все еще были здесь, что меня несколько удивило. Но теперь они молчали, глядя на меня со смесью страха и неприязни. Ну и шут с ними.

— Да улыбнутся вам оба мои отца, — сказал я

им, делая широкий жест в искренней попытке благословить. Ничего не произошло. — Если, конечно, вы сумеете вымучить улыбку из этих злонравных придурков. И да убьет вас моя мать нежно, во время сна, в добром здравии и глубокой старости. Всего наилучшего!

Пока я, спотыкаясь, выходил следом за Ликуей, в таверне царила мертвая тишина.

Когда я сошел по ступеням, она двинулась с места, чтобы пройтись со мной. Я не был настолько пьян, чтобы валиться с ног, но вот что касается ровной походки… Как я и ожидал, Ликуя не пожелала считаться с моими заплетающимися шагами, и на протяжении квартала или двух я тащился в нескольких шагах позади.

— Уж больно длинные у тебя ноги, — пожаловался я. Она, кстати, была чуть не на целый фут выше меня.

— Так удлини свои.

— Не могу, — сказал я. — Магия тю-тю.

— Ну, так переставляй их быстрее.

Вздохнув, я прислушался к ее совету, и спустя некоторое время мы зашагали рядом.

— Ты хоть что-нибудь от матери унаследовала? — спросил я. — Или ты — это сплошь он, дополненный парой грудей?

— От матери у меня чувство юмора. — Ликуя покосилась на меня с нескрываемым презрением. — Право же, от тебя я ждала большего…

Я вздохнул:

— Денек трудный выдался.

— Ну да. Когда ты отключил переговорный шар, Ахад попросил разыскать тебя. Он предположил, что я тебя обнаружу где-нибудь в сточной канаве. Видимо, я должна прыгать от счастья, что хотя бы в этом мне повезло.

Я рассмеялся, но мое веселье тут же увяло, и я оскорбленно уставился на нее:

— Почему ты выполняешь его распоряжения? Ты разве над ним не начальница? И вообще, кому какое дело, если я немного расслабился? Я последние два года ношусь с высунутым языком туда-сюда, выполняя поручения этого ублюдка, стараюсь помочь вашей жалкой маленькой шайке удержать этот дурацкий мир в целости. Я что, свободного вечера не заслужил?

Ликуя остановилась. Мы с ней находились на углу тихой улицы в жилом районе. Час был довольно поздний, а улица пуста. Быть может, именно поэтому ее глаза на миг полыхнули красно-золотым пламенем, как зажженные спички. Я вздрогнул, но они опять стали карими. И очень

сердитыми.

— А я провела бóльшую часть последнего столетия, пытаясь удержать в целости этот мир! — рявкнула она.

Я удивленно заморгал: она выглядела лет на тридцать, не более. Я как-то запамятовал, что демоны живут гораздо дольше людей, хотя тоже смертны.

— Я не богиня, — продолжила она. — В отличие от вас, у меня нет выбора: я должна жить в этом царстве. И я буду делать все от меня зависящее, чтобы его уберечь. В том числе работать рука об руку с богорожденными вроде тебя, любящими поболтать о своей ненависти к Итемпасу. Хотя на деле вы такие же самовлюбленные наглецы, как и он в худших своих проявлениях!

И она пошла дальше, оставив меня ошарашенно стоять столбом. Когда я опамятовался, она успела свернуть за угол. Я ужасно разозлился и побежал за ней. Свернул за угол и едва не налетел на нее, потому что она стояла, поджидая меня.

— Да как ты смеешь! — прошипел я. — Не сравнивай меня с ним!

Она вздохнула, покачала головой и, к моей вящей ярости, предпочла оборвать спор. Когда со мной так себя ведут, я прямо с ума схожу.

— Тебе когда-нибудь в голову придет спросить, почему я здесь? Или ты слишком наклюкался и ничего уже не соображаешь?

— Я не… — Я моргнул. — Ну, и почему ты здесь?

— Потому что, как объяснил бы тебе Ахад, дай ты ему шанс договорить, нам необходимо кое-что сделать. Из-за помолвки сестры Декарта Арамери меняет маршрут, желая скорее прибыть прямо в Тень. Когда он со свитой явится в город — а произойдет это завтра, чтобы сбить с толку возможных посягателей, — в его честь будет устроена великолепная торжественная процессия. Предполагается, что Шахар Арамери выйдет к народу, появившись на ступенях Зала — впервые с момента своего совершеннолетия. Тогда-то, перед лицом Благородного Собрания и половины города, и будет официально объявлено о помолвке, а Декарту столь же официально поздравят с возвращением домой. Ожидается, что событие будет грандиозным.

Что бы ни говорила на сей счет язвительная Ликуя, реально я не был настолько во хмелю, чтобы не соображать. Арамери не очень-то любили публичные церемонии, — во всяком случае, так мне помнилось со времен своего рабства. Не любили

в основном потому, что в них не было нужды. В каких еще подтверждениях нуждалась их невероятная власть, осуществляемая из заоблачного дворца? Небо само по себе являлось символом того, что́ собой представляла эта семья… Однако времена изменились. Теперь их власть отчасти зиждилась на способности впечатлить те самые народные массы, которые они прежде едва замечали.

И… Я вздрогнул, кое-что осознав. Если враги Арамери собирались нанести удар, лучшего момента трудно было бы дождаться.

Ликуя кивнула, увидев, что я наконец-то все понял.

— Нужно, чтобы все были в городе и высматривали опасность, — сказала она.

Я облизнул внезапно пересохшие губы.

— У меня, правда, совсем не осталось магии. Ни капельки. Я еще способен на фокус-другой, где-то на уровне писцов, но ведь этого недостаточно. Я теперь обычный смертный.

— Смертные тоже сгодятся. — Она произнесла это с такой тонкой иронией, что я поморщился. — И потом, ты же их любишь? Шахар и Декарту?

Я вспомнил уничтоженные масками тела, которые видел два года назад, во время столь не

задавшегося пребывания в Небе. И попробовал вообразить выложенные таким же образом трупы Шахар и Декарты: лица скрыты сожженными масками, а распавшаяся плоть уже не способна даже гнить…

— Забери меня туда, — тихо проговорил я. — Куда бы ты ни направлялась, я хочу помочь…

Она чуть наклонила голову и протянула руку. Я взял ее и лишь потом задумался, что эта женщина может со мной сделать. Она ведь была не богорожденной, а всего лишь демоницей. И смертной.

Потом ее могущество обрушилось на окружающий мир с воистину божественной силой и очень умело вытряхнуло нас из реальности. Я невольно восхитился: хватка у нее точно была отцовская…

Ликуя снимала комнату в гостинице на севере Востени, то бишь Восточной Тени, — в процветающем деловом районе близ городского центра. Я сразу понял, что гостиница эта из наилучших. В такую мне ходу не было даже с теми деньгами, что платил мне Ахад, а уж накануне ожидаемого события — и подавно. Судя по звукам, внизу, в общей комнате, уже гудела возбужденная толпа. Вероятно, все гостиницы в городе буквально трещали по швам: со всех окрестностей съезжался

народ. Я порадовался за семью Гимн: надо полагать, даже им перепадет некоторое количество постояльцев. Оставалось надеяться, что им хватит ума никого не пускать в мою комнату!

Ликуя шагнула к окну и распахнула ставни, показывая, почему доставила меня именно сюда. Я подошел к ней и увидел, что окно выходит как раз на широкий проспект Благородных, а в дальнем его конце виднеется белая громада Зала. Вид был отличный. Я легко рассмотрел крохотные фигурки людей, кишащие у широких ступеней Зала. Блюстители Порядка выделялись белой формой; они устанавливали заграждения, чтобы сдерживать толпу зевак. Арамери редко появлялись на публике, хотя их лица были отлично известны благодаря новостным свиткам ордена и чеканке на монетах. Так что едва ли не каждый житель в радиусе ста миль сейчас торопился в город, чтобы не упустить возможности посмотреть на них вживую: второго такого случая может и не представиться.

Проспект тянулся мимо здания, в котором мы находились, и Ликуя указала в сторону, противоположную Залу:

— Оттуда войдет в город свита Декарты. Маршрут следования пока не опубликован, но завтра

он появится в новостных свитках. Это для того, чтобы убийцам стало труднее планировать нападение. Однако все понимают, что по проспекту Благородных процессия непременно пройдет: большому отряду никак иначе к Залу не подойти.

— И это значит, что покушение может произойти где угодно на этой улице…

Я недоверчиво покачал головой. Даже будь я в прежней силе, задача казалась невыполнимой. Завтра поутру нынешние десятки людей вокруг Зала превратятся в многие сотни. А после полудня, когда, собственно, ожидалась церемония, — в несчетные тысячи. Как высмотреть в таком человеческом море одного-единственного убийцу?

— А ты знаешь, каким образом убийцы вынуждали жертвы надевать маски?

— Нет.

Она вздохнула, и ее стоическая маска на краткий миг дрогнула. Я понял, что она отчаянно устала и очень встревожена. Неужели Итемпас сидит сложа руки, свалив на нее все труды по спасению мира? Вот ублюдок…

Отвернувшись от окна, Ликуя подошла к великолепному кожаному креслу и села. Я устроился на подоконнике: такие насесты мне всегда были

как-то милее обычных сидений.

— Итак, здесь мы останемся до завтра, а потом что? — спросил я.

— У Неммер есть план. Ее людям уже доводилось такое проделывать. Она знает, как наилучшим образом использовать способности людей и богорожденных. Но, поскольку мы с тобой ни то ни другое, Неммер предположила, что от нас окажется больше толку, если мы станем крутиться в толпе, высматривая все необычное.

Я задрал одну ногу на подоконник, только вздохнув от подобной характеристики.

— Знаешь, я все еще думаю как божество. Я старался приспособиться и на самом деле стать смертным, но… — Я развел руками. — У смертных и чисел-то таких нет, чтобы подсчитать, сколько лет я был Плутишкой. И вряд ли я проживу достаточно долго, чтобы в голове у меня успело что-либо измениться.

Она откинула голову на подголовник и закрыла глаза, явно намереваясь поспать.

— Даже богам отмерены пределы. Твои же просто изменились. Вот и делай в этих пределах, что можешь.

Мы замолчали. Лишь веял в распахнутое окно вечерний ветерок, да шумели смертные в общей

комнате под нами: они распевали какую-то песню, весьма нестройно, зато от души. Я немного послушал и улыбнулся. Я узнал песню — она происходила от той, которой я когда-то научил их предков. Я стал тихонько подпевать, пока мне не наскучило. Тогда я посмотрел на Ликую — проверить, не заснула ли она. И увидел, что она сидит с широко раскрытыми глазами, наблюдая за мной.

Тогда я вздохнул и решил взять быка за рога.

— Итак, сестренка… — Она при этих словах приподняла бровь, и я улыбнулся. — Сколько же тебе лет, младшенькая?

— Я гораздо старше, чем выгляжу. Как и ты.

Она что-то говорила про «почти столетие».

— Значит, ты у нас дочь Орри Шот.

Эту Орри я помнил, хотя и смутно. Красивая была девушка, слепая и смелая. Она любила одного из моих младших братьев, но тот погиб. А потом, судя по всему, у нее была любовь с Итемпасом. Иначе как он смог бы с ней поладить? Мимолетное соитие было для него оскорблением…

— Да, — подтвердила Ликуя.

— Она по-прежнему зовет его Солнышком?

— Орри Шот давно умерла.

— Вот как… — Я нахмурился. Она как-то стран-

новато подбирала слова, но раскусить эту странность я пока не мог. — Мне очень жаль.

Ликуя некоторое время молчала, в упор глядя на меня и приводя в замешательство. Еще одна отцовская черточка.

— В самом деле? — спросила она затем.

— В самом деле что?

Она чопорно положила ногу на ногу.

— Мне всегда говорили, что в прежние времена ты вроде как был одним из заступников человечества. А теперь впечатление такое, что ты не больно-то любишь смертных.

Я нахмурился, и она пожала плечами:

— Вполне объяснимо, но, коли так, что-то я не пойму, почему ты так волнуешься всего лишь из-за еще одной смерти?

— Ну, это говорит о том, что ты не очень-то хорошо меня знаешь, — заметил я.

К моему удивлению, Ликуя кивнула:

— Именно так. Поэтому я и спросила, действительно ли ты сожалеешь о том, что моя мать умерла? Только честно?

Я так удивился, что для начала закрыл рот и хорошенько обдумал ответ.

— Да, — сказал я наконец. — Она мне нравилась. У нее был как раз такой характер, что,

думаю, мы с ней могли бы подружиться, не будь она так привержена Итемпасу. — Я задумчиво помолчал. — Другое дело, я никак не ожидал, что он отзовется на ее преданность. Было, наверное, в Орри Шот нечто особенное, раз уж он снова отважился на связь со смертной.

— Он оставил мою мать еще до моего рождения.

— Он…

Теперь уже я таращил на нее глаза, не зная, что и сказать, ведь подобный поступок был совершенно не в его духе. В сердечных делах он не был склонен к переменам. Но потом я припомнил другую смертную возлюбленную и ребенка, которых он тоже покинул — много столетий назад. Покидать было не в его природе, но его можно было на это уговорить, доказав, что уход послужит интересам тех, кто был ему дорог.

— Этого потребовали Нахадот и Энефа, — подтвердила Ликуя, верно истолковав выражение моего лица. — Он ушел лишь ради того, чтобы спасти ее… наши жизни. Позже, повзрослев, я принялась искать его. Нашла. И с тех пор мы путешествовали вместе.

— Понятно… — протянул я.

Ее история была достойна богов, хотя она была

не из наших. А потом, поскольку меня неотвязно преследовала эта мысль, а Ликуя это понимала и отрицать очевидное не имело смысла, я задал вопрос, висевший между нами все два года, что мы были знакомы:

— Ну, и каков он теперь?

Она ответила не сразу. Подумала, тщательно подбирая слова.

— Не знаю, каким он был до Войны. Равно как и в годы твоего… плена. Поэтому мне трудно судить, прежний он или как-то изменился.

— Он не меняется.

Мы опять застыли в странном молчании.

— Может, и изменился, — сказала она наконец.

— Он этого не может. Перемены для него — анафема.

Она тряхнула головой. Это упрямство тоже было мне хорошо знакомо.

— Может. Он уже изменился, когда убил Энефу, и я верю, что это был не единственный раз. Он всегда был способен меняться и всегда делал это, пусть даже медленно и неохотно, просто потому, что он — живое существо, а жизни присуще свойство меняться. И это, кстати, не заслуга Энефы: она лишь взяла общие качества, которыми распо-

лагали ее братья, и вложила их в богорожденных и смертных, которых создавала.

Я невольно спросил себя, говорила ли она это Итемпасу.

— Только она сделала смертных завершенными, не в пример нам.

Она вновь покачала головой, и мягкие завитки колыхнулись, словно подхваченные ветерком.

— Боги столь же совершенны, как и смертные. Нахадот не весь соткан из мрака. И отец — не такой уж сплошной свет. — Она помолчала, разглядывая меня прищуренными глазами. — Что до тебя, ты не был ребенком со времен юности вселенной. И, если уж на то пошло, Война разразилась отчасти из-за того, что Энефа, хранительница равновесия, сама утратила равновесие. Она возлюбила одного из своих братьев больше, чем второго, и это сломало их всех.

Я напрягся:

— Как смеешь ты в чем-то винить ее? Ты никакого понятия не имеешь о…

— Я знаю то, что он мне рассказал. И то, что почерпнула из книг, легенд и долгих разговоров с богорожденными, которые присутствовали при начале всего этого безобразия, наблюдали со стороны и пытались изобрести способ, как

остановить беду. И плакали, понимая, что у них ничего не получится. Ты… Ты был слишком близко, Сиэй, ты шагал по пояс в крови. И ты решил, что во всем был виноват Итемпас, даже не поинтересовавшись почему…

— Он убил мою мать! Какая разница почему?

— Его родичи бросили его. Пусть ненадолго, но одиночество губительно для его природы, и оно ослабило его. А потом Шахар Арамери расправилась с его сыном, и это его окончательно подкосило. Так что в данном случае, как мне кажется, «почему» имеет огромное значение.

Я горько рассмеялся. Меня тошнило от чувства вины и попыток скрыть потрясение. Одиночество? Одиночество?.. Я даже не подозревал, что… Нет. Это все равно не имело значения. Ничто не имело. Не имело права иметь.

— Его смертного сына! С чего бы, во имя Вихря, ему так скорбеть об одном-единственном смертном?

— Потому что он любит своих детей, — сказала она, и я внутренне сжался. Ликуя пристально смотрела на меня, и ее глаза были отчетливо видны в сумраке комнаты. Ни один из нас не позаботился зажечь свет, потому что и отблесков уличных фонарей вполне хватало, чтобы видеть

друг друга. — Потому что он прекрасный отец, а хорошие отцы не отворачиваются от своих детей из-за того, что они оказались всего лишь смертными. Или если эти дети их ненавидят.

Я смотрел на нее и чувствовал, что начинаю дрожать.

— Не очень-то он нас любил, когда бился с нами в Войну…

Ликуя сложила пальцы домиком. Наверное, слишком много времени проводила с Ахадом.

— Насколько я поняла, — сказала она, — ваша сторона одерживала верх, пока Шахар Арамери не пустила в ход Камень Земли. Правильно?

— А это здесь при чем, во имя всех преисподних?

— Это ты мне скажи.

И я, делать нечего, мысленно вернулся к худшему дню своей жизни. Шахар не первая использовала Камень. Я ощутил направляющую руку богорожденного, которая метнула испепеляющую силу — это было могущество жизни и самой смерти, — и та чудовищной волной пронеслась по бранным полям земли. Десятки моих братьев и сестер тотчас пали замертво. Я и сам едва не попался. И это было первое знамение перелома в Войне. Еще накануне я ощущал во рту вкус побе-

ды. Кто же был тот богорожденный? Наверняка один из близких приверженцев Темпы: у того такие имелись, как и у Нахадота. В любом случае он погиб, пытаясь управлять силой Энефы.

А потом до Камня добралась Шахар, и она не стала мелочиться, уничтожая нас, боженят. Она напала сразу на Нахадота, люто ненавидя его за то, что он отнял у нее Итемпаса. Я помню, как валился мой отец. Я страшно закричал, заплакал и понял, что это была моя вина… Все это была моя вина…

— Он… ему не было нужды… — прошептал я. — Итемпасу. Если уж он так горевал, достаточно было бы…

— Это против его природы. Порядок складывается из причины и следствия, действия и противодействия. Когда на него нападают, он дает сдачи.

Я услышал движение: она поменяла позу, поудобнее устраиваясь в кресле. Именно услышал, потому что смотреть на нее я больше не мог. Эта гладкая темная кожа и слишком зоркие, пристальные глаза… Не вполне человеческая природа Ликуи внешне проявлялась не так явственно, как некогда у Шинды. Она вполне могла бы затеряться среди человечества, ибо ее проис-

хождение не слишком бросалось в глаза, а когда перед тобой чернокожая женщина шести футов ростом, мало кто начнет проверять, нет ли у нее и магической ауры. А еще в ней чувствовалось нечто, побуждавшее меня думать, что она очень даже способна постоять за себя. Чувствовалась Итемпасова выучка! Действие и противодействие. Отец позаботился, чтобы его нынешнее смертное дитя не так-то легко было убить.

Наш отец.

— У Войны было много причин, — тихо проговорила Ликуя. — Безумие Шахар Арамери, горе Итемпаса, ревность Энефы, неблагоразумие Нахадота. Единственного виновника не найти. — Она воинственно вздернула подбородок. — Как бы ты ни убеждал себя в обратном!

Я молчал.

Итемпас никогда не был подобен Нахадоту. Наха выбирал смертных возлюбленных, как цветы на лугу, и так же легко с ними расставался, когда они увядали или когда на глаза ему попадался более занятный цветок. Ну да, конечно, он их на свой лад любил, но постоянство и непреклонность в любви не были ему свойственны.

Что же до Итемпаса… Он не влюблялся легко, но уж если это случалось, то навсегда. Он обратил

свой взор на Шахар Арамери, свою верховную жрицу, когда Нахадот и Энефа перестали желать его. То есть нет, они по-прежнему любили его, но друг дружку все же любили чуточку больше. Только для Итемпаса все это выглядело как самая темная преисподняя. Тогда-то Шахар и предложила ему свою любовь, а он принял ее, потому что его разум руководствовался логикой, а любая малость все же лучше, чем совсем ничего. А потом, решившись любить и лелеять ее, он подправил собственные правила в достаточной мере, чтобы подарить ей сына. Он полюбил этого сына и целых десять лет оставался в своей смертной семье. Он вполне был бы счастлив с ними до конца их быстротечных жизней, длящихся всего мгновение ока по сравнению с вечностью богов. Велика важность!

Он оставил их лишь потому, что Наха и Энефа убедили его: этим смертным без него будет лучше, чем с ним. А сделали это Наха с Нефой лишь потому, что кое-кто им солгал.

«Всего-то безобидная шуточка», — думалось мне тогда. Она повредит разве что смертным, да и тем не особенно сильно. Шахар обладала высоким положением и достатком, и, как все смертные, они с сыном отлично умели приспо-

сабливаться к обстоятельствам. Они в нем не очень-то и нуждались.

Всего-то безобидная шуточка…

«Единственного виновника не найти», — сказала дочь Итемпаса.

Я закрыл рот, пытаясь избавиться от застарелого, въевшегося вкуса вины.

Так и не дождавшись от меня ответа, Ликуя заговорила вновь:

— Что касается того, каков он теперь… — Мне показалось, что она пожала плечами. — Он упрям, горд и хоть кого выведет из себя. Из тех, кто способен сдвинуть небо и землю, лишь бы заполучить желаемое. Или чтобы защитить тех, кто им небезразличен.

Да, именно таким я его и помнил. Знать бы еще, где та неприметная грань, за которой трезвый ум сменяется безумием, и наоборот? Должно быть, ее совсем легко перешагнуть. Особенно если речь идет о многих столетиях.

— Я хочу повидать его, — прошептал я.

Ликуя некоторое время молчала.

— Я ни за что не позволю тебе причинить ему вред, — заявила она.

— Да не хочу я ничего ему причинять… — начал я и запнулся, припомнив, как мне этого хотелось

во время нескольких наших последних встреч. Ликуя наверняка была об этом наслышана. Я поморщился и добавил: — В этот раз я точно ничего с ним не сделаю. Обещаю.

— Обещание плута…

Я заставил себя поглубже вдохнуть, кое-как смиряя собственный нрав. Потом выпустил воздух, но удержал в себе уже заготовленные гневные слова. То, что я о ней думал, оказалось в корне неправильно. «Смертная. Низшее существо». И то, что я заставлял себя относиться к ней с уважением, тоже было неправильно. Она такое же дитя Троих, как и я.

— Я не в силах дать такое обещание, которому ты бы поверила, — сказал я наконец и с облегчением убедился, что сумел не повысить голос. — И, если уж на то пошло, тебе незачем мне верить. Я лишь обязан держать слово, которое даю детям, да и то не уверен, что это по-прежнему считается. Все, что я собой представляю, уже не таково, как прежде.

Я отвернулся к окну и стал смотреть на городские огни внизу.

Нахадот, если того желал, мог слышать любое слово, произнесенное в ночи…

— Пожалуйста, разреши мне с ним повидать-

ся, — сделал я новый заход.

Она пристально разглядывала меня.

— Тебе следует знать, что его магия срабатывает лишь при определенных условиях. И ее точно не хватит, чтобы остановить случившееся с тобой. Не в его нынешнем состоянии.

— Знаю. Как и то, что ты должна его всячески ограждать. Делай, что считаешь нужным. Но если это возможно…

В оконном стекле смутно угадывалось ее отражение. Вот она медленно кивнула, как если бы я благополучно прошел некое испытание.

— Возможно. Обещать, конечно, ничего не могу, ведь он просто может не захотеть тебя видеть. Но я с ним поговорю. — Она помедлила и добавила: — И я бы предпочла, чтобы Ахаду ты не докладывал.

Я удивленно покосился на нее. Мои чувства еще не окончательно притупились, и запахи я, во всяком случае, различал. Так вот, от нее, точно выветрившимися духами, тянуло Ахадом: сигары, горечь и всякие чувства, липкие, как загустелая кровь. Запаху было уже несколько дней, но она с ним встречалась, была с ним рядом, касалась его.

— Я думал, у вас с ним что-то есть, — сказал я.

Она приличия ради изобразила смущение.

— Я вроде как нахожу его привлекательным. Это не «что-то».

Я озадаченно покачал головой:

— Не устаю удивляться, что в нем нашлось достаточно души, чтобы стать отдельным и самостоятельным существом. И что ты в нем нашла?

— Ты его совсем не знаешь, — Некая толика резкости в ее словах ясно сказала: это «что-то» намного сильнее и глубже, чем она старается изобразить. — Он не спешит тебе открываться. Он когда-то любил тебя, и ты можешь его ранить, как никто другой. Так вот, то, что ты о нем думаешь, очень мало соответствует тому, что он на самом деле собой представляет.

Я даже чуть отпрянул, удивленный ее горячностью. Боги благие, она до того походила на Итемпаса, что мне было физически больно.

— Я не дурной, — сказал я. — Он еще не скоро отойдет от привычек былой жизни. И до тех пор я буду с ним настороже.

Меня подмывало предупредить ее, насколько осторожной ей следует быть с Ахадом. Он же зародился из сущности Нахадота в самый темный его час, его вскормили страданием и облагородили ненавистью. Ему нравилось причинять боль. И

по-моему, он даже не сознавал, каким чудовищем является.

Однако ее раздражение послужило мне неплохим предупреждением. Ее явно не интересовало, что еще я имею сказать насчет Ахада. Она собиралась составить о нем представление без чьей-либо помощи. Я не мог ее за это винить: мое мнение трудно было назвать беспристрастным.

Я совсем не ощущал усталости, но Ликуя определенно притомилась. Я снова отвернулся к окну. Пусть спит. Постепенно ее дыхание стало ровным и медленным, задавая успокаивающий ритм моим размышлениям. Гуляки в общей комнате наконец-то заткнулись, и я словно остался с ночным городом наедине.

Если не считать Нахадота, чье отражение беззвучно возникло в оконном стекле рядом с моим.

Я не удивился его появлению и улыбнулся бледному мерцанию его лица, не торопясь оборачиваться.

— Давненько не виделись, — сказал я.

Его выражение едва заметно изменилось: тонкие и безупречно очерченные брови чуть сдвинулись к переносице. Я хихикнул, угадав его мысли. «Давненько» в нашем случае означало

два года. Едва заметный промежуток времени для бога. Я когда-то мог проспать дольше.

— Каждый проходящий момент укорачивает срок моей жизни, Наха. Конечно, теперь я это ощущаю острее.

— Да.

И он вновь замолчал, думая свои непостижимые думы. Мне показалось, что выглядит он действительно не очень. Только это не имело никакого отношения к его внешнему облику, как всегда величественному и великолепному. Облик этот был лишь маской. И под этой маской, едва заметной для меня, он был… странным каким-то. Далеким. Точно буря, чьи ветра споткнулись в полете, натолкнувшись на холодные и неподвижные воздушные массы. Он был несчастен. Очень и очень несчастен.

— Когда увидишь Итемпаса, — сказал он наконец, — попроси его тебе помочь.

Тут я развернулся на подоконнике и нахмурился:

— Ты что, шутишь?

— Йейнэ не может ничего предпринять, чтобы отменить твою смертность. Я не способен ни исцелить тебя, ни уберечь. И я совсем не шутил, Сиэй, когда говорил, что я не хочу тебя терять.

— Он ничего не сможет поделать, Наха. Магии у него еще меньше, чем у меня.

— Мы с Йейнэ говорили об этом. Если он согласится тебе помочь, мы даруем ему помилование сроком на один день.

У меня отвисла челюсть. Я даже заговорить с первой попытки не смог.

— Да он едва столетие в смертной шкуре провел! Ты всерьез думаешь, что ему можно доверять?

— Если он надумает сбежать или напасть на нас, я убью его демоницу.

Я вздрогнул и поежился:

— Ликую?

И посмотрел на нее. Она так и заснула в кресле, склонив голову к плечу. Она либо обладала очень крепким сном, либо здорово притворялась. А может, это Наха не позволял ей проснуться. Скорее всего, последнее. Особенно если учесть предмет нашего разговора.

А ведь она пыталась помочь мне…

— Мы что, заделались Арамери? — спросил я. Мой голос резко прозвучал в потемках, он вообще был теперь низким и грубым. Я до сих пор как-то забывал, что у меня уже не голос ребенка. — Хотим извратить саму любовь, чтобы добиться желаемого?

— Да, — прозвучало в ответ, и я понял, что он совершенно серьезен, ибо температура в комнате разом упала градусов на десять. — У Арамери есть своя мудрость, Сиэй: они полностью беспощадны к врагам. И я не собираюсь рисковать, снова выпуская в мир безумие Итемпаса. Он и жив-то лишь потому, что без него не может существовать смертное царство. И еще потому, что Йейнэ просила оставить ему жизнь. И именно ради такой цели я позволил ему оставить дочь. Она демоница, она им любима. Она — оружие, и я намерен использовать ее.

Я тряхнул головой, не веря своим ушам:

— Ты ведь сожалел о том, что сотворил тогда с демонами, Наха. Неужто забыл? Ты говорил, они тоже наши дети.

Он придвинулся и потянулся к моему лицу:

— Ты — единственное дитя, которое теперь имеет для меня значение.

Я отшатнулся и отбросил его руку. Его глаза округлились от изумления.

— Во имя всех преисподних, что же ты за отец такой? Вечно говоришь подобные вещи, обращаешься с одними из нас лучше, чем с другими… Боги благие, Наха! В чем дело?

Повисла тишина, и в этой тишине моя душа об-

ратилась в сухой лист. Нет, не от страха. Я просто понял — а может, и всегда отчетливо понимал, — почему он не всех своих детей любил одинаково. Тяга к переменам, способность оценить уникальное составляли часть его существа. И дети у него были все разные, то есть различались и чувства. Он всех нас любил, но очень по-разному. И именно благодаря тому, что он так поступал, что не притворялся, будто в любви существуют равенство и справедливость, смертные могут сходиться на один вечер, а могут — и на всю жизнь. Матери способны различать своих близняшек или тройняшек. Дети отчаянно влюбляются и перерастают эти чувства, а старики хранят верность супругам, чья красота давно ушла в прошлое. Сердца смертных так переменчивы, и все благодаря Нахе. Из-за того что он — это он, смертные свободны в любви и инстинкты с традициями не правят ими безраздельно.

Когда-то я это понял. Как и прочие боги.

Моя рука упала на колени, она дрожала.

— Прости меня, — прошептал я.

Он тоже опустил руку и долго молчал, и в нашем молчании была боль.

— Ты не можешь оставаться в смертной плоти еще сколько-нибудь долго, — проговорил он на-

конец. — Она меняет тебя.

Я опустил голову и кивнул. Он мой отец. Кому знать, как не ему. Я ошибался, отказываясь слушать его.

Вздохнув, точно ночной ветер, Нахадот отвернулся. Его плотский облик начал таять, сливаясь с потемками комнаты. Тут меня охватила внезапная и необъяснимая паника. Я взвился на ноги, горло перехватил спазм боли и ужаса.

— Наха, пожалуйста. Прошу тебя…

Смертный, смертный, я был теперь всего лишь смертный. Да, я оставался его любимцем, а он — моим темным отцом. Его любовь переменчива, а я почти до неузнаваемости изменился.

— Пожалуйста, не уходи, побудь еще…

Он обернулся и устремился ко мне — все это одним слитным мощным движением. Меня подхватила мягкая темнота, я оказался в колыбели его сокровеннейшей сущности, и незримые руки гладили меня по волосам.

— Ты всегда будешь моим, Сиэй. — Его голос шел отовсюду. Он никого и никогда не допускал в свою глубину, только брата с сестрой и меня. Здесь было самое его сердце, чистое, беззащитное. — Даже если вновь полюбишь его. Даже если состаришься. Я не весь соткан из тьмы, и Итем-

пас — не сплошной свет. Во мне есть такое, что никогда не изменится, даже если рухнут стены Вихря…

А потом он исчез. Я лежал на пестром ковре и дрожал, наблюдая, как мое дыхание завивается серебристым паром: комната только начинала нагреваться после ухода отца. Я стал слишком взрослым для слез. Взамен я попытался вспомнить колыбельную, что Нахадот пел мне когда-то, полагая, что если спою ее сам себе, то, может, засну. Однако слова так и не пришли. Память покидала меня.

Когда я проснулся поутру, надо мной стояла Ликуя, и смущение у нее на лице мешалось с презрением. Тем не менее она протянула мне руку и помогла подняться с пола.

Младшенькая сестричка… И кстати, Ахад тоже был родственником, почти новорожденным. Я молча дал обет постараться стать лучшим братом им обоим.

Процессию Декарты заметили на окраинах города незадолго до полудня. При той скорости, с какой она следовала по извилистыми улицами (проходя, кстати, непосредственно через Южный Корень, так что родители Гимн точно

подзаработают денежек), ей предстояло доползти до проспекта Благородных где-то к вечерним сумеркам.

Благоприятное время, подумалось мне. Следуя за Ликуей, я вышел из гостиницы, и мы смешались с толпой, чтобы попытаться сохранить жизнь Шахар и Декарты еще на несколько жалких лет.

15

Солдаты марширyют
топ топ топ
Катапульты мечут ядра
бух бух бух
Лошади рысят
цок цок цок
И падают враги
шлеп шлеп шлеп!

Ступени Зала впечатляли сами по себе: широкие, беломраморные, обрамленные колоннадой, они изящно опоясывали здание. Однако их внушительность явно не удовлетворяла вкусы Арамери, и ступени украсили. По сторонам, точно крылья, воздетые для полета, безо всякой опоры вздымались еще две громадные лестницы. Изваянные из день-камня, они слегка мерцали собственным светом. Выстроить подобное могли только писцы. Лестницы смотрелись величественно даже на фоне гигантского ствола Древа, который обычно вполне успешно сводил на нет все потуги смертных создать нечто великое. Казалось даже, будто две лестницы нисходят с самого

Древа, намекая на божественные связи людей, имеющих право по ним сойти. Возможно, ради этого огород и городили.

Платформ наверху день-каменных лестниц я не видел, но нетрудно было догадаться, что на каждой из них писцы установили врата. С их помощью сюда перенесутся Шахар, Ремат, еще кто-нибудь из Главной Семьи и сойдут к ступеням Зала. Предсказуемо до отвращения, но это ж итемпаны! Чего от них еще ждать!

Вздохнув, я вытянул шею, озираясь с выгодной точки: я сидел на крышке мусорного бачка на углу тупиковой улицы, примерно в квартале от здания Зала. Проспект Благородных представлял собой сплошное море людских голов. Тысячные толпы стояли на месте, переминались, прогуливались, смеялись, болтали. Общее возбуждение реяло в воздухе подобно теплому летнему ветру. Уличные художники города успели бессовестно воспользоваться случаем: повсюду виднелись праздничные вымпелы, танцующие куклы с лицами известных людей и забавные машинки, из которых, если как следует подуть, вылетели блестящие белые конфетти. В воздухе уже густо витали эти искрящиеся пылинки, чудесным образом ловившие пятнистый размытый свет,

который в Тени считался дневным. Машинки в равной степени нравились и детям, и взрослым, а меня то и дело пробирала дрожь: когда поблизости радовались игрушкам, во мне пробуждалось то немногое, что еще оставалось от бога.

Кругом было столько всего отвлекающего, что сосредоточиться удавалось с трудом. (Руки так и чесались побаловаться с одной из кукол. Как же давно у меня не было новых игрушек!) Но следовало заниматься делом, и я продолжал вглядываться в толпу, придерживаясь за водосточную трубу и наклоняясь то в одну сторону, то в другую. Когда я увижу то, что высматриваю, я пойму. Это был лишь вопрос времени.

А потом, когда я уже начал волноваться, я увидел его. Он прошел мимо группы женщин, задыхавшихся от ужаса и восторга: какое событие, какая толпа! Это был нечесаный мальчишка лет девяти или десяти. Амниец в потасканной одежонке, словно взятой из кучи, куда складывали десятину для Белого Зала. Проходя мимо женщин, он споткнулся и схватился за одежду на спине одной из них. Потом быстренько извинился. Отлично сработано! Пятясь и кланяясь, он исчез в толпе едва ли не прежде, чем тетка осознала прикосновение.

Я восторженно заулыбался. Спрыгнул с бачка (на мое место тотчас забрался какой-то тип и еще проводил воинственным взглядом) и поспешил за мальчишкой.

Я догнал его примерно через полквартала. Он был невелик ростом и пробирался в толпе с легкостью ручейка, текущего в тростнике. Я был взрослым и приходилось соблюдать правила вежливости. Однако я догадался, куда он спешит. У лотка, где торговали соком тамаринда и лайма, крутилась стайка детей. Я обогнал парнишку, когда ему оставалось до них буквально несколько футов. Схватив его тонкую жилистую руку выше локтя, я приготовился действовать быстро, потому что мальчишки его возраста вовсе не беззащитны. Он мог и укусить без особого зазрения совести. И приходилось учитывать, что действуют они в основном стаями.

Мальчишка тут же принялся вырываться, матеря меня на смеси нескольких языков.

— А ну, пусти!

— И что ты у нее спер? — поинтересовался я с искренним любопытством. У женщины не было на виду ни сумочки, ни кошелька: верно, она опасалась именно того, что с нею и произошло. Должно быть, прятала под одеждой. — Драго-

ценность? Платок? Или ты даже в карман к ней залезть успел?

В последнем случае он оказался бы мастером воровского ремесла, идеальным орудием для моих планов.

У него глаза полезли на лоб.

— И ничего я не спер! Какого хрена…

Он вдруг подпрыгнул и вцепился в мое запястье — оно как раз выныривало уже из его кармана. Мне удалось добыть всего одну монетку, потому что мои руки, успевшие вырасти, утратили ловкость карманника. Мальчишка, однако, покраснел от ярости и испуга, и я ухмыльнулся.

Я поднял ладонь с монеткой и сжал кулак. Когда я его разжал, монеток на ладони стало уже две: рядом с первой лежала денежка из моего кармана. Для этого фокуса мне даже не понадобилась магия.

Мальчишка замер. Он не поторопился схватить монетку, лишь устремил на меня неожиданно проницательный и опасливый взгляд.

— Чего надо? — спросил он.

Для начала я отпустил его: я уже завладел его вниманием, и держать его не было нужды.

— Хочу нанять тебя и твоих дружков, обладающих сходными наклонностями.

— Нам неприятности без надобности. — Его речь стала правильной, уличный сенмитский жаргон улетучился так же мгновенно, как и сам он после похищения кошелька у женщины. — Блюстители нас не трогают, пока мы ограничиваемся карманами и кошельками. Если отмочим что посерьезней, небось мигом прижучат!

Я кивнул, мысленно сожалея, что не могу благословить его даром безопасности.

— Мне всего лишь надо, чтобы вы внимательно смотрели по сторонам. Шныряйте в толпе, обращайте внимание на то же, что и обычно, и делайте то же, что всегда. А я, если позволите, буду наблюдать вашими глазами.

Он затаил дыхание, и какое-то время я не мог понять выражение его лица. Он был изумлен, терзался сомнениями, испытывал надежду и страх — и все это разом. Но вдруг он впился в мое лицо таким пристальным взглядом, что я наконец-то — куда позже, чем следовало, — понял, о чем он думал. Когда же это произошло, я заулыбался, и дело было сделано. Его глаза стали как две монетки по двадцать мери.

— Плутишка, — прошептал он. — Плутишка! С неба стибрил солнце!..

Эн запульсировала у меня на груди, польщен-

ная, что и про нее не забыли.

— Не время молиться, — сказал я и ласково приложил ладонь к его щеке. Теперь парнишка был мой. — Сегодня я не бог, а просто человек, которому нужна ваша помощь. Ну как, поможете?

Он кивнул — чуть-чуть официальней, чем следовало. Что за прелесть!

— Давай руку, — сказал я, и он ее тотчас же протянул.

У меня еще оставалось несколько способов вызывать магию, пускай даже грубых и неполноценных. Они были сущим уязвлением для моей гордости, но куда денешься, приходилось ими пользоваться. Вселенная больше не слушалась меня, как прежде, но, пока просьбы оставались несложными, она нехотя повиновалась.

— Смотри, — проговорил я на нашем языке, и воздух вокруг нас задрожал, когда я кончиком пальца нарисовал глаз на ладони мальчишки. — Слушай. Делись…

Контур глаза замерцал серебром, совсем как летающие повсюду конфетти, и бесследно исчез с мальчишеской кожи. Он завороженно уставился на свою ладонь.

— Разыщи своих дружков. Коснись этой рукой всех, кого сможешь, и отправляй шастать в тол-

пе. Действие магии кончится, как только глава семьи Арамери возвратится в Небо.

После этого я сжал в кулак свободную руку и снова расправил ладонь. Теперь на ней лежала одинокая монета в сто мери — больше, чем паренек наворовал бы за целую неделю. Если только не обнаглел бы вконец или не сподобился чудовищного везения.

Она явно притянула взгляд мальчика. Он сглотнул, но не поспешил тянуться за ней.

— Я не могу брать с тебя деньги.

— Не глупи, — сказал я и отправил монету ему в карман. — Никто из моих верных не должен что-либо делать задаром. Если захочешь безопасно разменять эту сотню, отправляйся в «Герб ночи» и скажи Ахаду, что пришел от меня. Он может наговорить гадостей, но обмануть не обманет. А теперь брысь!

Он продолжал смотреть на меня, слегка отупев от нахлынувшего благочестия. Тогда я подмигнул ему и, шагнув в сторону, тотчас затерялся в толпе. В этом опять же не было никакой магии, а лишь понимание того, как ведут себя смертные, когда сбиваются в огромное стадо вроде сегодняшнего. Обчищая карманы, мальчишка занимался примерно тем же, вот только опыта у меня было

на несколько тысячелетий побольше. Так что, с его точки зрения, я мгновенно испарился, как по волшебству. Я еще успел заметить, как отвисла у него челюсть, и позволил людскому скопищу увлечь меня прочь.

— Гладко проделано, — сказала Ликуя, когда я вновь ее разыскал. Она ждала меня перед маленьким кафе — рослая, темнокожая, неподвижная в бурлящей толпе, состоявшей по преимуществу из амнийцев.

— А ты наблюдала?.

Возле кафе имелась скамейка, но народу на ней было полно, так что присесть я и не пытался. Вместо этого я прислонился к стене, наполовину скрывшись в тени Ликуи. Ни один из нас не выглядел местным, но я готов был поспорить, что в ее присутствии на меня не обратит внимания ни одна живая душа. Минут через пять я понял, что оказался прав: не менее половины прохожих оборачивалось посмотреть на нее. Остальные были слишком заняты своими делами.

— Отчасти. Я не богиня. Я не умею смотреть чужими глазами, как ты. Но магию я различаю даже в толпе.

— Вот как. — Демонская магия всегда была странной. Я сунул руки в карманы и громко зев-

нул, не позаботившись прикрыть рот и меньше всего обращая внимание на негодующие взгляды проходившей мимо четы. — Стало быть, Итемпас тоже где-то поблизости?

— Нет.

Я фыркнул:

— От чего конкретно ты силишься его защитить? Убить его способна разве что демонская кровь, а кто на это пойдет? При нынешних-то обстоятельствах?

Она так долго молчала, что я успел решить: совсем не ответит. Но ошибся.

— Много ли тебе вообще известно о свойствах божественной крови?

— Я знаю, что смертные пьют ее при малейшей возможности, чтобы причаститься магии, — ответил я и скривил губу.

В первые десятилетия моего заточения в Небе некоторые Арамери брали у меня кровь. Она не приносила им искомого, потому что тогда моя плоть была скорее смертной, чем божественной. Однако они продолжали пытаться.

— И знаю, — продолжил я, — что иные мои братья и сестры продают ее людям. Только не понимаю зачем.

Ликуя пожала плечами:

— Подразделение нашей организации, возглавляемое Китр, присматривает за этой торговлей. Так вот, несколько месяцев назад в поле зрения Китр попал запрос на очень необычную кровь. Кого-то не удовлетворили простые месячные истечения или кровь сердца.

Настал мой черед удивиться. Я, собственно, и не знал, что некоторые мои сестры решили обзавестись месячными. Во имя тьмы, какого?.. Да ладно, все это чепуха.

— Итемпас теперь смертный. В плотском смысле, по крайней мере. От его крови у смертного разве что желудок расстроится.

— Он по-прежнему один из Троих, Сиэй. Его кровь невероятно ценна даже помимо всякой магии. И потом, кто сказал, что эти изготовители масок не нашли способа исторгнуть волшебство из крови отца, даже пребывающего в нынешнем состоянии? Вспомни: в масках северян присутствует божественная кровь. И маска, которую затеял Каль, еще не завершена.

До меня начало доходить, и я выругался. Посенмитски, ибо в нынешних обстоятельствах пользоваться нашим языком было слишком опасно. Почем знать, кто нас подслушивает или чьи непонятные заклинания дремлют неподалеку.

— Вот что начинается, когда боги продают смертным частицы себя!

А все эти мои глупые-глупые младшие родственники! Неужели они не понимали, не видели, насколько успешно смертные используют богов, ранят нас, подчиняют при малейшей возможности? В сердцах я треснул кулаком по неподатливому камню стены. И ахнул, поскольку вместо того, чтобы проломить стену, рука напомнила о моей смертной бренности, выдав белую вспышку боли, от которой перехватило дыхание.

Ликуя вздохнула:

— Прекрати.

Она взяла мою руку и стала вертеть кисть, проверяя, не сломана ли кость. Я зашипел и попробовал вырваться, но Ликуя так зыркнула на меня, что я перестал дергаться и притих. Ну и грозная же мамаша получится, если когда-нибудь заведет детей…

— Насчет ценности — согласна, — негромко проговорила она. — Только я не стала бы возлагать всю вину только на смертных. Припомни хотя бы, что делали боги с демонской кровью.

Я невольно поежился, гнев мой испарился, сменившись стыдом.

— Переломов нет, — объявила Ликуя и вы-

пустила мою руку. Я прижал ее к груди и стал нянчить, обиженно надув губы, — от этого сразу сделалось легче.

— Боги ведь на самом деле не плотские существа, — кивая на мою ушибленную кисть, продолжила Ликуя. — Я это понимаю. Но сосуды плоти, которыми вы пользуетесь в этом царстве, все же перенимают что-то от вашей истинной сути. И этого достаточно, чтобы добраться до более важного целого. — Она медленно и тяжело вздохнула. — Нахадот долгие столетия находился в полном распоряжении Арамери. Ты лучше меня знаешь, как они поступали с его телесной оболочкой и много ли забрали. Сомневаюсь, есть ли у них что-нибудь от Йейнэ, но кусочек мощей Энефы они точно хранят.

Я втянул воздух. Камень Земли… Последняя толика останков моей матери, взятая от ее телесной формы, умершей, когда Итемпас отравил Энефу демонской кровью. Теперь эта малость исчезла, потому что Йейнэ приняла ее в себя. Тем не менее две тысячи лет она была материальным предметом, пребывавшим в единоличной собственности у смертных, уже приобретших вкус к божественной власти.

— Возьми фунт плоти Нахадота, — сказала

Ликуя. — Подмешай не более крупинки от Сумеречной госпожи. Добавь к этому немножко плоти Дневного Отца, используй смертную магию, чтобы все смешать… — Она передернула плечами. — Не берусь даже предполагать, что может получиться. А ты?

«Ничего хорошего, — подумалось мне. — Ничего вменяемого — уж точно».

Смешать сущности всех Троих значило воззвать к такому уровню могущества, совладать с которым не смог бы ни один смертный — и даже немногие богорожденные. Подобный магический опыт оставит кратер невероятных размеров. И он изуродует не просто лик земли, а саму реальность…

— Ни один бог не станет таким заниматься, — потрясенно пробормотал я. — Этот Каль… Он должен знать, насколько это опасно! Не может же он замышлять то, что, как мы думаем, он замышляет!

Месть могла быть его природой, но такое деяние оказалось бы уже за пределами мести. Такое называется безумием.

— И тем не менее всегда следует готовиться к худшему. Вот почему я никому и ни за что не выдам отца.

При этих словах в ней вновь проявились очень знакомые черты: холодная непреклонность голоса, упрямый разворот плеч. На миг я даже представил вокруг нее крутящийся вихрь света, а в руке — белый меч. Но нет.

— Ты смертная, — тихо произнес я. — Даже если тебе как-то удается скрывать Итемпаса от богов, вечно ты это делать не сможешь. Калю не обязательно прибегать к насилию. Вполне достаточно подождать.

Она так посмотрела на меня, что я с пугающей ясностью ощутил: лишь хрупкий щит ее кожи отделял меня от смертельно опасной демонской крови, бегущей в ее жилах.

— Каль умрет раньше меня, — сказала она. — Уж я позабочусь.

Сказав так, она повернулась и ушла в толпу, оставив меня одного. Напуганного и с больной рукой.

Чтобы как-то утешиться, я купил себе тамариндового сока.

Спустя некоторое время я решил проверить, не принесло ли плодов посаженное мною семя. Я присел на ступени закрытого книжного магазина, закрыл глаза и мысленно поискал мальчика, на которого наложил свою печать. Много времени

не понадобилось. Я с восторгом обнаружил, что он распространил печать, передав ее еще восьмерым, и теперь вся банда шныряла в толпе по обе стороны перегороженной улицы. Я послушал то, что слышали они: в основном невнятный гул людского скопища, перемежаемый случайными звуками вроде конского топота (это проезжает верховой Блюститель Порядка) или музыки (это предается своему занятию уличный музыкант). Все звуки доходили до меня, преломленные восприятием ребенка. Я тоскливо вздохнул и уселся ждать начала праздника.

Прошло около двух часов. Вернувшаяся Ликуя рассказала, что Неммер — не удосужившаяся переговорить со мной — передала сообщение, что до сих пор не наблюдалось никаких признаков непорядка. И, что еще приятнее, Ликуя вручила мне чашку вкусного льда, приправленного розмарином и цветами серри: она купила мне лакомство у какого-то уличного торговца, и за одно это я готов был любить ее до конца дней.

Пока я облизывал пальцы, толпа вдруг заволновалась, а шум сразу возрос втрое. Мне приходилось держать глаза закрытыми, чтобы сосредотачиваться на том, что видят дети. Их-то глазами я поначалу и увидел, как развевались

белые знамена процессии Декарты, наконец-то достигшей проспекта Благородных. В ее голове двигалась воинская колонна в несколько сотен шеренг. В середине строя виднелся большой паланкин, мягко плывший на плечах десятков носильщиков. Его окружали верховые солдаты и конные Блюстители (иные держались в седле так, что я сразу заподозрил в них писцов). За паланкином следовали еще воины. Сами носилки были простыми и очень изящными, всего лишь платформа с крышей и ограждением, но материалом для них послужил день-камень, и в вечных городских сумерках паланкин распространял сияние солнечного полдня.

И на самом его верху, резко выделяясь черными одеждами, стоял Декарта.

Поверх ризы писца он накинул толстый плащ, и тот красиво ниспадал с широких плеч юноши. Декарта стоял, расставив ноги и держась за передний поручень с таким видом, словно это было ярмо, направляющее движение мира. Он не смотрел рассеянным взглядом, скользящим поверх голов, а всматривался в толпу по ходу движения процессии, и его лицо хранило невозмутимое и даже вызывающее выражение. Когда паланкин остановился и носильщики опустили

его, Декарта не стал ждать, пока тот коснется уличной мостовой. Он сошел с него сбоку и сразу двинулся вперед, уверенный и быстрый. Воины неуклюже расступились, охрана бросилась следом. Дека остановился у подножия ступеней. Там он откинул плащ и стал ждать, устремив взгляд на Мировое Древо — а может, на дворец, угнездившийся в самой нижней развилке ствола. В конце концов, он впервые за десять лет увидел собственный дом. Если, конечно, он по-прежнему считал Небо домом.

Толпа между тем положительно сходила с ума. Люди по обе стороны уличных заграждений выкрикивали приветствия, вопили на разные голоса и размахивали белоснежными флагами. Глазами одного из моих малолетних шпионов я увидел, как стайка хорошо одетых купеческих дочек, отчаянно визжа, показывает пальцами на Деку. Девушки хватались одна за другую, прыгали на месте и визжали, визжали… Тут я сообразил, что дело было не только в его внешней привлекательности. Действовало все сразу: его надменный вид, подчеркнуто вызывающая одежда и та уверенность, которую он излучал. Все знали историю его жизни и что он с рождения был в собственной семье вроде чужака

— нелюбимый сын, который никогда не станет наследником. И сейчас это тоже работало на него. Он был ближе к горожанам, чем к истинным Арамери, но то, что он был изгоем, не ослабило его, а лишь придало сил. И народ определенно готов был любить его за это.

Но тут началось движение на другом конце проспекта. Из недр Зала вышли двое мужчин. Один был Рамина Арамери во всем великолепии белого мундира и с выделяющейся на лбу сигилой полного родства. Второго я не узнал. Это был хорошо одетый теманец, достаточно рослый для тамошнего уроженца. Длинные, по пояс, волосы удерживались серебряными перевязками, на которых сверкали, должно быть, бриллианты. Он тоже был одет в белое, хотя и не сплошь. Борт его мундира, такого же, как у Рамины, был отделан зеленой двойной тесьмой с золотыми краями. Это были цвета теманского протектората. Передо мной стоял Датеннэй Канру, будущий муж Шахар.

Они вышли на середину лестницы и остановились в ожидании. Их выход послужил своего рода предупреждением: сейчас начнется самое главное, не пропустите!

И действительно, на верхних площадках лест-

ниц из день-камня что-то сверкнуло, и возникли две женщины. Справа — Ремат в обманчиво-незамысловатом атласное платье. Она держала предмет, от вида которого у меня кишки связались узлом, — стеклянный скипетр, увенчанный острым лезвием в форме лопатки. А слева…

Несмотря на все, что мне довелось пережить, и на твердокаменную решимость вести себя не как мальчик, а как мужчина, я вынужден был отказаться от чужого зрения, открыть глаза и лично посмотреть на нее. На Шахар.

Не подлежало сомнению, что Ремат желала сделать дочь центром внимания. Это было нетрудно, ибо Шахар, как и Декарта, лишь похорошела с годами. Фигура обрела формы, волосы отросли, черты лица набрали уже не девчоночью, а женскую красоту. Одеяние Шахар, казалось, витало отдельно от плоти. Его основу составляла полупрозрачная сорочка, позволявшая всей Тени любоваться белизной ее кожи. Но на груди и у бедер в невесомую ткань были вплетены серебряные лепестки; они вились, ниспадая свободными гирляндами в руку длиной. Когда Шахар двинулась вниз по ступенькам, они поплыли в воздухе, как серебряные облачка. Народ дружно ахнул. Все как-то разом поняли, что лепестки самые настоя-

щие, взятые от цветков Мирового Древа. Причем, судя по размерам, эти цветки распустились на невероятной высоте, там, где Древо выходило за пределы этого мира. В такую безвоздушную высь не смог бы забраться ни один смертный сборщик цветов, а божественными невольниками Арамери больше не располагали. Кто же добыл для них эти прекрасные лепестки? Да какая разница! Главное, произведено нужное впечатление: Шахар выглядела смертной женщиной в божественном обрамлении.

Выражение лица Шахар (не в пример матери) полностью соответствовало тому, чего ждали от наследницы Арамери: гордое, самоуверенное, надменное. Но когда она повернулась к матери и они начали спускаться навстречу друг дружке, Шахар опустила глаза, изображая точно отмеренную степень покорности. Мир пока еще не принадлежал ей целиком и полностью. Мать и дочь встретились посередине, и Ремат правой рукой взяла левую руку Шахар. После чего — судя по естественной легкости и изяществу исполнения, они упражнялись в этом движении много десятков раз — женщины повернулись в сторону проспекта Благородных и приветственно вскинули руки навстречу Декарте.

Тот не выказал ни следа сдержанности и затаенной обиды, которые, как я подозревал, он испытывал. Стремительно взойдя по ступеням, он преклонил колено перед матерью и сестрой. Женщины нагнулись к нему и подали руки, и он взял их своими. Потом он встал, занял место слева от Ремат, и уже втроем они повернулись к ликующему народу, вскидывая сомкнутые руки, чтобы их единение мог видеть весь мир.

Толпа превратилась в цельное многоголовое существо, которое истошно визжало, вопило, топало ногами и выкрикивало приветствия. В воздухе носилось такое количество блестящих конфетти, что создавалось впечатление, будто на город обрушилась серебряная метель. Пока длилось недолгое высочайшее представление, я удвоил сосредоточенность и даже отлепился от стены, на которую все это время опирался в ленивой позе. Неподалеку я увидел Ликую. Она напряженно обшаривала глазами улицу, наверняка призвав на помощь особые чувства, присущие демонам. Я со всей определенностью понял: вот он, тот самый миг. Если Узейн Дарр, Каль или какой-нибудь честолюбивый Арамери планировали нанести удар, они сделают это сейчас.

Ну и конечно же, один из моих малолетних соглядатаев именно в тот момент кое-что заприметил.

Возможно, то была ничего не значащая чепуха. Уличный музыкант, которого я раньше видел у общественного колодца, перестал играть на старой и помятой медной ланле и на что-то уставился. Я бы и внимания не обратил, но картинка пришла от того умненького воришки, которому я самолично нарисовал глаз на ладони. Раз уж он так внезапно и пристально заинтересовался музыкантом, значит было в этом человеке нечто, заслуживавшее внимания…

Я присмотрелся к раскрытому чехлу от ланлы: музыкант выставил его перед собой, взывая таким способом к щедрости прохожих. Поверх слоя монеток, набросанных на потертый бархат чехла, виднелся положенный кем-то предмет покрупнее. Я увидел, как музыкант поднял его, озадаченно хмуря брови. Предмет был снабжен отверстиями для глаз, внутри лежали свернутые завязки. Музыкант вертел его, соображая, что же это такое.

Маска.

Я начал двигаться, еще не открыв глаз. Ликуя помчалась рядом, и мы с вынужденной грубостью

проталкивались сквозь толпу. Она выхватила шарик для передачи сообщений, который сейчас полыхал красным вместо обычного белого, посылая какой-то беззвучный сигнал. У меня на мгновение заработали божественные органы чувств, и, пока это длилось, я успел засечь тонкие биения пространства: это мои родственники сворачивали и вновь разворачивали реальность, стекаясь к месту событий.

Глазами мальчика я видел, как неожиданно обмякло лицо музыканта: его точно поразил мозговой удар. Однако он не задергался и не рухнул замертво, а взялся за маску. Двигаясь точно лунатик, он наложил ее на лицо. Пока он возился с завязками на затылке, я успел заметить гладкий белый лак и резко обозначенные тени. Маска совершенно не походила на лицо музыканта: ее лик был неумолим, безмятежен… и страшен до ужаса. Понятия не имею, какой архетип она символизировала. Сквозь отверстия для глаз было видно, как музыкант заморгал, возвращаясь к обычному восприятию и явно не понимая, чего ради он эту срань демонскую напялил. Он потянулся к завязкам…

Символы на маске вспыхнули и погасли, словно на мгновение попали в луч света. И тотчас же

глаза человека сделались мертвыми. Нет, они не закрылись, не остекленели. Я все-таки сын Энефы. Я узнаю смерть, когда вижу ее.

Тем не менее музыкант встал и принялся озираться. Когда его лицо под маской обратилось в сторону Зала, он помедлил. Я ожидал, что он пойдет туда, но ошибся. Он рванул туда бегом и мчался настолько быстро, насколько смертным не полагается. Всех, кто оказывался у него на пути, он либо сшибал, либо отшвыривал, причем отшвыривал далеко…

А еще я никак не ожидал, что камни мостовой вокруг ступеней Зала внезапно полыхнут белым. Оказывается, кладка там была из день-камня, выкрашенного серым под цвет окружающего гранита. Теперь краска просвечивала, и на мостовой обозначилась вмурованная сигила. На жутко исковерканном божественном языке она повелевала оцепенеть любому живому существу, вздумавшему ее пересечь. То был своего рода щит, и ему полагалось сработать. Арамери, стоявшим на лестнице, и без него не было нужды бояться стрел и ножей: такие орудия нападения их сигилы родства без труда отразили бы. Им лишь приходилось опасаться убийц, орудующих с помощью масок, странная магия которых как-то

обходила сигилы. Не дать приблизиться этим убийцам, и Арамери будут в безопасности: так, по всей видимости, рассуждали писцы.

Музыкант сперва зашатался, а достигнув линии камней, остановился. Маска раскачивалась из стороны в сторону. Это не был жест отрицания, это вообще не было движение, которое можно истолковать как человеческое. Я видел, как подобным образом ведут себя пустынные ящерицы: раскачиваются туда-сюда, стоя над падалью.

Я поздно вспомнил, насколько упрощенческой и буквоедской была магия писцов. Камни имели власть над всяким живым существом. Но, пусть даже сердце музыканта еще продолжало стучать, а члены его двигались, он уже пребывал за пределами жизни. Изделие мастеров туска затмило его душу и погасило ее.

Вот музыкант перестал раскачиваться, круглые дырки глаз отыскали цель. Я проследил его взгляд и увидел Шахар, окаменевшую на вершине лестницы. Глаза у нее были распахнуты, лицо застыло…

— О демоны, — простонал я и быстрее прежнего понесся вперед.

Музыкант сделал еще шаг к каменному кольцу.

— Там! — крикнула Ликуя, указывая рукой.

Обращалась она явно не ко мне. Приветственный рев толпы успел превратиться в рев и визг ужаса, восторженные прыжки на месте сменились паническим бегством. У подножия лестницы, перед стражниками Арамери, возникла Китр, а перед ней в воздухе зависли двенадцать алых ножей, готовых устремиться вперед. Я видел, как она метала эти ножи в войско и смертные валились, как сжатые снопы. Она и здесь могла это проделать, и тогда горе толпе. Но, как и большинство городских богорожденных, Китр до последнего предпочтет этого не делать. Они ведь клятву давали, обязуясь уважать человеческие жизни. И теперь она ждала, пока смертные разбегутся, освобождая ей место.

Я раньше ее увидел опасность, потому что она не обращала внимания на стражников Арамери у себя за спиной, а те, увидев неизвестную богорожденную и спятившего горожанина, начали действовать против обоих. Охрана вскинула самострелы. Половина выстрелила в человека под маской, половина — в Китр. Никакого непоправимого ущерба они ей нанести не могли, но удары множества болтов заставили ее тело судорожно дернуться и потерять равновесие. Она, конечно,

тотчас выпрямилась и, оглянувшись, яростно заорала на стражей. Но бывшему музыканту этого хватило, чтобы с усилием преодолеть щит. Он двигался так, словно воздух перед ним обратился в вязкое масло. Магический щит задержал его, но остановить не смог.

Я уж думал, что Китр упустит свой шанс, ведь эти смертные ее сильно отвлекли. Но нет. Она зашипела, ее видимый облик на миг расплылся, и на ступенях появилась огромная алая с бурым змея, раздувающая капюшон, точно обозленная кобра. Потом она вновь стала женщиной, и ножи метнулись к человеку под маской со скоростью выплюнутого яда. Все двенадцать с жутким звуком воткнулись в его тело. Удар был такой силы, что, по идее, музыканта должно было унести едва ли не за городскую черту.

Ничуть не бывало! Он лишь приостановился, покачнувшись на пятках, а я впервые лично убедился, что маска обладает собственной защитной магией. Я успел заметить по ее краям вспышку, осветившую кожу на лице. Что же делали эти чары? Несомненно, укрепляли плоть, поскольку иначе ножи Китр порезали бы тело музыканта на кусочки. И еще они отвели силу удара. Но размышлять мне стало некогда, потому что музы-

кант вновь устремился вперед. Теперь он бежал медленней, потому что ножи все-таки повредили ему ноги. Но бежал…

В этот момент из мечущейся толпы выскочил еще один человек в маске, побольше и потяжелей первого, и сбоку врезался в стражу.

Двое! Их уже двое!

Ликуя выругалась. Мы находились слишком далеко и двигались слишком медленно, ведь нам приходилось пробиваться сквозь охваченную ужасом толпу. Ликуя схватила меня за плечо.

— Отправь их в Небо! — приказала она… и швырнула меня сквозь эфир. И я, не успев даже испугаться, материализовался наверху лестницы Зала, прямо на глазах множества Арамери и завтрашних приемышей в семью.

— Сиэй, — сказала Шахар.

Она смотрела на меня, напрочь забыв о том, что творилось в двадцати шагах от нее, и в тот миг я понял, что она по-прежнему любит меня.

— Брысь отсюда, живо! — гаркнул я, давя в себе бешенство по поводу поступка Ликуи. На кой хрен она меня послала сюда? Что вообще мог сделать я, начисто лишенный всякого полезного волшебства? — Ну, что к месту приросла? В Небо! Скорее, прах тебя побери!

Раздался жуткий треск: откуда-то из толпы взвилась молния. Изогнувшись в воздухе, она поразила второго носителя маски и нескольких стражей — те разлетелись по сторонам, отчаянно крича. Безмозглые писцы! Тот, кто был их целью, лишь пошатнулся, как и первый. Остановился. И снова тяжело затопал вперед — сперва на четвереньках, придерживаясь за ступеньки, а потом и во весь дух.

Стражники, однако, успели за это время сомкнуть строй. Мимо нас пронесся Гнев Арамери с мечом наголо, возглавляя двойную вереницу солдат. Одна вереница придержала шаг и взяла в защитное кольцо Ремат и нас при ней. Вторую Гнев отправил на помощь страже у подножия лестницы. Сам он занял место подле Ремат и даже осмелился взять ее за плечо, направляя обратно к лестнице из день-камня. Тем временем нападавшие в масках наскочили на колючий частокол пик и мечей. И по тому, как оба принимали удары, сразу сделалось ясно, что клинки стражей не остановят их окончательно. И не убьют. Поскольку они уже мертвы.

— Каких демонов… — пробормотал Датеннэй Канру.

Я повернулся туда же, куда смотрел он, и у меня

мгновенно пересохло во рту. Появился третий человек в маске. Он стоял на ступенях ближайшего Белого Зала, и на нем была форма орденского Блюстителя Порядка. Только его маска, в отличие от двух первых, была сплошь покрыта кроваво-алой краской с бело-золотым стилизованным узором. Распахнутый рот маски подразумевал рев мстительной ярости. И этот человек тоже побежал в нашу сторону. Толпа редела, стражники были заняты. Никто не стоял у него на пути.

Только я.

— Боги благие, только не это, — прошептал я.

Ну что, спрашивается, я мог сделать? Эн жарко запульсировала у меня на груди. Я схватил было ее, но вспомнил: сила Эн была моей силой. Когда я был могуществен, то же относилось и к ней. Но я теперь всего лишь смертный. Если я использую Эн… Если пущу в ход остатки ее силы…

Нет уж. Свою старейшую подругу я убивать не буду. Не тот случай. И не позволю погибнуть своим новым друзьям. Даже если одна из них меня предала. Проклятье! С магией или без нее, но я оставался богом. Я все еще был капризным ветром, пусть и запертым внутри умирающей плоти. И не мне бояться какого-то там смертного, пусть даже наделенного мощью!

Словом, я оскалился и захлестал себя по бокам отсутствующим хвостом. Испустил боевой клич и ринулся по ступеням наперерез алому чудовищу.

Мой боевой клич прозвучал на изначальном языке, это был приказ. Другое дело, я не очень-то ожидал, что нападавший его послушается. Однако, к моему полному изумлению, носитель алой маски остановился и повернулся ко мне.

Его маска была прекрасной и жуткой. Канавки и краска были подобны рекам, загаженным кровью, а странно угловатые глаза напоминали о горбах гор. Стилизованный рот обозначал губы и зубы, а между ними зиял темный провал, сквозь который не различалась человеческая кожа. Этот рот кривился в беззвучном вопле запредельного отчаяния. «Убийца», — шепнули мне резные черты, и я вдруг подумал обо всех злодеяниях, которые совершил во время Войны богов. И о тех, что совершил уже после — иные по приказу Арамери, иные из-за собственной ярости и жестокости. Я забыл, зачем бежал. Все ушло, осталась лишь сокрушительная вина. Я споткнулся и замер.

Потом меня тряхнуло. Грудь сдавило, и пришла боль. Я моргнул, посмотрел вниз и увидел, что

мужчина использовал свою руку как меч. И вогнал ее в мое тело до самого запястья, попав под нижние ребра.

Я еще смотрел на нее, когда ко мне подоспел Декарта. Он схватил меня за плечо и заговорил без слов, сделав головой широкое разящее движение. Из его горла рванулись сила и звук — рев отрицания, питаемый живой силой его кожи, крови, костей. Не у всякого бога получилось бы так здорово! Когда его магия поразила алую маску, я увидел, как она отменила ее действие. Послышался тихий треск, маска развалилась пополам, а в следующий миг человека под ней унесло футов на пятьдесят прочь, швырнув в разбегающуюся толпу. Я даже толком не увидел, куда тот приземлился, потому что как раз в тот момент магия Деки ударила по ступеням Зала и те взорвались фонтаном искрящихся брызг.

Его магический выброс просто не мог быть прицельным. Стражники и солдаты с воплями полетели в стороны, а с ними и враги. В этом хаосе я увидел еще одного человека в белой маске, которого не заметил прежде. Он вбежал в вихрь каменной крошки и опрокинулся навзничь. Но, когда осыпался мусор и начала оседать пыль, он зашевелился и сел.

Передо мной, окруженная тенями, возникла Неммер. Я заметил, как от вида моей раны у нее округлились глаза. Позади нее свалившийся было человек в белой маске поднялся и бросился вверх, с богоподобной легкостью перепрыгивая через завалы мусора, созданные Декой. У меня не хватало дыхания говорить, и я напряг волю, силясь предупредить Неммер. К моему изумлению, она, похоже, услышала. Во всяком случае, обернулась и перехватила нападавшего, когда тот уже изготовился для удара.

Ну а я непонятно как оказался у Деки на руках, и он понес меня, как ребенка: топ-топ-топ-топ! Как здорово, что он удался куда крупнее телом, чем я. Он взбежал по ступеням к остальным Арамери, которые только теперь — наконец-то! — заторопились к ближайшей лестнице из день-камня и вратам на ее верхней площадке. Лежа у Деки на руках, я все пытался крикнуть, чтобы они убирались быстрее, но не мог поднять головы. Как странно… Я чувствовал себя, как в первый день в теле смертного, когда Шахар вызвала меня в это царство в облике кота. Точно так же я ощущал себя и в другой день, на две тысячи лет раньше, когда Итемпас низверг меня, закованного в тюрьму плоти, и вручил мой поводок женщине, одной

из дочерей первой Шахар, и та разрывалась между ужасом и восторгом по поводу доставшегося могущества…

А потом мы достигли вершины лестницы, и мир вокруг нас расплылся. И этого я уже не выдержал — уплыл куда-то на волнах небытия.

16

Я вижу нечто такое, чего мне видеть не полагалось.

Я вижу так, как видят мир боги, то есть вбираю его целиком. И не имеет значения, есть ли при этом у нас глаза, чтобы узреть его, уши, чтобы услышать, и имеется ли вообще какое-то тело. Я знаю о событиях просто потому, что они происходят. Так вот, то, что я вижу, не относится к делам смертных, и оно не должно было бы происходить, пока я нахожусь в этом царстве, но, полагаю, тем самым подтверждается, что я еще не до конца сделался смертным.

Мы достигли Неба. На переднем дворе полный беспорядок. Капитан стражи кричит во все горло, указывая рукой на группку людей, прошедших вместе с нами через ворота. Куда-то бегут писцы и солдаты. Последние берут ворота в стальное кольцо на случай, если прорвутся нападавшие в масках. Писцы несут кисточки и чернильницы, чтобы запечатать ворота, пока не дошло до беды. По ходу дела Гнев и Рамина пытаются увести Ремат во дворец, но она стряхивает их руки.

«Я не стану прятаться в собственном доме!»

— заявляет она, и стражники с писцами готовятся оборонять ее ценой собственных жизней.

Пока все кругом мечутся и кричат, я корчусь на руках у Деки. Я умираю. В смысле, умираю быстро, вместо десятилетий старческого угасания, которые светили мне до сих пор. Человек в алой маске проделал обширную дыру во многих органах моего тела и раскрошил часть позвоночника. Даже если я каким-то образом выживу, что маловероятно, ходить я точно уже никогда не смогу. Тем не менее сердце еще стучит, в извилинах мозга еще загораются искры, и, пока это длится, моя душа продолжает цепляться за якорь плоти.

Меня радует, что все произошло именно так. Я умер, защищая тех, кто был мне небезразличен. Умер, стоя лицом к врагу, умер, как бог.

Дека унес меня прочь от Вертикальных Врат, туда, где сияет незапятнанный день-камень переднего двора Неба. Здесь он падает на колени, он требует, чтобы кто-нибудь меня подержал, он сумеет меня спасти, если ему помогут, так помогите же, проклятье, помогите…

На зов брата подбегает Шахар. Она опускается на колени по другую сторону от меня, и все долгожданное воссоединение брата с сестрой сводится

к быстрому обмену испуганными взглядами над кровавым месивом моего вспоротого живота.

«Расстегни на нем одежду», — требует Дека, хотя Шахар — наследница мира, а он — никто, просто необычный слуга. (Я вижу свое тело со стороны, оно беспомощно и бесполезно. Глаза закатились, челюсть вяло отвисла: неприглядное зрелище. Да уж, бог…) Шахар пытается завернуть на мне рубашку. Сперва она хочет ее разорвать, думая, что так меньше потревожит рану, но дешевая ткань оказывается на удивление прочной. Пока она возится, Дека извлекает откуда-то квадратик бумаги и кисточку, прикрытую колпачком. Уж где писцы держат на себе подобные вещи, ума не приложу. Дека быстро набрасывает знак, означающий удержание. Он хочет удержать кровь в моих жилах и остановить растекание нечистот, уже начавших отравлять мое тело. Это даст ему время начертать новые сигилы, и те, если повезет, меня исцелят. (Неужели он нанес на свое тело лишь средства для магического нападения? Вот дурачок…)

Вот он завершает знак и тянется ко мне, то ли похлопывая Шахар по руке, то ли опираясь на нее, чтобы уложить сигилу на должное место. И в это время кое-что происходит.

Вселенная — живое, дышащее существо. И время — тоже. Оно движется, но не так, как это представляется смертным. Оно беспокойно мечется и дергается. Смертные этого не замечают, потому что они сами дерганые и беспокойные. Боги замечают, но мы с юности привыкаем не обращать на это внимания, примерно так же, как человеческие новорожденные научаются не замечать вселенского одиночества в мире, где над ними больше не бьется материнское сердце. Тем не менее я вдруг начинаю все чувствовать. Медленные ритмы тысячелетнего дыхания звезд. Потрескивание солнечного ветра, бьющегося о пелену земной жизни. Копошение крохотных существ, неразличимых на безупречно чистой коже Шахар. Лениво-шумную поступь часов, дней и веков…

И вот, лежа между ними, под их руками, я открываю глаза. И открываю рот. Я что, кричу? Только слов не слышно. Я тянусь вверх, мои ладони накрывают руки Шахар и Декарты, и что-то на мгновение вспыхивает — их кожу точно молнией озаряет. Шахар ахает, глаза у нее округляются. Декарта таращит на нее глаза, раскрывая рот, чтобы закричать…

Все расплывается. По нашим телам пробегают

призрачно-белые линии, похожие на хвосты сгоревших комет. Все прямо как тогда, понимает витающая, наблюдающая часть меня, все прямо как в день, когда мы дали обет дружбы. Когда мы соединили руки и они сделали меня смертным. Все так же — и по-другому. На этот раз, когда налетает сила, это не какое-то неуправляемое содарение. За ней стоит воля, точнее, две воли, слитые в едином стремлении. Что-то взрывается внутри меня, вспыхивает, сжимается в крохотную точку…

И вот
оно
становится…

Я сердито барахтался в объятиях Деки.

— Да отпусти же, разрази тебя Вихрь! Я тебе не мешок с картошкой, я бог!

Он, запнувшись, остановился у самого края Вертикальных Врат. В нескольких шагах впереди остановилась Шахар. Ее окружало восемь стражников из отряда капитана Гнева: они пытались увести ее во дворец. Они и Ремат пробовали туда увести, но она отвергла их заботы:

— Я не стану прятаться в собственном…

Она замерла на полуслове. И Дека замер. Потом поставил меня на ноги. Я стряхнул мраморную

пыль с волос и одежды, одернул рубашку… и застыл.

Ой.

Ой…

Я все понимал и в то же время не понимал ничего. На свете происходило очень много всякого разного, и кое-что из этого имело смысл, а смысл неизменно нес с собой силу — жизненную, физически зримую или магическую. Еще были Трое, всесильные в тех исключительно редких случаях, когда они действовали сообща. Двойняшки. Мальчик и девочка. Бог, смертный и демоны посередине.

Но для такого не было причины. Не было прецедента. Они изменили вселенную. Двое смертных.

Они изменили вселенную, чтобы меня исцелить.

Они изменили вселенную…

Я таращил глаза на них, а они — на меня. Вокруг продолжались крики и беготня. Никто посторонний ничего не заметил, и удивляться тут было нечему. С их точки зрения, вообще ничего не произошло. На белом камне, где я лежал, не было крови. И одежда у меня разорвана не была, потому что никогда не было и ранения. При попытке воспроизвести недавнее прошлое в моей

памяти всплывал образ убийцы в алой маске, уже занесшего руку для удара, а потом и улетающего спиной вперед под напором магического выброса Деки. Однако я помнил и уже случившийся удар. Успевший случиться…

Еще миг, и появилась Неммер. Едва возникнув, она сбросила наземь нечто тяжелое. Тело! Я невольно моргнул. Нет, это был один из носителей белых масок. Он был связан чем-то вроде толстых вьющихся змей, сотканных из прозрачной тени. Так выглядела магия Неммер.

Когда она появилась, половина людей Гнева изготовилась к бою. Остальные попытались удержать их от ошибки. В общем, истошный крик, остановленные в замахе мечи и вселенская неразбериха. Я мысленно заподозрил: если Гнев переживет этот день, не слетев с должности, он точно устроит своему воинству весьма суровые учения под общим девизом: «Как по-быстрому распознать бога и воздержаться от нападения».

— Со всеми покончено, — сказала Неммер и подбоченилась. Посмотрела на меня и расплылась в улыбке: — Скажи своим смертным, Сиэй, чтобы отменили боевую готовность. Опасности больше нет!

Я смотрел на нее, не в силах говорить после

пережитого потрясения. Ее улыбка померкла, взгляд стал сердитым, и она щелкнула пальцами у меня перед носом. Я даже подпрыгнул.

— Что стоишь, как пыльным мешком прибитый? — Она вновь улыбнулась, но уже зло и насмешливо. — Не иначе наш старшенький в штаны наложил, изведав опасность в теле смертного?

Я даже не обиделся на эту издевку. Я, что называется, забыл о смертельных опасностях настолько, что она не могла даже себе представить. Да и мысли мои теперь занимали проблемы куда более странные.

Однако я недаром звался Плутишкой. Пока разум продолжал заниматься тайнами бытия, рот сам собой выговорил:

— Если меня что и напугало, так это увиденная внизу беспомощность. Ты нарочно почти дала им привести их план в исполнение или твои хваленые деятели ворон в небе считали?

Неммер не потеряла самообладания, но я реально ее достал. Во всяком случае, улыбаться она перестала.

— Их было десять, — сообщила она, и я окончательно вернулся мыслями к настоящему. — Считая того, которого убил твой любимчик. Все

нападали с разных направлений, и ни одного не удавалось остановить иначе, чем полностью уничтожив тело или сломав маску. Тебе еще повезло, что прорвался только один. К удару такого масштаба мы не готовились.

«Десять, — подумал я. — Десять смертных людей, которых обманом вынудили надеть маски и превратиться в живое оружие».

Мне поплохело. Я только покачал головой…

— Те смертные, что здесь, не пострадали? — спросила Неммер. Судя по ее ровному тону, мы вернулись к негласному перемирию.

Я огляделся и увидел поблизости Деку и Шахар — они стояли рядом, слушая наш разговор. Чуть подальше виднелся Канру, вид у него был неприкаянный и одинокий. На другой стороне двора Ремат спорила с Раминой на ступеньках дворца. Гнев стоял к нам лицом. Он не убирал руки с рукояти меча, пристально наблюдая за тварью в маске, лежавшей у ног Неммер.

— Со смертными, чья судьба имеет значение, все в порядке, — сказал я.

Я очень устал и чувствовал горечь. Умерли десять смертных, чья судьба значения не имела. А сколько погибло солдат? Сколько невинных зевак из толпы?

— С нами все в порядке, — повторил я.

Неммер определенно покоробил мой подбор слов, но она лишь кивнула, указывая на спутанного человека в белой маске. Тот был еще жив: он пытался разорвать путы, пыхтя от усилия.

— Забирай, — сказала Неммер. — Может, твой мальчик-писец сумеет разобраться с его магией. Смертные понимают ход мыслей смертных куда лучше моего! — Помолчав, она подняла руку, и в ее ладони что-то возникло. — Держи еще и вот это. Остерегайся неповрежденных масок, но стоит им сломаться, и их магия умирает.

И она протянула мне половинки разбитой алой маски.

Я заново ощутил, как твердые пальцы вспарывают мою плоть.

Я взял у нее обломки маски.

— Мне пора, — сказала она. Сейчас она говорила как обычная смертная, даже с выговором уроженки Затени. — Дел полно, секреты собирать надо. Скоро встретимся, поговорим.

И Неммер исчезла.

К нам уже шла Ремат. Она выступала неторопливо и с таким видом, словно ей чуть не каждый день приходится отбивать нападение на свою семью. Еще оставалась возможность что-то ска-

зать, пока она не услышит, и я подошел к брату с сестрой и вручил обломки маски Декарте. Он не стал брать их голыми руками, а быстро натянул рукава на ладони, да и тогда взял половинки осторожно, за самый край.

— Ни звука о случившемся, — тихо и быстро предупредил я.

— Но… — вполне предсказуемо начала было Шахар.

— Никто не помнит, только мы, — быстро сказал я, и она закрыла рот.

Ничего не заметила даже Неммер, чья природа заключалась в способности чувствовать присутствие тайн. Декарта затаил дыхание: он не хуже меня понял, что это значило. Шахар быстро глянула на него, потом на меня. А потом, словно и не провела десяти лет в разлуке с братом и словно не разбивала мне сердце, прикрыла нас, быстро повернувшись к подходившей матери.

— Все полностью в наших руках, — сказала она, когда Ремат остановилась поблизости.

Подошел и Гнев; он встал между мной и Ремат, не сводя с моего лица темно-карих глаз. (Я ему подмигнул, но он не отреагировал.) Рамина стоял позади сестры, сложив на груди руки. Его сын и дочь были живы, целы и в безопасности, но

особого облегчения он, кажется, не испытывал.

— Госпожа Неммер сообщила нам, что всего нападавших было десять, — продолжила Шахар. — Ее помощники переловили остальных и займутся собственным расследованием, но она желает, чтобы и смертные приняли участие в разбирательстве.

И Шахар с нескрываемым отвращением посмотрела на обездвиженного носителя маски у своих ног.

— Какая забота, — с едва заметной язвительностью проговорила Ремат. — Гнев! — Тот вздрогнул и перестал буравить меня взглядом. — Возвращайся в город и проследи за дознанием. Непременно установи, почему такое количество этих тварей сумело пробиться сквозь наши ряды.

— Госпожа… — начал Гнев и выразительно уставился на меня.

Ремат приподняла бровь и тоже повернулась ко мне:

— Господь Сиэй, ты вновь намерен попытаться убить меня? — Помолчала и добавила: — Сегодня?

— Нет, — ответил я, показывая и голосом, и лицом, что по-прежнему ненавижу ее. Я ведь не Арамери и никогда не видел смысла утаивать

очевидное. — Не сегодня.

— Ну конечно. — И она, к моему удивлению, улыбнулась. — Прошу тебя остаться, господь Сиэй, раз уж ты здесь. Если я правильно припоминаю, ты склонен впадать в скуку, а у меня насчет сегодняшней неприятности имеются свои планы, и я намерена привести их в исполнение. — Она посмотрела на белую маску, и на миг на ее лице отразилась непонятная печаль. Задержись это выражение, и, возможно, мне стало бы ее жаль. Но мгновение минуло, она улыбнулась мне, и я снова ее возненавидел. — Полагаю, — продолжила она, — ты найдешь следующие несколько дней вполне интересными. И это же относится к моим детям.

Мы с Шахар молча приняли ее слова. Ремат посмотрела на Деку. Тот стоял позади Шахар, и лицо у него было до того бесстрастное, что я тотчас вспомнил Ахада. Какое-то время все молчали. Я увидел, как Шахар, тщательно хранившая непроницаемый вид, посматривала то на мать, то на брата.

— Думается, не такого возвращения домой ты ожидал, — проговорила Ремат, и я удивился ее тону. Еще чуть-чуть, и в нем зазвучала бы приязнь.

Ну а Дека еще чуть-чуть — и улыбнулся бы.

— Если честно, матушка, я ждал, что кто-нибудь обязательно попытается меня убить в момент возвращения.

Выражение, промелькнувшее на лице Ремат при этих словах, не взялся бы истолковать ни смертный, ни бог. Для этого надо очень хорошо знать повадки Арамери. А их едва ли не с пеленок учили скрывать свои чувства. Они улыбались, когда их распирал гнев, и изображали скорбь, когда в действительности были готовы прыгать от радости. Так вот, судя по ее виду, Ремат отчасти забавляла внешняя беспечность Деки, но до определенной степени он произвел на нее впечатление. Только для меня ее чувства были ясны отчетливей сигилы у нее на лбу. Она была рада видеть Деку. Она была очень впечатлена. И еще ее беспокоила (скажем так: заставляла горько переживать) его холодность.

Шахар ее точно любила. Насчет Деки я не был настолько уверен. А сама Ремат? Любила ли она кого-нибудь из своих детей? Трудно сказать…

— Увидимся завтра, — сказала она Шахар и Декарте. После чего развернулась и пошла прочь.

Гнев отвесил поклон уже ей в спину, бросил на нас последний взгляд и зашагал по своим делам, на ходу созывая подчиненных.

Рамина задержался.

— Интересный стиль ты для себя выбрал, — сказал он Деке.

Словно в ответ на это, случайный порыв ветерка подхватил Декин плащ, и тот ожившей тенью шевельнулся у него за спиной.

— Мне показалось, что так будет правильно, дядя, — ответил Дека и тонко улыбнулся. — Я же для вас вроде паршивой черной овцы в белом стаде?

— Или волк в овечьей шкуре, явившийся полакомиться нежной баранинкой — если только его кто-нибудь не укротит, — ответил Рамина.

Он всмотрелся в лоб Деки, потом перевел взгляд на Шахар, давая понять, что имелось в виду. Брови Шахар шевельнулись, начиная хмуро сдвигаться, и Рамина тепло улыбнулся обоим.

— Но, может, твои острые зубы и повадки убийцы как раз нам и пригодятся? — сказал он. — Как бы будущим Арамери не понадобилась целая стая подобных волков…

Сказав так, он посмотрел на меня. Я нахмурился.

В голосе Шахар неожиданно прозвучала скука.

— Дядя, ты выражаешься еще туманней, чем обычно.

— Приношу извинения, — сказал он, но ничего

виноватого в его облике не было. — Я пришел лишь уточнить кое-что в отношении встречи, на которой сестра просит вас завтра присутствовать. Она желает провести ее строго конфиденциально: никаких стражников или придворных, только приглашенные лица. Даже слуг там не будет.

Тут Шахар и Дека переглянулись, а я задался вопросом: что, во имя всех преисподних, здесь происходит? Ремат ни в коем случае не следовало заранее объявлять о намерении провести такую приватную встречу. Любой Арамери или какая-нибудь иная заинтересованная сила легко могли подсунуть туда шар для подслушивания. А то и убийцу провести. Однако Рамина был помечен сигилой полного родства; он не мог бы действовать во вред сестре, даже если бы очень того хотел. Значит, он действительно говорил от имени Ремат. Но почему?

Тут до меня дошло, что Рамина смотрит на меня. Значит, Ремат хотела, чтобы о встрече узнал именно я. Узнал — и непременно пришел.

— Да ну вас, Арамери! — мрачно пробурчал я. — Вечно загадками изъясняетесь! У меня сегодня жуткий денек выдался. Говори уже прямо!

Он моргнул, глядя на меня с таким вопиющим изумлением, что никто на это не повелся.

— А я думал, Плутишка, что все и так до боли ясно. Арамери собираются устроить фокус, который впечатлит даже тебя. И конечно же, для этого нам потребуется твое благословение.

Договорив, он улыбнулся и ушел следом за сестрой.

Я недоуменно смотрел ему в спину, как будто надеясь на ней что-то прочесть. Но, конечно, ничего не прочел. Зато во дворе появилась Морад во главе небольшой армии слуг. Они пересеклись с Раминой у главного входа во дворец и дружно остановились, чтобы поклониться ему.

Шахар повернулась к нам с Декой и заговорила тихо и быстро:

— Я должна уделить внимание Канру и оставшимся в Зале теманцам, иначе они меня не поймут. А вы потребуйте себе покои, куда можно добраться через замкнутые пространства. Сиэй знает, что я имею в виду.

И она оставила нас, уйдя туда, где ее дожидался жених.

— Ты в порядке? — донесся до меня голос Канру. Я стиснул челюсти, пережевывая невольное одобрение, и повернулся к Деке:

— Полагаю, ты тоже захочешь поучаствовать. Созывай своих писцов, валяйте, потрошите до-

бычу, или что у вас там положено делать. — Я кивнул на связанного пленника в маске.

— Я бы с гораздо большим удовольствием засел где-нибудь с тобой и тщательно обсудил случившееся. — Была в его голосе некая нотка, от которой я неудержимо залился краской. Дека улыбнулся: он замечал все. — Однако это, думается, подождет. Я заселюсь в одну из комнат шпиля, в седьмую башенку, скорее всего. А ты где будешь жить?

Я призадумался.

— В нижней части дворца, — решил я, поскольку более уединенного места в Небе не имелось. — Дека, замкнутые пространства — это…

— Я знаю, что это, — ответил он, немало меня удивив. — И даже догадываюсь, какую комнату ты займешь. Мы к тебе заглянем около полуночи.

Я ошарашенно уставился на Деку, но тот уже повернулся навстречу Морад. Я услышал, как он поздоровался с управляющей, а затем принялся распоряжаться так уверенно, словно не вернулся только что из десятилетней ссылки.

— Немедленно распоряжусь, господин, — ответила Морад, и тоже таким тоном, будто они расстались только вчера.

Повсюду во дворе велись какие-то разговоры. Один я торчал в одиночестве.

Испытывая смутное беспокойство, я вернулся к пленнику в маске и, вздохнув, пнул его ногой. Тот запыхтел и задергался, пытаясь добраться до меня.

— И почему с вами, смертными, вечно так трудно? — задал я праздный вопрос.

Живой мертвец, как и следовало ожидать, не ответил.

Моя прежняя комната…

Я встал на пороге и даже не удивился тому, что за сто лет, пока меня здесь не было, в комнате ничего не трогали. Если подумать, чего ради слугам было сюда заходить, не говоря уже об управляющих? Никто не пожелал бы жить в комнате, где некогда обитал бог. Вдруг он оставил после себя опасные ловушки или вплел в стены проклятия? Или, что еще хуже, вдруг ему вздумается вернуться?

Вообще-то, я не собирался когда-либо сюда возвращаться. И мне даже в голову не приходило вставлять куда-то проклятия. А если бы и пришло, я не стал бы обременять стены такой ерундой, как проклятия. Я создал бы шедевр боли, унижения и отчаяния, почерпнув вдохновение в собственном

сердце, и щедро поделился бы всей этой жутью с любым смертным, которому вздумалось бы сюда заглянуть. Конечно, не на столетия, в течение которых терпел я, а лишь на мгновение-другое, но с такой же остротой.

У стены виднелся старый деревянный стол, а на нем — всякие мелкие сокровища, которые мне так нравилось собирать, пусть даже в них не было ни жизни, ни собственной магии. Вот совершенной формы сухой листок; сейчас к нему страшно даже прикоснуться: вдруг прахом рассыплется? А вот ключ — уже не помню, что он открывал, и не уверен, существует ли еще замок, к которому он подходил. Мне просто нравились ключи. Вот идеально круглый голыш, который я все собирался сделать планетой и добавить в свой планетарий. Я забыл о нем, когда получил свободу, а теперь у меня не было могущества, чтобы исправить ошибку.

По ту сторону стола находилось мое гнездо. Точнее, я обустроил его в таком стиле, хотя ему недоставало красоты и красок моего настоящего гнезда в державе богов. Сейчас передо мной была лишь куча тряпья, наполовину состоявшая из пыли и готовая окончательно превратиться в нее. И к тому же наверняка обжитая какими-нибудь

паразитами. Иные тряпки когда-то были нарядами, стыренными мною у чистокровных. Чей-то любимый шарф, детское одеяльце, драгоценный ковер… Я неизменно старался красть у них самые любимые вещи, хотя, попадись я на горячем, меня наказали бы, и очень жестоко. Каждый удар при наказании воистину стоил бы того! Но не потому, что кражи наносили им сколько-нибудь ощутимый ущерб. Просто я тем самым доказывал, что я не смертный, не просто раб. Я по-прежнему был Сиэем, проказливым ветром, игруном и охотником, и никакое наказание не смогло бы меня сломить. Я был готов перенести что угодно, лишь бы этого не забывать…

А теперь все здесь затянуло пылью и плесенью. Я сунул руки в карманы, съехал спиной по стене и вздохнул.

Я уже дремал, когда они явились ко мне. Сквозь пол. К моему удивлению, первой показалась Шахар. Я улыбнулся, заметив у нее в руке керамическую табличку с единственной простой командой на нашем языке: «Атадиэ!» Откройся! Я, так сказать, некогда показал ей дверь, и она заставила кого-то сделать для нее ключ.

— Ты что, с тех пор сама таскалась по замкнутым пространствам? — удивился я, пока она

выбиралась из дыры и отряхивалась от пыли. Они с Декартой еще и заставили день-камень сложиться для них в ступени. Дека вылез следом и принялся завороженно оглядываться.

Шахар опасливо покосилась на меня, несомненно припоминая, как я последний раз видел ее и говорил с ней. Было это целых два года назад, наутро после нашей любовной встречи.

— Было дело, — подтвердила она. — Полезная возможность без лишних глаз проникать повсюду, куда захочу.

— Верно, — согласился я с легкой улыбкой. — Хотя, знаешь, стоило бы поостеречься. Замкнутые пространства когда-то были моими. А любое место, которое так долго было моим, неизменно приобретает какие-то свойства моей природы. Зайди не в тот коридор, открой не ту дверь — и мало ли что вдруг выскочит и цапнет тебя!

Она поежилась, чего я, собственно, и добивался. И дело было не только в моих словах. «Предательница», — отчетливо выговорили мои глаза, и мгновение спустя она отвела взгляд.

Дека встревоженно поглядывал на нас. Наверное, он только сейчас начал понимать, насколько все между нами плохо. В итоге, проявив мудрость, он заговорил о другом:

— В Тени царит паника, Сиэй. И нам уже докладывают о беспорядках по всему миру. Кое-где прошли погромы, орден устроил во всех Белых Залах дополнительные служения, чтобы окормить всех итемпанов, неожиданно возжелавших помолиться. Матушка назначила через три дня чрезвычайное заседание Собрания и уполномочила «Литарию» обеспечить доставку всех представителей через врата. Ходят слухи, что все Арамери погибли и вот-вот разразится новая Война богов…

Я рассмеялся, хотя и не стоило бы. Страх для смертных — все равно что яд, он убивает в них способность рассуждать здраво. Сегодня ночью кого-нибудь и где-нибудь обязательно убьют…

— Пусть Ремат с этим разбирается, — сказал я и отлепился от стены. — Это не мое дело, да и не ваше. У нас есть заботы поважнее.

Они переглянулись, потом уставились на меня и стали ждать. Я запоздало сообразил: они решили, что я им сейчас кое-что объясню.

— Того, что случилось, я даже намеком не понимаю, — признался я, вскидывая руки в защитном движении. — В жизни ничего подобного не видал. Вокруг вас постоянно случается что-то необычное, но и этого я не понимаю…

— Это не от нас пришло, — тихо и с едва уловимой ноткой сомнения произнесла Шахар. Я сердито нахмурился, и она побледнела, но потом сглотнула и выпятила подбородок. — Мы с Декой это почувствовали, и в этот раз ты тоже почувствовал. Мы уже ощущали эту силу, Сиэй. Она та же, что и в день, когда мы принесли клятву.

Стало тихо, и я медленно кивнул, изо всех сил отгоняя страх. Я уже догадался, что сила была та же самая. И даже успел заподозрить почему. Вот это подозрение и пугало меня больше всего.

Дека облизнул губы.

— Сиэй, если мы втроем касаемся друг друга, каким-то образом получается… это. И если подобную силу можно направлять… Сиэй, мы с Шахар… — Он набрал полную грудь воздуха. — Хотели бы попробовать еще раз. Может, нам удастся тебе возвратить божественность?

Я даже перестал дышать, гадая про себя, представляют ли они, какой опасности мы все подвергались.

— Нет.

Я поднялся и отступил от стены, не в силах сохранять прежнюю позу безразличия.

— Сиэй… — начал Дека.

— Нет!

Боги благие, они ни малейшего понятия не имели, о каких силах шла речь. Я повернулся и заходил по комнате, покусывая большой палец. Забыл сказать: все это происходило в темноте. Самосветящиеся залы Неба создавались с расчетом воспрепятствовать магии Нахадота, а низверженный Итемпас был предан смертности. Оставалась Йейнэ, ибо всякое живое создание могло стать ее глазами и ушами, стоило ей лишь того пожелать. Наблюдала ли она за нами прямо сейчас? Стала бы она?..

— Сиэй, — заговорила уже Шахар.

Она встала передо мной, и я был вынужден остановиться, чтобы не налететь на нее. Я зашипел, и она ответила сердитым взглядом.

— Не городи чепухи, — сказала она. — Если мы сможем восстановить твое магическое могущество?

— Они убьют вас, — ответил я, и она отшатнулась. — Я про Наху и Йейнэ. Если у нас троих действительно есть подобная сила, они нас убьют.

Брат с сестрой непонимающе смотрели на меня. Я застонал и потер ладонями голову. Необходимо было заставить их понять.

— Демоны… — начал я, но это лишь привело их

в еще большее замешательство. Они не знали, что являлись потомками Ахада. Я выругался на трех языках, проследив только, чтобы ни один из них не являлся моим родным. — Проклятье, демоны! Как по-вашему, почему боги их убивали?

— Потому что они были угрозой, — сказал Дека.

— Нет-нет! Боги благие, неужели у вас фантазия не идет дальше учебных стихов и жреческих сказок? Вы же Арамери! Вам полагалось бы знать, что нам впаривают сплошное вранье!

Я зло смотрел то на одного, то на другого.

— Но это была действительная причина, — точно в детстве, заупрямился Дека. Он, наверное, и в «Литарии» на каждом уроке преподавателям перечил. — Их кровь была смертельным ядом для богов.

— А еще они здорово притворялись обыкновенными смертными, гораздо лучше богов и богорожденных. Они могли неузнанными затесаться среди людей. И делали это.

Я шагнул ближе и заглянул Деке в глаза. Обычно мне приходилось здорово стараться, скрывая свой истинный возраст, иначе смертные не так-то легко обманывались моей внешностью. Так вот, сейчас я намеренно приоткрыл Деке весь

свой жизненный опыт. Эпохи, по ходу которых я наблюдал развитие смертной жизни, и многие эпохи до этого. Я же при всем присутствовал почти с самого начала. Я понимал вещи, которые Дека никогда не постигнет своим разумом, каким бы блестящим интеллектом он ни обладал и как бы ни умалило меня мое нынешнее состояние. Я помнил. И хотел, чтобы сейчас он поверил мне, просто поверил на слово, не задавая вопросов. Так, как обычные смертные доверяют своим богам.

Даже если в итоге он начнет меня бояться.

Дека нахмурился, и я наконец-то увидел по его лицу, что до юного писца начало доходить. И даже притом, что он любил меня и желал еще с тех пор, когда по малости лет даже не догадывался, что такое желание, он попятился. Меня на мгновение охватила грусть. Ладно, что ни делается — все к лучшему.

Шахар, очаровательная предательница, раньше брата сообразила, что я хотел сказать.

— Они превращали в угрозу все человечество, — очень тихо проговорила она. — Да, они смешивались с нами. Рожали общих детей. Передавали по наследству свое волшебство, а временами смертным потомкам доставался и их

демонский яд.

— Да, — подтвердил я. — И хотя беспокоиться приходилось в основном о яде — он погубил одного из моих братьев, после чего все и понеслось, — существовал еще и страх: что произойдет с нашей магией, когда она рассеется в человечестве и, так сказать, преломится сквозь смертную линзу? Мы видели, что иные демоны по могуществу не уступали истинным богорожденным.

Я посмотрел на Деку — просто не смог удержаться. Он таращил на меня глаза, еще не оправившись от потрясения, вызванного открытием: его детская влюбленность оказалась чем-то странным и даже пугающим. Истинный смысл моих слов от него просто отскакивал.

— Нетрудно было сообразить, — продолжил я, — что однажды, неведомо где и когда, родится смертный и унаследует достаточное могущество, чтобы сравняться с одним из Троих. Достаточное, чтобы менять основы реальности. — Я покачал головой и сделал жест, охватывавший эту комнату, Небо, планету, вселенную. — Вы не понимаете, насколько все хрупко. Гибель одного из Троих все уничтожит. Появление Четвертого, даже отдаленного подобия Четвертого, повлекло бы те же последствия.

Дека нахмурился: озабоченность пересилила даже потрясение.

— То, что мы сделали… Думаешь, Трое могут решить, что сбылись их худшие страхи?

— Но мы же вроде никому и ничего не… — начала Шахар.

— Изменение реальности опасно само по себе! Если бы вы прибегли к нему еще раз, хотя бы для того, чтобы помочь мне… Дека, ты же понимаешь, как действует магия. Что будет, если неверно нарисовать сигилу или коряво произнести божественное слово? Если вы вдвоем попробуете пустить в ход эту силу, чтобы меня воссоздать…

Я вздохнул и признал правду, с которой мне ужас как не хотелось мириться.

— Вы сами подумайте о том, что было последний раз. Вы хотели, чтобы я был вашим другом. Настоящим другом. Я не мог им стать, пока оставался богом. Вы бы выросли и поняли, насколько я от вас отличаюсь. Стали бы правоверными Арамери и принялись соображать, как бы меня использовать. — Тут я покосился на Шахар и увидел, как она едва заметно поджала губы. — Останься я богом, наша дружба не дожила бы до этого дня. По всем этим причинам вы, сами того не осознавая, превратили меня в существо,

способное быть вашим другом.

Дека отступил еще на шаг. В его глазах стоял ужас.

— Ты утверждаешь, что мы это устроили? Обвал Лестницы в никуда, твоя смертность…

Я вернулся к стене и опять съехал по ней спиной, усаживаясь на пол.

— Не знаю. У меня только домыслы и догадки. Возникла странная магическая энергия, твоя воля сфокусировала ее в достаточной мере, чтобы вызвать изменение, но потом возникла здоровенная отдача. Ну, как-то так. И это совершенно не отвечает на главнейший вопрос: откуда у вас эта сила?

— Дело не только в нас, Сиэй, — тихо сказала успокоившаяся Шахар. — Сколько раз мы с Декой друг друга касались, и никогда ничего не происходило. А что-то происходит, только если к нам присоединяешься ты.

Я безнадежно кивнул. Это я тоже успел понять.

Мы помолчали. Брат и сестра трудно переваривали услышанное. Тишину прервало громкое урчание у меня в животе, потом мой еще более громкий зевок. Это заставило Деку неловко переступить с ноги на ногу.

— Почему ты пришел именно сюда, Сиэй? Сюда

не заглядывают слуги, да и комната достаточно скверная.

Он огляделся, кривясь при виде старого дотлевающего тряпья.

«Скверная комната для осквернённого бога», — подумалось мне.

— А мне тут нравится. И вообще, я слишком устал, чтобы идти куда-то еще. Так что идите-ка вы вон. Мне отдохнуть надо.

Шахар направилась к отверстию в полу, но Дека уходить не торопился.

— Пойдем с нами, — предложил он. — Перекусишь, вымоешься. У меня в новых покоях и диван есть!

Я поднял на него взгляд и оценил смелость этой попытки. Я только что в пух и прах разнес его детские мечты, а он даже после этого пытался быть мне другом, как обещал.

«А ведь это ты меня покалечил, несравненный Дека…»

Я криво улыбнулся, и он нахмурился.

— Со мной все будет в порядке, — пообещал я. — Давайте идите. Лучше нам подготовиться к встрече с вашей матерью поутру!

И они скрылись под полом.

Когда в день-камне затянулось отверстие,

я улегся и свернулся калачиком. Попытаюсь уснуть, пусть даже к утру на мне живого места не останется. Но стоило мне закрыть глаза, как я понял, что уже не один.

— Ты уже боишься меня? — спросила Йейнэ.

Я открыл глаза, приподнялся и сел. Она сидела, скрестив ноги, в моем старом гнезде. Опрятная, как всегда, и прекрасная даже среди тряпья. Правда, что касается этих тряпок, то они вовсе не выглядели истлевшими. К серым лохмотьям на глазах возвращались яркие краски, я слышал, как потихоньку шуршали волокна, снова делаясь прочными и упругими. Я увидел, как по бедру Йейнэ проползла вереница еле различимых пылевых клещей. Она собиралась куда-то их перенести. А может, попросту убивала. С Йейнэ никогда не знаешь заранее.

Я ничего не ответил, и она вздохнула:

— Меня очень мало заботит могущество смертных, Сиэй. Вот если они наберут силу и возьмутся нам угрожать, тогда я с ними и разберусь. А пока… — Она пожала плечами. — Пока, может, оно и хорошо, что у них есть подобная магия. Возможно, как раз в этом они и нуждаются? В собственной силе, чтобы перестать завидовать нашей.

— Только Нахе не говори, — прошептал я.

Услышав это, она посерьезнела и замолчала.

— Раньше, когда мы оставались одни, ты всегда подходил обнять меня… — сказала она, помолчав.

Я отвел глаза. Мне и сейчас этого хотелось. Но…

— Сиэй, — с укором и обидой сказала она.

Я очень сильно любил ее и не хотел допустить, чтобы она решила, будто с ней что-то не так. Я вздохнул, поднялся и перешел к гнезду. Забраться в него значило оживить прошлое, и я чуть помедлил, охваченный непрошеными воспоминаниями. Вот безлунной ночью — единственное время суток, когда до нас не могли добраться ни Арамери, ни Итемпас, — я обнимаю Наху, горько плачущего по Троим, какими они были когда-то. Несчетные часы, что я провел, создавая орбиты для своего планетария и полируя трофейные кости Арамери. Как я скрипел зубами, когда очередной капитан стражи — в отличие от Гнева, чистокровный и очень жестокий — велел мне кувыркаться… (В итоге я заполучил и его косточки, но из них не вышло таких славных игрушек, как я надеялся, и я их просто выбросил с Пирса.)

А теперь рядом со мной была Йейнэ, чье присут-

ствие выжигало все скверное, а доброе заставляло сиять. Мне безумно хотелось обнять ее, но я знал, чем это кончится, и не мог взять в толк, почему не понимает она. Она еще так молода…

Она недоуменно нахмурилась и, вытянув руку, коснулась моей щеки. Мое самообладание рассыпалось в прах, я бросился к ней, как когда-то, и уткнулся лицом в ее грудь, цепляясь за ткань безрукавки. Как же это было здорово. Тепло, безопасность, ощущение детства… Она обняла меня, зарылась лицом в мои волосы. Я был ее малышом, ее сыном во всех отношениях, кроме плоти, а разве это считается?

Однако обязательно наступает момент, когда знакомое делается чужим. И это обязательно в какой-то мере присутствует между всякими двумя существами, любящими друг друга, как мы с ней. И черта настолько тонка… Я только что был ее малышом, и моя голова самым невинным образом покоилась у нее на груди. Потом я вдруг осознал себя мужчиной, одиноким, изголодавшимся, а ее маленькие груди были такими нежными, женственными, манящими…

Йейнэ едва ощутимо напряглась, но я ждал именно этого и сумел уловить. Я с долгим вздохом выпрямился и разжал руки. А когда встретил

ее встревоженный и неуверенный взгляд, отвернулся. Я все-таки не полный мерзавец. Ради нее я был готов остаться мальчиком, в котором она нуждалась, а не мужчиной, в которого успел превратиться.

К моему удивлению, она поймала мой подбородок и заставила снова на себя посмотреть.

— Дело не только в том, что ты стал смертным. И не только в твоем стремлении защитить этих детей.

— Я человечество хочу защитить. Если Наха обнаружит, на что эти двое способны…

Йейнэ покачала головой и заодно тряхнула мою, не позволяя себя отвлечь. Потом так пристально вгляделась в мое лицо, что я снова ощутил страх. Йейнэ — не Энефа, но…

— Ты же был близок с Нахадотом и множеством своих родственников, — сказала она, и ее неприятие этого факта промчалось по моей коже, точно полчища удирающих клещей. Она пыталась побороть отвращение, но не могла с ним совладать. — Я знаю, у божественного народа все по-другому…

О, была бы она хоть чуточку старше. Всего несколько столетий приглушили бы ее воспоминания о смертной жизни с ее предпочтениями и

запретами. Как жаль, что я не увижу ее превращения в истинную богиню…

— Я был и с Энефой, — тихо проговорил я и не сразу отважился поднять на нее глаза. — Ну… это происходило редко. Большей частью, когда Итемпас с Нахадотом куда-нибудь вместе отправлялись. Когда она нуждалась во мне…

И, поскольку такой случай больше уже не представится, я поднял на нее взгляд и дал ей увидеть правду. «Может, со временем я и тебе бы понадобился. Ты сильнее Нахи и Темпы, но и тебе не справиться с одиночеством. А я тебя с самого начала любил…»

Надо отдать ей должное — она не отшатнулась, и за это я полюбил ее еще крепче. Однако у нее вырвался вздох.

— Бывало, мне хотелось своих детей, — поведала она и провела по моей щеке шершавыми костяшками пальцев. Я прижался к ее руке, закрывая глаза. — С таким количеством сердитых и несчастных приемных детей кажется глупым создавать излишние сложности. А еще… — Я почувствовал, что она улыбалась: точно звездный свет излился на мою кожу. — Ты мой сын, Сиэй, и это бессмыслица. Мне бы дочерью твоей быть полагалось, но… Словом, вот как я себя чувствую.

Я поймал ее руку и потянул к себе, прикладывая к груди, чтобы она ощутила биение моего смертного сердца. Я умирал, и это делало меня смертным.

— Если мне не дано быть для тебя ничем большим, согласен и на сына. Честно.

Ее улыбка сделалась грустной.

— Но тебе хотелось бы большего?

— А я всегда хочу больше. От Нахи, от Энефы… даже от Итемпаса. — Произнеся это имя, я вернулся к трезвомыслию и вытянулся рядом с нею. И она позволила, хотя раньше из этого ничего хорошего не получалось. Я воспринял это как знак доверия. Я не нарушу его. — Всегда хочу невозможного. Такова моя природа.

— Вечно оставаться неудовлетворенным?

Ее пальцы ласково играли с моими волосами.

— Да, полагаю. — Я пожал плечами. — Я уже научился с этим справляться. А что еще остается?

Она молчала так долго, что меня начал одолевать сон. Мне было так тепло и уютно рядом с ней в этом мягком гнезде. Я даже подумал, что она могла бы поспать здесь вместе со мной. Просто поспасть, ничего такого. Мне очень хотелось бы этого, но я не знал, как попросить. Но у великой богини на уме было другое.

— Эти дети, — молвила она наконец. — Смертные близнецы. С ними ты вроде счастлив.

Я покачал головой:

— Вообще-то, я их едва знаю. Я из каприза приголубил их, а потом сделал ошибку — влюбился. Это свойственно детям, но в кои-то веки мне бы следовало подумать, как положено богу, а не ребенку.

Ее губы коснулись моего лба, и я возликовал — поцелуй был естественным и открытым.

— Твое желание идти на риск едва ли не самая чудесная твоя черта, Сиэй. Где бы мы сейчас были, если бы не это?

Я улыбнулся, невзирая на одолевавшие меня мрачные мысли. Полагаю, этого Йейнэ и добивалась. Она погладила меня по щеке, и мне опять стало легче. Вот какой властью, добровольно врученной, она надо мной обладала.

— Ты выбрал далеко не самых жутких людей, чтобы полюбить их, — задумчиво проговорила она.

— С Шахар я точно промахнулся.

Она чуть отстранилась, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Вот как? Она должна была совершить нечто ужасное, чтобы так тебя разозлить.

— Не хочется говорить об этом…

Она кивнула, давая мне время подуться. Потом спросила:

— Во всяком случае, мальчика это не касается?

— Декарты. — Она застонала, а я хихикнул. — Сначала я отнесся к нему так же. Только он ничем не похож на своего тезку. — Тут я осекся, вспомнив его нательные письмена, решимость стать оружием Шахар и неуклонное преследование меня. — Тем не менее он Арамери, и полностью доверять ему я не могу.

— Я тоже Арамери.

— Тут не то. Я не о прирожденном. Тебя хоть не растили в этом гадюшнике.

— Вообще-то, в гадюшнике, только в другом.

Она пожала плечами, отчего мою голову слегка качнуло.

— Смертные, Сиэй, есть сумма многих слагаемых. Тут и то, какими сделал их случай, и то, какими они хотели бы быть. Если хочешь их ненавидеть, ненавидь не за первое, а за второе. Это хоть в какой-то мере зависит от их воли.

Я вздохнул. Конечно, она права. Именно об этом же я тысячелетиями спорил с родней, пока мы препирались, иногда не ограничиваясь лишь словами, имеют ли вообще смертные право су-

ществовать.

— Они такие дурни, Йейнэ, — прошептал я. — Они умудряются пустить по ветру всякий наш дар. Я…

Меня пробрала необъяснимая дрожь. В груди заболело, словно я собрался расплакаться. Но я был мужчиной, а мужчины не плачут. Теманские, по крайней мере, точно. Но еще я был богом, а боги плакали всякий раз, когда приходилось кстати. И я терзался, не в силах ни пролить слезы, ни сдержать их.

— Ты подарил Шахар свою любовь, — сказала Йейнэ, рассеянно гладя мне волосы, что вовсе не способствовало укреплению моего духа. — Она ее стоила?

Я вспомнил Шахар, юную и свирепую, и как она пинком спустила меня с лестницы за то, что я отважился предположить, будто она не в силах определить собственную судьбу. И позже, когда она занималась со мной любовью по приказу матери. Но какой алчной она выглядела, когда прижимала меня к земле и требовала от моего тела наслаждения! Так я не забывался ни с одной смертной за полные две тысячи лет…

И пока я предавался этим воспоминаниям, тугой узел гнева в моей душе начал мало-помалу

ослабевать.

Негромко рассмеявшись, Йейнэ высвободилась из моих объятий и села. Я тоскливо наблюдал.

— Будь хорошим мальчиком и поспи. Нечего сидеть всю ночь, предаваясь размышлениям. Утро вечера мудренее! К тому же утро ожидается интересное, и мне не хотелось бы, чтобы ты что-либо пропустил.

Тут я нахмурился и приподнялся на локте. Она же провела пальцами по своим коротким кудрям, словно желая поправить их. Сто лет божественности, а сколько в ней еще осталось от смертной! Богине было достаточно лишь пожелать, и ее волосы улеглись бы в идеальную прическу. И она, видя мой взгляд, не позаботилась стереть с лица самодовольное выражение.

— Что-то ты затеваешь… — прищурился я.

— Еще как затеваю. Не благословишь? — Она поднялась и стояла подбоченясь, с хитрой улыбкой на лице. — Скажу пока только вот что: Ремат Арамери интересна не менее, чем ее дети!

— Ремат Арамери — сущее зло. Убил бы ее, если бы Шахар ее так не любила, — буркнул я.

Однако Йейнэ при этих словах подняла бровь, и я сморщился, сообразив, в чем признался — не только ей, но и себе. Ибо если уж я любил Шахар

настолько, чтобы стерпеть существование ее жутковатой мамаши, значит эта любовь способна подвигнуть меня и на прощение.

— Глупенький, — вздохнула наконец Йейнэ. — Не ищешь ты у нас легких путей.

Я попытался обратить все в шутку, вот только улыбку едва удалось вымучить.

— А трудные пути обычно как-то забавней.

Она покачала головой:

— Ты чуть не умер сегодня.

— Да ладно, на самом деле ничего такого… — Она уставилась на меня особенным взглядом, и я съежился. — Ведь все кончилось хорошо.

— Вообще-то, нет. Или, точнее, не должно было. Однако божественная удача, похоже, все еще при тебе, несмотря на все случившиеся с тобой перемены. — Тут она перестала улыбаться. — Порядочной матери нужно не только позаботиться о безопасности ее детей. Она еще и хочет, чтобы они были счастливы, Сиэй.

— Э-э-э… — Я невольно слегка напрягся, не понимая, куда она клонит. Она была менее непредсказуема, чем Наха, но ее мысль двигалась по спирали, так что порой — а все мои мозги смертного, способные размышлять лишь линейно! — я не мог за ней уследить. И я сумел лишь

сказать: — Так это же, наверное, хорошо.

Йейнэ кивнула. Ее лицо было неподвижно, но за этой маской угадывалось непостижимое коловращение мыслей. Потом она бросила на меня еще один Особенный Взгляд, и я непонимающе заморгал, потому что в нем горела ярость, подобной которой я целый век не видал.

— Я сделаю так, чтобы ты узнал счастье, Сиэй. *Мы* это сделаем.

И она говорила не о себе и Нахе. Я знал это столь же верно, как и то, что Троих следует писать с большой буквы. И, хотя Трое ни разу не объединялись со времен ее обожествления, она была одной их них. Частью величайшего Целого. А когда все Трое желали чего-то одного, каждый из них говорил голосом этого Целого.

Я склонил голову, благоговейно принимая оказанную мне честь. Однако потом нахмурился, сообразив, что она имела в виду.

— В смысле, прежде, чем я умру?

Йейнэ замотала головой. Она вновь была лишь собой. Потом наклонилась и положила руку мне на грудь. На краткий миг я ощутил тонкие вибрации ее тела. Притупленные чувства тотчас же меня подвели, но и за эту малость я был благодарен. У моей прекрасной Йейнэ не было сердца, но

оно ей и не требовалось. Его в полной мере заменяло биение жизни и смерти целой вселенной.

— Мы все умираем, — тихо проговорила она. — Кто раньше, кто позже. Даже боги… — И прежде, чем эти слова вновь навеяли на меня только-только побежденную меланхолию, она вдруг подмигнула. — Однако то, что ты мой сын, должно все-таки давать тебе некоторые привилегии!

И она растворилась в воздухе, оставив после себя лишь иссякающее тепло от прикосновения ее пальцев к груди и обновленные, чистые тряпки гнезда. Улегшись, я с удовольствием обнаружил, что в гнезде остался и ее запах. Туман, приглушенные цвета, любовь матери. И — едва уловимым намеком — женская страсть.

Мне хватило. Той ночью я спал крепко и хорошо.

Правда, до этого я все-таки проявил непослушание и около часа провалялся без сна, гадая, что задумала Йейнэ. Я мысленно потирал руки и не мог удержаться. Все дети любят сюрпризы…

— Спасибо всем, что пришли, — сказала Ремат. Ее взгляд поочередно коснулся каждого из нас: меня, Шахар, Декарты — и, что странно, выделил среди придворных Гнева и Морад. Эти двое, преклонив колени, разместились позади Деки

и Шахар, уступая передние места высокорожденным. Присутствовал и Рамина, он стоял за троном Ремат, по левую руку. Я подпирал стену неподалеку, сложив на груди руки, и изображал смертную скуку.

Дело было к вечеру. Мы, вообще-то, ждали, что Ремат созовет нас гораздо раньше — поутру, когда она обычно проводила приемы, или вскоре после этого. Однако за нами никто так и не явился. Брат с сестрой весь день занимались обычными делами высокопоставленных Арамери, а я просто спал до полудня: представилась возможность, так грех не воспользоваться. Затем Морад, спасибо ей, прислала в мое логово достаточно храбрых слуг. Они доставили мне еду и свежее платье, а потом отвели к Ремат.

И вот она улыбалась нам с приземистого каменного кресла, которое до Войны богов служило алтарем и до сих пор попахивало демонской кровью Шинды.

— В свете вчерашних весьма прискорбных событий, — начала она, — похоже, настало время задействовать план, который, как я надеялась, никогда не понадобится. Декарта! — Тот вздрогнул от неожиданности и поднял взгляд. — Твои литарийские наставники уверяют, что ты,

несомненно, самый одаренный юный писец, когда-либо у них обучавшийся. А поскольку мои соглядатаи в «Литарии» подтвердили мнение учителей, я делаю вывод, что это не просто раболепная ложь. И ты даже представить не можешь, как меня это радует!

Дека целую секунду смотрел на нее с откровенным изумлением и только потом выговорил:

— Спасибо, матушка.

— Не торопись благодарить. У меня есть задание для тебя и Шахар. Оно потребует немалого времени и усилий, и от него будет полностью зависеть будущность семьи. — Ремат скрестила ноги и повернулась к дочери. — Известно ли тебе, Шахар, что я собираюсь вам поручить?

Впечатление было такое, что этот или похожий вопрос задавался уже не впервые. Во всяком случае, Шахар совершенно спокойно подняла голову и ответила:

— Не уверена, но некоторые подозрения имеются. Поскольку мои источники уведомили меня о некоторых любопытных действиях с твоей стороны.

— Например?

Шахар слегка прищурилась, вероятно раздумывая, насколько откровенной ей следует быть

в присутствии столь разношерстной компании слушателей. Потом ответила напрямик:

— Ты рассылала отряды исследовать удаленные места по всему миру, а нескольким писцам было поручено — в глубокой тайне и под страхом смерти в случае разглашения — изучать строительные приемы, использованные при возведении Неба. — Она покосилась на меня и договорила: — В особенности те, что могут быть воспроизведены при помощи магии смертных.

Я удивленно заморгал. Я ждал чего угодно, но только не этого! Когда же я, нахмурившись, посмотрел на Ремат, то забеспокоился еще больше: она улыбалась, явно довольная моим изумлением.

— Во имя небес, женщина, что у тебя на уме? — вопросил я.

Она почти кокетливо потупилась, неожиданно напомнив мне Йейнэ. Во всяком случае, вид у Ремат был такой же самодовольный, что и у той накануне вечером.

Я, вообще-то, не любил вспоминать, что они состоят в родстве.

— Арамери должны измениться, господь Сиэй. Разве не об этом говорил нам Ночной Хозяин в тот день, когда ты и другие Энефадэ вырвались

из долгого заточения? Мы слишком долго удерживали мир в неподвижности, и вот теперь он крутится и вертится, наслаждаясь внезапной свободой, — и грозит уничтожить себя сам, меняясь слишком сильно и быстро. — Она вздохнула, а ее самодовольство начало таять. — В прошлом году мои шпионы на Севере прислали донесение, которого я не поняла. Теперь же, увидев могущество этих масок, я осознаю: грозящая нам опасность превосходит всякие предположения.

Она на некоторое время умолкла, и на краткий миг в ее глазах отразилась преисподняя: все страхи и неимоверная усталость, все то, что она до нынешнего момента нам не показывала. Такое вот потрясающее откровение. Когда она подняла взгляд на Шахар, я понял, что это откровение она допустила намеренно.

— Мои подсылы видели сотни масок, — тихо проговорила Ремат. — А может, целые тысячи. Почти у каждого народа Дальнего Севера есть свои мастера туска. Северяне уже не первое поколение всячески способствуют распространению этого искусства и целенаправленно воспитывают одаренных в этом плане юнцов. Они продают маски приезжим в качестве сувениров. Дарят купцам при заключении сделок. Люди обычно просто

вешают их на стену в качестве украшения. И нам неоткуда знать, сколько масок уже изготовлено — на Северном материке, на островах, в разных местах Сенма. И даже в этом городе — от Неба до Серого и Тени. Подсчитать их невозможно!

Я втянул воздух, осознавая правду услышанного. Боги благие, я же сам видел те маски! На стене таверны в Антеме! И еще в Зале, когда притворялся пажом какого-то вельможи, на самом деле подслушивая ход заседания Собрания. Там, в одной из уборных, мое внимание привлек ряд суровых, властного вида масок, украшавших стену. Я рассматривал их, пока справлял малую нужду, и понятия не имел, что это на самом деле такое.

— Я, конечно, затребовала помощь орденских Блюстителей Порядка, дабы обнаружить и нейтрализовать эту угрозу. Они уже начали обыскивать дома и убирать маски. Естественно, не прикасаясь, — добавила она, потому что Дека встревожился и даже захотел что-то сказать. — Нам известно, насколько это опасно.

— Нет, — произнес Дека, и все удивленно повернулись к нему.

Он дерзнул перебить главу семьи Арамери: неслыханно!

— Никто не может судить о степени опасности,

матушка, пока у нас не было случая исследовать маски и понять, как они работают. Быть может, одним прикосновением дело не ограничивается!

— Тем не менее мы должны попытаться. Маски способны превращать обычного человека в почти неудержимое существо вроде тех, что нападали на нас вчера, а это значит, что мы уже со всех сторон окружены врагами. Им не нужно собирать войско и обучать солдат, заботиться об оружии и припасах. Они могут призвать свои силы в любой момент, пустив в ход механизм или заклятие, управляющие масками. А все защиты, созданные на сегодняшний день нашими писцами, увы, показали себя полностью несостоятельными.

— Теперь у писцов есть несколько неповрежденных масок для изучения, — заметила Шахар. — Мне думается, было бы преждевременно…

— Я не могу медлить, подвергая риску будущее нашей семьи. Мы и так потеряли слишком многое и слишком многих, продолжая надеяться на свою репутацию и силу традиций. Мы считали себя неуязвимыми, тогда как враги собирали жатву в наших рядах. — Ремат помолчала, стиснув зубы. Ее глаза потемнели, сделались жесткими. — Когда настанет твое время править, Шахар, тебе придется принимать еще более странные реше-

ния. Думаешь, я просто так нарекла тебя именем нашей прародительницы? — Она нашла взглядом Деку. — Впрочем, я уже знаю: тебе хватит сил поступать как надлежит.

Шахар напряглась, прищурившись. Это подозрение? Или гнев? Будь проклято мое смертное тело с его ублюдочным восприятием мира!

Ремат глубоко вздохнула:

— Итак, Шахар. С помощью Декарты и наиболее способных членов семьи ты станешь готовить новый дом для Арамери.

Воцарилась полнейшая тишина. Все смотрели на нее, и я в том числе. Во имя неисповедимого Вихря, она говорила совершенно серьезно.

— Новый дворец?.. — Шахар даже не попыталась скрыть недоверия. — Матушка… — Она мотнула головой. — Я не понимаю!

Ремат протянула изящную руку:

— Все очень просто, дочь моя. Для нас вскоре будет выстроен новый дворец. В тайном месте, гораздо более уединенном и лучше защищенном, чем Небо. В нем будут обитать капитан Гнев и его Белая стража, управляющая Морад и иные, кому вы безусловно доверяете. Обитать одни, готовя дворец к переезду всей нашей семьи. О местоположении этого дворца, не в пример Небу,

никому не будет известно. Ты, Декарта, должен обеспечить нераспространение тайны. Используй любые магические методы, находящиеся в твоем распоряжении, создавай новые, если понадобится. Рамина, ты станешь помогать моим детям в качестве советника.

По поведению царедворцев уже было понятно, кто заранее знал о намерениях Ремат, а кто нет. Глаза Шахар стали больше, чем Эн у меня на груди; Дека выглядел так же. У Гнева отвисла челюсть, Морад же продолжала бесстрастно взирать на правительницу. Значит, Ремат уведомила любовницу. Рамина поглядывал на меня с ухмылочкой. Он тоже все знал.

Ну а мне происходящее казалось просто бессмысленным. Арамери уже доводилось возводить новый дворец, но лишь из-за того, что был разрушен прежний (благодаря Нахадоту и одному особо бездарному главе Арамери). С нынешним Небом все было в порядке: самое безопасное место на свете. Дом, вживленный в гигантское дерево. Ремат собиралась от добра добра искать. С какой стати?

Я отклеился от стены и положил руки на бедра.

— А мне какие распоряжения будут, Ремат? —

спросил я. — Отправишь высекать камни и укладывать известку на строительстве нового дворца? Этот ведь, в конце концов, мы с родней возвели.

Взгляд Ремат, устремленный на меня, остался непроницаемым. Она молчала так долго, что я уже задался вопросом, не попытается ли она убить меня. В целом это стало бы большой глупостью с ее стороны, ибо тогда ярость Нахадота обуздал бы разве что Вихрь. Однако умом я понимал — с нее станется.

«Валяй попробуй», — мысленно обратился я к ней и оскалил зубы в усмешке. Эн пульсировала у меня на груди, выражая самое горячее одобрение. Ремат слегка кивнула, как будто я что-то подтвердил:

— Ты, господь Сиэй, будешь присматривать за моими детьми.

Я замер. Но не успел я родить хоть какую-нибудь мысль, как Шахар вдруг вскочила. Создалось впечатление, что придворный этикет для нее больше не существует. Она сжала кулаки, на лице вспыхнула ярость.

— Вон отсюда! Немедленно! — рявкнула она всем.

Лишь Гнев посмотрел на Ремат, но та промолча-

ла. Рамина и Морад на несколько секунд замерли, наверное тоже дожидаясь, когда Ремат отменит приказ дочери, но тщательно избегая смотреть на любую из них. Когда происходили стычки между главами семьи и наследниками, принимать чью-либо сторону было, мягко говоря, неразумно. Как только стало очевидно, что Ремат вмешиваться не собирается, Рамина и Морад вышли. Тяжелые двери приемного покоя затворились за ними, и повисла гулкая тишина.

Шахар зло смотрела на Декарту — тот встал, как остальные, но остался на месте, и вид у него был непреклонный.

— Нет, — сказал он сестре.

— Да как ты…

— Пометь меня, — отрезал он. Шахар вздрогнула и умолкла. — Наложи на меня полную сигилу. Оскопи, как Рамину. Сделай это, если хочешь, чтобы я беспрекословно повиновался. А иначе — нет!

Шахар так сжала губы, что даже сквозь помаду стало видно, как они побелели. Она сейчас могла наговорить много лишнего, и к тому же в присутствии Ремат, а та не позволит ей взять обратно вылетевшие слова. До чего же они еще глупые — и она, и Дека. Слишком юные для подобных игр.

Я вздохнул и вышел вперед, встав между ними.

— Вы давали клятву в том числе и друг другу, — напомнил я.

Они свирепо уставились уже на меня. Не будь здесь Ремат, я бы им подзатыльников надавал, как вразумляют повздорившую мелюзгу, каковой они, по сути, и были. Однако речь шла об их достоинстве, и я ограничился лишь взглядом.

Наконец Шахар фыркнула, отвернулась и, подойдя к возвышению, на котором стоял трон матери, посмотрела ей в глаза.

— Ты не станешь этого делать, — тихо и веско проговорила она. — Ты не будешь строить планы собственной смерти!

Ремат вздохнула. А потом, к моему удивлению, встала и сошла по ступеням прямо к Шахар. Я увидел, что они одного роста. Может, у Шахар никогда не будет таких полных бедер и пышной груди, но она не отступила при приближении матери, а взгляд ее оставался ясным и гневным. Ремат смерила дочь глазами, и на ее лице медленно проявилась улыбка.

А потом она обняла Шахар.

Я даже разинул рот. И Дека тоже. И Шахар, которая столбом стояла в объятиях матери, а с ее

лица можно было рисовать картину под названием «Потрясение». Ладони Ремат прижимались к ее спине. Она даже опустила подбородок Шахар на плечо. И ненадолго прикрыла глаза. А потом заговорила — с сожалением, не объясняемым никакой актерской игрой.

— Арамери пора меняться, — повторила она. — Я всегда любила тебя, Шахар. Наверное, этого признания недостаточно, и оно наверняка запоздало, но я это признаю, причем радостно и при всех, потому что это тоже часть предстоящих нам перемен. И еще потому, что это правда.

Тут она отстранилась, но ее руки до последнего мгновения оставались на плечах у Шахар. Мне показалось, что ей очень не хотелось отнимать их. Потом она посмотрела на Деку.

Тот стоял, стиснув челюсти и крепко сжав кулаки, хотя вряд ли это видел кто-то, кроме меня. Знаки на его теле полыхали под одеждой черным пламенем предупреждения. Объятий Ремат он вовсе не жаждал. Та вздохнула, чуть кивнув — мол, примерно того и ждала. Ее грусть была настолько очевидна, что я уже и не знал, что вообще думать. Неужели опять какая-то игра? Нет, непохоже…

Тут ее взгляд упал на меня. И задержался. Я с беспокойством подумал, уж не собралась ли она

обнимать еще и меня. И решил: если попробует — по заднице шлепну!

— Ты меня с толку не сбивай, мама, — сказала Шахар. — Ты вообще в своем уме? Новый дворец?! Почему ты отсылаешь меня?

Но момент откровенности для Ремат уже миновал. Она вновь напустила на себя непроницаемый вид, соответствующий образу главы семьи.

— Небо — слишком очевидная и лакомая мишень. Всякий, кто жаждет сокрушить мировое влияние Арамери, устремится сюда. Хватит и одного убийцы в маске, прорвавшегося сквозь Врата. Даже если никто не пострадает, слух о том, что наш дом не так уж и неприступен, неизбежно распространится.

Отвернувшись, она проследовала к окну, посмотрела на город внизу, на горы у горизонта. Вдаль крутым изгибом уходила ветвь Древа, ее длина измерялась многими милями. Цветы на ней уже увядали — время цветения Древа миновало. Лепестки опадали и невесомо плыли прочь, кружась в воздушных потоках.

— К тому же среди наших врагов есть божество, — продолжила Ремат. — Поэтому защищаться приходится самыми радикальными

методами, ибо мир еще нуждается в нас. Пусть даже сам он думает иначе. — Она обернулась к нам. — Нужно делать поправку на неожиданные обстоятельства, Шахар. Во всяком случае, намерения умереть в скором времени у меня нет!

Шахар, глупенькая и легковерная девочка, испытала явное облегчение.

— Все это прекрасно и замечательно, — сказал я, закатывая глаза. — Вот только возвести тайный дворец, знаете ли, невозможно. Нужна тьма-тьмущая рабочих, снабженцев, кого там еще… Ах да, слуг — иначе Шахар с Декой самим придется выскребать нужники. Здесь, в Небе, вы столько народу точно не наберете, а это значит, что придется нанимать местных. Ну а раз будет задействована такая толпа, никакая магия тайну не удержит. — Я, впрочем, тут же придумал как минимум один способ и тут же озвучил его: — И убить всех не получится.

Ремат вскинула бровь:

— Вообще-то, я могла бы, но, как ты наверняка уже догадался, это породит новые вопросы. В наши дни такое преступление уже не утаишь.

Она язвительно кивнула мне, и я горько улыбнулся в ответ. В былые времена заметать следы зверств Арамери приказывали именно мне.

— В любом случае, — сказала Ремат, — я нашла иной путь.

За окнами клонилось к западу солнце. Оно еще не коснулось горизонта, и до наступления сумерек оставалось добрых минут двадцать. Немного отойдя от потрясения, я понял: именно поэтому она тихо пробормотала молитву о прощении, прежде чем заговорить.

— Йейнэ, — сказала она, — взываю, услышь…

У меня сам собой открылся рот. Шахар ахнула.

— Я слышу, — сказала Йейнэ, возникая перед нами.

И тогда Ремат Арамери, глава семейства, переделавшего мир во имя Блистательного Итемпаса, правнучка человека, ради забавы приказывавшего бросать с Пирса верных Энефы, женщина, чья праматерь некогда довела до смерти саму Энефу, преклонила перед Йейнэ колено и низко опустила голову.

Я подошел к Ремат. Мои человеческие глаза были неполноценны и поддавались обману. Я даже наклонился вплотную. Но нет, это не было ни иллюзией, ни подставой. Ремат никого не пыталась подсунуть вместо себя.

Я поднял глаза на Йейнэ. Та определенно ликовала.

— Нет, — ошарашенно пробормотал я.

— Да, — сказала она. — Ловкий ход, правда?

Потом она повернулась к Шахар и Декарте — те смотрели то на мать, то на нее, то друг на друга. Они ничего не понимали. А я и понимать не хотел.

— Да, — повторила Йейнэ, обращаясь сразу ко всем. — Я выстрою вам новый дворец. А за это Арамери отныне станут поклоняться мне!

17

В сущности, все было просто.

Арамери служили Итемпасу две тысячи лет. Но в данное время Итемпас в качестве небесного покровителя был бесполезен, а Йейнэ в некотором роде была членом семьи. Полагаю, именно таким было разумное объяснение, которое придумала для себя Ремат. Если, конечно, оно ей требовалось. Возможно, она руководствовалась лишь соображениями немедленной выгоды. Особо набожные Арамери вообще редко встречались. В конечном счете предметом их веры и поклонения всегда была власть.

Ремат сообщила, что к месту строительства нового дворца мы отправимся на рассвете. Там Йейнэ создаст его в соответствии с пожеланиями Ремат, и в долгой и невероятно сложной истории семьи Арамери начнется новая эпоха.

Я покинул приемный покой вместе со всеми, оставив Йейнэ и Ремат обсуждать наедине… Да мало ли что глава великого семейства может обсуждать с новыми богинями-покровительницами. Гнева, Морад и Рамину, ожидавших в

коридоре за дверью, пригласили внутрь, когда мы с Декой и Шахар вышли, — возможно, чтобы они тоже совершили поклонение Йейнэ. Несомненно, к утру у каждого из них появится куча срочных заданий, ведь они отправятся к новому дворцу вместе с нами. Еще мы возьмем с собой небольшой отряд стражи, кое-кого из придворных и необходимое число слуг, потому что, если верить Ремат, нам нужно будет всего лишь устроиться на новом месте. Соответственно, Шахар и Деке предстояло выбрать наших непосредственных спутников. При этом негласно подразумевалось: те, кто отправится в новый дворец, обратно уже не вернутся. Из соображений секретности.

Я уведомил Шахар, что у меня в Тени остались дела на несколько часов, и отбыл из Неба. В работу Вертикальных Врат после нападения были внесены изменения. Теперь они по умолчанию переносили только в одном направлении — прочь из дворца. Для переноса вверх требовалось заветное слово, присылаемое с помощью особого шара, который мне и вручили при отъезде. Дежурный писец, стоявший вместе с солдатами, караулившими Врата, торжественно предупредил, чтобы я не потерял шар, иначе мне придется плохо. Для начала меня на месте убьет магия,

если я попробую войти во Врата без пароля, а если я от нее как-нибудь увернусь, наверху меня прикончат солдаты.

Я обеспечил сохранность шарика и распрощался.

Я направился прямиком в Южный Корень, где сообщил сперва Гимн, а потом и Ахаду, что некоторое время поживу в Небе.

Гимн расстроилась по этому поводу куда больше, чем я ожидал, — не в пример своим родителям, которые явно дождаться не могли, когда я окончательно съеду. Гимн почти все время молчала, помогая мне собирать скудные пожитки (все, мною нажитое, уместилось в одну матерчатую сумку). Но когда я уже повернулся к порогу, девочка поймала мою руку и всунула в ладонь две вещицы. Первой был стеклянный нож того же цвета увядших листьев, что и мои глаза. Гимн явно вложила в прозрачный клинок немало труда. Лезвие было отполировано до зеркального блеска, и она умудрилась даже снабдить его латунной рукояткой от кухонного ножа. Второй подарок представлял собой горсть бусин разных цветов и размеров. Каждая была сработана из камня или стекла и украшена тонкой гравировкой, изображавшей континенты и облака. Тонкие сверленые

отверстия позволяли составить из них ожерелье и разместить на шнурке рядом с Эн.

— Откуда ты узнала? — изумленно спросил я, когда Гимн высыпала бусины мне в ладонь.

— Узнала о чем? — Она смотрела на меня как на полоумного. — Я просто вспомнила тот старый стишок про тебя. Ну, как ты Солнце спер ради забавы. Вот я и подумала, что Солнцу планеты вроде нужны, разве не так?

Если сравнивать с моим утраченным планетарием, бусы представляли собой жалкое зрелище. Но если принять во внимание любовь, с которой они делались… Да они были попросту великолепны, роскошны! Гимн поспешно отвернулась, когда я прижал их к груди, а я еле сдержался, чтобы не разреветься прямо у нее на глазах.

Явившись в «Герб ночи», я застал Ахада в весьма странном расположении духа. День клонился к вечеру, дом вскоре должен был распахнуть двери для посетителей, и я рассчитывал найти Ахада в кабинете. К моему удивлению, он сидел на заднем крыльце и вместо обычной сигары задумчиво вертел в пальцах сорванный цветок. Судя по выражению его лица, размышления были не самые радостные.

— Хорошо, — только и сказал он в ответ, ко-

гда я поведал ему о своем переезде обратно в Небо, и что Арамери из итемпанов в одночасье заделались йейнианцами, и, наконец, о том, что вскорости где-то будет возведен новый дворец.

— Хорошо? И это все, что ты имеешь сказать?

— Да.

Я, не сходя с места, придумал с полдюжины гадостей и оскорблений, которые он, по идее, должен был вывалить мне вместо этого спокойного «да», и нахмурился. С ним определенно что-то было не так. Но не мог же я напрямую спросить, что случилось. Он бы только посмеялся над такой попыткой заботы.

Поэтому я прибег к иной тактике.

— Между прочим, они все от тебя, — сообщил я. — Шахар и Декарта. Твои внуки. Вернее, правнуки.

Это наконец-то привлекло его внимание. Он поднял на меня взгляд и нахмурился:

— Что?..

Я пожал плечами:

— Я так понимаю, прежде чем покинуть Небо, ты переспал с женой Теврила Арамери.

— Прежде чем покинуть Небо, я переспал с половиной тамошних обитательниц. При чем тут это?

Я уставился на него:

— Да ты и вправду не знал!

А я-то думал, все было частью какого-то далеко идущего плана. Нахмурившись, я упер руки в бедра.

— Кстати, за каким хреном ты вообще съехал из Неба? Последний раз, когда я тебя там видел, ты был на пороге принятия в Главную Семью и уверенно продвигался к избранию следующим главой. Проходит несчастная сотня лет, и ты заведуешь домом со шлюхами в самой убогой части города! Как так?

Он прищурился:

— Устал я от всего этого…

— Устал? От чего именно?

— Да от всего.

Ахад смотрел прочь, в сторону городского центра и чудовищно огромного, отовсюду видимого ствола Мирового Древа: косые лучи предвечернего солнца окутывали его зеленовато-коричневой тенью. В первой развилке гигантского ствола поблескивало перламутрово-белое пятнышко: Небо.

— Я устал от Арамери, — пояснил Ахад и снова уставился на цветок.

Тот был вполне обычным одуванчиком, одним

из немногих цветов, выживающих в постоянных сумерках Тени. Похоже, он рос между камнями дорожки, что тянулась к заднему крыльцу дома. Я мог лишь гадать, чем скромный одуванчик привлек внимание Ахада.

— Чтобы упрочить свое главенство, Теврил женился на чистокровной, — продолжил Ахад. — Она доводилась ему троюродной кузиной со стороны отца или какой-то другой седьмой водой на киселе. Жена ни в грош его не ставила, и чувство было взаимным. Я совратил ее ради боковой ветви семьи, проживавшей за пределами Неба: они хотели, чтобы Теврил прогнал неверную жену и посватался к одной из их дочерей. Ну а мне нужны были деньги, чтобы с выгодой их вложить. Я взял предложенную ими плату и устроил так, чтобы Теврил непременно узнал об измене. Так вот, он даже не расстроился.

Ахад скривил губы.

Я медленно кивнул. Меня в этой истории удивило лишь то, как много времени ему понадобилось, чтобы понять.

— Примерно то же, что ты делал, пока мы были рабами.

Взгляд Ахада стал пристальным и опасным.

— Только с той разницей, что это был мой вы-

бор. А это все в корне меняет.

— Да неужели? — Я прислонился к одной из колонн крыльца и сложил на груди руки. — В обоих случаях тебя использовали. Не вижу особой разницы.

Он промолчал. Это молчание, как и то, что в дальнейшем он оставил Небо, само по себе являлось ответом. Я вздохнул.

— Когда ты съезжал, жена Теврила, наверное, была беременна, — сказал я и пометил себе: по возвращении во дворец уточнить, что и когда происходило. Но реальной надобности в том не было. Дека был живым свидетельством его связи.

— У меня не может быть детей, — устало проговорил Ахад, и чувствовалось, что он не впервые повторял эти слова. Неужели так много женщин желало зачать от его горького и бессердечного семени? Невероятно!

— Раньше не могло. Пока у нас не было богини жизни и смерти, а ты представлял собой просто часть Нахи, его бледное дневное отражение. Потом появилась Йейнэ и наделила тебя целостностью. И вручила тебе дар, утраченный богами в момент смерти Энефы. Мы все вернули его себе, когда Йейнэ заняла место Энефы.

«Все, кроме меня», — мог бы я добавить, но не стал. Это ему и так известно.

Некоторое время Ахад в хмурой задумчивости созерцал висевший в пальцах цветок.

— Ребенок… — Он хмыкнул. — Ну и дела.

— Говорят, это был сын.

— Сын. — Мне показалось или в его голосе действительно прозвучало сожаление? Или некий оттенок безразличия, принятый мною за сожаление? — Пришел неведомым, а теперь его уже нет…

— Он был демоном, дурень ты этакий. И очень возможно, что Ремат, Шахар и Декарта — такие же демоны.

Сказав это, я задумался: насколько далеки от божественного первопредка должны быть его смертные потомки, чтобы их кровь перестала быть смертоносной? Шахар и Декарта были богами на одну восьмую, и их кровь меня не убила. Всего несколько поколений — и такая разница? Да неужели? Если это правда, значит мы сильно преувеличивали опасность, исходившую от демонов. С другой стороны, ни у одного бога еще не хватило глупости взять образец крови вероятного демона и испытать ее на себе.

Ахад снова хмыкнул. Теперь его негромкий

смешок был отчетливо злодейским.

— Ну и превращение, — сказал он. — Из поработителей богов — в их убийц. Арамери воистину не устают удивлять.

Я уставился на него:

— Мне тебя никогда не понять…

— Это точно, — вздохнул Ахад. — Ладно, извещай меня обо всем, что будет происходить. И начни уже использовать эту хренову сферу для сообщений, что я тебе дал! Хватит играться! Или что ты там с ней делаешь?

По его меркам это было очень дружественное поведение. Мне, в свою очередь, надоело смотреть на его бессмысленную возню с одуванчиком, и я дал выход любопытству, поинтересовавшись:

— У тебя все в порядке?

— Нет. Но говорить об этом я не расположен.

В обычный день я бы просто ушел, оставив его наедине с невеселыми думами. Но сейчас ему сопутствовало нечто особенное — некая тяжесть, которой дышал его облик, странный вкус, носившийся в воздухе, — и все это заинтриговало меня. Он не обращал на меня внимания, и я притронулся к нему. Ну а он настолько погрузился в свои мысли, что позволил мне это.

Меня чем-то овеяло. Словно огнем, только не

причиняющим боли. Дыхание мира пронеслось сквозь нас, учащаясь, и…

Тут Ахад вновь заметил меня и зло сбросил мою руку. Я улыбнулся в ответ и спросил:

— Так ты обнаружил свою природу?

Его рассерженный взгляд исчез под насупленными бровями, с лица пропало всякое выражение, и я не мог сказать, растерялся он или просто был раздражен. Была ли моя догадка правильной, или он сам не понимал, что чувствует? А может, сразу и то и другое?

Тут я подумал кое о чем еще. А подумав, приоткрыл рот и втянул его запах, напрягая все иссякшие чувства, чтобы разобраться в смешении знакомых эфиров. Особенно тех, что имели отношение к цветочку… Ага, вот оно! Теперь я был уверен.

— Тебя навещала Ликуя, — задумчиво произнес я.

Запахи не лгут: одуванчик побывал у нее в волосах. Но я вычислил гораздо больше: запахи рассказали еще и о том, что они с Ахадом недавно занимались любовью. Может, это и стало причиной его угрюмой задумчивости? Меня подмывало хорошенько подразнить его на эту тему, но я мудро воздержался. У него, кажется, и так руки

чесались.

— Ты вроде куда-то спешил, — процедил он ледяным тоном. Его глаза потемнели, воздух кругом так и дрожал, излучая откровенное предупреждение.

— Обратно в Небо, пожалуйста, — сказал я.

И едва ли не прежде, чем я договорил, Ахад швырнул меня сквозь ткань бытия. Я вылетел из реальности, хихикая на лету и отлично понимая, что Ахад услышит мой смех и это окончательно выведет его из себя. Ну что ж, он на мне отыгрался. Я возник в десяти футах над день-каменным полом в одном из отдаленнейших уголков нижней части дворца. Падение кончилось переломом запястья. Пришлось полчаса идти к дворцовым писцам, чтобы те наложили целительные письмена.

Пока меня лечили, я расспросил писцов, как идут дела с расследованием нападения. Они односложно отвечали, что особого продвижения не наблюдается. (Они не забыли, что это я грохнул их предыдущего предводителя, но я не видел смысла приносить извинения.) Сейчас писцы трудились не покладая рук — пытались разобраться, как действуют маски. В большой и просторной общей лаборатории, где работало человек пятьдесят,

моему взгляду предстало несколько столов с разложенными кусочками алой маски. И замысловатая рама, в которой помещалась белая. Ее смертного носителя я нигде не увидел, но без труда догадался о постигшей его судьбе. Скорее всего, тело отнесли в более укромный покой и теперь потрошили, доискиваясь секретов.

Когда запястье срослось, я прошел в свою комнату, сложил в сумку Гимн одежду, вещи и туалетные принадлежности, выданные мне Морад. Вот и все сборы!

Пока я завершал свои дела в Тени, солнце успело опуститься за горизонт. С наступлением ночи белые стены Неба начали испускать неподвижное и неживое сияние. Я покинул комнату, ощущая необъяснимое беспокойство, и зашагал коридорами. Я мог бы растворить любую стену и пройти замкнутыми пространствами, но теперь они перестали принадлежать мне одному, и я не хотел их посещать. В коридорах мне навстречу попадались то слуги, то высокорожденные. Они замечали меня, а кое-кто даже узнавал, но я не обращал внимания на их взгляды. Я был всего лишь одиноким богом, склонным к убийству, и к тому же второстепенным; в былые времена здесь таких шлялось четверо. Эти смертные понятия

не имели, насколько им повезло.

В конце концов я очутился в солярии — личном садике Арамери. Отследить выложенную белым камнем тропинку, вьющуюся среди подстриженных деревьев, было проще всего. Довольно скоро я оказался у подножия узкого белого шпиля, взвивавшегося из самого сердца дворца. Дверь на лестницу не была заперта (опять-таки в отличие от прежних времен). Я вошел и стал подниматься по круто завитой винтовой лестнице, пока не оказался в алтаре — помещении в утолщенной вершине шпиля, где Арамери много веков проводили свой ритуал наследования.

Войдя, я уселся на камень. Здесь, в этой комнате, умерло несчетное количество смертных. У них отнимали жизни, чтобы привести в действие Камень Земли и передать божественное могущество следующему поколению Арамери. Теперь в шпиле было так же пусто и пыльно, как и в нижних помещениях Неба. Надо полагать, Арамери продолжали торжественно передавать власть, но делали это иначе и в другом месте. Пустотелый постамент, некогда стоявший посередине, больше не существовал. Он разбился в тот день, когда Камень и Йейнэ слились воедино. Хрустальные стены с тех пор восстановили, потрескавшиеся

полы заделали. Однако в комнате некоторым образом ощущалось отсутствие жизни. По временам своего рабства я такого не помнил.

Я стянул Эн со шнурка, положил рядом на пол и начал катать туда-сюда, припоминая, каково это было — летать, оседлав солнце. Ничего другого в голову не лезло. Так что я пребывал в полной готовности, когда день-каменный пол вдруг вспыхнул чуточку ярче, а в комнате отчетливо прибавилось жизни.

В прежние времена он всегда влиял на вещи именно так…

Я поднял взгляд.

Сияние пола превращало хрустальные стекла в отличные зеркала, и я легко различил позади себя два силуэта. Ликуя и с ней кто-то такого же роста. Только шире. Этот силуэт был мужским. Ликуя кивнула моему отражению, после чего исчезла, оставив нас наедине.

— Привет, — сказал я.

— Привет, Сиэй, — сказал Итемпас.

Я немного подождал, потом улыбнулся:

— Даже не скажешь «сколько лет, сколько зим» или что я хорошо выгляжу?

— Ты не очень хорошо выглядишь, — сказал он. Помедлил и добавил: — А тебе кажется, что мы

долго не виделись?

— Да, — кивнул я.

Не стань я смертным, не показалось бы. Но он сам уже сто лет прожил в человеческой шкуре и понимал, как тянется время.

За спиной послышались шаги, увесистые и очень точные. Они приблизились, я что-то уловил краем глаза и решил было, что он сядет рядом, но, учитывая, кто мы такие, это выглядело бы странновато. Так что он просто прошел мимо меня, остановился на краю алтаря и стал смотреть на черный ночной горизонт, оплетенный ветвями Древа, едва видимыми в темноте.

Ну а я разглядывал его спину. На нем была длинная кожаная куртка, выцветшая почти добела. Длинные белые волосы заплетены в тяжелую гриву косичек, смахивавших на плетеные локоны теманцев, только он обходился без украшений, если не считать большой заколки, аккуратно скрепляющей волосы. Наряд дополняли белые штаны и рубашка и, что довольно странно, коричневые башмаки. Я гадко порадовался про себя: ну надо же, белой обуви не нашел!

— Я, конечно, приму предложение Нахадота, — сказал он. — Если моей силы хватит для твоего исцеления или хотя бы замедления старения, я

сделаю все, что смогу.

Я кивнул:

— Благодарю.

Он кивнул в ответ. Его лицо было обращено к горизонту, но отражение в стекле смотрело прямо на меня.

— Ты хочешь остаться с этими смертными?

— Видимо, да, — ответил я. — Ахад хочет, чтобы я держал его в курсе всех дел Арамери. — Тут я кое-что вспомнил и поправился: — Ну, конечно, ты же начальник Ахада, так что…

— Можешь остаться. — В его пристальном взгляде, несмотря на нынешнее состояние, читалась прежняя сила. — И даже должен, чтобы быть вместе со смертными, которых ты так любишь.

Я нахмурился. Его отражение отвело взгляд.

— Их жизни столь быстротечны. Они не могут принимать что-либо как должное.

Он, конечно же, имел в виду мать Ликуи. А может, и первую Шахар Арамери. Он ведь любил ее, невзирая даже на ее разрушительную, всепоглощающую одержимость…

— А как тебе то, что Арамери тебя бросили? — не без некоторой вредности спросил я. Для настоящей вредности у меня сейчас просто сил не было, и я всего лишь хотел переменить тему.

Скрипнула кожа, легонько прошуршали волосы: он пожал плечами.

— Что с них взять, они же смертные.

— Значит, ни слезинки не проронил? — вздохнул я, потом вытянулся на каменном полу и закинул руки за голову. — А ведь за ними весь мир последует, чтобы ты знал. Человечество от тебя отвернется, и это уже начало происходить. Они еще называют нынешнее время эрой Светозарного, но скоро начнутся сумерки…

— Или рассвет.

Я моргнул. Вот этого я, кажется, не учел. Я приподнялся на локте и посмотрел на него, прищурившись. Он неподвижно стоял в излюбленной позе: ноги врозь, руки сложены на груди. Все тот же Дневной Отец, только заключенный в смертную плоть. А так — ничуточки не изменился!

Вот только…

— Почему ты оставил жить Ликую Шот? — спросил я.

— Потому же, почему оставил жить ее мать.

Я замотал головой, не в силах понять:

— Орри Шот? Да с чего бы тебе ее убивать? — Я нахмурился. — Неужели за то, что она возмущалась твоими выходками?

Если бы я лично не наблюдал за ним в гладком

стекле, никогда бы не поверил в то, что предстало моим глазам. Итемпас улыбнулся:

— Верно. Возмущалась. Но не в этом дело. Орри Шот была демоницей.

Вот тут я утратил дар речи. Воцарилось молчание, и он наконец повернулся ко мне. Я посмотрел на него и испытал окончательное потрясение. Нет, если не считать волос и одежды, выглядел он в точности как при нашей последней встрече. И тем не менее что-то в нем — такое, чего я не мог вычленить и определить, — явственно изменилось.

— Ты собираешься убить Ремат Арамери и ее детей?

Я замер. Он знал! Я ничего не ответил, и он кивнул.

Меня внезапно охватило нервное напряжение. Я вскочил. Сунул в карман Эн. В алтаре было тесновато для моей привычки расхаживать, но все же я попытался. Оказавшись возле него, я увидел рядом с его отражением в стекле свое. И прирос к месту. Он тоже повернулся, заметив мой взгляд, и мы уставились в темное зеркало.

Вот я: невысокий, жилистый, растерянный, готовый дать бой. Повзрослев, я начал сутулиться, потому что отчаянно не желал расти.

А вот он: крупный, могучий и при этом изящный. Таким он был всегда. В его глазах светились знание, понимание, стремление…

Я почти — почти — захотел, чтобы он опять стал моим отцом.

Я почти, почти простил его.

Но это не могло произойти. Я нахохлился и отвел взгляд. Итемпас опустил взгляд, и в алтаре опять воцарилась несокрушимая тишина.

— Скажи Ликуе, чтобы явилась и забрала тебя, — раздраженно проговорил я наконец. — Я уже сказал все, что собирался.

— Ликуя — смертная, а магии у меня нет. Мы с ней не можем разговаривать как боги. Нам требуются слова. И дела.

— Так ты что, здесь остаешься? — нахмурился я.

— Да. И отправляюсь вместе с вами в новый дворец.

— Здесь и Йейнэ будет. — Тут я сжал кулаки и все-таки заходил, чуть ли не заметался по кругу. — А-а, да ты знаешь, конечно. Ты же и явился ради нее.

Он и она, прижавшись, его губы на ее шее… Я отчаянным усилием прогнал это видение.

— Нет, — сказал он. — Я пришел ради тебя.

Слова… Дела…

И то и другое не имело смысла. Не могло у меня из-за каких-то там слов и дел вот так отчаянно перехватывать горло. Пытаясь справиться, я пустил в ход гнев и зло уставился ему в спину.

— Я бы мог призвать Наху. И попросить, чтобы он убивал тебя снова и снова, пока ты не взмолишься об окончательной смерти. — И, будучи неисправимым поганцем, добавил: — Он ведь это сделает ради меня.

— Ты и в самом деле этого хочешь?

— Да! Я бы сам это сделал, если бы мог!

К моему изумлению, Итемпас развернулся и подошел ко мне, распахивая куртку. Когда он запустил руку во внутренний карман, я весь напружинился, готовясь дать бой. Он вытащил кинжал в ножнах, а я схватился за Эн. Однако он протянул кинжал мне. Рукоятью вперед. Я взял его, и оказалось, что он маленький и легкий — оружие для детской руки, сделанное в той части мира, где смертные не чураются давать детям острые игрушки. Кинжальчик не так уж и отличался от того ножа, что десятью годами ранее погубил детскую невинность Шахар, только этот был надежно упакован в кожаные ножны, и вокруг рукояти захлестнут ремешок. Такое оружие

случайно не извлечешь.

Я повертел вещицу в руках, гадая, с какого — во имя его собственного имени — перепуга Итемпас дал ее мне, и носа коснулся запах старой, давным-давно высохшей крови.

— Ликуя подарила, — пояснил он. — Мне. На случай если смерть когда-нибудь окажется предпочтительней жизни.

Тогда я понял, о чем шла речь. «Дар смертности» — вот как называла это Энефа. Клинок был обработан кровью Ликуи, ее наводящей ужас, ядовитой демонской кровью. Она вручила Итемпасу ключ от его темницы на случай, если у него когда-нибудь достанет мужества им воспользоваться.

Моя рука судорожно сомкнулась на рукояти.

— Если ты используешь его, смертному царству придет конец.

— Да.

— И Ликуя тоже умрет.

— Да, если к тому времени еще будет жива.

— Так зачем она дала тебе этот кинжал?

— Не знаю.

Я уставился на него. Вряд ли он сознательно притворялся тупым. Он наверняка спросил ее. А потом либо не поверил ответу, либо — что вероятнее, если учесть, насколько в него удалась

дочь, — она просто не потрудилась ответить. И он принял ее молчание.

Между тем он опустился передо мной на колени, одновременно сбрасывая куртку, так что она красиво распласталась по белому полу. Еще он вскинул голову — отчасти потому, что был наглым мерзавцем, отчасти подставляя горло и грудь. Такая вот гордая и прекрасная жертва.

— Ну ты и дрянь, — процедил я, стискивая рукоять. Смерть. Я держал в кулаке смерть всей вселенной. — Наглая, самовлюбленная, злобная дрянь.

Итемпас просто ждал. Ножик, конечно, маловат, но если направить его под вот таким углом, он легко скользнет между ребрами и кольнет сердце. Во имя всех преисподних! Если Орри Шот была демоницей, ее дочь получалась более чем полубогиней. Тут не надо в сердце колоть, тут и царапинки хватит…

Я сбросил петлю ремешка, но в пальцах уже поселилась противная дрожь. Я взялся за рукоять, чтобы вытащить кинжал… и не смог. Руки попросту отказывались повиноваться. Я подождал еще и позволил им, вместе с кинжалом, бессильно повиснуть по бокам.

— Если ты хочешь, чтобы я умер… — начал он.

— Заткнись, — прошептал я. — Заткнись и будь проклят всеми богами. Ненавижу.

— Если ты меня ненавидишь…

— Да заткнись ты!

Он наконец замолчал, и я с проклятием швырнул кинжал на пол между нами. Звук, с каким кожаные ножны ударились о камень, породил эхо. У меня потекли слезы. Я запустил обе пятерни в волосы.

— Просто помолчи, хорошо? Боги благие, от тебя с ума сойти можно! Не смей заставлять меня делать такой выбор! И я буду тебя ненавидеть, если захочу!

— Хорошо.

Он говорил тихо, успокаивающим тоном. И я против воли вспомнил те времена — редкие, но столь драгоценные, — когда мы с ним сиживали в его безмятежном царстве, следя за танцами времени. Некоторым образом я уже тогда понимал, что друзьями нам не бывать. О том, чтобы влюбиться, не возникало даже вопроса. Но вот как насчет отношений отца с сыном? Это у нас могло получиться.

— Ладно, Сиэй, — произнес он мягко и ласково. Он действительно не менялся. — Ненавидь, если хочешь.

Тяга любить его была до того велика, что меня даже трясло.

Я повернулся и бросился к лестнице, а потом вниз по ступеням. Когда моя голова уже скрывалась в лестничном колодце, я оглянулся. Итемпас провожал меня глазами. Он не подобрал кинжала. А еще я увидел, что он все-таки изменился. Его лицо было мокрым от слез.

Я бежал, бежал, бежал…

Дверь в покои Деки оказалась не заперта. Никакой слуга не нарушит его уединения, не объявив о себе, и ни один высокородный даже близко не подойдет. Он пока был неизвестной величиной. Семейство побаивалось его — как он и хотел. И мне стоило бы, ведь сейчас он был могущественней меня. Но я не боялся. Что тут поделаешь — мне всегда нравились сильные люди.

Он поднялся из-за рабочего стола. Я обратил внимание, что стол не был обычным предметом дворцовой мебели. Дека уже привнес изменения.

— Какого… Сиэй?

Вид у него был измотанный. Минувшей ночью он почти не спал: трудился вместе с писцами, изучая маски убийц. И сейчас продолжал работать, босой, полуголый, всклокоченный. Я увидел свитки с набросками и стопку листов, помечен-

ных официальной сигилой «Литарии». Уж не людей ли он для нового дворца подбирал?

— Сиэй, что случилось?

— Бояться меня незачем, — сказал я, обходя стол и приближаясь к нему.

Я удерживал его взгляд, как удерживал бы взгляд добычи. Он смотрел на меня. Как же их легко поймать, когда они желают быть пойманными!

— Возможно, — продолжил я, — я и старше этого мира, но я еще и просто мужчина. Ни один бог не представляет собой только что-то одно. Если я как целое пугаю тебя, выбери какую-нибудь часть меня и люби ее.

Он вздрогнул. Смятение, желание, вина — все сразу то проявлялось у него на лице, то пропадало. В конце концов, когда я подошел вплотную, он вздохнул. Его плечи слегка поникли — он признал поражение.

— Сиэй…

Одно слово, а сколько всего в нем собралось! И ветер, и молния, и жажда — невыносимая, как открытая рана.

Я заключил его в объятия. Могущество, записанное на его коже, однократно вспыхнуло, предупреждая меня, нашептывая о боли и ги-

бели. Я прижался лицом к его плечу и забрал в кулаки спинку его рубашки. Как бы я желал, чтобы рубашки не было и я мог прикоснуться к этим смертоносным знакам!

— Сиэй… — снова начал Дека. Он замер в моих объятиях, держа руки на весу, словно боясь коснуться меня. — Сиэй, боги…

— Дай я просто сделаю это, — выдохнул я куда-то ему в плечо. — Пожалуйста, Дека.

Его руки опустились мне на плечи — слишком легко, нерешительно. Нет, так не пойдет. Я крепче притянул его к себе, он даже слегка крякнул. Потом его руки тоже сомкнулись вокруг моего тела и сжались, а ногти впились бы мне в спину, если бы не одежда. Он уткнулся лицом мне в волосы. Ладонь легла мне на затылок.

Время замерло… Совсем ненадолго, конечно, ведь в мире смертных ничто долго не длится. Но нам казалось, что минула вечность, и, собственно, только это и имело значение.

Когда наконец я насытился этим объятием, то отстранился и стал ждать, что он засыплет меня вопросами. У смертных вечно масса вопросов. «Почему ты сюда пришел?» — с этого он начнет, ведь он желает меня и надеется, что я, быть может, тоже его желаю. Реальная же при-

чина другая, но я скажу ему то, что он так хочет услышать.

Но вместо вопросов повисла долгая и неловкая тишина. Потом Дека переступил с ноги на ногу и сказал:

— Мне бы поспать несколько часов…

Я кивнул, все еще ожидая.

Он отвел взгляд:

— Тебе совсем не обязательно уходить…

И я не ушел.

Мы бок о бок устроились в его постели, самым целомудренным образом. Я ждал его рук, его губ, тяжести его тела… Я бы дал ему желаемое. Может, мне бы даже понравилось. Все лучше, чем одиночество.

Он придвинулся и накрыл мою руку своей. Я ждал продолжения, но ничего не происходило. Потом его дыхание стало ровным и медленным. Я удивленно повернул голову. Дека крепко спал.

Я смотрел на него, пока и меня не сморил сон.

Все движется по кругу.

Дека проснулся перед рассветом. Он разбудил меня, и дело пошло как-то само собой: мы повели себя точно так, как смертные любовники с незапамятных времен ведут себя поутру. Кое-как продрали глаза, и каждый начал готовиться к

наступлению нового дня. Дека вызвал слуг, велел принести чай, потом стал рассылать записки писцам, убийцам и царедворцам, которых он выбрал, чтобы взять с собой. Пока он этим занимался, я отправился в ванную и стал приводить себя в презентабельный вид. Потом туда пошел он, а я взялся за чай, попутно просматривая у него на столе заметки насчет защитной магии и какой-то запрос в «Литарию». Вернувшись, Дека застал меня за этим занятием, но не стал возражать, а лишь прошел мимо, желая взглянуть, оставил ли я ему чаю. (Оставил, но не особенно много. Заработал сердитый взгляд и пожал плечами.)

И вот мы вышли на передний двор. Там уже собралась компания человек в тридцать: писцы, солдаты, вельможи. В том числе и Шахар, облаченная в дорожный плащ на меху, ибо утренний воздух был, что называется, бодрящим. Заметив нас, она кивнула, а я кивнул в ответ; это заставило ее моргнуть. Прибывали слуги, они тащили дорожные сундуки и баулы, в которых пожитков высокорожденных наверняка было больше, чем их собственных. Когда близившийся рассвет заставил горизонт на востоке недвусмысленно побледнеть, явилась Ремат, а с ней, к моему немалому удивлению, Йейнэ и Итемпас. Я заметил,

как многие среди собравшихся непонимающе рассматривали его: ведь эти люди не были кровными членами семьи.

В какой-то момент Йейнэ остановилась, повернувшись к далекому горизонту так, словно оттуда донесся неслышимый зов: наступало ее время. Приблизившись к нашей группе, Итемпас отделился от Ремат и встал с остальными, но недостаточно близко для разговора. Он смотрел на Йейнэ.

Дека тоже уставился на Итемпаса, и вдруг его глаза округлились.

— Сиэй, так это же…

— Да, — перебил я. Сложил на груди руки и старательно отрешился от обоих.

Рамина тоже был тут, он явно ждал Ремат — как и Морад, стоявшая в дорожной одежде. Это меня удивило. Неужели Ремат и своей возлюбленной решила пожертвовать? Я задумался: а так ли уж они близки? Лицо Морад было, по обыкновению, бесстрастно, но я заподозрил, что происходившее ей не очень-то нравилось.

— Доброе утро, друзья мои, — начала Ремат, хотя, за исключением Морад, друзей у нее тут, пожалуй, и не было. — Вы уже знаете, что должно произойти. Без сомнения, вам не понравилось,

что вас известили в самый последний момент, но, поверьте, это продиктовано заботой о безопасности и сохранении тайны. Полагаю, ни у кого нет возражений.

При любых иных обстоятельствах возражений было бы предостаточно, но здесь собрались Арамери, причем избранные не за происхождение, а за проницательный ум. Поэтому слова Ремат встретили молчанием.

— Очень хорошо. Мы ждем еще одного, последнего гостя, а после этого можно начинать.

И в этот момент мир едва заметно и восхитительно содрогнулся. Ощущение было очень тонкое, но невероятно мощное: даже смертные почувствовали его. День-камень у нас под ногами отозвался зловещим потрескиванием, а шелковые деревья в ближнем Саду Ста Тысяч задрожали, роняя свисающие цветы. Ну а я крепко зажмурился, втягивая воздух просто для того, чтобы не заорать от восторга.

— Сиэй?.. — послышался озадаченный и встревоженный голос Шахар. Ее предкам было знакомо это ощущение, но за сто лет Арамери успели от него отвыкнуть. Я открыл глаза и улыбнулся ей до того дружески, что она заморгала и едва не улыбнулась в ответ.

— Мой отец возвращается, — прошептал я.

Позади нас обернулась Йейнэ, она тоже улыбалась. Итемпас же отвернулся, так уставившись на дворец, словно тот неожиданно стал самым интересным зрелищем на свете. Однако я видел, как напряглись его плечи. Он хранил невозмутимый вид, но это стоило ему немалых усилий.

Нахадот проявился на материальном плане бытия и встал около Йейнэ. Представьте ураган, выткавший себе из ничего подобие человеческой плоти. Его нынешний облик был выбран в знак уважения к временам наших страданий. Подле Йейнэ стоял мужчина с бледным лицом, и тьма, составлявшая его естество, клубилась вокруг, истаивая в пространстве щупальцами ожившего дыма. (Когда-то внутри этого дыма таилось настоящее человеческое тело. Теперь оно жило отдельно и носило имя Ахад. Интересно, не пробирала ли его сейчас дрожь? Чувствовала ли живая тюрьма близкое присутствие своего былого пленника?) По сути, зримый облик Нахадота был единственным, что осталось неизменным с дней рабства, и я всей кожей ощущал его величественную и жуткую мощь, от которой, казалось, отяжелел самый воздух. Хаос и тьма в их необузданной чистоте…

Среди собравшихся Арамери послышался ропот и даже тревожные вскрики, но Ремат хватило властного взгляда, чтобы всех успокоить. Она даже шагнула вперед, подавая родственникам пример. Ей, правда, понадобилось мгновение, чтобы набраться решимости, но кто стал бы ее за это судить!

А вот Шахар, право, сильно выросла в моих глазах, когда, набрав в грудь побольше воздуха, поспешила следом за матерью. Ремат оглянулась, увидела ее и даже забыла скрыть удивление. Шахар чопорно кивнула в ответ. В конце концов, ей уже доводилось встречаться с Нахадотом лицом к лицу. Две женщины двинулись навстречу двум великим богам.

Дека не сделал попытки присоединиться к ним. Сложив руки, он стал с несчастным видом переминаться с ноги на ногу, хмуро поглядывая то на меня, то на Итемпаса. Догадаться, что именно расстраивало его, было нетрудно. Трое ходили среди смертных, и, пусть даже их единство было лишено полноты, умный Дека не верил, что они явились всего-то затем, чтобы воздвигнуть для Арамери загородную дачу. И конечно, он догадывался, почему я вчера вечером был настолько не в духе.

«Я пришел ради тебя», — сказал Итемпас.

Я тоже скрестил руки на груди, но это не было защитным движением. Я просто не хотел слишком поддаваться надежде.

Тем временем короткий разговор между людьми и богами подошел к концу, и Йейнэ оглянулась на нас, рассеянно кивая в ответ на что-то сказанное Ремат. Наши с ней взгляды встретились как раз в тот момент, когда у нее за спиной горизонт вспыхнул золотом: это пробивались в небеса первые лучи солнца. На краткое мгновение, неуловимое, как сам рассвет, ее облик расплылся, сменившись чем-то неописуемым. Мой разум тем не менее сразу же начал подбирать описания и сравнения в доступных ему образах смертного обихода. Призрак, начертанный серебряной кистью тумана. Невероятный лесной пейзаж, составленный из деревьев вроде того, в чьей развилке мы теперь находились. Вкус и запах спелых плодов, нежная тающая мякоть, обильный сладкий сок. Меня одолела тоска, накатило влечение, назвать которое сыновним не поворачивался язык. Я жаждал ее, ревновал к Нахе и жалел Темпу, ибо тот познал ее всего лишь раз.

Однако мгновение миновало, и Йейнэ вновь стала собой, а ее улыбка была предназначена

только мне, ее любимому первенцу. И я эту свою особость ни на что на свете не променял бы.

— Пора в путь, — сказала она.

И внезапно мы очутились вовсе не в Небе.

Говоря «мы», я имею в виду всех и вся: богов, Арамери и так далее, вплоть до слуг и багажа. Только что мы стояли на переднем дворе Неба, а в следующий миг все сорок или около того оказались в совершенно другой точке мира, заброшенные туда мимолетным напряжением воли Йейнэ.

Здесь уже миновал рассвет, успело наступить утро, но на это я обратил внимание в последнюю очередь. Я был слишком занят, потешаясь над Арамери: они ахали, спотыкались, еще как-то пытались удержаться от паники, ибо мы стояли на волнах океана.

Нас со всех сторон окружала вода — беспредельная, размеренно вздымающаяся равнина. Посмотрев вниз, я увидел, что наши ноги слегка проминают поверхность, словно кто-то проложил тонкую гибкую пленку между жидкими хлябями и нашими башмаками. Когда под нами вздымались волны, мы поднимались вместе с ними, не погружаясь. Некоторые Арамери падали, не сумев приспособиться к колеблющейся

опоре. Я лишь хихикал, расставляя ноги пошире и легко балансируя. Вся хитрость заключалась в том, чтобы наклоняться вперед и удерживать среднюю часть тела, а не сосредотачиваться на ногах. Я когда-то давно катался на волнах в море сжиженного газа. Почти то же самое.

— Отче Светозарный, помоги! — ахнул кто-то.

— Тебе не нужна помощь, — отрезал Итемпас, и мужчина шлепнулся на воду, потрясенно глядя на него.

Сам Темпа, конечно же, скалой стоял посреди вод.

— Такое место подойдет? — спросила Йейнэ, обращаясь к Ремат.

Ремат — и это меня искренне позабавило — нашла способ сохранить и равновесие, и свое царственное достоинство, вновь припав на колено.

— Да, госпожа, — ответила она.

Под нами прошла очередная волна, приподняв, а потом уронив нас на несколько футов. Я заметил, что это движение не затронуло Йейнэ; поднявшаяся вода как бы обтекала ее, не прикасаясь. А подле Нахадота волна просто переставала существовать: ее сила рассеивалась, и водяной горб рассыпался мелкой беспорядочной рябью.

— Где мы? — спросила Шахар.

По примеру матери она встала на колено, но даже так едва удерживалась от падения. Она говорила, не поднимая глаз и прилагая все силы, чтобы не растянуться плашмя.

Ответил ей Нахадот. Он стоял лицом к солнцу, щурясь с едва заметным недовольством. Вреда оно ему, конечно, причинить не могло, потому что было всего лишь некрупной звездой, и потом, где-то во вселенной неизменно царила ночь.

— Мы в море Овикву, — сказал он. — По крайней мере, так оно называлось когда-то.

Услышав это, я захихикал, и на меня стали недоуменно оглядываться.

— Овикву, — сказал я, немного напрягая голос, чтобы шутку сумели оценить все, — было внутренним морем в середине Земли Маро, материка, некогда простиравшегося там, где мы с вами сейчас стоим!

Землю Маро — весь континент — уничтожили Арамери. Уничтожили во время одной из своих войн, когда у них хватило безрассудства использовать Нахадота как разрушительное оружие. Он сделал то, что они потребовали. Но не остановился на этом.

— Самое первое Небо! — выдохнул Дека. — По-

гибший дворец!

Нахадот повернулся к нему — и помедлил, устремив на него долгий взгляд. Слишком долгий… Я напрягся, кишки завязались узлом. Уж не показались ли ему знакомыми Декины черты, столь явно отмеченные фамильным сходством с Ахадом? Если он поймет, кто такой Дека, кто такие Ремат и Шахар… Прислушается ли он к моим мольбам о пощаде для них?

— Самое первое Небо сейчас точно под нами, — сказал он. Потом посмотрел на меня. Он знал. Я сглотнул, охваченный внезапным страхом.

— Ненадолго, — сказала Йейнэ.

И она изящным жестом вскинула руку, как бы выманивая что-то из морских вод у нас под ногами. Трое при желании способны вызывать из небытия миры и запускать в пространство галактики. Это я к тому, что нынешнее деяние давалось Йейнэ вообще без усилия. Даже этот жест не требовался. Она сделала его больше для зрителей.

Она только немного переоценила пределы внимания смертных. Едва из воды вырвались первые камни, про саму Йейнэ мгновенно забыли.

И это Дека что-то пробормотал, заключив всех в воздушный пузырь, защитивший от взметнув-

шихся волн и водяных брызг. Пребывая, таким образом, в безопасности, мы благоговейно следили, как повсюду вздымались изломанные, обросшие водорослями и кораллами глыбы деньками — самая маленькая была величиной с весь «Герб ночи». Развалины, много веков покоившиеся на морском дне, выходили на солнечный свет, как бы падая в небо. Глыбы стряхивали наросты, громоздились одна на другую и срастались в единое целое. Росли стены, прямо под нашими ногами рождались внутренние дворы. Бесформенные руины снова становились дворцом.

И вот все было готово. Опали последние брызги, и мы увидели перед собой все великолепие возрожденного Неба.

Возьмите раковину моллюска-кораблика, разрежьте ее пополам, вытяните в высоту закрученные внутренние переборки, особенно те, что у центра, и получился величественный шпиль, на котором мы теперь и стояли. Дворец, как и раковина, был асимметричен, но это лишь придавало ему особую прелесть. Еще он казался эфемерным. Что ж, такова красота смертной жизни.

И конечно, дворец не был точным подобием как старого, так и нового Неба. Он был меньше обоих предшественников и выглядел обманчиво

проще. Те строились узкими, вытянутыми ввысь, а новый дворец прижимался к поверхности океана. Вместо высоченных шпилей, пронзавших небо, здесь были низкие строения с покатыми крышами, соединенные множеством кружевных мостиков. А его основание — ибо дворец покоился на своеобразной выпуклой платформе — имело неправильную форму, с лепестками во всех направлениях. Поверхность блестела в утреннем свете, перламутрово-белая, точно жемчуг. Вот и все сходство с нынешним Небом.

Я вполне ощущал божественную силу, вплетенную в каждый завиток лестниц. Она удерживала дворец на плаву, но не только. В самом строении было что-то, не позволявшее ему затонуть. Будь я по-прежнему богом, я, возможно, сумел бы это понять, потому что даже наш промысел подчиняется некоторым правилам, а Йейнэ сама ее природа обязывала во всем искать равновесие. Быть может, ее магия как-то по-новому забирала мощь океанской зыби или питалась солнечным светом? А может, основание дворца было создано пустотелым?.. Ясно было одно: дворец не собирался тонуть, а дополнительное волшебство еще и позволит ему путешествовать по океану. И его стены будут оберегать порученный им драгоцен-

ный груз. Во всяком случае, никакой смертный враг их приступом не возьмет.

Пока смертные озирались (большей частью в благоговейном молчании, но некоторые ахали, кто потрясенно, кто восторженно), я прошагал по обсыхающему день-камню к центральному возвышению. Йейнэ и Нахадот повернулись ко мне.

— Неплохо, — сказал я. — Только почему-то опять белый!

Йейнэ пожала плечами и улыбнулась:

— А ты представлял себе серые стены? Разве ты хотел, чтобы они все тут покончили самоубийством?

Я огляделся, принимая во внимание беспредельный, но однообразный океанский пейзаж. Снизу едва слышно доносился шум прибоя и гул ветра; в остальном же было тихо.

— Тут ты права, — поморщился я. — Но это же не значит, что им придется выносить такую же строгую, скучную неизменность, что и в двух предыдущих дворцах? Они теперь твои, так придумай способ им об этом напомнить!

Она ненадолго задумалась, Нахадот же улыбнулся. День-камень под ногами вдруг размягчился, превращаясь в жирный черный суглинок. То же произошло и на многих других поверхностях

— по верху перил, по краю мостов. День-камень преобразовался в плодородную землю.

Йейнэ рассмеялась и подошла к нему, ее глаза дразнящее блестели.

— Это намек? — спросила она и протянула ему руку.

Он взял ее, и я отметил про себя их доверительные, товарищеские отношения. И то, как смягчались непроглядные глаза Нахадота, когда он смотрел на нее. Его изменчивое лицо тоже обретало новый и очень знакомый вид: смуглая кожа, угловатые черты — даррец, да и только. Я еле удержался, чтобы не покоситься на Деку: заметил ли он?

— Вместе у нас всегда лучше получалось строить, чем поодиночке, — заметил Наха.

Йейнэ прильнула к нему, и мягкая темнота его ауры тут же нахлынула и объяла ее. Дымные щупальца не касались ее, но в том не было нужды.

Движение, замеченное краем глаза, привлекло мое внимание. Итемпас отвел глаза от обнявшихся родственников и наблюдал за мной. Я тоже посмотрел на него. Он стоял в одиночестве, и я удивился себе, ощутив вместо привычного гнева сочувствие.

Мы оба были изгоями.

Потом я увидел Шахар. Она стояла рядом с Декартой, и тот прямо светился: поворачивался туда и сюда, впитывая взглядом красоту нового дворца. Таким Деку я еще не видел. Его лица не покидала улыбка. Я подумал о приключенческих историях, которые он любил в детстве. Жаль, я больше не бог и не могу в полной мере разделить с ним его радость…

Шахар тоже улыбалась, но сдержанней. Она тоже поглядывала на спиральные завитки стен, но больше наблюдала за братом. Она так давно и так надолго его утратила — и вот он наконец к ней вернулся…

Так совпало, что, пока я на них смотрел, они поймали мой взгляд. Дека заулыбался еще шире, а за ним и Шахар. Они не взялись за руки, осторожно шагая ко мне по мягкой земле, но связь между ними была очевидна всякому, кто хоть раз видел любовь. И так же явственно эта связь распространялась и на меня. Я повернулся к ним и пережил долгий, ни с чем не сравнимый миг, когда я не чувствовал себя в одиночестве.

Но потом Йейнэ сказала:

— Пора, Сиэй, — и мгновение кончилось.

Шахар и Дека остановились, их улыбки начали гаснуть. Взамен явилось понимание. Они сделали

меня смертным, чтобы я мог быть им другом. Что с нами произойдет, когда я опять стану богом?

Моего плеча коснулась рука, и я поднял взгляд. Подле меня стоял Итемпас. Ну конечно. Он тоже когда-то любил смертных. Он знал, каково это — оставлять их в прошлом.

— Идем, — мягко проговорил он.

Так и не сказав ни слова, я повернулся спиной к Шахар и Декарте и пошел с ним.

Йейнэ и Нахадот уже ждали. Нас объяла их сила, и мы исчезли ровно в тот миг, когда из земли полезли зелененькие ростки.

18

Мы взываем к Итемпасу,
Молимся о свете.
Просим солнце дать тепла нам,
Разогнать все тени.
И во имя Итемпаса
Речь дает смысл звуку,
Мысль деянье претворяет,
Мир несет убийство.

Покой, в который мы перенеслись, оказался неподалеку. Во всяком случае, в пределах нового дворца. Это была комната-завиток, возникшая на самом его краю, и покрывало ее лишь граненое стекло. Как только мы там материализовались, я понял, чем на самом деле был этот чертог: кармашком пространства, не принадлежавшим окружавшему его миру. Идеальное место для работы писца и вообще для того, чтобы направлять магическую энергию, не оказывая влияния на сопредельные части здания. Дека, верно, полюбит такие уголки, когда их обнаружит.

Нахадот и Йейнэ стояли напротив Итемпаса, и тот смотрел на них совершенно бесстрастно,

хотя это, конечно, ничего не значило. Уж я-то это знал. Как и то, что для бесед им никогда не нужны были слова. А сейчас они обменивались не столько смыслами, сколько чувствами. Может, именно поэтому Нахадот, наконец заговорив, был спокоен и краток.

— До заката, — сказал он. — Ты помилован до заката.

Итемпас медленно кивнул:

— Конечно, я немедленно займусь Сиэем.

— Когда наступит закат и ты вернешься в смертное тело, ты будешь совсем слаб, — напомнила Йейнэ. — Не забудь подготовиться.

Итемпас лишь вздохнул и снова кивнул.

Это была намеренная жестокость. Они дали ему временное помилование ради меня, но его могущество было необходимо нам лишь на мгновение. Дать ему после этого целый день свободы, а в конце дня вновь отобрать было все равно что лишний раз повернуть нож в ране. Он это заслужил, напомнил я себе. Заслужил с лихвой!

Но притворяться, будто меня это совсем не волнует, я не стану.

Потом что-то замерцало — большего мой смертный разум не мог осознать, — и мир зазвенел, когда они содрали с него смертное облачение и

отбросили его. Итемпас не закричал, хотя ему полагалось бы. Я бы точно заорал на его месте. А он лишь содрогнулся, закрывая глаза. Его волосы превратились в сверкающий нимб, одежда засияла, словно сотканная из звезд, и — лишь святость момента удержала меня от смеха — его башмаки сделались белыми. И даже мои притупленные чувства легко уловили усилие, которое потребовалось ему, чтобы справиться с внезапной вспышкой своей истинной сущности, волной жара, которую та швырнула по поверхности реальности, точно цунами от падения раскаленного метеора. Он быстро все успокоил, и осталась лишь глубокая тишина.

Получится ли у меня так же хорошо, когда вернется божественность? Может, и нет. Я, наверное, с воплями запрыгаю туда и сюда, пущусь в пляс, поскачу по ближним планетам…

Теперь уже скоро!

Когда рассеялся огненный смерч, сопровождавший восстановление Итемпаса, он немного помедлил, наверное приходя в себя. Затем повернулся ко мне, как и обещал, и я приготовился. Однако вдруг — почти незаметно, я и не заметил бы, не знай я его так хорошо, — он нахмурился.

— Что такое? — спросила Йейнэ.

— С ним все в полном порядке, — ответил Итемпас.

— Со мной? Все в полном порядке?.. — Я указал на себя. Моя рука была рукой взрослого мужчины. Утром мне пришлось бриться, и я порезался. И ранка, чтоб ей, болела! — Да есть ли во мне хоть что-нибудь, что было бы в порядке?!

Итемпас медленно покачал головой.

— Моя природа состоит в том, чтобы прозревать пути, — сказал он. Это было весьма приблизительно, но мы изъяснялись по-сенмитски, из уважения к хрупкости моей смертной плоти. — Наводить их там, где их нет, и следовать тем, которые уже существуют. Я могу вновь сделать тебя таким, каким тебе надлежит быть. Могу остановить то, что пошло неправильно. Вот только в тебе, Сиэй, ничего неправильного нет. То, каким ты стал… — Он посмотрел на Йейнэ и Нахадота. Он никогда бы не пошел бы на нечто столь недостойное, как признание поражения, но его разочарование было физически ощутимо. — Он таков, каким ему и надлежит быть.

— Этого не может быть, — обеспокоенно проговорил Нахадот и сделал шаг в мою сторону. — Это противно его природе. Он растет и взрослеет, и это ломает его. Как же такому надлежит быть?

— И кто определил, что именно ему надлежит? — медленно, потому что у нее не было давней привычки выражать наши понятия средствами человеческой речи, сказала Йейнэ.

Трое переглянулись, и я запоздало осознал смысл сказанного. Он состоял в том, что сегодня божественность ко мне не вернется. Я вздохнул, отвернулся и отошел к изогнутой жемчужной стене. Уселся возле нее, обхватил руками колени.

А дальше, как и следовало ожидать, все очень быстро стало совсем скверно.

— Этого не может быть, — повторил Нахадот, и я уловил его гнев: свет в комнатке вдруг померк, несмотря на то что за стеклянным потолком лучилось утреннее солнце. Хорошо хоть темновато стало лишь в помещении, а небо продолжало сиять. Благодарить за это следовало ум Йейнэ: она приняла во внимание нрав своих братьев. Жаль только, в четырех стенах вместе с ними оказался заперт и я.

Нахадот шагнул к Итемпасу. Его аура стала темней и прозрачней, превратившись в некое свечение, по законам бытия недоступное для зрения смертных. Правда, Нахадоту было, как всегда, плевать на эти законы, так что черный

свет его сущности был виден всем.

— Ты всегда был трусом, Темпа, — сказал он. Его слова отскакивали от стен и метались эхом. — Ты настоял на уничтожении демонов, а после Войны удрал из этой реальности и отлучил от нее наших детей, бросив нас разбираться с последствиями. И ты хочешь, чтобы я поверил, будто ты не в силах помочь моему сыну?

Я ждал взрыва: сейчас Итемпас придет в ярость, а дальше все пойдет как всегда. Они вступят в бой, а Йейнэ продолжит дело Энефы: сделает все, чтобы их битва не вышла за пределы этих стен, дождется, пока оба не выбьются из сил, и лишь тогда обратится к их разуму.

Как же мне все это надоело. Никакими словами не выразить, как мне все это надоело.

Однако тут меня поджидал сюрприз. Итемпас медленно покачал головой:

— Я с радостью сделаю для нашего сына все, что только возможно, Наха.

Я отметил, что он лишь чуть выделил голосом слово «нашего». Раньше он не пожалел бы красок, настаивая на общем отцовстве. Он не смотрел на меня, но в том не было нужды. Каждое слово, произносимое Итемпасом, имело значение, а то и не одно. Он не хуже меня знал, что попытка

назвать меня своим сыном вряд ли оказалась бы успешной.

Я нахмурился, пытаясь истолковать такое новообретенное смирение. Как-то это было непохоже на того Темпу, которого я знал. А его спокойствие перед лицом обвинений, брошенных Нахадотом! Нахадот тоже свел брови, но не удивленно, а скорее подозрительно.

Дальнейшее стало чуть менее неожиданным. Йейнэ вышла вперед, она с раздражением смотрела на Нахадота.

— Ругань делу не поможет. Мы здесь собрались не для того, чтобы растравлять старые раны. — И прежде, чем Нахадот успел возмутиться, она коснулась его плеча. — Посмотри на нашего сына, Наха.

Забыв о гневе, Нахадот повернулся ко мне. И вот уже все Трое уставились на меня, излучая жалость и скорбь. Я улыбнулся в ответ. Мое отчаяние сделалось окончательно беспросветным.

— Прекрасно, — сказал я. — На полминуты вы вообще позабыли, что я здесь сижу.

Нахадот стиснул зубы. Я заметил это и испытал угрюмую гордость.

Йейнэ, вздохнув, прошла между своими рослыми братьями, наградив каждого укоризненным

взглядом, и опустилась напротив меня на корточки, балансируя на подушечках пальцев. Она была, по обыкновению, босиком. Я не пошевелился, и она села рядом со мной, опустив голову мне на плечо. Я закрыл глаза и прижался щекой к ее волосам.

— Есть еще один способ, — прервал молчание Нахадот. Он говорил медленно и неохотно. Обычно перемены давались ему легко, но только не эта. — Когда мы втроем заодно, все делается возможным…

И опять Итемпас обманул мои ожидания.

— Вернуть Сиэю божественность — наша общая цель и общее желание, — сказал он.

Он говорил чопорно, потому что ему было очень трудно меняться. И все же он совершил это усилие, хотя оно и выглядело запредельным. Речь шла о том, чтобы Трое объединились так, как они не объединялись с рассветных дней вселенной. Только так они могли воссоздать бытие — если это требовалось для того, чтобы воссоздать меня.

У меня в кои-то веки не нашлось ехидного замечания. Я просто сидел и смотрел, как Наха и Темпа встают плечом к плечу и собираются действовать заодно. Ради меня.

Йейнэ подняла голову, и я был вынужден сде-

лать то же.

— Я согласна, — сказала она, но голос прозвучал озабоченно. — Только я еще ни разу так не делала. Это опасно для Сиэя?

— До некоторой степени, — сказал Итемпас.

— Возможно, — сказал Нахадот.

Йейнэ нахмурилась. Я взял ее за руку и стал объяснять, как когда-то Шахар и Деке.

— Если согласие Троих не полно… — Я откровенно кивнул на Итемпаса и Нахадота. — Словом, если между вами будет хоть малейшая рознь, все пойдет кувырком…

— В смысле?

Я пожал плечами. Сам я не видал, как такое происходит, но принцип действия понимал. По сути, все просто: их воля становилась реальностью, обретала вещественность. Соответственно, и все противоречия в их пожеланиях проявлялись законами природы: инерция и тяготение, время и восприятие, любовь и печаль. Действия Троих не терпели недоговоренности и коварства.

Йейнэ довольно долго обдумывала услышанное. Затем погладила меня по волосам. Мальчиком я бывал от этого в восторге. Теперь этот жест меня больше смущал, казался покровительственным. Однако я терпел, потому что любил ее.

— Стало быть, есть опасность, — обеспокоенно проговорила она. — Что до меня, я хочу того, чего хочешь ты. А ты, как мне кажется, еще толком не уяснил, чего именно хочешь.

Я грустно улыбнулся. Итемпас слегка прищурился. Они с Нахадотом обменялись взглядами, полными понимания. Вот это было действительно здорово. Совсем как раньше. Потом оба вспомнили о взаимной ненависти и повернулись ко мне.

Нет, какая замечательная в своем роде ирония! Все дело, оказывается, было не в них, а во мне самом! Трое возвратились в этот мир и собрались вместе, движимые надеждой спасти меня. А меня спасти не получалось, потому что я влюблен в двоих смертных.

Йейнэ вздохнула.

— Тебе нужно время, чтобы поразмыслить, — сказала она. Поднялась на ноги, зачем-то отряхнула ладонью штаны и обратилась к Нахадоту с Итемпасом. — Ну а нам нужно обсудить кое-какие наши дела, Сиэй. Куда тебя перенести?

Я мотнул головой и устало потер ладонями виски.

— Не знаю. Куда-нибудь подальше отсюда. — Я обвел жестом дворец. — А дальше я сам.

Как я обычно и поступал.

Йейнэ посмотрела на меня так, словно подслушала последнюю мысль, но, как всякая порядочная мать, ничего на сей счет не сказала.

— Как хочешь.

Мир расплылся перед глазами — и вот я уже сижу в большом открытом чертоге нового дворца. Помещение напоминало храм, его купольный потолок выгибался в тридцати или сорока футах над головой. Ползучие лозы карабкались по резным колоннам и свисали с карнизов. Мы отсутствовали всего несколько минут, но могущество Йейнэ успело пронизать дворец и наполнить его зеленью. Даже день-камень утратил однообразную белизну. Стена покоя, обращенная к солнцу, пропускала свет. На ярком фоне виднелись вкрапления, от серых до черных, а черные, в свою очередь, были усеяны ярко-белыми точками, похожими на звезды. Не удивлюсь, если ночью они будут светиться.

В комнате не было никого, кроме Деки, стоявшего на коленях. Чем он тут занимался? Молился? Нес почетную стражу при предполагаемой кончине моей смертности? Какое старомодное благородство. И какая прямолинейность со стороны Йейнэ — закинуть меня прямиком к нему.

Вот сводня! Никогда бы не подумал.

— Дека, — окликнул я.

Он вздрогнул, обернулся и удивленно нахмурился:

— Сиэй? Я думал…

Я покачал головой, не торопясь подниматься:

— У меня, похоже, дела незавершенные остались.

— Что за… — начал он и осекся.

Он был слишком умен. На его лице мелькнули понимание, восторг, вина и надежда. Потом он спохватился и натянул на лицо непроницаемую маску, присущую Арамери. Поднявшись, он подошел ко мне и протянул руку, чтобы помочь мне встать. Я принял его ладонь, но, когда я выпрямился, последовал момент неловкости. Мы были мужчинами, а большинство мужчин, даже добрые товарищи, пожалуй, отступили бы в стороны, блюдя пределы, необходимые для личной независимости. А я вот не отшагнул. И Дека тоже остался на месте. И очень скоро неловкость перешла в совершенно иное качество.

— Мы как раз думали, как назвать этот дворец, — негромко проговорил он. — Мы с Шахар.

Я пожал плечами:

— «Раковина»? «Вода»?

Фантазия мне всегда в таких случаях изменяла. Дека, наделенный безошибочным вкусом, лишь поморщился:

— Шахар нравится «Эхо». Осталось только уговорить мать. Она думает, здесь получится хороший зал для приемов.

Такой вот невероятно захватывающий разговор. Мы шевелили губами, обсуждая то, на что нам было наплевать, выговаривали слова, служившие маской для совсем других слов, произносить которые не было нужды.

Он снова поморщился, хотя и не так резко.

Я улыбнулся:

— А ты не согласен?

— Ну, не знаю. По-моему, этот покой как-то не смотрится залом для приемов. Он…

Дека тряхнул головой, глядя на определенное место под просвечивающей, изгибающейся кверху стеной. Я понял, что он имел в виду. Комната определенно была полна молитвенной торжественности, трудно выразимой словами. Здесь полагалось бы стоять алтарю.

— Так объясни ей, — предложил я.

Он пожал плечами:

— Да ты сам знаешь, как у нас все делается. Шахар — она по-прежнему… Шахар.

Дека улыбнулся, но улыбка не задержалась надолго.

Я кивнул. Мне тоже не хотелось говорить о Шахар.

Рука Деки неуверенно коснулась моей. Прикосновение, которое вполне можно списать на случайность. Если я захочу.

— Ты бы, может, благословил это место? — предложил он. — Здесь ведь будет настоящий дом Арамери, а Небо станет пустышкой. Приманкой…

— Я больше не могу ничего благословлять, разве только в поэтическом смысле. — Я взял его за руку. Я устал от этой игры. Хватит уже изображать «просто друзей». — Стоит ли мне вновь становиться богом, Дека? Тебе бы хотелось этого?

Он вздрогнул, пораженный моей прямотой, его непроницаемая маска дала трещину, и сквозь эту трещину я увидел такую безысходную жажду, что исполнился сострадания. И он тоже оставил всякую игру, поскольку момент требовал полной откровенности.

— Нет.

Я улыбнулся. Будь я по-прежнему богом, мои зубы сейчас заострились бы.

— Почему нет? Вернув божественность, я мог

бы по-прежнему тебя любить. — Я приблизился и потерся носом о его подбородок. Он, однако, не попался ни на эту приманку, ни на словесную, которую я предложил следом: — И семья крепче любила бы тебя, стань я опять богом. Твоим богом.

Его руки крепко стиснули мне плечи. Я думал, он оттолкнет меня, но он этого не сделал.

— Мне плевать, чего они хотят, — проговорил он неожиданно низким и хриплым голосом. — Я хочу, чтобы меня любил равный. И я хочу быть равным тебе. Пока ты был богом, я не мог сравняться с тобой, и потому… Потому — да, какая-то часть меня желала, чтобы ты стал смертным. Это вышло непреднамеренно, я не знал, что так случится, но… не жалею. Так что не одна Шахар тебя предала. — Я вздрогнул, и его пальцы почти до боли впились в мои плечи. Он наклонился ближе. — Пока я был ребенком, я был для тебя ничто. Так, игрушка на время… — Я удивленно моргнул, и он с горечью рассмеялся: — Я же говорил тебе, Сиэй. Я все про тебя знаю.

— Дека… — начал я, но он меня перебил.

— Я знаю, почему смертные возлюбленные никогда не становились для тебя чем-то большим, чем мимолетное увлечение. Ты столько прожил,

столько видел еще до того, как были созданы люди! Перед вечностью твоей жизни любой смертный оказывался всего лишь мгновением ока. Причем так было бы, даже если бы ты захотел попробовать. А ты не хотел. Но я не буду для тебя пустым местом, Сиэй! И если мне потребуется изменить вселенную, чтобы заполучить тебя — да будет так!

Он вновь улыбнулся, непроницаемый, злой и прекрасный.

Жуткий.

Арамери.

— Убить бы тебя, — прошептал я.

— Думаешь, что можешь? — прозвучало в ответ.

Немыслимая самоуверенность. Он был великолепен. Он даже напомнил мне Итемпаса.

— Ты временами спишь, Дека. Ты ешь. Думаешь, для всех моих проделок требуется магия?

В его улыбке появилась доля грусти.

— А тебе действительно хочется меня убить? — Я не ответил, потому что толком не знал ответа, и он перестал улыбаться. — Чего же ты на самом деле хочешь, Сиэй?

Я испугался. И Йейнэ спрашивала меня о том же. И Дека действительно слишком хорошо меня

знал. Поэтому я ответил чистую правду.

— Н-не быть… одному. — Я облизнулся и отвел взгляд, уставившись на пол, где не было алтаря, на ближнюю колонну, на солнце в стене, разбавленное серо-бело-черными завитками. Я готов был смотреть куда угодно, только не на него. Я бесконечно устал. Эта усталость копилась во мне со времен создания мира. — Хочу чего-то, что было бы моим.

Дека медленно и судорожно вздохнул и прижался лбом к моему лбу, словно одержав некую победу.

— И это все?

— Да. Я хочу…

Но мне не удалось повторить, чего я хочу, потому что его губы накрыли мой рот, а его душа проникла в мою, и это вторжение напугало меня, привело в восторг и пронзило болью. Это было как носиться взапуски с кометами, ловить эфирных китов, пронзать застывающий воздух. Поцелуй вышел лучше, чем в тот, первый раз. Все же Дека целовался как бог.

Потом его губы переместились на мое горло, руки зашарили на груди, расстегивая рубашку, он толкнул меня назад, прижав спиной к увитой лозами колонне, вернее, ударив о нее так, что у

меня перехватило дыхание, но я этого почти не заметил. Я ахнул, потому что он прикусил кожу как раз у нижних ребер, и я испытал чувство плотского наслаждения, равного которому у меня еще не бывало. Я потянулся к нему и ощутил горячую человеческую кожу, под которой гудела вытатуированная магия. Дека сбрасывал мешающую одежду. Существует много способов творить волшебство. Ладонями я выбил ритм на его плечах, и в ответ сквозь мои руки хлынула сила. Я упился этой силой и застонал. Он вылепил себя сильным и мудрым, божеством в смертном обличье, и все это для меня, для меня, для меня. Верно ли он поступил? Я всегда избегал смертных. Какой смысл быть старше здешнего солнца и при этом желать близости существа, которое, по сути, никогда не выйдет из младенчества? И при всем том я желал его. О, боги благие, как же я его желал… Может, это и было решением? Моя природа не велела делать то, что являлось мудрым; я всегда делал то, к чему меня тянуло. А раз так, относилось ли это и к любви, а не только к игре?

Так ли уж я сражался с собой все это время?

Некое движение на краю зрения выдернуло меня из дурмана Декиных ласк. Я вернулся к реальности и увидел на пороге Шахар. Она стояла

в дверном проеме, как в раме, на фоне темного коридора, освещенная солнцем из полупрозрачной стены. Ее лицо было бледнее обычного, глаза стали круглыми, побелевшие губы сошлись в линию. Я вспомнил, как маняще приоткрывались эти мягкие губы, и — несмотря ни на что — мне вновь отчаянно захотелось ее. Я провел рукой по прямым волосам Деки и вспомнил, как вились под пальцами ее кудри и…

Боги благие, надо это прекращать, а то и свихнуться недолго.

Что-то, что было бы моим… Я посмотрел вниз. — Дека сидел на корточках, зализывая покус на моих ребрах, — и содрогнулся. Его руки сжимали мою талию, но так осторожно, словно он держал хрупкую скорлупу. (Собственно, так оно и было. Скорлупа звалась смертной плотью.) Прекрасный, совершенный мальчишка. Мой…

— Докажи, — шепнул я. — Докажи, как сильно ты меня любишь, Дека.

Он поднял взгляд, и я понял: он знает, что Шахар тоже здесь. Ну конечно, ведь между нами по-прежнему была связь. Может, потому она и явилась сюда. Бродила по огромному пустому дворцу и заглянула именно в этот покой, причем как раз в нужный момент. Я был одинок. Я

нуждался. И это притянуло сюда их обоих. Точно так же, как давным-давно в нижнем этаже Неба. Приняв клятву, мы разделили друг с другом нечто могущественное, но эта связь существовала и прежде. И она не рвалась из-за такой мелочи, как предательство.

Все это я прочел во взгляде Деки, устремленном на меня снизу вверх. Что он там прочел в моих глазах — не знаю. Но, что бы это ни было, он кивнул. Затем поднялся, не разжимая рук, и повернул меня к колонне лицом. Когда он склонился к моему уху, я услышал слова божественного языка и поверил им. Поверил, потому что на нашем языке изрекается лишь истина.

— Я никогда тебя не обижу, — сказал он.

И доказал это.

Шахар ушла, пока творилось то, что произошло затем. Ушла она, впрочем, не сразу. Она стояла там достаточно долго, слушая мои стоны и наблюдая за нами. Я же сперва перестал обращать на нее внимание, а потом и вовсе позабыл о ее присутствии. Может, она успела увидеть, как я поверг на пол ее братца и воздвиг тем самым алтарь, исторгнув из него пот, слезы и хвалебные песни и взамен благословив его наслаждением. Не знаю. Мне было все равно. Дека был моим

миром, моим единственным божеством. Да, я им воспользовался, но он сам того захотел. Я буду поклоняться ему вечно.

Потом я лежал совершенно обессиленный. Дека, паршивец, не утомился нисколько. Он сидел на полу, рассеянно чертя пальцем на полу контуры сигил, которые собирался вживить в камень дворца, выстраивая первый уровень волшебной защиты. Надо полагать, команды стражников и писцов уже исследовали новый дворец, составляя карты его красот и чудес. Дека рассказал об этом, пока я лежал, едва воспринимая действительность. Он как будто выпил все мои жизненные силы, оставив оболочку почти пустой. Постепенно я сообразил, что, пока мы занимались любовью, это он увел нас за пределы этого мира и вернул обратно. Что это его поцелуи, а не мои совокупили наши души в одну. Все-таки он на одну восьмую был богом. А я — чистой воды смертный.

Если примерно так ощущали себя смертные, ублажив бога… Я почувствовал свежую вину за все свои прошлые приключения.

Постепенно я худо-бедно пришел в себя и сказал Деке, что должен оставить его. Высокорожденные уже выбирали себе покои наверху центральных

спиралей дворца — привычка, привезенная из Неба. При желании я легко найду его позже. Последовал некий неудобный момент: прежде чем ответить, Дека долго и внимательно вглядывался в мое лицо. Однако то, что он там увидел, удовлетворило его. Он согласно кивнул, встал и начал одеваться.

— Ты, вообще-то, будь поосторожнее, — только и сказал он. — Моя сестра может теперь стать опасной.

Я подумал, что он, возможно, прав.

Когда я нашел Итемпаса, до заката оставалось менее получаса. Как я и подозревал, он поселился на широкой центральной платформе, куда мы изначально перенеслись. Теперь здесь был обширный луг: повсюду волновалась приморская трава. Строился этот дворец отнюдь не в его честь. Тем не менее высочайшая точка была для него естественным местом.

Он стоял лицом к солнцу — неподвижный, ноги врозь, руки сложены на груди. Он не пошевелился, хотя наверняка уловил мое приближение. Трава шуршала о мои штаны, и я заметил, что вокруг того места, где стоял Итемпас, она стала белой. Кто бы сомневался!

Ни Йейнэ, ни Нахадота не было видно, не ощу-

щалось и их присутствия неподалеку. Они снова покинули его.

— Уединиться решил? — спросил я, останавливаясь рядом.

Далекое солнце почти касалось горизонта. Оставшиеся ему мгновения божественности можно было пересчитать по пальцам двух рук. А может быть, и одной.

— Нет.

Я сел в траву и стал смотреть на него.

— Я решил, что хочу остаться смертным, — сказал я. — По крайней мере, пока… ну, ты знаешь. Пока не приблизится… хм… конец. Тогда вы втроем можете попытаться переделать меня обратно.

Я не стал говорить, что и тогда могу передумать и выбрать смерть вместе с Декой. Не каждому богу доставался подобный выбор. Так что мне здорово повезло.

Итемпас кивнул:

— Мы почувствовали, что ты принял решение.

Я поморщился:

— Ну никакой романтики. А я-то думал, что переживаю оргазм.

Он пропустил мою непочтительность мимо ушей: сила привычки.

— Твоя любовь к этим двоим была очевидна с

момента твоего превращения в смертного, Сиэй. Только ты сам сопротивлялся этому знанию.

Когда он впадал в подобное ханжество, я начинал беситься. Поэтому я сменил тему:

— В любом случае спасибо за попытку. За то, что пытался помочь.

Итемпас негромко вздохнул:

— Порой я начинаю гадать, почему ты так скверно думаешь обо мне. Потом вспоминаю.

— Ага. Ну ладно. — Я пожал плечами. Мне почему-то было неловко. — Ликуя придет забрать тебя?

Я не добавил то, что и так было ясно: «когда ты вновь станешь смертным».

— Да.

— А ведь она действительно любит тебя.

Он чуть повернулся ко мне — ровно настолько, что я смог увидеть его лицо.

— Да.

Что-то я разболтался, и он это заметил. Я раздраженно закрыл рот. Тишина сомкнулась вокруг нас. Так-то лучше. В прежние дни я любил проводить с ним время в молчании. Только с ним. В любом другом обществе я неудержимо спешил заполнить тишину шумом, действием, разговором. А ему никогда даже не приходилось приказывать

мне посидеть тихо. С ним мне самому только того и хотелось.

Он пристально смотрел, как солнце постепенно клонится к горизонту.

— Спасибо тебе, — вдруг проговорил он, немало меня удивив.

— Э-э-э… Не понял?

— За то, что пришел сюда.

Услышав это, я вздохнул, завозился, провел ладонью по волосам. Затем поднялся и встал с ним рядом. От него мощно веяло жаром, кожу стягивало даже на расстоянии фута. Он мог пылать огненным светом всех солнц вселенной, но большей частью смирял этот огонь, позволяя другим приблизиться к себе. Применительно к нему то было, по сути, доброжелательное приглашение — ибо он, глупец, никогда и ни под каким видом не сознался бы, что одинок.

Почему я, сын, никогда не замечал его одиночества? И как меня после этого следовало называть? Дважды глупцом?

И я стоял подле него, наблюдая, как верхняя горбушка солнца распласталась по краю мира, растеклась и истаяла. Как только это произошло, Итемпас судорожно ахнул, и я ощутил резкий толчок жара, как если бы что-то улетучилось и

унеслось прочь. То, что осталось, было самым обычным человеком, мужчиной средних лет, в простой одежде, поношенных башмаках (вновь ставших коричневыми, ха-ха!) и с непрактично длинными волосами. Он стал заваливаться, как сломанное дерево: уход божественности лишил его сознания. Я подхватил его, осторожно опустил наземь и устроил его голову у себя на коленях.

— Старый дурак, — прошептал я.

И стал гладить его белые волосы.

Вот бы все на этом и кончилось…

Ага, как же. Буквально в следующий миг я ощутил сзади чье-то присутствие. Я не стал оборачиваться. Пусть Ликуя думает что угодно о своем отце и обо мне. Я устал питать к нему ненависть.

— Заставь его украшать волосы, — сказал я, просто чтобы начать разговор. — Раз уж он решил убирать волосы по-темански, пусть делает это правильно!

— Вот, значит, как, — произнес Каль, и я потрясенно замер. Он говорил тихо и с сожалением. — Ты его простил.

Что за…

Я не успел завершить эту мысль — он оказался передо мной, по другую сторону Итемпаса, и уже заносил руку. Движение казалось мне бессмыс-

ленным, пока он не бросил руку вниз, и тогда-то — уже поздно — я припомнил, что именно от чего-то в таком роде Ликуя и оберегала отца.

Но к тому времени рука Каля уже по самое запястье погрузилась в грудь Итемпаса.

Итемпас дернулся всем телом и открыл глаза, его лицо свела судорога невыносимой боли. Я не стал тратить время, крича «не-е-е-ет», как зачем-то делают смертные. Пусть их; вместо этого я что было сил вцепился в руку Каля, пытаясь не дать ему совершить то, что, как я понимал, было у него на уме. Но я был всего лишь смертным, он же — богорожденным, и он не только вырвал сердце Итемпаса движением настолько быстрым, что в воздухе повис красный туман, но одновременно и отшвырнул меня на другой край лужайки. Прокатившись, я остановился в помятой, источавшей сладко-солоноватый запах траве, в каких-то трех футах от края. Верхнюю платформу, где мы находились, окружали ступени, но если бы я их проскочил… Лететь вниз было далековато — несколько сот футов.

Я затряс головой, приходя в себя, кое-как сел и почувствовал, что у меня вывихнуто плечо. Я заорал от боли, а когда в легких кончился воздух, увидел Каля, стоящего между мной и телом

Итемпаса. Он держал в руке сердце, истекающее багровыми каплями, лицо у него было непреклонное.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Я за ним много лет охотился. Его дочь-демоница больно уж ловка прятаться. К счастью, я понял, что следить надо за тобой и тогда рано или поздно у меня появится шанс.

— Да что… — начал я. Продолжить удалось не сразу. Трудно думать, отвлекаясь от боли. Но если уж смертным это иногда удавалось, значит удастся и мне. Скрипя зубами, я все-таки заговорил: — Да что с тобой, во имя всех преисподних? Ты же знаешь, что это его не убьет. Зато Наха с Йейнэ теперь на тебя обязательно насядут…

Я больше не был богом и не мог призвать их силой мысли. Что вообще мог сделать я, смертный, перед лицом бога возмездия в миг его торжества? Ничего. Ровным счетом ничего.

— Так пусть явятся. — До чего знакомая наглость! Где я видел ее прежде? — Пока они меня еще не нашли. Теперь я смогу доделать ту маску и забрать ее у Узейн.

Он высоко поднял сердце Итемпаса, упоенно разглядывая его, и я впервые увидел на его лице улыбку откровенного удовольствия. Его губы

разошлись, показался клык…

…заостренные зубы, почти как у…

— Осталась лишь искорка, но ее вполне хватит.

Я понял, что он имел в виду. Или мне так показалось. Калю требовалась не просто кровь или плоть Итемпаса, но чистая лучезарная мощь бога Света. Будучи смертным, Итемпас ею не обладал. Когда он принимал свой истинный облик, к нему было не подступиться. Оставался лишь миг между божественностью и смертностью, когда он был одновременно и ценен, и уязвим. А я, утративший могущество, оказался никчемным охранником. Ликуя правильно делала, не желая мне его доверять. Правда, у ее недоверия была иная причина.

— Хочешь забрать маску у Узейн? — Я сел поудобнее, придерживая нещадно болевшую руку. — А я-то думал…

Нет, нет, нет. Как же я ошибался…

Маска, предназначенная сообщать носителю божественное могущество. Только вот предназначал ее Каль отнюдь не для смертных.

— Ты не можешь, — выговорил я. Попытался представить, что получится, и не смог. Некогда существовало трое богов, и они создали все царства.

Если их станет меньше трех — все прекратится. А если станет больше… — Ты не можешь! Даже если сила не разорвет тебя на части.

— А тебя это заботит? — Каль опустил сердце, его улыбка увяла. Теперь в нем проявлялся гнев; недавние сдержанность и печаль куда-то подевались. Он наконец-то принял свою природу, и в победный миг это наделило его могуществом. Пожалуй, даже будь я прежним, сейчас я испугался бы его. Чревато бросать вызов элонтиду в подобный момент. — Тебе разве не наплевать на меня, Сиэй?

— Срань демонская, я обо всем живом беспокоюсь! То, что ты, дурак, замышляешь…

Он действительно собирался устроить вселенский кошмар. Мечтать о таком не стал бы ни один богорожденный, а если бы и стал, то ни за что бы не сознался. За целую вечность Вихрь породил всего лишь троих богов — и все. Как знать, случится ли ему — и если да, то когда? — неожиданно извергнуть еще одного? То, что мы называем вселенной, — собрание реальностей и воплощений — родилось из вражды и любви Троих и их необычайно искусного сознательного труда. Оно слишком нежное и хрупкое, чтобы выдержать нашествие еще и четвертого. Сами

Трое, конечно, уцелеют, и приспособятся, и создадут новую вселенную, основанную еще и на могуществе нового бога. Но все прежнее бытие, включая богорожденных и царство смертных, будет обречено.

Облик Каля расплылся, и он внезапно оказался прямо передо мной. Точнее, его нога стояла у меня на груди, а я лежал плашмя, прижатый к земле. Здоровой рукой я пытался ухватить его ногу в сапоге, но пальцы соскальзывали с гладкой кожи, созданной божественной волей. Я вообще продолжал дышать лишь благодаря мягкой земле: мой торс промял ее, вместо того чтобы сплющиться.

Каль склонился надо мной, продолжая сдавливать мне легкие. У меня потекли слезы, а сквозь них я кое-как видел узкие глубокие щелки на плосковатом лице: глаза у него были теманские, вроде моих, только куда холоднее. А еще они были зелеными. Как у меня.

…как у Энефы…

— Что, страшно?

Он склонил голову прямо-таки с искренним любопытством и нагнулся еще ниже. Я слышал, как постанывали мои ребра, готовые вот-вот затрещать. Но я умудрился приподнять голову,

напрягая все мышцы так, что вздулись жилы на шее. Я начисто забыл про ребра, потому что теперь Каль был достаточно близко и я очень хорошо видел его глаза, и когда его зрачки превратились в две узкие смертоносные щелки…

…как у Энефы нет нет КАК У МЕНЯ…

Я попытался закричать.

— Уже поздно переживать обо мне, отец, — сказал он.

И это слово пролилось в мой разум каплей жгучего яда, и окутавшая память пелена разлетелась в клочки.

Каль исчез, а что было потом, я толком не помню. Слишком уж было больно.

Но когда я пришел в себя, то оказался на тридцать лет старше…

Книга четвертая
Совсем без ног в полночь

А случилось вот что.

В самом начале существовали трое богов. Сперва пришли Нахадот и Итемпас — враги, потом любовники, и эпохи неслись мимо них, и они были счастливы.

Появление Энефы разбило выстроенную ими вселенную. Они оправились от потрясения, приветствовали Энефу и все выстроили заново, еще лучше прежнего. Вместе они обрели силу. Однако бóльшую часть того времени оставались ближе друг к другу, чем к своей младшей сестре. А она, как водится у богов, сделалась одинока.

Она пыталась полюбить меня. Но она была богиня, а я — всего лишь богорожденный, и наше первое сближение едва не погубило меня. Я попробовал снова. Я всегда был упрямым — твердолобым, как выражаются маро. Я бы продолжал и дальше, но Энефа в своей мудрости узрела истину: богорожденному не стать истинным богом. Я был низшим относительно нее существом. Если ей суждено однажды заполучить кого-то,

принадлежащего лишь ей, придется ей отбивать одного брата у другого.

И она преуспела — много столетий спустя, с Нахадотом. И это породило цепочку событий, приведших к Войне богов.

Но и от меня она не стала отворачиваться совсем. Она не была чувственной возлюбленной, больше думала о практической пользе, а я оказался лучшим из произведенных ею боженят. Мне следовало бы возгордиться, когда она решила вырастить дитя из моего семени…

…если бы существование этого дитяти едва не убило меня.

И она предприняла меры, чтобы спасти нас обоих. Для начала она занялась мной: я буквально распадался, сжигаемый, как пожаром, своей неожиданной и нежеланной зрелостью. Прикосновение… заново сотканная память… шепот: «Забудь». Когда я перестал знать, что стал отцом, исчезла и опасность. Я был исцелен.

Она скрыла от меня дитя. Куда — не знаю. Наверное, в какое-то иное царство. И заперла его там, чтобы оно — то есть он, Каль, — росло здоровым и в безопасности. Вот только выбраться оттуда он не мог. И торчал там один, ведь он не должен был встречаться с другими богами.

Иначе и от меня не удалось бы скрывать его существование.

Вероятно, Энефа навещала его, чтобы он не спятил от одиночества. А может, он был для нее всего лишь одним в бесконечной череде опытов и она отстраненно наблюдала за ним, пока он плакал и звал ее? Или, наоборот, приблизила, сделав новым возлюбленным?..

Истины теперь не узнать, ведь она умерла. А я сижу и гадаю, ведь я как-никак его отец.

Суть в том, что, каким бы ни был расклад, факта существования Каля он не отменяет, а из этого факта и произросли наши нынешние проблемы. Незаметные цепи, опутавшие мой разум, и мощные прутья темницы Каля разом ослабли, когда жизнь Энефы истекла из дрожащих рук Темпы. Они еще держались, но лишь до тех пор, пока Йейнэ не приняла в себя и плоть, и душу Энефы. Лишь это в некотором смысле окончательно убило Энефу. Спали цепи, рухнули решетки.

И Каль, сын смерти и озорства, господь возмездия, вырвался на волю по всем царствам. И восстановление моей памяти сделалось вопросом времени.

В общем-то, невелика важность. Я так и так умираю.

19

Ох и хреново же мне было, когда я очнулся…

Я лежал в постели, в одной из комнат нового дворца. Стояла ночь, стены мягко светились, только куда страннее, чем в Небе. Темные завитки внутри день-камня приглушали свет, лишь искорки белого действительно мерцали, точно крохотные звезды. Тускловато, зато красиво. Кто-то зажег светильники, подвешенные на настенных петлях (не иначе специально для этого созданных). Я чуть не рассмеялся, глядя на них. Похоже, впервые за две тысячи лет Арамери придется пользоваться свечками, как обычному люду!

Только посмеяться у меня не получилось, потому что в горле у меня что-то торчало. Приложив некоторое усилие, я ощупал лицо и обнаружил какую-то трубку, торчащую изо рта и удерживаемую повязкой. Я попытался вытащить ее и едва не задохнулся.

— Тихо ты! — Перед глазами возникла рука Деки и оттолкнула мою. — Лежи смирно, сейчас я ее вытащу.

Описывать вытаскивание трубки я лучше не

буду. Довольно сказать, что, будь я по-прежнему богом, мои проклятия загнали бы Деку в три разные преисподние. Правда, это были бы далеко не самые скверные преисподние, ведь он хотел как лучше.

Потом, когда я уселся, пытаясь отдышаться и позабыть о боязни захлебнуться собственной рвотой, Дека подошел и присел на край постели. Он нежно и медленно потер мне спину. Я воспринял это как некое предупреждение.

— Тебе лучше?

— Ага, — прохрипел я.

Горло пересохло и отчаянно болело, но я знал, что это пройдет. Хуже было то, что во всех членах и суставах чувствовалась невероятная слабость. Я посмотрел на свою кисть и едва не ахнул. Сухая, обвисшая кожа, сетка морщин.

— Что за…

— Тебе нужно было питание, — очень устало пояснил Дека. — Твое тело начало пожирать само себя. Один из моих писцов предложил это средство. Думаю, оно спасло тебе жизнь.

— Спасло?..

И тут я вспомнил. Каль! Мой…

забудь

Мой разум прямо-таки шарахнулся и от этой

мысли, и от предупреждения матери. Впрочем, и то и другое запоздало. Память вырвалась на свободу, и вред был уже нанесен.

— Дай зеркало, — хрипло прошептал я.

И зеркало тотчас возникло поблизости. Высотой в полный рост, на вертящейся деревянной подставке. Кто наколдовал его и каким образом? Но когда Дека развернул его ко мне, я и думать забыл о его таинственном появлении. Я долго-долго разглядывал свое отражение…

— Могло быть куда хуже, — сказал Дека. — Мы, то есть писцы, никак не могли понять, что с тобой произошло. Надписи привели нас к тебе. Потом господь Итемпас пришел в себя и объяснил, что следует предпринять. Мне удалось создать надпись отрицания и запустить ее в комбинации с циклическим прерыванием…

Он объяснял что-то еще, но я перестал слушать. Какой бы ни была эта заумь, она сработала, а остальное меня не интересовало.

— Мы остановили ускорение возраста. И начали править все, что возможно. У тебя были сломаны три ребра, треснула грудина, пробито одно легкое. Жестоко помято сердце, выбито плечо…

Он смолк, увидев, что я протянул руку к зеркалу

и коснулся отражения.

Я был все еще хорош собой. Правда, черты окончательно лишились былой мальчишеской прелести, и произошло это не по моей воле. Мое тело росло теперь как хотело. Спасибо и на том, что я не превратился в лысого толстячка. Виски у меня теперь были совсем седые, да и по всей голове в волосах застряло порядочно инея. Кстати, волосы снова отросли и спутанными колтунами падали на простыни. Форма лица не особенно изменилась, лишь отчасти смягчилась. В этом смысле теманцев возраст не слишком обезображивал. Кожа сделалась суше и как бы толще, грубее. Она выглядела обветренной, хотя я проводил в помещении больше времени, чем снаружи. У губ залегли глубокие морщины, в уголках глаз наметились тонкие сеточки, и я стремился обрасти седоватой щетиной — хотя, к счастью, кто-то позаботился меня побрить. То есть, если держать рот на замке и следить за одеждой, я и за приличного человека могу сойти.

Опуская руку, я заметил, что каждое движение требует бóльших усилий, чем раньше. Реакции стали медленней, мышцы — слабее. Я выглядел исхудавшим, хотя и не до такой степени, как после того, когда смертность постигла меня

впервые. Трубка для питания поддерживала мое телесное здоровье. Другое дело, что само здоровье явно стало не то.

— Я теперь слишком стар для тебя, — еле слышно проговорил я.

Дека оттолкнул зеркало и ничего не сказал. Его молчание причинило мне боль, потому что тем самым он как бы соглашался со мной. Но не успел я подумать, что не могу осуждать его за это, как он улегся подле меня, притянул к себе и положил руку мне на грудь.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал он.

Я закрыл глаза и попробовал отвернуться, но он мне не позволил, а я слишком устал, чтобы с ним бороться. Я удовольствовался тем, что перекатил голову по подушке.

— А вот для того, чтобы дуться, ты, похоже, не слишком стар, — заметил Дека.

Я не ответил, продолжая молча растравлять раны. До чего же все несправедливо! Я так хотел, чтобы он стал моим…

Дека вздохнул и потерся носом сзади о мою шею.

— Я слишком устал, чтобы взывать к твоему разуму, Сиэй. Короче, кончай глупить, лучше поспи. Тут столько всякого разного происходит, и

мне очень пригодилась бы твоя помощь.

Теперь из нас двоих он стал более сильным. Юный, во всеоружии блистательного ума и безоблачного будущего. А я? Я стал пустым местом. Низверженным богом и никудышным отцом. (Даже думать об этом было больно. Такая вот головная боль, только глодающая все тело. Я прикусил губу и сосредоточился на жалости к себе и своем одиночестве. Так было легче.)

Усталость тем временем брала свое. Декина рука, лежавшая у меня на груди, внушала чувство безопасности. Иллюзия, конечно. Недолговременная, как и все смертное. Что ж! Буду наслаждаться ею, пока могу. Я закрыл глаза и снова заснул.

Когда я опять открыл глаза, было утро. Сквозь полупрозрачные стены вливался солнечный свет; спальню заполняли прозрачные зеленоватые тени. Деки нигде не было видно. Вместо него я увидел Ликую, сидевшую в просторном кресле подле кровати.

— Я знала, что доверять тебе было ошибкой, — сказала она.

Я теперь чувствовал себя куда крепче, и уж что-что, а мой нрав с возрастом не улучшился. Я зашевелился и сел. Все тело затекло, суставы скрипели. Я зло посмотрел на нее:

— И тебе тоже доброго утра.

Она выглядела такой же измотанной, как и Дека. Одежда, обычно безукоризненная, пребывала в некотором беспорядке, хотя по меркам обычных смертных и это сошло бы за превеликую аккуратность. Однако, когда дочь Итемпаса одевается в разномастное платье, а на ее рубашке расстегивается верхняя пуговка, начинаешь вспоминать нищенок из Деревни Предков. Окончательным свидетельством ее изнеможения стала для меня прическа: пышные волосы, напоминавшие грозовую тучу, не были уложены с обычной для Ликуи небрежной уверенностью. Вместо этого она просто связала их в пушистый пучок на затылке. Он ей совершенно не шел.

— От тебя всего-то и требовалось, что выкрикнуть имя Йейнэ, — процедила она. — Стояли сумерки, она бы тебя услышала. Они с Нахой тотчас явились бы и не оставили от Каля мокрого места. И все!

Меня передернуло, потому что она была права. То, о чем она говорила, наверняка пришло бы в голову смертному. А я вот не сообразил.

— А где, во имя всех преисподних, была ты? — слабо огрызнулся я. Может, она и сплоховала, но до меня ей было далеко.

— В отличие от тебя, я не богиня. И не знала, что на него напали. — Ликуя со вздохом потерла ладонями глаза. Ее бессильное разочарование было физически ощутимо: воздух и тот отдавал горечью. — Отец использовал свою сферу для сообщений, чтобы обратиться ко мне, да только Каль к тому времени давным-давно исчез. И после воскрешения его первая мысль была о тебе.

Будь я, как прежде, ребенком, то испытал бы мелочное удовлетворение от прозвучавшего в ее голосе намека на ревность. Однако мое тело успело стать слишком взрослым. А раз так, вести себя ребячески не годится. И я ощутил лишь печаль.

— Мне очень жаль, — пробормотал я.

Она безнадежно кивнула в ответ.

Поскольку у меня явно прибавилось сил, я сумел внимательнее присмотреться к окружающему. Мы находились в спальной комнате каких-то апартаментов. За дверной аркой виднелась еще одна комната, ярче освещенная, — там, наверное, имелись окна. Стены и полы никак не были отмечены личностью владельца покоев, хотя я заметил одежду в большой кладовке у дальней стены комнаты. Некоторые вещи были из тех, что Морад мне дала перед отъездом из Неба. Наверное, Дека сказал слугам, что я живу с ним.

Я откинул покрывало и встал с постели — медленно и осторожно, поскольку у меня болели колени. А еще я был нагишом. К сожалению, потому, что тело обильно покрылось волосами, причем в самых неожиданных местах. Что ж, решил я, придется Ликуе потерпеть. И направился в кладовку одеваться.

— Декарта объяснил тебе, что произошло? — спросила Ликуя. Она успела справиться с собой, голос звучал уверенно и деловито.

— Помимо того, что я предпринял еще один здоровенный прыжок по направлению к смерти? Нет, не объяснил.

Я нашел одежду, но она была рассчитана на человека куда моложе меня. Я выглядел бы в ней, мягко говоря, странно. Вздохнув, я достал самые скучные и невзрачные вещи. Вот бы еще удобные башмаки, чтобы не так ныли колени…

Что-то мелькнуло на краю зрения. Я недоуменно повернулся в ту сторону. И увидел пару башмаков. Я поднял один. Хорошая, плотная кожа у щиколоток и толстые, мягкие стельки…

Я повернулся к Ликуе и вопросительно приподнял башмак.

— Мы в Эхе, — пояснила она. — Дворцовые стены нас слушают.

— Э-э… ясно, — отозвался я, хотя на самом деле никакой ясности у меня не было.

Мое недоумение даже ненадолго развеселило ее.

— Стоит о чем-нибудь попросить или даже просто напряженно подумать, как оно появляется. Еще дворец, похоже, сам себя очищает. И даже переставляет мебель и украшения. Почему так — никто не знает. Возможно, остаточное влияние могущества госпожи Йейнэ. А может, и постоянное свойство. — Она сделала паузу. — Если верно последнее, особой нужды в слугах не ожидается.

«А с ней и нужды в вековом разделении семьи Арамери на высокородных и низкорожденных», — мысленно добавил я и улыбнулся башмаку. Весьма в духе Йейнэ.

— Дека-то где? — спросил я.

— Уехал сегодня утром. Шахар ему присесть не давала со времени нападения Каля. Они с писцами с ног сбились, устраивая магическую защиту, всякие внутренние врата и даже письмена, способные двигать дворец по морю — правда, не особенно быстро. Так что все это время Дека либо ухаживал за тобой, либо работал.

Я как раз натягивал штаны, но эти слова заставили меня помедлить.

— И долго я… э-э-э… пластом провалялся?

Она ответила:

— Почти две недели.

Вот я и еще кусок жизни проспал. Я вздохнул и продолжил одеваться.

— Морад вовсю налаживает жизнь во дворце и готовит жилье для высокорожденных. А Рамина впряг в работу даже придворных. Ремат начала процесс передачи власти Шахар, что подразумевает составление бесконечных бумаг, встречи с военными, вельможами, деятелями ордена… — Она покачала головой и вздохнула. — А поскольку никому из них не разрешено показываться здесь, дворцовые ворота и сферы для сообщений работают без передышки. Шахар здесь удерживает лишь приказ Ремат. Не сомневаюсь, что, не будь Дека первым писцом и ключевой фигурой в подготовке дворца, она погнала бы его с визитами в полусотню тысяч королевств как своего полномочного представителя…

Я, хмурясь, подошел к зеркалу и посмотрелся в него, соображая, можно ли что-то сделать с моими отросшими патлами. Они были безобразно длинными, свисая почти до колен. Я и так подозревал, что их недавно кто-то подстриг.

Я-то знал, с какой скоростью они в таких слу-

чаях отрастают. Без стрижки, наверное, уже всю комнату заполнили бы. Я пожелал, чтобы на туалетном столике возникли ножницы, и они тотчас там появились. Почти совсем как когда-то, когда я был богом.

— А что за срочность? — спросил я у Ликуи. — Что-то случилось?

Я принялся неловко кромсать волосы, что, разумеется, немедленно ее возмутило. Раздраженно хмыкнув, она подошла ко мне и вынула ножницы у меня из руки.

— Это Ремат всех подгоняет, — ответила она, быстро щелкая ножницами. Пряди так и падали на пол. Она оставляла волосы слишком длинными, они ерзали по воротнику, но теперь я хоть не боялся на них наступить. — Кажется, она уверена, что передачу власти нужно завершить как можно скорее. Может, она и открыла Шахар причину спешки, но, если и так, Шахар с нами не поделилась.

И Ликуя пожала плечами.

Я повернулся к ней, услышав невысказанное.

— Ну и как тебе Шахар в роли королевы собственного маленького королевства?

— Как настоящая Арамери.

Такой ответ разом и обнадежил, и обеспокоил

меня.

Покончив с волосами, Ликуя отряхнула мне спину и отложила ножницы. Я оглядел себя в зеркале и благодарно кивнул, потом взъерошил волосы пятерней. Ликуя отвернулась, неодобрительно поджав губы.

— Шахар велела сообщить, когда ты проснешься и встанешь, так что, как только ты зашевелился, я отправила к ней слугу. Жди, скоро она тебя призовет.

— Отлично. Я буду готов.

Следом за Ликуей я вышел в соседнюю комнату — просторную, разумно поделенную на части диванами и сервантами. Здесь витал запах Деки, но его присутствие не ощущалось. Хотя бы потому, что здесь совершенно не было книг. С одной стороны я увидел окно во всю стену, оно выходило на соединенные мостиками ярусы дворца и безмятежную океанскую даль. Безоблачное синее небо, солнечный полдень.

— И что теперь? — осведомился я, подходя к окну. — Что вы с Итемпасом собираетесь делать? Я так понимаю, Наха с Йейнэ разыскивают Каля?

— И не только они, но и Ахад с богорожденными собратьями. Однако дело в том, что никто его пока не нашел. До его нападения никто даже не

знал, что у него есть какой-то способ скрываться от нас. Возможно, он попросту ускользает туда, куда его изначально поместила Энефа. Это неплохо срабатывало уже много тысячелетий.

— Дарр, — произнес я. — Маска находилась там.

— Там ее больше нет. Сразу отсюда Каль направился в Дарр и забрал маску. Точнее, заставил молодого дарре взять маску и забрал его вместе с ней. Все дарре в ярости. Когда в поисках Каля туда явилась Йейнэ, они все ей рассказали. — Ликуя скрестила руки, выражение лица у нее стало очень знакомое. — Каль более полувека назад явно искал подход к бабушке Узейн Дарр. Он показал им, как сочетать искусство изготовления масок, науку писцов и божественную кровь, и они приняли и развили это знание. В отплату Каль забрал их лучших мастеров туска и велел им сделать для него нечто особенное. А когда они завершили работу, Сиэй, он их убил. Дарре утверждают, что маска становится могущественней с каждой новой жизнью, которую в нее вкладывают, и Калю становится все труднее не то что браться за нее, а даже находиться вблизи.

Я понял, чем Каль теперь занимается. Вспомнил то чудовищное, необузданное истечение

силы, которое я ощутил вблизи маски… Настоящая буря. И ведь Троих породило нечто похожее. Примерно так входят в мир новые боги…

Но убийство смертных с целью напитать маску могуществом? Вот чего я не мог уразуметь. Да, смертные были потомками Вихря. Мы все его потомки — кто более, кто менее отдаленный. Но если сравнивать силу, Трое были вулканами, а люди — слабенькими огоньками свечей. Такую ничтожность можно вовсе не принимать в расчет. Если Каль собирается переделать себя и стать богом, ему понадобится гораздо большая сила…

Я вздохнул, потирая глаза. У меня что, нет других поводов для беспокойства? Мало мне всего остального, чтобы еще и с делами смертных возиться?

«Просто теперь я сам смертный».

Ну конечно. То и дело порываюсь забыть.

Ликуя молчала, и я решил побаловаться, возмечтав о еде. Я в точности представил желаемое блюдо: миску супа и хлебцы к нему в виде фигурок хищных животных. Все это немедленно возникло на ближайшем столе.

«Ликуя была права — слуги больше не требуются», — размышлял я за едой. Оно, кстати, и лучше для безопасности семьи. Не придется никого

нанимать со стороны. Конечно, люди для разного рода поручений всегда будут нужны. Должен же кто-то бегать с посылками. И потом, Арамери есть Арамери. Те, кто при власти, нуждаются в подчиненных, чтобы употреблять свою власть. А наивная Йейнэ возжелала такими простыми средствами избавить семейство от застарелого помешательства на общественном положении.

И все же эта ее наивность порадовала меня. Как все-таки славно, когда рядом действует новорожденное божество. Новенькие всегда стараются испробовать неизведанное. Такое, о чем мы, пресыщенные, даже не помышляем…

В дверь постучали, как раз когда я приканчивал суп.

— Входите!

Вошедший слуга поклонился нам:

— Господь Сиэй, госпожа Шахар велит тебе прийти, если ты вправду чувствуешь себя лучше.

Я посмотрел на Ликую, она кивнула. Этот кивок мог означать все, что угодно, от «поспеши» до «будем надеяться, что она тебя не прикончит». Я вздохнул, поднялся и вышел следом за слугой.

Шахар не сделала Храм своим залом для приемов. (Этот чертог навсегда получил такое имя в

моем сердце, ибо то, что случилось в нем между мною и Декой, было свято.) Наш со слугой путь лежал не туда, а в отдаленное помещение глубоко в недрах дворца, непосредственно под верхней платформой, успевшей получить название Завиток. Пока мы шли, я успел убедиться, что Дека со своей командой писцов отнюдь не сидели без дела. Тут и там в коридорах виднелись сигилы перемещения, покрытые прозрачной смолой, чтобы не истирались. Работали они не совсем так, как подъемники в Небе, — не просто вверх-вниз, а в любое место внутри дворца, о котором подумал вставший на них человек. Несколько неудобно, если требовалось попасть куда-то, где ты еще не бывал. Когда я спросил об этом слугу, тот с улыбкой ответил:

— В первый раз мы повсюду ходим пешком. Так распорядилась управляющая Морад.

Мне подумалось, что именно такого подхода и следовало от нее ожидать. Разумная женщина понимала: слуг и так очень немного, и нельзя допустить, чтобы хотя бы один сгинул из-за своей невнимательности!

Поскольку слуга уже бывал в зале для приемов, я позволил ему управлять магией, и мы перенеслись в помещение, где господствовали прохлада

и мерцающий свет. Стены в Эхо, как назвали новый дворец, в целом были прозрачней, чем в Небе, и вбирали больше цвета извне. Но я тотчас догадался, что мы находимся где-то ниже уровня моря, что и подтвердилось, когда мы прошли мимо ряда окон. За ними простиралась глубокая синева, пронизанная переливами солнца, и проплывали любопытные рыбы. Я не сдержал довольной улыбки: умница Шахар! Мало того что ее зал для приемов находился в большей безопасности, нежели остальная часть дворца, так еще и посетители — те немногие, кому дозволят воочию его увидеть, — будут немедленно потрясены чужеродной красотой за панорамными окнами. А еще в таком выборе места мне почудился некий символизм, ибо Арамери служили теперь Повелительнице Равновесия. Безопасность Шахар будет зависеть от крепости окон и стен и от равновесия, которое они смогут поддерживать под напором воды. Идеальный выбор.

И, хотя я был богом, я и то остановился на пороге зала, завороженно оглядываясь.

Чертог был невелик, что вполне объяснимо: ведь здесь никогда не будут устраивать многолюдные приемы. Эху не понадобятся различные ухищрения, которые использовались в Небе, дабы

впечатлить посетителей и внушить им робость. Ни тебе величественных сводов, ни гигантских размеров, благодаря которым просители загодя чувствовали свою незначительность у подножия огромного каменного трона. Небольшой зал по форме напоминал сам Эхо: нисходящая спираль с нишами вокруг углубленного центра. В нишах я заметил солдат из числа прибывших с нами: они несли стражу. Потом я заметил и другие фигуры — неподвижные, едва различимые в глубокой тени. Неуловимые убийцы на службе у Арамери.

Вот это мне уже меньше понравилось. Сразу становится ясно, что Шахар вынуждена обороняться от собственного семейства!

Кончив озираться, я увидел Деку, подоспевшего в зал прежде меня. Он преклонил колени в самой нижней, углубленной части чертога и не поднимал головы, хотя почти наверняка слышал мои шаги.

Сиденье, перед которым он находился, было удивительно скромным и напоминало не трон, а едва ли не скамеечку: широкую, изогнутую, с низкой спинкой и застланную подушечкой. Тем не менее само устройство зала обращало все взгляды именно туда. И даже мерцающий свет океанских глубин, вливавшийся в окна, как бы

собирался именно здесь. Если бы на скамеечке сидела Шахар, она выглядела бы существом из иного мира. А сидя неподвижно, она казалась бы богиней.

Но вместо того, чтобы восседать на троне, она стояла у окна, заложив руки за спину. Прохладный свет скрадывал ее силуэт, складки светлого платья терялись в переливах голубого мерцания. Ее неподвижная поза сразу встревожила меня, но здесь и без того все было достаточно тревожно. Я ведь многие сотни лет провел в тронных залах, наблюдая за предводителями Арамери. Я был способен узнать опасность, когда видел ее.

Слуга поспешил к Шахар и шепотом доложил о нашем прибытии. Та кивнула и возвысила голос:

— Стража! Оставьте нас.

Они повиновались беспрекословно. Тайные убийцы выскользнули через дверцы, имевшиеся в каждой нише. Такой же дверцей воспользовался и слуга, которому Шахар тихо велела удалиться. Мы остались наедине: Шахар, Декарта и я.

Дека поднялся с колен. Он быстро взглянул на меня. Его лицо оставалось непроницаемым. Я кивнул ему, сунул руки в карманы и принялся ждать. Мы не виделись с Шахар после того момента в Храме, когда она узрела торжество нашей

с Декой любви.

— Матушка снова ускорила процедуру, — сообщила Шахар, не оборачиваясь. — Я просила ее передумать или хотя бы прислать нам дополнительную помощь. С этим она согласилась, и завтра днем прибудут еще десять писцов из Неба.

Дека нахмурился.

— От них хлопот окажется больше, чем толку, — заметил он. — Новичкам придется все показывать, объяснять, присматривать за ними. Какое-то время они будут только путаться у моих писцов под ногами, а не помогать.

Шахар вздохнула. Я расслышал в ее голосе и усталость, и усилие, с каким она ее преодолевала.

— Это оказалась единственная уступка, которую мне удалось выторговать, Дека. Последнее время она напоминает мне еретика: такого рвения разумному человеку не понять.

В этих словах я уловил некоторый оттенок горечи. Уверен, она не стала его скрывать только потому, что мы все равно догадались бы. Что ее терзало? Неужели решение Ремат отойти от веры в Итемпаса? Это было бы достаточно странно, особенно если учесть все наши прочие беды.

— Почему?

— Кто знает? Будь у меня время плести против нее заговоры, я могла бы обвинить ее в безумии и поискать себе союзников среди родни, чтобы устроить переворот. Хотя… Возможно, поэтому она меня сюда и отослала — чтобы уменьшить угрозу.

Она коротко рассмеялась, потом обернулась к нам и замерла, уставившись на меня. Я вздохнул, наблюдая, как она пытается свыкнуться с моим новым обликом. Обликом мужчины средних лет.

Я несколько удивился, когда она улыбнулась. Никакого злорадства в этой улыбке не было, лишь сострадание и толика жалости.

— Тебе подобало бы выглядеть подобно моему отцу, — сказала она. — Но, судя по отвращению на твоем лице, похоже, ты по-прежнему тот здоровенький мальчишка, которого мы когда-то повстречали.

Я невольно улыбнулся.

— Я не очень-то и против, — сообщил я. — Хорошо, что хоть с юностью покончено. До чего же противный возраст! Кого ни встречу, так сразу охота либо убить, либо в постель затащить…

Ее улыбка померкла, и я вспомнил, как возлег с нею, пока мы были юнцами. Может, ей были

дороги воспоминания о том, над чем я сейчас подшучивал? Похоже, погорячился…

Она вздохнула, повернулась и стала расхаживать.

— Вы должны стать мне опорой. Оба. И еще больше, чем когда-либо. Сейчас происходит нечто поистине небывалое. Я ведь порылась в архивах семьи. И я честно не знаю, что у матушки на уме. — Остановившись, она прижала пальцы ко лбу так, словно ее донимала лютая головная боль. — Она возвеличивает меня, делая главой семьи!

Последовало молчание: мы соображали, что это могло означать. Дека отреагировал первым, потрясенно выдохнув:

— Как ты можешь возглавить семью… пока она жива?

— Вот именно. Такое никогда прежде не делалось. — Она вдруг повернулась к нам, и мы отпрянули при виде неприкрытого отчаяния на ее лице. — Дека… По-моему, она готовится к смерти.

Дека тотчас оказался подле нее. Любящий брат, всегда готовый поддержать. Она оперлась на его руку, излучая такое доверие, что я вдруг почувствовал себя виноватым. Что, если и в тот

вечер она пришла к нам в поисках утешения, но увидела лишь, как мы с ним утешали друг дружку, не обращая на нее никакого внимания? Что она чувствовала, наблюдая, как мы занимались любовью, пока она стояла на пороге — одинокая, лишенная друзей, лишенная надежды?

На какой-то миг я вновь увидел ее возле окна: совершенно неподвижную, с заложенными за спину руками. А еще я увидел Итемпаса, смотрящего на горизонт: совершенно неподвижного и слишком гордого, чтобы как-то показать свое одиночество.

Я подошел к ним и потянулся к ней, усомнившись лишь в последний момент. Но любовь к ней еще жила во мне, и я положил руку ей на плечо. Она вздрогнула и подняла на меня глаза, блестевшие от непролитых слез. Она вглядывалась в мое лицо, ища… чего? Прощения? Я не был уверен, что готов ее простить. А вот сожаление — да, я сожалел.

И конечно же, я был бы не я, если бы в такой возвышенный момент обошелся без шуточки.

— А я-то думал, это у меня родители ненормальные, — выдал я.

Получилось не очень.

Тем не менее Шахар рассмеялась, быстро смар-

гивая слезы и пытаясь снова взять себя в руки.

— Иногда я тоскую о тех временах, когда мне хотелось убить ее, — сказала она.

Эта шутка вышла лучше — или вышла бы, содержи она хоть зернышко правды. Тем не менее я улыбнулся, хотя и несколько натянуто. Дека не улыбнулся ни моей шутке, ни ее. Ремат никогда им особо не интересовалась. И чего доброго, он-то и желал прикончить ее.

Похоже, мысль Деки двигалась в сходном направлении.

— Если она покидает трон ради тебя, — очень серьезно предположил он, — тебе придется отправить ее в ссылку.

Шахар вздрогнула и уставилась на него:

— Что?

Он вздохнул:

— Двухголовое животное нежизнеспособно. Два дворца Арамери, двое правителей… — Он покачал головой. — Если ты не видишь, какая тут кроется опасность, Шахар, ты не та сестра, которую я помню.

Нет, она была прежней. И она все видела. Я заметил, как окаменело ее лицо. Она вернулась к окошку и замерла перед ним, скрестив на груди руки.

— Удивляюсь, что ты намекнул всего лишь на ссылку. Я-то думала, братец, ты предложишь окончательное решение.

Он пожал плечами:

— Матушка, несомненно, ожидает чего-нибудь в таком духе. Она далеко не дура и хорошо тебя натаскала. — Дека помолчал. — Если бы ты ее не любила, я бы предложил такое. Но учитывая все обстоятельства…

У нее вырвался короткий и хриплый смешок.

— Да. Любовь. Как же с ней неудобно.

Она оглянулась и посмотрела на нас, и я непроизвольно напрягся, потому что этот взгляд был мне знаком. Я и сам так смотрел очень много раз, в самых разных обличьях, поэтому не мог не распознать его. И ничего хорошего этот взгляд не сулил.

Тем не менее, обратившись на меня, взор Шахар немного смягчился.

— Сиэй, так мы снова друзья?

«Ложь!» Мысль была до того мощной и яркой, что я на миг даже усомнился, моя ли она. Уж не Дека ли запускает свои мысли прямо мне в голову, как это делали боги? Впрочем, я отлично знал вкус собственных мыслей. Так вот, эта отдавала знакомо горькими подозрениями, корни

которых тянулись в столетия, проведенные с ее чокнутой семейкой, и целые эпохи, прожитые с моей семейкой, еще более чокнутой. Шахар хотела знать правду, а правда причинит ей боль. И она была теперь слишком могущественной и опасной, чтобы я мог ранить ее безнаказанно.

Но во имя всего, что у нас с ней когда-то было, она заслуживала правды, даже какой угодно болезненной.

— Нет, — возразил я.

Я произнес это тихо, словно это могло смягчить удар. Она вздрогнула и замерла, а я вздохнул:

— Я больше не могу доверять тебе, Шахар. А я хочу доверять людям, которых называю друзьями. — Я помолчал. — Но я понимаю, почему ты предала меня. Может, на твоем месте я сделал бы такой же выбор. Не знаю. В любом случае я больше на тебя не сержусь. Не могу, если вспомнить, чем все кончилось.

И тогда я сделал превеликую глупость. Я посмотрел на Деку и позволил своему взгляду озариться любовью. Он удивленно заморгал, и я увенчал обиду оскорблением: улыбнулся. Мне больно будет его оставлять, но старикашка в качестве возлюбленного — это уж слишком. Для смертных такие вещи имеют значение. Я дол-

жен вести себя по-взрослому, то есть сохранить достоинство и сделать шаг прочь, пока в наши отношения не проникла неловкость.

Я всегда был придурком, думавшим лишь о себе. Вот и в тот момент я заботился только о себе, вместо того чтобы его защитить.

Лицо Шахар стало непроницаемым. В нее точно нож воткнули — и вырезали самую душу, оставив каменное изваяние, неумолимое и пустое. И пустоту мгновенно заполнил гнев.

— Понятно, — проговорила она. — Что ж, хорошо. Раз ты не находишь возможным мне доверять, значит и я не могу себе позволить оказывать тебе доверие. Так ведь? — И она обратила ледяной взгляд на Деку. — Я в некотором затруднении, братец…

Дека нахмурился, озадаченный переменой настроения Шахар. В отличие от него, я не удивился. То, что она собиралась сделать с братом, разгневавшись на меня, было ясно как день.

— Не надо, — прошептал я.

— Декарта, — сказала она, не обращая на меня внимания. — Мне очень больно об этом говорить, но я должна просить тебя принять полную сигилу.

Дека замер. Она же улыбнулась, и я возненави-

дел ее за это.

— Я, конечно, никогда не осмелилась бы диктовать тебе выбор возлюбленного, — продолжила она, — но, учитывая историю Сиэя и несметное число Арамери, которых он загубил своим плутовством…

— Я в это не верю! — перебил Дека.

Он дрожал, на его лице боролись потрясение и ярость. Но не простая ярость — присутствовало еще что-то, причем намного худшее. И тоже знакомое мне. Ощущение предательства. Он ведь ей доверял, а она только что разбила ему сердце. Так же как мне.

— Шахар… — Я сжал кулаки. — Не делай этого! Мало ли что ты испытываешь ко мне. Ведь Дека — твой брат.

— И я проявляю великодушие, даруя ему жизнь, — отрезала она. Отошла от нас и опустилась на тронную скамейку. Она сидела там, прямая, неподвижная и неумолимая, и холодный свет глубин омывал стройную фигурку. — Он сейчас намекнул, не следует ли мне убить главу нашей семьи. Это ли не свидетельство, что лишь узы истинной сигилы удержат его от дальнейшей измены!

— И конечно же, то мелкое обстоятельство, что

я трахал твоего братишку, а не тебя, тут решительно ни при чем!

Я еще крепче стиснул кулаки. Я шагнул вперед, собираясь… Благие боги, даже не знаю, что я хотел сотворить. Схватить ее за плечо и трясти, пока она не прислушается к голосу разума? Заорать ей в лицо? Когда я приблизился, она напряглась, и сигила у нее на лбу сверкнула белым светом. Я знал, что это означало: в прошлом магический кнут хлестал меня не раз и не два, но это было давно, целый смертный век тому назад. И когда магический выброс отшвырнул меня на другой конец комнаты, я оказался не готов.

Удар не убил меня. Даже боли особой не вызвал, особенно если сравнивать с той мукой, которую причинило откровение Каля. Меня швырнуло прочь и распластало вверх ногами на оконном стекле. Проплывавший мимо кальмар живо заинтересовался завязками моих башмаков. Но даже наполовину оглушенного, меня позабавила мысль, что сигила Шахар восприняла меня как угрозу лишь теперь, в смертном облике, бесполезном и безобидном. Пока я был богом, Шахар никогда меня по-настоящему не боялась.

Дека помог мне встать:

— Скажи, что с тобой все хорошо…

— Лучше не бывает, — пробормотал я несколько заплетающимся языком.

Коленки ныли хуже прежнего, а спина так и вовсе меня убивала, но показывать это я не желал. Моргнув, я попытался сосредоточить взгляд на Шахар. Она начала было вставать с трона, но не завершила движения. Глаза у нее были круглые, в них плескалась боль, и мне чуть полегчало. Она не хотела…

А вот Дека хотел, и, когда он выпустил меня и поднялся, я ощутил темное биение его магии, тяжкое, как у бога, а когда он повернулся к сестре, я вроде даже расслышал гулкое шипение воздуха.

— Дека… — начала было она.

Он произнес слово, вспоровшее воздух, и вслед ему грянул гром. Шахар вскрикнула, выгнулась назад и прижала руки ко лбу. Она едва не свалилась с тронной скамьи, а когда все-таки выпрямилась, по ее рукам и лицу текла кровь. Она отняла ото лба дрожащую ладонь, и на месте ее полусигилы стала видна обожженная рана.

— Наша мать — дура, — заявил Дека. Его голос был холоден и порождал эхо. — Я люблю тебя, и она думает, будто с моей стороны тебе ничто не грозит. Но лучше я сам тебя убью, чем стану

наблюдать, как ты превращаешься в очередное чудовище, которых регулярно производит эта семья…

Он вытянул правую руку. Она была прямой, как палка, лишь кисть висела свободно и пальцы ласкали воздух, точно кожу возлюбленного. Я вспомнил, что за пометки он носил на этой руке, и поверил, что он действительно собрался расправиться с Шахар.

— Дека… — Она затрясла головой, силясь проморгаться от крови. Вид у нее был как у жертвы несчастного случая, хотя этот случай только собирался произойти. — Я не… Сиэй… Все ли с ним хо… Я не вижу…

Я коснулся другой руки Деки. Его мышцы были напряжены, напоминая узловатые тросы. Даже сквозь рубашку его сила защипала мне пальцы.

— Дека, — взмолился я. — Не надо!

— Ты сделал бы то же самое, если бы мог! — отрезал он.

Я задумался. Он так хорошо меня знал…

— Верно, — согласился я. — Но если ты это сделаешь, так будет неправильно.

Такие слова заставили его резко повернуть ко мне голову.

— Что-что?..

Я вздохнул и встал прямо перед ним, хотя клубившаяся вокруг него сила угрожающе ткнулась мне в грудь. Писцы все же не боги. Правда, Дека не был обычным писцом. И я поступил с ним как с собратом-богорожденным: взял вытянутую руку и бережно, но решительно опустил, заставив ее выпрямиться вдоль тела. Жесты — тоже форма общения, и мой жест сказал: «Послушай меня». Его сила отступила поразмыслить о моем предложении, и я увидел, как у Деки округлились глаза: до него дошло, что именно я только что сделал.

— Она твоя сестра. Ты силен, Дека. Ты очень силен, и они, дураки, умудрились забыть, что ты — тоже Арамери. Убийство у тебя в крови. Но я тебя знаю, и я говорю: если ты ее убьешь, это уничтожит тебя. И я не могу этого допустить.

Он смотрел на меня и дрожал, раздираемый противоречивыми позывами. Я в жизни не видал такой смертоносной ярости, смешанной с любовью и грустью. Нечто подобное, должно быть, испытывал Итемпас, когда убивал Энефу. Некое сумасшествие, излечить которое могут лишь время и размышления… Правда, исцеление обычно наступает поздно.

Все же он послушал меня, и его магия рассеялась.

Я повернулся к Шахар, наконец-то протеревшей глаза. Судя по выражению ее лица, до нее только-только начало доходить, насколько близко пронеслась смерть.

— Мы уходим, — сказал я. — Я ухожу в любом случае. И буду просить Деку уйти вместе со мной. Если ты решила считать нас врагами, мы не можем здесь оставаться. Если у тебя есть мудрость, ты оставишь нас в покое. — Я вздохнул. — Сегодня с мудростью у тебя было не очень, но я надеюсь, что это было единовременное помрачение ума. Я знаю, рано или поздно ты придешь в чувство. Мне просто как-то неохота дожидаться, пока это произойдет.

Потом я взял Деку за руку и посмотрел на него. У него на лице была безнадежная тоска: он понимал, что я прав. Однако я не собирался давить на него. Как-никак он потратил десять лет на то, чтобы вернуться к сестре, а она все разрушила за десять минут. Смертному непросто выдержать подобное. И богу, кстати, тоже.

Ладонь Деки стиснула мою, он кивнул. Мы повернулись к выходу из чертога. Шахар позади нас встала.

— Погодите… — начала она, но мы не стали слушать ее.

Я открыл дверь.

И сразу все изменилось.

Я услышал множество голосов — сердитых и возбужденных. В дальнем конце главного коридора промелькнули солдаты. Прямо перед нами стояла Морад с пунцовым от гнева лицом. Она кричала на стражников, скрестивших перед ней пики: те не пропускали ее в тронный зал. Когда дверь открылась, стражники невольно обернулись, и Морад тут же перехватила одну из пик, едва не вырвав ее у стража из рук. Тот выругался и крепче стиснул оружие.

— Где Шахар? — требовательно вопросила управляющая. — Я должна ее видеть!

Шахар уже стояла позади нас. Морад была так взволнована, что даже не моргнула при виде залитого кровью лица престолонаследницы.

— Что случилось, Морад? — спокойно осведомилась Шахар, но я чувствовал, что внешнее спокойствие давалось ей нелегко.

— Маскеры напали на Тень, — сказала Морад.

Мы ошеломленно замерли и смолкли. Из-за угла выскочила группа солдат. Они бежали в нашу сторону, а следом с видом полководца, готовящегося к войне, шагал Гнев. Повсюду слышался глухой гул: это ожила защитная магия,

которой Декины писцы щедро оснастили дворец. Запечатывались ворота, воздвигались незримые стены для отражения чужеродной магии, и шут его знает что еще.

— Сколько их? — спросила Шахар. Коротко и очень по-деловому.

Я буду помнить это мгновение даже тогда, когда минует наихудшее. Наигранное спокойствие на лице Морад, искреннюю боль в ее голосе и свою жалость. Служанка и королева были так же обречены, как смертная и богиня. Иногда просто нельзя ничем помочь.

— Все, сколько есть, — ответила Морад.

20

Пепел, пепел, ВСЕ ПРОПАЛО!

Тишина, вот что пугало больше всего.

Непросто рассматривать толпы на городских улицах, используя сферу видения. Эти сферы делаются для отображения поднесенных к ним лиц, а не просторов до горизонта. А то, что показывал нам находившийся в Тени подручный Гнева, медленно поворачивая сферу по кругу, было поистине необъятно.

Десятки людей в масках.

Многие сотни…

Они заполняли все улицы. На Гульбище, где в обычные дни паломники спорили из-за места с уличными фиглярами и художниками, сейчас виднелись одни маскеры. И вдоль проспекта Благородных, до самых ступеней Зала, теснились они же. И в Привратном парке, среди цветов и деревьев.

И в переулочках Южного Корня, чьи сточные канавы заляпали их башмаки.

Большинство людей без масок удирали кто куда, пытаясь увезти какое-никакое имущество

кто на лошади, кто в ручной тележке, кто на собственном горбу. Здешние горожане были накоротке с магией. Вот уже несколько десятилетий они соседствовали с боженятами, а еще раньше столетиями жили в тени Неба. И, когда запахло жареным, они очень хорошо это поняли. И приняли единственно верное решение: бежать!

Маскеры не трогали тех, у кого масок не было. Те из них, кто перемещался, делали это согласованно и молча. Большинство уже остановилось, достигнув центра Тени и замерев в полной неподвижности. Мужчины, женщины, немногочисленные (хвала мне!) дети, сколько-то стариков. Двух одинаковых масок я там не увидел. Одни были белые, другие черные. Третьи напоминали мрамор с прожилками, вроде бело-серо-черной субстанции Эхо. Иные сочетали алый цвет с кобальтово-синим и тускло-серым. Какие-то выглядели раскрашенным фарфором, другие — вылепленными из глины с соломой. Многие были выдержаны в стиле Дальнего Севера, но немалая их часть отражала архетипы и понятия о красоте иных стран. В общем, разнообразие поражало.

И все они были обращены вверх — к Небу.

А мы, то есть Шахар, Декарта, я и еще некоторое

количеств высокородных и слуг, стояли в чертоге, который, если только Арамери не отступят от привычек давать имена, в будущем, несомненно, назовут Мраморным залом. По причинам, досконально известным лишь Йейнэ, белые и серые разводы на его стенах перемежались темно-ржавыми полосами, смахивавшими на потеки крови. Полагаю, это должно было что-то символизировать. Отражать своеобразное чувство юмора, присущее Йейнэ. Тут крылась какая-то шутка, но я, будучи смертным, уже не мог ее постичь.

Гнева с нами не было, но присутствовали его солдаты, сторожившие двери и балкон. Это Гнев предложил собрать высокорожденных вместе, чтобы их проще было охранять. Пока мы ждали, когда он сообщит нам, скоро ли можно будет отсюда уйти — полагаю, очень не скоро, — кто-то из слуг принес большую сферу видения, привезенную писцами, и водрузил ее на единственный в зале длинный стол.

Сквозь нее-то мы и созерцали жутко молчаливые улицы Тени.

— Они чего-то ждут? — спросила женщина с сигилой полукровки. Она стояла подле Рамины, глядя на образы, проплывавшие внутри сферы. Он приобнял ее, желая утешить.

— Сигнала, наверное, — ответил он.

В кои-то веки на его лице не было улыбки. Время тянулось медленно, минута шла за минутой, но маскеры не шевелились. Человек, державший сферу, стоял наверху ступеней Зала. Временами в поле зрения попадали воины Арамери, закованные в белые доспехи «Ста тысяч легионов». Они спешно возводили заграждения, готовясь обороняться. Сфера не задерживалась на них подолгу, но и то малое, что мы видели, навевало отчаяние. Основная часть армии Арамери квартировала за городом, в обширных постоянных казармах. Верховой добирался туда за полдня. Все ведь считали, что нападение, когда оно начнется, произойдет извне. Без сомнения, войско было уже поднято по тревоге и находилось в пути, с максимальной скоростью стремясь в город: пешком, верхом, при посредстве магических ворот. Однако те из нас, кто видел маскеров в действии, знали: чтобы остановить их, одними солдатами не обойдешься.

Я повернулся к Шахар, стоявшей на ярусном возвышений возле стены. Она крепко обхватила себя руками, как будто спасаясь от холода, и с таким безразличием на лице, что вряд ли оно было наигранным. Все ее родственники разбились на

группки по двое-трое и, как могли, успокаивали друг друга. И лишь она стояла одна.

Я немного поразмыслил, потом оставил Деку и подошел к ней. При моем приближении она резко повернула ко мне голову. Нет, это не была беспомощность от пережитого потрясения. Неуловимое изменение позы превратило растерянную девушку в хладнокровную королеву, способную поработить родного брата. Однако я уловил и некую опаску, ведь ту схватку она проиграла.

Дека смотрел, как я подходил к ней, но к нам не присоединился.

— Может, тебе связаться с Ремат? — ровным голосом спросил я.

Она чуть успокоилась, распознав невысказанное предложение перемирия.

— Я пыталась. Мать не ответила. — Она отвела взгляд и принялась смотреть, как за просвечивающими стенами клонится к западу солнце. К западу. Туда, где осталось Небо. — Да, собственно, и зачем? Войско на месте и под ее командованием, как тому и следует быть, а кроме солдат там писцы, отряд тайных убийц и домашние войска вельмож. А здесь у нас только самое необходимое, да и людей — раз-два и обчелся. Мы никакой

серьезной помощи не можем им предложить.

— Помощь не обязательно должна иметь вещественное выражение, Шахар, — сказал я.

Я до сих пор каждый раз удивляюсь, вспоминая, что Ремат и Шахар любили друг друга. Трудно привыкнуть к тому, что Арамери вели себя как обычные люди.

Она вновь посмотрела на меня, но уже с меньшей напряженностью во взгляде. Она что-то взвешивала про себя.

И тут Рамина воскликнул:

— Что-то происходит!

Мы сразу напряглись.

Воздух задрожал — и не в сфере, а в зале, в нескольких футах над созерцаемой нами картиной и чуть в стороне от нее. Солдаты потянулись к оружию. Высокородные дружно ахнули, кто-то вскрикнул. Дека и другие писцы изготовились ворожить, некоторые достали недорисованные заготовки сигил.

Потом изображение прояснилось, и мы увидели Ремат. Угол зрения был довольно странным: наверное, это работала сфера видения, вделанная в ее каменный трон. Мы смотрели как будто из-за плеча сидевшей Ремат.

А перед ней в приемном зале Неба стояла Узейн

Дарр.

Шахар затаила дыхание и сбежала по ступеням возвышения, словно стремясь войти в изображение и помочь матери.

Солдаты в зале для приемов стояли с оружием наголо. Мечи, пики и арбалеты смотрели на Узейн, но никто не нападал. Очевидно, Ремат им запретила. Только две ее охранницы-дарре заняли позицию между ней и Узейн: они сидели на корточках, держа руки на ножах. Узейн не обращала внимания на стражу, бесстрашно и гордо стоя посреди зала. Она пришла без оружия, хотя и при полном доспехе воительниц Дарра: кожаный пояс, тяжелый меховой плащ — отличительный знак полководца и пластинчатая броня из чешуешпата, легкого и прочного материала, изобретенного дарре несколько десятилетий назад. Избавившись от беременности, она смотрелась выше.

— Насколько понимаю, это тебя нам следует благодарить за костюмированную постановку внизу, — сказала Ремат. Говорила она, слегка растягивая слова, как будто ей было смешно.

Узейн слегка наклонила голову. Я думал, что она ответит на даррском, ведь я помнил, насколько не в чести там теперь чужие языки, но она

звонко и чисто произнесла на сенмитском:

— Мы, северяне, предпочитаем вести битвы иначе. Использовать магию, даже нашу магию, — это отдает трусостью. — Она пожала плечами. — Это вы, Арамери, деретесь без чести.

— Верно, — согласилась Ремат. — Итак, полагаю, у вас есть требования?

— Наши требования очень просты, Арамери.

Употребление одного лишь родового имени было, по даррским понятиям, знаком уважения, так они обращались лишь к самым грозным врагам. Амнийцы, напротив, принимали это за крайнюю непочтительность.

— Я и мои союзники, — продолжила Узейн, — которые тоже стояли бы здесь, не потребуйся совокупная сила всех наших чародеев и мастеров туска лишь для того, чтобы пронести сквозь ваши заслоны одного-единственного человека, — так вот, мы требуем, чтобы ваша семья отказалась от мировой власти и всех ее атрибутов. Ваша сокровищница должна быть поделена: половина отойдет Благородному Собранию для равного распределения между всеми народами. Тридцать процентов пойдут ордену Итемпаса и другим укоренившимся верам, занятым служением обществу. Себе можете оставить двадцать

процентов. Вы утрачиваете право обращаться к Благородному Собранию. Оно решит, сохранит ли Небо-в-Тени свое представительство. Вы должны распустить свое войско и разослать его полководцев по разным странам, уволить писцов, шпионов, убийц и прочих приспешников. — Узейн мельком глянула на даррских охранниц, ее взгляд был полон презрения. Сфера не позволяла увидеть, как приняли его женщины. Тем временем прозвучало новое требование: — Своего сына ты отошлешь обратно в «Литарию», тебе он все равно не нужен. — У Деки, стоявшего неподалеку, перекатились на скулах желваки. — А дочь отправишь на десять лет в какое-нибудь иное королевство, чтобы постигла обычаи другого народа, а не только амнийцев, этих высокомерных убийц. Выбор королевства останется за тобой. — Узейн тонко улыбнулась. — Впрочем, Дарр готов по-доброму встретить ее и оказать все уважение, какое она сумеет заслужить.

— Лучше я отправлюсь в преисподнюю, чем к этим варварам! — отрезала Шахар. — Они там еще с деревьев не слезли!

Высокородные согласно отозвались сердитым бормотанием.

Но Узейн еще не завершила речь.

— Если совсем кратко, — сказала она, — мы требуем, чтобы Арамери стали обыкновенной семьей, а миру предоставили самоуправление. — Она помолчала, озираясь. — Ах да! Еще вы должны покинуть этот дворец. Присутствие Неба оскверняет Древо, созданное Йейнэ. И, откровенно говоря, всем до смерти надоело смотреть на вас снизу вверх. Отныне вы станете жить на земле, как и подобает смертным.

Даррская предводительница смолкла. Ремат выждала еще некоторое время.

— Это все? — осведомилась она.

— Пока — да.

— Могу я спросить?

Узейн приподняла бровь:

— Можешь.

— Это вы в ответе за убийство членов моей семьи? — Ремат говорила вроде бы легко и спокойно, но скрытую угрозу не распознал бы только полный глупец. — В смысле, вы с единомышленниками.

Уверенность Узейн впервые поколебалась.

— Это не было наших рук делом. Воевать руками убийц у нас не в обычае.

А вот у амнийцев — очень даже в обычае. Но говорить об этом она не стала.

— Так чьих же?

— Это сделал Каль. — Узейн улыбнулась, но очень невесело. — Каль-мститель, как мы его называем. Он богорожденный, и он во многом помогал мне, моим предкам и их союзникам. Но с тех пор мы убедились, что он лишь использовал нас, преследуя какие-то свои цели. Мы порвали с ним, но, боюсь, вред уже причинен… — Она помолчала, стиснув зубы. — Он убил моего мужа и множество членов Совета воинов. Пусть это послужит тебе утешением.

Ремат покачала головой:

— Убийство никогда радости не вызывает.

— Это верно. — Узейн долго смотрела на Ремат, после чего поклонилась ей. Не самым глубоким поклоном, но в нем явно чувствовалось уважение. И даже нечто вроде невысказанного извинения. — Народы Севера объявили Каля врагом. Вот только нашей с тобой вражды это не отменяет.

— Естественно. — Ремат помедлила, потом наклонила голову, что по амнийским меркам означало величайшее уважение, ибо правитель амнийцев никому не обязан кланяться. По даррским понятиям, не исключено, это было оскорбление. — Благодарю за откровенность. А

в остальном, что касается требований к моей семье, ответ — нет.

Узейн вскинула брови:

— И это все, что ты скажешь? Просто «нет»?

— А ты ждала чего-то другого?

Я не мог хорошо видеть лицо Ремат, но догадывался, что она улыбалась.

Узейн ответила тем же:

— Если честно, не ждала. Но позволь предупредить тебя, Арамери: я говорю от лица народов этого мира. Да, не все они готовы со мной согласиться, ведь твоя семья правила ими так долго. Вы сделали все, чтобы сокрушить дух человечества. Ради них мы с союзниками сейчас и ведем войну. Мы хотим воскресить этот дух. И предупреждаю: мы будем безжалостны.

— Вы уверены, что хотите именно этого? — Ремат откинулась на спинку трона и скрестила ноги. — Человечество наделено достаточно вздорным духом, Узейн-энну. Люди себялюбивы и склонны к насилию. Если не будет сильной руки, этот мир не узнает покоя еще много-много столетий. А может быть, вообще никогда.

Узейн медленно кивнула:

— Покой не имеет смысла, когда нет свободы.

— Сомневаюсь, что с этим согласились бы дети,

умиравшие от голода до эры Светозарного, — возразила Ремат.

Узейн вновь улыбнулась:

— А я сомневаюсь, что еретики и целые народы, уничтоженные твоим семейством, считали эру Светозарного такой уж благополучной и мирной. — Ее рука дернулась в коротком жесте отрицания. — Довольно! Ответ ты дала и в скором времени получишь мой.

Она подняла перед собой небольшой камешек, отмеченный узнаваемым знаком — сигилой врат. Узейн прикрыла глаза и через миг исчезла.

Нижнее изображение — молчаливые люди в масках на улицах Тени — внезапно дернулось, приковав к себе наше внимание. Картинка смазалась, потом вновь стала четкой: державший сферу солдат поставил ее. Тогда мы увидели его: это был молодой мужчина в тяжелых доспехах, помеченных семью сигилами: на руках, на ногах, на шлеме, на груди и на спине. Самая простая защитная магия. Он держал пику на изготовку, как, впрочем, и все, кого мы могли видеть. Доспехи у всех воинов были белые. Стало быть, Ремат еще не успела переоснастить войско в соответствии с предпочтениями вновь принятого божественного покровителя.

Еще мы увидели, что маскеры начали движение. Молча и медленно они пошли навстречу солдатам. Оставалось предположить, что такое же происходит сейчас за пределами этой точки наблюдения, по всей Тени. И повсюду маскеры в масках всех цветов, форм и размеров словно не замечали солдат. Они неотрывно смотрели на Небо.

— Как она ими командует?.. — пробормотал Дека. Он хмурил брови, вглядываясь в глубину сферы. — Нам так и не удалось понять.

Его размышления прервал шум, донесшийся из обоих изображений. Кто-то невидимый отдал приказ солдатам, и начался бой: к рядам людей в масках понеслись рои арбалетных болтов. Но маскеры, даже буквально утыканные стрелами, продолжали движение. Некоторые, у кого маски оказались разбиты, все-таки падали. Но таких было мало. Слишком мало…

На верхней картинке Ремат резким голосом отдавала приказы воинам в тронном зале. Они задвигались, забегали, воцарилась своего рода неразбериха, Ремат же поднялась с трона и повернулась к нему лицом. Наклонилась и коснулась чего-то, невидимого для нас.

— Шахар!

Шахар вздрогнула и выступила вперед.

— Матушка? Тебе, конечно же, следует отправиться сюда. Мы готовы принять…

— Нет. — Негромкий ответ заставил Шахар умолкнуть на полуслове, однако Ремат улыбнулась. Такой спокойной я ее, пожалуй, ни разу не видел. — Я видела вещие сны, — по-прежнему тихо продолжила она. — Они не впервые посещают меня, не знаю уж почему, и еще никогда не обманывали. Я видела этот день…

Я растерянно нахмурился. Вещие сны? Да разве такое смертным доступно? Хотя о чем это я, ведь Ремат — внучка богорожденного…

Ее лицо теперь занимало все верхнее изображение, а на нижнем маскеры уже бежали на стражу. Поле зрения сферы не могло объять все поле сражения, выхватывая лишь малые части. Временами вообще не было видно ничего связного, лишь мелькали смазанные лица кричащих людей и нечеловеческие, застывшие физиономии маскеров, но мы их едва замечали. Шахар неотрывно смотрела на мать, и ее черты искажало такое страдание, словно в комнате больше нет никого и ничего и переживать, кроме как о ее судьбе, наследнице было не из-за чего. Я положил руку ей на плечо — мне показалось, сейчас она

полезет на стол, чтобы дотянуться до матери. Ладонь ощутила отчаянное напряжение и едва сдерживаемую дрожь…

— Мама, тебе необходимо перебраться сюда! — с трудом выговорила она. — Что бы там ни привиделось тебе во сне…

— Я видела падение Неба, — сказала Ремат, и я почувствовал, как Шахар вздрогнула. — И свою гибель.

Из другой картинки — той, что внутри большой сферы, — послышались вопли. Затем гулкий удар, показавшийся мне похожим на взрыв. Передающую сферу сбросило, и она покатилась к ступеням Зала. Раздался треск: сфера разбилась, картинка пропала. Второе изображение, из которого смотрела Ремат, дрогнуло мгновением позже. Ремат оглянулась: в тронном зале позади нее раздались встревоженные крики. Взрыв ощутили и там.

— Зачем же ты попросила Йейнэ создать Эхо, если не хочешь перейти сюда? — спросила Шахар. Она пыталась говорить здраво, но непроизвольно покачивала головой, безмолвно отрицая происходившее. — Зачем ты это делаешь, мама?..

— Мне снилось не только Небо. — Ремат неожиданно отвела взгляд от Шахар и посмотрела на

нас с Декой. — Я видела гибель всего сущего, господь Сиэй. Небо — лишь первая ласточка. И только вы можете это остановить. Вы с Шахар и ты, сын мой. Вы трое — ключ ко всему. Я построила Эхо для того, чтобы вы уцелели.

— Мама, — напряженно выговорил Дека. — Это же…

Она покачала головой:

— Нет времени…

Прервавшись, она обернулась к солдату — тот подошел и что-то сказал ей вполголоса. Выслушав, она кивнула. Солдат убежал, а Ремат вновь обратилась к нам, улыбаясь:

— Они лезут по Древу.

Кто-то в Мраморном зале закричал. Осунувшийся Рамина выступил вперед:

— Ремат, разрази тебя боги, какой смысл оставаться, если…

Ремат вздохнула, на миг став похожей на себя прежнюю:

— Я же сказала: я видела, как все должно произойти. Если я умру вместе с Небом, останется надежда. Моя смерть станет повитухой великих преобразований. Она распахнет путь будущему. Если же я спасусь бегством, кончится все! Рухнет весь мир! Так что решиться было очень просто,

Рамина… — Ее голос смягчился. — Но… Ты скажешь ей, хорошо?

Он стиснул зубы, а я стал гадать кому и о чем. Потом вспомнил: Морад. Ее в зале не было — наверное, помогала Гневу готовиться к возможному нападению. А я и не думал, что Рамина о них знал. Впрочем, он был единственным, кому Ремат могла доверить свою тайну. Без сомнения, и Морад знала, что настоящим отцом детей Ремат был Рамина. Любовь и тайны накрепко связали этих троих.

— Скажу, — пообещал Рамина, и Ремат благодарно кивнула.

— И я скажу, — встрял я.

Она вздрогнула. Потом на ее лице медленно проявилась улыбка.

— Господь Сиэй, неужели я начала тебе нравиться?

— Нет, — сказал я, скрещивая руки на груди. Мне нравилась не она, а Морад. — Я просто не такой уж безнадежный мерзавец.

Она кивнула:

— Ты любишь моего сына.

Настал мой черед вздрогнуть. Самообладания еле хватило, чтобы не покоситься на Деку. Боги благие, что творит эта женщина? Если хоть кто-

нибудь из нас переживет этот день, эта семейка точно придумает, как использовать против Деки нашу с ним связь. А может, она просто считала, что он справится?

— Да, — признал я.

— Ну и хорошо. — Она взглянула на Деку и сразу отвела взгляд, словно ей тяжело было его видеть. Краем глаза я заметил, как сжались его кулаки. — Я могла защитить только одного из своих детей, господь Сиэй. Пришлось сделать выбор. Понимаешь? Но я… Я сделала, что могла. Быть может, когда-нибудь ты…

Ее голос прервался, и она еще раз быстро взглянула на сына. Я отвернулся, не желая видеть, что между ними происходило, и увидел, как отворачиваются другие присутствующие в зале. Не годится смотреть на то, что предназначено лишь для двоих. Да, подумалось мне, Арамери и вправду переменились с прежних времен. Зрелище страданий им больше не нравится.

Но потом Ремат вздохнула и снова повернулась ко мне. Она ничего не сказала, но я понял: она знала. Я коротко кивнул: да. Я и Шахар тоже люблю. Правда, не очень понятно, надо ли мне это?

Кажется, Ремат удовлетворил мой молчаливый ответ. Она тоже кивнула, и тут Небо вновь

содрогнулось, а картинка перед нами замерцала. Дека что-то пробормотал на божественном языке, заставив изображение выправиться, но я-то видел, что передача начала сбиваться. По краям уже пропадала четкость, исчезали яркие краски.

— Довольно. — Ремат потерла глаза, и я ощутил неожиданный укол сострадания. Когда она вновь подняла голову, на ее лице была прежняя сухая деловитость. — Семья и весь мир теперь в твоих руках, Шахар. Не сомневаюсь, ты хорошо справишься с обоими.

Картинка пропала. Сделалось очень тихо.

— Нет, — прошептала Шахар. Она так вцепилась в спинку кресла, что побелели костяшки. — Нет…

Дека, наконец-то смягчившись, подошел к ней:

— Шахар…

Она стремительно обернулась к нему. Взгляд у нее был такой дикий, что я поначалу решил: свихнулась!

Но она схватила за руку сперва Деку, потом меня, и магия пронзила меня, словно огненный протуберанец готовой родиться звезды. И второй мыслью, посетившей меня, было:

«…Срань демонская, только не это опять!..»

И мы стали Нами.

Став единым целом, Мы простерли Свою руку, незримую и всесильную, и взяли в ладонь крохотную одинокую пылинку под названием Эхо. А потом, действуя заодно, мы устремили эту пылинку на запад, так быстро метнув ее на другой конец мира, что всем находившимся внутри полагалось бы погибнуть. Но у одного из Нас (у Деки) хватило ума сообразить, что такая скорость непереносима для смертных, и Мы обуздали вокруг пылинки течение стремительных сил, дабы ничто живое не пострадало. Другая же часть Нас (это я) была достаточно умудрена в делах магии, и я заговорил с взнузданными силами, успокаивая их возмущение, чтобы они, оскорбившись, не разнесли все кругом. И при этом Нас вела воля — Шахар, моя несравненная Шахар! Она прокладывала Нам путь, устремляясь к одной-единственной цели.

Мама…

Мы разделяли эту мысль. Даже я, а ведь я терпеть не мог Ремат. Даже Дека, чьи чувства к родительнице сплетались в противоречивый клубок, описать который не было средств ни в одном языке смертных. (Подходящее слово имелось в божественном языке — «вихрь».) И для каждого из Нас слово «мама» подразумевало что-то свое. Для меня — мягкая грудь, прохладные пальцы и

голос двуликого божества — Наха-Йейнэ, — шепчущий ласковые слова любви. Для Шахар — страх пополам с надеждой, мгновенное тепло одобрения в ледяных глазах и единственное объятие, эхо которого будет звенеть у нее в душе до конца дней. Для Деки… Ах, мой Дека! Для него «мама» означало «Шахар». Свирепую маленькую защитницу, готовую заслонить братика от всего мира. А еще — богорожденного мальчика с усталыми глазами древнего старца, который тем не менее по-доброму улыбался ему, гладил по голове и помогал быть сильным.

Вот что вело Нас и помогало не разъединять рук.

Когда Мы приблизились к Небу-в-Тени, дворец замедлил движение. Мы видели все и повсюду в тех пределах, что Нас занимали. На земле вне пределов города стояло небольшое войско, составленное из разноплеменных северян. Среди них была и Узейн Дарр. Сидя на быстроногой низкорослой лошадке, она смотрела на город сквозь сложное устройство из линз, делавшее далекое близким. Мы описали спираль, сходную с раковиной моллюска-кораблика, и увидели, как разбегаются вменяемые жители города: все крупные улицы были безнадежно запружены. Потом

нам попался мертвый человек в маске. Рядом с ним, припав на корточки, плакала женщина — его мать. Еще ближе к центру. На улицах хлопотали богорожденные: они спасали своих верных, помогали всем, кто просил помощи. Они делали все, что могли, но этого было недостаточно. Почему-то нам всегда лучше удавалось разрушать, а не защищать. Вновь к центру! Теперь нам попадались носители масок — в основном те, чьи тела плохо служили им из-за старости или болезни. Отстав от своих более ловких товарищей, они все-таки продолжали хромать в сторону Древа. Вперед, вперед! Мертвые солдаты в помеченной сигилами белой броне «Ста тысяч легионов». Их тела усеивали ступени Зала, валялись выпотрошенными на Гульбище, свисали из окон ближних зданий. У одного отсутствовала голова, но руки продолжали сжимать арбалет…

Вперед!

И вот наконец оно — Мировое Древо.

Его ствол накрыла ползучая армия крохотных созданий, некогда бывших мыслящими людьми. Маскеры карабкались вверх, демонстрируя проворство и силу, невозможные для человеческой плоти. И для некоторых путь наверх действительно оказывался гибельным. Мы видели, как

они падали: магия дотла выжигала все, на что были способны их тела. Однако большинство продолжало ползти вверх, надежно цепляясь за складки и трещины грубой и толстой коры. По прямой вверх до Неба было всего-то полмили. И некоторые носители масок уже достигли середины пути.

Шахар увидела это и закричала: «УМРИТЕ!» — и Мы закричали вместе с ней. Мы простерли Свою всесильную руку к Древу и принялись смахивать ползущих десятками, сотнями… Они, по сути, были уже мертвы, и поэтому иные из них вставали и возобновляли подъем. Мы крушили и давили их. А потом Мы снова развернулись вовне и сметающей волной ярости понеслись к Узейн и ее воинству. Мы жаждали ощутить вкус их страха.

И они действительно испугались. Приблизившись, Мы явственно поняли это. Но боялись они не Нас.

Тогда Мы оглянулись и увидели то же, что и они. В воздухе над городом стоял Каль. Стоял и смотрел на дело своих рук. И вид у него был не слишком довольный.

Мы были куда сильнее его. Мы в свирепом восторге занесли руку для разящего удара…

«…мой сын…»

…и остановились, впервые утратив решимость. Из-за меня.

У Нас не было плотского облика, и Каль Нас не видел. Он смотрел на то, что разворачивалось внизу, и его губы были сжаты в черту. В одной руке он держал странную маску. Теперь она была завершена… но не вполне. Каль мог держать ее, не испытывая видимого неудобства, но в маске не чувствовалось могущества. Она не обладала способностью сделать из него нового бога.

Потом он поднял руку… И это моя вина, не Наша, а только моя, потому что я — бог и должен был сообразить, что у него на уме. Но я не сообразил, и утраченные жизни до конца времен будут преследовать мою бессмертную душу.

Он выметнул силу, сходную с упругим тысячехвостым кнутом. Эти хвосты устремились вперед, пронзая камень и здания, и каждый своим крючочком зацепил цель: едва заметное углубление на каждой маске, такое крохотное, что его и ощутить-то было нельзя. (Время больше ничего не могло от Нас скрыть, и Мы увидели, как Каль совершал воистину божественный труд, нашептывая во сне спящим мастерам туска, вдохновляя их, направляя их искусство. Мы увидели, как озирался Нсана Поводырь, ощутивший вторжение

в свое царство. Но Каль был слишком хитер, и обнаружить его Нсана так и не смог.)

Мы увидели, как все маски вдруг замерцали бело-голубым светом…

…а потом взорвались.

Их было слишком много. И находились они слишком близко к основанию Древа, куда мы сметали ползущих. Поняв, что сейчас будет, мы закричали и рванулись обратно…

Но даже боги не всемогущи.

У корней Мирового Древа вздулось клубящееся пламя. Затем с громовым эхом пронеслась ударная волна. (Эхо. Эхо…) И наконец послышался медленно нарастающий невероятный стон Древа. Он усиливался так медленно, что еще несколько секунд Мы позволили себе не верить в необратимость случившегося. Но потом ствол Древа лопнул, метнув в разные стороны гигантские щепки. Рушились здания, улицы выворачивало наизнанку. Крики гибнущих смертных смешивались с горестным стенанием Древа, пока оно наконец не начало крениться, а потом и валиться с чудовищной, невероятной медлительностью. Оно падало прочь от Тени, и Мы сочли это благословением.

И вот его крона, обширная, точно горный хре-

бет, грянулась оземь.

Невероятный удар породил волну сотрясений, изменивших лицо земли во всех направлениях, докуда хватал человеческий глаз.

Мы видели, как Небо разлетелось на сто тысяч обломков.

А он стоял высоко над Нами, и его лицо было маской неистового торжества, не в пример маске в его руках: Каль. Он воздел маску над головой, закрыл глаза. Теперь она сияла и переливалась, менялась, дрожала — напоенная в конечном итоге не менее чем миллионом человеческих жизней, только что напитавших ее. Ее форма и орнаменты вспыхивали, переплавляясь, образуя черты совершенно нового архетипа, означавшего неумолимость, бездонное знание, величие и средоточие всяческой власти. Как у Нахадота, Итемпаса и Йейнэ — если бы кто-то смыл их личностные черты и оставил только голую суть. А суть эта была Бог — в предельном выражении формы и содержания.

Мы ощутили, как маска испустила зов. И прежде чем Каль исчез, на этот зов что-то ответило.

В тот момент Мы разъединились. Горе Шахар, боль Деки, мой ужас — разные проявления одного, в сущности, чувства, но у каждого из нас они

достигали такой мощи, что единство целого оказалось нарушено. Но не до конца; Мы (я) успели запоздало припомнить, что находимся в летающем дворце, который изначально задумывался как плавающий и уж точно не продержится долго как падающий. Поэтому Мы (я) огляделись и приметили поблизости озеро Светлокно — скучную, но вполне подходящую лужицу посреди еще более скучных сельских угодий. В нее-то Мы со всей мыслимой осторожностью и опустили хрупкую раковину Эха. То-то, верно, порадуется Узейн: Светлокно было мало и непритязательно по сравнению с безбрежным океанским простором. Теперь дворец будет отделять от берега всего-то несчастная миля воды; при желании вплавь можно добраться. Вот, стало быть, чем кончился замысел Ремат по уединению Арамери. Те из них, что уцелели, станут теперь куда доступнее прежнего — и намного ближе к земле.

А потом Мы прекратили существовать. Остались только Дека, Шахар и я. Мы смотрели друг на друга, и могущество постепенно покидало нас. Потом мы одновременно рухнули, и благословенное ничто приняло нас.

21

Мир изменился. Все изменилось.

Дека и Шахар очнулись на следующий день. Я же по причинам, о которых остается лишь догадываться, проспал целую неделю. Меня водворили в Декины покои и заново познакомили со старой подружкой — трубочкой для кормления. Как и следовало ожидать, я опять состарился. Не очень сильно на этот раз, всего лет на десять. Теперь мне было лет шестьдесят с небольшим. Точнее угадывать не имело смысла. В этом возрасте несколько лет туда-сюда большой разницы не составляют.

За ту неделю, что я провалялся во сне, война кончилась. На следующий день после падения Неба Узейн прислала сообщение в Эхо. Речь шла не о сдаче; просто в свете происшедшей трагедии они с союзниками желали предложить перемирие. Между строк легко читалось: она и ее единомышленники стремились уничтожить Арамери и их солдат, а может, и кого-то еще, когда человечество возобновит бесконечные междоусобные войны. Однако никто, даже закаленные воительницы Дарра, не оказался готов

к зрелищу обрушенного Древа, вдребезги разнесенного города и той исковерканной пустыни, в которую превратился центральный Сенм. Как мне впоследствии рассказали, свирепые северянки приняли участие в спасательных работах и их помощь приняли с благодарностью, хотя именно они, пускай неумышленно, вызвали катастрофу. В те жуткие первые дни всякая помощь была кстати.

Городские богорожденные тоже неустанно трудились. Они и так многих спасли, переместив из города после первых же взрывов. А потом и еще многих, сумев уменьшить разрушения. Когда Древо падало, его корни почти вырвались из земли. Если бы пень выворотило, спасать оказалось бы уже некого — город превратился бы в огромную братскую могилу. Но их стараниями этого не произошло, а потом богорожденные трудились без устали. Они отправлялись на развалины, вынюхивая признаки угасающей жизни, укрепляли готовые рухнуть дома, обучали писцов и костоправов, передавая им магию, которая в последующие дни спасла немалое количество жизней. На помощь к городским подоспели боженята со всех концов земли и даже кое-кто из державы богов…

Невзирая на все усилия по спасению, из прежнего населения Неба-в-Тени уцелело всего несколько тысяч.

Что касается Шахар, то ее первое распоряжение в качестве нового главы семьи стало одновременно и глупым и блистательным: она велела открыть двери Эха для выживших. Гнев ложился костьми, оспаривая это решение, и в итоге добился, чтобы Шахар и порученных его заботам высокородных поместили в центральной части дворца — в Завитке и сопредельных строениях, где их могли охранять стражники Гнева и немногочисленные солдаты, прибывшие вместе с выжившими горожанами. Остальная часть Эха была отдана в распоряжение израненных и павших духом смертных, многие из которых еще были покрыты пылью и кровью. Они спали на чем придется и поглощали еду, появлявшуюся, когда ее желали. Слабое утешение в подобном горе, но, как говорится, чем богаты…

Затем Шахар срочно созвала внеочередное заседание Благородного Собрания и без обиняков попросила о помощи. Она сказала, что жители Тени смогут заново отстроить город, если им дадут время залечить раны и доставят необходимую подмогу. Но подмогу не только в виде провизии

и припасов. Им потребуется то, что Арамери предоставить не в силах, — мир. И Шахар обратилась к собравшимся вельможам с просьбой отложить разногласия, отложить претензии к Арамери и вспомнить наилучшие принципы эры Светозарного. Говорят, то была потрясающей силы речь. И наилучшее тому доказательство — к ней прислушались. В течение первой же недели начали прибывать груженые караваны, а с ними многочисленные добровольцы, вызвавшиеся помочь. Ни о каком восстании больше не было и речи. Перемирие, понятно, было временным, но и на том спасибо.

Кстати, есть причины думать, что благородными двигало не только впечатление от блестящей речи Шахар. В небе появилось кое-что новенькое. И это кое-что приближалось.

Через неделю после пробуждения и достаточно окрепнув, я ушел из Эха. Ушел пешком. Кто-то из боженят — не знаю даже, кто именно, — проложил до самого берега созданные из день-камня мостки. Они тянулись от самого входа во дворец и были достаточно широки для повозок и вьючных животных. Мостки в подметки не годились изящным Вертикальным Вратам Неба, но, по крайней мере, свою задачу выполняли.

Дека, которому требовалась передышка в его напряженных трудах, решил прогуляться со мной. Я хотел было отговорить его, но, когда повернулся к нему и открыл рот, он с таким вызовом посмотрел на меня, что рот сразу захлопнулся.

Мы целый час шли по мосту, почти не разговаривая. В отдалении виднелся в утренней дымке сгорбленный и изломанный силуэт поваленного Древа. Мы старались в ту сторону не смотреть. Ближе, по берегам озера, вокруг Эха уже потихоньку строился городок беженцев. Не все из тех, кто нашел приют во дворце, пожелали остаться в нем насовсем. Теперь они натягивали палатки и возводили из подручных материалов домишки, чтобы быть поближе к семьям и новым друзьям, с которыми познакомились в Эхе. У входа на мост появилось и некое подобие рынка. Завернув туда, мы с Декой наняли двух лошадей у каравайщика, устроившего там постоянный ларек. Нам достались два отличных животных, вполне, как выразился дружелюбный хозяин, подходящих для внука и его дедушки. Сев в седла, мы пустились в дорогу, рассчитывая вернуться в тот же день. При нас не было ни спутников, ни охраны. Мы были не настолько важными птицами. Ну и хорошо, подумал я. Мне требовалось уединение,

чтобы обо всем поразмыслить.

Дорога, по которой мы ехали, некогда представляла собой большак, соединявший город с ближними окрестностями. Теперь она была здорово исковеркана. Нам попадались то участки вздыбленной мостовой, то завалы. Приходилось спешиваться и проверять копыта лошадей — не застрял ли где камешек? В одном месте дорога оказалась просто расколота, и поперек нее тянулась самая настоящая пропасть. Оценив ее глубину, я не стал возражать против объезда. Вокруг простирались лишь перепаханные катастрофой поля, и я решил, что обходной путь не окажется долгим. Но тут Дека, что редко с ним случается, взбунтовался. Он обратился к камням и уговорил их сложиться в узковатый, но прочный мост через провал. Мы проехали по этому мосту, и я негромко посоветовал Деке реже пользоваться магией как первоочередным средством решения всех проблем. Он зыркнул на меня так, что я ссутулился. И понял, что сейчас говорил с ним именно так, как старики говорят с молодыми.

Мы неторопливо продвигались вперед и во второй половине дня добрались до городских окраин. Здесь дорога стала и вовсе никудышной,

и мы еле ползли. Мощеные улицы превратились в груды битого камня, а тротуары — в смертельные западни. Это в тех случаях, когда улицы вообще удавалось проследить. Посмотрев в сторону Южного Корня, я увидел полнейшее разрушение и испытал приступ отчаяния. Конечно, оставалась исчезающе малая вероятность, что Гимн и ее родители успели выбраться оттуда до падения Неба. Я помолюсь Йейнэ, попрошу присмотреть за ними — мертвыми или живыми…

Нам не требовалось глубоко проникать в город, так что мы сумели обойти самые скверные места, следуя по окраинам. Здесь раньше жили люди состоятельные, но не слишком: те, у кого недоставало денег отстроиться непосредственно на стволе Древа, но хватало достатка купить жилье в освещенных солнцем местах подальше от гигантских корней. Здесь имелись широкие лужайки и грунтовые дороги, вполне проходимые для лошадей. Ну а солнечный свет теперь свободно изливался повсюду.

Наконец мы приблизились к обрушенному стволу, больше похожему на очень длинную гору, тянущуюся вдаль, насколько видит глаз. Здесь нам впервые попались горожане — вся остальная территория выглядела совершенно безлюдной.

Здесь же шныряли мародеры, шарившие в руинах богатых особняков, некогда лепившихся к Древу. Они встречали нас злобными взглядами и демонстративно поигрывали длинными тесаками. Мы проявляли благоразумие и объезжали их стороной — так, чтобы все были счастливы.

Спустя время мы добрались до Неба. И к моему удивлению, обнаружили, что мы там не одни.

Запах раскуренной сигары достиг наших ноздрей еще до того, как мы узрели Ахада. Другое дело, что запах показался мне непривычным. Нюх у меня был уже не тот, что прежде, и, лишь приблизившись, я понял, что Ахад подмешал к листьям гвоздику для улучшения запаха. А потом догадался и о причине: к запаху сигары подмешивался запах цветов хираса, духов Ликуи Шот.

Они наверняка услышали топот копыт еще раньше, чем мы возникли в поле их зрения, но не двинулись с мест. Ахад развалился, как на троне, на одной из ближних, меньших куч мусора и обломков. Позади него устроилась Ликуя, и его голова покоилась у нее на груди. Она опиралась локтем на подходящий кусок битого день-камня, свободной рукой перебирая его распущенные волосы. Лицо Ахада хранило, по обыкновению, холодное выражение, но на сей раз я не купил-

ся. Уж слишком беззащитной была его поза, и слишком много доверия в том, как он позволял Ликуе поддерживать его голову. А еще от меня не укрылась настороженность в его взгляде. Кое-чего он просто не мог от меня спрятать. Поэтому, наверное, и не пытался. Но вздумай я по этому поводу язвить, как бы он меня не убил…

И я промолчал.

— Если вы явились поплясать на могиле, то опоздали, — процедил он, когда мы спешились и подошли к их насесту. — Я вас опередил.

— Ну и ладно, — сказал я, приветливо кивая Ликуе. Она молча кивнула в ответ. (В отличие от Ахада, она не скрывала, как гордится возлюбленным. И даже в том, как она гладила его волосы, сквозило некое самодовольство, мимолетно напомнившее мне Итемпаса прежних времен, когда они с Нахадотом были близки.) Я потянулся, разминая конечности после долгой езды, и невольно поморщился от боли в коленях. — У меня все равно нет желания плясать.

— Ага. К твоему сведению, выглядишь ты дерьмово, — заметил Ахад и выпустил длинную кудрявую струю дыма.

Я видел, как он раздумывал: помучить меня еще или прекратить. Он много чего мог бы этак

ненавязчиво мне наговорить. Например: «А ты, оказывается, еще худший отец, чем мне казалось». Или еще так: «Хорошо хоть не я оказался твоей первой ошибкой». Я приготовился вытерпеть что угодно, ведь сделать я все равно ничего не мог. Если верить Деке, я продолжал стариться быстрее положенного: примерно на десять дней за один. Простое осознание своего отцовства стало ядом, который должен был убить меня если не за год, то за два уж точно.

Другое дело, что ни один из нас этого не дождется.

Но к моему облегчению, Ахад так ничего и не сказал. То ли на него напал стих проявить великодушие, то ли благодаря Ликуе его нрав мало-помалу смягчился. А может, учитывая обстоятельства, он просто счел издевки бессмысленными?

— Привет, — сказал Дека.

Он пристально смотрел на Ахада, и я запоздало припомнил, что так и не собрался поведать ему о его происхождении. Попытка устроить конец света, предпринятая моим потерянным сыном, как-то отвлекла.

Ахад приподнялся, тоже разглядывая юношу. По его лицу медленно расползалась улыбка.

— Так-так-так, — выговорил он наконец. — А ты, верно, Декарта Арамери.

— Верно, — чопорно подтвердил Дека, пытаясь и не умея скрыть свое зачарованное внимание. Сходство между ними не было абсолютным, но вполне достаточным, чтобы отмести мысль о случайности. — А ты кто?

Ахад развел руками:

— Можешь называть меня дедушкой…

Дека окаменел. Ликуя раздраженно уставилась в затылок Ахаду. Я вздохнул и потер кулаками глаза.

— Дека… Я тебе потом все объясню.

— Объяснишь, — кивнул он. Сложил руки на груди и отвел взгляд от Ахада. У того вырвался вздох разочарования — не знаю уж почему. То ли его вправду задело Декино невнимание, то ли сам хотел лишний раз парнишку задеть.

Мы помолчали, как, в общем-то, и полагалось возле могилы.

Я смотрел на высоченные груды обрушенного день-камня и, сунув руки в карманы, пытался разобраться в собственных чувствах. Все годы рабства я ненавидел и презирал Небо. В его Белых Залах меня морили голодом, насиловали, бичевали, сдирали кожу с живого и делали еще

что похуже. Я был богом, низведенным до уровня их собственности, и столетие свободы отнюдь не смыло пережитые тогда унижения.

И тем не менее… Я вспомнил свой планетарий, и Эн тихонько и сочувственно запульсировала у меня на груди. Я вспомнил, как носился прихотливо изогнутыми замкнутыми пространствами Неба, как превращал их в свои владения. Здесь я встретился с Йейнэ… Я бездумно замурлыкал колыбельную, которую некогда пел ей. Да, Небо видело не только сплошной ужас страданий. Ибо жизнь никогда не сводится к чему-то одному.

Сверху донесся вздох Ахада. Небо ведь когда-то было его домом. Дека дотронулся до моей руки. Здесь прошло его детство. Сколько бы ни длился наш траур, сейчас он был общим.

А над нами, как раз между солнечным диском и бледной, только что вставшей луной, в небесах виднелась странная клякса. Со дня одержанной Калем победы она постепенно росла. Эту штуковину трудно было описать не то что на сенмитском, а даже на божественном языке. Нечто слоистое и прозрачное. Колеблющееся ничто, оставлявшее после себя пустоту. Мы не только видели, но и ощущали его — своеобразным покалыванием на коже. И даже слышали, как

слышат слова, выпеваемые за пределами слуха. Что ж, вскоре мы его услышим так ясно, как не захотелось бы ни одному разумному существу. Это будет рев, способный перевернуть мир.

К нам приближался Вихрь. Каль вызвал Его — и Он явился на зов…

По прошествии времени, когда уже село солнце и начали появляться первые звезды, Ахад вздохнул и встал, после чего помог встать Ликуе. Мгновение — и вот уже они стоят внизу. Дека вздрогнул, потом тихо ахнул — его подозрения подтвердились. Ахад подмигнул ему. Потом посерьезнел и повернулся ко мне.

— Некоторые полагают, что сумеют спастись, что бы ни произошло в державе богов, — негромко проговорил он. — Я в этом сомневаюсь, но не могу осуждать их за попытку. — Он помолчал, оглянулся на Ликую и договорил: — Я остаюсь здесь.

Вот уж чего я от него ни за что не ожидал! Ликуя была смертной и выжить в нашем царстве не могла. Посмотрев на нее, я убедился, что она понимала, насколько глубоко изменила его. Она чуть кивнула мне и гордо вздернула подбородок, откровенно намереваясь встать на его защиту. Ахад был среди нас не единственным, кто умел

одним словом причинить боль.

Однако я совершенно не собирался его доставать. Хватит уже, в свое время я достаточно этим натешился.

— Полагаю, имело бы смысл поговорить о том, как спасти это царство, а не бежать из него, — заметил Дека, и по его голосу я понял, что и в лоб могу схлопотать, когда мы останемся наедине.

Но Ахад покачал головой, делаясь непривычно серьезным:

— Спасения не будет. Даже Трое — не указ Вихрю. Самое большое, что они смогут, — постоять в сторонке, пока Он катится сквозь миры, а затем попытаться что-то восстановить из останков. Правда, нам не будет от этого ни жарко ни холодно…

Он пожал плечами и вздохнул, глядя на небеса. По ночам Вихрь был еле виден — этакое дрожащее пятнышко на звездном ковре. Вот только за Ним уже не было звезд. Лишь черная пустота.

— Мой отец полагает, что все-таки стоит попробовать отстоять этот мир, — сказала Ликуя.

Дека очень внимательно смотрел на нее. Возможно, делал все новые выводы. Да, определенно следовало рассказать ему все заранее. Дурак я, дурак.

— Йейнэ с Нахадотом думают так же, если я их хоть немного знаю, — вздохнул я. — Но будь им по силам остановить Его, они бы уже это сделали.

Я не стал добавлять, что уже молился обоим, и не однажды, во все предшествующие ночи. Ответом было молчание. Я не хотел даже думать о том, что это могло значить.

— Ну что ж, нам, пожалуй, пора. Мы лишь заглянули попрощаться со старым узилищем.

Ахадова сигара наконец-то догорела. Он бросил окурок и растер его носком башмака, бросив заодно последний взгляд на развалины Неба. День-камень продолжал светиться в ночи, испуская призрачное сияние — в противоположность зияющей рваной дыре в звездных небесах. Прямо свеча на могиле человечества, подумалось мне. Будем надеяться, что Йейнэ и Наха как-нибудь сохранят этот светоч, когда мир рухнет в небытие.

«И еще Итемпас», — добавил мой разум к первым двум именам, хотя тут я был менее уверен. Может, они и оставят его умирать вместе со всеми нами. Если они собирались так поступить, было уже пора.

— Увидимся, — сказала Ликуя.

Я кивнул, наконец-то заметив, что они держались за руки.

Потом они исчезли, оставив меня наедине с Декой.

— Объясняй! — тотчас потребовал он.

Я вздохнул и огляделся. Стояла уже глубокая ночь. Я не рассчитывал, что наша поездка настолько затянется. У нас не было с собой ни одеял, ни палатки, не говоря уже о провизии. Придется стелить попоны. То-то порадуются мои старые косточки…

— Давай для начала устроимся, — сказал я.

Дека стиснул зубы. Ему наверняка хотелось поспорить, но он все же занялся лошадьми: подвел их поближе и устроил возле груды день-камня. Какая-никакая, а все защита от ветра.

Мы уселись на то, что когда-то было основанием дома, попросту сдутого с места во время падения Древа. Сюда тоже упало несколько обломков день-камня, и мы собрали их в кучу, чтобы светили поярче. Дека произнес слово приказа, и от камней, кроме света, пошло еще и тепло. Я расстелил наши попоны по отдельности, но Дека тут же перетащил свою к моей и заключил меня в объятия.

— Дека… — начал я.

Живя во дворце, мы с ним неоднократно делили постель, но сейчас мы слишком устали, чтобы не

удовольствоваться простым сном. Вроде бы удобный предлог, чтобы отложить намечавшийся разговор, да только его невозможно было откладывать бесконечно. Поэтому я поглубже вздохнул и молитвенно воззвал к одному из своих братьев, испрашивая сил.

— Тебе не следует притворяться. Я знаю, каково приходится молодым, и…

— Я считаю, — перебил он, — что за последнее время ты натворил достаточно глупостей. Не усугубляй!

Тут я попробовал сесть, но не смог, потому что он меня не пускал, да и моя старая спина решительно возражала против таких попыток. Я слишком долго трясся в седле.

— Что?..

— Ты все такой же ребенок, — тихо проговорил он, и я перестал барахтаться. — А еще ты и кот, и взрослый мужчина, и чудовище, которое в потемках душит детей. И старик… Ну и ладно. Я уже говорил тебе, Сиэй, что никуда не уйду. А теперь ложись: я хочу кое-что попробовать.

Я послушался — не из покорности, а больше от изумления.

Он запустил руку мне под рубашку, отчего я залился краской и ахнул:

— Дека, во имя благих богов…

— Тихо ты!

Его рука замерла у меня на груди. И это была не любовная ласка, хотя мое старое тело все истолковало превратно и даже успело решить, что не такое уж оно и старое. За это я был ему благодарен: в моем возрасте начинаешь сомневаться, все ли в нем работает как положено.

Дека между тем застыл, на его лице отразилось напряженное внимание. Я видел его в подобном сосредоточении, когда он произносил слова волшебства или рисовал сигилы. На этот раз он принялся что-то шептать, а рука задвигалась в согласии со словами. Я озадаченно вслушивался, но не узнавал слов. Это не был ни язык богов, ни какой-либо еще. Я вообще не понимал, что он творил.

Зато я кое-что ощущал. Слова щекотали, расползаясь по коже. Когда я вздрогнул и захотел привстать, Дека прижал меня к земле и зажмурился, чтобы мои подергивания его не отвлекали. А я действительно подергивался, потому что ощущение было весьма необычное. По мне точно бегали муравьи, только они были плоскими и состояли не из плоти, а из какого-то шипения. Тут я заметил неяркое черное сияние декиных

письменных метин, которые представляли собой далеко не простые татуировки. Наконец-то я это понял.

Но все же что-то шло не так. Письмена, которые он вшептывал в мою кожу, не задерживались в ней. Я чувствовал, как они двигаются по моим рукам и ногам, спускались на живот, но, устроившись на облюбованном месте, тотчас начинали выцветать. Я видел, как Дека стал морщить лоб, потом смолк, а его рука на моей груди сжалась в кулак.

— Я так понимаю, не получилось, — тихо проговорил я.

— Не получилось.

— А чего ты, собственно, ждал?

Он медленно покачал головой:

— Письмена должны были пробудить твою природную магию. Ты ведь по-прежнему бог; в ином случае твоя противоположность не могла бы на тебя повлиять. Я думал, что сумею напомнить твоей плоти — она юна и податлива и служит лишь воплощением твоей воли… — Он стиснул зубы и отвернулся. — И понять не могу, отчего у меня не вышло!

Я вздохнул. Я и не питал особой надежды — возможно, из-за того, что он не предупредил заранее,

чем намерен заняться. Оно и к лучшему.

— А я думал, тебе нравилось, что я смертный…

Он вновь мотнул головой, плотно сжал губы:

— Только если это не означает твоей смерти, Сиэй. Этого я никогда не хотел.

— Вот как. — Я накрыл ладонью его кулак. — Что ж, спасибо за эту попытку. Но, Дека, даже если бы ты смог привести меня в порядок, это все равно не имело бы смысла. Мы, богорожденные, — чепуха по сравнению с Троими. Когда Вихрь ворвется в этот мир, мы, скорее всего…

— Заткнись, — прошептал он, и я, моргая, послушался. — Просто заткнись, Сиэй…

Его трясло, а глаза были полны слез. Впервые с младенческих времен он выглядел потерянным, одиноким и не на шутку напуганным.

Ну а я по-прежнему оставался богом, как он только что справедливо заметил. И моя природа требовала утешать заблудших детей. Я притянул его к себе: пусть поплачет, а я его побаюкаю…

Но он оттолкнул мои руки и поцеловал меня. А потом, словно поцелуй не был достаточным свидетельством его взрослости, он привстал и начал стягивать с меня одежду.

Я мог бы посмеяться, или отказаться, или притвориться совершенно незаинтересованным. Но

близился конец света, а он принадлежал мне. И я сделал то, к чему лежала душа.

Через три дня все мы умрем, но за это время можно сделать так много. Я все же был не настоящим смертным. Я знал, что дар Энефы не следовало принимать как должное. Я собирался сполна насладиться каждым оставшимся мне мгновением. Так сказать, со вкусом прожевать и обглодать косточки. А когда настанет конец… Что ж, я буду не одинок. И это было драгоценно. И это было свято.

Утром мы вернулись в Эхо. Дека отправился проведать своих писцов: вдруг они обнаружили некое чудо, способное нас спасти. Я пошел искать Шахар.

Я обнаружил ее в Храме, наконец-то освященном, как храм. Кто-то уже установил здесь алтарь — точно на том месте, где мы с Декой впервые занимались любовью. Остановившись перед ним, я решительно отогнал похотливые мысли насчет человеческих жертвоприношений, потому что быть грязным старикашкой мне не хотелось.

Шахар стояла у алтаря. Полупрозрачные цветные завитки стены бросали на нас голубоватые тени, напоминавшие о безоблачном небе снаружи. Она стояла ко мне спиной, хотя я не

сомневался: она услышала мои шаги и узнала их. Чтобы просто попасть в эту комнату, мне потребовалось уговорить четырех стражников. Шахар не шевелилась, пока я к ней не обратился, а когда подал голос — вздрогнула, очнувшись от глубокой задумчивости.

— Друзья лгут, — сказал я. Я говорил тихо, но мой голос все равно породил под высоким и гулким куполом эхо. Он звучал ниже, чем прежде, и в нем чувствовалась хрипотца, которая по мере старения будет лишь нарастать. — Лгут и возлюбленные. Однако доверие можно восстановить, потому что мы с тобой и вправду друзья, Шахар. Не следовало бы мне об этом забывать. — Она не ответила, и я со вздохом пожал плечами. — Я ведь поганец, так что чего ты ждала?

Она продолжала молчать. Я заметил, как напряжены ее плечи. Она стояла, скрестив на груди руки. Я видел достаточно женских слез и догадался, что она сейчас заплачет, поэтому решил удалиться. Я был уже в дверях, когда она тихо произнесла:

— Друзья.

Я остановился. Оглянулся. Она показывала мне правую руку — ту, что сжимала мою руку годы назад, когда мы произносили обет. Я потер боль-

шим пальцем внезапно зачесавшуюся ладонь и улыбнулся.

— Друзья, — откликнулся я и тоже поднял руку. А потом все же ушел, поскольку мне что-то попало в глаза. Пыль, наверное. Надо бы поберечься. Старческим глазам, знаете ли, забота нужна…

22

...И потом они жили долго и счастливо.
Конец

Пока Вихрь занимал все большую часть неба, затмевая даже солнце, мир оставался на удивление спокойным, и это меня по-настоящему удивляло. Смертные люди отличаются от смертных животных лишь наличием членораздельных языков да кое-какой чудаковатостью, а животным свойственно при виде опасности метаться и паниковать.

Нет, конечно, кое-какие вспышки происходили. И я говорю не о воровстве, благо орденские Блюстители быстренько вылавливали и казнили воров. Были поджоги, были бессмысленные разрушения — людям надо было как-то выплеснуть овладевшее ими отчаяние. Происходило насилие. В какой-то стране так много мужчин прикончили жен и детей, а затем наложили на себя руки, что пришлось вмешаться одной из моих родственниц. Она появилась в тамошней столице, облаченная в опавшие листья, и во всеуслы-

шание объявила, что самолично препроводит души подобных самоуправцев в наихудшую из множества преисподних. Но и тогда убийства не прекратились совсем, лишь сделались реже.

По сравнению с тем, что могло бы разразиться, это были мелочи. Я-то думал, что начнется… Даже не знаю, что именно. Всеобщее самоубийство, людоедство, полное падение нравственных устоев эры Светозарного…

А вместо этого Шахар справила свадьбу с Датеннэем Канру, теманским наследником. Церемония прошла скромно, в узком кругу, поскольку готовить что-то более пышное просто не было времени. По моему совету Шахар попросила Деку провести обряд, как надлежало первому писцу, и Дека, опять же по моей подсказке, согласился. Они не стали взаимно извиняться: еще бы — ведь они Арамери. Но я-то видел, что Шахар раскаивалась и что Дека ее простил. По завершении церемонии Шахар велела ордену Итемпаса распространить о ней весть, используя все подручные средства — от глашатаев и новостных свитков до слухов. Действия молодой правительницы должны были намекнуть людям: «Я верю, что у нас все-таки есть будущее».

Канру с готовностью согласился на свадьбу, по-

скольку, думается, был по уши влюблен в Шахар. Она же… Да что говорить, она любила меня, но жених ей искренне нравился. И каждому из нас в те дни требовалась дружеская рука.

Я проводил каждую ночь в объятиях Деки и смиренно благодарил судьбу за выпавшее мне счастье.

В общем, все шло своим чередом. Мир продолжал жить.

До самого конца.

Когда наступил последний рассвет, мы собрались вместе: Арамери, благородные вельможи из Тема и иных стран, простонародье из Тени. Прибыли Ликуя с Ахадом, Неммер и другие богорожденные, не захотевшие оставить смертное царство. Завиток находился не так высоко, как разрушенное Небо, но потрясающий душу вид открывался и отсюда. Небеса внушали ужас и благоговение. Прозрачный круговорот захватил уже бóльшую их часть. Когда взошедшее солнце попало в измененное пространство, его форма жутко и тошнотворно исказилась, а свет заиграл на наших лицах отблесками умирающего костра. И это не было иллюзией. Все так и происходило, невзирая на удаленность и немыслимые углы. Присутствие Вихря искажало даже Итем-

пасовы законы пространства и времени. И мы воочию наблюдали медленную и мучительную гибель нашего солнца, разорванного в клочья и затянутого в чудовищное жерло. Остатки света пропадут еще не сразу, но потом придет тьма, какой смертные еще не видали. Если, конечно, мы до нее доживем.

Я держал руку Деки. Мы стояли и смотрели вверх, и нам не было страшно.

Встревоженное аханье, раздавшееся в середине Завитка, заставило меня оглянуться. Там появились Йейнэ и Нахадот и встали среди волнующейся приморской травы. Собравшийся люд шарахнулся прочь, некоторые попáдали на колени, заплакали, стали молиться. Никто не шикал на них, ведь надежда никогда не считалась грехом.

Я начал проталкиваться сквозь толпу, таща за собой Деку. Между Нахадотом и Йейнэ стоял Итемпас — они взяли его с собой. У всех Троих вид был угрюмый, но без веской причины они бы сюда не явились. Нахадот вполне способен действовать просто так, Йейнэ большей частью требовалась цель, Итемпасу же — всегда.

Когда я приблизился, они повернулись ко мне, и я окончательно уверился — причина имелась.

— У вас есть план, — сказал я и крепко стиснул ладонь Деки.

Они переглянулись. С другой стороны из толпы выступила Шахар, за ней последовал Канру. Он, впрочем, остановился, с благоговейным трепетом глядя на великих богов. Шахар подошла без него, опустив руки с крепко сжатыми кулачками.

Итемпас посмотрел на меня и кивнул:

— Есть план.

— Какой?

— Смерть.

Если бы я не прожил бесчисленные эпохи, перенося такую его манеру разговаривать, я бы, наверное, заорал. Но я лишь спросил:

— А если подробнее?

Губы Итемпаса чуть заметно дрогнули.

— Каль призвал Вихрь, чтобы воссоединиться с Ним, — ответил он. — Ему придется явиться, чтобы принять Его в себя и, как он надеется, использовать Его мощь, чтобы стать богом. Мы убьем Каля и предложим Вихрю иное вместилище для Его силы.

И он развел руки, показывая, что имеет в виду себя.

У меня перехватило дыхание: я понял, что к чему, и меня объял ужас.

— Нет! Темпа, ведь ты родился из Вихря! Вернуться к Нему — это же…

— Это мой выбор, Сиэй, — перебил он ласково и вместе с тем непреклонно. — Это участь, согласная моей природе. С тех самых пор, как Каль воззвал к нему, я ощущал, что такое возможно. И Нахадот с Йейнэ это подтверждают.

Лицо Йейнэ, стоявшей чуть сзади, было непроницаемым и безмятежным. Нахадот… он выглядел почти так же. Однако сдерживать чувства было слишком противно его природе. И он не мог полностью скрыть владевшее им предчувствие беды. По крайней мере, от меня.

Я хмуро смотрел на Итемпаса:

— Это что, такая кривая попытка искупить содеянное? Я тебе, осел упрямый, еще сто лет назад говорил, что своих преступлений ты вовек не загладишь! И вообще, чего ради приносить себя в жертву, если твоя гибель и так будет означать конец всему?

— Вихрь может остановить приближение, если выполнит предначертание Каля. А именно создаст нового бога. И мы полагаем, что облик нового божества будет зависеть от природы вместилища. — Он пожал плечами. — Я прослежу, чтобы вновь созданный стал достойным замеще-

нием меня самого.

Я попятился, едва не споткнувшись, и Дека озабоченно схватил меня за плечо. Кажется, затевалось такое же совокупление силы и воли, как и то, которое сотворило из смертной Йейнэ новую Энефу. Однако если в тот раз все шло, так сказать, самотеком, воплощаясь в череде неслучайных случайностей, то теперь Итемпас надеялся управлять происходящим. Но какой бы бог ни возник вместо него, каким бы закоснелым ни оказался этот новый впоследствии, Итемпаса больше не будет. Тот, кого мы знали целую вечность, умрет навсегда.

— Нет, — выговорил я. Меня трясло. — Ты не можешь!

— Это единственный выход, Сиэй, — сказала Йейнэ.

Я смотрел на них, исполненных непоколебимой решимости, и даже не знал, какие именно чувства одолевали меня. Совсем недавно я бы прыгал от радости при мысли о новом Итемпасе. Я даже теперь испытывал в этом плане некое искушение. Я мог со временем простить Итемпаса, даже заново полюбить его, но нипочем не забыл бы все то, что он причинил нашей семье. В любом случае ничто не было бы как раньше. Начать все

заново с кем-то новым было бы проще. Чище, что ли. Зная Итемпаса, я понимал, что и для него эта идея обладала некоторой притягательностью. Уж очень он любил подчищать все концы.

Я обернулся к Нахадоту, отчаянно надеясь на… Сам не знаю на что. Все равно на что. Но Нахадот, чтоб ему, вообще ни на кого из нас внимания не обращал. Он смотрел вдаль — на клубящуюся пустоту в небе. Вокруг него в согласном медленном танце вились темные щупальца его ауры. Я заметил, что они мало-помалу поднимаются все выше. Навстречу Вихрю.

Погодите-ка…

Итемпас резко окликнул его по имени еще до того, как я успел осознать свой страх. Йейнэ удивленно нахмурилась, глядя поочередно на братьев. Сперва на ее лице отразилось непонимание, потом глаза матери округлились. Но Наха лишь улыбнулся. Он словно забавлялся, пугая нас. И он по-прежнему созерцал Вихрь, как будто во всем смертном царстве не было зрелища прекрасней.

— Может, нам вообще ничего не следует предпринимать? — предположил он наконец. — Миры гибнут. И боги гибнут. Может, нам нужно просто все бросить, а потом начать заново?

Начать заново. За волнующейся чернотой Нахи

я рассмотрел глаза Йейнэ, и наши взгляды встретились. Дека крепче сжал мое плечо, он тоже все понял. В голосе Нахадота слышалась скорбная дрожь. Его облик мерцал и менялся синхронно с коловращением Вихря, с его грозной, жуткой, захватывающей песнью.

Но когда к Нахадоту шагнул Итемпас, на его лице не было страха. Более того, он улыбался, и я немало подивился, глядя на это, ибо, невзирая на заточение в смертной плоти, улыбка Итемпаса источала прежнюю силу. И Нахадот на это откликнулся. Он наконец-то оторвал взгляд от Вихря, а с его лица пропала улыбка.

— Может, и нужно, — сказал Итемпас. — Это наверняка станет проще, чем приводить в порядок разрушенное.

Мятущиеся завитки Нахадотовой сущности замерли в воздухе. Они раздвинулись при приближении Итемпаса, подпуская его, но одновременно изогнулись внутрь, обращаясь в острые иззубренные лезвия. Теперь это были клыкастые челюсти, готовые захлопнуться и поразить бессильную и беззащитную смертную плоть. Итемпас не обратил на откровенную угрозу никакого внимания. Он подошел вплотную и наконец остановился лицом к лицу с Нахадотом.

У него за спиной замерла Ликуя. Глаза у нее были круглые. Я затаил дыхание.

— Согласен ли ты умереть вместе со мной, Нахадот? — вопросил Итемпас. Он говорил тихо, но голос разнесся на удивление далеко. Мы четко расслышали его даже сквозь рев и завывание Вихря. — Неужели ты этого хочешь?

Думаю, только я и увидел напряжение на лице Йейнэ, но она так ничего и не сказала. Зато любой мог оценить изящество наложенного Темпой заклятия и его хрупкость: ведь это были всего лишь слова. Он не обладал магией. В этой битве у него не было никакого оружия, лишь долгая история их отношений со всем злом и добром, которые она в себе заключала.

Нахадот не ответил, но отвечать ему и не было надобности. У него имелись лики, проявлявшиеся, только когда он собирался убивать. Эти лики прекрасны, ведь его природа не требует разрушения, это лишь искусство, в котором он преуспел. Но в своем смертном состоянии я не мог созерцать их, не испытывая желания умереть, так что на всякий случай уперся взглядом в спину Итемпаса. Благо Темпа, тоже находясь в смертной плоти, каким-то образом выдерживал убийственный взгляд Нахадота.

— Этот новый я… — очень тихо проговорил Темпа. — Я прослежу, чтобы он был достоин вас обоих.

А потом он протянул руки (я прикусил язык, чтобы удержаться от предостерегающего вопля) и взял в ладони лицо Нахадота. Я думал, у него пальцы отвалятся, ибо бездонная тьма кругом Нахи дышала смертью и таким холодом, что в воздухе закружились снежинки, а земля у нас под ногами потрескалась от мороза. Думаю, Итемпасу было больно. Эти двое неизменно причиняли друг другу боль. Но боль не остановила его. Он приблизился к Нахадоту вплотную и коснулся губами его губ…

Нахадот не ответил на поцелуй. Итемпас мог бы с таким же успехом целовать камень. Но то, что это вообще оказалось возможным, что Нахадот ему такое позволил, что для Итемпаса это было прощанием…

Их поцелуй стал чем-то священным.

(Я сжал кулаки, невероятным усилием сдерживая слезы. Проклятье, я уже был староват для такого проявления чувств…)

Итемпас отстранился. Его печаль была нескрываема. Но пока он стоял, пряча в ладонях лицо Нахадота от всех, кроме себя, Наха что-то ему по-

казал. Что именно, я не видел, но мог догадаться, ибо среди прочих у Нахи имелись и лики любви. Я никогда не видел тот лик, который он явил ради Итемпаса, поскольку Итемпас ревниво оградил его от сторонних глаз — как, впрочем, он всегда поступал и с любовью Нахадота. Но Итемпас вздохнул полной грудью при виде явленного ему лика, а потом закрыл глаза — как если бы Наха нанес ему последний и самый страшный удар.

Потом он отступил, а когда отнял руки, лицо Нахадота приняло обычный переменчивый вид. Тогда Наха повернулся к нам спиной, и его черный плащ превратился в плотную черную скорлупу. Итемпас словно перестал для него существовать.

Но на небеса он более не смотрел.

Справившись с собой, Итемпас оглянулся на Йейнэ и кивнул ей. Долгое, тягостное мгновение та молча смотрела на него, потом кивнула в ответ. Я с облегчением выдохнул, и у Деки тоже вырвался вздох. По-моему, на некоторое время притих даже Вихрь. Хотя, скорее всего, тут подшутило мое разыгравшееся воображение.

Но не успел я разобраться с противоречивыми чувствами облегчения и печали, как Нахадот резко вскинул голову. Только в этот раз он смотрел

не на Вихрь. Его аура вспыхнула чернотой.

— Каль, — выдохнул он.

Высоко над нами — на том самом месте, откуда он нанес Мировому Древу смертельный удар, — возник крохотный силуэт в венце магии, которая дрожала и колебалась под стать Вихрю.

Я даже не успел ни о чем подумать — ярость Йейнэ, вырвавшаяся, точно палящий жар из перегретой печи, едва не снесла меня с ног. Ей не понадобилось тратить время на принятие решение, она сразу перешла к действию, и мощнейшее отрицание жизни разорвало воздух. Я невольно содрогнулся, когда смерть поразила Каля, моего сына…

…моего неведомого, нежеланного и нелюбимого сына, которого я должен был бы наставлять и оберегать, имей я такую возможность. Сына, чьей любовью я бы наслаждался, окажись у меня выбор…

…поразила, но он не умер. Ничего не произошло.

Нахадот зашипел, в его лице проявилось что-то змеиное.

— Маска защищает его. Он стоит за пределами этой реальности.

— Смерть — она в любой реальности смерть, —

отозвалась Йейнэ. Подобной кровожадности в ее голосе я не припоминал.

Вокруг нас и под нами прокатилось содрогание. Горожане встревоженно закричали, полагая, что настает самое страшное. Я вроде бы понял, что произошло, хотя отупевшие чувства все более подводили меня: это, отвечая ненависти Йейнэ, подвинулась Земля. Вся планета, подобно громадному свирепому телохранителю, разворачивалась навстречу врагу. Йейнэ слегка присела, раскидывая руки, ее кудрявые волосы трепал бешеный ветер, не касавшийся никого, кроме нее, а в глазах, устремленных на Каля, отражалась сама смерть…

«…на Каля, на моего сына. Но…»

Нахадот просиял и рассмеялся, радуясь ее могуществу, хотя убийственная сила гнева Йейнэ заставила его податься назад. Даже Итемпас смотрел лишь на нее, и на его лице мешались гордость и влечение.

Все происходило так, как тому и следовало быть. Свершалось то, о чем я всегда мечтал: Трое примирились друг с другом. Но…

«…убить моего сына!»

Нет. Этого я не хотел.

Дека покосился на меня и вдруг схватил за руку,

встревоженно окликнув:

— Сиэй!

Я нахмурился, и он подхватил прядь моих волос, чтобы показать. Раньше они были каштановыми с примесью седых. Теперь седые явно преобладали. Оставшиеся каштановые теряли цвет, белея прямо на глазах. Кроме того, волосы снова отрастали.

Я посмотрел на Деку и увидел в его глазах ужас.

— Мне очень жаль, — сказал я, и это была сущая правда, но… — Я никогда не хотел быть скверным отцом, Дека. Я…

— Прекрати! — Он стиснул мою руку. — Перестань говорить о нем, перестань даже думать! Ты же убиваешь себя, Сиэй!

Так оно и было. Впрочем, я все равно умру. Нет прощения Энефе! Буду думать как хочу, буду скорбеть о сыне, которого мне не выпало узнать. Я помнил, как его пальцы касались моей шеи. Думаю, он простил бы меня, если бы мог, если бы прощение не было настолько противоположно его природе. Если бы из-за моей слабости ему не пришлось вытерпеть столько страданий. Только я был виноват в том, что он стал… таким.

Рядом с нами затрещал схлопнувшийся воздух

— Йейнэ исчезла. Я не смог рассмотреть того, что случилось потом. Глаза у меня были уже не те: в них, кажется, завелась катаракта. Но тут затрещало уже наверху, оттуда докатилось эхо громового раската, и Нахадот вдруг насторожился, перестав улыбаться. Итемпас тотчас встал рядом с ним, стискивая кулаки.

— Нет, — выдохнул он.

— Нет, — откликнулся Нахадот. Метнулась зыбкая тень, и он тоже исчез.

— Что происходит? — спросил я.

Дека прищурился, глядя вверх, потом покачал головой:

— Каль… Нет, невозможно! Благие боги, как он это… — И Дека ахнул. — Йейнэ пала! Теперь Нахадот…

— Что?..

Но времени рассуждать и соображать не осталось, потому что пустое место, где только что стояли Йейнэ и Нахадот, снова наполнилось, и все попадали на колени.

Каль был в божественной маске. И хуже силы, которую она излучала, я за всю жизнь не встречал. Такого я не испытывал даже в тот день, когда Итемпас втиснул меня в смертную плоть, а мне тогда показалось, будто мне переломали все

кости, чтобы всунуть в узкую трубу. Хуже, чем когда я увидел тело матери. Или тело Йейнэ, когда умерла ее человеческая плоть. У меня заболела кожа, заломило все кости. Вокруг меня с криками падали люди. Эта маска была неправильной. Она лишь изображала божественность, она была чужеродным надругательством над реальностью. В таком ее незавершенном виде эту неправильность могли ощущать лишь богорожденные, но сейчас божественная маска излучала богомерзость, внятную всем детям Вихря, как смертным, так и бессмертным.

Дека рядом со мной застонал, силясь выговорить магические слова, но без конца запинался. Я пытался устоять на коленях. Куда проще было бы растянуться плашмя и помереть, но я скрипел зубами, высоко держа голову. Каль шагнул к Итемпасу.

— Ты не тот, кого я бы избрал, — дрогнувшим голосом произнес он. — Моя месть изначально была нацелена на Энефу. По правде говоря, следовало бы поблагодарить тебя за ее убиение, но сейчас ты — самая легкая дичь среди Троих… — Он сделал еще шаг, обращая ладонь к лицу Итемпаса. — Увы…

Итемпас не попятился и не рухнул, хотя воз-

дух кругом так и дрожал от той мощи, которую обрушил на него Каль. На то, чтобы устоять, наверняка уходили все его силы, но это как-никак был мой светозарный отец. Будь в его природе одна лишь гордость, ничто в целой вселенной не смогло бы его остановить.

— Хватит, — прошептал я, но никто меня не услышал.

— Хватит! — раздался другой голос, громкий, резкий и яростный.

Это говорила Ликуя.

Зрение вконец меня подвело, но я все-таки разглядел ее. Она тоже стояла во весь рост, и — нет, это не было случайной игрой света! — ее окружал бледный трепещущий нимб. Теперь его легче было различить, потому что небо над нами быстро затягивалось: с юга надвигались клокочущие грозовые тучи, задувал порывистый ветер. Мы больше не видели Вихрь, разве что в краткие мгновения, когда рвались облака, но слышали непрерывный глухой рев, постепенно становившийся громче. Мы также чувствовали Его приближение: оно сказывалось вселенским содроганием похлеще того, что произвела Йейнэ, сдвинув планету. Сколько нам осталось? Несколько часов? Несколько минут? Угадать невозможно.

Что ж, мгновения собственной гибели мы никак не пропустим…

Итемпас, так и не попятившийся перед Калем, едва не споткнулся, оглянувшись на дочь. Наверное, сейчас в ее глазах было столько всего… Но я засмотрелся на сами ее глаза, пылавшие недобрым янтарем закатного солнца.

Каль помедлил. Божественная маска чуть шевельнулась — он посмотрел на Ликую.

— Чего ты хочешь, смертная?

— Убить тебя, — ответила она.

И обратилась в добела раскаленное пламя.

Люди вокруг испуганно закричали, кто-то бросился к лестнице. Итемпас вскинул руку, но его отшвырнуло и унесло прочь. Ахад, стоявший рядом с Ликуей, вскрикнул и исчез, чтобы вновь появиться подле меня. Зашатался даже Каль, его аура силы прогнулась и поддалась под напором ее яростного огня. Я находился футах в десяти, но и у меня стало стягивать кожу. Все, кто ближе, могли получить ожоги.

Что же до самой Ликуи…

Когда пламя опало, я с изумлением увидел, что она стоит на том же месте, но только облаченная во все белое. Ее юбка, ее курточка… Боги благие, даже ее волосы побелели! И ее окружал свет

почти невыносимой яркости. Из глаз немедленно потекло, я сощурился, заслоняясь ладонью. На миг мне показалось, будто я узрел в воздухе кольца и круги, сотканные из вьющихся слов, а в руках у нее… Нет. Этого просто не могло быть…

В руках у нее сверкал меч с огненно-белым клинком. Тот самый, которым Итемпас некогда рассекал Нахадотов хаос, привнося в зачаточную вселенную основательность и порядок. У меча было имя, но лишь Итемпас знал его. И никто не мог управляться с этим оружием, кроме него самого. Боги благие, да к проклятой штуковине никто даже близко подобраться не мог — ни разу за все эпохи с тех пор, как Итемпас сотворил время! И вот пожалуйста: дочь Итемпаса двумя руками держит дивный меч перед собой, и я нисколько не сомневался, что она отлично умеет им владеть.

Ничто из этого не укрылось от Каля, и я увидел, как округлились его глаза в прорезях маски. Само собой, он испугался. Он ведь попрал порядок вещей, он привел Вихрь туда, где тому ни под каким видом не полагалось быть, он возжелал власти, на которую не имел никаких прав. Пока шло чистое состязание в силе, он сумел выстоять даже против Нахадота и Йейнэ. Однако

божественность требует кое-чего большего, чем просто сила.

— Самообладание, — произнес Итемпас. Он подобрался насколько мог ближе, спеша дать последние наставления дочери. — Помни о самообладании, Ликуя, не то сила уничтожит тебя!

— Не забуду, — пообещала она.

И исчезла. И Каль тоже исчез. Осталась лишь оплавленная, багрово светящаяся канава на травяном лугу Завитка.

И еще две кометы рванулись следом за ними за горизонт. Это Нахадот и Йейнэ спешили принять участие в битве.

Избавившись от давящей силы Каля, я кое-как сумел встать. Треклятые колени болели так, словно внутрь суставов насыпали битого стекла. Не обращая внимания на боль, я нашарил плечо Деки и потащил его туда, где зашевелился Ахад.

— Скорее, — сказал я им.

Ахад оторвал взгляд от огненной точки, в которую превратилась его возлюбленная. Там, вдали, ворочались глыбы овеществленной тьмы, а из земли вырастал иззубренный каменный столб. Через несколько секунд он уперся в самое небо. Там разразилась вторая Война богов, и ее зрелище завораживало, хотя все понимали — на этот

раз не только смертное царство может оказаться в руинах.

— Что? — отсутствующе спросил Ахад, когда я схватил его за плечо.

— Помоги забрать Итемпаса!

Он смотрел на меня пустыми глазами, и тогда я въехал ему по ребрам узловатым старческим кулаком. Это заставило его очнуться. Он зло уставился на меня, и я, подскочив, заорал ему в лицо:

— Да очнись же! Нам надо спешить! Там бьются такие силы, что Ликуя долго не продержится! Может, если мы как следует помолимся, Нахадот с Йейнэ и смогут остановить его. Но если нет, он явится обратно!

И я указал ему на Итемпаса — тот тоже смотрел вслед Ликуе, до боли сжав кулаки.

Поняв наконец, о чем шла речь, Ахад ухватил меня за плечо. Я крепко держал Деку. Все размазалось и мелькнуло, и Ахад свободной рукой сгреб Итемпаса. Тот вздрогнул, но сообразил, что к чему, быстрее Ахада — по крайней мере, не отбивался. Однако потом Ахад нахмурился:

— Есть ли такое место, где бы он нас не нашел?

— Сваливаем куда угодно, только побыстрее, осел! — чуть не взвыл я.

Планета готовилась к смерти. Реальность на-

чинала рушиться, истекая сквозь смертельную рану, пробитую Вихрем в самом ее существе. Нам оставалось лишь бежать — все равно куда. И надеяться, что Каль нас не сразу догонит. Впрочем, если это все же случится…

— Боги благие! — с отчаянием вырвалось у меня. — Ахад, я надеюсь, ты постиг наконец свою природу?

Его лицо стало невероятно бесстрастным.

— Нет.

— Демонсранская брак'скафра…

Позади раздался гулкий всасывающий звук, перекрывший даже нарастающий рев Вихря. Дека быстро обернулся и выкрикнул слово могущества, укрощая то, что я по глупости вызвал. Звук смолк. Дека испепелил меня взглядом.

— Извиняюсь, — пробормотал я.

— Значит, куда угодно, — сказал Ахад, продолжая смотреть вдаль. Там, возле горизонта, вспухло большое круглое белое солнце. Я чуть не завопил от восторга, желая воспеть славу потрясающим демоницам, но солнце угасло подозрительно быстро, а потом Ахад унес нас с места событий.

Я мог бы и загодя догадаться, куда он, при такой-то ошарашенности, нас закинет. Вернувшись

в этот мир, я увидел, что мы стоим на грудах белого камня, перемешанного с бытовым мусором. Из-под обломков торчали рваные простыни, разбитые пузырьки из-под духов, перевернутый туалетный столик… А высоко над нашими головами торчали переломанные ветви толщиной с городской дом. Листва на них уже увядала.

— Небо? — Я повернулся к Ахаду, дико сожалея, что не успел обзавестись тростью. Чтобы меня услышали сквозь нарастающий грохот, мне пришлось орать во все горло, но так было даже лучше, потому что я был вне себя от ярости. — Ты доставил нас к Небу, безмозглый сын демона? Ты каким местом думал вообще?

— Я…

Но ответ Ахада умер нерожденным. Его глаза округлились, он крутанулся, поворачиваясь к северу, и мы увидели это. Там как раз пропадала из виду громадная бесформенная темнота, но во мраке ярко горела крохотная белая звездочка.

Она падала… И погасла в падении.

У Ахада вырвался страшный судорожный вздох, и воздух вокруг него стал цвета боли. Потом Ахад закричал, и это был бессловесный крик обезумевшего животного. На миг он даже стал чем-то *иным,* бесформенным и невозможным, и

нас расшвыряло, а вокруг Ахада зародился смерч. Он подхватывал обломки день-камня и куски ветвей Древа. Ахад был богом, и его воля творила реальность. Окружающая материя спешила повиноваться его приказам.

И вот он исчез, и на нас осыпался взвившийся мусор.

Я не без труда приподнялся, пытаясь спихнуть с себя обломанный сук Древа и одновременно вычищая день-каменную пыль из ноздрей. Кисти рук невыносимо болели. Почему, что с ними случилось? Опять старческие болячки? Прежде, когда я резко старел, ничего подобного не случалось. Впрочем, примерно так я и представлял себе старость, вот только действительность оказалась несколько хуже, чем я воображал…

Чьи-то руки подхватили меня, помогли выпрямиться. Дека отбросил тяжелую ветку, потом отвел с моего лица волосы. Они свисали до пояса, поредевшие, совершенно седые. Я старел, а они себе росли и росли. Ну почему мне не дано было облысеть?

— Чего и следовало ожидать, — пробормотал я и оперся на его руку, чтобы подняться.

— Ожидать чего?

Подоспел Итемпас и тоже подхватил меня. С их

помощью я кое-как заковылял по изломанным, норовящим осыпаться камням поверженного дворца.

— Этот тип… — сказал Итемпас. В другой жизни я бы всласть похохотал над его нежеланием произносить заемное имя Ахада. — Его природа явно как-то связана с любовью.

Если он был прав, то ничего удивительного, что Ахад так долго не мог себя найти. Последние сто лет он прожил в единоличной тюрьме собственного безразличия. Должно быть, нескончаемые муки в Небе почти начисто отвратили его от попыток любить, даже когда подворачивалась возможность. Но Ликуя… Я закусил губу и стал молиться о том, чтобы она осталась жива вопреки всему. Я ни под каким видом не желал терять новообретенную сестру. И мне совсем не хотелось, чтобы второй мой, так сказать, приемный сын обрел себя при посредстве утраты.

Трудное это занятие — взбираться на кучу обломков высотой с небольшой город. А если ты полуслепой старец восьмидесяти с чем-то лет, то это труднее вдвойне. Я то и дело останавливался отдышаться, а мои движения полностью утратили ловкость. После того как я несколько раз чуть не переломал себе ноги, Итемпас подставил

мне спину и велел забраться к нему на закорки. Гордость побуждала меня ответить отказом, но тут Дека, чтоб ему, просто поднял меня сзади и взгромоздил на спину Итемпасу. Пришлось мне, проглотив унижение, покрепче обхватить его руками и ногами, и эти двое, не обращая внимания на мои жалобы, продолжили карабкаться наверх.

Мы больше не разговаривали, только слушали усиливающийся рев Вихря. И молчали мы не только из-за шума, но и потому, что еще ждали, лелея надежду. Но время шло, мы лезли вверх, и надежда постепенно улетучивалась. Если Йейнэ и ее соратникам удалось побороть Каля, это уже должно было произойти. Вселенная, во всяком случае, еще держалась, и это означало, что минимум двое богов пока живы. Но помимо этого, отсутствие новостей следовало считать очень дурным знаком.

— Ну, и куда мы теперь? — прокричал Дека.

Все вокруг захватила стихия звука. Чудовищная и невообразимая. Я различил крики птиц, вопли словно мучительно умиравших людей, океанский прибой, скрежет камня о металл. Слуха все это пока не ранило — погодите, то ли еще будет, — но выносить было трудно.

— Я могу нас переместить, — сказал Дека. — Один раз… Может, дважды. — Он выглядел пристыженным. — У меня нет ни божественной силы, ни… — Он бросил взгляд в ту сторону, где исчезла Ликуя, и я понадеялся, что Ахад успел ее подхватить. — Но куда бы мы ни скрылись в смертном царстве, Каль нас найдет. А если даже не найдет…

Мы молча подняли глаза к небу. Там, высоко-высоко, облака начинали кипеть и завиваться. Подобного не может учинить никакой земной ветер. Быть может, вселенская буря там и остановится, достигнув места, откуда была призвана? Или неудержимо двинется дальше, оставив пустоту на месте планеты?

Что ж, нам оставалось лишь вернуться в Эхо. Мы с Декой и Шахар попробуем воссоединиться, сознательно сделать то, что прежде делали по наитию. Я подумал об этой возможности и сразу отбросил ее. Между Шахар и Декой пролегла слишком глубокая рознь; как бы мы только хуже не сделали. Я со вздохом опустил голову на могучее плечо Итемпаса. Я изнемог. Насколько проще было бы лечь, отдохнуть…

И вот тут я вдруг понял, что еще мы могли предпринять.

Я вскинул голову:

— Темпа… — Он как раз остановился. Наверное, тоже перевести дух, хотя в этом он бы нипочем не сознался. Он наклонил голову, подставив ухо и показывая тем самым, что слушает. — Долго ты возвращаешься к жизни, когда умираешь?

— По-разному. От десяти минут до пятидесяти. — Он не стал спрашивать, зачем мне это понадобилось. — Если то, что меня убило, продолжает действовать, все затягивается. Я воскресаю и сразу опять гибну.

— Куда ты уходишь, когда умираешь? — Он нахмурился. Мне едва удавалось говорить достаточно громко. — Когда! Умираешь! Куда! Ты! Уходишь?

Он покачал головой:

— В забвение.

— Не на небеса? И не в преисподние?

— Нет. Я ведь при этом не мертв. Но и не жив. Я как бы зависаю посередине.

Я заерзал, пытаясь слезть, и он поставил меня наземь. Я едва не свалился: оказывается, ноги у меня совсем затекли, руки Итемпаса пережали в них кровообращение, а я и не заметил. Дека помог мне сесть на расколотую глыбу — судя по форме, она прежде была частью Сада Ста Тысяч.

Охая, я принялся растирать ногу и раздраженно кивнул Деке, чтобы он занялся второй.

— Надо, чтобы ты умер, — сказал я Темпе, и тот поднял бровь. — На время!

И я как можно короче, чтобы окончательно не сорвать голос, изложил им свой замысел.

Руки Деки непроизвольно стиснули мою икру. Однако он не стал возражать, за что я был ему благодарен. Он мне доверял. Если он поможет, то я проверну такую каверзу, какой свет еще не видывал.

Мою последнюю каверзу.

— Пожалуйста, — сказал я Темпе.

Он помолчал, но потом вздохнул, наклонил голову, снял куртку и вручил ее мне.

А потом огляделся и очень спокойно, словно занимался этим каждый день, облюбовал длинный и острый обломок, торчавший неподалеку. Когда-то он был деталью Арфы Ветров, а теперь стал вполне грозным копьем в четыре фута длиной, устремленным вверх. Темпа придирчиво осмотрел его, отбросил линялый лоскут, прицепившийся к острию, и выкорчевал обломок, спустив вниз по склону небольшой обвал. Заново укрепив его под углом градусов в сорок пять, он удовлетворенно кивнул — и без дальнейших

раздумий бросился грудью на острие. Съехал по нему и повис, остановленный то ли трением каменной грани о кость, то ли еще чем-то.

Дека с криком вскочил, хотя уже поздно было что-то предпринимать и он знал, что это сейчас произойдет. Но от крика неприятия он удержаться не смог — такой уж он был человек.

Я дотянулся и взял его за руку. Его черты исказил ужас. Умудрились же Арамери породить настолько совершенную душу! Какое счастье, что я дожил до ее появления и успел узнать Деку!

Он тут же подтвердил, что я в нем не ошибся: ужас в его глазах сменила угрюмая решимость. Он помог мне встать и передал куртку Темпы, которую я надел. Ветер успел превратиться в настоящую бурю, а старик из меня получился тощий и хилый.

В следующее мгновение мы вздрогнули и вскинули головы: небо наполнил звук, напоминавший завывания множества рогов. Облака разошлись, и мы узрели нового и ужасающего бога: близился Вихрь. То, что предстало нашим глазам, конечно же, не было Его истинным обликом. В реальности Он превосходил все сущее, не говоря уже об одном несчастном мирке. Просто, как и все божественное, проявлявшееся в

смертном царстве, Он создал себе вещественное отображение. Несущиеся облака, солнце, превращенное в тлеющую карамель и сопровождаемое вереницей обломков планет и осколков лун… Его поверхность отражала наш мир, мы даже увидели себя, невероятно увеличенных и искаженных. Свои кричащие лица. Искалеченные, окровавленные тела. Близкое и неизбежное будущее.

Дека молча повернулся ко мне спиной и присел. Говорить больше не было никакой возможности, а скоро у нас и вовсе уши полопаются. Оно и к лучшему, потому что иначе с ума сойти можно. Я влез к Деке на спину и уткнулся лицом ему в шею, чтобы в последний раз вдохнуть его запах. Не обращая внимания на подобное проявление моих чувств, он закрыл глаза и что-то пробормотал. Я почувствовал, как письмена на его спине раскалились и сразу остыли.

Боги не летают. Полет требует крыльев и не дает достаточной скорости. Поэтому мы прыгаем, а затем повисаем в воздухе. Это всякому доступно, только смертные в большинстве своем еще не поняли как. Есть там одна хитрость…

Первый прыжок Деки чуть не занес нас прямиком в Вихрь. Я застонал и прижался к нему: гром стоял такой, что у меня отнялись руки и я едва

не выпустил его плечи. Однако Дека сразу же исправил ошибку, и мы по дуге ринулись вниз. Туда, где шла битва богов.

Она еще не завершилась На мгновение нас окутала тьма, обдало холодом: Нахадот. Потом волна теплого воздуха, кружащиеся споры, палые листья: Йейнэ. Значит, они живы и бьются. Я с радостью увидел, что они побеждают. Они рассеялись в пространстве, отказавшись от материального облика, и загнали Каля в сферу совокупной энергии. Там кипели такие страшные силы, что я попросил Деку остановиться подальше, что он и исполнил. Каль яростно метался в эфирном узилище, но вырваться не мог. Божественная маска сделала его богоравным, но лишь на время, и никакой ложный бог не мог долго противостоять двум из Троих. Чтобы победить, Каль должен был сделать свое временное преображение постоянным. А для этого требовалось могущество, которым он не располагал.

Поэтому я, его отец, и предложил ему недостающее. Я зажмурился и изо всех сил устремил свое естество сквозь эфиры этого мира — и всех остальных.

Расплывчатые, разящие силуэты Йейнэ и Нахадота изумленно замерли. Каль завертелся в

удерживавшей его сфере, и, кажется, его глаза в прорезях маски обратились на меня.

«Приди», — сказал я, понятия не имея, сумеет ли он услышать меня. Я облекал призыв в молитву и укреплял ее стержнем ярости — так вернее. Моя бедная Гимн, так я тебя и не благословил… Все, кто погиб в бывшей Тени. Ликуя с Ахадом. И он, кажется, хотел заполучить моего отца, Итемпаса? Я без труда исторг жажду мести из сердца. Потом аккуратно замаскировал ее горем, благо его у меня тоже хватало.

«Приди же, — повторил я. — Ты ведь жаждешь могущества? Говорил я тебе — прими свою природу. Энефа тебя засунула в какую-то дыру и оставила позабытого и заброшенного, а все ради меня. И ты не можешь меня за это простить. Ну так приди и убей меня. Это даст тебе силу, которой тебе сейчас так недостает…»

Запертый в сверкающей ловушке, Каль вперил в меня взгляд. Но я знал, что насадил на крючок слишком лакомую наживку. Он был мстителем, а я — причиной его самой застарелой и непреходящей боли. Он не мог противиться моему зову. Так же как я, проказливый кот, не мог противиться зову клубка ниток.

Он зашипел, пуская в ход все остатки могуще-

ства: миниатюрный Вихрь, рвущийся на свободу. Его элонтидская природа всколыхнулась, поначалу неуверенно, но, вкупе с божественной маской, его силы хватило, чтобы стены, возведенные вокруг него Йейнэ и Нахадотом, обратились в дым.

И тогда он устремился ко мне.

Вот я и преподнес ему подарок, как надлежало отцу. Самое малое, что я мог предложить. Совсем немного по сравнению с тем, что следовало бы.

Мой милый Дека… Он так и не дрогнул, даже когда ярость Каля накрыла нас и опалила ему кожу. Мы разом закричали, услышав, как ломаются наши кости, но и тогда Дека не выронил меня. И даже когда Каль заключил нас в разрушительные объятия, возможно задуманные как пародия на родственную любовь. Что ж, не исключено, что толика истинной любви в них действительно присутствовала. Месть — сложная штука.

Поэтому-то, собрав последние остатки сил, я сунул руку за пазуху куртки Итемпаса, вытащил кинжальчик, умащенный кровью Ликуи Шот, и всадил его Калю в самое сердце.

Он замер. Зеленые глаза с раскосыми зрачками под божественной маской полезли из орбит. Клубившаяся вокруг него сила застыла, как ветер в оке бури.

Мои руки, покалеченные и окровавленные клешни, все-таки оставались руками Плутишки, и я сорвал с Каля маску. Это было совсем просто, ведь он был уже мертв. Его лицо, так похожее на мое, уставилось на меня пустыми глазами.

А потом мы — все трое — начали падать, и падение нас разделило. Тело Каля перевернулось в воздухе и сорвалось с ножа. Я не выпустил рукоять лишь предельным напряжением воли.

Но тут падение прекратилось, нас что-то подхватило, и остатками зрения я разглядел лицо склонившейся надо мной Йейнэ.

— Сиэй! — окликнула она, и таков был ее голос, что я расслышал его даже сквозь завывание бури. Она собиралась с силами, чтобы исцелить меня.

Я лишь замотал головой — сил, чтобы говорить, уже не осталось. Я сумел лишь поднести к лицу божественную маску. Я увидел, как она вскинула брови, как попыталась перехватить мою руку. Глупенькая бывшая смертная. Она бы остановила меня, если бы пустила в ход магию.

Я надел маску.

Я надел маску.

Я НАДЕЛ МАСКУ И…

Я…

…улыбнулся. Йейнэ вскрикнула и выпустила

меня. Я сделал ей больно. Я этого не хотел. Просто у нас, богов, природа временами противоречива.

Она падала. И Дека падал. С Йейнэ все будет в порядке. А с Декой — нет, но жалеть было не о чем. Это был его выбор. И погиб он как бог.

Нахадот сгустился прямо передо мной, у границы моей болезненно трепещущей ауры. С его лица можно было писать картину под названием «Портрет преданного».

— Сиэй… — начал он.

Я и ему боль причинил. Во всяком случае, смотрел он на меня примерно так, как в последнее время на Итемпаса. И это было хуже того, что я причинил Йейнэ. Я вдруг ощутил жалость к своему светозарному отцу и даже сотворил молитву, обращенную неизвестно к кому, чтобы Нахадот простил его поскорее.

— Что ты натворил? — требовательно вопросил Нахадот.

«Пока еще ничего, о темный отец мой…»

Не буду утверждать, что вовсе не испытывал искушения. Я заполучил то, к чему так стремился. До чего же просто было бы вернуться и насовсем убить Темпу моим ножичком, как он когда-то Энефу. А еще — вобрать Вихрь и окончательно преобразиться. Занять место Итемпаса. Я тогда

по-настоящему стал бы возлюбленным Нахи. И делил его с Йейнэ. И мы заново сделались бы Троими.

Об этом пел мне в уши громовой голос Вихря…

Но я так и остался Сиэем, капризным ветром, старшим сыном, Плутишкой, источником и высшим воплощением всех проказ на свете. И я нипочем не соглашусь стать дешевой подделкой, бледным подобием другого бога…

И я отвернулся от Нахадота, легко воззвав к силе — тело радостно вспоминало, каким оно было когда-то. Какая благодать! Я подобной и не припоминал, а ведь до настоящей божественности мне было еще далеко. Я закрыл глаза, раскинул руки и обратился к надвигающемуся Вихрю.

— Приди, — прошептал я голосом, в котором звучала вселенная.

И Он пришел. Его изначальная мощь хлынула в меня сквозь фильтр божественной маски. Воссоздавая меня, встраивая в бытие, словно кусочек головоломки. Это сработало лишь потому, что временное отсутствие Итемпаса выщербило реальность. Иначе мое явление в роли Четвертого разнесло бы все мироздание. И кстати, начнет разносить, стоит Итемпасу очнуться.

Вот поэтому-то я удобнее перехватил нож, по-

крытый кровью моего сына. Я надеялся, что на клинке еще осталось достаточно крови Ликуи. Ну что ж, есть лишь один способ это узнать…

Я воткнул нож себе в грудь, и для меня все прекратилось.

23

Когда уже казалось, что заполонивший небо Вихрь вот-вот сокрушит землю, Он вдруг исчез, оставив после себя болезненную тишину.

Я лежала на земле, свернувшись калачиком и зажимая уши. Я только-только приподнялась и стала оглядываться, и тут появился господь Нахадот: он держал на руках моего брата. Потом возник господь Ахад, а с ним вновь оживший Итемпас и тяжко раненная Ликуя Шот. А в следующее мгновение прибыла Йейнэ. Она принесла Сиэя.

Я Шахар Арамери, и я осталась совсем одна.

Я издала эдикт, обращенный к Собранию, и призвала всех к себе в Эхо. Я присовокупила личное приглашение для Узейн Дарр и ее союзников — тех, кого она пожелает с собой привести. Я сразу пояснила свою позицию, указав целью собрания «обсуждение условий сдачи Арамери». Мама всегда говорила: если необходимо сделать нечто малоприятное, делай это искренне и не трать силы на сожаления.

Я также пригласила выборных от «Литарии»,

Купеческой гильдии и Союза земледельцев, равно как и от ордена Итемпаса. Я даже позвала к себе нескольких нищих из Деревни Предков и художников с Гульбища в бывшей Тени. Господь Ахад не был расположен присутствовать, ибо неотлучно находился у постели Ликуи Шот: исцеленная, она спала глубоким сном, медленно восстанавливая без остатка отданные силы. Поэтому я включила в список приглашенных нескольких городских богов Тени, кого удалось разыскать. Надо отметить, что большинство так называемых боженят осталось в царстве смертных, невзирая на чудовищную опасность. И дело было не в новой Войне богов — на сей раз они заботились о нас, смертных. Соответственно, богини Неммер и Китр пообещали явиться.

Участие «Литарии» сказалось в том, что все представители прибыли незамедлительно: оттуда загодя разослали по городам и весям писцов, чтобы помочь тем приглашенным, кто не мог нанять своих. Прошло менее суток, и в Эхо собралось несколько сотен первейших людей этого мира — чиновников, важных предпринимателей, влиятельных придворных. Конечно, здесь были не все, кто действительно влиял на судьбы народов, и далеко не все, кто составлял эти самые

народы. Но все лучше, чем ничего.

Я пригласила их в Храм — единственный зал дворца, достаточно просторный, чтобы вместить всех гостей. Обращаясь к ним, я встала на том месте, где мой брат и мой лучший друг впервые показали мне, что значит любить. (Мысли об этом очень отвлекали меня, и я старательно отгоняла их.)

А потом я заговорила.

Я сказала этим людям, что мы, Арамери, отказываемся от мировой власти. Нет, не в пользу других благородных семейств, ибо это лишь приведет к усобицам и войне. Основная часть нашей сокровищницы и управление войсками перейдет в ведение нового управляющего собрания. Оно будет состоять из присутствующих здесь либо их полномочных представителей. Жрецов, писцов, богорожденных, купцов, вельмож и простонародья. То есть всех слоев населения. И это собрание, или правительство, будет издавать указы, проводить выборы, делать еще что-то, что оно сочтет подобающим, управляя вместо нас Ста Тысячами Королевств.

Сказать, что я их весьма озадачила, — это ничего не сказать.

Когда поднялся крик, я просто ушла. Деяние

немыслимое для правительницы Арамери, но я ведь больше не правила. К тому же у меня, как и у всех смертных, близко соприкоснувшихся с Вихрем, еще звенело в ушах, несмотря на целительное действие сигил наших писцов. Я совершенно не могла выносить громких звуков, а из-за шума и гама мое здоровье точно бы пошатнулось.

Ища спокойствия и тишины, я вышла на один из причалов Эха. Этот пирс был одним из немногих, не пострадавших во время стремительного перелета дворца из океана в озеро Светлокно.

С причала открывался вид на берег озера и беспорядочный, сомнительной красоты городок выживших. Я успела соскучиться по беспредельному океану, по плывущим над головой облакам. Впрочем… если бы дворец, как прежде, плавал по морю, сумела бы я привыкнуть к ветру и вечно катящимся волнам?

Сзади послышались шаги.

— А ты все-таки сделала это, — услышала я.

Я обернулась и увидела подошедшую Узейн Дарр. Ее левый глаз и всю левую половину лица закрывала плотная повязка, одна рука лежала в лубке. Может, были и еще раны, но доспех и одежда не позволяли их разглядеть. На мгнове-

ние мне сделалось неуютно: стражники Гнева, вечно торчавшие поблизости, именно в этот момент куда-то подевались. Однако в здоровой руке Узейн не было ножа, и я решила считать это добрым знаком.

— Да, — подтвердила я. — Сделала.

— Почему?

Я удивленно моргнула:

— А почему ты спрашиваешь?

Она тряхнула головой:

— Из любопытства. Из желания лучше узнать врага. Просто со скуки.

Моя выучка возбраняла мне улыбаться, но все же я улыбнулась, потому что мне больше не было дела до этой выучки. И еще потому, что так, я уверена, поступил бы Дека. Сиэй, как я подозревала, пошел бы еще на шаг дальше, ведь он всегда делал еще один шаг. Чего доброго, он предложил бы посидеть с ее ребятишками. И она, чего доброго, ему даже позволила бы.

— Я устала, — сказала я Узейн. — Не стоит женщине взваливать себе на плечи весь мир, не стоит, даже если ей этого хочется. И даже если помощники есть.

А у меня помощников больше не было.

— И все? — спросила она.

— И все.

Она умолкла. Отвернувшись, я облокотилась на перила. С берега через озеро тянуло ветерком, он нес запахи водорослей, гниющего урожая и людского горя. Небо затянули тяжелые тучи. Казалось, вот-вот разразится гроза, но дождя не было уже несколько дней. Повелители небес скорбели об утраченном сыне, и мы теперь долго не увидим ни солнца, ни звезд.

Пусть Узейн пырнет меня в спину, если очень хочется. Мне было, собственно, все равно.

— Я сожалею, — проговорила она наконец. — О том, что погибли твоя мать, брат и…

Она не договорила. С пристани был хорошо виден в отдалении ствол Древа — он заслонял горы на горизонте. Останки Неба казались россыпью белых драгоценностей вокруг сломанной короны.

— Я была рождена, чтобы изменить этот мир… — прошептала я.

— Что-что?

— Высказывание, приписываемое нашей Основательнице, самой первой Шахар, — пояснила я и улыбнулась собственным мыслям. — За пределами семьи оно не слишком известно, поскольку, в сущности, святотатственно. Блистательный

Итемпас, как мы помним, не одобряет перемен.

— Ммм, — неопределенно прозвучало в ответ. Должно быть, Узейн усомнилась в здравости моего рассудка. Ну и пускай.

Спустя некоторое время она ушла. Наверное, вернулась в Храм — отвоевывать родному Дарру справедливую долю общего будущего. Мне тоже следовало бы вернуться. Арамери как-никак оставались правящим родом многочисленных и беспокойных амнийских племен. Если я не отстою права своего народа, как бы это нам в скором будущем не вышло боком…

«Быть по сему», — решила я и, одернув платье, устроилась возле стены.

Следующей меня разыскала богиня Йейнэ.

Она появилась тихо и без предупреждения. Просто возникла сидящей на тех самых перилах, на которые я только что опиралась. Выглядела она, как всегда, женщиной дарре с ног до головы, но одежда ее изменилась. Светло-серые рубашка и укороченные штаны, которые она носила обычно, стали более темными, под стать повисшим над головой грозовым тучам. Она не улыбалась, зеленые глаза от горя стали оливковыми.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Если еще хоть кто-нибудь, будь он смертный

или бог, задаст мне этот вопрос, я, наверное, заору.

— А ты что здесь делаешь? — ответила я вопросом на вопрос.

Я понимала, что очень неосмотрительно веду себя с богиней, которой мое семейство с некоторых пор отдало свою верность. С господом Итемпасом я бы никогда не осмелилась на такое. Йейнэ не до такой степени пугала и подавляла, вот пускай и расхлебывает.

— Опыт провожу, — поведала она. (И я втайне испытала некоторое облегчение, из-за того что она не приняла близко к сердцу мою непочтительность.) — Начинаю понемногу оставлять Нахадота с Итемпасом наедине. Если сущее опять покатится в тартарары, я сразу пойму — ошибочка вышла.

Если бы не смерть моего брата, я бы расхохоталась. Если бы не смерть ее сына, она бы тоже посмеялась, наверное.

— Теперь вы его отпустите на свободу? Итемпаса?

— Уже отпустили. — Она вздохнула, подтянула колено и положила на него подбородок. — Трое снова едины. Правда, мы не то чтобы кинулись друг другу на шею, мы даже не окончательно по-

мирились. Не удивлюсь, если этот мир состарится раньше, чем между нами полностью уляжется. Хотя… Как знать? Дело и так пошло куда быстрей, чем я ожидала. — Она пожала плечами. — Может, я и в остальном ошибаюсь.

Я припомнила исторические хроники:

— Предполагалось, что его наказание будет длиться так же долго, как и рабство Энефадэ. Две с чем-то тысячи лет.

— Или пока он не научится верной любви, — сказала Йейнэ и замолчала.

Что ж, я видела, как плакал Итемпас над телом погибшего сына. Беззвучные слезы текли по его лицу, прокладывая дорожки в грязи и крови. Это было зрелище, не предназначенное для глаз смертных, но он позволил мне смотреть, и я отчетливо понимала, какая честь мне оказана. У меня в тот момент слез не было…

А еще я увидела, как господь Итемпас положил руку на плечо господа Нахадота, неподвижно стоявшего на коленях над распростертым Сиэем, и Нахадот не стал стряхивать его руку. Вроде мелочь, но так вот и прекращаются войны.

— Мы собираемся удалиться, — после долгого молчания сообщила Йейнэ. — Наха, Темпа и я. Насовсем. У нас много работы, нужно исправить

все разрушенное прохождением Вихря. Сейчас вся наша сила уходит просто на то, чтобы удерживать царства и не давать им распасться. Шрам от Его нашествия все равно останется навсегда… — Она вздохнула. — И еще мне стало окончательно ясно, что наше присутствие в смертном царстве приносит слишком много вреда, даже когда мы стараемся удерживаться от вмешательства. Пора оставить этот мир нашим детям — боженятам, пожелавшим здесь остаться, и вам, смертным. Ну, и демонам, если кто-то из них еще уцелел или будет рожден. — Она пожала плечами. — Так что, если боженята слишком расшалятся, попросите демонов их унять. Или сами справитесь. Могущество теперь есть у всех.

Я медленно кивнула. Она то ли подслушала мои мысли, то ли прочла их на моем лице. И куда только подевалась знаменитая непроницаемость Арамери…

— Он любил тебя, — тихо добавила она. — Уж я-то знаю. Он с ума по тебе сходил.

Вот тут я улыбнулась по-настоящему:

— И это было взаимно.

Мы помолчали, глядя на облака, озеро и вздыбленные отвалы земли и предаваясь мыслям о несбыточном. Я испытывала к ней благодарность.

Датеннэй пытался меня отвлекать и утешать, и меня все больше тянуло к нему, но все же боль иногда делалась невыносимой. Я чувствовала со всей определенностью, что Повелительница Жизни и Смерти вполне понимала это.

Когда она поднялась, я тоже встала, и мы встретились взглядами. Ее невысокий рост и хрупкое сложение неизменно поражали меня. Ей бы, подобно братьям, выглядеть рослой и грозной. Ей бы подобал облик, глаголющий о величии и могуществе. Да, похоже, амнийского мышления не переделаешь…

— Как же все это началось? — спросила я.

Я была неплохо знакома с тем, как думают боги: простой вроде вопрос мог привести к беседе о чем угодно, от создания вселенной до Войны богов и так далее, и поэтому я добавила:

— Я о Сиэе… Каким образом мы сделали его смертным? Почему мы обрели такую власть над ним — и вместе с ним? Неужели из-за того, что…

Мне нелегко было это признать, но я велела писцам обследовать меня, и мои подозрения подтвердились. Я была демоницей, хотя моя кровь почти не могла навредить богу, и я не только магией, но даже какими-то особыми способностями не обладала. (То-то разочаровалась бы мама…)

— Вы тут ни при чем, — тихо ответила Йейнэ.

Я заморгала. Она отвела взгляд и сунула руки в карманы — жест, от которого у меня разорвалось сердце, потому что так часто делал Сиэй. Он даже немного походил на нее. Намеренно? Если хорошо знать его, то наверняка.

— Но тогда что?

— Я несколько преувеличила, говоря, что мы намерены удалиться из царства смертных. В будущем обстоятельства наверняка сложатся так, что у нас просто не останется выбора и придется вернуться. Должны же мы будем помогать боженятам, когда для них придет время преображения? Когда они начнут становиться настоящими богами в своем праве.

Я так и подпрыгнула:

— Становиться? В смысле, как Каль?

— Нет. Каль пытался насиловать природу. Он был еще не готов… в отличие от Сиэя. — Она тяжко вздохнула. — Я сама ничего не понимала, пока Темпа не сказал: все, что происходило с Сиэем, было предопределено. Его связь с вами, утрата магии… Возможно, это признаки, на которые нам следует обратить внимание в следующий раз. А может, они были присущи только Сиэю. Он ведь был старшим из наших детей и раньше других

приблизился к преображению. — Она посмотрела на меня и вздохнула. — Вот бы взглянуть, что за бог из него получился бы! Жаль только, я все равно потеряла бы его, даже если бы он выжил…

Я молча переваривала услышанное, и постепенно к благоговейному изумлению стал примешиваться испуг. Значит, богорожденные со временем превращаются в настоящих богов? Означает ли это, что взрослые боги в дальнейшем превращаются в невообразимые существа наподобие Вихря? А смертные? Сравнятся ли они с богорожденными, если проживут достаточно долго?

Сколько пищи для размышлений!

— Что ты подразумевала, говоря, что все равно потеряла бы его?

— В этой реальности могут находиться лишь трое полноправных богов. Если бы Сиэй выжил и стал тем, кем должен был стать, мне и его отцам пришлось бы его отослать.

Словом, или смерть или ссылка. Веселенький выбор. «Что бы я сама предпочла? Ни то ни другое! Хочу его назад — и Деку!»

— Но куда бы он отправился?

— Вовне.

Мой непонимающий взгляд все-таки заставил

ее улыбнуться, и в этой улыбке проглянул даже намек на проказливость Сиэя.

— Ты думаешь, — продолжила Йейнэ, — что эта вселенная единственная? О нет, за ее пределами еще полным-полно места… — Ее улыбка несколько померкла. — Он порадовался бы возможности попутешествовать там. Особенно если ему не пришлось бы странствовать в одиночку.

Богиня Земли посмотрела мне в глаза, и я вдруг все поняла. Сиэй, Дека и я… Нахадот, Йейнэ и Итемпас… Бытие любит повторяющиеся узоры, циклы, спирали. Была ли то случайность или некий высший замысел, но именно мы с Декой запустили взросление Сиэя. И возможно, когда куколка его смертной жизни наконец-то выпустила бы новое существо, он преобразился бы не один…

Пожелала бы я отправиться вместе с ним и с Декой править неизведанной вселенной?

Что теперь гадать? Пустые мечты…

Йейнэ отряхнула штаны, потянулась, закинув руки за голову, и вздохнула:

— Ну, мне пора.

Я кивнула:

— Мы будем и дальше служить тебе, Повелительница, где бы ты ни находилась. Подскажи,

какие молитвы обращать к тебе, провожая сумерки и встречая рассвет?

Она как-то странно взглянула на меня, словно проверяя, не подшучиваю ли я. Но я не шутила. Ее это вроде бы удивило, даже вызвало неловкость. Она рассмеялась, хотя и слегка натянуто.

— Молитесь как хотите, — сказала она наконец. — Может, кто-нибудь и услышит, но не я. У меня других дел будет полно.

И с этим она исчезла.

Спустя некоторое время я добрела до дворца и вернулась в Храм, откуда уже начинали расходиться выборные. Купцы, вельможи и писцы группками шагали через залы, продолжая спорить на ходу. На меня никто даже не посмотрел до самого входа в Храм.

— Спасибо, что удалилась, — сказала Неммер, возникая подле меня. Вид у нее был крайне недовольный. — Помимо назначения даты следующего бесполезного сборища мы сделали всего одно важное дело.

Ее раздражение заставило меня улыбнуться. Она ответила хмурым взглядом, и в зале сразу прибавилось густых теней. Однако настоящего гнева в ней не чувствовалось, и я осведомилась:

— И какое же?

— Мы выбрали название! — Она сердито махнула рукой. — Ужасно поэтичное и с претензией. Мы с Китр были против, но при голосовании большинство осталось за ними. Короче, Этернат. Это слово нашего языка, оно означает…

— Мне нет нужды разбираться, госпожа Неммер. Пожалуйста, передай тому, кто уполномочен говорить от имени этого самого Этерната: пусть дадут мне знать, когда будут готовы к передаче сокровищницы и воинского командования.

Она удивленно взглянула на меня, потом кивнула. Тут кто-то окликнул меня из коридора, и мы одновременно обернулись. К нам шел Датеннэй. Он просидел в зале все заседание. Надо будет поскорее отвадить его от этого, ведь он теперь мой муж. Следом шел Рамина. Он смотрел на меня с какой-то торжественной грустью, и я все поняла. Наши взгляды встретились поверх компании крикливых жрецов. Рамина улыбнулся и одобрительно кивнул. На меня словно теплом повеяло. Надо будет незамедлительно избавить его от сигилы истинного родства.

Я напомнила себе, что нужно послать весточку Морад. Она оставила должность и уехала домой, в южный Сенм, и никто этому не удивился. Я лишь в душе надеялась когда-нибудь убедить

ее вернуться. Такого знающего управляющего найти непросто. Хотя, конечно, давить на Морад я не стану. Ей сейчас нужны время и уединение, чтобы пережить свое горе.

Взглянув на подходящего Датеннэя, я поклонилась Неммер, прощаясь:

— Добро пожаловать к управлению миром, госпожа. Желаю получить удовольствие.

Она выдала в ответ настолько грязное слово на божественном языке, что один из ближних светильников расплавился и шлепнулся на пол лужицей металла и масла. Я пошла прочь, а Неммер еще бранилась — уже потише и на каком-то человеческом языке. Согнувшись в три погибели, она убирала безобразие.

Датеннэй встретил меня в середине коридора. Он чуть помедлил, прежде чем предложить мне руку. Когда-то я ему сказала, что не терплю оказания знаков внимания в присутствии посторонних. Но сейчас я крепко взяла его за руку. Он удивленно моргнул, потом широко улыбнулся.

— Они тут с ума все посходили, — заявила я. — Уведи меня отсюда, и поскорее.

Мы двинулись прочь, и тут что-то жарко запульсировало у меня на груди, глубоко за корсажем. Я вспомнила, что забыла рассказать Йейнэ

об ожерелье, найденном на теле Сиэя. Шнурок порвался, половину меньших бусин унесло то, что его порвало, но средняя бусина — особенная, ярко-желтая — уцелела. Она показалась мне странно увесистой и, если это не было игрой воображения, удивительным образом нагревалась, если ее погладить. Я надела эту бусину на цепочку и носила не снимая, потому что мне с ней было как-то уютнее. Не так одиноко.

Я решила, что Йейнэ и так разрешила бы ее оставить. Я погладила шарик, лаская его, и пошла.

Кода

Шахар Арамери умерла в собственной постели в семьдесят лет, оставив двух дочерей и сына, наполовину теманцев, не отмеченных никакими сигилами, и они продолжили ее род. У Арамери по-прежнему были несметные богатства, промыслы и имения, и они оставались одним из наиболее могущественных кланов на материке Сенм. Они просто стали не всесильны. Дети Шахар тут же принялись интриговать, желая выгадать на ее смерти, но это, как говорится, уже совсем другая история.

Богорожденный Ахад, которого сородичи-боженята прозвали Любимым, целый год нес вахту рядом с Ликуей Шот, погруженной в сон после ее легендарного сражения с Калем. Когда она наконец-то пробудилась, он забрал ее из Эха, увозя из нового города, понемногу растущего вокруг озера. Они осели в городишке на северо-западе Сенма, где несколько лет присматривали за старой слепой маронейкой, покуда та не скончалась. В дальнейшем они прожили там еще около ста лет. Они не вступили в брак и не родили детей, но их

редко видели врозь. Ликуя прожила удивительно долгую по людским меркам жизнь, а перед смертью нарекла Ахада новым и настоящим именем. Говорят, он никому его не открывает, предпочитая хранить, точно редкую драгоценность.

Смертные, поклонявшиеся Богине Земли, предъявили права на останки Мирового Древа. Ко времени смерти Шахар они выкопали и сберегли столько его древесины, что хватило выстроить небольшой город; жители назвали его незатейливо — Мир. Они обитают кто на стволе Древа, кто внутри, возносят молитвы у засохших корней, посвящают своих дочек и сыновей обломанным сучьям. Огонь и связанные с ним боженята в этом городе не приветствуются, а светильниками там служат обломки Неба.

Что касается Этерната… Скажем так: он оказался отнюдь не вечным. Но и это тоже совсем другая история.

Сколько их, этих историй! И все наверняка захватывающие. Какая жалость, что я их никогда не услышу.

Я? Кто я такой? Ах да. Забыл представиться.

Когда Шахар испустила последний вздох, я пробудился: ее смертность стала моей повитухой. И первым делом я вернулся во времени и простран-

стве и разбудил поцелуем Деку, спавшего рядом со мной. Потом я позвал Эн. И она пронеслась сквозь реальности, вспыхнув живым и приветливым огоньком где-то далеко-далеко за пределами державы Троих. Она станет звездным зародышем нового царства. Нашего царства. Эн раскинула от радости могучие огненные протуберанцы — мой глупенький газовый шарик, — а я тихо погладил ее и пообещал дать ей миры, которые она сможет согреть. Сразу, как только позабочусь кое о чем.

Мы разыскали Шахар и забрали ее с собой. Как же она, мягко говоря, удивилась! Но не огорчилась, конечно. Теперь мы вместе, все трое, и перед нами вечность. Теперь я никогда не буду один.

Я больше не зовусь Сиэем. И я перестал быть плутишкой. Со временем я выдумаю себе новое имя и призвание. Или вы, мои дети, назовете меня. Делайте из меня — из нас, — что захотите. Мы теперь ваши до скончания времен. А может, даже и дольше.

И вместе с вами мы сотворим такие чудеса здесь, среди бесчисленных звезд.

Глоссарий

Амнийцы — самый многочисленный и влиятельный из сенмитских народов.

Антема — столица самой крупной провинции теманского протектората.

Арамери — правящее семейство амнийцев, тесно связанное с Благородным Собранием и орденом Итемпаса.

Ахад — богорожденный-ниввах, житель Тени, владелец дома свиданий «Герб ночи».

Белый Зал — молитвенный дом ордена Итемпаса. Также служит целям образования и отправления правосудия.

Благородное Собрание — правящий политический орган Ста Тысяч Королевств.

Боги, или Трое, — бессмертные дети Вихря.

Богорожденные, или боженята, — бессмертные дети Троих. Их тоже иногда называют богами.

Божественная кровь — очень дорогое и желанное вещество. Расширяет восприятие и временно наделяет магическими способностями.

Вихрь — непостижимый создатель Троих.

Война богов — апокалиптический конфликт, в

ходе которого Блистательный Итемпас победил двух своих родственников и получил единоличную власть над миром.

Востень — восточная половина Тени.

«Герб ночи» — дом свиданий в Южном Корне, одном из районов Тени, обслуживающий эксклюзивных клиентов.

Гимнесамина — девочка, жительница Южного Корня в Тени.

Гнев Арамери — капитан Белой стражи во дворце Небо.

Гульбище — северный край Привратного парка в Восточной Тени.

Дальний Север — самый северный континент. Считается захолустьем.

Датеннэй Канру — пимексе (наследник) госпожи Хинно, члена теманской правящей Триады; друг детства Шахар и Декарты Арамери.

Декарта Арамери — брат-близнец Шахар Арамери. Назван в честь главы семейства прежних времен.

Демоны — дети от запретных союзов между богорожденными и людьми. Они смертны, хотя обладают врожденными способностями к магии, равными или даже большими, чем у богорожденных.

Держава богов — все, что лежит за пределами материальной вселенной.

Зал — место заседаний Благородного Собрания.

Затень — Западная Тень.

Земля Маро — самый маленький континент, некогда существовавший к востоку от островов, место расположения самого первого дворца Арамери. Уничтожен Нахадотом.

Истинная сигила — сигила кровного родства Арамери, выдержанная в традиционном стиле.

Итемпаны — собирательное название верных Итемпаса. Также используется для обозначения членов ордена Итемпаса.

Итемпас — один из Троих, называемый также Светозарным Господом, повелитель небес, Отец Небесный.

Йейнэ — одна из Троих, нынешняя Богиня Земли, Сумеречная Госпожа.

Китр Клинок — богорожденная-мнасат, жительница Тени.

Ликуя Шот — маронейка, деловой партнер Ахада.

Лил Алчь — богорожденная-элонтид, жительница Тени.

Магия — врожденная способность богов и бого-

рожденных к изменению как материального, так и нематериального мира. Смертные могут имитировать эту способность путем использования божественного языка.

Мировое Древо — вечнозеленое дерево, высоту которого оценивают в 125 000 футов, созданное Сумеречной Госпожой и священное для ее верных.

Мнасаты — представители третьей по старшинству генерации богорожденных, родившиеся от союзов богорожденных. Обычно бывают слабее детей Троих.

Мракоходцы — верные Нахадота.

Надпись — (здесь) последовательность сигил, используемых писцами для достижения сложного или последовательного магического эффекта.

Нахадот — один из Троих, Ночной Хозяин.

Небеса и преисподние — обиталище душ, покинувших смертное царство.

Небо — дворец семьи Арамери.

Небо-в-Тени — официальное общее название для дворца Арамери и города под ним.

Неммер — богорожденная-ниввах, повелительница тайн, жительница Тени.

Ниввахи, или выравниватели, — представители первой по старшинству генерации богорожден-

ных, дети Троих. Они устойчивей элонтидов, но порой уступают им в силе.

Нсана Поводырь — богорожденный-ниввах, повелитель сновидений.

Область Нимаро — протекторат Арамери, учрежденный после разрушения Земли Маро.

Орден Итемпаса — жречество, служащее Блистательному Итемпасу. Помимо духовного наставничества, отвечает за соблюдение законности и порядка, образование, общественное здравоохранение и благополучие. Также называется итемпанским орденом.

Орденские Блюстители Порядка — послушники (жрецы, проходящие обучение) ордена Итемпаса, ответственные за поддержание общественного порядка.

Острова — обширный архипелаг к востоку от Дальнего Севера и Сенма.

Отлучение — период времени после Войны богов, когда по распоряжению Блистательного Итемпаса богорожденным было запрещено посещать смертное царство.

Паломники — верные Сумеречной Госпожи, прибывающие в Тень, чтобы помолиться у Мирового Древа.

Пимексе (ж. р. — пимоксе) — наследник(ца) лю-

бого из правящих членов теманской Триады. Это звание не обязательно передается внутри семьи. Пимексе обоего пола выбираются в раннем возрасте путем очень строгого отбора, включающего разного рода собеседования и экзамены.

Писец — ученый-исследователь письменного языка богов.

Полусигила — позднейшая версия сигилы кровного родства Арамери, в которой отсутствуют некоторые устаревшие надписи.

Превит — должность высокопоставленного жреца в ордене Итемпаса.

Привратный парк — парк, разбитый в Тени кругом Мирового Древа.

Рамина Арамери — чистокровный член этой семьи, сводный брат Ремат Арамери.

Ремат Арамери — глава семейства Арамери, мать Шахар и Декарты.

Сенм — самый южный и крупнейший континент.

Сенмитский — язык амнийцев, используемый в качестве общего во всех Ста Тысячах Королевств.

Серое — так называемый «срединный город» Тени, расположенный на корнях Мирового Древа. Помимо хозяев, включает слуг, снабженцев и рабочих, обслуживающих особняки. Его зда-

ния кольцом окружают ствол Мирового Древа. Сообщение с ними происходит посредством подъемников на паровой тяге.

Сигила — письменный знак, изображающий понятие божественного языка. Используется писцами для имитации божественной магии.

Сигила родства — метка на лбу, которой снабжаются законно признанные члены семьи Арамери.

Сиэй Плутишка — богорожденный, первенец Троих.

Смертное царство — вселенная, созданная Троими.

Сто Тысяч Королевств — собирательное название всего мира после его попадания под власть Арамери.

Теврил Арамери — глава семья Арамери прежних времен.

Теманский протекторат — одно из сенмитских королевств.

Тень — город, над которым расположен дворец Небо.

Туск — искусство изготовления масок.

Узейн Дарр — даррская воительница, наследница барона Дарра.

Шахар Арамери — наследница семьи Арамери.

Также верховная жрица Итемпаса времен Войны богов, основательница семейства Арамери.

Эйем-сута — богорожденный-ниввах, обитатель Тени, бог торговли.

Элонтиды — представители второй по старшинству генерации богорожденных, также называемые расхожденцами, появившиеся от неравных союзов богов и богорожденных. В смысле могущества иногда равны богам, иногда же уступают богорожденным.

Энефа — одна из Троих, прежняя Богиня Земли, создательница богорожденных и смертных, Владычица сумерек и рассвета. Погибла в давно минувшие времена.

Эра Светозарного — период господства единоличного культа Итемпаса, наступивший после Войны богов. Это понятие подразумевает общественный прогресс, законность и правопорядок.

Эра Троих — эпоха до Войны богов.

Эхо — дворец.

Еще не конец

Поднимаясь из своей художественной мастерской, располагавшейся в подвале, я поняла, что огонь снова погас. Весь первый этаж успел остыть, и виной тому, как обычно, была эта паршивая печная вьюшка. Когда-то Синго попытался сам ее починить, и вот вам результат. Похоже, ее заклинило окончательно. Спасибо хоть, что дым весь дом не заполонил!

Стараясь отдышаться, я остановилась наверху лестницы, раздраженная. Нет, не из-за угасшего очага. Моя дочь и этот тип, считавшийся моим зятем, небось нисколько не мерзли. Их комната была на первом этаже, но я сомневалась, чтобы они хоть что-то заметили. И не из-за Синго. Во-первых, он уже полвека как помер, а во-вторых, он все же неплохо выправил вьюшку, раз она продержалась так долго. И даже не на себя, хотя именно моя чувствительность и память о Синго до сего дня не давали мне позвать нормального печника. Мое раздражение не имело внятной причины. Ну, разве что холод, от которого руки у меня ныли больше обычного, да подъем по лест-

нице, отчего я совсем запыхалась. Когда-то, когда я жила в Тени, я за день взбегала по десяткам таких лестниц и даже не замечала этого. Давно это было, ох как давно… Несколько жизней назад.

В этом-то, наверное, и крылась первопричина моего недовольства. Я была просто слишком стара.

Можно было прилечь, но не хотелось. Из комнаты в том конце коридорчика не доносилось ни звука. Похоже, я была единственной в доме, кто бодрствовал. В такой час, когда самый воздух делается неподвижным, одиночество накатывает как-то особенно остро. Самое время для сна; мое полуночничанье было сущим посрамлением циклов, сплетенных для мироздания богиней Йейнэ. Ну и пускай. Учитывая все обстоятельства, я нисколько не возражала посрамить что-нибудь, имевшее отношение к ней.

В итоге, выбравшись на заднее крыльцо, я вышла на улицу, хотя там было еще холоднее, чем в доме, а на мне был лишь домашний халат поверх замурзанной старой ночнушки. Ну ладно, несколько минут всяко меня не убьют, да и Ликуи, чтобы изводить меня неодобрительными взглядами, поблизости не видать. Я поглубже засунула руки в рукава и подняла лицо к лунному свету: я

воспринимала его как очень тонкое ощущение, такое легкое-легкое давление на кожу. Вот так-то, сколько лет живу, а так и не привыкла к тому, что, глядя вверх, ничего там не вижу.

А еще даже после стольких прожитых лет я нет-нет да и поглядывала в сторону мусорных бачков и сточных канав. Привычка — страшная сила. Однако в этот раз я так и замерла. Что-то выделялось среди сонной неподвижности предрассветной поры. Что-то еще более неподвижное, тяжко-плотное, как будто посреди моего заднего двора неизвестно откуда в одночасье появился валун. Нет, даже не валун, а целая гора. Огромная! Невероятно громадная! И все же каким-то образом уместившаяся в тесном пространстве между задним крыльцом и воротцами для вывоза мусора.

Жутко. Невозможно. И очень знакомо. Я осторожно перевела дух и возгордилась собой, потому что меня не затрясло.

— Я так понимаю, — произнесла я очень тихо из уважения к предутренней тишине, — что твое присутствие означает некоторое послабление в правилах?

Поначалу ответом мне была лишь тишина. Я уже задумалась — не показалось ли мне? На

старости лет, знаете ли, и не такое может примерещиться. Я даже подумала: «Что ж, если так, то хорошо, что никто меня за этим не застукал».

Однако тут он заговорил. И голос был тот же — негромкий и ровный тенор.

— Не послабление, — ответил он, и я не столько услышала, сколько представила, как его мысль тасует бесчисленные языки и возможные фразы, выбирая единственно подходящие. — Скорее, переоценка приоритетов.

Я кивнула и опустила ладони на перила крыльца — легонько, чтобы он не заподозрил, что я нуждаюсь в опоре. Так, просто руки положила: надо же их куда-то девать.

— Это после того происшествия с Вихрем? Говорят, ты вел себя молодцом.

— В достаточной мере.

Я невольно улыбнулась. Вечно он гонялся за полной и окончательной точностью. Теперь его голос слышался ближе. Он еще не поднялся на крыльцо, но мощеной дорожки, что вела к моим садовым террасам, уже достиг. И при этом я не слышала его поступи, что означало…

— Я теперь свободен, — сообщил он. — Насовсем.

Я кивнула:

— Всего-то через сто лет и благодаря некоторой перемене. Мои поздравления.

— Заслуга не моя, но все равно спасибо. — Он еще приблизился, остановившись напротив меня. Я чувствовала его взгляд. Он рассматривал меня, возможно припоминая красотку, какой я когда-то была. — Я уж боялся, что больше не увижу тебя.

Услышав такое, я не удержалась от смешка, слишком резко прозвучавшего в неподвижной тишине.

— А я, наоборот, боялась, что увидишь. Вот нет бы появиться, когда я лежала бы на смертном одре! Это было бы и мило, и романтично: исполнил бы какое-нибудь последнее желание, попрощался с давней подружкой. А сейчас я, ты уж прости, собираюсь прожить еще несколько лет, вся такая скрипучая и наполовину беззубая. Вот хрень-то!

— Преходящее бессмысленно, Орри. — Боги благие, его голос… Я и забыла, как славно звучало в его устах мое имя. — В самом главном ты нисколько не изменилась.

— Но я не та, что была! И ты не тот, каким я тебя знала! Я теперь Безрада — не забыл? Орри Шот давно умерла. — Я непроизвольно стиснула перильца и усилием воли расслабила пальцы. —

Преходящее, может, и бессмысленно, но только не для нас, смертных. Ты сам сто лет смертным был, неужели так и не понял?

Он улыбнулся. Его улыбку я тоже успела подзабыть. И то, как я всегда ощущала его.

— Понял. Но я не меняюсь.

Я вздохнула и, отняв руки от перил, подула на них. Спасибо холоду — он помогал скрыть истинную причину колотившей меня дрожи.

Он вновь передвинулся, и теперь я услышала его шаги по дорожке: уверенные, тяжелые. Вот он взошел на ступени крыльца, потом на крыльцо: размеренное топ-топ-топ по старому дереву. И вот наконец он встал рядом, и весь мой левый бок обдало жаром его близкого присутствия. Я как будто стояла возле печи, только это была живая, дышащая печь, которая еще и смотрела на меня так, словно я в этом мире была единственным значимым существом.

У меня вырвался вздох, долгий и неровный.

— А знаешь, ведь я замужем побывала. За местным. Почти сорок лет прожили. — И я зачем-то добавила: — Это долгий срок для нас, смертных.

Если уж начистоту, Синго прожил со мной достаточно долго, чтобы заметить — я не старюсь. По крайней мере, не так быстро, как полагалось

бы. Под конец он все отпускал шуточки насчет молодых и эффектных жен рядом с пожилыми мужьями. Тогда я наконец-то припомнила, что и мой отец даже в старости оставался весьма моложавым. Сообразив, что к чему, я загоревала: вот умрет Синго, и придется мне опять, бросив все, переезжать в другой город и начинать жизнь заново. Иначе не миновать слухов и пересудов. И мне еще снились кошмары о том, как за мной является Теврил Арамери. Глупость, конечно, ведь тот уже несколько десятилетий как помер, и ретивые наследники успели сравнять его могилу с землей. Так что, возможно, мои тайны очень надежно погребены. Возможно…

Синго свозил меня в этот город и помог выбрать дом. Починил, как умел, треклятую вьюшку. И скончался, завещав мне всенепременно взять нового мужа, чтобы не быть одинокой. Я его не послушалась…

Стоящий рядом со мной кивнул:

— Ты была счастлива с ним. Это хорошо.

— Сорок лет брака и правда не шутка, — ответила я.

Но я действительно была счастлива. Даже очень. Синго был именно таким мужчиной, который мне требовался: основательным и на-

дежным. Вот бы он еще и прожил подольше… Я снова вздохнула, непроизвольно успокаиваясь в тепле, от которого в теле словно размякли все косточки и начал накатывать сон. Может, поэтому я оставила в покое соображения такта и сказала правду:

— Я понимала, что ждать тебя было бы глупо.

Я собиралась его уязвить, но он не подал виду.

— Мудрое решение, — заметил он. Помедлил и добавил нечто, исполненное, как за ним водилось, глубокого смысла: — Ликуя упоминала, что другого мужа у тебя не было.

Вот несносная девчонка! Вся в отца! Оба только и делали, что вмешивались в чужие жизни — и ждали, что это будет воспринято как должное!.. Потом я осознала подразумеваемое и нахмурилась:

— Не было. Но не из-за тебя. Я просто не хотела пережить еще одного мужа и опять притворяться, что я — это не я. Во имя ночи и дня, ты как был поганцем, так и остался!

Он не ответил. Само его молчание было достаточным ответом. И его присутствие тоже, хотя, конечно же, оно не могло означать того, чего я так боялась. (Или же на что надеялась? Нет-нет-нет…) Но я его знала, я действительно хорошо

знала его: поступки без цели были противны его природе. В прежние времена он иногда совершал их, но лишь потому, что сам был сломан: они служили, так сказать, внешними признаками более глубокой болезни. И вот теперь он восстановил свою целостность. И он здесь. Сообразить бы еще ради чего.

Я могла бы просто-напросто спросить. И он бы рассказал. Но я не была, как когда-то, безрассудно смелой девчонкой. Возраст приносит с собой осторожность, а может, и трусость. И я переменила тему:

— Ликуя знала, что ты решил меня навестить?

— Мы никогда не говорили об этом.

Я кивнула. И ответил, и не ответил. Понимай как хочешь.

— Если тебе вдруг интересно, она вполне выздоровела. Ее магия еще не восстановилась, но в телесном плане она почти так же бодра, как и до сна. — Я повела плечами, безотчетно нежась в тепле. — Этот тип, ее парень, тот еще подарок, но он ради нее какие угодно преисподние пройдет.

Я услышала легкий шорох: он пожал плечами.

— Он дитя Нахадота. Понятно, что с ним нелегко.

В его голосе прозвучала нотка недовольства.

Мне не померещилось: выбор, сделанный нашей дочерью, нравился ему ничуть не больше, чем мне.

— Кому знать, как не тебе, — хмыкнула я, и это сделало неизбежным следующий вопрос. — Если уж говорить о Нахадоте и Йейнэ… Полагаю…

Его голос сделался очень тихим, словно со мной говорил предутренний воздух.

— Мы скорбим о нашем сыне. Мы восполняем урон, нанесенный Вихрем. Мы получили случай уразуметь и постичь всю сложность бытия. — И добавил, помедлив: — Нахадот все никак не простит меня, а Йейнэ мне не доверяет. Возможно, этот виток развития сущего пойдет не вполне так, как замышлялось.

— Жаль, — вполне искренне отозвалась я. Он, конечно, нагромоздил непонятных слов, но, главное, я расслышала боль в его голосе. В глубине души он бесконечно ценил семью. — Но если Ночной Хозяин с Сумеречной Госпожой не воспылали к тебе страстной любовью, тогда почему… — Я запнулась, сообразив, что он уже все объяснил. Приоритеты! Свихнувшийся Вихрь. Ужас безвозвратной потери. По сравнению кое с чем действительно жутким даже отвергнутый возлюбленный лучше, чем вообще никакого. Да,

он был нужен. Его терпели. Но это было далеко от родственных объятий по возвращении домой. — Проехали. Извини.

Он пожал плечами. Я попробовала догадаться, во что он одет. Одежда слегка поскрипывала — кожа? — но я не чувствовала ее запаха, лишь его собственный (о, его-то я не забыла…): аромат сухих специй и разогретого металла.

— Они не тронут тебя, — добавил он. — Сколько бы я тут ни задержался.

В этом был он весь.

Поганец! Задница демонская!

— Не! Смеши! Мои! Тапочки! — раздельно выговорила я. — Ты тут не изящным дамочкам мозги пудришь! Я твое дитя выносила, выстроила себе новую жизнь и от начала до конца ее прожила — и со всем этим справилась без тебя! И дальше без тебя обойдусь!

— Ликуя — наша общая гордость. И ты, по сути, никогда не нуждалась во мне.

— Ценю твою прямоту.

Его покладистость окончательно взбесила меня. Я повернулась к нему, ориентируясь на источник лучистого тепла. До чего же здоров! Неужели он и тогда был таким великанищем? Или это я усохла? Как же меня сейчас злило, что он

был бессмертным, а я — нет. И что вся моя жизнь была для него как мгновение ока. Ушел сто лет назад — и вернулся, а в промежутке словно вовсе ничего не было.

— Не нуждаюсь и не желаю тебя, — отрезала я. — Я несколько десятилетий замечательно прожила без богов и дальше без вас обойдусь! Я даже надеяться начала на скучную и тихую смерть!

— Без богов?

Я услышала, как он переступил с ноги на ногу и тоже, кажется, повернулся. Не иначе чтобы посмотреть в сторону западного окна моего дома. Того, за которым находилась комната Ликуи.

— Он — часть ее жизни, а не моей, — сердито буркнула я. — Я всего лишь старуха, которая подкладывает ему сигары и притворяется, будто не слышит, как он любится с ее дочерью. Я тут никаким боком, Сол…

Я запнулась и умолкла. Демоны, я чуть не назвала его именем, которое… И разговаривала я с ним, словно он… Но раз он тут стоит, значит…

Проклятье! Пять минут в его обществе — и у меня даже думать по-простому не получается!

Его улыбка коснулась меня, как солнечный свет, отраженный луной.

— У большинства богов много имен. Я всегда

считал приемлемым лишь одно. Пока не встретил тебя.

Я даже растрогалась. Потом вздохнула и потерла глаза. Определенно поглупела от бессонницы и воспоминаний о боли!

— Я для этого слишком стара, — буркнула я. — Хватит уж с меня всяких безумств!

Он не ответил, лишь слегка отвернулся, рассматривая двор и деревья за забором. Я ждала. Его молчание сердило меня: я хотела, чтобы он разубеждал меня, а он и не думал этого делать. Когда стало окончательно ясно, что я так ничего и не дождусь, я открыла рот, намереваясь сказать ему, чтобы он убирался прочь и никогда больше не показывался…

Однако эти слова умерли, так и не родившись, потому что в окружающей меня вечной тьме вдруг что-то прорезалось. Я увидела его — бледную светящуюся тень, пульсирующую в особом ритме, который не имел ничего общего с сердцебиением: слишком медленно, слишком ровно и точно. С каждой секундой свечение разрасталось, делалось ярче…

Рассвет! А я и забыла. Боги благие… Я так долго запрещала себе даже вспоминать, как это бывало. Я даже не хотела смотреть на Ликую,

когда с ней происходило то же самое; она и так слишком сильно на него походила, а на рассвете отмахнуться от этого было и вовсе нельзя. Но как же мне недоставало такого зрелища утренней магии…

И вот, сделавшись видимым, он снова повернулся ко мне, чтобы я оценила внешние перемены. Самым странным мне показалось, что он отрастил длинные волосы. Они были заплетены почти по-теменски: необъятная масса, опрятно убранная со лба, густой копной падала куда-то за плечи. На нем была длинная кожаная куртка и сапоги — белые, под цвет волос. А его лицо… Я смотрела и смотрела, не понимая, почему оно кажется мне не совсем прежним. Потом догадалась. Он перестал надменно выставлять подбородок, в уголках глаз появились морщинки, а линия волос на лбу, кажется, чуть-чуть отступила. У него, как всегда, все было в меру. Он лишь добавил несколько очень точных деталей, говоривших о прохождении времени, о тяжко заработанной мудрости, о закаленной в испытаниях силе.

Ну конечно. Не дело старухе воссоединяться с мужчиной, выглядящим вдвое моложе ее. Это, знаете ли, непристойно. Кто, как не Светозарный Господь, провозвестник всяческого порядка, дол-

жен был позаботиться о приличиях!

Я даже застонала:

— А я-то думала, ты не меняешься.

— Преходящее бес… — опять начал он.

— Да знаю я, знаю! Надеюсь, ты хотя бы плохоньким ревматизмом обзавелся? Поскольку преходящее так бессмысленно?

Кажется, моя реакция его позабавила, но взгляд остался серьезным.

— Я не собираюсь привносить безумие в твою жизнь, Орри, — мягко произнес он. — Покой, безмятежность, привычно удобная повседневность… В конце концов, это моя природа. — Он помолчал и добавил с оттенком предостережения: — Как и упрямство.

Я закрыла глаза и отвернулась, хотя яркость его сияния еще не могла к этому вынудить.

— Вот так врываться и требовать, чтобы я вновь тебя приняла…

— Это лишь самые подходящие способы достижения того, чего мы с тобой хотим, — пояснил он, впадая в такое знакомое немногословие. — Ты сейчас говорила о тихой и скучной смерти. Одинокую смерть ты не упоминала.

Я задумалась о том, куда, как назло, подевался мой посох. Я уже давно им не пользовалась, да и

крыльцо это я знала, как собственную ладонь. Но тогда у меня хотя бы было за что ухватиться, пока я пыталась поджечь этого бесстыдника одним усилием воли. Не сработало. Я слишком давно не упражнялась в магии.

— Остановить тебя я не могу. Ты ясно высказал, чего хочешь. Но и вранья не потерплю. Пожалуйста, живи в доме, тем более что Ликуя тебе точно обрадуется. Но меня оставь в покое!

Я подошла к двери и попыталась открыть ее. Как и следовало ожидать, она не поддалась.

— Я не лгу, — сказал он, и, к моему удивлению, в его голосе по-прежнему не было гнева. Мне послышалось нечто вроде обиды, но это, вероятно, разыгралось воображение.

Я снова повернулась к нему и вздохнула:

— Говоришь, чего мы оба хотим? Ты меня за дурочку держишь? Ты теперь свободен, Сол… — Я тряхнула головой и рассмеялась. — Итемпас. Трое снова едины. Ну и что с того, что тебя на пару тысяч лет выгнали жить в собачей конуре? Ты же знал, что это не навсегда. И ты… — Я указала на него пальцем. Он стоял, сияя так ярко, что я едва могла смотреть на него, и был так прекрасен, что сердце щемило и хотелось заплакать. Сколько лет я не плакала? Проклятье! — И ты являешься сюда,

на задворки смертного царства, и заявляешь, будто решился осчастливить слепую старуху, стоящую одной ногой в могиле? И ждешь, чтобы я поверила, будто это не просто жалость?

Какое-то время он молча смотрел на меня. Потом вздохнул — почти по-человечески, с отчаянием:

— Орри Шот, ты когда-то была набожной итемпанкой. Так скажи, была ли когда-нибудь в моей природе жалость?

Я промолчала, потому что он был прав.

— Равно как и пустая трата времени, — ворчливо продолжил он. — Если бы я не хотел быть с тобой или собирался лишь поприсутствовать при твоей смерти, я бы тебя просто убил, чтобы разом покончить с проблемой и вернуться в царство богов.

Что верно, то верно. Он всегда рассуждал поделовому.

— Более того, — сказал он, закладывая руки за спину с видом человека, делающего важное сообщение, — ты по прошествии лет стала удивительно противным, непочтительным и неразумным созданием, что я совершенно точно и предрек при нашей первой встрече. Таким образом, с чего бы мне желать разделить с тобой

некоторое время, хотя бы самое незначительное? Как ты сама сказала, я мог бы отправиться куда угодно.

Я прикусила губы от ярости:

— Открой эту треклятую дверь!

Щеколда громко щелкнула и отошла. Я взялась за нее, но тут мою руку накрыла его ладонь. Она была вполне видимой, но не сияла, хотя полагалось бы. Я чувствовала, как испаряется выпавшая роса. Проглянувшее солнце потихоньку нагревало воздух. В прежние времена он именно сейчас сиял бы так, что глаза зажмуривались бы сами собой. Теперь он мог управлять собой. И сдерживал свечение, чтобы не беспокоить меня.

— Тебе следовало бы поблагодарить моих родичей. Если бы не они, я бы так и торчал при тебе безотлучно. И верно, к настоящему времени мы бы терпеть друг друга не могли…

Его большой палец вдруг погладил тыльную сторону моей кисти. Я так и подпрыгнула, а сердце в груди самым постыдным образом затрепетало. Я была стара, слишком стара для таких мыслей. Смерти он моей добивается, что ли?

Потом я вдумалась в его слова и не удержалась от смеха. Он был прав. Сто лет с ним! Свихнуться можно!

— Нужны еще возражения, Орри? — Он приблизился и взял меня за руку. Его дыхание зашевелило мне волосы. — Имеет ли смысл продолжать этот никчемный спор?

Над крыльцом дохнул ветерок, шевельнувший полу моего халата, и ощутимо напомнил об утреннем холоде. А я-то и забыла, пригревшись в знакомом тепле.

Я повернулась к нему и, хотя вполне могла его видеть, все же подняла руки к его лицу. Мои пальцы пробежались по его чертам, таким знакомым, невзирая на прошедшие десятилетия, череду иных лиц и ненадежность моей памяти. Он закрыл глаза, скользнув ресницами по кончикам моих пальцев. И я вспомнила, как когда-то давным-давно, задолго до детских пеленок, свадьбы, садовых террас, городского совета и прочих повседневных вещей, которыми я заполнила свою жизнь, к моей ладони прижимался щекой бог…

Этот момент я помнила до того ясно, словно это было вчера.

Это и было вчера — для него. И так ли это ужасно, если подумать? Для него я ведь даже состариться не успела.

— Буду снова звать тебя Солнышком, — проговорила я тихо. — Или еще как-нибудь, если

захочу. И не смей сердиться. Просто возьми и сделай это законом природы. Ты ведь можешь теперь?

Что-то всколыхнулось перед глазами, едва уловимое, но могучее, и разбежалось в стороны: волна изменений.

— Смешная цена, — произнес он не без самодовольства.

Слышал бы он прозвища, уже роившиеся у меня в голове! Может, для него сто лет и ничто, но я-то смертна. Переменчивая, ненадежная, легко подверженная скуке. Хватит у него сил меня выносить? Будем надеяться…

Я вздохнула и, повернув дверную ручку, направилась в кухню. Он последовал за мной, прикрыв за собой дверь. Я помедлила, чтобы прислушаться, и прикусила губу.

Он снял длинную куртку, повесил ее на крючок у двери. Вытер ноги.

Внутри меня обмяк и успокоился напряженный комок, которого я даже не замечала. Я глубоко и медленно выдохнула, и он поднял бровь, наверное осознав важность момента. Возможно, он даже это понял. Но меня не очень-то волновало, понял он или нет.

— Садись, — кивнула в сторону стола. — Вид у

тебя такой, что как следует подкрепиться тебе явно не помешает.

Сказала и вспомнила, что готовил он куда лучше меня. Ну и пускай. Один день буду обращаться с ним как с гостем. А завтра он снова встанет к плите.

Он сел, а я отправилась в кладовку. Мы начали все заново.

Благодарности

На сей раз я решила быть краткой. В конце концов, это самый большой из написанных мной романов, и я здорово выдохлась.

Я обязана сказать вам спасибо.

Правда обязана. И это вовсе не высокомерная отмазка типа «милостиво соблаговоляю выразить признательность моим обожателям». Писатель остается писателем, даже когда его никто не читает, но карьеры на литературном поприще он не сделает, если не будет удовлетворять читателей. И это справедливо даже сейчас, когда бизнес-проект доказал свою успешность и только в США за год было продано свыше четверти миллиона экземпляров. Писателю нужны читатели, которые найдут других читателей, схватят за руку и скажут: «Немедленно прочти эту книгу!» Писателю нужны читатели, оставляющие отзывы на сайтах книготорговых фирм, спорящие между собой в Сети насчет достоинств романа, обсуждающие его в клубе книголюбов за чашкой чая с пирогом. Писателю нужны даже возмущенные читатели, утверждающие, что

книга им ненавистна, — сильная реакция всегда делает человека интересным.

Ведь если на то пошло, неприязнь — другая сторона приязни. Она гораздо лучше апатии.

Каждому автору приходится что-то доказывать, и я, наверное, должна это делать чаще, чем большинство других. Но это потому, что вашу реакцию можно называть какой угодно, только не апатичной. Я знаю, что делаю хорошее дело.

Поэтому спасибо.

Спасибо!

Спасибо!!!